

ЕГОР ГАЙДАР

Андрей
Колесников
Борис
Минаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В новейшей истории России едва ли найдется фигура, вызывающая столько противоречивых оценок. Проведенные уже в наши дни социологические опросы показали отношение большинства к «отцу российских реформ» — оно резко негативное; имя Гайдара до сих пор вызывает у многих неприятие или даже отторжение. Но справедливо ли это? И не приписываем ли мы ему то, чего он не совершал, забывая, напротив, о том, что он сделал для страны? Ведь так или иначе, но мы живем в мире, во многом созданном Гайдаром всего за несколько месяцев его пребывания у власти, и многое из того, что нам кажется само собой разумеющимся и обычным, стало таковым именно вследствие проведенных под его началом реформ. Авторы книги стремятся к тому, чтобы объективно и без прикрас представить биографию человека, в одночасье изменившего жизнь миллионов людей на территории нашей страны.

- [Андрей Колесников, Борис Минаев](#)
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Глава первая. Два деда](#)
    - [Глава вторая. Партизаны 68-го](#)
    - [Глава третья. Человек книги](#)
    - [Глава четвертая. Коллективный Сахаров](#)
    - [Глава пятая. Человек ниоткуда](#)
    - [Глава шестая. Человек из будущего](#)
    - [Глава седьмая. Человек на трибуне](#)
    - [Глава восьмая. Человек на площади](#)
    - [Глава девятая. Вторая республика](#)
    - [Глава десятая. Миссия невыполнима](#)
    - [Основные даты жизни и деятельности Е. Т. Гайдара](#)
    - [Библиография](#)
      - [Главные работы Егора Гайдара](#)
      - [Краткая библиография](#)
-

Андрей Колесников, Борис Минаев Егор Гайдар. Человек не отсюда

Тот, кто готов измениться, в ком есть мужество, чтобы измениться, всегда будет предателем в глазах тех, кто не способен на перемены, кто до смерти боится их, не понимает и ненавидит.

Амос Oz

Помните, в «Понедельник начинается в субботу» Кристобель Хунта говорит, что, собственно, какой смысл решать задачу, которая имеет решение? Интересно решать задачи, которые не имеют решения.

Егор Гайдар,

«Эхо Москвы»,

25 августа 2005 года

© Колесников А. В., Минаев Б. Д., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

Предисловие

На первый взгляд кажется, что писать о Гайдаре довольно просто. Его коллеги, друзья, соратники, слава богу, в основном еще живы, здоровы, полны сил — все они прекрасно, до деталей помнят все основные перипетии его биографии. И почти все они много раз давали интервью — в совокупности это тысячи страниц текста, где до деталей разобрана его жизнь, повороты судьбы.

Есть множество интервью самого Егора Гайдара, не говоря уж о сотнях его статей, о его книгах, которые составили пятнадцатитомное собрание сочинений. Существуют документальные фильмы и масса видеохроники. Десятки исследований о его экономических реформах. Тома статистики.

Но писать о Гайдаре все-таки очень трудно. Дело в том, что он не сводим ни к одной из своих ипостасей — политика, экономиста, ученого, депутата или частного человека. Интроверт по натуре, он до сих пор ускользает из любой ясной формулы, любого определения. Остается загадкой, которую почти невозможно разгадать.

Мы все живем в мире, который был создан Егором Гайдаром за несколько месяцев 1992 года. Удивительно, но в эти несколько месяцев российская история сделала один из самых крутых своих поворотов — из эпохи дефицита, вечных очередей и почти хронического недоедания, из эпохи пятилеток и командно-административной экономики мы шагнули в мир, который был неизвестен, непонятен, а для многих — враждебен.

В мир, где есть рынок, есть безработица, есть богатые и бедные, есть конкуренция и свободные цены.

Это мир, в котором не нужно «постановлений партий и правительства» для того, чтобы решить, сколько производить чугуна, а сколько алюминия, сколько угля и сколько автомобилей.

Это мир, который нельзя спланировать, который развивается непредсказуемо и в котором есть кризисы.

...Многие тоскуют по тому, прежнему миру. Но вряд ли он уже когда-нибудь вернется.

Велик соблазн представить Гайдара просто человеком, который оказался в нужное время в нужном месте и предъявил истории некую совокупность качеств, необходимых для такого крутого поворота. Но в том-

то и загадка Егора, что его личная история — это еще и история незавершенного, не до конца реализованного плана. История несбывшегося замысла о русской истории. И все мы по-прежнему гадаем, сбудется он или нет.

Человек такого масштаба, конечно, заслуживает объективной, честной биографии.

Но критериев для того, чтобы оценить по достоинству его вклад, еще не существует. У нас нет и, наверное, не может быть единого мнения о том, что случилось в стране за последние тридцать лет. Нет и языка, на котором всё это можно описать.

Не случайно при всем богатстве материалов до сих пор увидела свет только биография Гайдара, написанная Мариэттой Чудаковой для подростков.

Наша попытка — одна из первых и оттого довольно рискованная.

Мы не старались угодить тем или этим, мы не хотели ни лакировать, ни очернять его биографию. Мы хотели изложить жизнь Гайдара в контексте воистину великих событий, коим он был свидетель и участник, а в каком-то смысле — и творец. Удалось ли — судить не нам.

Но одно мы поняли, пока писали эту книгу, — труды и дни Гайдара заслуживают того, чтобы о них знали все.

Мы благодарим Фонд Егора Гайдара, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, его семью, его друзей, а также Президентский центр Бориса Ельцина за неоценимую помощь в нашей работе.

Декабрь 2020 года

Глава первая. Два деда

У Егора Гайдара было два великих деда — оба Петровичи: Аркадий Петрович Гайдар и Павел Петрович Бажов.

Их книжки печатались миллионами экземпляров, инсценировались в театрах, экранизировались в кино; про них писали статьи, исследования, биографии; их портреты висели в домах культуры, пионерских лагерях, библиотеках, детских садах и школах.

Есть семейная легенда: когда Егор в школе написал сочинение по литературе, где просто упомянул этот факт (мол, один мой дед — Гайдар, другой — Бажов), ему поставили жирную двойку и вызвали родителей для беседы: ну что, мол, за наглое вранье?

Ну да, смешно... Но, наверное, ему-то было не очень смешно. Груз «великого отца» (или «великого деда») довольно часто давит на детские плечи, невольно заставляя согнуться. Этот груз может родить даже чувство вины или чувство страха, абсолютно на пустом месте — я-то ведь так, наверное, не смогу?..

Однако вот — смог. Ныне об Аркадии Петровиче и Павле Петровиче пишут и говорят именно в связи с их великим, без преувеличения, внуком. Пусть иные граждане этого внука вспоминают с предубеждением, даже с проклятием на устах, но забыть, стереть память о нем в истории уже не получится ни у кого.

Два великих деда в биографии Егора Гайдара обычно присутствуют как «казус», забавный или примечательный факт, удивительное совпадение. Недоброжелатели Егора трактуют эту наследственность гораздо злее — вменяют Егору революционную жестокость деда Аркадия и «советскость» деда Павла.

Но прямое родство с двумя Петровичами — вовсе не «казус». Понять Егора Гайдара без его дедов просто невозможно. Они оба, по большому счету, как бы в ответе за то, кем он стал, почему сделал то, а не это. Они невольно наметили тот абрис характера, который сформировался к 1991 году — сформировался так, что в какой-то момент стал играть решающую роль в истории России.

...В 1988 году Тимур Гайдар, отец будущего вице-премьера по экономике, выпустил книгу «Голиков Аркадий из Арзамаса». Главы из нее были напечатаны перед этим в «Новом мире». Интересно, что флагман перестроечной литературы, «Новый мир», печатавший тогда и

Солженицына, и Бродского, отдал свои страницы столь, казалось бы, привычному и даже слегка официозному сюжету: сын Аркадия Гайдара о своем отце, «любимом писателе советской детворы». Значит, сотрудники «Нового мира» нашли в рукописи что-то такое, что зацепило их. Интересно и другое — сам Тимур, известный советский журналист, выпустивший до этого немало книг, свою личную книгу об отце «отложил» аж до самой перестройки (хотя писать ее начал еще в юности).

У Аркадия Гайдара были свои, официальные советские биографы. В серии «ЖЗЛ» таким биографом, например, был Борис Николаевич Камов.

Это был невероятно страстный, искренний, увлеченный творчеством и жизнью Гайдара человек. Но некоторые детали из книжки Тимура явно не вписывались в привычный образ «любимого писателя советской детворы». И вряд ли Камов о них вообще знал. (А если знал — предпочитал обходить стороной.)

Ну, скажем, знал ли он про то, что Аркадий Гайдар был внуком царского офицера, дворянина, поручика Салькова? «Окончил поручик Виленское пехотное училище, служил в 37-м пехотном Екатеринбургском, в 4-м его величества короля саксонского Капорском и в Бендерском крепостных полках. На Юго-Западном фронте (Первой мировой войны. — А. К., Б. М.) поручик Сальков пробыл до августа тысяча девятьсот шестнадцатого. За это время получил три ордена: св. Станислава 3-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени. С мечами и надписью “За храбрость”. А августе 1916-го заболел и отправлен в тыл на лечение. Ушел в запас из 102-го пехотного Вятского полка».

Одного этого было бы достаточно, чтобы такую книжку об Аркадии Гайдаре до перестройки в печать не пропустить.

Или вот такой эпизод из детства Аркадия Гайдара. О его первой, так сказать, «предварительной», попытке сбежать из дома на фронт. Только вот фронт этот был совершенно неправильный, «не наш».

«С полмесяца назад ушел на фронт Первой мировой войны Петр Исидорович Голиков. В Арзамас начали прибывать раненые. Их размещали в Спасском монастыре. Врачей, сестер не хватает, и Наталья Аркадьевна (мама Аркадия Гайдара. — А. К., Б. М.) переходит фельдшерницей в госпиталь.

Аркадий еще больше предоставлен себе. Тоскует по отцу. Раздобыл карту железных дорог, купил фонарик и... исчез из дома.

“Это было глубокой осенью четырнадцатого года, — рассказывает Адольф Моисеевич Гольдин. — Я хорошо помню, как поздним вечером у нас дома раздался звонок. Это Наталья Аркадьевна и Наташа (сестра А.

Гайдара. — А. К., Б. М.) обходили друзей и товарищей Аркадия, у которых он мог бы поздно засидеться или заночевать. Встревоженные, с заплаканными глазами они ушли”.

Через четыре дня Аркадий обнаружен на станции Кудьма и водворен домой. Попытка убежать к отцу на фронт закончилась неудачно».

Напомним — в ту пору ему стукнуло всего десять лет.

Сам Гайдар в повести «Школа» тоже описал этот эпизод, но... приписал его товарищу, соученику.

Таких детей тогда в России было много. Тысячи их пытались убежать на фронты Первой мировой.

...Поколение Егора Гайдара было воспитано в том числе на образах «пионеров-героев». Пионеры-герои (в основном это были дети, павшие в боях с немцами на Великой Отечественной) — важнейшая часть советской иконографии. Их имена присваивались всему: от пароходов до проспектов; им ставили памятники, гипсовые изваяния в парках и пионерских лагерях, им поклонялись, о них писали сочинения. Но мы тогда, конечно, понятия не имели, откуда растут ноги у этой мифологии.

В 1915 году Корней Чуковский написал статью «Дети и война». О ней и сегодня редко вспоминают, а при советской власти и вовсе старались забыть.

В статье Чуковский дотошно и с огромным знанием дела разбирает, каким образом война вошла в мир русского детства, в каждую детскую комнату.

«...Вначале это было эпидемией. В газетах ежедневно мелькали такие телеграммы о детях:

“Вильна. Бежали на войну сын полковника Рубанович, реалист пятого класса Бейзак и сын местного пристава Кармелитов”.

“Серпухов. Скрылись на войну гимназисты: сын дворянина В. Ю. Фредерикс 13 лет и его товарищ Курдюков”.

“Москва. Скрылись от родителей с целью попасть в действующую армию гимназист Гернет-Короленко и его сверстник Куренин”.

Все эти дети из высшего круга. Крестьянских же мальчиков бежало без счета. Об них не станут публиковать телеграмм. В Пскове ежедневно задерживали около десяти малышей. В первые шесть месяцев из одной только Вильны их убежало до сотни. Полиция, как говорится, сбилась с ног, разыскивая их и водворяя обратно. Обычно они бегают партиями, по три, по четыре человека. Зачем они стремятся на войну, никто из них определенно не знает. Разве знают перелетные птицы, какая сила тянет их

за тысячи верст! Древний неискоренимый инстинкт!»

...Пройдет 30 лет, и вот дети, бегущие на войну, опять шагнут на историческую сцену — но уже в качестве маленьких святых.

И сам Аркадий Гайдар, один из таких беглецов, станет проповедником *крестового похода детей*, того самого, о котором писал Чуковский. Во многих своих статьях и даже выступлениях по радио Аркадий Гайдар станет говорить о том, что подростки, дети должны смотреть правде в глаза — и учиться овладевать оружием, закаляться и готовиться воевать вместе со старшими.

Да и сам Чуковский, написавший сказку в стихах о приключениях Бибигона на войне, потративший на нее кучу сил и нервов, так и не добившись, чтобы ее пропустили в печать, теперь пытался вложить в эту тему — детского участия в войне — свою лепту.

Как бы противореча себе прежнему.

Но противоречия на самом деле не было. Просто история заговорила вдруг на другом языке. Совершив круг.

Гайдар — один из тех, кто почуял эту нарастающую «отчаянную», жертвенную волну загодя, за несколько лет до войны. Почуял — несмотря на официозную и насквозь фальшивую «дружбу» Гитлера и Сталина. «Дружбу», которая тогда прозвучала для советских людей как гром среди ясного неба, ведь их много лет воспитывали на ненависти к «германскому фашизму» и к фашизму вообще — испанскому, итальянскому, любому.

Кстати говоря, об этой «дружбе».

В 1936 году Гайдар напечатал рассказ «Голубая чашка» (сначала в журнале «Пионер»). Так вот, в рассказе этом стоит перечитать внимательнее один эпизод.

«— Есть в Германии город Дрезден, — спокойно сказал Пашка, — и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька и еще один из поселка. Берта бьет палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли... Нам смешно, а Санька злится. Перелез через забор и орет оттуда: “Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!” И Берта дуру уже хорошо по-русски понимает, а жидовку не понимает никак. Подходит ко мне и спрашивает: “Это что такое, жидовка?”...»

Место хрестоматийное, известное — во всей советской литературе, тем более в детской, пожалуй, совсем не много таких страниц — где автор так просто и ясно развенчивает бытовой антисемитизм.

Но в 1936 году это еще было можно издать, а в 1940 году — уже нет. «Голубую чашку» переиздали в том году в совершенно новой редакции. Исчезают «фашисты», исчезает «жидовка».

Получается следующий текст.

«— Перелез через забор и орет оттуда: “Дура, обманщица! Чтобы ты в свою границу обратно провалилась!” А Берта дуру по-русски уже хорошо понимает, а обманщицу не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: “Это что такое, обманщица?”».

...Трудно даже понять, как Гайдар мог согласиться на такое.

В СССР каждый ребенок лет с трех знал, что главные враги — фашисты. Что фашисты — главное зло, с которым его страна будет воевать. Что Гитлер — главный враг. И когда это в одночасье изменилось, для многих это было шоком. Шок пережили и дети, и взрослые. Например, писатель Эренбург впал в депрессию, в которой, по его воспоминаниям, пребывал восемь месяцев и похудел на 20 килограммов. Пострадал не только рассказ Гайдара «Голубая чашка» — пострадали сотни статей и книг; государство вмешивалось в личную переписку граждан, затыкало рот всем, кто по привычке говорил об угрозе фашизма.

Отношение Аркадия Гайдара к Сталину — особая тема в семейной истории. «Примечательно, что ни в его прозе, ни даже в его журналистских публикациях и выступлениях по радио, — писал Егор Гайдар, — никогда ни разу не упоминался Сталин. Не знаю, было ли это осознанно. Но ясно, что Сталин был внутренне чужд светлой картине мира, за который Аркадий Гайдар готов был бороться».

Да, всё так. Зияющее отсутствие в творчестве Гайдара Сталина как иконы, которой принято в те годы кланяться, — это факт непреложный. Что не мешало, конечно, Гайдару быть в конце 30-х, может быть, главным детским писателем, а его книгам издаваться огромными тиражами. Впрочем, были на этом славном поприще и у него свои «подводные камни». «Голубые звезды» — так называлась повесть Аркадия Петровича, которую он взялся писать для журнала «Пионер» (где тогда работал его любимый редактор Боб Ивантер) в 1936 году. Взялся писать, заключил договор, получил аванс и... пропал. Книжку о колхозном мальчике, который борется с кулаками и погибает в этой священной борьбе, Гайдар

согласился написать легко. Но вот уехал в командировку и... не написал. Почему? Какие там бездны ему открылись? Мы не знаем.

Впрочем, «вредителей и шпионов» в его творчестве и без того хватало. Своим талантом он очевидно поддерживал мифологию сталинского террора. Хотя и тут всё не так просто. В тридцать восьмом другое детское СМИ — газета «Пионерская правда» начала печатать «Судьбу барабанщика». Начала печатать, да и остановилась. Что, как, почему? Поползли тяжелые слухи, газету с первыми кусками повести начали изымать из библиотек. Аркадий готовился к аресту. По крайней мере — к крупным неприятностям.

Однако его вдруг награждают орденом, к очередному юбилею Октября повесть издают книжкой. Благодаря поддержке и советам все того же Боба Ивантера все как-то «рассосалось».

Да и то? Вредители, шпионы — всё ж вроде в повести нормально, по логике тех лет? А вы почитайте. У мальчика арестовывают отца. Он остается один. Один в пустой пыльной квартире. Отец мальчика — вроде как растратчик, а в первой редакции повести — жертва доноса. Вся «Судьба барабанщика» — чудовищное по силе свидетельство о поколении одиноких детей, оставшихся без родителей в годы террора. Долгое время в семье хранилась эта рукопись с вымаранными кусками — сейчас она находится в Арзамасе, в музее Аркадия Гайдара.

Тема отношения детского писателя к Сталину — это, скорее, бермудский треугольник, нежели открытый ясный пейзаж. Мужа его первой жены, Лии Лазаревны Соломянской, Израиля Разина, чекисты арестовали и расстреляли. Мама Тимура Гайдара как жена врага народа два года провела в лагерях. Аркадий лично участвовал в судьбе бывшей жены, звонил из телефона-автомата Николаю Ежову, требовал отпустить «мою Лийку». Подробности эпизода уже в постсоветское время восстановил Борис Камов, напечатав очерк об этом.

Еще одна семейная легенда?

Да вряд ли. Дело в том, что их всех, за редким исключением — Сталина, Буденного, Ежова, да и многих других — Аркадий Гайдар не воспринимал, как «политбюро», как «вождей», как богов на Олимпе. Это были люди, с которыми у него была масса общих знакомых, о которых он многое знал, которые для него были однополчанами по гражданской войне.

«Советской властью» или «советским строем» он считал не очередные решения конкретных исторических деятелей, это для него было куда более общее понятие.

Но вернемся к детству Аркадия Гайдара, к Первой мировой войне,

«империалистической».

В эпизоде его первого, несостоявшегося побега из дома есть очень важные слова:

«Аркадий еще больше предоставлен себе. *Тоскует по отцу*».

Да, именно тоска по отцу становится главным двигателем его судьбы. Тоска мощная и всепоглощающая.

В 1917 году Временное правительство издало приказ № 1. Этот приказ отдавал полную власть в армии солдатским комитетам. Единоначалие и воинская дисциплина (в воюющей стране!) мгновенно рухнули. Солдаты перестали подчиняться своим командирам. Ни один приказ не мог быть утвержден без согласия солдатского комитета. Офицеров, которые пытались вернуть солдат к военной реальности, отстраняли или расстреливали. Генерал Краснов описывает в своем рассказе, как комиссара Временного правительства расстреливают разгневанные солдаты, за то, что он призывает их подчиняться приказу и идти воевать с немцами.

Петр Исидорович Голиков, прадед Егора, — интеллигент-разночинец, сначала учитель в городе Льгове Курской губернии, потом сотрудник фискального, как говорили тогда, то есть налогового ведомства в Арзамасе. Он ушел на Первую мировую по призыву — простым солдатом. Когда младших офицеров в окопах повыбило, закончил школу прапорщиков (послали как грамотного). Как и для миллионов других солдат, для Петра Голикова одна война — плавно или резко — перетекла в другую. «Германская» — в гражданскую.

В 1917 году он из простого солдата превратился в члена полкового комитета солдатских депутатов, а затем, уже во время гражданской войны, стал комиссаром дивизии.

То есть война затянулась для него на долгие годы. И вот все эти годы *тоска по отцу* становится важнейшей частью существования будущего писателя. Аркадий пишет отцу письма — раз в три дня, раз в неделю, иногда каждый день. Он сообщает ему о каждой мелочи своего бытия. Он рвется к нему всей своей пылкой душой.

«Милый папочка!

Как хорошо сейчас у нас. Светит солнышко, все зелено, весело. Цветет черемуха.

Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд меня уносил подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал. Бедный папочка, как у меня сжимается сердце и как мне тяжело при каждом воспоминании этого

мимолетного сна. Помню, когда рота остановилась, я залез на гору, я смотрел на тебя и сдерживал слезы, “неужели” — пронеслось в голове, “неужели” — подумал я, “неужели его могут убить?” — точно сдавленный, рыдающий стон, вырвалось у меня... А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стучал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому. Прощай, пиши, крепко целую, и напиши мне, хотя вкратце, содержание письма пропавшего.

Любящий Аркадий Голиков».

...О многом говорит это письмо сегодняшнему читателю. Об удивительной эмоциональности этого тринадцатилетнего мальчика, о его очень взрослой и вместе с тем наивной душе. Но прежде всего — о том, как много значил для Аркадия Гайдара его отец. Вернее, как многое значило — его отсутствие.

Но ведь и Тимур Гайдар вырос с этой же *тоской по отцу*. Это не было в те годы чем-то из ряда вон выходящим — неполных семей были миллионы. Но судьба действительно повторялась, хотя и по-другому.

Аркадий Гайдар погиб в 1941 году, оставшись за линией фронта, после того как наши войска сдали Киев, и став пулеметчиком в партизанском отряде.

Конечно, он не был единственным писателем, погибшим на войне. В фойе Центрального дома литераторов до сих пор висит этот скорбный список — начинается его Гайдар, продолжает, например, Евгений Петров, соавтор «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца».

Среди писателей было много военных корреспондентов. Отнюдь не все отправились в эвакуацию. Многие рвались на фронт: Андрей Платонов, Василий Гроссман, тот же Евгений Петров, десятки других.

Однако фронтовой корреспондент, *сознательно* оставшийся в тылу врага, чтобы воевать в партизанском отряде, — это редчайший случай. Биограф Гайдара Борис Камов пытался восстановить эти события так:

«Казнов и Белоконев показали на карте, где в крайнем случае его некоторое время будет ждать катер. Обнялись. Он попросил:

— Если все-таки я не вернусь ни сюда, ни к тому месту, где будет стоять катер, доложите при случае в Москву, что я остался в Киеве».

Гайдар остался за линией фронта, чтобы не просто писать о войне, а

непосредственно в ней участвовать (в действующую армию его не брали по здоровью). Сегодня мы это уже знаем. Знаем, и все равно — поступок поразительный.

Реконструкция Камова, конечно, не из головы. И Казнов и Белоконев — реальные офицеры, фронтовики. Со всеми Камов говорил лично. Но...

Евгений Долматовский, известный советский поэт, например, три месяца выходил из окружения в сорок первом. Его считали погибшим. Но он выжил — и вышел.

Вот это было понятно каждому в том сорок первом году. Остаться в тылу врага — было страшно: или убьют немцы как коммуниста и комиссара, или, если вернешься, арестуют свои.

Среди писателей и поэтов, которые воевали в составе партизанских отрядов, можно назвать, пожалуй, лишь еще одно имя — Марк Максимов. Его так и звали в литературной среде: «поэт-партизан».

Кстати, он был одним из друзей Тимура Аркадьевича Гайдара.

Осенью 1941 года началась массовая эвакуация детей из Москвы.

Со стороны советской власти это было отнюдь не предложение, а приказ. Родители *обязаны* были вывозить детей до шести лет из Москвы. Начали составляться списки, пролагаться маршруты, их спешно вывозили на поездах и кораблях в самые разные места. Многие затем не видели своих матерей месяцы и годы.

Почему вывозили? Боялись бомбежек. Первая серьезная бомбежка состоялась 21 июля 1941 года, Москва серьезно полыхала, сразу были десятки, если не сотни жертв, всего от бомбежек в Москве погибло около трех тысяч жителей, но эти цифры неточны, их тщательно скрывали даже через десятилетия после войны. Боялись бомбежек в том числе и потому, что, в отличие от нас, сегодняшних, москвичи прекрасно знали о фашистской бомбардировке Лондона 1940 года. Тогда немецкие самолеты превратили в руины целые кварталы, улицы, районы британской столицы и погибли десятки тысяч человек. Знали и о страшных бомбардировках мирных городов во время гражданской войны в Испании. Маленьких москвичей грузили на поезда и корабли, чтобы вывезти из города. Хотя вера в то, что «война кончится быстро», была в народе еще жива.

Вторая волна эвакуации началась уже в сентябре — октябре, перед самым острым приступом всеобщей паники, который охватил Москву 16 октября. Тут детей эвакуировали уже с семьями.

Деятелей культуры, писателей, например, вывозили в Татарскую АССР, здесь они оказались в маленьком Чистополе, с которым отныне

неразрывно оказалась связана история русской литературы. В Чистополе жили писали Борис Пастернак и Николай Асеев, неподалеку отсюда, в Елабуге, покончила с жизнью Марина Цветаева.

Многие писательские дети в октябре 1941 года оказались в чистопольском интернате, среди них — сын Цветаевой Георгий Эфрон (Мур), который в 1944-м погибнет на фронте.

«В те двадцать дней, которые Мур был в интернате, он успел подружиться с Тимуром Гайдаром... Там было множество детей знаменитостей. Дети Зинаиды Пастернак — Леня и Станислав Нейгауз, ночью играющий на разбитом рояле, чтобы не потерять музыкальную форму...» — рассказывает в книге «Ноев ковчег писателей» Наталья Громова.

Да, там были многие писательские дети. Но Мур выделялся среди всех. Только что потерявший мать, он был холоден и надменен. Он не желал читать ее стихи, он с какой-то брезгливостью говорил о ее самоубийстве, он прятал за этой «железной маской» свою гигантскую растерянность.

«...Было в его взгляде много ума, надменности и силы, — вспоминала Гедда Шор, одна из воспитанниц чистопольского интерната. — Сверстники до такой степени не были ему ровней, что ощущение собственного превосходства было неизбежно... В те страшные, военные дни осени сорок первого мы все, от мала до велика, слушали (по радио. — А. К., Б. М.) сводки Совинформбюро. Но никто из детей не слушал их так, как слушал их Мур. Спросили бы меня тогда, как это “так”, — я бы не сумела ответить. Так слушали сводки раненые в госпитале... Сегодня это слово знаю: причастность. Что делало его причастнее сверстников, которым, как и ему, предстоял фронт? Его зрелость, опережающая возраст? Трагедия семьи, неотступное злосчастье, взорвавшееся самоубийством матери? Он, как те раненые в госпитале, уже был ранен».

Сын Цветаевой — один из трагических героев своего поколения.

Но почему же среди его друзей оказался Тимур Гайдар? Только ли из-за любви к спорту, суровым мальчишеским играм? Или потому, что и Тимур тоже «уже был ранен»? Именно тогда, в октябре 1941 года от отца перестали приходить письма. Именно тогда ледяной ветер дунул в сторону Тимура — и *тоска по отцу* стала двигателем и его дальнейшей судьбы.

Казалось бы, что их могло связывать — несчастного сироту Мура, сына расстрелянного в тюрьме НКВД бывшего белогвардейца Сергея Эфрона — и сына Аркадия Гайдара, «любимого писателя советской детворы»? А общее все-таки было.

Их связало вот это сиротское чувство мальчиков, идущих навстречу войне как к избавлению от своего тотального одиночества.

Вообще жизнь в чистопольском интернате, где жили дети писателей, известных людей, была далеко не такой гладкой, как может показаться на первый взгляд. Да, тут были праздники, представления, спектакли театрального кружка, приходили «из города» эвакуированные поэты, чтобы читать детям свои стихи, но при этом дети оголодали до того, что написали жалобу Фадееву (секретарю писательского союза СССР) на директора интерната, прославившегося своим хамством и скупостью. Другой мрачный эпизод «детского» Чистополя связан с несчастным случаем — неожиданно разорвавшейся в руках учебной гранатой, случаем, во время которого погиб сын Василия Гроссмана, а другие подростки были ранены. Вообще все чистопольские страницы — горькие, тяжелые, отравленные тоской одиночества для Тимура: отец пропал без вести, мать побывала в лагере (с июня 1938-го по январь 1940-го) — и в то же время это годы, определившие многие из векторов его будущей судьбы.

И еще эти годы определили его главный жизненный выбор: армию.

Армия (та, военная и послевоенная Советская армия) станет для Тимура Гайдара профессией, биографией, эстетикой, моралью, в каком-то смысле даже его семьей.

Он вышел в отставку в 1984 году в чине контр-адмирала. Военный журналист, писавший очерки о военно-морском флоте, диктовавший в редакцию боевые репортажи с Кубы во время Карибского кризиса, выполнявший задания редакции в военном Афганистане, он в повседневной жизни очень часто носил флотскую форму (черную в обычные дни, белую в праздничные), ходил в ней на работу, гордился ею.

Надо сказать, что эта любовь к армии во многом была подхвачена, подсмотрена, вычитана им у отца. До болезненности звенящую почти в каждой книге Аркадия Гайдара любовь к оружию, к военной форме, к красоте строя, к тяжелой и страшной готовности умереть в бою, к повседневному героизму военной службы разные критики объясняют по-разному. Объясняют атмосферой эпохи, идейным фоном того поколения, которое буквально выросло в постоянной готовности к «мировой революции».

Но есть и другое объяснение — это была неразделенная, мучительная любовь. Отвергнутая любовь, если говорить точнее.

...Тимур Гайдар, сын Аркадия Гайдара, служил в армии 40 лет. Его отцу досталось лишь два с половиной армейских года. Включая обучение

на военных курсах, хаос и фантазмагорию гражданской войны.

Всю свою очень короткую жизнь Аркадий Гайдар лишь *мечтал* об армии, грезил армией, создавал в своих книгах культ армии. Но после 1921 года она была для него навсегда закрыта: тяжелейшая контузия и целый букет ее медицинских последствий были тому причиной — включая сложнейший невроз и адские головные боли.

Однако эти два с половиной года, проведенные им на военной службе, оказались в итоге еще и источником прямо противоположных, контрастных мифологий.

Один из мифов гласит: в 16 лет Аркадий командовал полком, это был самый юный красный командир, красиво летящий впереди полка на боевом коне («всадник, скачущий впереди» — таково объяснение его псевдонима, ставшего фамилией), герой, рыцарь, практически ангел революции. Он воевал за правое дело.

Другой миф: Аркадий лично расстреливал пленных, он был жестокий садист, и в довершение этого мифологического ряда его собственная фраза, кочующая из одного разоблачительного памфлета в другой: «снились мне убитые мною в детстве люди».

Да, так бывает, что сентиментальные люди становятся хладнокровными убийцами, но это не случай Аркадия Гайдара. Тяжелая, острая, разрывающая душу память о гражданской войне станет лейтмотивом всей его жизни, его творчества и его сознания и подсознания. А ведь рядом жили сотни тысяч, миллионы других — для которых память о кровавом кошмаре гражданской стала лишь фоном, почти неразличимым за суетой дел.

А вот Аркадий помнил буквально всё — и переносил это в свои книги.

Ну а что касается его мифологической «жестокости», давайте с ней все-таки разберемся.

Настоящая, подлинная история гражданской войны, как и история русской революции, фактически неизвестна среднестатистическому гражданину России. Посмертная судьба Аркадия Гайдара — довольно яркое тому подтверждение.

Советские историки начиная уже с 1920-х годов настойчиво внедряли мысль о том, что гражданская война была войной «белых» и «красных». То есть сторонников «старого», царского режима и революционно настроенной народной массы. Поколение Егора выросло именно на такой мифологии — «бывшие люди» (дворяне, купцы, офицеры), с одной стороны, и «народ», то есть будущее страны — с другой.

Апофеозом этого исторического штампа в массовом сознании стал, как ни странно, безусловно детский и, безусловно, не очень серьезный фильм — «Неуловимые мстители». Образ «царского офицера» (штабс-капитана Овечкина) в гениальном исполнении актера Армена Джигарханяна для многих советских поколений стал неуязвимой матрицей.

Но это — обманная, фальшивая матрица.

На протяжении всей гражданской войны главными врагами советской власти были вовсе не штабс-капитаны Овечкины, не «белые» и уж тем более не скрытые или открытые монархисты.

Главными врагами большевиков были восставшие крестьяне. «В условиях ожесточенной гражданской войны, — пишут современные исследователи П. Алешкин и Ю. Васильев, — обе противоборствующие стороны, нередко в одних и тех же местностях, использовали... одинаковые методы принудительной мобилизации местного населения в армию, конфискаций и реквизиций имущества, лошадей, продовольствия, накладывали контрибуции, осуществляли аресты и расстрелы. Грабежи и мародерство в прифронтовой зоне стали обычным явлением... Отряды зеленых были неоднородными по составу, состояли по преимуществу из крестьянства. Зеленое движение являлось специфической формой крестьянского сопротивления... Зеленые выполняли функции крестьянского ополчения, отрядов самообороны для защиты селений от грабителей, продовольственных и карательных отрядов... Действия зеленых вносили серьезные осложнения в стратегию борющихся сторон, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта».

Чем же были недовольны восставшие крестьяне? Всем.

«Бесчинствами комиссаров». Очень часто, особенно в маленьких уездных городках, смена власти происходила чрезвычайно карикатурно, жестоко и абсурдно. В какое-нибудь городское собрание врывается пара мальчишек с наганами, производит показательный расстрел двух-трех чиновников и купцов, потом пьянствовала, дебоширила, арестовывала уважаемых людей, наводя на городок ужас.

Крестьяне были недовольны и подлым обманом большевиков — вместо обещанного мира они втягивали страну в бесконечную гражданскую войну всех против всех.

Вместо земли и мирного труда на земле крестьян снова гнали на войну — гнали принудительной жестокой мобилизацией.

Крестьяне, безусловно, были не просто раздражены, а возмущены до глубины души и полным обрушением хозяйственных связей и хозяйственной жизни — бесконечные конфискации, экспроприации

обрушились на них еще до начала жуткого голода и грабительской продразверстки.

Закрылись крестьянские банки, выдававшие ссуды, закрылись ярмарки, где земледельцы продавали плоды своего труда, остановились мельницы, зерновые склады, полностью закрылись привычные рынки зерна и скота, кормившие всю страну, рухнула национальная финансовая система, обесценились деньги, исчез правопорядок, растаяла хоть какая-нибудь законность, крестьянский мир лишился своего главного свойства — стабильности и предсказуемости, в жизнь вторгся великий хаос, и не видеть в этом вины большевиков и комиссаров было попросту невозможно — именно они провозгласили этот хаос вершиной исторического развития.

Они сулили золотые горы, а потом расстреливали и загоняли в свою армию.

Большевики, и это было очевидно, *украли у народа* победу в революции 1917 года.

Именно поэтому в 1918–1920 годах началась война «крестьянского мира» против больших городов, в которых прочно установилась советская власть. Установилась благодаря поддержке рабочих и солдатских отрядов, обманутых большевистской агитацией. Началась война губерний с уездами. Война крестьянских восстаний против Харькова, Москвы, Питера, Ростова и других больших городов.

Параллельно этой крестьянской войне, охватившей всю страну, двигалась и другая история — возникновение очагов сопротивления, которые возглавили кадровые офицеры и генералы: Деникин, Колчак, Каппель, Шкуро и другие.

Однако крестьянские армии создавали не меньшую, а большую угрозу большевикам, потому что их численность невозможно было подсчитать, их действия — предугадать. Такой, например, была крестьянская армия знаменитого анархиста Нестора Махно, остановившая движение регулярной армии Деникина на Москву, как бревно, неожиданно брошенное под колеса модного лакированного автомобиля.

А вот что пишут современные исследователи крестьянских восстаний:

«Крестьянские волнения распространились на уральские и сибирские территории. В Томской губернии бунты и восстания охватили всю губернию. Восставшие захватили г. Колывань. Томские чекисты докладывали: слово “коммунист” стало ненавистным крестьянам, во время выступлений вырезались все коммунисты и их семейства с малыми детьми, по деревням прокатились избиения коммунистов. Активное недовольство выражали десятки сибирских казачьих станиц. В Оренбургской губернии

повстанцы заняли район западнее Верхне-Уральска. Боевые силы повстанцев объединяли пять полков, в том числе казачий. Повстанческие части насчитывали до пяти тысяч башкир. В Башкирской губернии численность повстанцев достигала 1500 человек. Лозунги восставших: «Бей коммунистов! Да здравствует Советская власть, свободная торговля и мелкая собственность!»».

Крестьянские армии, по сути дела, захватили всю страну. Лишь в Поволжье произошли друг за другом четыре крупных восстания (так называемая «чапанная война», «вилочное движение», «сапожковщина», «серовщина» и десятки более мелких).

...Вот в этой чудовищной мясорубке и оказался шестнадцатилетний Аркадий Гайдар.

Что именно он в ней увидел? И что запомнил?

Главная характеристика — это хаос. Хаос, который жадно, со страшным людоедским чавканьем поглощает нормальную, рутинную, устоявшуюся человеческую жизнь.

То, что ожидалось с огромным нетерпением философами и поэтами начала XX века, то, о чем грезилось революционной молодежи в нескольких поколениях — старая, надоевшая историческая эпоха уходит, новая властно приходит — все это в реальности выглядело очень неаппетитно. Если не сказать иначе — выглядело жутко.

Что же противостояло той огромной, разнородной, всколыхнувшей всю Россию силе, которую сегодняшние историки очень аккуратно называют «антибольшевистскими силами»? Что смогло разомкнуть это самое «кольцо фронтов», что стало причиной поражения всей этой мощной стихии?

«Антибольшевистские силы», по сути, опиравшиеся на крестьянские восстания, имели множество центров, десятки «столиц» и «правительств»; это была центробежная стихия разбежавшихся в разные стороны векторов, кратно умножавших распад и хаос — национальных, социальных, политических, — в то время как большевики строили свою экспансию как раз на идее *объединения* страны вокруг ее центра и железного государственного порядка.

Большевики предлагали не только новую идеологию; вместе с этими нелепыми идеями они предлагали и главное — новый порядок, новую структуру, новую *центральную власть*.

А для юного Гайдара все это воплощалось именно в армии.

Армия — это ведь и есть порядок, и есть строй, это и есть железная

дисциплина, пронизанная убежденностью в собственной правоте, это и есть иерархия, вертикаль, которая притягивает к себе все и организует все вокруг себя — некий электрический стержень, который создает мощный разряд и организует силовые поля, убирая хаос и уничтожая его.

Так, двигаясь от одной кровавой сцены к другой, по логике гражданской войны, — Гайдар втягивался все в новые и новые битвы с крестьянскими восстаниями и отрядами.

На Украине это были «народные республики» Донбасса, самостийные петлюровские сечевики, на Кубани — армии восставших казаков, затем он воевал в районе крестьянского Тамбовского восстания, затем устанавливал советскую власть очень далеко в Сибири, в Хакасии, — то есть всюду, куда его посылали, повышая в чине. Он участвовал именно в этом процессе — борьбы «центра» против окраин, Москвы — против национальных движений, регулярной военной силы — против крестьянского сопротивления, структуры — против хаоса, порядка — против анархии, центральной власти — против сепаратизма и раскола страны на части. Такой была его гражданская война. Такой он ее запомнил.

Каким же образом оборвалась эта блистательная военная карьера?

Напомним, что в 1918 году Аркадию было всего 14 лет. Он поступил адъютантом (по рекомендации отца) в штаб фронта, затем всеми правдами и неправдами выбил разрешение в 15 лет поступить на краткосрочные офицерские военные курсы, а вернее «курсы красных командиров». Затем их роту бросили в самое пекло под Киев, где Гайдар впервые и увидел настоящую войну.

Двигаясь в 1919 году с Красной армией на юг, Гайдар почти не принимал непосредственного участия в боевых действиях на Кавказе, а в 1920 году его неожиданно повысили — в силу адского дефицита грамотных командиров: направили командовать целым «укрепрайоном» в районе Тамбовского восстания.

Большую роль в его повышении сыграл будущий маршал Тухачевский. Он и сам был военным вундеркиндом: в двадцать с небольшим лет возглавил армию, а затем стал одним из непосредственных заместителей «военмора» (военного министра) Троцкого.

Тухачевский не мог не заметить необычайно талантливого розовощекого мальчишку, который спокойно руководил огромными армейскими подразделениями, в тылу и на марше, в бою и в позиционной обороне, держал в голове тонны военной информации, был вежлив и спокоен, хладнокровен в бою, словом, «держал удар», как и положено офицеру.

Кем и чем руководил Аркадий Гайдар во время подавления Антоновского восстания на Тамбовщине? Участвовал ли он лично в карательных акциях? Какова его мера ответственности за расстрелы и уничтожение восставших крестьян?

На этот вопрос можно ответить однозначно — его основной задачей было уговорить крестьян сдаться без оружия, выйти из леса, вернуться к мирной жизни.

Это и делал Аркадий Петрович в свои 18 лет, непрерывно засылая переговорщиков, посылая им депеши, ставя свои условия и принимая условия чужие. «Шесть тысяч молодых и не очень молодых людей перестали участвовать в братоубийственной войне. Шесть тысяч потенциальных и явных врагов в благодарность за проявленную к ним человечность пожелали служить в Красной армии. Шесть тысяч больших многодетных семейств перестали считаться врагами советской власти. Это означало, что десятки тысяч людей оказались выдернуты из круговерти войны», — пишет Борис Камов об итогах этого эпизода военной биографии Аркадия Петровича. Та часть антоновской армии, которая из леса не вышла, оказалась впоследствии под ударом. Их действительно травили газом, их окружали и уничтожали в бою.

Но большое количество крестьян из леса вышло и сдалось — чтобы вернуться к мирной жизни.

Эта его деятельность продолжалась несколько месяцев. И по достоинству была оценена командованием.

Так возник последний военный эпизод в карьере Гайдара как «красного командира» — сибирский. Эпизод, который и дал начало антигайдаровской мифологии, пышно расцветшей в начале 1990-х, после публикации очерка «Соленое озеро» В. Солоухина в «Огоньке» (в 1993 году).

«Ну и почему же Голиков взял себе в псевдонимы хакасское слово “куда”? — писал Солоухин в «Огоньке». — А его так хакасы называли. Кричали: “Прячьтесь! Бегите! Хайдар-Голик едет! Хайдар-Голик едет!” А прилепилось это словечко к нему потому, что он у всех спрашивал: “Хайдар?” То есть куда ехать? Он ведь других хакасских слов не знал. А искал он банду Соловьева. И самого Соловьева ему хотелось поймать. Его из Москвы специально прислали Соловьева ловить, а никто ему не говорил, где Соловьев прячется. Он подозревал, что хакасы знают, где Соловьев, знают, а не говорят. Вот он и спрашивал у каждого встречного и поперечного. “Хайдар?” Куда ехать? Где искать? А ему не говорили. Один

раз в бане запер шестнадцать человек хакасов. “Если к утру не скажете, где Соловьев, всех расстреляю”. Не сказали. А может, и не знали, где Соловьев, тайга ведь большая. Утром он из бани по одному выпускал и каждого стрелял в затылок. Всех шестнадцать человек перестрелял. Своей рукой. А то еще, собрал население целого аила, ну, то есть целой деревни... Семьдесят шесть человек там было. Старухи и дети, все подряд. Выстроил их в одну шеренгу, поставил перед ними пулемет. “Не скажете, всех перекошу”. Не сказали. Сел за пулемет и... всех... А то еще в Соленом озере, да в Божьем озере топил. В прорубь под лед запихивал. Тоже — многих. Тебе и сейчас эти озера покажут. Старожилы помнят...»

Последствия этой публикации были настолько грандиозны, что о ней стоит поговорить отдельно. Статью Солоухина в том или ином виде перепечатала или пересказала почти каждая региональная (областная, районная) газета России. Повторно «убивая» деда, ментально уничтожая его, советские и постсоветские журналисты метили во внука. Хотели причинить ему боль. Да они этого и не скрывали — каждая такая статья кончалась упоминанием Егора Гайдара и его реформ.

Позднее Егор говорил: «Бывает, что дети расплачиваются за грехи отцов. Но чтоб дед, да еще покойный, расплачивался за грехи внука!» В Москве переименовали улицу Аркадия Гайдара. Некоторые библиотеки начали сжигать его книги «за ненадобностью».

После Солоухина ни одна статья, ни одна книга, посвященная Егору Гайдару, не обошлась без упоминания мифической «жестокости» его деда.

Но так ли это?

Мы уже упоминали о писателе Борисе Камове, ставшем главным биографом Аркадия Петровича Гайдара. В постсоветский период Камов посвятил практически все свое время разоблачению этого мифа. В его книге «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров» подробно, с указанием документов, фамилий и дат, рассказана вся эта история. В отличие от Солоухина, который в своем очерке не приводит *ни одной* ссылки на архивные документы, расследование Камова опиралось на изучение личного дела Аркадия Петровича.

Прибывший в Хакасию восемнадцатилетний Аркадий Гайдар поразил тамошних советских товарищей, в частности из органов НКВД, своей молодостью. И уверенностью в том, что с боевой задачей он справится. Он с местными чекистами не пил, не дружил, не проводил время — он гонялся за отрядом атамана Соловьева, стараясь его уничтожить или хотя бы рассеять.

И это ему в конечном итоге удалось. Атаман Соловьев, вслед за

многими командирами тогдашнего казачьего сопротивления, ушел в Монголию. Через горные хребты.

Однако это случилось уже после того, как Аркадия Гайдара арестовали, заключили в тюрьму, судили военным трибуналом и отправили в госпиталь с «белым билетом», уволив из армии.

Решения трибунала и различных парткомиссий — а Аркадий Гайдар был на шесть месяцев исключен из партии — не были следствием масштабных преступлений, а были следствием рутинного, как сама советская жизнь, аппаратного заговора, доноса и чиновничьей мести (которая бывает очень страшна). Местным чекистам Аркадий Гайдар был неудобен, он был им враждебен.

Голикову-Гайдару приписывали самые разные преступления — в основном те, на которые восемнадцатилетний юноша, «пламенный революционер», вряд ли был способен: тут мешок с овсом он якобы украл, тут два кольца золотых, тут торговал краденым бельем, тут в виде взятки отобрал 50 золотых монет, тут взял у крестьян 9 баранов... Похоже на него? Всю жизнь ютившегося по углам, по домам друзей, по летним дачам, из всего имущества возившего за собой по стране подушку да походную чернильницу? Вообще-то не очень. Да и обвинения впоследствии были сняты.

На Гайдара тем не менее написали десятки доносов. И все по поводу таких вот «бытовых» преступлений. Максимум, что удалось доказать, — выпорол плетью пленного. Ни о каких расстрелах, пытках, уничтожении мирного населения речь не шла; командира Голикова пытались судить совсем за другое — за то, чего он не совершал.

Когда Тимур в 1980-е годы писал свою книгу об отце, темы «гайдаровской жестокости» в печати еще не существовало. В семейной легенде не было никаких упоминаний о чем-то, что могло бросить тень на репутацию старшего Гайдара. Когда же волна вокруг статьи Солоухина поднялась (напомним, это случилось в 1993-м), Тимур успел съездить в Хакасию, увидеть документы и коротко сообщить своим близким: это ложь. В архивах удалось выяснить — да, преступления против хакасов, против мирного населения были, но отца в этот момент в Хакасии не было.

Ариадна Павловна, мама Егора, спросила Тимура: будет ли он судиться с клеветниками? Нет, ответил Тимур, «нам это неместно» (то есть много им чести).

Однако последующие поколения российских литераторов, вслед за Солоухиным, подхватили легенду о «массовых репрессиях» и «садистской жестокости» Гайдара.

Но докопаться до правды нам все же удалось. Произошло это благодаря красноярскому историку А. П. Шекшееву и его тщательной работе в местных архивах. Он опубликовал несколько работ о ходе гражданской войны в Хакасии, причем каждый факт у него сопровождается ссылкой на архивное дело.

Конкретно о Гайдаре Шекшеев в одной из своих работ написал следующее:

«В результате выделения свежих сил численность чоновцев (чрезвычайный отряд особого назначения. — А. К., Б. М.) в Ачинско-Минусинском боевом районе увеличилась с 390 до 650 бойцов, вооруженных 15 пулеметами. Для их рационального использования были созданы три боевых участка, командовать которыми были назначены В. Ф. Поченко, В. А. Кудрявцев и А. П. Голиков (Гайдар). Начиная с апреля 1922 года отряд комбата Голикова в основном занимался разведкой, поиском и преследованием повстанцев. В то же время по его приказу было расстреляно пятеро лиц — лазутчиков Соловьева или представителей населения. Обвиняемый в злоупотреблении служебным положением (мы видели, в чем они состояли, а вот расстрелы Голикову как раз не вменялись. — А. К., Б. М.), Голиков в июне того же года был снят с должности, а затем наказан по партийной линии».

В этой статье, опубликованной в журнале «Вестник Евразии» и напигигованной до предела фамилиями командиров — красных, казачьих, партизанских, а также боевыми эпизодами, фактами грабежей и репрессий, историк Шекшеев доходит и до эпизода, который стал ключевым для писателя В. Солоухина. Вот он:

«В ночь на 15 февраля в с. Шарыпово по инициативе и под руководством начальника Ачинской уездной милиции П. Е. Пруцкого и бывшего партизанского вожака и командира одного из отрядов М. Х. Перевалова были удушены, по разным данным, от 34 до 43 жителей. По приказу руководства Кызыльского волисполкома в с. Малое и Черное озеро расстрелу и давлению подверглись 30 хакасов, заподозренных в снабжении повстанцев оружием и продуктами. Волостной комиссар Тартачаков душил людей, или, угрожая оружием, заставлял коммунистов топить их в озере».

Давайте сличать даты. Гайдар прибыл в Хакасию в апреле 1922-го. Жуткий случай с массовым утоплением в озере — это февраль. Ни один подобный эпизод Гайдару вменен не был. Тем более нет в его деле и того факта, что он лично кого-то пытал и расстреливал. Все эти обвинения возникли гораздо позже, в 1993 году, с «легкой» руки Солоухина.

Понять писателя можно — ему необходимо было создать символ. Для этого он приплел «свидетелей», ни один из которых потом не нашелся. А вместо безвестного командира Тартачакова в историю с озером поместил детского писателя Гайдара.

«Борьба принимала ожесточенный характер: соловьевцы стали приходить в деревни специально, чтобы вырезать коммунистов. Очевидцы сообщали, что “банда” за время переговоров (была создана комиссия для ведения мирных переговоров с атаманом Соловьевым. — *Авт.*) “выбила” до 100 коммунистов и 10 милиционеров, увезла 3 тыс. пудов хлеба, предназначенного для рудничных рабочих, разграбила ряд кооперативных лавок и Учумскую экономию. Посетив Ивановский рудник, с. Божье озеро и д. Парную, “бандиты” зарубили 8 коммунистов».

Современный историк Шекшеев не случайно ставит слова «банда», «бандиты», упоминаемые в советских документах, в кавычки. Ему-то понятно, что это никакие не бандиты, а крестьянские повстанцы. Но разве эти определения как-то облегчают наше впечатление от потоков крови, от зверских убийств (не менее зверских, чем те, которые совершали «партизанские» герои и чекисты) и грабежей?

Восемнадцатилетний Гайдар, отдавая приказ о расстреле пятерых «лазутчиков Соловьева», исходил вовсе не из абстрактной «классовой справедливости» или «классовой борьбы». Он оказался в кровавом котле и видел, как поступают со своими врагами эти восставшие крестьяне. Он воевал.

Но можно ли изолировать случай Аркадия Гайдара из общего фона большевистских репрессий времен гражданской войны? Можно ли «устранить» его из всей этой череды бесконечных скорых расстрелов без суда и следствия, взятия заложников и т. д.?

Ведь и сам он в автобиографической повести «Школа» этого не скрывал.

«Куда это они идут?» — подумал я, оглядывая хмурого растрепанного пленника.

— Стой! — скомандовал Чубук, и все остановились.

Взглянув на белого и на Чубука, я понял, зачем сюда привели пленного; с трудом отдирая ноги, побежал в сторону и остановился, крепко ухватившись за ствол молодой березки.

Позади коротко и деловито прозвучал залп.

— Мальчик, — сказал мне Чубук строго и в то же время с оттенком легкого сожаления, — если ты думаешь, что война — это вроде игры али прогулки по красивым местам, то лучше уходи обратно домой! Белый —

это и есть белый, и нет между нами и ними никакой средней линии. Они нас стреляют — и мы их жалеть не будем!»

И тут нам вновь придется обратиться к судьбе Петра Исидоровича Голикова, отца Аркадия Гайдара. После бурных лет на фронтах Первой мировой и гражданской он, дослужившись в политотделах Красной армии до больших должностей, ушел в отставку, вернулся в Арзамас и закончил свои дни в 1927 году скромным служащим потребкооперации. Очень говорящая деталь — не собирался Петр Исидорович, скромный школьный учитель и служащий, делать мощную карьеру при новой власти. Не было у него наполеоновских замыслов, то есть воевал он за большевиков — по убеждениям. И поскольку убеждения эти оказали столь огромное влияние на его сына Аркадия, стоит посмотреть в корень событий — как же они сложились, эти убеждения?

Тимур Гайдар знал от отца, что предки его вовсе не из Арзамаса родом, а из города Льгова Курской губернии. Хотя факт этот в советской иконографии Аркадия Гайдара был настолько малоизвестен, что однажды даже школьная учительница обиделась на Тимура, когда он написал в школьном сочинении: «Мои предки происходят из Курской губернии», — мол, тебе ли не знать, что твой отец родился в Арзамасе?

Так как же семья оказалась далеко от родных мест, в Нижегородской губернии?

Может быть, поехали за лучшей долей, за более высокой зарплатой?

Дело было сложнее — и это тоже раскопал в своей книге Тимур. Родители Аркадия Гайдара покинули Льгов спешно, опасаясь преследований полиции. При том что на тот момент (1908 год) вовсе не были они ни большевиками, ни эсерами или анархистами, вообще ни в какой партии не состояли.

Вот что пишет Тимур Гайдар:

«Осенью 1908 года Голиковы внезапно покидают Льгов. Навсегда. Оставлено обжитое уютное гнездо. Едва успели попрощаться с друзьями. Два месяца спустя в деревню Карасевку (где работал Петр Исидорович учителем. — А. К., Б. М.) и во Льгов приходят письма... В конверты вложены фотографии. “Своему другу Ф. С. Симонову от сбежавшего соратника П. Голикова”... Но почему “от сбежавшего”? Что случилось?»...

Ответ на эти вопросы Тимур нашел в воспоминаниях Е. И. Тихоновой, как говорили раньше, «старого большевика», то есть члена партии, вступившей в нее еще до революции 1905 года.

«Февраль 1907 года был лютый. Глубокой ночью мы — трое местных

подпольщиков и товарищ из Харькова по кличке Дмитрий — возвращались из села Нижние Груни, где провели собрание с крестьянами ближних сел. И уже собирались расходиться — товарищи на сахарный завод, я к себе во Льгов. Оставалось перейти речку Опоку. И тут я, не разглядев проруби, угодила по пояс в ледяную воду. До поселка сахарного завода было гораздо ближе.

— Бежим, хоть немного согреешься, — предложил один из товарищей и подхватил меня под руку.

Вскоре мы были возле школы. Петр Исидорович Голиков провел нас на кухню...

Сидя на лежанке, я пила душистый, с липовым настоем чай, приготовленный Натальей Аркадьевной. А когда она еще и растерла меня спиртом, я быстро уснула. Проспала часов одиннадцать, и, когда открыла глаза, в комнате была Наталья Аркадьевна, а с нею мальчик. Он с нескрываемым любопытством смотрел на меня».

...Вот это внезапное падение в прорубь и сыграло свою особую роль в российской истории.

Через месяц Евдокия Тихонова оставила часть нелегальной литературы у Голиковых. Потом они вновь давали ей приют и кров, скрывали от полиции. Как пишет Тимур, после революции 1905 года «усилились репрессии в охваченной крестьянскими волнениями Курской губернии. Арестованы члены Курского комитета РСДРП. Во Льгове тоже аресты. Казачья сотня разместилась в имении князя Бярятинского (именно Бярятинским принадлежал сахарный завод, где в школе при поселке и преподавал отец Аркадия Гайдара. — А. К., Б. М.)».

Из воспоминаний Тихоновой: «Июль и август пролетели в скитаниях по селам. Пришло осеннее ненастье, и я в полной мере поняла, почему “волчий билет” считают пострашнее ссылки. Месяцами не могла видеться с товарищами, опасаясь провалить их... Снова на помощь пришли Голиковы».

В середине 1980-х этот текст практически не требовал расшифровки. Сегодня, когда антибольшевистский дискурс окончательно утвердился в нашей книжной культуре и полутона, конкретные детали, объем фактов, попросту отменены — стоит к этому фрагменту вернуться.

Что такое «казачья сотня разместилась в имении»? Какой такой «волчий билет» прокликает Тихонова? Зачем ей надо было «отсиживаться» в чулане? Кого она могла «провалить»? А главное — при чем тут Голиковы?

Ответ будет неудобным для нынешних исторических стереотипов —

мол, русская интеллигенция вляпалась в революцию по ошибке. Из-за своих прекраснодушных идей и фантастических воззрений.

Увы. Для огромной части интеллигенции ее «революционность» была лишь ответом на жесточайшее, грубое и беспредельное полицейское насилие. На тот уровень жестокости после беспорядков и волнений 1905 года, от которого давно отвыкло российское общество (а по сути-то — оно никогда и не знало такого уровня насилия).

Для тех, кто даже случайно (как Голиковы) попал в эту воронку, в эту «прорубь с ледяной водой», эти самые дни, месяцы, годы после неудачного восстания были тем водоразделом, за которым началась для них другая жизнь. Они навсегда попали в революционный поток.

Для примера приведем и пару других похожих судеб.

Первая московская обсерватория, как известно, находится на Пресне, в одном из ее тихих переулков. Основатель обсерватории и один из первых российских ученых-астрономов — русский немец Павел Карлович Штернберг. До событий декабря 1905 года он был самым обычным ученым.

А после событий — активнейшим членом большевистской партии. Он прятал в обсерватории оружие, он вступил в партию, он был одним из руководителей московского восстания уже в октябре 1917 года. Умер он (от внезапной болезни) военным комиссаром Московской области, в самый разгар гражданской войны.

Что же случилось с тихим кабинетным ученым? То же самое, что и с тихим учителем из Львовского уезда Петром Исидоровичем Голиковым.

Ужасающие картины полицейского насилия перевернули его сознание. Увидев однажды, как казаки рубят шашками людей, как солдаты стреляют по толпе, как преследуют и избивают демонстрантов, он уже ничего не смог с собой поделать.

Его дальнейшая жизнь и путь в революцию были предрешены.

То же самое случилось с другой участницей пресненских событий 1905 года — учительницей частной гимназии Копейкиных-Серебряковых Надеждой Николаевной Дробинской. В гимназии образовался стихийно возникший госпиталь для людей, раненных на улице. Попали в него частично и восставшие, а не только случайные прохожие. Когда войска выкатили пушки и ударили по гимназии и по рабочим общежития Прохорова из винтовок, пулеметов и пушек — возникло «революционное самосознание» и у этой, вполне скромной женщины, даже не помышлявшей до этого о своем участии в политике.

Конечно, невозможно сравнивать уровень полицейского насилия с тем, что творилось потом на гражданской войне. Но ведь невозможно и время

повернуть в другую сторону. Невозможно ли?

Для огромной части российской интеллигенции именно *насилие и жестокость* государства по отношению к инакомыслящим, к протестующим, к гражданским активистам, которые достигли своего пика после событий 1905 года, стали главным фактором их вовлеченности в революцию. И это было на уровне нормального нравственного инстинкта. Когда при тебе бьют, избивают, убивают невинного человека, ты не можешь не реагировать.

Для них, увидевших как это бывает, — вся их дальнейшая борьба (и вся история революции) стала лишь ответом на эти крайние меры. Они воевали, боролись и помогали новой советской власти лишь для того, чтобы не повторялись в будущем эти казни и расстрелы. Воевали, не зная, что с жутким скрежетом повернется колесо истории и еще через 20 лет их борьба и их нравственный порыв к разрушению старой репрессивной машины станут фундаментом к созданию машины новой, еще более страшной и жуткой.

Уволенный из армии по здоровью еще в начале двадцатых, Аркадий Гайдар всю жизнь оставался, как сказали бы сейчас, «милитаристом»: то есть не просто писал об армии и грядущей войне в своих книгах, он мечтал об армии, бредил ею, оставаясь в душе красным командиром, «краскомом», как тогда говорили. Даже трудно представить его в чем-то штатском — почти на всех фотографиях он в военном френче и в кавалерийской кубанке.

Очень шла флотская форма и Тимуру, его сыну. И в этом, конечно, тоже был отзвук отцовской легенды.

Тимур прожил свою жизнь как бы за двоих. Старший Гайдар почти никакого «быта» в привычном понимании не имел. Скитался по углам, жил у друзей, обживал дачу в Кунцеве, летними месяцами снимал с друзьями на паях сарайчик у Паустовского в Рязанской области, в Солотче. Московский его период жизни — это диван в квартире у друзей, то есть в прямом смысле слова «угол», комната, то одна, то другая, подмосковные дома, то есть целый сменный список адресов. И только в последние пару-тройку лет своя квартира возле Курского вокзала, в районе Казенных переулков. Ну а до этого — сплошные скитания по стране, от Средней Азии до Владивостока.

Тимур же, его сын, построил не просто дом, а настоящий домашний очаг, крепкий и фундаментальный. И хотя в его военно-журналистской жизни тоже были бесконечные командировки, в том числе и на настоящую войну (афганскую), но этих добровольных скитаний — не было. Он всегда

возвращался к себе домой.

«Думаю, что дед всю жизнь, до своей гибели в 1941 году, продолжал верить в ту же коммунистическую идею, за которую ушел сражаться в четырнадцать лет, — писал Егор Гайдар в книге «В дни поражений и побед» (1996). — Но с течением времени ему все труднее было ассоциировать эту идею с картинами реального советского мира. Отец говорит, что для деда тяжелейшей трагедией был арест ведущих военачальников гражданской войны, у которых он служил: Тухачевского, Блюхера. Он не мог поверить в их измену и одновременно в то, что обвинение ложно. Придумывал для себя самые фантастические объяснения».

Каждое слово, каждая фраза, даже запятая в этом пассаже необыкновенно важны — здесь Егор Тимурович формулирует для себя, может быть, самую важную (с детства!) проблему: почему он, внук Аркадия и сын Тимура, отступил от догматов «коммунистической веры»?

Надо сказать, Егор в этом смысле был совершенно не одинок.

Именно дети и внуки революционеров, советских маршалов и «краскомов» становились диссидентами и бунтарями уже в брежневские и хрущевские годы. Примеров много.

Елена Боннэр, вдова академика Сахарова, — дочь одного из основателей компартии Армении, видного коминтерновца.

Известнейший диссидент Павел Литвинов — внук сталинского наркома иностранных дел.

Петр Якир, диссидент, — сын расстрелянного Сталиным красного маршала, героя Гражданской войны.

Лен Карпинский — ближайший друг Тимура Гайдара, известнейший диссидент-марксист, с треском исключенный из партии и чудом избежавший тюрьмы, — сын одного из первых большевиков-ленинцев, ближайшего, можно сказать, друга Ленина.

Примеры можно множить и множить, вплоть до сегодняшнего дня. И многие сегодняшние диссиденты, оппозиционеры — отнюдь не потомки купцов и дворян (те в большинстве своем уже не в первом поколении живут не в России). Нет, они корнями росли в революционную Россию.

Колесо истории вновь повернулось со скрежетом, и смыслы ее тоже повернулись, вернее перевернулись. То, что было «революцией» в начале века — стало закостеневшей химерой, заржавевшей от времени тюремной решеткой для страны, для нескольких последующих поколений.

Поэтому любовь к деду или к отцу во всех этих следующих поколениях отнюдь не была равнозначна слепому подражанию,

повторению их «символа веры». Скорее, оно вело к пониманию того, что их жертвы, по большому счету, были напрасны. И что смыслы истории изменились радикально. А вот ответственность за Родину, моральная позиция по отношению к истории — остались прежними.

Аркадий Голиков, впоследствии ставший Гайдаром, был мальчиком крупным, физически развитым. Читал он очень много и много времени проводил в играх: подвижных, спортивных, любых — причем среди них самыми любимыми были те, когда ты испытываешь страх, потом восторг, потом некоторую эйфорию. Именно эти *рискованные* игры и были его страстью.

«Если мяч попал на крышу — Аркадий туда первым... — записывал в Арзамасе Тимур Гайдар воспоминания соседки по улице. — Достанет, да еще с мячом по коньку крыши пройдет, рукой машет, улыбается. Иногда не слезет, а спрыгнет. Мы думали — ему нравится».

Да, все так думали поначалу. Но...

«Потом Наташа (сестра Аркадия. — А. К., Б. М.) сказала мне по секрету, что ее брат высоты не любит и себя “самоперевоспитывает”. Это его выражение».

Бесконечные игры, рождающие страх и восторг одновременно. Игры, преодолевающие страх и превращающие его в восторг. В его детстве — целая энциклопедия таких игр и таких занятий.

Гайдар с детства ловил ужей, лягушек, ящериц, прятал их по карманам, пугал девочек. (Потом, уже взрослым знаменитым писателем, пришел однажды в Детгиз с ужом в кармане, зашел в бухгалтерию и получил аванс, хотя больше никому его в тот день не выплатили.) Он наряжался в привидение. Ходил ночью на кладбище. Бесконечно прятался, играя в индейцев.

И всем — опять-таки в основном девочкам, сестрам, матери — наставительно объяснял: нужно учиться преодолевать страх. Нужно!

«Меня отличать ужа от гадюки научил отец в том же Кунцеве: два белых пятнышка на полосатой головке — значит, бояться нечего, — пишет в своей книге об отце Тимур Гайдар. — Спряталось солнце. После встречи с ужом... мы возвращаемся домой по лесной тропинке. У отца в зубах трубка. Ремень полевой сумки переброшен через плечо. Я при оружии — деревянный кинжал в жестяных ножнах. Одет в черкеску. На груди газыри. Темнеет. Тропинка спустилась в овраг. Отец спрятал трубку, откашлялся, запел печально.

Ни дорог, ни путей.
Заблудилися мы.

Песня мне не нравится. Невольно прижимаюсь плечом к его ноге, беру за руку.

— Ты что, Тимур, испугался?

Знаю: сказать “испугался” — нельзя. Конец уважению, а значит, и дружбе.

— Нет, папка, не испугался.

Однако неправду нельзя. Тоже конец дружбе. Со вздохом добавляю:

— Ну разве совсем капельку.

Он великодушно не замечает моих слов, произнесенных шепотом.

— Вот и хорошо, что не испугался! Вот и славно!.. Понимаешь, такое дело, спички обронил. Ты подожди здесь, пожалуйста.

Его нет долго. Слишком долго. Стою, зажав рукоятку кинжала. Какие-то шорохи. Хруст сучьев. И вроде не в той стороне, где он скрылся... Вот-вот брызнут слезы обиды и страха.

— Извини, Тимур. Не сразу нашел. Темновато.

— Ничего, папка.

— Давай возьму тебя на руки. Как бы нам от мамки не попало».

Вот так воспитывал Аркадий Петрович своего маленького сына, учил преодолевать свой страх. Учил, как видите, без назидания. Легко.

Интересно, кстати, сравнить этот отрывок с текстом Егора Гайдара.

Автобиографическая книга «В дни поражений и побед», напомним, издана им в 1996 году. Вот один отрывок о пребывании семьи Гайдаров на Кубе.

«...С Брайаном Поллитом, английским экономистом, сыном одного из основателей Британской компартии, и его женой Пенни едем вместе в большое путешествие по Кубе на их “лендровере”. На севере Ориенте, в одном из самых диких мест, мощная машина намертво застревает в болоте. В этом районе неспокойно. Отец и Брайан берут пистолет, идут искать подмогу. Второй пистолет оставляют мне, доверяя охранять женщин: маму и Пенни. Все строго в семейных традициях, убежден, и дед не смог бы отказаться от такой возможности воспитания в сыне храбрости. Часа через два они возвращаются, нашли негритянскую деревушку. Жители пригнали волов, вытаскиваем машину, потом спим в хижине за плотным марлевым покрывалом, страшно много комаров, прекрасно это помню».

Ну и главное, для чего все это написано.

«...Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее считались самым страшным пороком. Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом о воду, но делаю вид, что получаю невысказанное наслаждение».

Вот оно, главное: «...Делаю вид, что получаю невысказанное наслаждение»...

Да, сила отцовского образа, мощь его влияния на ребенка, в общем-то, не совсем постижимы, не вполне открыты рациональному взгляду. Это в каждой семье так. Но особенно, конечно, в семье Гайдаров — просто в силу того, что для Аркадия Гайдара его отец Петр Исидорович Голиков, а для Тимура его отец Аркадий Петрович Гайдар — во многом остались лишь ярким воспоминанием. Сборником писем, легенд, нескольких важных эпизодов, крепко засевших в памяти, ярких, но отдельных воспоминаний.

Это скорее *тень отца*, потерянного в раннем возрасте, отца, которого уже нельзя воскресить, увидеть воочию.

Иногда отсутствие отца важнее его присутствия.

Так было и в этой семье.

Музей Аркадия Гайдара в Арзамасе состоит из двух частей. Современная экспозиция, большие красивые витрины, в которых личные вещи писателя, документы, фотографии... И крошечный мемориальный домик, сохранившийся в этом районе лишь благодаря имени Аркадия Гайдара. Сюда Тимур, а потом Егор (а сегодня уже его друзья, члены семьи) приезжают ежегодно. В этих двух крошечных комнатках с печкой и сенями жила большая семья. Отсюда ушел на Первую мировую Петр Исидорович Голиков. Отсюда убежал в армию его сын. Отсюда начался этот огромный и длинный путь в большую русскую историю.

Арзамас — город на самом деле удивительный. Очень церковный, богомольный и в то же время очень военный — недаром сюда во время Великой Отечественной войны собирались переводить Министерство обороны, а недалеко отсюда, в Сарове, делали ядерную и водородную бомбу. Город заводов и тихих яблоневых садов. Город купцов и революционеров. Город, можно так сказать, неразрешимых российских противоречий.

В архиве и коллекции музея, которым руководит Елена Владимировна Бундакова, есть удивительные вещи. Тот самый именной пистолет, подаренный Тимур Гайдару Фиделем Кастро. Первые наброски книги об отце, сделанные Тимуром еще в 1940-е годы. Письма и дневники Аркадия

Петровича.

Интересно, о чем думал Егор, когда приезжал сюда?

О том, как со скрипом поворачивается колесо русской истории? О том, почему его дед оказался внутри революционной лавы? О том, как меняется роль интеллигента в истории?

Он иногда просил оставить его одного в этом старом доме. И в доме другого своего деда, Павла Бажова, в Екатеринбурге, тоже просил оставить одного.

Сидел и думал.

«В бажовском доме в Свердловске все дышало уютом, видно было, что здесь жила большая дружная семья. Теперь семья разъехалась, остались лишь двое — бабушка и мой любимый старший брат Никита, которому контрабандой от родителей поставляю кубинские сигареты. В жизни мне пришлось сменить несчетное количество квартир, но, пожалуй, самое глубокое чувство дома навсегда осталось от маленького деревянного строения на улице Чапаева, окруженного садом, который посадил мой дед», — писал Егор Гайдар в своих воспоминаниях.

Маленький Егор, и это зафиксировано в семейной легенде, говорил о бажовском доме так: «Дом свой, деревья свои, даже воздух — и тот свой».

Дом этот — на углу Большакова и улицы Чапаева, бывшей Архиерейской — и поныне стоит в Екатеринбурге.

Трудно поверить, но купил этот дом Павел Петрович еще до революции, в 1914-м. Умер в нем в 1950-м.

Ариадна Павловна Бажова-Гайдар, мать Егора, иногда всплескивала руками, глядя, как подходит маленький Егор к письменному столу, как, опираясь на одно колено, пишет, как поддерживает голову плечом — вылитый дед. Наследственные жесты, наследственная пластика — бажовские.

В 1969-м семья Бажовых переехала в новую городскую квартиру, а в доме открылся литературный музей. Музей писателя Бажова. Подлинные вещи — мебель, рабочий стол, подушки-думочки, фотографии в рамочках, книги, чернильница, но дело, конечно, не только в этом — каким-то волшебным образом дом этот сохраняет бажовскую ауру. Дух волшебства, спрятанный в самых простых вещах. Ощущаешь его и в саду. Здесь за каждым деревом Бажов ухаживал сам.

Что писал о деде его внук (родившийся уже после смерти уральского сказочника)?

«Павел Петрович Бажов — по судьбе, характеру — во многом полная

противоположность Аркадию Петровичу. Если от Гайдара в семье осталась страсть к приключениям, то от Павла Петровича — спокойная рассудительность и основательность. Мальчишка из семьи уральских горнорабочих как-то подошел к учителю и попросил что-нибудь почитать. Тот дал ему первый том Пушкина и сказал: выучишь наизусть, придешь за вторым. Когда Павел Бажов выучил наизусть все тома собрания сочинений, учитель решил, что парень он толковый и заслуживает покровительства.

Потом была Духовная семинария, учительская работа и на многие годы — страстное увлечение собиранием уральского фольклора».

Да, книжный, кабинетный человек, весь мир строивший вокруг своего письменного стола. Как и его внук.

Кстати, когда мы вошли в последнюю квартиру Егора на Осенней улице, сын Петр показал нам кабинет с такими словами — «вот это единственное место в квартире, которое отец обустроивал лично, к которому приложил руку: сам заказывал и выбирал шкафы, говорил с плотниками, даже рисовал макеты сам».

То же самое было в доме Бажова — каждая деталь в кабинете продумана, все предметы лежат на своих постоянных местах, книжные шкафы, полки, всё сделано по его проекту. Для Бажова кабинет — это целая вселенная, *вселенная мыслящего человека*.

Была еще одна черта, роднившая их, — фантастическая, уникальная память, проявившая себя еще в детстве. И не случайно Гайдар с удовольствием излагает семейную легенду о том, как маленький Бажов выучил наизусть все тома Пушкина.

Егор дальше пишет о своей собственной юношеской «гиперпамяти»: как запоминал вначале все слова на географической карте, потом цифры и факты из географических атласов, энциклопедий и словарей, потом ходы в шахматных партиях, потом все учебники, книги — уже целыми страницами и главами. Его фантастическая память стала притчей во языцех с ранних лет.

Да, это тоже, «свое», наследственное, бажовское.

Но было бы, конечно, неправильно сводить всю личность Павла Петровича Бажова и весь итог его жизни только к работе за письменным столом или тем более к «изучению уральского фольклора».

Были там и совсем другие страницы.

Почему Бажов учился, кстати, именно в семинарии, в духовном училище? Нет, он не собирался становиться священником, как и многие его однокашники (даже поповские дети) — просто это образование было и

дешевле, и доступнее, притом по качеству и содержанию оно мало отличалось от гимназического: те же древние языки, древние тексты, те же основы точных наук, та же литература. Плюс, конечно, Библия и ее толкование. Здесь, в семинариях и епархиальных училищах, формировалась *народная интеллигенция*, которой потом предстояло служить в уездных городах, не в столицах. Бажов тоже преподавал в епархиальном училище (кстати сказать, как и К. Э. Циолковский): здесь учили и девочек, и мальчиков — в уездном тогда Екатеринбурге.

А в 1915 году он вместе с молодой женой переехал в другой уездный город — Камышлов. А дом в Екатеринбурге на углу Архиерейской улицы сдал в аренду.

Бажову было уже далеко за тридцать, когда он после событий февраля 1917 года, добровольного отречения Николая II начал сотрудничать с местной камышловской газетой. Но статьи в этой газете — лишь одна сторона его жизни. Гораздо важнее участие учителя Бажова во всевозможных «выборных органах».

Этих самых выборов и выборных органов было в те месяцы немерено.

Выборы в Учредительное собрание. Выборы на уездный съезд народных (крестьянских и пр.) депутатов. Выборы на съезд крестьянского союза. Выборы в земские органы, в добровольные союзы, и так далее, и так далее.

Все началось раньше, с выборов в Государственную думу, но при царе предвыборный закон все время меняли, Думу распускали, и не один раз. А вот начиная с февраля 17-го, когда объявили будущие выборы в Учредительное собрание, все пошло-поехало.

Казалось тогда, в феврале, что новая демократическая Россия — вот она, уже есть, и никуда больше не денется (так казалось и в августе 1991-го). Вся огромная страна, притом страна воюющая, превратилась в один сплошной митинг и заседание-голосование: в каждой школе, на каждом заводе, в каждом селе собирались люди, они выбирали во всевозможные президиумы самых умных и толковых, они спорили о «путях развития», о понимании «народного блага», произносили речи, писали резолюции. Говорили о свободе, о первоочередных задачах, о гражданских правах.

Казалось, что теперь, когда жандармы больше не следят, не засылают провокаторов, не устраивают облавы и арестов, все пойдет иначе. Само пойдет.

Не стал исключением и уездный Камышлов. Павел Петрович оказался выбран сразу в пять или шесть (кто их тогда считал?) уездных собраний, органов и советов. И вот тут-то, в разгар исторических событий, в начале

новой светлой эры, он и написал свою первую книгу. А вернее, написал и напечатал одну брошюру.

Надо сказать, что несмотря на все последующие миллионные тиражи «сказов Бажова», несмотря на сотни статей и монографий о его творчестве, несмотря на неоднократное издание его многотомного собрания сочинений и даже несмотря на бюст на берегу городского пруда (а это было главное место отдыха и прогулок в Свердловске, который потом станет опять Екатеринбургом) — об этой самой первой книжке Бажова как-то совсем забыли. Она как будто напрочь исчезла. И сам Бажов о ней никогда больше не вспоминал.

И только в 2003 году, в сборнике «Неизвестный Бажов», эта брошюра 1917 года была переиздана. Называлась она замысловато: «Программа трудового крестьянства. К вопросу крестьянской организации (доклад П. Бажова)». В ней учитель Бажов излагает свое видение будущего России. Будущего — с точки зрения задач именно «трудового крестьянства», причем излагает удивительно подробно и развернуто для уездного деятеля. Ну так что ж, что уездного: ведь тогда каждый город, даже маленький, кипел политическими страстями и готовился к эпохальным изменениям, и в каждом городе рождались свои Робеспьеры и Дантоны, почему бы и нет?

Программа Бажова 1917 года касается буквально всех сторон политической, экономической, социальной жизни «трудового крестьянина», не только уральского; написана она, как следует из научного комментария 2003 года, «под влиянием программных документов всероссийского крестьянского союза». А союз этот довольно широко был представлен и в Государственной думе, и на первых съездах Советов. Но написана программа очень по-своему. Уже тогда — своим, особым бажовским языком.

«...Каждому, например, требуются дрова или каменный уголь для топлива... Но ведь потребность может быть разная: одному для двух печей, другому — для пятнадцати. Поэтому и необходимо установить в законе ограничения, что для личного пользования не всегда можно отпускать бесплатно».

«Особым законом должны быть установлены правила для периодических переделов земли, причем должна быть установлена, применительно к видам растений и системе хозяйства, необходимая длительность пользования участком».

«Каждый гражданин, желающий приложить свой труд к земле, имеет право обращаться в местные и областные самоуправления...»

Десятки страниц — война, мир, церковь, образование, хозяйство,

деньги, органы власти, землеотвод, лес, рыба, дрова. Да, даже дровам посвящена не одна страница!.. А что же, на Урале без дров зимой никак.

Кажется, Бажов пишет не просто прикладную брошюру по заданию какого-то уездного съезда Советов, нет: он тут описывает целый мир, тот новый мир, который должен быть доступен в будущем сознательному «трудовому» крестьянину и в котором он просто должен быть счастливым.

Именно эта наивная вера проступает сквозь эти страницы. И в общем, от этого немного горько сейчас, когда читаешь. Утопический проект крестьянского мира, разбившийся о чудовищные реалии гражданской войны. О твердокаменную политику большевиков.

Да, в какой-то момент Бажов, конечно, понял, что его наивный план построения нового мира — не актуален. И постарался о нем забыть.

Но не забыли о нем другие.

Эсеровское прошлое Бажова, его связь с Всероссийским крестьянским союзом — припомнили ему позднее, в тридцатые годы, когда начали жестоко «вычищать» из партии оппортунистов и оппозиционеров. Исключали будущего «уральского сказочника» из ВКП(б) аж дважды. Первый раз — во время первой чистки в 1933 году. Тогда ему удалось доказать: что вы, да я не эсер! Я никогда не был эсером! А вот дальше было труднее.

Ох эти первые партийные чистки...

Первые, еще вполне себе гражданские и даже нестрашные *внутрипартийные* «суды» и «процессы», бесконечные собрания, проходившие на всех предприятиях страны: на заводах, в школах, институтах, райкомах, домах культуры, воинских частях, больницах, да практически везде...

Добровольные партийные «следователи», тоже еще вполне себе мирные, гражданские, добрые, хорошие люди, они стали поднимать старые газеты, в том числе ту самую, где Бажов печатал свои прекраснодушные заметки о крестьянстве, ворошить старую переписку, вызывать на эти партийные суды «свидетелей»... Еще казалось, что все это в рамках «мирной» внутрипартийной дискуссии, «внутрипартийной демократии», что оппозицию никто не сажает, что ей дают высказаться (даже в «Правде» одно время выходил вкладыш такой — «Орган оппозиции», так и назывался, пиши не хочу). Ну а что до партийного билета, что ж, любая партия имеет право очищаться, освобождаться, так сказать, от «сомнительных элементов».

Но вот уже повеяло холодком, но вот уже пошли первые инфаркты на

почве этих чисток, но вот уже стальными нотками зазвучали голоса партийных прокуроров, и уже слабыми и жалкими стали голоса обороняющихся, и уже начались первые увольнения с работы...

И первые аресты.

И тогда Бажов пишет еще один документ, еще одно письмо, которое тоже потом не войдет, конечно, в собрание его сочинений:

«В протоколе партгруппы Истпарта, где имеется постановление о моем исключении из партии, записано, что в прошлом я был учителем духовного училища и имел чины. По этому разделу моих пятен прошлого объяснения считаю излишними, т. к. никогда этого не скрывал и на чистке подробно говорил, что я учился в духовной школе...», и так далее, и так далее, на десяти страницах убористым почерком — на все нужно оправдаться, на все нужно ответить.

И это при том, что в 1917 году Бажов действительно вступил в партию большевиков, был членом уездного комитета ВКП(б), выполнял самые что ни на есть ответственные поручения камышловских и пермских товарищей: например, история из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» как будто списана из биографии Бажова, это именно он транспортировал «золотой запас» целого уральского уезда в надежное место, с наганом за пазухой. Именно он потом агитировал казахов в Усть-Каменогорске за советскую власть, именно он в подполье писал листовки и потом собирал «излишки» хлеба в Северном Казахстане.

По случаю чего опять же получил именное оружие (о чем имеется документ в музее Бажова), потом снова сотрудничал с советскими газетами, работал в издательстве, получил важный чин редактора, а потом даже партийного цензора...

Но вот беда — ничего ему не помогает во время этой чистки.

На всех этих ступеньках партийной биографии Бажова тоже стоит остановиться подробнее: слава богу, хлеба в Северном Казахстане тогда, в 1920-м, было в достатке, и не отнимал Бажов хлеб у голодающих крестьян, это лишь через 15 лет страшный, насильственный, массовый вывоз властью зерна — в Казахстане, на Украине и в России — погубит миллионы крестьянских жизней. Ну а тогда хлеб вывозили из относительно сытых районов в совсем уж голодающие, вывозили, да, насильственно, да, без всякой компенсации... но хотя бы без жертв.

Без жертв? По крайней мере, так считал сам Бажов.

Цензором он тоже был, конечно, особым — указывал авторам на некоторую безграмотность или «ходульность» их пролетарских пьес или рассказов, на недостаток образования и таланта, на необходимость срочно

учиться, то есть скорее был *внутренним рецензентом*, учителем (привычная роль), нежели цензором, но в строительстве системы советской культуры и печати — тоже поучаствовал.

И, конечно, принимал участие в фантастическом проекте Горького под названием «История фабрик и заводов».

Горький приехал в СССР в 1930 году из солнечной Италии вообще с массой проектов, желая в корне переделать всю систему литературного труда в Советской России. И одним из его утопических планов был такой: литераторы должны создать многотомный труд об истории фабрик и заводов, о том, как наживались эксплуататоры и страдали трудящиеся, считал, что литераторы должны бросить весь свой талант на этот стотомник или тысячетомник, и тогда... А что тогда?..

Наступит рай на земле?

Бажов был одним из участников этой горьковской инициативы, даже одной из жертв, по-другому не скажешь: на огромную книгу об истории бумагоделательного комбината он потратил больше года своей жизни. Он записывал воспоминания, редактировал, компоновал, проводил совещания, отправлялся в командировки, брал интервью... Потратил не только драгоценные силы и время, но и свои личные деньги — которые ему, кстати, никто не вернул — семь тысяч кровных рублей, которые он спустил на эти поездки, так и остались дырой в семейном бюджете. Но вот строительство бумагоделательного комбината застопорилось, и книгу отложили на неопределенный срок...

Однако настоящие неприятности (новая «чистка» и новое исключение из партии и потом вызов к следователю) начались вовсе не с этой истории, а с того, что Бажов — вновь по заказу, по заданию уральского издательства «Истпарт» — начал писать «историю партизанского движения на Урале».

Людей этих, кстати, он знал лично — и по тем самым революционным временам, и потом по подполью, когда скрывались от колчаковских контрразведчиков. Название книге он выбрал боевое, в духе времени, в духе Фадеева и Серафимовича, — «Формирование на ходу». Но вот беда, бывшие партизанские командиры оказались в числе главных фигурантов «троцкистско-зиновьевского заговора», и Бажова вновь вычистили из партии, и не просто «вычистили», а бумаги его затребовали уже не партийные, а самые что ни на есть настоящие следователи в НКВД.

Это случилось в 1935 году. Бажов оказался без работы и без денег. Где-то под кроватью лежал чемоданчик со сменой белья — ареста он ждал в любой момент. Своей младшей дочери Ариадне (ей было тогда девять лет) он сказал:

— Передай в школе, что твоего отца исключили из партии.

Хотел, чтобы в школе узнали о неприятностях не от кого-то, а от самих Бажовых.

Сестра его жены Валентины, слава богу, работала. Жена растила детей. Жили на зарплату сестры жены. На еду хватало с трудом. Наступила суровая зима.

Впрочем, семья и до всех этих событий жила не то чтобы очень легко.

«Поздний уральский вечер. Год, наверное, 1932, а может быть, 1933. На столе в столовой стоит кипящий самовар. Отец в кухне снимает тяжелые огородные сапоги, моется. Только что закончили сажать картошку. Семья огромная, а заработок невелик, работник всего один, поэтому “натуральное хозяйство” — серьезное подспорье, тем более что навык к нему был с детства. Своей картошки, моркови, капусты, лука хватало до весны. Поэтому весь наличный состав семьи работал в это горячее время на огороде. Отец в то время был политредактором Уралгиза и заведующим сектором сельскохозяйственной литературы. Возвращался поздно, усталый, но тут же переодевался и шел копать землю, подрезать деревья», — писала об отце Ариадна Павловна в своей книге «Дом на углу».

...На улице в темноте скрипел снег. Но Бажов на улицу почти не выходил. Он сидел и писал.

По семейной легенде, о которой говорит и сам Егор Гайдар в автобиографической книге, и его мама, Ариадна Павловна, в документальном фильме «Долгое время» — Павел Петрович Бажов спасся вообще-то случайно. Он пришел в НКВД (уже по повестке), прождал в коридоре два часа — и ушел, так и не дождавшись вызова к следователю. Следователь в этот день якобы сам был арестован.

Однако, справедливости ради, заметим, что историкам найти имя и фамилию этого следователя не удалось, даты не совсем сходятся, хотя, скорее всего, Бажов действительно попал в известный «пересменок» между Ежовым и Берией, когда некоторых следователей сажали (их были сотни), а некоторых заключенных выпускали (их были сотни тысяч), и в этой неразберихе, чекистской чехарде смог спокойно выйти со своим чемоданчиком на ярко освещенную улицу, сесть на трамвай и уехать куда глаза глядят. Такие чудеса тогда еще случались.

Бажов дважды был исключен из партии — и дважды в ней был восстановлен.

Но этот момент вынужденного безделья — сидения дома, чтения книг, мучительного ожидания вызова к следователю — даром для него не прошел. Именно тогда он дописывает, доделывает и потом выпускает в свет

свои знаменитые «уральские сказы».

Их двенадцать, каждый занимает не так много страниц. В сущности, это тонкая книжечка. (Первые «сказы» он публикует еще до вызова в НКВД, причем не под своим авторством; в первой публикации написано — «собрал и записал П.Б.», в этой редакции автор, грубо говоря, — сам народ.) Но потом эта тонкая книжечка сделала Бажова оглушительно знаменитым. Странно, конечно, что это совпало с его огромными неприятностями. Странно, что лучшее из того, что он оставил после себя, — он сумел выразить, воплотить именно в те месяцы, когда стоял на пороге жизни и смерти.

И все-таки слава «уральского сказочника» — и первое книжное издание со всеми премиями и всесоюзной известностью — обрушилась на Бажова уже после того, как он пережил этот чемоданчик, смертельный страх и реабилитацию. Что тут скажешь? Совпадения случайны, но случайностей в мире нет.

Удивительное дело, как Павел Бажов и Аркадий Гайдар внешне похожи на героев своих произведений. Похожи обликом, стоит просто взглянуться в их фотографии.

Гайдар всегда удивлял несоответствием военной гимнастерки, сапог, папахи, перетягивающих ремней — и лица. Да, конечно, он не всегда так ходил, но его фотографии в модных трикотажных фуфайках, рубашках или косоворотках, даже в обычных брюках — почему-то редкость. Для фотографа он всегда одевался во все военное. И при этом — невероятно открытое, до растерянности детское, как бы солнечное лицо в вечной полуулыбке, круглое, наивное, светящееся от неосознанного счастья.

Всё как в его прозе. Непонятно, из чего соткан этот гайдаровский воздух — все формальные элементы взяты, что называется, «из советских газет»: враги, диверсанты, красные командиры, шпионы, правильные хорошие советские дети и неправильные нехорошие люди; однако говорят и живут они так, что *события*, которые с ними происходят, растворяют тебя в чтении — как вода растворяет соль. Невозможно оторваться от этого ритма, от этого языка, в нем есть волшебство таинственного вздоха — когда вдохнул, а не можешь выдохнуть, то ли от счастья, то ли от грусти, что сейчас это все кончится.

Бажов даже на ранних своих фотографиях выглядит как волшебник Гэндальф из фильма «Властелин колец».

Странные всклокоченные волосы, пронзающий взгляд, отрешенность колдуна и мага.

Долгое время он работал с местным фольклористом, ходил по деревням, составлял карточки, готовил к печати солидную академическую книгу, потом вдруг сказал своим коллегам: у нас же в сборнике в основном крестьянский фольклор, а как же наши горнозаводские сказки? *Сказки рабочего класса?*

И он записал — уже просто по памяти — те истории, которые слышал от отца и других людей из своего детства — почти 50 лет назад. Записал так, как их помнил.

То есть допридумывая и достраивая их до какого-то ему одному ведомого эстетического идеала.

Эти 12 коротких историй навсегда определили особое уральское мышление, уральскую мифологию, даже отношение к жизни. Они выявили те формулы, по которым здешний народ — трудно в это поверить, но это действительно так — живет, пишет, творит до сих пор.

Есть не просто «советский классик» Бажов, есть сегодня целая уральская литература (А. Иванов, И. Сахновский, А. Сальников, Е. Ройзман, А. Матвеева, О. Славникова и многие другие), и в каком-то смысле это прямые наследники Бажова, в прозе которых любые загадочные чудеса есть только часть обыденной жизни. Есть уральские фантасты — тоже прямые его наследники, есть и более странные наследники, тоже исповедующие его мифологию, например, целая «секта бажовцев», есть бажовский китч — все эти «хозяйки Медной горы», «полозы», говорящие ящерицы, жутковатые и в то же время вполне одушевленные существа, которых в других частях России нет даже и в помине — ни в фольклоре, ни уж тем более в учебнике по литературе.

Благодаря чему все это появилось? Конечно, Бажов тонко снял этот слой уральского фольклора, который в горно-заводских поселках совсем другой, чем в селах, он ближе к городскому готическому сказанию, ближе к Европе, ближе к Средним векам и Возрождению. Но самое главное — он создал свой, ни на что не похожий язык. Язык, способный передавать и ужас, и бездну страдания, и бездну счастья.

Оба они, и Гайдар, и Бажов — творцы своего оригинального языка. Русские интеллигенты, которые жили по своему собственному внутреннему нравственному закону.

Русский интеллигент, и это видимо, главное, что мы можем сказать, изучая их жизнь, — *не может не быть* участником революционных событий. Именно совесть, именно внутренний закон велят ему в них участвовать, стать частью этой кипящей стихии, разделить ответственность с русской историей.

...Да и в жизни они были очень разными. Бажов — многодетный отец семейства, причем двое детей умерли у супругов в раннем возрасте, от скарлатины, а взрослый сын погиб потом случайно во время студенческой практики. Умер именно тогда, когда Бажова начали вторично исключать из партии и чуть не арестовали, в тот же самый год. Это был самый плохой год в его жизни.

«Валянушка! С 10-го я в Краснокамске. Дождь без перерыва, мостки чуть не всплыли. Что-то вроде Венеции получается. Черт бы ее взял! Длительное ненастье действует, конечно, угнетающе, а сидеть придется, вероятно, дольше, чем предполагал... Приехала ли Лена и как она себя чувствует? Слушается ли маму Ридчена? (Ариадну Павловну в семье звали Ридой. — А. К., Б. М.)... Каковы твои школьные и хозяйственные дела? Постарайся вести себя спокойно. Знаешь, твое спокойствие — первое условие для моей работы» (письмо жене 1935 года).

Но три сестры выжили — и жили они, слава богу, очень долго.

Бажов человек домашний — все его письма переполнены любовью к своей семье, вниманием к деталям быта, он однолюб, преданный, нежный и заботливый. Он самоуглубленный, замкнутый — каждый «выход в люди» давался ему нелегко.

Аркадий Петрович Гайдар — совершенно другой характер, легко оставлявший позади города, дружбы, работы, семьи — странник и бродяга, великий поэт и невероятный выдумщик.

Егор Гайдар — внук двух этих великих людей. Он стал наследником и той и другой линии. Он одновременно — и Бажов и Гайдар.

Глава вторая. Партизаны 68-го

Тимур, как мы уже писали, вырос без отца. И именно это — тоска по отцу, не вернувшемуся с войны, — во многом определило его характер.

Аркадий Петрович Гайдар погиб в 1941 году, оставшись за линией фронта, после того как наши войска сдали Киев. Он был пулеметчиком в партизанском отряде. И это знали буквально все советские дети с первого или, может быть, с третьего класса.

Однако многое в гибели отца было Тимуру тогда непонятно.

Это была во многом неразгаданная тайна, и до конца она так и осталась неразгаданной.

Где он воевал? С кем был в отряде? Кто видел его смерть? Как именно он погиб? Что случилось в день его гибели?

Понадобились годы и десятилетия, чтобы все это хотя бы приблизительно установить. Понадобились сотни интервью, тысячи писем. Один из биографов Гайдара, Борис Камов, написал об этом несколько книг — и все-таки в любом случае это была лишь реконструкция. Хорошая, честная, но реконструкция.

В книге Тимура Гайдара есть такая фотография — «С сыном Егором на могиле отца и деда. Канев, 1987 год». Два человека, один как всегда в морской форме, другой с застенчивой улыбкой молодого парня, возлагают венок к памятнику. Черкасская область, Украинская ССР.

Эта могила Аркадия Гайдара появилась в Каневе в 1947 году, лишь через два года после войны, и до сих пор в интернете всплывают «разоблачительные» статьи о том, что прах, извлеченный из братской могилы партизанами, на самом деле — не его прах.

Партизаны, конечно же, помнили, где похоронили своего геройского пулеметчика. Однако могилы этой при советской власти действительно не могло не быть. Такая могила была советской власти насущно необходима.

С конца 1940-х годов начинается сакрализация Аркадия Гайдара. Из очень сложного, яркого, талантливого, трагического человека начинают лепить советскую икону. Икону благостную и, в общем, несколько фальшивую в этой благостности.

Писать *свою книгу* об отце Тимуру было трудно. Причины понятны. Написать полную правду — сыну об отце — это вообще не так-то просто.

У сына всегда есть своя, совершенно особая правда.

Понимая это, Тимур писал в предисловии: «Про Аркадия Гайдара

написаны книги. Хорошие — и мне самому кое-что объяснили... Другие рождали желание оградить образ отца от упрощения, лакировки, от неловких домыслов, даже если авторы руководствовались самыми добрыми намерениями».

Но есть и другая задача у книги Тимура, может быть, даже не до конца понятая самим автором.

Тимур, когда писал книгу об Аркадии Петровиче, еще не знал, кем же станет его любимый сын Егор. Но, вероятно, подспудно чувствуя значительность и масштаб его характера — искал те родовые, фамильные линии, которые этот масштаб потом смогут объяснить.

После чистопольского интерната Тимур поступает в школу юнг. Служит на Северном флоте, где, по воспоминаниям Ариадны Павловны (то есть по его собственным рассказам), очищает море от немецких мин. Море кишмя кишело неразорвавшимся железом. Здесь только что ходили боевые корабли. Здесь шла морская война.

На тральщиках и других судах, рискуя, как и вся команда, жизнью среди серых холодных волн, Тимур вместе с другими младшими офицерами и матросами чистил воду, вынимал мины, делал море мирным и думал: а вот этот мир — он надолго ли?

Конечно, никто тогда этого не знал.

Уже в 1947-м начался конфликт вокруг Западного Берлина, грозивший перерасти в новую войну между бывшими союзниками.

В 1949-м и 1950-м китайцы и наши отправили военных советников, офицеров и технику в Северную Корею, чтобы напрямую воевать с американцами.

В 1949-м, благодаря разведке, вскрывшей «манхэттенский проект», и благодаря своим великим ученым (Гинзбургу, Курчатову, Тамму, Сахарову и другим), СССР провел первое ядерное испытание. И ядерная бомбардировка советской территории стала невозможной — есть или нет у Советов система быстрой доставки бомбы, никто не знал (а ее, кстати, еще не было), но ситуация «безответного удара», как с Японией, перестала быть актуальной. И тем не менее ядерные удары планировались, обсчитывались, обрабатывались, испытания проводились.

...В общем, гайку могло сорвать в любом месте.

Тимур Гайдар после первого, Ленинградского военно-морского училища окончил еще одно училище — военно-политическое, факультет журналистики, и начал новый этап своей службы — в военной прессе. Своя

газета была в каждом военном округе, на каждом флоте. На Северном, где Тимур продолжал служить, это была газета «Советский флот».

В 1955 году (ему было около тридцати) вышла первая книжечка Тимура «Поход “Невы” вокруг Европы». Официально издательство называлось «Военное издательство Министерства обороны Союза ССР», в дальнейшем просто — Воениздат.

Сегодня эта тоненькая брошюрка стала библиографической редкостью. Крошечный формат, пожелтевшие листы газетной бумаги. Наивный рисунок на обложке — морские волны, подлодка, какой-то крейсер с пушками, рыбаки смотрят на военный корабль (наверное, с ужасом), в левом верхнем углу синенький логотип «Библиотечка журнала “Советский воин”». То есть издание подписное и в обязательном порядке поступало на стол командному составу.

В этой самой первой книжечке уже обозначился фирменный стиль Тимура — сквозь жесткую военную терминологию, устав и секретность, сквозь советский приподнятый (хотя и очень лаконичный, крепко сделанный) литературный язык — ярко проступает то, что ему ближе всего, — сильная человеческая эмоция, вольный дух открытия, а главное — восторг первопроходца.

Откуда он взялся, этот восторг первопроходца, понять несложно — на военном корабле военный журналист мог посетить страны, абсолютно недоступные простому советскому гражданину.

«Босфор узок. В древности римлянин Плиний Старший писал: “С одного берега на другой доносится пение птиц, лай собак и разговор людей. Здесь между двумя частями света можно поддерживать беседу, если только ветер не уносит слова”».

«Стамбул начинается длинным белым зданием, в архитектуре которого довольно причудливо и забавно переплелись и перепутались самые различные стили: и мавританский, и барокко... Это дворец Долма-Бахче — последняя резиденция султана. А за дворцом, на северной стороне бухты Золотой Рог, глубоко врезавшейся в сушу, расположились два района Стамбула: Пера и Галата».

Ах, как тяжело, как сладко ложатся на язык эти незнакомые слова, эти названия.

Турция, Греция, Средиземное море. Поход «учебного корабля» (а на самом деле, вполне боевого) вдруг оборачивается цветной киноплёнкой, бездной деталей, вовсе не знакомых обычному советскому человеку, который, может быть, и в Москве-то бывал пару раз, да и то, если повезет.

Конкретной и прагматичной военной тематике, причем довольно

суровой, Тимур сумел придать не то чтобы какой-то флер, а именно непонятно откуда взявшуюся радость, эмоциональную приподнятость.

Радость от узнавания другой, неведомой нам жизни. И это сыграло свою роль, возможно, когда редакция газеты выбирала, кого именно ей посылать на Кубу.

Между выходом первой книжки в Воениздате и первой длительной командировкой на Кубу — лежит дистанция в шесть лет. За эти шесть лет Тимур успел стать внештатным, а потом и собственным корреспондентом газеты «Правда».

Этот эпизод стал ключевым в его биографии, да и в целом в биографии всей семьи.

Официально его должность называлась так: «собственный корреспондент газеты “Правда” по странам Латинской Америки». Корпункт находился в Гаване: это был номер в недавно построенном прибрежном отеле (отнятом у американцев), с рабочим кабинетом.

Ариадна Павловна, жена Тимура и мама Егора, работала секретарем корпункта, то есть у нее были свои обязанности — она проверяла корреспонденцию, читала газеты, делала обзоры.

Были у секретаря корпункта и другие, не менее важные обязанности — Тимур имел широчайший круг общения, он должен был контактировать со множеством людей. Встречи, приемы, домашние ужины, «идем в гости, приглашаем гостей» — все это имело для «собственного корреспондента» и для его работы важное политическое значение.

Ариадна Павловна вспоминает в документальном фильме «Долгое время» забавный эпизод — друзья Тимура (а это были, на секундочку, Рауль Кастро и его жена Вильна Эспан) пришли к ним в гости. В кубинском магазине нельзя было купить ничего мясного: мясные и молочные изделия на Кубе если и были, то уже тогда по скуднейшим карточкам.

Зато в Гаване была рыба: морская, свежайшая и вкуснейшая, и ее было много. «Секретарь корпункта» принял важное решение: готовить рыбный стол — тунец в маринаде, рыбный пирог, плюс овощи и фрукты. В Москве бы позавидовали...

Однако красивая женщина, жена Рауля, есть рыбу наотрез отказалась. Аллергия на рыбу, бывает же такое.

Возникла легкая паника.

В гостинице жили и другие советские люди. Ариадна вихрем помчалась по соседям, у кого-то нашлось граммов триста московской колбасы, у кого-то московские конфеты, кто-то выдал несколько соленых

огурцов.

Ну в общем, все как-то обошлось.

Прелести кубинского социализма людям, пережившим войну и послевоенные годы в СССР — с их карточной системой, хлебом из отрубей, постоянным недоеданием, — не казались чем-то из ряда вон выходящим.

Запомнились, конечно, Гайдарам вовсе не отсутствие тех или иных продуктов в магазинах, а яркое синее небо, океанский горизонт в окне, серый песок на пляже, бесконечной полосой уходящий куда-то вдаль; запомнились мраморные полы в номере отеля, где они жили (колониальная архитектура!), узкие незастекленные ниши в стене, поразившие Ариадну Павловну: слышать и чувствовать океан можно было постоянно, ведь это был отель, построенный для отпускников, в основном из Штатов; запомнились долетавшие во время шторма даже до отеля брызги пены; запомнились гигантские океанские рыбы на рынке, мелкие противные крокодилы в болотах, стадами окружавшие холмики и мостики, на которых стояли люди, хохочущие и визжащие от страха и восторга.

Кстати, есть домашнее видео, снятое на восьмимиллиметровую кинокамеру: фильм о путешествии двумя семьями на джипе английского друга — английского коммуниста Брайана Поллита. Ехали сквозь самые непроходимые кубинские места в далекую сельскую глубинку (хотелось поговорить с крестьянами, узнать их настроения насчет колхозов — ну и заодно пережить приключение). И на этой домашней пленке и мужчины, и женщины выглядят удивительно модно: бриджи, косынки, черные очки, соломенные корзинки в руках, белые ковбойки, ослепительные улыбки, всё изящно, легко, радостно, красиво, действительно как в кино; они смеются и полны счастья, молодого счастья, предчувствия чего-то хорошего, несмотря на тревожность ситуации, несмотря на грядущий Карибский кризис, на нехватку продовольствия на Кубе, даже несмотря на этих мелких противных крокодилов. Несмотря ни на что!

...Вообще казалось, что эта нехватка продовольствия — временное явление. Во-первых, поможет, чем может, великий Советский Союз. Во-вторых, на Кубе полно ресурсов — тростниковый сахар, мощное сельское хозяйство, тот же табак, стоит только развернуть молодые силы социализма. В-третьих, эти самые нехватки объяснялись торговой блокадой со стороны враждебных США.

Но прошли годы, и выяснилось, что «нехватки» объясняются совсем другим: самой природой социализма, неспособного к гибкому мобильному ответу на экономические проблемы, отсутствием частного интереса у

мелких торговцев и крестьян, отсутствием инвестиций в инфраструктуру. Ну и блокадой, конечно, тоже.

Книга Тимура «Из Гаваны по телефону», выпущенная в издательстве «Молодая гвардия» в 1967 году, конечно, не дает ответа на вопрос: чем плох или чем хорош кубинский социализм? У нее, как сказали бы сейчас, другой контекст.

Это была документальная повесть, изданная большим тиражом. Повесть довольно популярная в те годы, когда всё кубинское было окружено в СССР особым ореолом. Она написана прекрасно, легко, в ней множество ярких, замечательных картинок, и в общем, совершенно понятно, чем кубинская революция очаровала Тимура — это была все та же романтика путешествия, помноженная на величие исторических событий. Ну и, наконец, впервые Тимур увидел здесь вместо советских бюрократов, вместо скучных тяжеловесных чиновников, карьерных циников — людей, которые совершенно свято и по-детски верили во все эти слова: мировая революция, рабочий класс, трудящиеся массы, решения съезда партии.

Даже сами эти слова, такие знакомые и уже приевшиеся, звучали на испанском как-то по-другому: весело, бодро и, главное, искренне. А уж фон, на котором они звучали, и вовсе завораживал:

«...Ночью я сидел в баре “Эль-Рокко” на набережной недалеко от дома, в котором поселился. В подвальчике было темно. Два официанта, светя карманными электрическими фонарями, носили к столикам ром, кока-колу и кастрюльки с искристыми кубиками льда. Иногда луч неосторожно выхватывал из темноты целующуюся парочку. Нет, в Гаване не было объявлено затемнение. Просто в полутьме удобней, интимнее. Здесь такие бары называют “куэвас” — пещеры...

Я зашел сюда с митинга.

Я чувствовал себя чертовски усталым. Теперь я знал, что такое кубинский митинг.

Люди сначала идут молча. Кто-то запекает, кто-то начинает скандировать и смолкает, заглушенный шарканьем ног, побежденный ритмом безмолвного движения.

Людей становится больше. Они сходят с тротуаров, заполняют узкие улицы. На перекрестках, если затормозилось движение, появляется оратор-доброволец. Он залезает на решетку, на каменный столбик, а то и на крышу машины и говорит, яростно жестикулируя, пока колонна не двинется дальше. Его слушают молча...

Мальчишки в форме, размахивая автоматами, заворачивают автобусы и машины. Такие же мальчишки, без формы и без автоматов, карабкаются на

фонари. Трибуна на верхней площадке гранитной лестницы перед рядом гробов, покрытых кубинскими флагами. Ораторы, поднимающие флаги Бразилии, Чили, Перу, Мексики...»

Казалось, что мечта его отца, Аркадия Гайдара, о мировой революции каким-то чудом ожила. Что мир поверил в эту старую утопию, что мир проснулся и теперь, очищенный от сталинизма, от ужаса репрессий, шагнет в этот обновленный социализм весело, твердо, что это будет по-настоящему. У Тимура не было даже тени сомнений, кто тут на правильной стороне, — американцы, безусловно, были на неправильной. Советские — да, на правильной. Ну а как могло быть иначе?

«Улыбающийся парень в форме, отутюженной так, что она кажется скроенной из жести, протягивает бумажный фунтик (Тимур описывает свой первый визит в редакцию газеты кубинской народно-социалистической партии «Нотисиас де Ой». — А. К., Б. М.), наливает в него глоток густого, как ликер, кофе, и я еще не знаю, что мы станем друзьями, что буду плясать у него на свадьбе, а потом по кубинскому обычаю подарю его новорожденной дочке серьги — две золотые капельки. Не знаю, что с другим, вот тем худощавым, нахмуренным, мы будем лежать на обочине шоссе под бомбежкой, а одного из присутствующих убьют бандиты, когда он поедет с кинопередвижкой в матансасскую деревню. Что вот с теми ребятами мы не раз будем бродить по ночной Гаване и спорить о моральном факторе и материальной заинтересованности, о культе личности, о нэпе, о том, что такое социализм. Мы еще ничего не знаем друг о друге. Просто рады встрече, рады тому, что революция!»

Родовой, фамильный романтизм упал на благодатную почву — казалось, что он здесь со всех сторон окружен романтиками революции. И как ему было не влюбиться в эту страну?

Но, конечно, главный эпизод, описанный в книге, — это встреча с Фиделем. «Фидель был фантастическим оратором, — вспоминала Ариадна Павловна после. — Его можно было слушать часами». (Это при том, что испанский они знали очень приблизительно: и она, и Тимур.) «Только через полтора часа поймал себя на том, что слушаю с острым интересом, ничего не понимая» — это пишет Тимур в книге «Из Гаваны по телефону» о выступлении Фиделя.

А он говорил тогда много, часто, почти каждый день. И каждая речь длилась три, четыре, пять часов. Люди превращались в слух, люди плакали...

Во время атаки на революционную Кубу, когда начались события на Плайя-Хирон, и с помощью американцев там высадился десант «кубинских

контрреволюционеров», Тимур по своей собственной воле оказался на передовой.

В книге «Из Гаваны по телефону» он описал все это довольно подробно. Как, услышав об атаке, ринулся на линию фронта. Как, не зная испанского языка, рискуя сойти за американского шпиона и быть расстрелянным, попал в самую гущу событий и, наконец, как, добравшись до штаба, попросил самого Фиделя отправить его на передовую.

«Фидель Кастро положил карандаш, поправил берет, и я решился.

Делаю шаг вперед.

— Товарищ премьер-министр! Скоро атака. Прошу вашего разрешения...

В комнате повисла пауза. Молчит Фидель, хмуро тербит бороду. Все молчат.

— Приготовьте письмо к капитану Фернандесу, — говорит, наконец, Фидель. — Пусть едет.

Через пять минут «джип» с погашенными фарами пробирается по шоссе».

Очень многое поместилось в этой паузе.

Через много лет, вспоминая этот эпизод, Тимур расскажет: ему показалось, что Фидель ожидал другого — что корреспондент «Правды» попросит разрешения остаться, сопровождать его, «команданте», великого вождя революции, везде и всюду, стать его тенью и его летописцем.

Но молодой Тимур попросил другое: с пистолетом и редакционным удостоверением поехать прямо на войну. Как когда-то его отец — в осажденном немцами Киеве.

С тех пор, считает Ариадна Павловна, между ними установилась некая прохладная атмосфера. Никакого интервью, газетного очерка о Фиделе Тимур Гайдар так никогда и не напишет.

А вот с его братом, Раулем Кастро, у Тимура были очень дружеские, близкие отношения. Дружили даже семьями, часто общались. И недаром, когда в начале двухтысячных к власти на Кубе пришел Рауль Кастро и запахло «кубинской перестройкой», Егор Гайдар сказал вдруг задумчиво кому-то из своих близких друзей: «Надо бы поразмыслить о реформировании кубинской экономики. О том, как из классического социализма сделать что-то приемлемое».

О том, что делал Тимур на Кубе, в узких московских писательских кругах ходило немало легенд и слухов. Отчасти в этом виноват сам Тимур, человек лихой, пылкий, душа любой компании, порой склонный и к

широким жестам, и эффектным словам. На одной из дружеских посиделок он как-то обмолвился, что на самом деле не просто писал репортажи с Кубы, а выполнял важное задание. (Приводим это свидетельство со слов Андрея Максимова, сына поэта Марка Максимова, ну а то, что такие слухи и легенды имели место, могут подтвердить и другие люди, еще ныне живущие.) Таким образом, писатели, друзья Тимура, были абсолютно уверены, что их друг не просто военный журналист.

Что именно стояло за этой как бы случайно оброненной фразой, — со стопроцентной уверенностью сказать сегодня нельзя. Документы закрыты, семья Тимура о таких подвигах папы и деда никогда даже не слышала и абсолютно их отрицает, поэтому придется и нам поневоле оставаться в поле предположений. Но вот одна любопытная деталь.

В 1984 году в родном Воениздате, через двадцать с лишним лет после Карибского кризиса, Тимур переиздал свою книгу «Из Гаваны по телефону» — но с некоторыми добавлениями. Немного подсократив и отредактировав свои ежедневные корреспонденции в «Правду», он сделал из них как бы приложение к той документальной повести, изданной в конце 1960-х.

Бонус-трек, как сказали бы сейчас. Живые документы эпохи.

Так вот в этом приложении, среди официальной хроники («...Вчера вечером в международном аэропорту Гаваны приземлился самолет ИЛ-18, на борту которого прибыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян...»), среди нехитрых репортерских зарисовок («...они еще раз крепко обнялись, широкоплечий сибиряк ефрейтор Николай Зайков и смуглый кубинец Армандо Сьерра»), встречается вдруг такая странная корреспонденция, сильно выпадающая из всего остального материала — и стилистически, и фактически.

Тимур в ней пишет о том, что предшествовало Карибскому кризису. США готовили атаку на Кубу уже не силами «повстанцев», то есть эмигрантов, бежавших от Кастро, а силами своих собственных военно-морских и сухопутных подразделений.

Это обвинение — войска США хотели высадиться на Кубу, то есть готовили настоящую войну — не раз звучало тогда в советской прессе. Звучало, да — но мало ли в чем обвиняли американцев советские пропагандисты.

Однако у Тимура в 1984 году идея эта вдруг обрастает удивительной конкретикой:

«...К вторжению на Кубу предполагалось привлечь 5 дивизий:

воздушно-десантную из состава 18-го корпуса ВВС, одну танковую, одну пехотную и две дивизии морской пехоты. Военно-воздушные силы должны были нанести массированные удары по береговой обороне Кубы, по ее аэродромам и обеспечить прикрытие с воздуха десантируемых войск. Военно-морские силы — обеспечить транспортировку дивизий к побережью острова, осуществить огневую поддержку высадки. Кроме того, на них возлагалась задача установления морской блокады Кубы.

В штате Флорида, неподалеку от Майами, в военной базе США Хомстед созданы два передовых командных пункта. Один из них — “Атлант Авдон” — руководит высаживающимися на Кубе войсками. Его возглавляет генерал Герберт Пауэлл. Второй — “Атлант Форвард” — руководит соединениями авиации. Здесь находится генерал Уолтер Свейн.

Немаловажная роль отводилась Гуантанамо — военной базе США на территории Кубы. Гарнизон базы был значительно увеличен за счет контингентов морской пехоты. На базу переброшены танки — их стало здесь до 150, и самолеты — до 120. Семьи военнослужащих — 2700 человек — эвакуированы из Гуантанамо в США... Продолжительность операции — до 30 дней, предполагаемые потери в личном составе американских вооруженных сил — до 5 тысяч человек...»

Ничего подобного в дни кубинских событий советские СМИ, разумеется, не писали и не передавали — все эти сведения носили характер исключительно конкретных разведданных.

«Помню, что читал этот “сценарий” поздним вечером, жена и сын мирно спали, — продолжает в книге Тимур Гайдар, — а мне, конечно, не спалось. Загорелся красный огонек. Аппарат зажужжал, по бумажной ленте забарабанили молоточки (аппарат назывался «телетайп». — А. К., Б. М.). “Ке таль?” — откликнулся дежурный на узле связи. “Как дела?” — “Хорошо, — ответил я. — Передам материал в Москву”. — “Готовы!”

И в редакцию “Правды” пошла информация о том, что в Гаване скоро состоится премьера пьесы “Васса Железнова” в постановке аргентинского режиссера Нестора Раймонди...

Об остальном в Москве те, кому положено, знают и сами».

В этом кусочке Тимур делает массу оговорок и ссылок: «...кое-что просачивалось в американскую печать, кое-что стало известно позже, когда был рассекречен ряд документов, появились воспоминания американских генералов...», он ссылается на конкретную (с датой) публикацию в газете «US News & World Report», однако внимательному читателю совершенно очевидно: автор этих строк тогда, в 1961–1963 годах, имел полный доступ к совершенно секретной военной информации, и не скрывает этого.

Но кем бы ни был Тимур в те годы на Кубе, просто журналистом или журналистом, которому доверялись какие-то важные переговоры (и соответственно, секреты), нам сейчас интересно другое.

Что тогда было важно для его сына, Егора? Что он запомнил?

Да, конечно, он запомнил все это — своей детской памятью (а она у него оказалась, как потом станет понятно, совершенно особым инструментом): яркие краски, зелень камышей, запах моря. Запомнил удивительно веселых красивых людей, которых было много рядом с его отцом, — кубинцев, англичан, чехов. Атмосферу особого праздника, праздника великих событий, которую нельзя не почувствовать даже ребенку.

Великими переменами бредили все вокруг, и для шестилетнего человека это не могло не стать главным впечатлением, может быть, даже более ярким, чем крокодилы, море и прыжки в бассейне с вышки.

Остро ощутил он и сам Карибский кризис (который в Штатах называли «кубинским»), ощутил особую тревогу взрослых, которые с волнением и даже страхом говорили о близкой угрозе ядерной войны. Детская память у всех устроена по-разному, но для маленького Егора Гайдара тема «ядерной угрозы» никогда не была формальным штампом советской идеологии. Он эту угрозу ощущал остро, писал о ней всерьез, и даже много работал (в разные годы жизни по-разному), чтобы ее предотвратить.

Есть еще одна семейная легенда, которая родилась из рассказов Ариадны Павловны. Ее до сих пор с улыбкой пересказывают внуки. Город гудит. Военные самолеты барражируют над Гаваной. Военные американские корабли на рейде видны невооруженным глазом. Все говорят об угрозе ядерной войны. Тимура нет, он на работе. Ариадна, понимая, что ядерный удар, или даже просто артиллерийская бомбардировка Гаваны — вещь абсолютно реальная, лихорадочно думает, что ей делать с ребенком, куда в этом случае бежать. Ведь будет не просто взрыв, а взрыв мощный и, возможно, радиоактивный. Наконец она открывает холодильник и задумчиво смотрит внутрь его. Все-таки железный ящик. Настоящий железный ящик. Если Егорка согнетса, он влезет...

В дальнейшем этот эпизод станет темой в семейной мифологии. Мол, Егор сам часто открывал холодильник и в условиях карибской жары доставал из морозилки снег, повторяя про себя: хочу снег, хочу в Москву. Мол, идея про «спрятаться в холодильнике» если и была высказана, то в

шутку.

Но — так или иначе — хорошо, что тема ядерной угрозы превратилась в итоге в иронический семейный фольклор.

Куба — это еще и столкновение очень памятливого, очень глубокого и эмоционального мальчика с другим, *не советским* миром. С миром, который устроен иначе. Как вспоминала Ариадна Павловна, и здания, и дороги, построенные американцами, были еще во всей красе, новенькие, целые. И машины были новые, американские. И в целом — внешний вид западной страны, западного курорта. Как устроен «другой мир» — на материальном уровне, на уровне визуальном, цвета, запаха, рисунка — Егор Гайдар усвоил очень рано. Хотя Куба в те годы была уже далеко не «западной страной», Егору хватило и этого флера воспоминаний, разлитого в воздухе.

Ему было потом с чем сравнивать.

Ну и наконец, сам образ отца. Наверное, там, на Кубе, он проявился наиболее четко и объемно. Как никогда потом.

Отец много работал — причем, что важно, непосредственно на глазах семьи. Тимур Гайдар сочинял и диктовал статьи для «Правды» по телефону. Если телефонная связь была плохая и сдать статью в номер он физически не успевал — швырял со всего размаха телефонной трубкой об стену. Наверное, сначала Егор пугался, а потом смеялся. Вместе со всеми. Эти статьи, этот язык советского газетчика, который укладывал важнейшие мировые события (Карибский кризис, и все, ему предшествовавшее) в четкие сухие абзацы — все это тоже было необыкновенно важно. Это был яркий пример участия человека в истории.

После Карибского кризиса Тимура отозвали, но в Москве они прожили всего два года. Затем новая длительная командировка — в Белград, снова собственным корреспондентом «Правды».

В 1968 году Егору было уже двенадцать лет. К тому времени они с отцом и матерью находились в Белграде два года.

В своей биографии он, уже вполне взрослый, напишет: «Веду семейный бюджет с 11 лет».

Это правда. В одиннадцать лет он заметил, с каким трудом даются отцу финансовые отчеты о работе корпункта «Правды», которые он должен был высылать в редакцию ежемесячно. Туда входили и телефонные счета, и представительские расходы, и плата за аренду квартиры, и многое другое.

Родители — Тимур и Ариадна (Тимур всю жизнь звал ее Ридой, как и

было заведено в семье Бажовых) — стали из-за этого даже слегка ссориться. Тимура Аркадьевича невероятно бесила вся эта «копеечная» бухгалтерия, вся эта казенная процедура. Да, он умел и зарабатывать, и тратить деньги, но составлять финансовые отчеты ему не нравилось, жена тоже была от этого не в восторге. И вдруг их одиннадцатилетний сын предложил: «Давайте я это буду делать».

Вслед за финансовыми отчетами наступил следующий этап: и Егор спокойно подсчитал, какие деньги и на что может тратить их семья ежемесячно, не залезая в долги. Он дал им бумажку с цифрами — все было как на ладони.

Родители были потрясены.

Вообще здесь, в Югославии, Егор многому научился. Сербские мальчишки были довольно задиристыми, спуску «чужим» не давали, и Егор научился себя защищать вместе с другими пацанами из «русской», то есть посольской, школы.

Он самостоятельно пошел на курсы английского и вскоре начал читать по-английски уже не только художественные, но и научные (в частности, экономические) книги.

Егор прочел многое из того, что в книжных магазинах в Белграде продавалось — а в Москве нет.

Он продвинулся в тренировке своей юношеской «гиперпамяти», запоминая все — от шахматных партий до страноведческой статистики и исторических фактов. Его голова почти лопалась от разнообразных сведений, которые он поглощал, как машина.

Было еще одно обстоятельство, о котором скромно и как бы между прочим упоминает Ариадна Павловна в фильме «Долгое время»: это быт. Белградский быт.

Этим коротким словом обозначалось в советском языке слишком многое, практически весь горизонт обычной жизни, доступный любому нормальному человеку: еда, питье, одежда, обувь, жилищное положение, мебель, автомобили, сигареты, медицинские услуги и лекарства, оправы очков, бытовая техника, радиоприборы, словом, все, что видел глаз, ощущала рука и нюхал нос.

Все это в СССР и в 1960-е оставалось довольно скудным, не предполагающим большого выбора, а то и просто «дефицитным».

Ариадна Павловна вспоминает, с каким чувством смотрела на платья, выставленные в белградских витринах, на женские туфли (которые подходили по цвету к сумке). Для многих советских женщин эти витрины были потрясением, да и на десятки сортов колбас, которые были доступны

тут каждому, смотрела тоже — всего этого в СССР она никогда не видела вообще.

Каждый, кто пересекал границу СССР в те годы, не мог не задать себе этот вопрос: в чем же дело?

Почему в Югославии, в Польше, в ГДР, даже в Болгарии и Румынии этот самый «быт» и выглядит, и пахнет совсем по-другому? Что с нами не так, в конце-то концов?

Но в отличие от взрослых, которые вынуждены были оставлять вопросы без ответа или пользоваться какими-то расхожими стереотипами времен холодной войны, Егор мог задуматься об этих различиях уже более глубоко. Используя свой «углубленный английский», он прочел в Югославии первые классические труды по экономике. Прочел Адама Смита, например.

Ну и наконец, еще один важный опыт, вывезенный семьей из Белграда 1968 года: опыт резко изменившейся политической ситуации. Опыт кризиса. После августовского вторжения СССР в Чехословакию изменилось отношение к советским, изменилось отношение к стране.

Если до августа 1968 года советским людям улыбались, им были всюду рады, их всюду приглашали как братьев по социализму, как представителей народа-победителя, то после Праги эмоции стали совсем иными. Гайдары не могли не почувствовать это, даже на уровне обычных уличных продавцов, соседей, прохожих, друзей. Это было больно. И заставляло задуматься.

Тимур как человек глубокий, начитанный, склонный к анализу и интеллектуальному поиску, пытался разобраться в уроках «югославского социализма» с рыночным уклоном, «югославского самоуправления», бывшего тогда в моде. Он читал статьи и книги (оба, и отец и сын, неплохо говорили и читали на сербском), обсуждал все это — в каких-то пределах — со своим сыном.

Но после 1968-го весь этот чаемый поворот к «социализму с человеческим лицом» стал уже невозможен в СССР. И об этом они говорили тоже.

Стало понятно — пора возвращаться в Москву.

Глядя на Егора и думая о возвращении, и отец, и мать, скорее всего, вздохнули про себя с некоторым облегчением. Юный человек должен расти все-таки не в искусственной среде (какой была советская колония в любой стране), а в естественной. Просто ходить по улицам, приглашать в гости друзей, чувствовать вокруг себя родной город, учиться самостоятельным

поступкам и решениям в самой что ни на есть гуще московской жизни.

Для Егора, книжного мальчика — это было вдвойне актуально.

Поразительную историю рассказывает мать Егора Ариадна Павловна в документальном фильме «Долгое время». Когда сыну должно было исполниться тринадцать лет, Тимур Гайдар спросил его: скажи, Егор, что же тебе подарить на день рождения?

Ответ мог быть любым: путешествие, велосипед, удочка, мяч, просто карманные деньги в каком-то приличном количестве, чтобы девушку сводить в кино — ну, о чем мечтает парень в этом возрасте?

Егор ответил: «Папа, я хочу, чтобы ты разрешил мне читать книги, которые стоят у тебя во втором ряду».

Как и многие другие реалии советской жизни, ответ этот сегодня нуждается в подробной расшифровке.

Да, конечно, вы правильно догадались: это были самиздат, тамиздат, запрещенная литература. Но как в принципе это было устроено?

Книжные шкафы, книжные полки были главным украшением любой советской квартиры, вокруг них порой создавалось все остальное, весь остальной бытовой уют.

Богатые наследственные библиотеки существовали не у многих, поэтому заполнить эти шкафы и полки было не простой задачей. Основу библиотеки всегда составляли собрания сочинений, так называемые «подписные издания» (Гоголь, Шекспир, Лев Толстой, Эрнест Хемингуэй, Сергей Есенин, Томас Манн). Работая в «Правде», Тимур мог на все это подписаться, не стоя в очереди с ночи до утра в книжном магазине и не утруждая себя обменом или денежными расчетами с книжными «жучками» — то есть книжными спекулянтами, которые тоже страстно любили книги, но имели с этого в той брежневской Москве неплохой профит.

Он просто покупал эти книги и подписывался на многотомники, используя, так сказать, «служебное положение» (эти услуги предоставляла так называемая «Книжная экспедиция», высылавшая по особым адресам свои регулярные каталоги).

Были в его библиотеке и редкие букинистические книги, старые, довоенные или даже дореволюционные, но основу составляли «собрания сочинений» — памятники книжной культуры хрущевской и брежневской эпохи, может быть, самый знаменитый дефицит советских времен.

Другую часть библиотеки составляли книги друзей. Тимур с детства дружил с литераторами, часто бывал в ресторане ЦДЛ и в Переделкине; среди его друзей были многие знаменитые и известные советские писатели и поэты. Безусловно, они дарили ему свои книги.

Конечно, множество редких и ценных по тем временам изданий он просто вывез из зарубежных командировок (например, роскошные художественные альбомы, которых в Москве было недостаток).

Вот все это и стояло в так называемом «первом ряду».

Однако книги в те годы принято было ставить не в один, а в два ряда. И только хозяева знали и помнили, где и какие книги стоят у них в этом втором, «невидимом» ряду.

Здесь могли быть книги как менее ценные, так и *другие*, то есть те, которые не должны были видеть случайные люди.

Начиналась такая, скрытая часть домашней библиотеки обычно с самых «азов» — например, здесь могли быть переплетенные номера «Нового мира» с произведениями Солженицына (выдворенного из страны в 1974 году), очерками Виктора Некрасова, повестями Войновича; все это были писатели-эмигранты, которых уже не печатали, но которые еще совсем недавно были вполне официальными советскими литераторами.

...Кстати, жена Владимира Войновича до отъезда из страны преподавала литературу в классе Егора, в школе у станции метро «Аэропорт». Когда уже будучи взрослым в 90-е годы Егор встретил Войновича, он спросил его: «А помните, мы вам мебель помогали переносить? Я тогда в девятом классе учился». Ирина Войнович была одним из самых любимых его педагогов.

Их ставшие вдруг запрещенными имена скрывали глухие самодельные переплеты без букв (телефоны переплетчиков, которые на дому сшивали подшивки толстых журналов, были на вес золота; их передавали самым близким друзьям как особую услугу).

Тимур дружил еще в юности с Еленой Сергеевной Булгаковой, ее сыновьями братьями Шиловскими; это был родной и близкий для него дом, поэтому Михаил Булгаков у него в доме тоже наверняка был — и те самые легендарные номера журнала «Москва» с первым, купированным изданием «Мастера», и зарубежные издания Булгакова.

Были тут книжки и куда более опасные.

Понятное дело, солженицынский «Один день Ивана Денисовича», романы «В круге первом» и «Раковый корпус» на первом месте (позднее появится и «Архипелаг ГУЛАГ»). Но и другое — «Технология власти» Авторханова, книги югослава Милована Джиласа, Роя Медведева. Книги о сталинизме.

Распространение их было преступлением, само присутствие в доме — поводом для обыска. Однако они тоже стояли во втором ряду.

О них знали только два человека — Тимур и Ариадна.

А потом узнал и третий — Егор.

Очень интересно, что он официально попросил отца о праве читать эти книги. Договоренность между отцом и сыном могла быть и негласной — отец делает вид, что не видит, как сын берет книги и читает. Сын делает вид, что отец этого не знает.

Но они так не умели. Помните, из воспоминаний Тимура об Аркадии Гайдаре: «Однако неправду нельзя. Тоже конец дружбе».

Была ли, кстати, между ними эта дружба?

Конечно, была. Хотя характеры были совсем разные. Легкий, вспыльчивый, склонный к бесконечной шутке и импровизации, как будто летящий человек, Тимур Гайдар. И замкнутый, книжный, застенчивый интроверт Егор.

Их связывало, безусловно, искреннее восхищение отца сыном — и сына отцом. Тимур видел, какой же это удивительный, ни на кого не похожий, уникально одаренный ребенок.

Видел — хотя и старался быть сдержанным. Егор понимал — такой отец есть не у каждого его ровесника. Такой большой, яркий, такой талантливый.

Так вот, читать запрещенные книги Егору разрешили очень рано. Впрочем, чтение запрещенного самиздата в интеллигентных московских семьях не было чем-то из ряда вон выходящим.

Детей даже не выгоняли из комнаты, когда взрослые вели между собой вольные, вполне антисоветские разговоры, обсуждали политику, порой с издевкой обсуждали очередные «решения партии и правительства», с ужасом — очередные посадки и процессы, с тревогой — очередные международные авантюры. Обсуждали они без всяких обиняков и сами личности «вождей СССР», портреты которых висели в каждой школе.

Детей просто предупреждали: в школе об этом не говори. Но прежнего (сталинского) страха у родителей уже не было.

Детям не возбранялось и читать самиздат, который находился в домашней библиотеке. Главное правило — не выносить из дома. Вот это было строго запрещено.

«Запрещенная» библиотека в доме Гайдаров была довольно большой по объему.

Егор читал системно. И наткнувшись в книгах на критику сталинизма, то есть Сталина, как человека, который «извратил» ленинские принципы, «извратил» социализм, он полез в первоисточник. За первоизданным

социализмом. Так он нашел в отцовской библиотеке «Капитал» Маркса.

...Не хотим, чтобы у читателя сложилось превратное впечатление: что та часть библиотеки, которая находилась у Гайдаров «во втором ряду» — то есть запрещенная, теневая часть книжной культуры, была лишь данью моде. Нет, поиски ответов на вопросы современности, и даже самые рискованные поиски — с какого-то момента стали насущно необходимы для советской интеллигенции.

Особенно после событий 1968 года.

В списках передавалось знаменитое стихотворение Евтушенко (вполне официального, заметим, поэта): «Танки идут по Праге, танки идут по правде»; некоторые члены партии, о ужас, отказывались голосовать на открытых партсобраниях за одобрение советской агрессии или старались в них не участвовать, ну и так далее, и так далее.

Реакция общества была большой, сложной, многоступенчатой, и она вовсе не сводилась к известному поступку диссидентов с демонстрацией на Красной площади в августе 1968-го. Нет, эти диссиденты не были столь уж одиноки в своем протесте, хотя и не все смогли выразить его так же бескомпромиссно.

Был и такой тип реакции на события 1968 года, который имел для участников отложенные последствия.

Попал в одну из таких историй и Тимур Гайдар.

Отто Лацис, известный экономический журналист 1960—1990-х годов, автор нашумевшей книги «Перелом» (тоже запрещенной, а потом и просто изъятой у автора КГБ), в 2003 году выпустил автобиографическую книгу «Тщательно спланированное самоубийство». В ней о событиях 1968 года он пишет следующее:

«Лен (Карпинский — в дальнейшем первый заместитель Егора Яковлева в перестроечных «Московских новостях». — А. К., Б. М.) предложил выйти погулять по Страстному бульвару. Заговорил сразу как с давним близким другом:

— Тимурка приходил. Он хочет шлепнуться в знак протеста.

С трудом я понял: Тимур Гайдар, знакомый Лену по работе в «Правде», где Гайдар служил тогда собкором по Югославии, решил застрелиться, чтобы таким образом громко заявить о своем протесте против вторжения в Чехословакию.

С Тимуром я не был до того знаком, но к имени его не мог быть равнодушен. Писателя Аркадия Гайдара я любил не только в детские годы. Сообщение Лена о намерениях Тимура меня перепугало, и я сразу сказал:

— Вот уж этого не надо. Власти только рады будут, а шума поднять не дадут — никто и не узнает.

— И я ему то же самое сказал, — ответил Лен. — Но что-то же делать надо».

Этот эпизод — несмотря на какую-то излишнюю литературность всей ситуации — ключевой для понимания и общей картины событий, и того, какую роль в них играл Тимур, и собственно, для всех дальнейших линий судьбы обоих Гайдаров.

Конечно, самоубийство в знак протеста — совсем непривычная вещь для нашей политической культуры и нашей истории. Однако в советское время такие вещи случались — чего стоит самосожжение литовского диссидента Ромаса Каланты в 1972 году. Для политических культур других стран и других эпох это средство и вовсе выглядело как вполне органичное. Образованный Тимур не мог этого не знать.

Странно говорить об этом с друзьями, как-то даже дико об этом объявлять (это и выдает нервный глагол «шлепнуться» в разговоре Карпинского и Лациса), но и здесь Тимур был довольно точен в посыле — именно этот «дикий» разговор привел к серьезным последствиям для целой группы единомышленников, и в дальнейшем мы это увидим.

«Но что-то делать надо», — сказал Лен Карпинский Отто Лацису.

Словом, это был как бы очерченный в воздухе как вероятность, как возможность — жест. Жест, который мог показаться мелодраматичным, даже напыщенным, излишне нервным — но... Тимур всегда был очень точен в выборе таких жестов, всегда мог поразить друзей, «запалить костер» полемики или страстной дискуссии буквально одним словом, и этот конкретный случай также не стал исключением. Кажется, что Карпинский не совсем точно передал слова Тимура. «Я думаю даже о том, чтобы покончить с жизнью в знак протеста, настолько все это невыносимо» — так могло это прозвучать, и почти наверняка прозвучало.

И, безусловно, не отговори его друзья и, не дай бог, случись с ним такое — резонанс такого публичного «самосожжения», вопреки словам Отто Лациса, был бы воистину грандиозен.

Однако «делать что-то» было надо, то есть куда-то направить это чувство отчаяния от происходящего, этот внутренний протест. И они собрались сначала втроем, чтобы обсудить — куда?

«Потом мы, гуляя по бульвару, — продолжает Лацис, — долго разговаривали о том, что же делать. Главное было ясно: надежды на постепенную мирную эволюцию системы в сторону демократии, порожденную XX съездом КПСС и “косыгинской реформой”, надо забыть.

Надеяться можно только на себя. Для начала мы, самостоятельно мыслящие интеллигенты-марксисты, должны продолжить и довести до конца критический анализ сталинизма, который на XX съезде был лишь едва начат, а потом полностью свернут и забыт. Надо было разобраться: на чем свихнулось социалистическое государство и как его можно исправить. И лучше было бы для такой работы начать издавать свой журнал, который, понятное дело, может быть только нелегальным. Разговор кончился тем, что мы решили встретиться втроем на даче у Тимура».

Итак, первая встреча. набросок первого плана для нового — конечно же, нелегального — журнала.

«Потом... — продолжает Лацис, — были несколько месяцев лихорадочных встреч с бесконечными спорами: у Лена, у Тимура в городской квартире, у Егора Яковлева. К нам присоединись еще Геннадий Лисичкин (экономический публицист, получивший известность благодаря статьям в «Новом мире» Александра Твардовского. — А. К., Б. М.) и Георгий Куницын. Куницына, недавнего большого начальника в ЦК (до 1966 года он был заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС. — А. К., Б. М.), мы рассматривали как авторитетного эксперта по партийному аппарату. И однажды кто-то спросил его:

— Ну есть хоть что-нибудь такое, что на них действует?

“На них” — это значило на класс партийно-государственной бюрократии. Куницын ответил, не задумываясь:

— На них действует только одно: инстинкт самосохранения».

Отметим на полях — в состав «антипартийной» группы (ну а какой же еще, партия-то почти единодушно поддержала вторжение в Чехословакию) входил даже бывший сотрудник ЦК, причем в больших чинах!

...Все это, конечно, ставит перед сегодняшним читателем просто неразрешимые интеллектуальные загадки: ну как же так? Как все это уложить в голове? Ведь мы знаем сегодня, что и «известинец» Лацис (позднее сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма», международного издания, редакция которого находилась как раз в Праге), и Егор Яковлев, тогда обозреватель «Известий», посвятивший немало лет изучению «образа Владимира Ильича Ленина», входивший в ту самую знаменитую «ленинскую группу» писателей и журналистов, которым ЦК КПСС доверял писать статьи к юбилеям и памятным датам о вожде, и Тимур Гайдар — собственный корреспондент газеты «Правда» в странах Латинской Америки и в Югославии, и уж тем более бывший сотрудник аппарата ЦК Георгий Куницын — все они плоть от плоти советской системы, как сказали бы сейчас, «советская элита».

Так почему же 1968 год и вторжение в Чехословакию они воспринимают как личную трагедию? Почему они, говоря точнее, пытаются *сопротивляться*?

Нет ли в этом какой-то наигранности?

В том-то и дело, что советское общество было гораздо сложнее устроено, чем мы думаем сегодня. В нем действовали гораздо более тонкие механизмы, а уж советская интеллигенция и подавно была сложным явлением. И «самостоятельно мыслящие интеллигенты-марксисты», как сформулирует это Отто Лацис уже постфактум в книге 2003 года, были важной частью этого противоречивого ландшафта, и они напряженно искали способы борьбы с наступлением, как им казалось, нового этапа сталинизма. И вот что еще довольно важно — они отнюдь не считали себя частью «партийно-государственной бюрократии». Не считал себя партийным бюрократом, конечно же, и Тимур Гайдар.

Журнал так и не появился.

Но не стоит иронически улыбаться в этом месте рассказа — далеко не все кончилось вместе с идеей журнала. Для многих история продолжилась, причем самым неожиданным образом.

Лацис начал исследовать документы по истории партии, залез в архивы; его книга «Перелом» — о том, как партия большевиков отказалась от нэпа, от экономической свободы, которая позволила стране воскреснуть после ужасов гражданской войны, о том, как задушили в корне все идеи и все практики этой «новой экономической политики», как на гребне этого удушения к власти пришел Сталин. Эту книгу он будет писать в течение ближайших трех лет, и напишет, и отдаст друзьям — тем самым, кто был на собраниях «мыслящих интеллигентов-марксистов» тогда, в 1968-м.

Эту книгу Лен Карпинский отдаст машинистке на перепечатку, та, в свою очередь, быстренько передаст ее в КГБ (типичная история тех лет), и сотрудники органов начнут «пасти» всю эту группу, следить за ней, поскольку в рукописи (не имевшей, кстати, даже авторства) было предупреждение о намерении издавать «независимый марксистский журнал».

КПСС очень ревниво тогда относилась к попыткам что-то улучшить, поменять в теории социализма. «Леваков» и «рenegатов» в рядах союзников — социалистических и коммунистических партий Западной Европы — советские газеты громили с пафосом, достойным партийных чисток 1930-х. Им доставалось куда жестче, куда тяжелее, чем даже классическим буржуазным политикам Запада. Они были хуже, чем враги, — они были неправильные друзья!

Поэтому то, что крамола несостоявшегося журнала была «марксистской» (что и следовало из рукописи Лациса), придавало слежке за этой группой еще большее значение — а ее установили сразу, после случая с машинисткой.

Слежка ничего не дала, журнала как будто и не было. «Группа» Карпинского — Лациса не оставила кагэбэшникам никаких улик — документов, воззваний, листовок, писем — просто ничего. Однако в 1972 году решено было их всех для начала пропустить через суд партийный (Комитет партийного контроля при ЦК КПСС), и пусть ответственные товарищи решат, оставаться ли им в партии или нет, а там уже и «органы» подключатся.

Лацис подробно описывает, как несколько месяцев практически ежедневно его таскали на Старую площадь, описывает всех действующих лиц этой истории, «злых» и «добрых» партийных следователей, описывает сам суд (заседание Комитета партийного контроля), во время которого каким-то чудом его спас от исключения старый сталинский волк Арвид Янович Пельше (герой, кстати, тогдашних анекдотов, вместе с Брежневым) — спас из-за личной приязни к его отцу Рудольфу Лацису, латышскому коммунисту 1930-х. И как повернулась в связи с этим вся история: несмотря на то, что КГБ изъял рукопись «Перелома» и тщательно изучил его, несмотря на многолетнюю слежку за автором, Лациса все-таки не посадили и даже, отозвав из Праги, из редакции международного коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма», позволили начать работу в академическом институте. Институты Академии наук тогда были традиционным местом ссылки опальных журналистов и редакторов.

Карпинского из партии на время исключили, но... тоже позволили работать в академическом институте.

Уволили из журнала «Молодой коммунист» всю группу Карпинского: Владимира Глотова, Игоря Клямкина и... тоже позволили работать в академическом институте.

Что ж это за волшебный институт такой? — спросит в изумлении читатель. Что в нем изучали? Уж не секрет ли всемирного счастья?

Как мы уже сказали, членов партии, не принявших поворот 1968 года, было в целом немало. «Неприятие» это выразилось у всех по-разному.

Кто-то просто отказался участвовать в идеологическом обеспечении агрессии, в оправдании ввода войск в Прагу. Не написал нужные статьи или брошюры, отказался туда ехать, не пришел на партийное собрание или вышел оттуда в знак протеста.

Был, например, такой Юрий Воронов, советский поэт, журналист,

работавший в середине 1960-х главным редактором «Комсомольской правды». После пражских событий его карьера как руководителя советской печати закончилась, он стал собкором в ГДР, где и прослужил вплоть до самой перестройки.

Лацис в своей книге упоминает собкора «Известий» Владлена Кривошеева, который также отказался писать столь «нужные» редакции репортажи, был отозван и понижен в должности. Таких, конечно, были единицы. Но единицы эти были очень ощутимы на общем фоне. Они очень портили общую картину «единодушного одобрения».

Другие что-то написали, как Евгений Евтушенко: стихи, статьи, открытые письма.

Неважно, дошли они до самиздата или были перехвачены, как говорится, на старте — их авторов постигла та же участь.

Третьи выразили свое неодобрение устно и прилюдно — и об этом стало известно властям.

Но вот что любопытно — последствия этой Пражской весны в СССР, в основном, не имели репрессивных — в прямом смысле — последствий. Посадили участников демонстрации 25 августа 1968 года, вышедших с плакатами на Пушкинскую площадь (Наталья Горбаневская поначалу не была осуждена, но ее арестовали в 1969-м, а затем направили на принудительное психиатрическое лечение). Затем участились диссидентские процессы.

Но многих отправляли в «академическую ссылку».

Художник Владимир Овчинников («русский Бэнкси», как его сегодня величают в газетах) — инженер-строитель, тогда, в момент советской агрессии, работал в Монголии, находился в «длительной зарубежной командировке».

Так вот, услышав о вводе войск в Прагу, он быстро провел «социологический опрос» среди своих сослуживцев, как они относятся к вторжению. Проработал в Монголии он после этого недолго — его вызвали в посольство и сообщили о расторжении контракта.

Одних — как Воронова — высылали из Москвы за границу, снимая с должности, других высылали из зарубежной командировки обратно в Москву. Одних прятали в институте, младшим научным или аспирантом, других — из того же института увольняли.

Им не давали печататься в периодических изданиях, выпускать книги. Не давали работать в журналах и газетах. В издательствах вносили в «стоп-лист». Но просто жить — в общем-то не мешали.

Больше того, порой даже старались «усилить» ими потенциал этих

научно-исследовательских институтов, которые занимались в СССР проблемами политического, социологического, экономического анализа. Большинство из них в эти годы написали диссертации, а то и по две, «начитали» и накопили громадный интеллектуальный багаж (благо «закрытые фонды» библиотек были для них доступны) и окончательно расстались с политическими иллюзиями 1960-х. А иной раз даже привлекались для написания докладов для высших сфер.

Это было непростое время для них — харизматичных, ярких людей. Бесконечное, застывшее, тяжелое время.

Но они, надо признать, потратили его не зря.

Когда в 1986 году главный редактор журнала «Коммунист» Иван Фролов, только что назначенный Горбачевым, призвал Отто Лациса к себе на работу первым замом (а все знали, что он за человек и какой шлейф за ним тянется) — возвращенному из опалы публицисту было что сказать в главном идеологическом органе партии; он уже точно знал, какие статьи будет заказывать и какую линию гнуть.

По сути дела, то, что они задумали тогда — в 1968-м — вместе с Тимуром, Егором Яковлевым, Лисичкиным и Куницыным, то есть проект независимого журнала «мыслящих интеллигентов-марксистов», им удалось реализовать через 20 лет в журнале «Коммунист». И в газете «Московские новости», где Лен стал заместителем Егора Яковлева.

Но в журнал Отто Лацис пригласил уже не Тимура, а младшего Гайдара — Егора.

Однако для того, чтобы понять происходившее тогда, в 1968 году, — нам, людям XXI века, недостаточно лишь *перечисления* событий, то есть фактических последствий ввода войск в Прагу — последствия были, и немалые, но дело не только в них. Да, им давали жить — советским интеллигентам, не принявшим этот поворот, — их в большинстве случаев не арестовывали и, уж конечно, не расстреливали, но нужно почувствовать, в какой атмосфере они тогда оказались, каким воздухом дышали. Довольно ясное представление об этом дает дневник Н. Бельской-Сидур, жены знаменитого скульптора и художника-нонконформиста, Вадима Сидура.

«21 августа. Среда. Ужасно, что мы бессильны и беспомощны. Сегодня самый черный день этого года — Чехословакия оккупирована своими “братьями”, советские танки попирают ее землю. Члены правительства вместе с Дубчеком увезены на бронированных автомобилях, а может быть, их уже нет в живых... Всю ночь работало Пражское радио, оно сообщало населению об “интервенции пяти дружеских государств” во

главе с войсками моей родины. Убито около 20 словацких студентов, есть раненые. Дубчек ночью выступил по радио и призвал народ вести себя достойно, сохранять спокойствие, не оказывать сопротивление продвигающимся войскам.

Даже Гдаль, который осуждает Даниэля и Синявского, сказал: “Да, человечество достойно атомной бомбы”. Сейчас с ним трудно не согласиться...

28 августа. Среда.

...Войска в Праге и везде в Чехословакии, будет введена цензура, возможно, запретят на время въезд иностранным туристам и корреспондентам. Зато очень многие наши кретины, наконец, прозрели. Очень уж всё неприкрыто, лживо и алогично. Чехи, словаки, это не мы послали к вам ни в чем не повинных солдат, ставших захватчиками и оккупантами. И все же, как сказал Юра: “Я готов встать перед вами на колени”. Мы с Димой сделали бы то же самое, и много, много других русских. О дальнейшей судьбе мира мы имеем самые грустные и мрачные представления. Третья мировая война возможна в самом ближайшем будущем, причем повинными в ней могут быть наши сорвавшиеся с цепи псы»...

Узкие кружки московской интеллигенции, откровенно обсуждавшие в «своем кругу» вторжение в Чехословакию, были далеко не единственными, кто реагировал на вторжение. «Хроника текущих событий» 1968 года отражает эту новую реальность в таких деталях:

«26 июля 1968 г. тридцатилетний грузчик Анатолий Марченко послал в редакцию газет “Руде право”, “Праце”, “Литерарни листы” открытое письмо, в котором выражался протест против кампании клеветы и инсинуаций вокруг Чехословакии и говорилось об угрозе интервенции в эту страну.

Через два дня, 29 июля 1968 г., Анатолий Марченко был арестован на улице и отправлен в Бутырскую тюрьму. Ему было предъявлено обвинение по ст. 198 — нарушение паспортного режима.

29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЧССР.

30 июля умер Валерий Павлинчук, молодой физик из города Обнинска, один из активнейших общественников и коммунистов города, талантливый ученый и педагог, он был исключен из партии и уволен с работы за распространение “Самиздата”. Но это не сломило его духа.

Незадолго до смерти он обратился с открытым письмом к А. Дубчеку, где прямо выразил солидарность с новым политическим курсом ЧССР, видя в нем пример настоящего социалистического строительства, свободного от догматизма и полицейщины.

В Москве на Октябрьской площади некий гражданин 24 августа выкрикнул лозунг против вторжения в Чехословакию и был жестоко избит неизвестными в штатском. Двое из них втолкнули его в машину и увезли.

В ночь с 21 на 22 августа 1968 года 20-летний ленинградец Богуславский написал на трех клодтовских конях «Вон Брежнева из Чехословакии!».

Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через две недели осужден по ст. 190 на пять лет строгого режима.

Были арестованы два студента механико-математического факультета МГУ, собиравшие подписи под петицией протеста. В настоящее время эти студенты находятся на свободе.

Довольно широкое распространение в Москве получили листовки, содержащие протест против оккупации Чехословакии.

«Известны многие случаи принципиальной неявки на собрания, цель которых была добиться единогласного одобрения ввода войск в ЧССР»». И вот важное:

«Известны и случаи, когда люди находили мужество или воздерживались от голосования или голосовать против одобрения. Так было на собраниях в Институте международного рабочего движения, в Институте русского языка, на одной из кафедр МГУ, в Институте мировой экономики и международных отношений, в Институте философии, в Институте радиотехники и электроники».

Ну а что же все-таки Тимур Гайдар?

Какова была его роль в этой истории 1968 года, кроме «тщательно спланированного самоубийства»?

Сразу надо сказать — его не пригласили в Комитет партийного контроля, не таскали к «партийному следователю», не мотали душу на этих бесконечных «беседах».

Вернемся к исповеди Лациса. Итак, «группа» разоблачена.

«Лен, — пишет Лацис, — повел себя иначе. Он несколько часов беседовал с Бобковым (по-своему легендарный заместитель Андропова по 5-му управлению КГБ, «отвечавший» за всех инакомыслящих и диссидентов в СССР Филипп Бобков. — А. К., Б. М.)...

О судьбах социализма, марксизма, о положении в стране, о

сталинизме, о своих идеях и намерениях. Это, конечно, больше было похоже на беседы Штирлица с Мюллером, чем на известную героическую картину “Допрос партизана”. Но важна не картина, важен результат. От Карпинского, который знал гораздо больше, чем Готов и Клямкин, Бобков не узнал ничего нового — во всяком случае, если судить по последствиям для других людей. Главное — он не узнал о первом кружке, существовавшем до установления наблюдения: Лубянка не тронула ни Тимура Гайдара, ни Геннадия Лисичкина, ни Георгия Куницына, ни Егора Яковлева».

Разгром с подачи Лубянки журнала ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист», откуда уволили уже упомянутых Глотова и Клямкина, исключение из партии Лена Карпинского, запрет на публикации Геннадия Лисичкина в комсомольской прессе — всё это было уже позднее.

«Первый кружок», в который входил Тимур Гайдар, уцелел. Им — как считает Лацис — просто повезло. Их не тронули.

«Последствия» оказались совсем другими — «крамолу» того самого кружка, собиравшегося в том числе и у них дома в квартире на «Аэропорте», как губка, жадно впитал его сын, Егор.

Ариадна вспоминает, как она «жгла бумаги», которые оставались после этих сходов Егора Яковлева, Карпинского и Тимура: «Я прекрасно знала, чем им это все грозит».

Однако, как говорится, «рукописи не горят». «Рукопись» Тимура и его друзей из того страстного 1968 года огненными буквами запылала в юношеском сознании Егора Гайдара — позднее, году в 1973-м, когда он поступил в МГУ.

Это еще один — важнейший — эпизод из биографии семьи, и о нем тоже стоит рассказать подробно.

В 1973 году после десятого класса Егор Гайдар поступал на экономический факультет МГУ — это, в принципе, было в логике его детских увлечений. Его в семье еще с детства считали «будущим ученым». Столько времени он проводил за книгами и такие книги читал — ошибиться было невозможно. Даже болезни, и те у него были «головными». Случались очень сильные приступы головной боли, в том числе от переутомления: помогали немного только крепкий чай, тройчатка, цитрамон, но разговаривать с ним о том, чтобы он поберегся, было бесполезно — скорость поглощения книг только увеличивалась год от года.

Репетиторов, связей — ничего этого у него не было, готовился к экзаменам самостоятельно. А тогда, как и сейчас, поступление в институт

для мальчика означало в том числе и возможность проходить военную службу без отрыва от учебы, на военной кафедре в институте.

А это было важно.

Он твердо знал, что отец освободить его от службы не будет. Пару лет спустя своему другу Марку Максимову Тимур в этом резко отказал: «Мужчина должен служить в армии». Просил за сына об этом не сам Марк Максимов, а его жена Антонина. К счастью, сын Марка — Андрей Маркович Максимов, будущий театральный режиссер и телеведущий, был освобожден от военной службы официально, «по зрению», как тогда говорили, но случай этот ему запомнился.

Такие просьбы Тимур получал частенько, однако близкие люди знали: помогать «откосить» от армии — нет, это не к Тимуру.

Слава богу, Егор в МГУ поступил. Все его друзья говорили прямо: знаешь, армия — это не для тебя.

Однако еще до этого родителям пришлось пережить стресс по совершенно другому поводу. Повод этот был совершенно секретный, и никому из своих друзей Тимур и Ариадна, конечно, о нем не рассказали.

И в школе, и потом в институте Егор был очень разборчив в выборе друзей. Компания у него сложилась маленькая, узкая — вокруг его школьного друга Вити Васильева и его самого. В нее вошли, например, Леша Битов, сын Олега Битова, старшего брата знаменитого уже тогда писателя Андрея Битова, и подруга Леши Аня.

И вот в том самом 1973 году, когда они все поступали в институт, у них родилась идея «сделать что-то».

В кружке было еще три-четыре человека, вспоминал впоследствии Васильев, который остался другом Егора на всю жизнь. Но на «дело» они решили идти именно вчетвером — Егор Гайдар, Витя Васильев, Леша Битов и Аня.

«Делом» этим были листовки, антисоветские прокламации, которые команда Егора должна была разнести по подъездам и бросить в почтовые ящики. Основная идея текста, вспоминает Васильев, была простая — так дальше жить нельзя, строй надо менять. Но текст листовки, к сожалению, не сохранился.

Об обстановке в доме Гайдаров мы уже сказали немало. Что же касается Леши Битова, то его отец, журналист Олег Битов, работавший в «Литературке», через несколько лет и вовсе попадет в очень тяжелую историю, которая до сих пор покрыта мраком кагэбэшной «секретности».

Решив остаться на Западе и публично объявив об этом, он вдруг снова попал в СССР — его выкрали то ли обманом, то ли с помощью каких-то

психотропных средств. Да еще и заставили «покаяться», сломав человеку жизнь.

Как и в семье Егора, отец Леши Битова не скрывал от сына ни круг своего чтения, ни свои мысли.

Оба отца при этом занимали серьезные посты в крупнейших советских газетах того времени.

Но истории эти — с родителями-интеллигентами, которые не прятали от детей ни книг, ни мыслей — не были единственной тропинкой к первым безумствам поколения, родившегося в 1950-е годы.

Например, Валерия Новодворская, учившаяся в конце 60-х в Инязе (Институте иностранных языков имени Мориса Тореза), выросла в очень простой советской семье; ее мама отнюдь не была антисоветски настроенным человеком. Но в 19 лет Новодворская придет с листовками в Большой Кремлевской дворец и раскидает эти листовки с балкона. С этого, по сути дела, и начнется ее знаменитая биография.

Пройдет больше двадцати лет, и уже отсидевшая в советских тюрьмах и психушках Валерия Новодворская напишет в своих мемуарах:

«Если бы я в 19 лет знала, что все напрасно, скорее всего я бы устроила на площади самосожжение (а удачных самосожжений было мало, кончались они теми же арестами и спецтюрьмами), но бороться бы не смогла...

Решение было принято в октябре 1969 года, день был выбран: 5 декабря, День Конституции. Наибольший эффект обещал Дворец съездов, там огромный зал и в праздничный день дадут что-нибудь идейное (дали оперу “Октябрь”). Оставалось придумать текст. Для одних листовок он был написан в прозе (преступления партии, прелести демократии, задачи Сопротивления, необходимость вооруженной борьбы с коммунизмом, который есть фашизм, приглашение вступать в группы Сопротивления). Подписана эта прелесть была “Московская группа Сопротивления”».

Остановим рассказ Новодворской. При всей уникальности ее личности — зафиксируем такую вещь: сам этот случай с листовками был не уникален. К идее листовки, воззвания, «манифеста» в то время приходили многие юные умы.

Новодворская раскидала свои листовки в 1969-м. Гайдар (кстати, позднее, уже в 1990-е, они станут с Новодворской довольно близкими конфидентами) намеревался сделать это с друзьями в 1973-м.

Эти истории можно множить и множить. Откуда же у того советского

поколения родилась эта идея самопожертвования (а они довольно ясно понимали, на что идут), идея героизма и «донкихотское» стремление бросаться на мельницы?

Из сегодняшнего дня нам кажется, что картина такого превращения — от идеи коммунизма к идее антикоммунизма — была довольно сложна и противоречива.

С одной стороны, она безусловно строилась на осмыслении итогов 1968 года, подавления Пражской весны, от чтения Солженицына, от диссидентской или полудиссидентской литературы, которая уже начала свое широкое распространение в узких кругах.

С другой — сыграли свою роль и не менее мощные советские архетипы: недаром Новодворская в своих сочинениях не раз упоминает Павку Корчагина, декабристов, героев-народовольцев и т. д.

Идея «детского подполья», героической группы детей, которые борются с несправедливостью взрослого мира («Капитан Сорви-голова», «Красные дьяволята», «Неуловимые мстители») — также была весьма популярна в советской культуре. Этот дикий коктейль — советской веры в справедливость и антисоветского неверия в лозунги — давал порой совершенно неожиданный результат.

Но чем же кончилась история с листовками у Егора и его друзей?

Был создан общими усилиями текст, отпечатано две тысячи (!) фотокопий небольшого формата, умещавшихся на ладони.

По лицам подпольщиков трудно было не догадаться, что они замышляют нечто эпохальное. Родителям Егора не составило труда найти материальные среды этого безобразия и с ужасом понять, что на самом деле происходит.

Встреча заговорщиков была назначена на час или два часа ночи. Когда, как говорится, «город спал». От дома Егора друзья должны были разойтись по подъездам, чтобы совершить свой подвиг.

За несколько часов до этого Тимур поговорил с сыном. Ему удалось переубедить Егора, а через него — и его друзей.

И предотвратить неизбежную катастрофу.

Егор пришел на встречу, вспоминал позднее Виктор Васильев, и сказал, что отцу позвонил «какой-то его друг из КГБ». И этот друг сказал, что все известно и что нас схватят сразу, ничего не дадут сделать.

Друзья выслушали его хмуро и молча.

Трудно отказываться от подвига, от самопожертвования, когда ты (в своей голове) его уже практически совершил. Тем не менее акция с листовками не состоялась, Егор был убедителен. Он всегда был убедителен.

Но подробности этого ночного разговора с друзьями и подробности разговора с отцом история бережно не сохранила. Тяжелые — скорее всего — это были подробности.

Мы можем лишь сконструировать логику и той и другой беседы, опираясь лишь на один абзац из автобиографической книги Егора Гайдара. Вот он:

«Вместе обсуждаем традиционные русские вопросы — кто виноват, что делать? В оценке брежневской действительности, идиотизма происходящего разногласий нет. Вопрос: можно ли что-нибудь изменить, если можно, то как? Идти в народ, клеить листовки, разворачивать пропаганду, готовить покушения на Брежнева и Андропова? Убедительных ответов нет. Постепенно приходит понимание, что советское общество при всем его видимом несовершенстве, при всем ханжестве идеологии, при очевидных экономических глупостях административной экономики на редкость устойчивая система, никакими булавочными уколами ее не поколебать».

Егор не пишет здесь прямо об эпизоде с листовками — хвастаться, собственно, нечем — благими намерениями? Да и в целом не очень приятный для него эпизод; отношения с четой Битовых, например, на долгие годы были разрушены, помирились они значительно позже. Да и нелегко, даже годы спустя, признаться открыто в том, что послушался отца и не стал совершать «подвиг».

Тем не менее основная идея «подвига» здесь подвергнута довольно подробному позднему анализу.

Видно по этому абзацу, что он над этим напряженно думал, и не раз.

«Булавочные уколы» — то есть самостоятельные, отчаянные вылазки одиночек — противопоставлены здесь чему-то иному, что еще ждет его впереди — фундаментальному изменению самой системы.

Изменению изнутри.

Но если Егор предпочел в своих воспоминаниях коснуться этого эпизода лишь завуалированно, то в воспоминаниях Ариадны Павловны всё выглядит куда более драматично.

«Мы стояли с Тимуром на балконе, — говорит она в фильме «Долгое время», — и смотрели в темноту, прижавшись друг к другу. Мы не знали, вернется он или нет и чем все кончится».

И верно. Гарантии того, что все обойдется, не было никакой.

И тем не менее право окончательного решения Тимур предоставил сыну. Он хорошо знал, что никакое грубое давление, никакой запрет в

данном случае невозможны; вернее, так — насилие и запрет приведут к обратному результату. Он очень хорошо знал своего сына.

История со «знакомым кагэбэшником» была им, конечно, выдумана от начала до конца. Ни один из членов «подпольной группы» за эти листовки (которые пришлось потом сжигать) не пострадал, никаких неприятностей и вообще никаких последствий эта история не имела, что, конечно же, было бы невозможно, имей КГБ действительно реальную информацию о том, что происходит в МГУ. В сердце, так сказать, советского высшего образования.

Среди десятков историй с подпольными кружками, прокламациями, которых, повторяем, было немало в те годы, — этот вариант оказался самым вегетарианским.

Однако что-то очень знакомое чудится в словах Егора Гайдара. В том абзаце, где содержится глухое, и в общем, не очень охотное упоминание об этих листовках. «Идти в народ, клеить листовки...» — нет, «мы пойдем другим путем, не таким путем надо идти». Помните, откуда это? Да, из советских кинокартин и литературы о молодом Ленине. Все-таки очень сильны были эти советские мифы, стереотипы, очень сильно влияли они на сознание. Примерно то же самое говорил ему отец: вы ничего не измените, это булабочные уколы, на систему они не подействуют. Еще когда-то в Югославии Тимур говорил сыну: возможно, ваше поколение сможет что-то изменить через экономику. Изучай ее. Он по-прежнему верил в то, что изменения могут произойти — но постепенно.

В автобиографической книге Егор напишет: в доме отца собиралось немало интересных, ярких людей, и перечислит несколько фамилий — среди них будут и Лен Карпинский, и поэты Давид Самойлов, Юрий Левитанский.

Интересны, кстати, эти совпадения. Юрий Левитанский, поэт и фронтовик, с которым Тимур немало общался (так же как и с другими поэтами-фронтовиками), не раз упоминается в дневнике Нельской-Сидур о событиях 1968 года. Он не раз по ходу этих тревожных дней заходит в подвал, где располагалась мастерская Сидура. Москва — все-таки очень тесный город.

Но в том-то и дело, что упоминаемый Егором как друг отца Лен Карпинский (или другой друг, Егор Яковлев) — это только один круг его общения. А вот Давид Самойлов, Георгий Поженян — совершенно другой круг. А был еще и третий, и четвертый. А может быть, и пятый. Тимур — легкий, остроумный, порой язвительный, но всегда открытый и ясный собеседник — притягивал к себе многих, создавал вокруг себя целые

сферы друзей. Это был его человеческий талант — может быть, главный.

Ариадна Павловна вспоминает: придешь порой домой, а вся прихожая завалена фуражками — к Тимур пришли гости. Офицеры, генералы, адмиралы.

И это понятно. Отправляясь в очередную «военную» командировку, Тимур и там приобретал немало друзей.

Однако по-настоящему с армией, с прошедшей войной связывал его круг поэтов. Это были не только Юрий Левитанский или Давид Самойлов, человек тоже, как и Тимур, легкий, искрящийся, но как всякий гений, отдельный, особый, не сводимый ни к какому «кругу».

Тимур Гайдар дружил и много общался с детским поэтом Яковом Акимом, с поэтами Григорием Поженяном, Марком Соболев, уже упоминавшимся Марком Максимовым, Арсением Тарковским, Константином Ваншенкиным, Владимиром Орловым.

Все эти люди воевали на Великой Отечественной. Все они прошли через фронт, причем порой без удостоверения фронтовой газеты — просто на передовой. Все были поэтами и членами Союза писателей. Порой они встречались в ресторане ЦДЛ, иногда ходили в Сандуновские бани. Но, конечно, чаще всего встречались дома. Отмечали День Победы, дни рождения.

И это были именно поэты — Тимур не просто высоко ценил стихи и умел их слушать, но и сам мог читать любимые строки, помнил их наизусть — сотни строк. Такие чтения могли продолжаться часами.

Ну и еще одним был кружок Лена Карпинского, о котором все знали, что это «диссидент внутри партии», которого увольняли, исключали, но потом снова восстанавливали — что не мешало ему продолжать дружить и с Тимуром, и с Егором Яковлевым.

«В компании отца Тимур, безусловно, выделялся. Больше всего он был похож на американского актера — ослепительная улыбка, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, вечная трубка в зубах, — вспоминает телеведущий Андрей Максимов, сын Марка Максимова. — Надо понимать, что это не была диссидентская компания. Все они печатались в советских изданиях, были советскими поэтами. Кстати, Тимур из них всех мне казался самым советским, тем более что он работал в газете “Правда”. Но были моменты, когда даже при мне они говорили абсолютно откровенно, и я это хорошо помню. Очень неприятно их поразила брежневская многотомная автобиография — для них, фронтовиков, было очевидно, что выпячивать свои “подвиги” на войне нелепо, к этому они отнеслись сурово. Очень остро обсуждали они авантюры в Афганистане. Но главной их темой

все равно оставалась литература и литературная жизнь».

...Трубку тогда курили многие, но у Тимура была не только настоящая трубка — были все фирменные аксессуары к ней, фирменный табак. Таким могли похвастаться немногие.

Тимур сам перестроил свою квартиру на западный манер, упразднив коридор: сразу после прихожей начиналась большая гостиная с камином. Это поражало многих. При этом, конечно, он никогда не был дельцом, врачом, но, что называется, любил и умел жить. В писательский дом на Красноармейской (а Тимур был членом Союза писателей СССР) раз в неделю привозили продуктовые заказы — конечно, семья этим иногда пользовалась, если привозили что-то нужное. А вот из «Правды» Тимур никаких продуктовых заказов никогда не приносил, разве что недоступное под Новый год шампанское. Ему полагалась «служебная дача» в Серебряном Бору — две маленькие комнатки в доме на две семьи, с отдельным входом, без горячей воды, без душа, и Тимур не стал покупать участок и строить летний дом. Но в писательский кооператив в поселке Красновидово он вступил и взносы за квартиру в строящемся двухэтажном доме начал выплачивать. А перед этим лет двадцать выплачивал взносы за кооперативную квартиру на Красноармейской, у станции метро «Аэропорт». Да, пусть в Красновидове была не дача и не отдельный дом — всего лишь маленькая двухкомнатная квартира (на трехкомнатную денег не хватило) в кирпичном двухэтажном доме, зато она была в лесу. (Да и ту он получил не без труда: из списка его вначале выкинули, затем дали «служебное помещение».)

Если же гонораров на такие большие траты не хватало — он мог занять у друзей.

В семнадцать, восемнадцать, девятнадцать лет все события, которые происходят с человеком, — воистину эпохальные. Любой друг — практически навсегда. Каждое свидание с девушкой может быть судьбоносным. Каждая книга может перевернуть сознание. Что уж говорить про историю с листовками. После нее Егор очнулся практически другим человеком, повзрослевшим и готовым смотреть на этот ужасный мир с горькой усмешкой современного Печорина.

Однако главное, что может произойти (или не произойти) в этом возрасте, — попытка жить самостоятельно. Отделиться от родителей.

По крайней мере, так было тогда, в начале и середине 1970-х, когда его поколение только вступало в жизнь. Не сбросив с себя этот груз зависимости — жить «по-взрослому» было трудно.

У Егора в этом смысле был особый случай — у него не было никаких конфликтов с родителями. Они его страстно любили. Он для них был другом. Их связывали узы, которые были куда крепче формальных семейных обязательств.

Но освободиться все равно было необходимо.

Многие из нашего поколения для решения этой задачи выбирали тогда самый простой вариант: ранний брак. Появлялся железный довод к тому, чтобы жить от родителей отдельно. Ранние браки в те годы были совсем не редкостью.

Страсть, любовь, первый ребенок — все это, конечно, было на первом плане. Но и желание вырваться из-под опеки взрослых играло огромную роль.

У Егора, повторяем, был особый вариант — ему было необходимо вырваться не просто из-под опеки: родители, умные люди, никогда на него не давили, умели найти аргументы, умели найти к нему подход. Ему было необходимо вырваться еще и из-под ярчайшей харизмы своего отца, из-под ауры его великого обаяния. Тимур Гайдар — хотя из сегодняшнего дня это не кажется столь очевидным — был по-настоящему знаменит в той Москве. У него всегда была своя, особая слава. У него был свой круг ярчайших, великих друзей, и сам он был на их уровне — великий, яркий человек. Он был блестящим мужчиной, способным дать любой совет, решить любую проблему...

Но, пожалуй, это и было тяжело. Или как минимум совсем непросто.

Родители Иры Мишиной снимали дачу в Дунине, так же как и бабушка Егора Лия Лазаревна Соломянская, редактор киностудии «Союзмультифильм», первая жена Аркадия Гайдара.

Пожалуй, именно рассказанный бабушкой вариант судьбы Аркадия Петровича (или как сейчас говорят, «нарратив») стал для семьи основополагающим. То есть решающим для всех поколений Гайдаров.

Именно ей были адресованы все жгучие вопросы, которые в разное время, безусловно, задавали и сын Тимур, и внук Егор: а как Аркадий Гайдар относился к Сталину? а что он думал о пакте Молотова — Риббентропа? а что бы он делал сейчас, не погибни на войне? а правда ли то, что на гражданской участвовал в рассказывании и подавлении крестьянских восстаний? и так далее, и так далее.

Не на все вопросы Лия Лазаревна могла ответить. На многие вопросы (в том числе и касавшиеся отцовской родословной) Тимур начал искать ответы сам, когда задумал писать свою книгу об отце. Но основной посыл

ее ответов и сейчас нам очевиден — Аркадий Гайдар был невероятно искренним человеком. Он был человеком порыва, поступка, жеста, он был настоящим художником — легким и бесшабашным в жизни, принципиальным и твердым в творчестве и убеждениях. Он был человеком своего времени, который отчаянно, до боли в сердце верил в мировую революцию. Такой ответ Лии Лазаревны — пережившей два года сталинских лагерей — был, конечно, самым убедительным семейным свидетельством. Это был ответ живого человека, он перевешивал любые, и советские, и антисоветские, аллюзии на тему Аркадия Гайдара, возникшие уже в позднейшие времена.

Все в семье говорят о Лие Лазаревне как о человеке с «непростым характером»: она могла и прикрикнуть, и настоять на своем в любой ситуации, ее покорно слушался и вспыльчивый Тимур, и упрямый Егор, ей с почтением внимали и все женщины этой семьи. А куда было деваться? Лия Лазаревна могла зажечь огонь полемики!

«Когда мы приезжали на дачу, — вспоминает Ариадна Павловна, — и, к примеру говоря, Тимур обещал вкрутить, наконец, лампочку — поскольку Лия Лазаревна не хотела сама лезть на стул, и вообще превращала это в воспитательный момент, мол, некому в доме лампочку вкрутить, — и вот он приезжал, стелил газетку, вставал на стул, и тут же она начинала его воспитывать: да нет, Тимур, ты все неправильно делаешь! И тут же сгоняла его со стула и вставала сама...»

Приезжая в поселок Дунино из Москвы, Белграда или Гаваны, Егор погружался в праздничную, благодушную атмосферу подмосковного лета. Были поселки «академические», «научные», были «дипломатические», были «творческие» (писатели, киношники), но везде, и в Болшеве, и в Суханове, и в Переделкине, жгли большие костры, ставили детские спектакли, устраивали общие дни рождения, пели песни, хохотали до упада, переодевались в простыни и мамины платья, рыбачили, играли в домино, тайком от взрослых пили портвейн и сухие грузинские вина, провожали друг друга до калитки.

Здесь они и подружились с Ириной. Сначала дружили — а после выпускных экзаменов отношения изменились.

Ира поступила во второй мед. Той осенью 1973-го они встречались практически каждый день. Он провожал ее домой. Она жила с родителями далеко, в Бутове. Домой он возвращался очень поздно, в час или в два ночи. Или оставался ночевать у родителей Иры.

Как ни старался успокоить жену Тимур Аркадьевич, Ариадна Павловна начала сильно волноваться.

Да, эти ежедневные прогулки по ночной Москве могли кончиться плохо! Москва в ту пору была городом, где улица к прохожим была порой довольно беспощадна в ночное время. Она волновалась за сына.

Таким образом не только у самого Егора, но и у его родителей созрела простая идея — а давайте вы все-таки поженитесь! Идея была принята на ура.

Свадьба была такая — несколько человек друзей. Свидетели — Маша Стругацкая (ставшая второй женой Егора почти через десять лет) и институтский друг Егора Виктор Походун. Выпили шампанского и пешком пошли в загс на Фестивальной улице.

Затем вернулись домой и начались танцы под пластинки. Ни о каком ресторане, ни о какой «свадьбе по-взрослому» речь изначально даже не шла. Была веселая, легкая, счастливая атмосфера. Такой эта свадьба и запомнилась.

Началась супружеская жизнь. В 1979 году, уже после того, как они окончили институт, родился сын Петя. Еще через три года — дочь Маша. Все это время молодая семья жила в родительской квартире на Красноармейской улице, в писательском доме возле станции метро «Аэропорт».

А уже потом началась жизнь в Строгине. Тимур как очередник Моссовета дождался очереди и получил «двушку» в новом районе.

Да, это был совершенно новый район Москвы. Новостройки. Грязь вдоль свежего асфальта, налипающая на ботинки. Первые высаженные вдоль бетонных коробок деревца. Бульдозеры и краны.

Сообщение с центром города очень тяжелое — выходить нужно было заранее, долго ждать автобуса, ехать до метро чуть не полчаса, давиться в общественном транспорте в часы пик.

С другой стороны — дикий, прекрасный, заросший лесом берег чистой еще Москвы-реки. Летом можно было купаться, осенью и весной — просто гулять по берегу. До отцовской дачи в Серебряном Бору — она находилась на другом берегу реки — можно было добраться на речном трамвайчике. Очень удобно.

Начались детские болезни, пеленки. Начались и проблемы с деньгами.

Жить на две стипендии было трудно. Две стипендии в те времена — это 100 рублей в лучшем случае. На такие деньги даже одному было прожить нельзя.

Но и брать деньги у отца Егор не хотел. Решил зарабатывать сам. Одно время ходил разгружать вагоны. Уже в 1990-е, когда писал мемуары, подумал, что этому эпизоду — про вагоны — читатель может не поверить,

и прописал фамилии четырех друзей-свидетелей:

«Наша молодая студенческая семья жила скромно. С друзьями Аркадием Вилитенко, Сергеем Богдановым, Рубеном Саакяном, Сашей Пагоным ходили разгружать вагоны. Потом начал переводить с английского для ИНИОНа».

...Были еще и походы на овощную базу. Там Егор вывихнул руку. Словом, физический труд для приработка ему не очень подходил. Уже на старших курсах включился в работу, которую ему предложил будущий научный руководитель диплома доцент Виталий Кошкин, — хозрасчетные исследования по договору для предприятий электротехнической промышленности. Хозрасчет был в моде, предприятия хотели научно обоснованную экономическую модель, по которой можно было бы отчитаться, — вот, мол, у нас ученые экономисты все обсчитали, все проверили, прибыля не за горами, план перевыполняем!

Лекции по линии общества «Знание», деньги по договору за хоздоговорные работы в аспирантуре (по ним потом он напишет диссертацию; в трудовой книжке это называлось «лаборант», а затем «младший научный сотрудник экономфака по хоздоговору на 0,5 ставки»), переводы для реферативных сборников ИНИОНа — Института научной информации по общественным наукам — кое-что заработать, конечно, ему уже удавалось.

Но жили в целом скромно, как все. Скромно, но весело: как и отец, Егор полюбил по выходным баню с друзьями. После бани приезжали в Строгино, играли в шахматы, немного выпивали. Ира жарила сосиски, разрезая концы, получалось красиво: зеленый горошек, селедка или шпроты, морковь с чесноком и майонезом — что бог послал. Иногда удавалось купить бефстроганов или антрекоты в кулинарии, но это если сильно повезет и если в кармане оказались лишние деньги. Лишних, как правило, не было; чтобы дожить до следующих поступлений, нужно было порой считать до копейки. Егор это делать умел.

За дружеским столом начинались долгие разговоры — политика, экономика, высокие материи, позиция интеллигента. Обсуждали книги, в частности Стругацких. Обсуждали новейшие труды по экономике, изданные, разумеется, не у нас.

Кругом был густой брежневский застой. Червона Рута, «не шукай вечерами», чемпионат мира по хоккею, полузапрещенный художник Илья Глазунов и его знаменитая выставка, «Мой адрес не дом и не улица», БАМ, строительство автозавода в Набережных Челнах, американские империалисты терпят позорное и сокрушительное поражение во

вьетнамской войне...

Мир вообще был на грани войны, это было понятно при первом же взгляде на газетные полосы. Но думать об этом не хотелось, хотелось о хорошем. Открывали для себя всё новые и новые книги.

Очереди в магазинах тем временем становились всё яростнее и длиннее — а продукты всё хуже.

Долго стоять в очередях времени у них с Ирой не было — даже просто дорога в один конец занимала часа полтора. Ира с дежурства в больнице — она работала медсестрой — бросалась стремглав в метро: забрать Петю из садика.

Когда Ариадна приносила в химчистку джинсы Егора, купленные еще в Югославии, ей говорили: слушайте, ну а чего вы ему новые-то не достанете? Сколько уже можно их чинить?

Она с гордостью отвечала: «Да, мой сын живет честно, и что?»

Ну и действительно — откуда у советского студента деньги на новые джинсы, которых и в свободной-то продаже не было?

Егор, в ту пору уже читавший на английском труды по экономике, прекрасно понимал, что те рубли, на которые они жили с Ирой и на которые жили в большинстве своем простые советские граждане, от Чукотки до Калининграда, отнюдь не были единственной советской валютой. Нет, рубль-то был один и тот же. Но валюты были в ходу разные. Потому что это был абсолютно разный рубль, с разным наполнением.

В СССР можно было жить в одной, другой, третьей и четвертой экономической реальности. По выбору.

Реальность первая — вот эта самая реальность официальных зарплат и официальных цен, в которой жили их родители и они сами.

Из «правдинских» гонораров Тимуров удавалось выплачивать взносы за кооператив в Красновидове, содержать личный автомобиль, иногда водить друзей в ресторан, но на этом «жизнь на широкую ногу» в советском варианте и заканчивалась. Да и с ней порой приходилось залезать в долги.

Реальность вторая: «надбавочный» рубль. Рубль, который платили на БАМе, например, или в северных областях СССР (Норильск, Коми, Камчатка, Сахалин), был обеспечен другими товарами — в тех местах ассортимент магазинов был значительно богаче, но главное — там фигурировали совсем другие цифры в зарплатной ведомости: получать 500, 600, 800 рублей в месяц там было нормально, а это в разы больше, чем на остальной территории СССР. То же самое в какой-то мере касалось и сезонных работ (рыболовецкие траулеры, например) и отдельных

договорных видов деятельности — таких как стройка объектов соцкультбыта в колхозах и совхозах, оформление библиотек, школ, детских садов, домов культуры, ну и масса других видов деятельности, не до конца подконтрольных советской бухгалтерии. Этим, например, занимались некоторые однокурсники Егора в стройотрядах. Каждый привозил после лета в стройотряде полторы, две тысячи рублей.

Наконец, была третья реальность — «черный», пиратский рубль. Это был в чистом виде продукт черного рынка. Причем рынок этот касался отнюдь не только американских джинсов, тряпья или пластинок, которые привозили из-за границы советские командированные.

Объем товаров и услуг, которые обращались на советском черном рынке, был вообще воистину огромен. Это были практически криминальные деньги, но они ходили по стране в больших объемах, серьезными полновесными потоками. Это были и ширпотреб, и техника, и «левое» топливо, и «левые» стройматериалы, и лес, и продовольствие, и все что угодно.

Ну и наконец, практически узаконенный инвалютный рубль — то, что оставалось гражданам после зарубежных поездок, накопленная абсолютно честным трудом валюта, вывезенная из какой-нибудь Болгарии или Монголии: на эти деньги можно было купить в магазинах «Березка» дефицитный видеомаягнитофон, обменять его на что-то еще более дефицитное, а там, глядишь, и до новой машины недалеко. Артисты цирка или балета или моряки торгового флота, которые много ездили (плавали) по миру, умудрялись таким образом даже иностранные автомобили в СССР ввозить. И на этом тоже основывался нелегальный черный рынок в стране.

Наконец, был «льготный», партийный рубль (как называл его впоследствии Ельцин, борющийся с этими привилегиями): за сущие копейки, имея «допуск» в спецбуфет, спецмагазин и прочие «спецместа», можно было и вкусно поесть, и купить дефицитные продукты, и технику, и одежду, и путевку в шикарный санаторий.

Обо всем этом знал любой взрослый гражданин СССР, особенно если он жил в большом городе, где слухи о подобных вещах распространялись со скоростью света.

И каждый взрослый гражданин делал свой выбор — в какой именно экономической реальности он хочет жить.

Егор Гайдар, как и многие люди его поколения, сделал другой выбор — он решил эту реальность попросту изменить. Да, он хотел жить честно, как нормальный человек, не испытывая угрызений совести, не испытывая страха перед законом, но при этом зарабатывать для семьи прилично —

своим трудом, своей головой.

Но тогда это было практически невозможно.

Думая над этим, Егор пришел к простому выводу: эта лживая, фальшивая система ценностей, построенная на обмане, на неравенстве возможностей — рано или поздно рухнет.

...Позднее Ирина Евсеева, однокурсница Егора, вспоминала, как вошла в университетскую аудиторию, где у доски стоял Егор. Никаких сомнений, что у доски стоит *именно Егор Гайдар*, у нее не возникло. Хотя она его до этого никогда не видела. Но уже самый первый миг дал ей понять, что этот человек — самый незаурядный, самый не похожий на всех, кого она знала раньше, что он обладает абсолютно неординарными способностями.

Они познакомились с Егором в научном кружке. Это был кружок, который организовал для своих студентов будущий научный руководитель Егора и куратор его кандидатской диссертации доцент Кошкин. Темой кружка была «экономика социалистических предприятий».

Но дело тут не в теме и не в кружке. А в том чувстве, которое испытала Ирина Евсеева при первом же взгляде на Егора Гайдара.

«Еще когда он учился или только начинал научную работу, — вспоминает Владимир Мау, нынешний ректор РАНХиГС (Российской академии народного хозяйства и государственной службы), — мы уже все знали, что он самый яркий в нашем поколении, самый продвинутый, самый умный... Это просто даже не обсуждалось».

То же самое говорил и экономист Михаил Дмитриев:

«Я узнал Гайдара в силу возраста чуть позже других. Если году в 88-м, 89-м, столкновения с Гайдаром (а я, конечно же, уже о нем знал) меня разочаровали — он, как мне казалось, отставал от времени, по-прежнему стоял на позициях медленного перехода к “социализму с человеческим лицом”, то уже через год, примерно в 1990 году, у меня после встречи с ним не было сомнений: Гайдар круче нас всех, он продвинулся в понимании реформ и в их механизме настолько далеко, насколько было возможно, он опережает всех на две головы».

Яков Уринсон, бывший вице-премьер и министр экономики в правительстве Черномырдина, познакомился с Гайдаром в середине 1980-х:

«Тогда я работал в Госплане, в статистическом управлении, и читал западные работы только по эконометрике, экономику знал не очень хорошо; так вот, Гайдар сразу, с ходу дал мне список книг по-английски и по-немецки, которые я должен был прочесть, список меня поразил, так же как и сам Гайдар, он опережал нас всех».

Эта тема — о том, что Гайдар интеллектуально опережал всех своих ровесников и друзей — не раз и не два встречалась нам в ходе этих интервью.

Уже тогда от него ждали многого.

Он еще ничего не сделал — а люди верили, вернее, даже так, они знали — он сделает! Он *должен* сделать.

Глава третья. Человек книги

Гайдар стал кандидатом наук в 24 года.

Сразу после институтской скамьи он пошел в аспирантуру и начал писать диссертацию.

О том, что это был за сюжет в его жизни, стоит рассказать отдельно. А сейчас мы сразу переносимся к торжественному моменту — банкету после защиты.

Банкет был веселый, продолжался до двух часов ночи. Однако на следующий день научный руководитель Егора Виталий Исаевич Кошкин позвонил домой своему подопечному в девять утра.

Гайдар с молодой женой Ирой жил тогда еще с родителями в квартире у станции метро «Аэропорт». Трубку взяла мама, Ариадна Павловна. Она сообщила Кошкину, что ее сын «уже уехал работать в библиотеку». Кошкин замер, не понимая, верить или нет: а вдруг любящая мама прикрывает сына, спящего без задних ног после праздничных возлияний? Потом сообразил — в семье Гайдаров такое невозможно, и Егор действительно уже едет в библиотеку. Случай этот он запомнил на всю жизнь.

Можно сказать: Гайдар был очень дисциплинированным, ответственным молодым научным сотрудником.

А можно и по-другому: библиотека никогда не была для него «работой». Библиотека была для него вторым домом. Или даже первым. Только здесь, за письменным столом, он чувствовал себя защищенным, востребованным, счастливым.

Близкому соратнику Леониду Гозману он так однажды и сказал: «Леня, видишь ли... ты, как и я, принадлежишь к редкому типу людей, которые чувствуют себя счастливыми только за письменным столом». Со значением сказал. Гозман немного поперхнулся — насчет себя он не был вполне уверен, но виду не подал.

«Вселенная — некоторые называют ее Библиотекой... Я утверждаю, что библиотека беспредельна». Библиотека, по выражению Хорхе Луиса Борхеса, бесконечна, как вселенная. Именно она и была тем местом, где Егор Гайдар не мог потеряться. Она была его убежищем, в котором он ориентировался совершенно свободно и откуда уходил весьма неохотно. Его увлекала бесконечность Библиотеки (с большой буквы), но в то же время его мозг непрерывно каталогизировал ее.

Здесь — античность, там — восточные цивилизации, тут — марксизм, в той стороне — теории современного экономического роста. Усматривая связи между разными и, казалось бы, далекими углами Библиотеки, можно было строить теории и делать выводы. Не только на основе эмпирических данных и формул, но и на прочной почве самых разнообразных и неожиданных знаний. Знаний о человеческой истории и человеческом поведении.

Так — в блужданиях по бесконечной Библиотеке — и построен фундамент главной книги, *opus magnum*, которую Егор писал в голове много лет, пересказывал друзьям, надиктовывал сотрудникам, создавая черновики и версии. Она и называется так, что бесконечность присутствует, она где-то рядом: «*Долгое время*».

Повествование Гайдара свободно скользит по Библиотеке. Переплетаются и сопоставляются примеры из разных периодов истории и разных отраслей знаний, подкрепленные теоретическими выводами из книг начала XX века и свежей литературы, ксероксы которой только что принесли из ИНИОНа.

...Кстати, об ИНИОНЕ. Полное его название — Институт научной информации по общественным наукам при Академии наук (тогда — СССР). Само здание ИНИОНа не случайно считалось памятником архитектуры советского модерна. Оно строилось по уникальному проекту архитекторов Я. Белопольского, Е. Вулых, Л. Мисожникова. «Главное в стране место, где собиралась, систематизировалась и реферировалась литература по общественным наукам, — пишут авторы справочника «Москва: архитектура советского модернизма», — должно было быть идеальной библиотекой с архитектурой на уровне мировых образцов... Читальные залы освещаются верхним светом через круглые световые фонари... Архитекторам удалось сделать полностью стеклянными и внешние стены третьего этажа, и перегородки между залами, тем самым создав визуально единое пространство. Вся мебель в читальных залах была низкой, чтобы ничто не загораживало эффектного зрелища потолка, покрытого рядами круглых люкарн... Созданный на основе библиотеки в 1968 году Институт научной информации по общественным наукам стал не столько центром работы над приближением окончательной победы коммунизма, сколько рассадником вольнодумства. Правда, к свежей зарубежной литературе и к вожделенным «Запискам Тартуского университета» допускали лишь избранных: ИНИОН обслуживал только сотрудников Академии наук, аспирантов и, в отдельных случаях, студентов-дипломников».

Однако внутри ИНИОН был устроен на первый взгляд так же, как любой другой советский НИИ: длинные коридоры, отделы, лестничные пролеты и курилки. Ядром бесконечного запутанного здания была огромная библиотека, в которой работали одновременно сотни, если не тысячи ученых.

Понятие «общественные науки», к счастью, включало в себя самые разные дисциплины — религию, историю, философию, психологию, социологию, эстетику, культурологию, экономику... ИНИОН обладал самым востребованным в СССР научным читальным залом — здесь делали переводы и/или рефераты работ западных ученых, которые полагалось *критиковать, но знать*. Для этого стояли копировальные машины, ротапринты. Такие ротапринты были в любом уважающем себя НИИ, просто в ИНИОНе их было больше. Ротапринты, так же как потом ксероксы, стояли в отдельных кабинетах, запиравшихся на ключ. Тогда это были огромные сложные машины, напоминавшие настоящие заводские станки. Доступ к ним имели далеко не все сотрудники соответствующих НИИ, а лишь прошедшие проверку «первым» отделом. Система «первых» отделов, если речь шла о всесоюзных организациях и учреждениях, напрямую подчинялась КГБ. Все было строго.

И тем не менее размножение такой вот «полунелегальной» литературы расцвело в Москве 1980-х пышным цветом! Сборники, рефераты, книги с грифом «ДСП» («для служебного пользования»), как правило, имели порядковые номера. Иногда их «служебный» тираж доходил до 200–300 экземпляров. Так вот каждый экземпляр был пронумерован. Но когда умелые (еще и смелые!) люди делали «слепые ксероксы» с какого-нибудь 150-го экземпляра, вместо номера там оставалась черная дыра — номер попросту заклеивали. Сделать нелегальные копии за деньги можно было через посредников, знакомых с работниками копировальных машин.

Но особенно востребованную или опасную литературу размножали иначе: на пишущих машинках или на фотокопиях, вручную. В кругу друзей авторов этих строк таким образом не раз перепечатывали самую разную литературу: стихи, эзотерические трактаты, лекции или, например, стенограммы заседаний кружка Щедровицкого.

Эта была особая система, хорошо известная молодым интеллектуалам Москвы.

Конечно, ничего «подрывного» или «запретного» в этом «ДСП» не было — и тем не менее именно эти ротапринты и ксероксы позволили, например, молодому Гайдару ознакомиться с большим корпусом мировой экономической литературы (и на английском, и на русском языках).

Да, это, конечно, был большой недосмотр советской власти...

Впрочем, в ИНИОНе не только «ксерили» (тайком и легально) и не только читали.

Здание окружали — точнее, были его архитектурными элементами — какие-то уродливые декоративные бетонные сооружения: пандусы, лестницы, арки и небольшие искусственные водоемы. В любое время года здесь стояли группки людей, обсуждая, так сказать, прочитанное, делясь мыслями и суждениями, дымя дешевыми сигаретами болгарского, в основном, производства. «Дискуссионный клуб» ИНИОНа, таким образом, работал от открытия до закрытия. Были и другие удовольствия: проходили так называемые «открытые лекции», записавшись заранее, любой желающий мог прийти, например, на лекцию Сергея Аверинцева, выдающегося русского филолога с мировым именем. Лекции проходили в большой аудитории, в которую приносили из других комнат стулья, в ней помещалось человек 30–40. Иногда сидели и на подоконниках. Поскольку лекции начинались после окончания рабочего дня, в соседних помещениях уже никого не было. В коридорах огромного пустого здания было уже темно и страшно, а здесь горел свет.

Словом, ИНИОН излучал ощущение свободы — свободы мысли, прежде всего. Именно это излучение делало его таким притягательным. Да, это была не просто библиотека...

Но и свою личную среду обитания Гайдар тоже превращал в библиотеку. Летом 1985-го новый петербургский друг, экономист из круга Анатолия Чубайса Сергей Васильев, навестил Егора в Строгине, где он тогда жил с первой женой Ириной и детьми Петей и Машей:

«Его семья была на даче, мы общались практически целый день, ходили купаться на пляж напротив Серебряного Бора. Меня поразил кабинет Егора, по периметру застроенный книжными стеллажами, — эта конструкция была повторена потом во всех его домах».

В последнем домашнем кабинете Гайдара в квартире на Осенней улице авторы этих строк побывали (здесь теперь живет Петр Гайдар со своей семьей) — тоже всё так, как и в Строгине, как описывал Васильев. По всем четырем стенам — до самого потолка — книжные полки. Именно эту, и только эту мебель Егор проектировал сам. Сам рисовал эскизы. Сам говорил с плотником. Сам выбирал чуть ли не материал для полок, устройство стеллажей, стекол, высоту и длину. Это было его личное пространство в квартире — все остальное он предоставлял домашним.

И так было в каждой квартире, в каждом кабинете, на любой даче, на любой работе — его личная среда обитания строилась, исходя из

расположения книг. Книги должны были именно *окружать* его самого и рабочий стол, как бы поддерживать его в центре вселенной.

Какие же это были книги?

Итак, тут — марксизм, тут — античность и восточные цивилизации, тут — теории современного экономического роста.

Не все, что читал тогда Гайдар, было, что называется, «в свободном доступе». Он окончил МГУ в 1978 году. Интересно посмотреть, что тогда считалось наиболее острым «самиздатом», что именно входило в обязательный круг чтения развитого молодого человека.

Начнем, пожалуй, с философии.

В том же 1978 году Мераб Мамардашвили прочел три лекции во ВГИКе, на сценарном факультете. История умалчивает, кто был их инициатором, но надо признать, что акция была по тем временам довольно смелая — Мамардашвили уже был в опале. Тем не менее лекции ему разрешили. Помимо будущих сценаристов, на них попали и те, кто хотя бы приблизительно знал о том, что Мераб Мамардашвили — крупнейший ученый, блестящий знаток западной философии.

Лекций было три: о феноменологии, об античном атомизме, об экзистенциализме.

Темы первой и третьей были, пожалуй, в русле поисков молодых московских интеллектуалов того времени. Гуссерль, Маркузе, Фромм, Адорно, Хайдеггер, Сартр — все они были на слуху, и «слепые ксероксы» их работ передавались из рук в руки так же активно, как Солженицын или другая «антисоветчина», то есть книги Роя Медведева, Льва Копелева, Владимира Войновича и др.

Причина интереса к темам лекций была проста: все эти современные и актуальные философы так или иначе апеллировали к марксизму. Критиковали и «развивали» марксизм, отталкивались от него. Но и вносили в марксизм новое, абсолютно радикальное содержание.

Трудно сказать, интересовала ли Гайдара эта проблематика тогда, в 1978 году, тем более что в случае Мамардашвили это были не тексты, а в лучшем случае магнитофонные записи. Но можно сказать определенно другое — любая критика марксизма его тогда интересовала очень сильно. Гайдар был, можно сказать, из последнего поколения экономистов, которые знали работы Маркса едва ли не наизусть.

Мама у Егора была ученым-историком. Маркса в своих работах ей, как и другим советским ученым, частенько приходилось ритуально цитировать.

Взяв однажды привычным образом с полки зачитанный, знакомый том

«Капитала», Ариадна Павловна ахнула. Том был буквально изрисован цветными карандашами.

— Ты что сделал, Егор? — в ужасе и удивлении воскликнула она. — Зачем ты испортил книгу?

— Я ничего не испортил, мама... — сказал сын, войдя в комнату. — Это же наш экземпляр, я просто сделал пометки.

— Какие пометки?

— Синим я выделил фрагменты, с которыми согласен. Красным — с которыми не согласен. Зеленым — над которыми еще надо подумать.

Это случилось еще в седьмом классе.

Итак, *Маркс*. Затертые тома студенческих лет, знаменитый трехтомник 1970–1974 годов издания, с самым зачитанным первым томом — стояли (и до сих пор стоят) на полке в рабочем кабинете Гайдара в Институте экономической политики. Рядом с «Анти-Дюрингом» Энгельса, с несколькими работами Михаила Туган-Барановского в дореволюционных изданиях и современной литературой о марксизме.

Собственно, с «Капитала» началась научная карьера Егора. Точнее, с задиристого спора о Марксе с преподавателем, который вел спецсеминар.

Молодой доцент Виталий Исаевич Кошкин увидел поднятую руку. Круглолицый юноша вежливо, но твердо заявил, что преподаватель неправильно трактует положение Маркса о соединении науки с производством. Кошкин предложил второкурснику Гайдару встретиться неделю спустя на том же семинаре и сверить точность цитат. Доцент прибежал домой сильно обеспокоенный — не хватало еще опозориться перед студентами! Открыл «Капитал», нашел цитату — и выдохнул: все правильно. Спустя неделю Гайдар нехотя признал свою ошибку, но, исписывая доску формулами, стал доказывать, что «вообще-то Маркс был не прав». Это Кошкина, конечно, тоже несколько поразило.

Преподаватель пригласил Гайдара в студенческий кружок, а затем предложил писать курсовую по кафедре экономики промышленности.

Экономика. Что читал в эти годы молодой Гайдар?

Молодые экономисты тогда читали Мансура Олсона и, в частности, его классическую работу «Логика коллективных действий». Но главное — они читали в английском переводе «Антиравновесие» (1971) и «Экономику дефицита» (1980) венгра Яноша Корнаи. Это в социалистической Венгрии он издавался свободно и продавался в книжных магазинах, а вот в СССР его можно было найти только в виде инициального ксерокса. «Экономику дефицита» журнал ЦК КПСС «Диалог» решится печатать фрагментами

только в 1990 году, когда, мягко говоря, «будет уже поздно».

Собственно, ключевая мысль Яноша Корнай — и не только в этих двух работах — состояла в том, что *экономика дефицита* органически присуща социализму и избавиться от нее в рамках социалистической системы нельзя. Можно бороться, но нельзя победить. Можно только перейти к экономике избытка, которая, в свою очередь, органически присуща капитализму. О том, как происходило это знакомство с Корнай, рассказал ленинградец Сергей Васильев — на своем личном примере: «Его фамилия нам была хорошо известна, в институте мы проходили так называемый метод Корнай-Липтака, позволявший находить оптимальные решения в задачах линейного программирования с большой размерностью. Тут, однако, выяснилось, что Корнай не только сильный экономист-математик, но и крупный специалист в экономической теории... Я загорелся идеей найти саму книгу («Антиравновесие». — А. К., Б. М.). Нашел ее через полгода (в 1979 году. — А. К., Б. М.) в библиотеке Ленинградского отделения ЦЭМИ и прочел залпом... А “Экономику дефицита” впервые увидел в ксерокопии на руках у Сергея Коковкина весной 1982 года».

Гайдар учился в первом гуманитарном корпусе МГУ (в год окончания им университета в строй был введен второй гуманитарный, и туда переехал экономфак) — в огромной длинной «кишке», здании из стекла и бетона, тоже памятнике позднего советского модернизма, тоже циклопическом по масштабам, тоже построенном по уникальному проекту — с невероятным количеством аудиторий, кабинетов, лестниц и переходов, только, пожалуй, без архитектурных излишеств и кубических красот ИНИОНа. Отсюда до ИНИОНа, кстати, было рукой подать — от станции метро «Университет» до «Профсоюзной» ходили 130-й автобус, 47-й троллейбус, 26-й трамвай, да можно было и пешком добежать, перейдя Ленинский проспект, минут за тридцать.

Путь, проторенный многими аспирантами и студентами.

...К сожалению, в 2015 году ИНИОН сгорел. Сгорел подчистую, вместе с большинством книг, редких и уникальных. Это была огромная трагедия. Потом институт восстановили, но долгие годы вместо былого архитектурного великолепия зияла черная обугленная яма, обнесенная забором.

И сгорели, прежде всего, не сами эти книги, не уникальное здание, сгорел символ эпохи. Эпохи, когда книга была не просто книгой — а прежде всего *жестом сопротивления*.

Да, для Гайдара и его ровесников чтение тех или иных книг было

именно таким жестом сопротивления. Они читали порой то, что не разрешалось, не приветствовалось или было просто опасным, и читали не только потому, что «запретный плод сладок», а потому, что они истово и планомерно расширяли рамки своего мировоззрения, пытались выстроить новые взаимосвязи в обозримой реальности. Они хотели, в конечном итоге, расширить горизонты возможного.

Это касалось, конечно, не только книг, хранившихся в ИНИОНе, это касалось вообще всех книг.

Сейчас, когда издано практически все, что не издавалось тогда в СССР, и понятия «запрещенная книга» уже не существует (за редчайшими исключениями), стоит разобраться: а почему же именно книга аккумулировала в себе эту энергию сопротивления?

В книге Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» яркие страницы посвящены изучению круга чтения молодежи 1970—1980-х годов. Вот как описывает круг своих интересов одна из посетительниц знаменитого кафе «Сайгон» (кафетерия на углу Невского и Владимирского проспекта, где собирались «неформалы»: художники, музыканты, писатели и другие непризнанные гении, хиппи и панки позднего СССР):

«Мы говорили об эстетике, о Толстом и Пушкине, о Сосноре... Просто много разговаривали. Ходили по городу и разговаривали об архитектурных стилях, о модерне. Гуляли по дворам и лазили по крышам и все время о чем-то говорили... Еще мы разговаривали на всякие безумные историко-философские и религиозные темы. И постоянно спорили... Мы читали “Мирозерцание Достоевского” Бердяева. Нам было важно переписывать от руки со старых редких изданий, со старым алфавитом, орфографией, пунктуацией».

«Мы уже упоминали, — обобщает сказанное профессор Алексей Юрчак, — что участники подобных сред и кружков были увлечены идеями и темами, способствующими созданию особых отношений внеаходимости внутри системы, — античной историей и иностранной литературой, досоветской архитектурой и поэзией Серебряного века, теоретической физикой и ботаникой, археологией и западной рок-музыкой, буддистской философией и православной религией... Вспомним, что постоянные посетители кафе “Сайгон” могли одновременно интересоваться и французской поэзией, и древнеславянским языком, и книгами по классической физике, не интересуясь при этом “политическими” темами... Символы далекой истории и зарубежных культурных контекстов были интересны и важны не только сами по себе, но и потому что они вводили в контекст советской повседневности временные, пространственные и

смысловые элементы *иного* мира».

Да, Гайдар не был завсегдатаем кафе «Сайгон» (хотя многие его ленинградские друзья туда, безусловно, захаживали), он мог не интересоваться ни французской поэзией, ни древнеславянским языком, однако «смысловые элементы иного мира» его интересовали очень сильно, и так же как ленинградская девочка из кафе, он мог бы сказать о круге своих друзей: «мы постоянно спорили», «мы постоянно много разговаривали».

Главное, что отличало молодых людей, которые потом войдут в команду Гайдара и Чубайса, — это попытка преодолеть страх. И первым шагом к этому было самообразование, поиски альтернативного, неортодоксального знания.

Словом, из библиотек они уходили последними, ближе к десяти вечера. Чтения тут хватало, и даже с избытком.

А вот чего им не хватало в студенческие и аспирантские годы конца 1970-х — так это единомышленников.

Можно назвать этот период временем интеллектуальной изоляции, а можно — эпохой *создания кружков*. Как появлялись, образовывались эти самые кружки в 80-е годы?

Молодые люди, читавшие одни и те же книги, передававшие их друг другу, рано или поздно объединялись в кружок. «Кружок» — это поначалу нечто эфемерное, просто несколько человек. Как правило, это однокурсники, но далеко не всегда. Как правило, очень молодые люди. Как правило, они собирались дома, но и из этого правила были исключения.

Интеллектуальная почва поздней советской эпохи, которую мы до сих пор зовем «брежневщиной», высушенная запретами, цензурой, почти окаменевшая из-за общего духа неверия, тотального редакторского (идеологического) страха, начала понемногу разрыхляться и постепенно прорасти новыми зелеными побегами — благодаря вот этим студенческим, аспирантским, мэнэсовским кружкам.

Входившие в них люди были разными. В чем-то вообще несовместимыми. Порой невозможно было представить себе в одной квартире персонажей со столь разными взглядами и интересами — но иногда благодаря какому-нибудь дню рождения, или общей увлеченностью какой-нибудь одной девушкой, или гостеприимству какого-то московского дома они, эти разные планеты, встречались на одной орбите и находили общие языки.

Как правило, все это еще и сопровождалось «лекциями» и «докладами», то есть подобием академических штудий, только под чай,

вино и пирожки.

Можно перечислить несколько московских кружков. Просто чтобы составить общую картинку.

Одним из первых знаменитых московских кружков был так называемый Логический кружок, который основали вчерашние студенты МГУ, знаменитые впоследствии философы М. Мамардашвили, А. Зиновьев, Г. Щедровицкий, Э. Ильенков.

Каждый из них пошел своей дорогой и стал знаменитостью, однако «кружок методологов» продолжал существовать и после того, как они разошлись, — его вождем и идейным вдохновителем долгие годы оставался Георгий Щедровицкий. Причем кружок был уже не один. Методологических кружков только по Москве было несколько.

...Совсем немаленький и довольно важный кружок сложился вокруг последователей Юрия Лотмана и так называемой тартуской семиотической школы — именно там, в Эстонии, нашел себе приют выдающийся русский мыслитель и историк культуры. Его ученики, студенты и аспиранты, регулярно встречались и в Москве, и в Питере, в самых разных домах.

Совершенно другой по направлению мысли философский кружок собирался в доме писателя Юрия Мамлеева. Это были люди, которые заговорили о «конфликте цивилизаций», об особом пути России, о мистике истории. Здесь впервые появились в интеллектуальном контексте молодые философы Александр Дугин и Гейдар Джемаль, писатель Евгений Головин и поэт Игорь Дудинский. Все они заняли крайне антилиберальную, антизападную позицию позднее, в 90-е годы и 2000-е, но тогда все это было «советское интеллектуальное подполье». И все были против советской власти, конечно. Кружок называли «южинским», потому что поначалу он собирался в коммунальной квартире у Мамлеева в Южинском переулке, а потом, после его эмиграции в 1974 году, — уже в других местах и квартирах.

Особый кружок сложился вокруг историка Михаила Гефтера. В него, например, вошел только что вернувшийся из ссылки молодой диссидент Глеб Павловский из Одессы, пострадавший в середине 70-х за свои марксистские прокламации (мы уже говорили, что «творческое», самостоятельное прочтение Маркса в те годы было небезопасно). Здесь разрабатывались новые подходы к историческому мышлению, изучались труды западных историков философии. Сам Павловский среди ярких и опальных московских интеллектуалов того времени называет философа Генриха Батищева, другого философа — Вадима Межуева, футуролога Игоря Забелина, Григория Померанца.

Впрочем, в середине 80-х московские студенты уже не боялись говорить о политике и экономике. Кружок молодых социалистов и анархистов появился на историческом факультете Московского пединститута. В него входили студенты, только что отслужившие в армии, — Исаев, Бабушкин, Шубин, Золотарев. Постепенно он оброс сочувствующими и начал носить гордое имя «Община». По сути дела, это был первый троцкистско-анархический кружок в Москве.

...Когда читаешь воспоминания «кружковцев» разных эпох — в глаза бросается то, как далеко разошлись их дороги. Кто-то остался в оппозиции к власти, кто-то стал ее частью, как, например, активный член кружка «Община», радикальный анархо-синдикалист Андрей Исаев — ныне депутат Госдумы и видный представитель «Единой России».

Активный диссидент 80-х, впоследствии националист и организатор «Фронта национального спасения» Илья Константинов вспоминал:

«Вы знаете, когда началась перестройка... Сначала мы восприняли все это с большим недоверием. Полагая, что, так сказать, это какая-то провокация спецслужб, направленная на выявление скрытых противников режима. Но ситуация развивалась, раскачивалась, в нее вовлекалось все больше людей. И, в конечном счете, группа наших университетских друзей, с которой я вместе учился на экономическом факультете, собралась у меня в кочегарке, и мы приняли решение — выходить на поверхность. И вот в то время были модными так называемые дискуссионные клубы. И возникла идея создать еще один дискуссионный клуб. Под названием “Альтернатива”. “Альтернатива” понятно чему, вот той реальности, советской тоталитарной реальности, в которой мы до этого жили. Мы действительно организовали такой клуб, он действовал в течение нескольких месяцев, там проходили дискуссии в различных домах культуры, где нам удавалось найти помещение. Именно Ленинград, город множества революций и город очень такой, активной диссидентствующей интеллигенции в то время, — стал питательной средой возникновения многих подобных клубов. И вот, был создан этот политический клуб “Альтернатива”, на котором обсуждались самые различные вопросы актуальной политики и экономики, куда приглашались экономисты, социологи, диссиденты активные. Открытые диссиденты».

...Что уж говорить об искусстве, культуре, литературе! Тут была целая плеяда ярких кружков. Наверное, самый яркий и необычный сложился вокруг Ильи Кабакова, в его творческой мастерской на Сретенском бульваре, — туда входили еще молодые Дмитрий Пригов и Владимир Сорокин.

Кружки плодились и размножались. Их количество росло год от года. Дошло до того, что в конце 70-х и начале 80-х годов любой более или менее независимый, молодой и свободолюбивый преподаватель собирал у себя дома студентов, чтобы вместе с ними изучать «что-то альтернативное».

И — в отличие от кружков диссидентских — на них довольно редко обращал внимание КГБ. А если и обращал, то скорее с целью «профилактики», чем прямой репрессии. Люди, не выступающие прямо против советской власти, а лишь что-то «изучающие» и «обсуждающие», как казалось, не были так опасны для системы.

К тому же все они параллельно делали какую-то профессиональную карьеру, были вписаны в советский быт и социум. Пригов, например, работал в главном московском архитектурном управлении, Сорокин — редактором в комсомольском журнале «Смена». Оба получали зарплату, кормили свои семьи (а на что еще им было жить?), на то и был расчет, когда принималось решение о «вегетарианском» характере контроля над всеми ними — хотя, безусловно, все эти подозрительные кружки были на заметке у КГБ.

Важной чертой этого интеллектуального подполья, пышно расцветшей культуры неофициальных семинаров и лекций было не только их крайне быстрое распространение. Важно было еще и то, что все они были «междисциплинарными», то есть не останавливались на изучении какой-то одной дисциплины.

Приемы концептуального искусства переносились в поэзию. Математические модели — в литературоведение тартуской школы. Оккультизм и мистика — в изучение исторических закономерностей в южинском кружке. Уследить за этим полетом мысли «кураторам» из КГБ было не так уж просто. Может, еще и в этом была причина, что их до поры до времени не трогали. Они ведь не объявляют *прямо* войну против советской власти? Не ведут «антисоветскую агитацию»?

Пока трогать их не будем. Вот этим довольно сильно отличалась атмосфера в обществе от ситуации 60-х и даже ранних 70-х годов. «Кружковщина», по умолчанию, была разрешена.

Однако это — в Москве. Далеко не все так безоблачно и «по-вегетариански» было, например, в Ленинграде, в институте, в котором учился и где потом работал Анатолий Чубайс, — Инженерно-экономическом, на кафедре экономики исследований и разработок.

— Уже году в 1980-м, — вспоминает он, — образовался кружок, в котором мы изучали нэп (новую экономическую политику 20-х годов в

СССР. — А. К., Б. М.). Мы начали с изучения того, что можно было найти в библиотеке: партийные документы, постановления, статьи в газетах. В кружке было три-четыре человека; мы встречались дома, в питерских коммуналках, читали доклады, что-то писали... Это продолжалось два-три года, затем по поведению начальства институтского я вдруг резко почувствовал, что кто-то настроил на нас донос — в партком или в КГБ, не знаю. У меня есть подозрения, кто это сделал, я долго над этим думал и вычислил доносчика, но доказательств фактических нет... Короче, нам пришлось стать намного более осторожными.

Наверняка, до «неосторожных» студентов, друзей Толи Чубайса, дошла и книга Отто Лациса «Перелом» — в виде отрывков, цитат, а может быть, и полной рукописи.

Почему, кстати, их заинтересовал именно нэп?

Это был единственный пример того, как рыночные механизмы встраивались в систему советского государства. И пример очень успешный! За несколько лет тогдашним советским властям удалось сбалансировать финансовую систему, накормить народ, начать промышленный рост (заметим в скобках — без бесплатной рабочей силы в виде узников ГУЛАГа). Потом все это было резко оборвано сталинским «переломом».

Сам интерес к нэпу, к 20-м годам был в те годы крамолой. Вообще обсуждение любых альтернативных моделей экономики было тогда крамолой. Экономика находилась слишком близко к политике.

Обсуждение поэтому шло в довольно закрытом, почти конспиративном режиме, порой в самых неожиданных местах.

...Осенью 1979 года 24-летний аспирант Инженерно-экономического института Анатолий Чубайс руководил погрузкой и разгрузкой картофеля в совхозе «Бор».

Трудновато, кстати, объяснить сегодняшнему молодому человеку, почему аспирант, даже без пяти минут кандидат наук руководит в совхозе погрузкой и разгрузкой картофеля. То есть можно, конечно, посмотреть внимательно фильм «Гараж» (там есть эпизод про это), прослушать песню Высоцкого, найти серию про овощебазу в сериале «Следствие ведут знатоки», но в целом... в целом все равно картина получается слегка неясной. Почему, черт возьми, на этой самой овощебазе, в ее гигантских помещениях, несмотря на все усилия и вложения, постоянно царит запах гнилья, и урожай всё равно «не довозят» до прилавка, а в магазинах продают вымерзшую, подгнившую картошку? Ответ очень прост: потому что крестьянам не разрешают выращивать на своих подсобных участках картофель на продажу и напрямую сдавать его в магазины. Не дают

накормить городское население хотя бы картошкой.

Как показала дальнейшая экономическая реальность, в частности, реальность 90-х, они, конечно, вполне могли бы прокормить город. Но — нельзя. А почему нельзя? А потому что будет «социальное неравенство» и «личное обогащение». Собственно, именно поэтому Чубайс и его друзья (с Гайдаром они познакомятся чуть позднее) обсуждают это «на картошке». Толя затеял тогда спор о плюсах и минусах постановления ЦК КПСС и Совмина Союза № 695 «Об улучшении планирования и усиления воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

7 октября 1979 года, в жуткую погоду, в день брежневской Конституции, принятой двумя годами раньше, три молодых человека отвлеклись от сельскохозяйственных занятий и занялись привычным делом — обсуждением «блеска и нищеты» советской экономики. Чубайс пытался увидеть в постановлении «здравый смысл». Юрий Ярмагаев, выпускник матмеха ЛГУ, горячий молодой человек в очках, отличавшийся радикально антикоммунистическими взглядами, требовал не «гуманитарных», а логически-математических доказательств. Григорий Глазков, выпускник экономфака ЛГУ, вообще был человеком, который все вокруг пытался анализировать и подвергать сомнению. Спор под проливным дождем продолжался не один час. Но было ли о чем спорить?

«Центральная идея и определенное нововведение, пожалуй, состояли в том, чтобы завязать экономические стимулы не вообще на выполнение плана по валовым показателям, а на “конечные результаты”. Можно сказать, что под “конечными результатами” понималось удовлетворение спроса», — писал потом об этом партийно-правительственном документе Евгений Ясин в книге «Российская экономика».

Советский идеологический вокабуляр был сложной системой псевдонимов и сокрытых смыслов. Прямо говорить о «рыночной экономике» еще было невозможно.

Ярмагаев и Глазков убеждали Чубайса, что постановление — пшик и предложенные властью механизмы работать «все равно не будут». «А ты докажи!» — запальчиво спорил Чубайс. Рациональных доказательств у Глазкова и Ярмагаева не было. Единственный аргумент, который мог привести Глазков, носил скорее метафорический характер: «*Пружин в нем нет*». И это было чистой правдой.

Однако сам этот спор в совхозе «Бор», под дождем и снегом, трех вчерашних студентов, которые грузят мешками мерзлую картошку, конечно, завораживает. Зачем, господи боже мой, так горячо они

обсуждают постановление партии и правительства? Что они в нем вычитывают? Что там такого интересного? И почему даже в этот спор (на картошке, о постановлении партии и правительства!) категорически не могут включить никого четвертого или пятого, хотя кому-то, быть может, в нем интересно было бы поучаствовать?

Ответ на второй вопрос прост — они тут не доверяют больше никому. По крайней мере — пока.

Но почему именно это партийное постановление с зубодробительным названием вызвало их горячий спор?

Дело в том, что то был еще один, довольно запоздалый всплеск интереса к «рыночным методам» — интереса, так сказать, «сверху». То есть из Совета министров, из политбюро, из ЦК партии. Да-да. Именно оттуда идет эта очередная попытка совместить коня и трепетную лань — рыночные механизмы и социалистическое планирование. Попытка сделать неповоротливую, плохо растущую, страшно неэффективную советскую экономику чуть попримичнее, что ли. Хотя бы по статистическим показателям. Найти в ней новые «внутренние ресурсы». Найти ту самую «пружину», с помощью которой можно запустить процесс оздоровления — чтобы не было этого адского дефицита продовольствия на полках, диспропорций финансовой системы, вечного «долгостроя» с забытыми на годы котлованами строек, разрушенными стенами новых цехов и заводов, гниющими под дождем импортными станками, купленными за валюту, который объясняется гигантскими инвестициями в промышленность, никак не обоснованными экономически.

Но как именно это сделать?

Не помогает ни пресловутый «щекинский метод», ни «бригадный подряд», ни натужно внедряемый «хозрасчет» (сотни статей в «Правде» и «Известиях», тысячи статей в региональной партийной прессе, сотни и тысячи совещаний, призывов, постановлений, лозунгов, брошюрок, методичек, диссертаций и докладов — нет, не помогают, увы). Невозможно внедрить что-то «рыночное» в одном экономическом узле и не внедрять в другом. Потому что это общий, единый экономический механизм. Если на одной фабрике или в одной бригаде будут прилично зарабатывать и показывать хорошие результаты, а на другой — нет, это все кошкины слезы.

Однако эта эпоха недореформ все-таки родила одну очень важную вещь: «сверху вниз» был запущен сигнал.

Ищите! Изучайте!

Ищите новые методы, подходы, концепции, изучайте чужой опыт (стран социалистического блока), пишите статьи, книги — действуйте,

работайте! Вон вас там сколько, в ваших этих НИИ.

Вот именно на таком фоне и родился ленинградский и московский кружок молодых экономистов. Кружок, впоследствии прославившийся в истории как «семинар на Змеиной горке», хотя проводились эти семинары в самых разных местах, очень часто дома, неформально и даже полуподпольно. Что не помешало этой самой спортбазе «Змеиная горка» войти в российскую историю и стать брендом кружка, который постепенно становился общим, московско-ленинградским.

Как же это было? Ну вот конкретно — как именно это происходило?

«Время было очень динамичное, — вспоминал позднее экономист Сергей Васильев. — Брежнев умер... “Гонку на лафетах” я предсказал лет за пять до ее начала. Было ясно, что генсеки будут меняться практически каждый год — просто по демографической структуре политбюро. И становилось очевидным, что открывается окно возможностей для реформ.

Как-то в мае 1983 года после очередного семинара Григорий Глазков попросил меня зайти на кафедру. Выяснилось, что с 1979 года существует тайная команда по подготовке концепции реформ в составе Чубайса, Ярмагаева и Глазкова. После полугодового наблюдения на семинарах они решили, что я заслуживаю доверия.

Возникла идея исследования реформ в соцстранах. Мы откопали замечательный венгерский журнал, который назывался “Acta Oeconomica”, издавался на английском языке и находился в свободном доступе... Например, в журнале печатались работы по начавшейся китайской реформе. Как и где еще мы могли их найти? Ни китайского ничего не было, ни американских журналов. Все, что касалось Китая, шло в спецхран.

В 1984 году наш семинар разделился. Сохранился широкий семинар молодых ученых. И выделился узкий семинар закрытой команды... Здесь уже обсуждали реальные проблемы без самоцензуры.

Правда, мест для встречи было мало. Пару раз мы собирались в комнате Глазкова в коммунальной квартире на Пушкинской, летом была возможность ездить на дачу моих родителей в садоводстве на 40-м километре Парголово шоссе. Там мы пару раз принимали и москвичей.

Гриша Глазков, несмотря на наличие отдельной жилплощади, чаще жил у мамы на проспекте Ветеранов в соседнем со мной доме и нередко после семинаров зависал у меня на кухне глубоко за полночь — к неудовольствию моих родителей. Вообще в команде Глазков играл совершенно особую роль: используя свою склонность к психологии, он, как мне кажется, тщательно следил за внутренними напряжениями в команде и

пытался по возможности их сглаживать. В конце концов, он бросил профессию экономиста и целиком отдался любимой специальности — психологии.

...Нас уже в 1984 году накрыл КГБ. Мишу Дмитриева пытались завербовать. Он рассказал об этом Чубайсу, договорились, что Миша будет играть роль двойного агента. Я помню, мы ездили в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха. — А. К., Б. М.), гуляли по дорожкам, а он рассказывал... И нам удавалось координировать свои действия.

Но я думаю, мы не казались опасными КГБ. Тот же Чубайс был членом парткома ЛИЭИ... Маргиналами мы точно не могли выглядеть.

“Зеркальная” команда обнаружилась в московском институте системных исследований (ВНИИСИ), который был создан в 1976 году зятем Косыгина Джерменом Гвишиани...

...Когда через некоторое время Гайдар переехал на Мясницкую улицу в квартиру к бабушке, он сказал ленинградцам: если едете в командировку — не стесняйтесь останавливаться у меня. Чем мы неоднократно и злоупотребляли. Если же мы приезжали из Питера большой компанией, то почти всегда перед нашим отъездом Егор устраивал у себя ужин. После этого мы с большим трудом преодолевали недлинное расстояние до Ленинградского вокзала. Только Гайдар целенаправленно сохранял тесные контакты с ленинградской командой, причем поддерживал со всеми индивидуальные отношения...

Весь период с 1983 по 1987 год мы работали в парадигме югославско-венгерских реформ, потому что считали, что партия не отдаст контроль. Собственно, с учетом этого все и делалось, концепция строилась из презумпции возможности перепрыгивания пропасти в три-четыре шага. Этим интенсивно занимался как раз Ярмагаев. Он хорошо понимал механику процесса.

...Первый большой семинар нашей команды в августе-сентябре 1986 года прошел на Змеиной горке. И я и начал всю эту историю.

...Спортивная база Финэка (Финансово-экономического института. — А. К., Б. М.) находится в ста километрах от Ленинграда в достаточно глухом, но очаровательном уголке Карельского перешейка... Деревень рядом нет, а до ближайшей станции электрички 7 километров. Нас вообще-то возил туда автобус от Змеинки, но иногда случалось ходить пешком. Главный корпус кирпичный, но какой-то кривой, видимо, его построили хозяйственным способом. Почти все комнаты были рассчитаны на 4–6 человек. Женатых пришлось селить в деревянные домики, отапливаемые трамвайными печками. Так, например, жили Петя Авен и Сергей Иваненко

(с женами). Все равно было холодно, и Петя после своего доклада немедленно эвакуировался в Ленинград. Просторными были только общественные помещения: зал заседаний и столовая, где вечером проходили капустники.

Формат я придумал такой: длинные доклады с большими обсуждениями... условно, сорок минут доклад, двадцать минут — обсуждение. Сидеть не рядами, а за круглым столом. Это сработало, обсуждение докладов было содержательным и очень обстоятельным.

Запомнилась замечательная сцена с Симоном Кордонским, которого на семинар пригласили Авен и Широнин: он делал закрытый доклад о социально-политической жизни в СССР. Собственно, излагал теорию административного рынка. Мы собрались в ректорском домике, чтобы вообще никто из посторонних не слушал. Это был семинар в семинаре.

...В действительности, поскольку лаборатория была молодежной, идейно абсолютно несоветской, мы бессознательно отделяли себя от бюрократии Финэка, так что отношения внутри были совсем иными, чем отношения внешние».

Альфред Кох, который в семинаре не принимал участия, позднее говорил о нем довольно снисходительно:

«...На самом деле, это был кружок по ликвидации чудовищной безграмотности. Эти ребята просто поставили себе задачу: хотя бы в рамках этого узкого круга лиц, но нагнать самообразованием тот путь, который прошла экономическая наука на Западе в то время, как у нас она крутилась вокруг марксистских догм. Они с удивлением обнаруживали для себя Самуэльсона, Кейнса, Фридмана и т. д., хотя сейчас любой выпускник Высшей школы экономики легко оперирует введенными ими категориями. А тогда на моих глазах у них преобразовывался взгляд от кооперативного социализма югославско-венгерского типа к пониманию того, что нельзя быть чуточку беременным: если уж строить рыночную экономику — то нужно это делать без всех этих экивоков. Это происходило под воздействием всё большего чтения книжек, которые оставалось достать и обсудить. Леня Лимонов рассказывал, как обсуждались все эти кривые Самуэльсона — для нас это было первоначальным откровением, а теперь этим все оперируют спокойно, считают, что они это знали с рождения. А я был свидетелем того, как это узнавалось. Надо сказать, что все семинары 1986 года, как мне потом Мишка Дмитриев рассказывал, начинались с чтения этих вот венгерских “Acta Oeconomica”, и там у них был бог — Янош Корнаи. Но потом, естественно, настоящий масштаб всех фигур был изменен, стал ближе к реальности. Чубайс, например, до конца 1980-х

занимался экономическим экспериментом на базе оплаты труда технологов, но сейчас мы понимаем, что это попытка рак лечить компрессами...»

Кто бы мог подумать, что уже в 1988 году во время стажировки в Венгрии Чубайс лично познакомится с Корнаи, но еще раньше, в период работы над анализом опыта восточноевропейских реформ, с классиком встретится Гайдар. Сам Янош Корнаи вспоминал об этом так:

«Хорошо помню нашу первую личную встречу, задолго до краха советской империи. Он пришел ко мне в гостиницу, где я остановился в качестве участника международной конференции. В начале разговора Гайдар дал мне понять, что в гостинице не стоит обсуждать серьезные вопросы — он явно опасался прослушки. Прогуливаясь по парку, мы беседовали — очень искренне — о перспективах социализма. Он хорошо знал мои работы и не раз отмечал, что они существенно повлияли на его образ мыслей».

Тогда они отнюдь не воспринимали себя как обычный «ликбез». Каждое новое освоенное ими понятие из мировой экономической науки пытались применить к окружающей реальности. И именно эта «транскрипция» или «наложение» — одного на другое — и казалась им революцией.

И, наверное, не зря казалась.

Но давайте обратимся, как говорится, к первоисточнику. Вот как сам Гайдар отвечал в 2006 году на вопрос о научном кругозоре семинара на Змеиной горке, о том, что именно вовлекалось в качестве источника:

«То, что было доступно в советских научных библиотеках на русском и английском языках по экономике. Был гриф “для научных библиотек”. Кроме того, немало интересного было в спецхранах, правда в основном в Москве, в Питере с этим было сложнее. Стояла задача, которая не имела аналогий в мировой экономической истории. Кроме трудов по социалистической экономике Я. Корнаи, которые, на мой взгляд, были самыми сильными работами, описывающими реальные механизмы функционирования этих систем, обсуждали работы по нэпу. Аналогии предстоящих преобразований с переходом от военного коммунизма к рынку, при всем различии исходных условий, напрашивались. Упоминались работы по стабилизационным программам, по послевоенной стабилизации после Первой и Второй мировых войн. Работы, в которых анализировались либерально-ориентированные экономические реформы, типа тэтчеровских и рейгановских».

...Разумеется, невозможно себе представить, что они обсуждали программы, «типа тэтчеровских и рейгановских», программы

«стабилизации после Первой и Второй мировой войн» на открытой части семинара. Тем более что на этот семинар приглашались совершенно незнакомые порой люди из республик СССР, из других городов. Да, конечно, они искали повсюду сильных молодых экономистов. Но обсуждать с ними программы «типа тэтчеровских и рейгановских»?! Ну конечно нет!

Таким образом встречались на «закрытой части семинара» в неурочное время, в столовой или в холле. Тем более что сами условия на спортбазе не предполагали роскошного отдыха в одиночестве или упоения медитацией. В столовой — котлета с компотом, из удовольствий разве что лыжи или суши в буфете. Но, несмотря на спартанские условия, успевали много.

Вообще кружки, «кружковщина» той эпохи имели целый ряд видовых признаков. Они, разумеется, коснулись и кружка Гайдара. Хотя кружок этот был абсолютно «профессиональный», экономический, в нем наблюдались те же типологические черты, что и в любом московском или питерском кружке той эпохи, включая «театральные студии» или «клубы самодеятельной песни».

Главное, что отличало кружок 70-х или 80-х годов, — его закрытость и атмосфера, порожденная этой закрытостью. Не был исключением и кружок (вернее, кружки) Гайдара и Чубайса.

«Григория Глазкова мы заслали в Москву не для того, чтобы он всякими диссертациями и прочими глупостями занимался, — вспоминал впоследствии Анатолий Чубайс, — а для того, чтобы он попытался найти нормальных людей».

...Кстати, интересный термин: «нормальные люди». Что входило тогда в это понятие на языке кружковцев? Все ли они были «нормальными» с точки зрения обычного советского студента и вообще обычного человека?

Вспоминает Альфред Кох: «Миша Дмитриев меня однажды в начале 80-х привел на семинар, где выступал Ярмагаев. Там говорили об индийской философии джайнизма, о какой-то навороченной математике, об экономике и социальных реформах. У меня осталось от него впечатление какого-то чокнутого профессора, который так углубился в себя, что уже с трудом контактирует с внешним миром».

«Нормальный человек» в терминологии тех лет — это, прежде всего, человек, открытый ко всем формам интеллектуального сопротивления — а эту функцию, повторяем, в ту пору прежде всего несли книги. «Нормальный человек» — не боящийся этих книг, авторов, названий, но главное, не боящийся *тем для разговоров*, которые порождались этими книгами.

И еще одно безусловное требование: в его интеллект должен был быть вшит некий «порог порядочности». Минимальное условие этого самого «порога» — недоносительство, неспособность к доносительству. Бесстрашие хотя бы до определенного уровня. Честность. Не можешь рисковать — признайся.

Это и был, в первом приближении, обобщенный портрет участника кружка.

Подобная степень закрытости в таких сообществах порождала и другую интересную черту: кружки (именно кружки, а не просто их члены) были склонны к «самокопательству», саморефлексии, «выяснению отношений», бурным личным страстям и даже, увы, интригам.

Это было общим и у диссидентов (почитайте мемуары Сахарова), и у «недиссидентских» кружков. Было и оправдание этой мнительности — «чужих» боялись впускать в свой круг по совершенно определенным причинам. Было очень опасно впустить в свой круг доносчиков, провокаторов, непорядочных людей; это было общим и у веселых бесшабашных каэспэшников, и у «левых» марксистов, и у «правых» экономистов.

И еще одна важная черта кружка 80-х: контраст между временем внешним и внутренним. Если внутри кружка время порой просто летело, люди развивались после каждого прочитанного текста, открывая друг другу всё новые и новые горизонты, то внешнее время ощущалось как нечто замороженное, застывшее, как стоячая вода. Ленивое, медленное, неторопливое время позднего застоя, поздней брежневщины. Это был сладкий, почти кладбищенский уют ниши, интеллектуальной норы, пещеры, где прятались от внешней жизни кружковцы.

В бытовом смысле многие подпольщики жили довольно аскетично, трудно, но при этом и довольно бодро — приспособившись к застывшему советскому миру, они старались украсить его дружбой, отношениями, иронией и весельем.

Так было и у Егора Гайдара.

Уже на третьем курсе он выиграл конкурс студенческих работ, затем, поступив в аспирантуру экономфака, за полтора года написал диссертацию. И уже в 1980 году, как раз тогда, когда диссертация под названием «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)» была защищена, вышла и первая большая книга Егора, написанная в соавторстве с В. Кошкиным и Ф. Ковалевым. Большинство статистических расчетов делал сам Гайдар.

Среди прочего в книге можно было между строк вычитать причины провала некоторых опытов косыгинской реформы. Точнее, даже «провала успехов» — то есть невозможности распространения смелых экспериментов на всю страну. Например, так называемого «щекинского метода», в соответствии с которым на Щекинском химкомбинате с 1967 по 1970 год был установлен стабильный фонд заработной платы, а экономия, полученная благодаря росту производительности труда и высвобождению части персонала, могла использоваться на повышение зарплат оставшихся работников.

Но даже в это, самое глухое, самое застойное время в узкопрофессиональной книге Кошкина, Ковалева и Гайдара можно было найти примеры того, как в реальности устроена советская экономика. К какому абсурду она способна привести:

«В условиях дефицитности продукции производители способны навязать потребителям более дорогую продукцию еще на стадии заключения договоров о поставках. Так, Харьковский электроаппаратный завод снял с производства выключатели и предложил Гомельскому, Липецкому и Ереванскому станкозаводам заключить договор на новые, более тяжелые и дорогие выключатели, оснащенные дополнительными, ненужными данным заводам деталями. Станкозаводы, чтобы не остаться без комплектующих изделий, вынуждены были заключить договор, хотя им было невыгодно — ведь после удорожания выключателя цена на станки не пересматривалась. В результате станкозаводы при получении новых выключателей вынуждены их разбирать, лишние части выбрасывать, а необходимые детали ставить на станки».

Чудовищный бред советской экономики! С другой стороны — ее невообразимая мощь. Невероятные ресурсы. А чего такого-то? Ну разберем. Ну опять поставим. Делов-то...

Три последних студенческих года и три года аспирантуры, готовя материалы для этой книги, Гайдар провел в командировках на циклопически огромных предприятиях советской электротехнической промышленности, многие из которых выпускали продукцию «двойного», то есть военного назначения: Ленинградский электромеханический завод, «Ватра», Харьковский электротехнический завод и др. Позднее его часто упрекали в том, что он «жизни не знает», завода реального никогда не видел. А он его видел! Он его очень хорошо знал! Гайдар обсчитывал то, как работают эти монстры, выводя формулы роста, прибыльности, эффективности, пытаясь найти эти алгоритмы, суммируя и ставя в таблицу сотни показателей.

А потом натыкался вот на такой пример, как с этими выключателями: когда Харьков поставляет тебе такие выключатели, которые ты вынужден разбирать вручную, часть деталей просто выбрасывать, а нужные — ставить к своим приборам заново. И что ты сделаешь, с ним, Харьковским заводом? Ну если нет экономических методов — то есть если ты не можешь судиться с этими «партнерами», не можешь пустить их по миру через суд, не можешь найти альтернативу... Ничего не можешь! Только писать письма в ЦК КПСС.

Не знаем, как закончилась история с этими выключателями, но, может быть, именно она подтолкнула Гайдара к мысли, что такая, полувоенная и абсолютно монополярная экономика вообще-то неизлечима.

В январе 1981 года в должность вступил 40-й президент США Рональд Рейган. Он был категорическим противником вмешательства государства в экономику. Советский Союз был для него примером разрушительного действия пагубной самонадеянности экономистов — сторонников государственных интервенций. Однажды он рассказал председателю Федеральной резервной системы Алану Гринспену (по прозвищу «Маэстро») анекдот. Парад на Красной площади. Впереди чеканят шаг элитные подразделения. За ними идут современные танки и артиллерия. Следом — внушающие ужас ядерные ракеты. А вот окончание анекдота в пересказе самого Гринспена: «За ракетами плетутся шесть или семь человек в гражданской одежде неряшливого вида. К Брежневу подбегает помощник и начинает торопливо извиняться: “Товарищ генеральный секретарь, прошу прощения, я понятия не имею, кто эти люди и как они попали на военный парад!” — “Не волнуйтесь, товарищ, — отвечает Брежнев. — Это наши экономисты — самое грозное оружие. Вы и представить себе не можете, какие разрушения они способны причинить”».

В это время (начало 80-х) Гайдар еще живет с родителями. Молодая семья: жена Ира, маленький Петя, вскоре родится и Маша. Доцент Кошкин, сыгравший, как видите, заметную роль в жизни Гайдара, помогает аспиранту заключать хоздоговоры на научные разработки. Хоздоговоры эти приносят деньги, маленькие, но всё же. Молодой семье маленькие деньги очень даже нужны. Ира, первая жена, проходит практику в ординатуре после мединститута. Доходы молодых супругов — рублей 80–90 на каждого. Вместе получается рублей 170–180: особо не разгуляешься.

— Мы с Тимуром часто в своей комнате напряженно прислушивались, потому что не понимали: сколько можно давать младенцу кричать? А они, по тогдашней моде, считали, что пусть кричит, так советовал доктор

Спок... — вспоминала потом Ариадна Павловна.

Ну да, доктор Спок, знаменитая книжка для молодых родителей (в Америке она была популярна в 50-е, до нас дошла лишь в 70-е), такой же «слепой ксерокс», бережно передававшийся из рук в руки, когда дети чуть подрастали, вместе с громоздким раскладным деревянным манежем, скрипучей коляской, стираными детскими вещами (в каком же они были дефиците!), банками с сухим молоком датского производства — это тоже страшный дефицит того времени.

В дефиците, впрочем, много чего — сосиски, зеленый горошек, порой даже майонез. Впрочем, молодая семья не жалуется — в случае чего родители и денег немного могут подбросить (другое дело, Егор не очень любит их брать).

Ариадна Павловна вспоминала, как тяжело заболел маленький Петя, ему еще не было и двух лет, и как врачи поставили тяжелую форму детской пневмонии.

— Он лежал с чудовищной температурой, нам казалось, что он умирает, — вспоминает Ариадна Павловна. — Пришел врач из поликлиники и сказал, что вы его можете, конечно, отправить по скорой, но там выхаживать не будут, шансы не велики. А как же нам выхаживать? — А вы ему должны давать по капельке воды каждую минуту... Пока не станет лучше.

И вот Егор сидел и давал ему каждую минуту с ложечки воду. Несколько часов.

Ира в это время была на дежурстве в больнице. Однако Егор справился.

Мы уже писали о том, как Егор, Ира и их дети переехали, наконец, в свою квартиру. Маленькая «двушка» в Строгине, в новом доме, — это был предел его мечтаний.

Началась новая жизнь. Стандартная малогабаритная квартира в новом доме. Бетонные коробки вокруг. Но рядом — берег Москвы-реки. Летом по вечерам или даже ночью они ходили купаться. Слушали соловьев. Дышали воздухом ночной реки.

В начале 80-х аспирант, а потом м.н.с. (младший научный сотрудник), Егор становится центром маленького домашнего кружка, куда входят его однокурсники и друзья: Авен, Походун, Васильев и др. Многие традиции отцовского дома, отцовских «кружков» 60-х и 70-х годов неожиданно возобновляются и у него в доме.

Все стало немного похоже на отцовский дом. Вернее, на атмосферу

отцовского дома.

Есть только одно отличие — Гайдар в общении совсем другой — открытый, стеснительный, мягкий. Он притягивает к себе людей в не меньшей степени, чем отец, и то, что дом его открыт всегда — это тоже важно. Но обаяние его иное. Оно какое-то неуловимое.

Раз приклеившись к Гайдару, «отклеиться» уже невозможно. Ты остаешься в его кругу на всю жизнь. Как это происходит — загадка.

...Медленное тягучее время 80-х.

Умирает Суслов. Умирает Брежнев. Гроб его с грохотом падает, обрываясь с веревок. Умирает Андропов. Умирает Черненко. (Трое последних — генеральные секретари ЦК КПСС, первый — бессменный идеолог партии, член политбюро.) Ноябрьский морозец. Мартовский морозец. Черные шляпы на мавзолее. Товарищ Ю. Андропов — председатель Государственной комиссии по организации похорон генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Товарищ К. Черненко — председатель Государственной комиссии по организации похорон генерального секретаря ЦК КПСС товарища Андропова. Дорогие товарищи! Друзья! В эти скорбные дни...

В мерзлую землю погружают гроб Черненко.

Кем работал в это «веселое» время Егор Гайдар?

Итак, он закончил аспирантуру в 1980 году. Бремя отцовской фамилии работало не на него, а против. Подозрения в том, что он «блатник», преследовали и во время защиты диссертации, написанной слишком быстро для стандартного аспирантского срока. Тогда ему пришлось отвечать на 40 вопросов, в том числе и заведующего кафедрой экономики промышленности МГУ Геворка Егиазаряна.

Те же проблемы возникли и при устройстве на работу.

На кафедре экономики промышленности МГУ Егора не оставили. При том что некоторые НИИ начали охоту за талантливым кандидатом наук.

Проблематикой сравнительных исследований занимался МНИИПУ — Международный научно-исследовательский институт проблем управления, совместный проект социалистических стран СЭВ. Именно туда пригласил Гайдара на работу профессор Валентин Терехов. Но и туда его тоже не взяли!

В книге «Дни поражений и побед» Егор писал: «Нужно формальное утверждение Государственного комитета по науке и технике. Если бы речь шла об Иванове или Сидорове — оно чистая формальность, младшие научные сотрудники — не главная проблема комитета. А тут Гайдар. Раз

Гайдар — значит, по блату. Если по блату — то почему не как принято, не через начальство, без звонка по вертушке?..»

И в МГУ, и во МНИИПУ будущий и. о. премьера не попал из-за своей звонкой фамилии. Советские чиновники от науки даже представить себе не могли, что в семье Гайдаров не принято, чтобы отец просил за сына или чтобы сын просил отца найти «знакомых». В общем, все закончилось тем, что Егор оказался в родственной Институту проблем управления организации — ВНИИСИ. Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований.

Институт тоже был создан сравнительно недавно, в 1976-м. Директором его был Джермен Гвишиани, зять Косыгина; одним из ключевых сотрудников — тогда еще членкор, работавший до создания ВНИИСИ в ЦЭМИ, Станислав Шаталин.

Среди знаковых ученых, работавших в институте системных исследований — лауреат Нобелевской премии по экономике Леонид Канторович. Замдиректора — специалист по проблемам управления Борис Мильнер. Это были крупные деятели советской эпохи, яркие и блестящие имена.

...Теперь бы еще разобраться, чем эти «системные исследования» отличались от других, несистемных.

Институт, понятное дело, тоже занимался поисками священного Грааля, то есть универсального средства спасения советской экономики. Оптимизация, совершенствование управления, математические методы — ну что еще могло перезапустить мотор социализма? Как говорил один из ключевых ученых ЦЭМИ Виктор Волконский, «даже в 70-е годы, когда экономические темпы стали регулярно снижаться, мы думали, как бы сделать машину более быстроходной, а не о том, что могут отвалиться колеса».

У Гайдара поначалу не было в институте своей темы — работал по особым поручениям. Но потом появилась лаборатория, где у каждого сотрудника была «своя» страна. Гайдар должен был изучать опыт югославской экономики и сравнивать ее с советской.

Тихая улица Кржижановского, где находился тогда ВНИИСИ и куда ходил на свою первую работу Гайдар (недолго ходил, года через два институт переехал, правда, недалеко, на проспект 60-летия Октября, возле станции метро «Академическая»), пересекает шумную Профсоюзную. По ней ходит тот самый 26-й трамвай, на котором удобно было ездить от МГУ в ИНИОН, и она, эта самая улица Кржижановского, как и всё вокруг в

районе Ленинского проспекта и «Академической», полна разными научными учреждениями. Так уж было запланировано еще с 1930-х годов.

Ленинский проспект, Профсоюзная улица, прилегающие к ней Вавилова и Кржижановского, проспект 60-летия Октября, Университетский, Ломоносовский и улица Косыгина — все это, вместе и рядом, удивительное «научное гетто» Москвы.

«После переезда Академии наук из Ленинграда в Москву в 1934 году, — пишут авторы справочника «Москва: архитектура советского модернизма», — ей была отведена особая роль в развитии Юго-Западного района столицы... Ленинские горы рассматривались как место, от которого символически расходится свет знаний... Выделенный участок был хорош с точки зрения обзора, но очень неудобен — на нестабильном склоне Москвы-реки, без адекватного общественного транспорта и со сложным подъездом для автомобилей. Зато сюда было удобно добираться самым выдающимся академиком, обитавшим в спрятанных в тени Ленинских гор виллах». Это — о самой Академии. Но вокруг высокого здания с затейливым золотистым козырьком, которое начали строить в 1967-м, привольно раскинулись десятки, а может, и сотни научных учреждений.

Сначала в этот район поселился «капишник» (закрытый физический институт, где работал С. П. Капица). Тут установили ядерный реактор. Но не первый — первый еще с военных лет находился в старинной усадьбе Черемушки-Знаменское, где до сих пор находится Институт экспериментальной и теоретической физики с его добротными академическими коттеджами, которые построили, похоже, то ли эки, то ли пленные немцы. Недалеко, на Нахимовском проспекте, уже в 70-е годы возвели Институт океанологии имени Ширшова и Институт Дальнего Востока. Тут же рядом на Профсоюзной — ИНИОН, о котором мы уже говорили, и Центральный экономико-математический институт («над входом — бетонный мозаичный рельеф, по замыслу архитектора изображающий вписанную в квадрат ленту Мебиуса»). В районе одной только Гагаринской площади — целое ожерелье мощнейших научных центров: Институт теоретической физики, где работал Ландау, Институт неорганической химии имени Курнакова, где работал Сергей Вавилов, родной брат замученного Сталиным генетика Николая Вавилова. Ну и так далее, и так далее, и так далее.

«Научное гетто» — это, конечно, специальная московская ирония — тихое, уютное, замечательное (хотя и внешне скромное) место в Москве, где под шляпой каждого пассажира 26-го трамвая может прятаться недюжинный интеллект и под старым тополем — квартира академика.

А вот и невысокие красные здания, в одном из которых ютился НИИСИ. Гайдар с товарищами обустроивал институт в новом помещении, ходил на субботники, таскал кирпичи и носилки с мусором. Рядом — уютнейший тихий Новочеремушкинский пруд: утки на пруду, мамы с колясками, доминошники на скамейках. Пятиэтажки. Тихий, скромный, незатейливый московский уют.

Здесь он с особой силой ощутил, как «внешнее» время разительно отличается от «внутреннего». Как медленно и тягуче течет жизнь за окном.

То, что происходило в экономических системах государств «народной демократии», условно можно было назвать «хозрасчетным социализмом». Его-то и начала изучать в начале 1980-х специальная лаборатория, которую создавали во ВНИИСИ под руководством Вадима Павлюченко.

В институте уже год работал автор диссертации по экономическим реформам в ЧССР (Чехословакии) в 1960-е годы Олег Ананьин. Вместе с молодым Гайдаром, свободно читавшим на сербскохорватском и очень хорошо изучившим знаменитый «югославский опыт», они составили вполне работоспособный тандем.

Правда, Павлюченко как-то быстро рассорился с начальством — как в любом советском НИИ, здесь все было сложно, с многоходовыми интригами и непростыми отношениями.

Тем не менее в результате на рубеже 1980–1981 годов была создана новая лаборатория, которую возглавил Владимир Герасимович, пришедший вслед за Шаталиным из ЦЭМИ. Вскоре к Гайдару и Ананьину присоединились Вячеслав Широнин и Петр Авен, занимавшиеся до той поры скорее экономической математикой (Авен защищался под руководством Станислава Шаталина), Марина Одинцова, специалист по ГДР, друг Гайдара Виктор Походун, специалист по Венгрии.

Но это была не просто лаборатория. Это была компания друзей и единомышленников. Ананьин и Широнин станут участниками знаменитого семинара на Змеиной горке в 1986 году. Авен, друг Гайдара, — тоже докладчик Змеинки — станет министром гайдаровского правительства, бизнесменом, а потом и глубоким исследователем эпохи 1990-х, но уже в другой, не научной, а писательской форме. Походун — одним из первых сотрудников Егора в Институте экономической политики, любимом детище Гайдара в науке. Марина Одинцова потом будет работать в Институте экономики РАН и в Высшей школе экономики.

Единственный человек, с которым у Гайдара потом (но именно потом!) не сложились отношения, — руководитель лаборатории Владимир

Герасимович.

«По моим впечатлениям, — вспоминал Олег Ананьин, — это было, как в книжке про “Трех мушкетеров”. Мушкетеры фехтовали во дворе и ждали, когда их Тревиль позовет; а тут играли в шахматы, это была бесконечная игра в шахматы, в ожидании того, что начальство сейчас даст задание. Главным мушкетером был Володя Герасимович».

«Три мушкетера» были любимой книгой Гайдара. Он перечитывал ее, как он сам говорил, десятки раз — когда хотел разгрузить голову, отдохнуть, поднять себе настроение, приободриться, да и просто так. «Мушкетерами» он считал, а иногда и прямо называл своих друзей — и в университете, и в лаборатории, где они встретились вновь. Теперь у него был свой дом, и он гостеприимно распахнул его двери перед «мушкетерами» — там, в Строгине.

Герасимович был несколько старше своих молодых сотрудников. Но он умел дружить — в те дни, когда лаборатория собиралась вместе, они обязательно выпивали, спорили и опять-таки играли в шахматы. Вообще атмосфера была дружеской и веселой, несмотря на научную субординацию.

«Атмосфера в лаборатории была довольно благоприятной, — продолжает Олег Ананьин, — не было обязательности, у каждого из нас был свой присутственный день на неделе, а так можно было работать дома, в библиотеке, это не возбранялось. Но когда мы собирались вместе, было весело. Весело настолько, что мы порой продолжали свои посиделки и дома. Герасимович тоже любил бывать на этих “домашних” заседаниях лаборатории, причем он мог выпить довольно сильно. Его укладывали спать на диван. Вообще было ощущение, что он как-то довольно разрушительно относится к своей жизни. Но его жалели, во-первых, из-за бесшабашного характера, во-вторых, потому что у него была огромная близорукость. Он практически не мог читать и писать бумаги. Поэтому все важные решения мы принимали сообща, на словах. В этом смысле было не очень удобно — нас постоянно таскали к начальству и требовали снова и снова писать докладные к очередному заседанию совместной комиссии ЦК и Совмина по экономической реформе. Тогда ее возглавлял уже Николай Рыжков. Герасимович к такой быстрой работе по написанию бумаг был неспособен».

Романтический период жизни Гайдара довольно быстро закончился.

Ничто не предвещало такого развития событий, но Егор вскоре был вынужден развестись с первой женой Ириной — удар исподтишка нанес один из «мушкетеров», а именно Герасимович, его непосредственный

начальник, что было еще более обидно и тяжело.

«Мне кажется, Гайдар после этого стал более осторожен с людьми, больше держал дистанцию... Такой открытости как раньше, я в нем уже не наблюдал. И это не только я так думаю», — говорил потом Олег Ананьин.

Говорить об этом нелегко, но долг биографов обязывает... Тяжело сказать, во всем ли был прав Егор, когда расставался с Ириной. Она в итоге вышла замуж за Герасимовича, но и этот брак через несколько лет распался.

Но Гайдары во все эпохи не терпели предательства. Егор в этом смысле не исключение, вариантов тут для него не было.

Станислав Шаталин вызвал начальника лаборатории Герасимовича и предложил ему написать заявление об уходе. Однако и сам Гайдар не мог уже оставаться в институте.

В эти месяцы он переживал не самый легкий момент в своей судьбе. Казалось, что рушится вся его жизнь...

Надо сказать, что «реальность» — та самая, которая существовала за пределами его вселенной-библиотеки, за пределами кружка, за пределами его обширных интеллектуальных занятий, — то есть *сама жизнь*, — медленно текущая, почти стоячая вода, заплесневевший рассол брежневской эпохи — вот эта реальность не в первый раз наносила ему удар или впрыскивала в него свой яд, что будет точнее.

Выросший в легкой и теплой обстановке родительского дома, где с раннего детства им любовались и восхищались, он, хорошо помнивший сладкие запахи детства — яблоневые и сливовые запахи свердловского дома, где над ними любовно кружили сестры Бажовы, где жил его любимый сводный брат Никита, запахи дачи в Дунине — запахи костра, и свежескошенной травы, глиняного берега Москва-реки, запах рассохшейся лодки и кислого вина, он сейчас резко ощутил свое взросление как прыжок через пропасть — а может быть, и падение в нее.

Да, «взрослый» мир постоянно показывал ему свое отвратительное лицо, заставляя замыкаться в скорлупе своего сознания.

Ведь Егор воспринимал мир — несмотря на всю его советскую заскорузлость — открыто и дружелюбно, а вот теперь что-то надломилось.

Такой же — очень тяжелой по последствиям — была и история с листовками, когда пришлось поссориться с Битовым и его подругой.

Были и другие истории, когда Егор вдруг понимал, что жизнь устроена совсем иначе, по другим законам, и их не распознать логически, их не вычислить и не построить из них закономерности, потому что это стихия,

недоступная его пониманию.

Каждый раз это *непонимание* больно ударило — он пытался понять и не мог, как и почему это происходит, и становилось еще больнее. И он еще глубже прятался в своем хрупком мире смыслов и творчества.

В этом — наверное, именно в этом — он был близок своему деду Бажову.

Но — с другой стороны — подобно деду Гайдару, он каждый раз после такого крушения, пережитого шока, после разрыва плавного течения времени, после жизненной катастрофы обретал второе дыхание. И оказывался как бы на новом, следующем витке жизни.

И тогда выяснялось вдруг, что крушение было пережито им не зря.

Мы уже говорили, что у любого кружка — во все времена, но особенно в ту эпоху — были свои типологические особенности.

Одна из них — закрытость, замкнутость, «катакомбность», готовность к изоляции и «жизни внутри», к автономному плаванию, без особой оглядки на социум. Острое недоверие к окружающему миру. Способность различать «своих» и «чужих», особенно в диссидентской среде. Способность выдвинуть из своих рядов лидера, вождя. Таким лидером, конечно, всегда и везде был Гайдар. Хотя он не был старше других, не обладал никакой властью, формальным статусом, но ему хватало морального авторитета и интеллекта.

Другая особенность — напряженная, «густая», полная страстей и даже интриг, отношений и «выяснения отношений» атмосфера внутри кружка. Часто это было связано с «чисткой рядов», когда любой моральный проступок карался чересчур строго, и любое подозрение в доносительстве — было чревато полным остракизмом, даже без подтверждения вины.

Но было еще одно «кружковое» качество, которое не лежало на поверхности и не бросалось в глаза. Это была надежда на опережающее развитие. То есть на то, что происходящее в кружке имеет высокую социальную значимость. Несмотря на общее мнение окружающих, что это «никому не нужно» и «ни к чему не ведет» и что «это опасно».

Нет, кружковцы не могли не верить в то, что они делают что-то очень важное для страны и очень скоро, уже в обозримом будущем, по крайней мере при их жизни, — все «это» будет востребовано обществом. Верили и поддерживали друг в друге эту веру.

Эта надежда на *опережающее развитие* была свойственна и гайдаровскому кружку — и в зачаточном, то есть почти домашнем его состоянии, когда это был просто кружок московских интеллектуалов, и в

состоянии уже более полном, когда москвичи и ленинградцы объединились.

Но еще в самом начале пути, то есть в 1981–1982 годах, когда Гайдар и его друзья работали в институте системных исследований, эту надежду поддерживала в них и некая зыбкая внешняя реальность — реальность новой попытки правительственных реформ. От Комиссии по экономической реформе при Политбюро, наделенной высочайшими полномочиями, они поначалу, по молодости лет, ждали многого. Но это была далеко не последняя «высочайшая комиссия», в работе которой принимал участие Гайдар.

Вообще у советских «высочайших комиссий» была своя интересная предыстория.

С 1972 года лучшие экономические и технические умы страны участвовали в подготовке первой Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП). Глава ЦЭМИ (Экономико-математического института) академик Николай Федоренко, экономисты Александр Анчишкин, Юрий Яременко, Николай Петраков, Станислав Шаталин, Борис Ракитский, Евгений Ясин и еще 270 (!) специалистов пытались построить научно-технические прогнозы развития страны.

Результатом был «талмуд» невероятной толщины и мощи. 17 томов (!) программы, не считая сводного, были готовы к весне 1973 года, прошли обсуждение на совещании у председателя Совета министров Косыгина. В 1974-м Госплан принял постановление об учете материалов программы в подготовке плана десятой пятилетки.

Да, на этот «талмуд» возлагали чуть ли не последние надежды все прогрессисты из огромной системы ЦК, Совмина, Академии наук, Госплана и т. д. и т. п.

Работу возглавлял вице-президент АН СССР Владимир Котельников, а присматривал за ней лично президент академии Мстислав Келдыш. Тогдашний работник ЦЭМИ, а впоследствии близкий сотрудник Гайдара, его редактор Леонид Лопатников, вспоминал: «Решающим доводом против включения того или иного радикального предложения в текст зачастую было пресловутое “наверху не поймут!”».

Так и писали, сами себя держа за руку».

Но на этом игра в модернизацию экономики была закончена. Пар ушел в свисток. «Косыгинские реформы» приказали долго жить. Аналогичные программы готовились тогда к каждой пятилетке, что мало влияло на реальное положение дел.

Тогда еще далеко не все авторы программы догадывались, что они

перепутали причины и следствия. Справедливо полагали, что источник роста — научно-технический прогресс (на который, к слову сказать, тогда молилась вся советская общественная наука). Но ошибались в том, что научно-технический прогресс можно спланировать. И совершенно не учли, что он — прямое следствие развития открытой рыночной экономики, основанной на частной собственности.

Последним заметным приступом реформаторства в доперестроечные годы как раз и стало то самое постановление 1979-го «Об улучшении планирования...», о котором так страстно спорили на картошке Чубайс, Ярмагаев и Глазков.

Вот что говорил позднее Яков Уринсон: «Готовился тогда знаменитый пленум ЦК КПСС по производительности труда и научно-техническому прогрессу, поскольку всем было ясно, что в науке и технике мы уж точно отстаем. Мы умеем сделать лучшую в мире ракету, или лучший в мире танк, или подводную лодку, но массовую продукцию на базе НТП производить не можем. Поэтому сначала Новиков и Кириллин, а потом вместе с ними Байбаков, Гвишиани и другие попытались под лозунгом научно-технического прогресса вернуться к косыгинским реформам».

В июне 1979 года руководству страны был представлен отчет «О комплексных мероприятиях по повышению эффективности народного хозяйства, дальнейшему улучшению планирования и ускорению научно-технического прогресса».

Вот некоторые констатации того доклада. «Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью». «По ориентировочным оценкам, в 1970 г. 20 %, а в 1978 году — уже 53 % прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса». В 1978 году телефонов в СССР было в 10 раз меньше, чем в США; компьютеров — в 100 раз меньше. В 5 % городов и 15 % поселков не было водопровода, в 30 % городов и 60 % поселков — канализации. «Неудовлетворенный спрос, порождая такие негативные явления, как... чрезмерное потребление спиртных напитков, развращает людей и наносит обществу не только экономический, но и громадный моральный ущерб». Показатели смертности растут. В 1971 году, в частности, младенческая смертность составляла 22,9 на 1000 родившихся; в 1975-м — 26,3; в 1976-м — 31,4. Это было в 1,5–3 раза выше, чем аналогичный показатель в развитых странах.

Доклад комиссии с этими чудовищно мрачными цифрами и разящими выводами читали, конечно, и секретари ЦК, и члены политбюро. Не верить выводам лучших советских ученых они не могли. Все это было чистой

правдой.

Но для реализации реформ советским руководителям не хватало политической воли. Даже сам доклад комиссии засекретили. А возглавлявшему эту комиссию Владимиру Кириллину, видному теплофизику, академику и зампреду Совмина СССР, он стоил карьеры.

Владимир Мау по поводу приступов реформаторства 1979 и 1983–1984 годов писал: «В любом случае ни одна из проводившихся или обсуждавшихся реформ не предполагала изменения формы собственности. Это, кстати, был удивительный ментальный феномен, характерный для сознания наших экономистов (я помню это по себе). Тогда казалось, что либерализация экономических отношений без затрагивания вопроса собственности может дать существенный эффект. Сейчас это понять совершенно невозможно».

Ленинградцы двигались с москвичами на параллельных курсах, хотя не стояли так близко к высшему руководству. Дальнейшие поиски способов оценки системы и методов ее улучшения естественным образом привели Чубайса, Ярмагаева и Глазкова к созданию маленького кружка экономистов. Аргументы были найдены: коллеги написали совместную статью, которая уже в 1982 году была издана в бледно-сером межвузовском сборнике научных трудов. Основным критерием «оценки конечного результата деятельности предприятия», по мнению авторов, мог служить «лишь один показатель» — прибыль. «Другим важным элементом хозяйственного механизма... выступает система ценообразования, совершенствование которой должно осуществляться в направлении повышения гибкости и обоснованности цен».

Удивительным образом статья участников тайного кружка питерских экономистов увидела свет на совершенно легальной основе, пройдя все традиционные стадии проверок. Именно тогда обнаружился особый талант Чубайса прикрывать абсолютно запретные занятия официальными «крышами». А поскольку коллегам трудно было встречаться в ситуации, когда все жили в ужасных условиях питерских коммунальных квартир, ассистент кафедры ЛИЭИ Чубайс начал добиваться возможности проведения официальных семинаров.

Но до этого момента кружку Гайдара, с одной стороны, и кружку Чубайса — с другой надо было еще дожить.

А пока они варились в собственном соку.

Отличие гайдаровского кружка состояло в том, что они с первых месяцев своей работы во ВНИИСИ начали работать на новую

«высочайшую комиссию», в которой активную роль играл сравнительно молодой секретарь ЦК Николай Рыжков. И порой им начинало казаться, что всё, что они обсуждают в узком кругу единомышленников, кому-то нужно. Что это всё не зря. Что это не просто «кружок».

Наступало сырое, рыхлое, пасмурное, как ранняя весна, переходное время начала 1980-х. Оно было по всем своим внешним приметам дико мрачным. В декабре 1979 года началась афганская авантюра. И если сначала казалось, что это всего лишь очередная «народно-демократическая революция», которая происходит где-то далеко от нас, то буквально через год стало понятно — нет, это настоящая война, в которую мы ввязались. Война и по масштабам наших военных потерь, и по масштабам потерь среди мирного населения (собственно, именно жертвы гражданской войны, которых было не менее миллиона, и имел в виду академик Сахаров в своей знаменитой освистанной речи в 1989 году на Съезде народных депутатов СССР). Беспрецедентной эта война была потому, что ведь это было «мирное время», «разрядка» (впрочем, несколько лет как выдохшаяся), и, если верить лозунгам, советский народ отчаянно «боролся за мир», а советским правительством выдвигались все новые «мирные инициативы»!

А в это время недалеко, лишь в сотне километров от нашей границы, рекой лилась кровь — наших солдат, наших союзников, наших врагов и огромного количества простых людей.

В 1983 году советские ВВС сбили южнокорейский «боинг». «Провокация», как было сказано в советских газетах. На самом же деле — чудовищная человеческая трагедия, страшный международный скандал.

Но еще до «боинга» в связи с войной в Афганистане последовали жесткие международные санкции, резолюции Генассамблеи ООН, и никакие милые домашние радости Олимпиады 1980 года не могли этого скрыть (при том что спортсмены большинства стран отказались приезжать на нее или приехали вне состава национальных команд, под белым олимпийским флагом).

Егор знал все это из первых рук — его отец, работавший в «Правде», тяжело переживал афганскую трагедию.

В магазинах было уже не протолкнуться от очередей. Причем очереди приобрели характер тяжелого социального явления — в провинции по талонам приобреталось уже все сколько-нибудь необходимое, от стирального порошка до детских вещей, не говоря о продовольствии. Чтобы как-то прокормить своих работников, предприятия Тулы, Рязани, Калуги, Брянска и других близлежащих городов в выходные дни посылали автобусы в Москву. В магазинах стоял густой дух столпившихся в очереди

несчастливых людей, над которыми плыли истошные вопли продавщиц: колбасы только один батон в руки!

Автобусов не хватало, и люди самостоятельно садились в электрички, чтобы ехать часами за такой вот «программой выходного дня» — постоять в московской очереди. В 1990 году заместитель московского мэра Лужков введет так называемую «продовольственную карту москвича», которую выдавали в жэках по паспорту, и с этого момента и вплоть до гайдаровской реформы цен купить что-либо в Москве смогут только те, у кого была прописка.

Происходило постоянное закручивание гаек. Идеологические кампании становились все более тяжелыми по тону и по духу.

Андропов, пришедший к власти в 1982 году, начал с двух таких кампаний — «борьбы за трудовую дисциплину» и «борьбы с нетрудовыми доходами». КГБ активно распускал в обществе слухи о том, что удар будет нанесен по взяточникам, спекулянтам, растратчикам, то есть по тогдашним коррупционерам — нечестным людям, «жирным котам», которые чуть ли не на золоте едят, пока трудовой народ бедствует.

Действительно, арестовали зятя Брежнева — Юрия Чурбанова, расстреляли директора знаменитого Елисеевского гастронома Юрия Соколова. Но стало ли от этого лучше жить?

А вот прелести идеологических кампаний почувствовали на себе многие.

«Первые» отделы всех московских учреждений лютовали. Людей показательно увольняли с работы за десятиминутные опоздания, по магазинам, парикмахерским, ателье, прачечным и даже кинотеатрам в рабочее время ходили дружинники с красными повязками — отлавливали прогульщиков, составляли административные протоколы, сообщали по месту работы, выписывали штрафы. Было неприятно, попахивало антиутопией Оруэлла или Замятина, но глубоко в жизнь эта истерия все же не внедрялась. Чего нельзя было сказать о другой такой же кампании: борьбе с «нетрудовыми доходами». Отзвуки ее чувствовались довольно долго, затронув даже первые горбачевские годы. Вводились новые ограничения на размер приусадебных участков, на продажу урожая с этих участков. Все те же дружинники вместе с милицией отлавливали бабушек с клубникой и пучками зелени на московских улицах, рынках, возле вокзалов и станций метро.

Государство зажимало, закручивало в тиски последние остатки частной инициативы под предлогом благородной борьбы со «злоупотреблениями в торговле».

Ну какая в таких условиях может быть «реформа»? На какие «изменения сверху» можно тут надеяться?

Тем не менее — они продолжали надеяться.

Все было, как у любимых Гайдаром Стругацких: «Маги, Люди с большой буквы, и девизом их было — “Понедельник начинается в субботу”... Они были магами потому, что очень много знали, так много, что количество перешло у них, наконец, в качество, и они стали с миром в другие отношения, нежели обычные люди. Они работали в институте, который занимался прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же».

...Кстати, о Стругацких.

Примерно через год после развода с Ириной Егор женился второй раз. Так получилось, что избранницей его стала Маша Стругацкая, подруга Иры Мишиной, с которой они познакомились тоже в Дунине, на бабушкиной даче.

Мария Аркадьевна Стругацкая — дочь одного из братьев Стругацких, легендарных советских фантастов, создавших целый мир своих произведений, хорошо знакомый Егору еще с юности. Да, она знала еще совсем юного Егора, она была свидетельницей его жизни, и она... любила его.

Так бывает.

Впрочем, как это тоже часто бывает, их любовная история завязывалась очень медленно, очень постепенно, и было совсем не очевидно, что именно Маша Стругацкая станет второй женой Егора, вместе с ним переживет и его стремительный взлет, и чудовищные его стрессы и драмы, и поздние годы, когда он тяжело болел, и счастье, и несчастье — словом, все, что ему выпало. Поначалу такое развитие событий как-то не очень просматривалось.

Маша тогда вовсе не собиралась замуж. Мало того что она была близкой подругой Ирины Мишиной и вовсе не собиралась мешать. У нее тоже уже был сын от первого брака, Ваня.

Но в том тяжелом для Егора 1986-м они встретились, вспыхнула любовь и они поженились. От первых браков у них было трое детей на двоих — Петя, Маша, Ваня. Ира долго не давала развода, но развестись все же пришлось. Петя жил то у мамы, то у бабушки с дедушкой. А потом Егор

и Маша переехали жить по новому адресу — на Мясницкую улицу. И Петя стал часто бывать у них.

И еще одно событие было и тяжелым, и трагичным, и в то же время судьбоносным в жизни Егора в том 1986-м. На семьдесят девятом году жизни умерла Лия Лазаревна Соломянская, его бабушка — мать Тимура и первая жена Аркадия Гайдара.

Бабушка, которая нежно его любила и была потрясающей — грозной, авторитарной и в то же время ужасно доброй. Бабушка, от которой он так много узнал — о дедке и об отце. Бабушка — которая сама была человек-эпоха.

И вот ее не стало.

Трехкомнатная квартира на Мясницкой улице, в знаменитом доме, который принадлежал когда-то еще Императорской академии художеств, а потом ВХУТЕМАСу, досталась третьему мужу Лии Лазаревны, Самсону Вольфовичу Глязеру от его отца, Вольфа. Тот был одним из первых советских дизайнеров — разработчиком шрифтов, символов, логотипов, украшавших Москву в дни всенародных советских праздников. Он хорошо знал многих художников и дружил со многими советскими авангардистами — вхутемасовцами Родченко, Фальком и др.

Сама Лия Лазаревна работала в сценарном отделе «Союздетфильма» (позднее — Киностудии им. Горького) редактором. Она была автором сценария мультфильма «Рикки-Тикки-Тави», через ее руки прошли сценарии практически всех детских фильмов в СССР.

Муж ее, Самсон Вольфович Глязер, любил спорт, был тренером по фигурному катанию, причем успешным, написал несколько книг о спортивных и познавательных играх. Лия Лазаревна пережила его всего на несколько месяцев. Этот незаметный, тихий человек стал настоящей опорой для шумной, яркой и эмоциональной женщины. Далекий от политики и идеологии, любивший жизнь, он достался ей в награду после всего пережитого: ее первый муж, Аркадий Гайдар, погиб на войне; второй, Израиль Разин, известный журналист и редактор, был расстрелян, сама она после его расстрела еще два года провела в лагерях. Во время войны Лия Лазаревна работала во фронтовой газете, после войны и пришла на киностудию.

Они с мужем были настоящими людьми 30-х годов, хорошо понимавшими советскую власть, искренне верившими в ее идеалы, в ее иллюзии, и в то же время прекрасно знавшими — и на своей собственной шкуре пережившими — цену ее трескучим лозунгам, ее свинцовым привычкам, ее каждодневному будничному предательству и

доносительству, которое официально поощрялось.

...Словом, когда бабушка Лия умерла, эпоха кончилась.

Квартира опустела. Так кончался для Егора 1985 год. И начинался новый — 1986-й.

По умолчанию считается, что новая «оттепель» началась сразу же с приходом Горбачева в марте — апреле 1985 года. Но это, конечно, совсем не так. Все было по-прежнему — и политика, и экономика.

Продолжались при Горбачеве и политические репрессии, пусть точечные, но довольно жесткие и порой иезуитские, свойственные брежневской и андроповской эпохам. В Горьком продолжали гноить Сахарова, в особых «политических» зонах — травить Григорьянца и Марченко, диссидентов поздней советской эпохи.

Но главное — Гайдар и его друзья были окружены той языковой средой, прорваться сквозь которую было совершенно невозможно. Внутри кружка был один язык, насыщенный новыми словами, понятиями, категориями, снаружи — старые, заржавевшие слова скрежетали, нанизанные на прежние заржавевшие конструкции.

Сам язык не позволял мыслям вырваться на свободу. И это при том, что в эпоху «Змеиной горки» Гайдар, Чубайс и другие вовсе не относили себя к сторонникам резких и решительных изменений. Напротив...

До крутого поворота оставались какие-то месяцы. Но они этого пока не ощущали.

Глава четвертая. Коллективный Сахаров

В декабре 1986 года из ссылки был возвращен академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Вот как сам он описывал эти события в своих мемуарах:

«15 декабря исполнилось 25 лет со дня смерти папы. Вечером мы с Люсей, как обычно, смотрели телевизор, сидя рядом в креслах. Люся что-то штопала. В 10 или 10.30 неожиданный звонок в дверь. Для почты слишком поздно, а больше никто к нам не ходит. Может, обыск? Это были два монтера-электрика, с ними гебист. “Приказано поставить вам телефон”. (У нас возникла мысль, что это какая-то провокация; может, надо отказаться? Но мы промолчали.) Монтеры сделали “перекидку”. Перед уходом гебист сказал: “Завтра около 10 вам позвонят”.

Мы с Люсей строили всякие предположения, что бы это могло быть. Может, попытка взять интервью для газеты?..

До 3 часов дня 16 декабря мы сидели, ждали звонка. Я уже собирался уйти из дома за хлебом. Далее — на основе записи из моего дневника, с некоторыми комментариями.

В три часа позвонили. Я взял трубку. Женский голос: “С вами будет говорить Михаил Сергеевич”. — “Я слушаю”. (Люсе: “Это Горбачев”. Она открыла дверь в коридор, где происходил обычный “клуб” около милиционера, и крикнула: “Тише, звонит Горбачев”. В коридоре замолчали.) “Здравствуйте, это говорит Горбачев”. — “Здравствуйте, я вас слушаю”. — “Я получил ваше письмо, мы его рассмотрели, посоветовались”. Я не помню точных слов Горбачева, с кем посоветовались, но не поименно, и без указаний, в какой инстанции. “Вы получите возможность вернуться в Москву, Указ Президиума Верховного Совета будет отменен... Принято также решение относительно Елены Боннэр”. Я — резко: “Это моя жена!” Эта моя реплика была эмоциональной реакцией не столько на неправильное произношение фамилии Боннэр (с ударением на последнем слоге), сколько, главным образом, на почувствованный мной оттенок предвзятого отношения к моей жене. Я доволен своей репликой! Горбачев: “Вы сможете вернуться в Москву. Квартира в Москве у вас есть. В ближайшее время к вам придет Марчук (президент Академии наук СССР. — А. К., Б. М.). Возвращайтесь к патриотическим делам!” Я сказал: “Я благодарен вам! Но несколько дней назад в тюрьме убит мой друг Марченко. Он был первым в списке в

письме, которое я вам послал. Это было письмо с просьбой об освобождении узников совести — людей, репрессированных за убеждения”».

...Итак, в его квартиру срочно провели телефон, и он поговорил с Горбачевым.

События развивались стремительно. Никто не был готов к тому, что Сахаров вернется в Москву так быстро. На Ярославском вокзале его встречали лишь несколько иностранных корреспондентов и парочка своих, отечественных. Журналист Юрий Рост позднее описывал это в своих мемуарах. Вдохновленный тем, что ему удалось сделать первый в Союзе снимок Сахарова, он набрался храбрости и пришел на квартиру Сахарова и Боннэр возле Курского вокзала. «Дверь мне открыла энергичная женщина в очках с толстыми плюсовыми стеклами. Я видел ее накануне. Она первой вышла из вагона поезда № 37 и весело, но решительно скомандовала зарубежным журналистам, засверкавшим лицами:

— Нечего меня снимать! Сейчас выйдет Сахаров — его и снимайте!»

В редакции ему прямо дали понять: то, что Рост идет «встречать на вокзал Сахарова» — он делает на свой страх и риск. Никто не гарантировал ему публикации фотографий и тем более интервью. Тем не менее фотография Сахарова, выходящего из поезда на Ярославском вокзале, вошла в историю, как и другие портреты нобелевского лауреата, сделанные Юрием Ростом.

Начальникам в «Литературной газете» было чего бояться — никаких «сигналов сверху» они не получали. Еще за несколько недель до этого Сахаров подвергался жесточайшему давлению со стороны КГБ. За его квартирой следили, в ней совершенно открыто устанавливали звукозаписывающую аппаратуру, его родных не выпускали за границу, к нему подсылали «подозрительных личностей», чтобы откровенно запугать.

Обо всем этом постоянно сообщало зарубежное радио, фиксируя многочисленные случаи давления и угроз академику со стороны властей. В Горьком Сахаров решился на отчаянные меры — объявил голодовку, и его начали кормить принудительно. Не за горами была и вторая голодовка. Все было очень мрачно. И в общем-то все готовились к заранее объявленной смерти — по сути, к такому саможжению в знак протеста.

Все изменилось буквально в течение нескольких дней. Горбачев позвонил Сахарову. Сахаров поставил Горбачеву ряд условий — и личных, и самое главное, общечеловеческих: он подготовил список политических заключенных, «узников совести», которых следовало, по его мнению, немедленно отпустить. Горбачев в телефонном разговоре согласился этот

список рассмотреть...

Сахаров успел спасти не всех. Например, Анатолий Марченко умер в лагере во время своей голодовки протеста в том же 1986 году. Вера Лашкова, высланная из Москвы, смогла туда вернуться только в 1990-м. Сергей Григорьянц, последний редактор «Хроники текущих событий», вышел из заключения лишь в 1987-м.

С трудом доходили благие вести из Москвы в российскую провинцию. «Скандал вспыхнул 11 декабря 1988 года. Милиция разогнала митинг, посвященный 40-летию Всеобщей декларации прав человека. Многих участников митинга арестовали, но активиста Сергея Кузнецова упекли надолго. Кузнецова в городе хорошо знали, потому что год назад его, архитектора, с шумом вышибли с работы за открытое письмо Горбачеву. И вот теперь Кузнецов стал «узником совести»», — вспоминал писатель Алексей Иванов в книге «Ебург».

Да, времена менялись, но далеко не сразу...

Валерия Новодворская с 1987 по 1991 год, как сухо гласит биографическая статья о ней, арестовывалась в ходе митингов и демонстраций 17 раз. И каждый раз она получала 15, 30 и более суток ареста, проводя их в довольно тяжелых для ее здоровья условиях. И все это — после тюрем и психушек.

Механизм продолжал исправно работать: газеты печатали разоблачительные статьи о «наймигах Запада», «отщепенцах», которые клеветают на советский строй «за деньги ЦРУ», прокуроры продолжали возбуждать уголовные дела, суды — выписывать постановления об обысках и арестах, ну и так далее.

А Горбачев уже был у власти.

Поэтому весть об освобождении Сахарова стала шоком буквально для всех: и для диссидентов, и для милиции и КГБ, и для партийной верхушки и советских редакций. Никто даже не мог в это сначала поверить. И тем не менее Сахаров уже вернулся в Москву.

Для чего это понадобилось Горбачеву?

Версий, конечно, было множество, среди них главной считалась «международная» — Горбачеву предстояли важные переговоры с Рональдом Рейганом и другими западными лидерами, переговоры о сокращении вооружений, о новых принципах политического мышления, о новой «разрядке» — и ему были нужны какие-то конкретные козыри на руках. Еврейские отказники, которых не выпускали из Союза для «воссоединения семей», ссылка Сахарова в Горький (нынешний Нижний Новгород), разнообразные нарушения прав человека в республиках,

«карательная психиатрия», целый список политических заключенных (более ста фамилий) — все это было серьезным сдерживающим фактором в таких переговорах.

...Отчасти версия была верна, но все-таки не совсем.

Новые инициативы Горбачева сами по себе были сильным дипломатическим оружием. Освобождение Сахарова имело другую важнейшую функцию — мощного жеста, который должен был показать всей советской элите, что *времена изменились*.

И элита, конечно, жест восприняла правильно. Она как минимум на время притихла и затаилась. Как максимум — стала бодро демонстрировать «новое мышление».

Но, конечно, это было лишь начало. Сам по себе Сахаров ничего не решал. «Символических шагов» было слишком мало, чтобы добиться целей, которые ставил перед собой Михаил Сергеевич.

Сахаров — «соавтор» ядерной и водородной бомбы, великий физик, засекреченный ученый — одним из первых в мире заговорил с властями о гуманизме. О том, например, что нужно прекратить ядерные испытания в атмосфере — еще в 60-х годах. (И испытания через некоторое время стали проводить только под землей и под водой, затем и их начали ограничивать.) О том, что третья мировая война — катастрофический сценарий для цивилизации, и двум системам необходимо договариваться (и возникла брежневская «разрядка», бурно поддержанная Западом), о том, что с войнами в целом надо кончать (увы, но США и СССР влезли в чудовищные конфликты, соответственно, во Вьетнаме и Афганистане, результатом чего стала гибель миллионов мирных жителей и там, и там, не говоря уж о десятках других искусственно разжигаемых войнах).

Сахарова довольно жестко осуждали коллеги за то, что он лезет «в политику».

«С письма академиков началась знаменитая “газетная компания”, оно было для нее пусковым сигналом. В каждом номере каждой центральной газеты появилась специальная полоса, на которой печатались письма трудящихся...» — сухо констатировал Сахаров в своих мемуарах. На его личный адрес приходили гневные письма со всего Союза; за ним следил и на него жестко давил КГБ, устраивая бесконечные мелкие и крупные провокации, его отстраняли от научной деятельности, наконец его сослали.

И тем не менее было понятно — этот человек опережает свое время. Все, что он говорил, затем становилось реальностью. Мир менялся ровно в ту сторону, куда его призывал идти Сахаров еще в 60-е и 70-е годы.

Но говорил-то Сахаров — прежде всего — о гуманизме. Именно идея

гуманизма — то есть уважения, сочувствия, самой простой жалости к *страдающему* человеку — и должна была, по мысли Сахарова, стать фундаментом всей мировой политики.

И неожиданно гуманизм, понятый по-советски, так четко монтирующийся со всей советской моралью и газетным публицистическим пафосом («все во благо человека, все во имя человека») — стал знаменем политики Горбачева.

Идея была в том, чтобы, избегая резких поворотов, не демонтируя систему резко, а напротив, используя ее мощь и силу, — мягко, плавно, даже нежно — заставить ее повернуть в другую, нужную сторону.

Для этого Горбачеву понадобились люди, которые были бы способны убедить и население, и элиты, что времена изменились, что надо попробовать жить иначе. Именно убедить, уговорить, найти нужные слова. В какой-то мере даже «уболтать». То есть не навязать грубо новый язык, а используя старый, используя знакомые слова и понятия, предложить обществу этот великий поворот.

Без сахаровского гуманизма тут было никак не обойтись. Но развивать и использовать концепцию этого «нового гуманизма» должны были уже другие люди. Те, которые имели стойкую репутацию прогрессивных, смелых, мыслящих, самостоятельных — еще с тех достопамятных 60-х годов. Те, которые должны были попробовать заговорить по-новому — но при этом на старом советском языке.

И Горбачев их, конечно, нашел. Нашел и внутри партийного аппарата, и в сферах, достаточно близких к этому аппарату. Помните, из книги Лациса — «мы, мыслящие марксисты»? Вот таких мыслящих марксистов, уверенных в том, что Сталин «извратил» великого Ленина, что советская бюрократия вывернула наизнанку «великие идеи революции», то есть тех, для которых главными событиями в жизни стали XX и XXII съезды КПСС, осудившие Сталина, и начал срочно искать Горбачев.

Слава богу, внутри ЦК КПСС всегда было несколько центров силы, несколько, как сейчас говорят, «башен», а тогда говорили — «подъездов». Длинное, необъятное здание ЦК имело множество подъездов — международный отдел, идеологический, общий, отдел оргработы, промышленный, отдел науки и т. д. Остряки шутили, что у нас, конечно, не многопартийная система, но все-таки многоподъездная. Так вот, конкурируя друг с другом — «подъезды» и стоявшие за ними секретари ЦК и члены политбюро, призывали к себе на службу и в качестве кадровых аппаратчиков, и в качестве «писателей» (то есть в редакторскую группу

очередного судьбоносного документа, доклада, речи) — таких вот затаившихся в недрах академических институтов «шестидесятников». Тех, кто очень долго был вынужден молчать. В каком-то смысле — идейных «партизан» шестьдесят восьмого.

Всех их Горбачев знал довольно хорошо. Да в общем-то, их все знали хорошо. Общий отдел ЦК работал ничуть не хуже КГБ — все прегрешения членов партии, тем более входивших в номенклатуру, и личные, и идеологические, были аккуратно записаны и помещены в специальные досье.

И Горбачев догадывался — достаточно поставить двух-трех прогрессивных редакторов (из этих самых затаившихся «партизан») на более или менее важные посты — и этот язык нового гуманизма быстро будет найден. «Коллективный Сахаров» заговорит во всю силу.

Одним из первых был назначен руководитель газеты «Московские новости» Егор Владимирович Яковлев. Тот самый Яковлев, участвовавший в собраниях подпольного кружка «мыслящих марксистов», которые были в шоке от вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. В этот кружок, как мы помним, входили, кроме Яковлева, Гайдар-старший (Тимур Аркадьевич), Геннадий Лисичкин, Лен Карпинский, Отто Лацис, бывший замзав отделом культуры ЦК Георгий Куницын и еще целый ряд партийных интеллигентов.

Собирались тогда на даче и на квартире у Тимура, в квартире у Егора Яковлева, обсуждали создание неподцензурного журнала. Журнала не получилось, и пути-дороги мыслящих марксистов разошлись — Тимур продолжил (до 1970 года) длительную командировку в Югославию, Лацис сел за написание «антисоветский книги» о коллективизации, Карпинский продолжал создавать «кружки и группы» внутри советской идеологической системы, за что чуть не был исключен из партии и уволен из журнала «Молодой коммунист». Ну а Егор Яковлев, обозреватель «Известий», позднее вошел в так называемую «ленинскую группу» журналистов и писателей, которая имела негласный мандат от идеологического отдела ЦК КПСС — публиковать в своем органе печати статьи к важным датам и юбилеям вождя мирового пролетариата. Да и в целом глубоко и подробно погружаться в ленинскую тему.

Это, кстати, сыграло немалую роль в решении Горбачева назначить Яковлева редактором «Московских новостей» — помимо того, что он точно был «из партизан 68-го года», он еще блестяще знал не просто биографию Ленина, его письма и статьи, как опубликованные, так и неопубликованные, он прекрасно знал и все документы из ленинского архива, в том числе

закрытые, хранившиеся в особом отделе Института марксизма-ленинизма на Пушкинской улице под грифом «секретно».

Для Горбачева это было очень важно — он, как и Егор Яковлев, и Отто Лацис, пока еще свято верил в чистоту «ленинских норм жизни», в то, что не заболел Ленин в 1922 году, не перехвати Сталин у него из рук власть, — и страна пошла бы другим путем: и оппозиция была бы легальной, и террора 1937 года бы не было, и рыночную экономику разрешили бы окончательно. А возможно, и демократия была бы в каком-то виде построена.

Горбачев частенько приходил на заседания политбюро или с томиком Ленина в руках, где заранее были сделаны закладки, или со своими выписками из Ленина в особой тетради.

«Не надо бояться. Ленин не боялся, когда и государство было слабое, и государственного сектора не было. А у нас? Нужны нестандартные подходы. Острота проблем требует их решения. Надо всерьез еще раз изучить ленинские идеи о кооперации и о подъеме середняка. Уверяю вас, увидите: очень многое осталось нереализованным в ленинских замыслах...» (из выступления на заседании политбюро 20 марта 1986 года).

Это, конечно, вызывало плохо скрытое изумление высших руководителей СССР — давненько они не видели такой степени идеализма, такой наивной открытости, и в ком? В человеке, который ими руководил!

Совсем другая история была с журналом «Огонек». Назначение Виталия Коротича, киевлянина, который никогда не работал в Москве и к тому же был на очень плохом счету у украинского первого секретаря Владимира Щербицкого, — стало сенсацией в узких партийных кругах. Ведь Коротич — тоже «партизан 1968-го»! Причем настолько «партизан», что был вынужден довольно долго прятаться в Прибалтике, на каком-то хуторе у своего друга-писателя Иманта Зиедониса, скитаться по всему Союзу, опасаясь, что в Киеве его просто арестуют.

Однако Коротичу помог случай — по просьбе Александра Николаевича Яковлева, который был тогда послом в Канаде, он во время очередной своей зарубежной командировки (уже в 1980-е годы, когда был прощен и стал страстным борцом за мир) написал докладную записку о языке советской внешнеполитической пропаганды, о том, как следует строить новый имидж советского руководства и его политики на Западе.

Записка настолько понравилась Яковлеву, что он Коротича запомнил и внес в какой-то свой особый блокнот. А потом, уже став членом политбюро и ближайшим конфидентом Горбачева, этот блокнот перелистал.

Вообще-то главным редактором «Огонька» должен был стать совсем другой человек — а именно заместитель главного редактора газеты ЦК КПСС «Советская Россия» Валентин Чикин. Он уже готовился сдавать документы в Общий отдел ЦК, сообщил о готовящемся назначении нескольким своим коллегам, как вдруг...

Интуиция Александра Яковлева не обманула — Чикин стал в дальнейшем ярким реакционером, напечатал в 1988 году в «Советской России» знаменитую статью «Не могу поступаться принципами» преподавательницы кафедры физической химии из Ленинграда Нины Андреевой, которая вызвала ярость Горбачева. В статье — впервые за десятилетия после XX съезда — открыто прославлялся Сталин. То есть по сути Чикин стал едва ли не первым адептом неосталинизма в нашей стране, его, так сказать, буреизвестником.

Искать первых носителей языка перестройки, а проще говоря — первых смелых главных редакторов, Горбачеву было довольно сложно.

«Партизан 1968-го» было в партийных рядах не так уж много, и далеко не все из них годились на эту роль — одни были слишком радикальны, другие никогда ничем не руководили и опыта редакторской работы не имели. Выбирать было особо не из кого...

Тем более что и сам этот «авторитетный» советский язык пропаганды тогда казался совершенно неотменяемым, железобетонным, прочным и вечным.

Это лишь потом — после первого Съезда народных депутатов в мае 1989-го, после открытых дебатов по телевидению в прямом эфире на съезде, после оглушительно-ярких (и иногда очень мрачных) политических событий, после того, как Ельцин из вчерашнего изгоя партии стал руководителем российского парламента, то есть когда этот «авторитетный» язык несколько подрасшатался — подтянулись и другие издания.

А тогда, в 1987 году, у Горбачева были только Коротич и Яковлев. «Московские новости» и «Огонек» сыграли роль той «стенобитной машины», которая должна была пробить зияющую дыру в несокрушимых идеологических догмах, показать другим редакциям и другим редакторам, что *такое возможно*. Убедить партийных и главлитовских цензоров, что бояться не надо, что это и есть язык другой эпохи. Тогда же родился феномен «толстых журналов» с массовыми тиражами, чего не было ни до, ни после перестройки. В том же 1987 году, несмотря на протесты Егора Лигачева, символа консервативной линии в ЦК, был опубликован знаковый роман перестроечного времени — «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова.

Но двух популярных изданий было слишком мало. Третьим таким

горбачевским смелым редактором, «партизаном 68-го», назначенным на очень высокий пост, стал Иван Фролов, возглавивший журнал «Коммунист». Вскоре там начал работать Егор Гайдар. Спустя некоторое время он стал членом редколлегии.

Что стояло за назначением Ивана Фролова, и кем вообще был этот человек, сыгравший столь значительную роль в нашей истории?

Переделка «Коммуниста», транслировавшего городу и миру ключевые идеологические послания партии, была критически необходима Горбачеву. Аудиторию, привыкшую считать журнал источником руководящих указаний, следовало переориентировать на новые идеи. Именно им — первым, вторым, третьим и прочим секретарям и заотделами партийных комитетов всех уровней, от республиканского до районного — следовало донести простую идею: не все так просто. Торопиться не надо, как говорил товарищ Саахов в «Кавказской пленнице». Нужно задуматься.

«Коммунист» — место, где рождалась современная версия марксизма-ленинизма, интеллектуальный рупор партии, выходивший в свет раз в 20 дней, был в этом смысле неоценимым ресурсом.

Фролов пригласил на должность политического обозревателя, которая находилась в ведении секретариата ЦК, Отто Лациса. Назначение должно было быть одобрено всеми секретарями Центрального комитета компартии СССР.

Одиннадцатилетняя ссылка Отто Рудольфовича закончилась, хотя и не сразу — ему припомнили то самое давнее партийное взыскание, и Ивану Тимофеевичу Фролову потребовалась помощь самого генерального секретаря. Заодно Фролов настоял и на том, чтобы Лацис занял позицию первого зама главного редактора. Он в нем нуждался так же, как Горбачев в Александре Яковлеве.

Среди советских философов Фролов (а он окончил философский факультет МГУ в 1953 году) выделялся тем, что посвятил много статей и сил защите генетики. В 60-е годы написал целый цикл статей в защиту советских генетиков, а в 1971 году выпустил книгу — «Генетика и диалектика», где на помощь наследникам Вавилова призвал «тяжелую артиллерию» — Маркса, Энгельса, Ленина. Недаром об этой книге высоко отзывался П. Л. Капица. Возможно, перед наукой в целом у Фролова был целый ряд каких-то других грехов, но часть из них он отмолил хотя бы одним этим поступком. В 1968–1977 годах журнал «Вопросы философии», где он был главным редактором, занял особое место в ряду академических изданий — достаточно сказать, что его сотрудниками были Мераб

Мамардашвили и Владимир Кормер. Фролов не боялся приглашать в редакцию этих, прямо скажем, необычных для «идеологического» издания людей, практически изгоев.

Уже после «Вопросов философии» он был ответственным секретарем, а фактически руководителем издававшегося в Праге журнала «Проблемы мира и социализма» — почти официальным местом ссылки многих партийных диссидентов и «партизан 68-го года». Это был международный журнал компартий многих стран, и не только социалистического лагеря, и уровень свободы тут был совсем другим. Тот же Лацис здесь провел много лет. Короче говоря, если Иван Фролов сам «партизаном» и не был, то был достаточно умным человеком. Это во-первых, а во-вторых, многих «партизан» он очень хорошо знал лично — и им симпатизировал. Как говорил критик Александр Архангельский: «были писатели-шестидесятники», а были «начальники-шестидесятники».

Егор Гайдар оказался в той команде, которая былью сделала анекдот: «А ты читал сегодня первую полосу “Правды”? — Нет, а что там? — Это не телефонный разговор».

Редакция «Коммуниста» располагалась в одном из самых исторически «намоленных» мест старой Москвы, в усадьбе Вяземских-Долгоруких, на задах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Здесь родился поэт Петр Вяземский, и кто только не жил в разные времена — от историка Николая Карамзина до видной коммунистки Ларисы Рейснер.

Неподалеку — Институт философии, в десяти минутах ходьбы — журнал «Вопросы философии», близкий «Коммунисту» не только географически, но и интеллектуально.

Сотрудники партийного издания сидели в правом крыле (если смотреть от Музея изобразительных искусств), центральную часть занимал музей Маркса — Энгельса — в полном соответствии с названием улицы и историческим назначением самого журнала. В годы войны здесь был штаб партизанского движения. Теперь «партизаны» заявляли о себе уже во весь голос из самого эпицентра марксистско-ленинской ортодоксии.

С 1986-го и до самого конца Советского Союза — уже после того, как Горбачев заберет Фролова к себе в помощники, в Политбюро ЦК, а редактором станет Наиль Биккенин, — журнал останется одним из главных интеллектуальных рупоров перестройки.

Да, популярность «Коммуниста» едва ли сопоставима с «Огоньком» и «Московскими новостями» тех лет и толстыми журналами, в том числе с

«Новым миром», выходявшим парадоксальным образом в такой же, как и «Коммунист», голубого цвета обложке. Но тем не менее читатели у него появились отнюдь не только в среде «номенклатуры». Журнал обрел множество новых заинтересованных болельщиков — так много людей никогда в жизни добровольно и с интересом не стремились читать какие-либо образцы специфической партийной прессы.

Но прежде чем говорить о «Коммунисте» и его особой роли, хорошо бы понять: а что же случилось в результате появления горбачевской «стенобитной машины» («Огонек», «Московские новости») — какой результат был достигнут в первые же годы?

Ответственный секретарь «Огонька» Владимир Глотов — более молодой коллега Отто Лациса и Лена Карпинского, которого, так же как и его товарищей, станут таскать в КГБ на «беседы» и надолго «вычистят» из редакции журнала «Молодой коммунист», практически лишив права на профессию, — позднее написал об «Огоньке» времен Коротича целую книгу воспоминаний. В ней он рассказывает и о себе, и о коллегах, и о публикациях того периода.

«Вот беглый перечень тех, кого мы печатали в тот год (1988-й. — А. К., Б. М.) в “Огоньке”. Не полный список, да и по моему вкусу выбранные люди. Критики Татьяна Иванова, ее однофамилица Наталья, добавлю к ним Наталью Ильину, Бенедикта Сарнова. Я открыл для себя таких поэтов как Александр Башлачев и Александр Аронов. Мы опубликовали Юлия Даниэля и Юрия Левитанского, не говоря о Евгении Рейне, давно любимом нами. А “Школа для дураков” Саши Соколова? А публицистика Василя Быкова и Бориса Можая? А статья Эльдара Рязанова “Почему в эпоху гласности я ушел с телевидения”? (Справедливости ради надо сказать, что ответ Леонида Кравченко “О чем в эпоху гласности умалчивает Эльдар Рязанов” — мы не напечатали.) Лев Разгон, Андрей Нуйкин, Георгий Жженев, Фрида Вигдорова. Наконец, Сергей Хрущев, его воспоминания об отце — “Пенсионер союзного значения” и статьи будущего пресс-секретаря президента России Виктора Костикова, в ту пору мало кому известного аппаратчика ЦК, получившего доступ к документам закрытых архивов....

Практически весь список — это авторы или произведения, которые никак не могли бы просочиться сквозь цензуру еще год или полтора назад», — пишет Глотов.

В этом списке Глотова — и выдающиеся писатели, и видные деятели культуры, и имена, ныне уже забытые. Но все они — по-разному — вносили свой неоценимый вклад в «разрыв шаблона».

Среди этого списка «огоньковских бомб» есть, конечно, свои фавориты

1987–1989 годов. Это и интервью со вдовой Бухарина Анной Лариной — в нем «буржуазный оппортунист», «троцкист», «немецкий шпион», «бешеная собака мирового империализма» (по мнению сталинских прокуроров и советских газет) предстал живым человеком, безмерно страдающим и честным, а не сухой строчкой в школьном учебнике.

Это и «Ждановская жидкость» Юрия Карякина, где на примере А. А. Жданова, автора и вдохновителя партийного «постановления» 1946 года, вычеркнувшего из литературы почти на 20 лет Ахматову и Зощенко, автор показал, как работает гремучая смесь лжи, навета, ненависти, обрушенной с высокой трибуны.

Это авторская рубрика Виталия Шенталинского, где он — благодаря раскрывшимся архивам КГБ — воспроизводил дословно телефонные разговоры Сталина с Булгаковым и Пастернаком, искал «вещественные доказательства» того, как ломал вождь судьбы Ахматовой, Мандельштама и многих других.

Это, наконец, статья о современной партийной номенклатуре следователей Гдляна и Иванова, которая взорвала атмосферу в чинном зале XIX партконференции.

То, что случилось в «Огоньке», можно обозначить всего лишь двумя короткими словами — *не так!*

Все было *не так!* Все выглядело *не так!* Все нужно рассматривать иначе, под другим углом, в иной оптике, в другом свете и под другой призмой!

Как рассматривать, как об этом думать — еще до конца не было понятно, но понятно было одно — не так!

Подшивка «Огонька» 1988 года. Вроде бы еще вполне советский журнал. Но уже кипят нешуточные страсти между «охранителями» и борцами за горбачевскую гласность в литературе и культуре.

А в седьмом номере, в феврале, появляется очерк Анатолия Головкова «Не отрекаясь от себя» о Валентине Пикиной, ленинградской девушке 30-х годов, сотруднице обкома комсомола, вполне себе советском человеке, прошедшей через сталинские лагеря. Попала она в ГУЛАГ по так называемому «комсомольскому делу», сфабрикованному против первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева и многих его коллег в разных городах. Перенесла изнурительные допросы, мучения, годы лагерей.

Кончается статья Головкова так:

«...Канули тени учителей, доносчиков и палачей. Хочется поскорее захлопнуть вслед могильные плиты, развеять прах, но так чтоб не попал на подходящую почву: не ровен час, полезут новые всходы... Как надеялись

они, как грозили, будучи при власти, что жертвы их останутся в нашей памяти лишь как “враги партии и народа”».

Как и многие другие тексты «Огонька» — эта статья производила на читателей оглушительное впечатление. И не только фактурой.

Оглушительен, главным образом, сам язык автора статьи — «канули тени... захлопнуть вслед могильные плиты... мучители, палачи...». Используя понятную каждому советскому человеку *гуманистическую лексику* — публицист «Огонька» переворачивает саму картину мира, сами основы мироздания — вот что творили с простыми советскими людьми (в данном случае комсомольцами) эти самые «палачи, доносчики и мучители».

Мир — в том числе мир советской истории — перестает быть для читателя бесконфликтным, гладким, затверженным назубок. В нем обнажаются давно скрытые противоречия, трещины, зияющие ямы.

Если вы посмотрите программу «Время», откроете советские газеты того самого 88-го года (в том числе «Известия», «Комсомолку», «Правду», куда еще через два года уйдет Егор Гайдар), вы поразитесь обилию там официоза, прежней партийной заказухи, суконного «авторитетного» стиля. Но это лишь внешняя корка, заскорузлая и отвердевшая от долгого употребления — там, внутри, под этой коркой уже шевелится «ядро», огнедышащая лава нового, демократического языка. В том же 14-м номере 1988 года журнал публикует отрывок из романа Владимира Набокова «Другие берега». Гимн похороненной большевиками жизни. То, что было известно лишь узкому кругу литературоведов — что существует великий русский писатель, абсолютно незнакомый советскому читателю — тоже стало общим достоянием, завоеванием гласности. Так же как и постоянный вопрос — а почему мы об этом ничего не знали раньше?

Каждый номер «Огонька» становился разорвавшейся бомбой. Открытия, одно за другим, буквально нокаутировали читателя.

Номер 16 того же года. Статья Павла Бунича о кооперативах. Бунич долго и подробно говорит о проблемах кооперативного движения, о недостатках закона о кооперации. Вряд ли сто процентов благодарных читателей «Огонька» продрались сквозь статью до конца. Но главное тут — не конкретика, не детали обсуждения закона, а вот это короткое предложение: *«Кооперативы заполняют старые бреши в экономике страны»*. Натолкнувшись на нее, читатель вновь обретал правильное ощущение нового языка.

Бреши! Дыры! Катастрофические трещины! Зияющие пустоты!

А разве они были? А если были — то почему о них никогда не говорили? Не ставили вопрос прямо?

Так работал язык этого нового «коллективного Сахарова». Так он понемногу расширял сознание и приучал к новой реальности.

У Фролова в «Коммунисте» была несколько иная задача — он должен был «свернуть мозги» не только рядовым членам партии или беспартийным, не только интеллигенции, а самому что ни на есть «костяку» партийной иерархии — ответственным, так сказать, товарищам.

Но и здесь требовалось все то же самое — не так!

Все не так!

Одной из знаковых публикаций фроловского периода стала статья академика Татьяны Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость».

Вот как об этом вспоминала сама Татьяна Ивановна: «Небольшая деталь: один из моих аспирантов, живший в Барнауле, услышал, что в “Коммунисте” № 13 (это был 1986 год) опубликована моя статья, и пошел купить этот номер. Но куда он ни обращался, везде 12 и 14 номера были, а 13-го не было. Когда же он спросил киоскера, в чем дело (может, номер не поступил или поступил в меньшем числе экземпляров?), тот ответил: “Я и сам не пойму, в чем дело. Число журналов обычное, но все почему-то спрашивают 13-й номер. Наверное, там что-то нужное людям”...

Действительно, это был идеологический прорыв, я почувствовала это вот из чего. Статья уже была отредактирована, обсуждена на редколлегии, и главному редактору оставалось подписать ее в печать. Он пригласил меня к себе, чтобы прояснить несколько вопросов, возникших на редколлегии. При этом выяснилось, что слово “группа” (одно из ключевых понятий социологии, часто использовавшееся в статье) было понято в духе 30—50-х годов — как “групповщина”. Антипартийная группа, или какая-то еще... Между тем в статье говорилось, что группы играют важную социальную роль. Пришлось сделать специальное примечание. Видимо, многое из того, что в то время уже широко обсуждалось, в “Коммунисте” появлялось впервые. Для партработников и идеологов все это было внове, чем, видимо, можно объяснить и разноречивость откликов».

...Вот так, на глазах, менялся этот язык. Из сугубо партийного он становился и научным, и нормальным, и общечеловеческим.

Первый зам главного — уже известный нам Отто Лацис — искал ключевую фигуру, редактора отдела экономики. Он позднее вспоминал: «Как-то я пожаловался на свою кадровую незадачу институтскому

товарищу Рубену Евстигнееву, очень часто меня выручавшему в годы научной работы.

— А ты возьми Гайдара, — сказал он.

— Какого Гайдара?

— Егора. Он работает в отделе у Стаса Шаталина.

Тут вспомнил я нашу с Леном и Тимуром конспиративную встречу на даче Гайдаров в Дунине и улыбчивого мальчика, с которым меня познакомил Тимур».

Егор Гайдар согласился на предложение Лациса по тем же мотивам, по каким Отто Рудольфович согласился на предложение Фролова. «Лацис... заказал мне статью, суть которой состояла в критике стратегии ускорения, ее практического воплощения. А затем неожиданно предложил возглавить экономический отдел журнала... С одной стороны... нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми... Но, с другой стороны — страстное желание использовать открывающуюся беспрецедентную возможность ввязаться в схватку по самым принципиальным идеологическим и экономико-политическим вопросам. Ведь очевидно, что трибуна “Коммуниста”, главного теоретического официоза, — мощнейшее оружие».

Станислав Шаталин сказал Отто Лацису при встрече: «Бандит, ты лучшего сотрудника у меня забрал. Но я решил тебя простить, потому что развернуть “Коммунист” в мирных целях — дело святое».

Одно дело, как понимал Шаталин, его совместные публикации с Гайдаром в узкопрофессиональных научных сборниках — важные, передовые, написанные при этом странным эзоповым языком, все еще с тонкими намеками и округлыми формулировками. И совсем другое — журнал «Коммунист».

И все-таки — «ввязаться в схватку»? «Мощнейшее оружие»?

Не переоценивал ли Гайдар своей роли в развернувшейся битве за новый язык перестройки? И стал ли журнал в самом деле носителем этого языка?

Конечно, «Коммунист» сильно отличался от «Огонька», а «Огонек», в свою очередь, — от «Московских новостей». И все же общее было — редакционный градус кипения. Взломанная рутина отношений и иерархий, горячие, яростные споры, творческая атмосфера. Количество новых авторов и рукописей, которое зашкаливало и постепенно перерастало в качество. Владимир Глотов вспоминает о редакции «Огонька», например, так:

«Полдня проходило именно в коридоре, где всегда несколько человек подпирало стену. Или медленно группой прогуливались, не обращая внимания на тех, кто спешил по своим делам. Для визитеров мы представлялись странными людьми. Как в полусне мы бродили, казалось бы, без дела на пятом этаже в здании “Правды” у Савеловского вокзала и разговаривали друг с другом, показывали друг другу листки, кто-нибудь тут же, на ходу, что-то вычеркивал в гранках. Виталий Коротич, как правило, находился в центре внимания и был доступен каждому. Именно здесь решались нешуточные по редакционным меркам проблемы. Быстро и походя — в буквальном смысле слова. Этот стиль вполне соответствовал времени перемен. Мы уже забыли, как приниженно просиживали под дверью редакционного начальства, а когда попадали в его покои, стояли и ждали, ловя глазами блуждающий взгляд — нас никогда не хотели замечать и не любили, когда мы напоминали о себе. Тут было все по-другому. Не только я, ответственный секретарь, но любой сотрудник, последний корреспондент, получавший мизерную зарплату, был уравнен в правах на доступ к телу главного редактора.

...Это кажется невероятным, но мы действительно жили в редакции во многом по-новому. Виталий Алексеевич был человеком убеждаемым».

Главный герой этого мемуара — вовсе не Виталий Коротич, а сама редакция. Атмосфера общих поисков, общего дела, сильно отличавшаяся от привычных правил советской редакции. Примерно так было и в «Коммунисте» времен Ивана Фролова.

«“Коммунист” 1987–1989 годов — очень интересное явление, — писал Егор Гайдар. — Там работали и те, кто оказался среди национал-социалистов или в коммунистической фракции Государственной думы, и те, кому было суждено проводить либеральные реформы. Были здесь и заслуженные, проверенные партийные аппаратчики, и бывшие полудиссиденты, и молодежь, мобилизованная из академической науки».

Довольно интересно сегодня листать пожелтевшие страницы «Коммуниста», наблюдая, как сквозь окостеневший скелет «авторитетного» советского языка пробивается что-то новое, а через привычную лексику прорастают новые слова, новые языковые конструкции.

Вот первая (и уже «установочная», как говорили тогда) статья молодого кандидата экономических наук Е. Гайдара в десятом номере журнала 1987 года. Гайдар пишет о том, что средства в советской экономике тратятся не просто неразумно, а порой абсурдно: «Размеры ресурсов, замороженные в запасах товарно-материальных ценностей, превысили все разумные границы. Максимальное ограничение

нецелесообразной деятельности — одна из задач, которую предстоит решать в ходе экономической перестройки. Но улучшение структуры национального дохода не увеличит текущий объем, а может и снизить темпы роста».

Последняя фраза может озадачить — о чем это? Здесь Гайдар говорит о том, что бодрые показатели советской статистики, которые исправно попадают в каждый отчетный доклад или речь генерального секретаря ЦК КПСС — больше угля, больше железа, больше квадратных метров жилья, больше капиталовложений, — на самом деле не должны никого обманывать.

Растет, по мысли Гайдара, не то, что нужно потребителю. Нормальная, ориентированная на человека, экономика имеет принципиально другую структуру. И когда объем производства угля и железа падает до уровня, необходимого стране, формальные показатели роста могут уменьшиться. Пустые проценты роста — ложный, почти ни о чем не говорящий фетиш. Нужно сделать так, чтобы не человек был для экономики, а экономика для человека.

«Если судить по стоимостным показателям объема производства, в то в семидесятых — начале восьмидесятых годов в СССР осуществлялись быстрые и прогрессивные структурные сдвиги... Однако в значительной мере это достигалось за счет искусственного завышения цен». Далее Гайдар пишет о печальном опыте социалистической Польши, имея в виду, конечно, СССР: «Для завершения начатых строек, стоимость которых быстро увеличивалась, требовалось все больше ресурсов. Растущий платежеспособный спрос населения, не обеспеченный соответствующими поставками товаров народного потребления, обострял проблемы дефицита, усиливал социальную напряженность».

Но если отвлечься от экономической теории социализма, в которой мы не сильны, а Гайдар силен, то в первую очередь мы обращаем внимание на сами языковые приемы, которые использует молодой кандидат экономических наук и новый член редколлегии. Это очень тревожный язык, не правда ли? За счет чего возникает этот эффект? А очень просто — Гайдар не боится брать всю ситуацию в целом, описывать ее с высоты, так сказать, птичьего полета. Он не боится формулировать *главную* тенденцию народного хозяйства СССР, которая влечет страну в пропасть инфляции и дефицита. И именно этот взгляд — непредвзятый и критичный, разбор ситуации с точки зрения устойчивости всей конструкции, устойчивости *всего* советского мира — и создает это ощущение языковой новизны.

Однако от высокой теории Гайдару как редактору отдела экономики довольно быстро пришлось обратиться к самой что ни на есть практике.

Речь шла о легендарном главе артели золотодобытчиков «Печора» Вадиме Туманове, который когда-то еще совсем молодым человеком сел по 58-й статье, а потом набирал сроки побегами из зоны. Ему Владимир Высоцкий посвятил свои песни «Был побег на рывок» и «В младенчестве нас матери пугали». («Мы Север свой отыщем без компаса — *Угрозы матерей мы зазубрили как завет*, И ветер дул, с костей сдувая мясо / И радуя прохладой скелет».)

Артель преследовали, собирались закрыть совместными усилиями обкома партии Коми АССР и Министерства цветной металлургии. К делу подключились правоохранительные органы и партийная печать: «Печору» громили в «Социалистической индустрии».

Лацис и Гайдар решили заступиться за «Печору». «Коммунист» опубликовал письмо в защиту артели, но на этом не остановился.

«В событиях 1986—87 годов, связанных с нашей артелью, — писал позднее Туманов, — обнаружилось противостояние двух принципиально разных пониманий перестройки и ее целей... Вдруг оказалось, что популярный журнал, считавшийся знаменем демократии и перестройки (речь, понятно, об «Огоньке». — А. К., Б. М.), в этой ситуации побоялся печатать очерк о нашей артели, а теоретический журнал ЦК КПСС, ортодоксальнее которого, казалось, быть не может, открыто выступает в защиту «Печоры»...

Мы стали понимать, что размежевание в обществе не на поверхности, не в формальной принадлежности к той или другой политической группировке. Граница проходит через все гражданские институты, в каждом из них раскалывая людей на жаждущих перемен и обеспокоенных ими...»

В том-то и был смысл «коллективного Сахарова», придуманного Горбачевым в ходе перестройки: что не смогли сказать в одном издании, говорили в другом. То же самое, кстати, было со знаменитой статьей Гдляна и Иванова: ее сначала не напечатали в «Комсомолке», но редакторы передали ее в «Огонек», где она и вышла в свет. В любом случае свободное слово просачивалось на страницы изданий.

Туманов подал в суд на «Социндустирию»: газета, обвинявшая главу артели в том, что он записной уголовник, процесс проиграла — помог в том числе и запрос «Коммуниста» в прокуратуру, подписанный Лацисом. И это несмотря на то, что «Социндустирии» удалось организовать письмо аж шести отделов ЦК КПСС против артели.

Журнал «Коммунист» очень серьезно занимался проблемой артели «Печора»: посылал людей в командировки, заказывал экспертизы и отзывы, Егор завел специальную папку, посвященную этой теме. Журнал подготовил материал о новой артели Туманова в Карелии, где она начала строить дороги, — произошло это опять-таки благодаря позиции Лациса и Гайдара, которые вывели Вадима Туманова на зампреда правительства.

Вот как об этом вспоминал Отто Лацис: «Артель выполнила втрое больше работ, чем государственный трест, имея столько же рабочих и вдесятеро меньше управленцев, чем в тресте. Гайдар послал в командировку в Карелию двоих внештатных авторов своего отдела — одним из них был, помнится, Константин Кагаловский (он вошел в команду Гайдара, затем стал представителем России в МВФ. — А. К., Б. М.). Статья об успехах артельной организации производства стояла в номере, когда в кабинете Биккенина (нового главного редактора «Коммуниста». — А. К., Б. М.) раздался звонок телефона кремлевской АТС».

Звонил Горбачев. Он выразился в том смысле, что журнал правильно поддерживает новую форму организации производства, но — «защищаете не того человека, которого надо защищать». Судя по всему, в битву против Туманова включился сам Егор Кузьмич Лигачев.

Статью об артели пришлось снять из номера. Тогда Лацис отдал ее в «Известия», где она и была опубликована. А сама история с Тумановым стала иллюстрацией к тому, какая яростная борьба шла в советском истеблишменте и на какие компромиссы шел, маневрируя между элитными кланами, Горбачев.

Из мемуаров Туманова: «Со временем, когда Гайдар возглавит правительство России и начнет осуществлять реформы, как он их понимал, у меня будет решительное неприятие его экономической и социальной политики. Но это не мешает мне быть благодарным Отто Лацису и Егору Гайдару за их мужественное поведение в самые трудные для меня и артели времена.

Не могу умолчать и о поступке отца Егора Гайдара — контр-адмирала Тимура Аркадьевича Гайдара, человека, мною глубоко уважаемого. Когда «Социалистическая индустрия» не постеснялась упрекнуть меня в том, что я выдавал себя за участника войны, якобы не будучи им, Тимур Аркадьевич пришел к министру обороны Язову с судовой ролью, взятой из архива Дальневосточного пароходства, где значилось мое имя как члена экипажа, который в 1945 году принимал участие в войне с Японией».

Если говорить прямо — борьба Гайдара (вернее, обоих Гайдаров) и Отто Лациса спасла Вадима Туманова от новых неприятностей, возможно,

от нового уголовного дела. Разоблачить и посадить «кооператора» тогда, в горбачевскую эпоху, было очень модно.

Гайдар в «Коммунисте», таким образом, оказался отнюдь не в «теоретическом» органе, а непосредственно на линии огня.

Если по поводу Туманова журнал жестко схлестнулся с отделом промышленности ЦК, с несколькими отраслевыми генералами и вторым секретарем ЦК Лигачевым, то вскоре Егору Гайдару пришлось вступить в схватку едва ли не с целым Советом министров.

В «Коммунисте» Гайдар впервые поднял тему, о которой до перестройки не было принято говорить в открытой печати или обсуждать с трибуны широких собраний, — тему *жизни не по средствам*.

Да, это была та тема, о которой никогда публично в СССР не говорили — бюджетный дефицит. Превышение расходов над доходами.

Спорить с выводами статей экономического отдела «Коммуниста» было непросто: они все были основаны на официальных цифрах, проверявшихся перед выходом в свет номеров журнала в ЦСУ — Центральном статистическом управлении (а затем, после переименования, в Госкомстате) СССР.

Сначала, в середине 1988 года, появляется статья молодого экономиста из круга Гайдара Константина Кагаловского (того самого, которого Егор посылал в командировку разбираться с артелью Туманова) с характерным заголовком «Поджаться! Наболевшие проблемы государственного бюджета». Затем, уже осенью, Гайдар и Лацис публикуют статью с еще более простым названием, многое объясняющим — «По карману ли траты?». Они писали:

«Документы сессии (Верховного Совета СССР. — А. К., Б. М.)... не имеют прецедента за все послевоенные десятилетия: государственный бюджет утвержден с дефицитом. Как сообщил министр финансов СССР Б. И. Гостев, дефицит бюджета — не сегодня возникшая проблема, расходы государства опережали доходы на протяжении многих лет. Однако на сессиях высшего органа власти до сих пор об этом не было речи. Дефицит маскировался с помощью несложных приемов, преувеличивавших доходы бюджета... Теперь на сессии названа и сумма: Закон о Государственном бюджете определил ее на 1989 год почти в 35 миллиардов рублей, или свыше 7 процентов расходов бюджета».

Откуда же взялся этот дефицит, внутренний долг, как говорят экономисты?

Потенциальный успех так называемого «ускорения» (первой

стратегической кампании, развернутой Горбачевым) виделся руководству страны в наращивании госинвестиций — с 1985 по 1986 год примерное втрое — особенно в машиностроение.

Это был структурный маневр государственными деньгами. Но давали ли он результаты? Вот цифры. В 1986 году при росте капиталовложений в эту отрасль на 15 процентов ввод основных фондов увеличился только на 3 процента, еще хуже ситуация стала в 1987-м. Машина государственных трат прокручивалась вхолостую. И при этом дефицит консолидированного государственного бюджета наблюдался уже в 1985-м — 2,4 процента ВВП. В том же упомянутом 1989-м бюджет был сведен с дефицитом в 8,5 процента ВВП, и то это было лучше, чем в 1988-м — 9,2 процента.

В своей статье Лацис и Гайдар простым языком объясняли природу цен, инфляции и пустых полок:

«...Если не удастся быстро поправить финансовое положение государства, то высокие темпы инфляции станут и нашей реальностью. По сравнению с этой перспективой взбудораживший все общество вопрос о двукратном повышении цен на мясо окажется не более чем частной проблемой. Правда, в условиях прямого административного назначения государственных цен инфляция проявляется не столько в росте цен, сколько в исчезновении товаров из продажи, но разве от этого легче?»

«Что такое крупный дефицит государственного бюджета в условиях нашей экономики? — продолжают Лацис и Гайдар. — Это значит, что часть выплаченных денег не будет обеспечена товарами и услугами. После того как люди потеряют надежду их отоварить, деньги осядут на сберкнижках, а затем, после заимствования их госбюджетом, будут использованы для финансирования еще одного канала или котлована».

...В 1978 году на сберкнижках советских граждан хранилось 120 миллиардов рублей, в кубышках — еще примерно 40 миллиардов, а товарной массой (причем не всегда проданной, то есть рассчитываемой только по стоимости) этот объем покрывался лишь на 40 процентов. Проще говоря, купить на эти деньги было нечего, ненужные никому товары залеживались на полках, а нужных — не было. А в 1986–1987 годах среднегодовой рост вкладов увеличился до 23 миллиардов рублей, в 1988-м — до 30 миллиардов. В феврале 1990 года секретарь ЦК КПСС Николай Слюньков будет бить во все колокола на пленуме ЦК: «За 4 года денежные доходы превысили расходы на покупку товаров, услуг, платежей и взносов почти на 160 миллиардов рублей... В результате вклады населения на счетах банков выросли в полтора раза, а наличные деньги на руках — на одну треть... Из 1200 ассортиментных групп товаров около 1150 попало в

разряд дефицитных». Ну, если из 1200 «групп товаров» — 1150 купить проблематично, то значит, дефицитом становилось все?

Именно об этом за два года до Слюнькова и предупреждали Лацис и Гайдар. Именно это — деньги граждан, которые невозможно было потратить и которые шли на рытье котлованов и расплату государства по долгам — и называлось «денежным навесом», избавляться от которого Егору Тимуровичу пришлось методом либерализации цен.

Социалистическая экономика превращается в черную дыру, куда, как в котлован, проваливаются гигантские ресурсы, не дающие отдачи. Лацис и Гайдар показывают это на примере сельского хозяйства и мелиорации: «При существующих экономических отношениях реализуются проекты, которые не окупаются никогда, представляют собой чистый вычет из национального дохода, деньги, выброшенные на ветер...

Г. Сокольников, в начале 1920-х годов на посту народного комиссара финансов яростно борющийся за сокращение бюджетного дефицита, за отказ от финансирования государственных расходов с помощью печатного станка, предлагал повесить возле Высшего Совета Народного Хозяйства вывеску: *эмиссия — опиум для народного хозяйства*. Полезно и сегодня помнить об этом всем, кто отвечает за формирование и реализацию экономической политики».

Эта фраза легендарного Сокольникова, почти весь аппарат которого был потом репрессирован Сталиным, в 1990-е годы висела в приемной министра финансов — кто бы этим министром ни был. Повесил это либеральное дацзыбао Борис Федоров. Затем по его же инициативе появилась еще одна вывеска «Инфляция не создает рабочих мест».

Статьи в «Коммунисте» высокое начальство, несомненно, читало. Тем же летом 1988-го Рыжков как председатель Совмина Союза, Юрий Маслюков как председатель Госплана СССР и Лев Воронин, председатель Госснаба, направили в ЦК КПСС записку о необходимости реформы цен. Кого они уговаривали? Видимо, себя... Или все-таки Горбачева?

Но ни Рыжков, ни Горбачев, ни «другие официальные лица» не готовы были взять на себя ответственность за либерализацию цен, хотя летом 1990-го на XXVIII съезде партии последний премьер СССР Николай Иванович Рыжков признался: «Самой большой ошибкой было еще раз, как это допустили в 1988 году, проявить нерешительность, вновь отложить неизмеримо сложную, но объективно необходимую задачу “на потом”».

Однако — откладывали. И еще раз, и еще раз...

Так какой же на самом деле дефицит бюджета был заложен при

Горбачеве? Какова была цена «ускорения», в которое так верил Михаил Сергеевич?

Работая осенью 1988-го в совминовском пансионате «Сосны», в группе, которой было поручено подготовить очередной доклад Рыжкова, Гайдар имел возможность ознакомиться с закрытым вариантом бюджета. То есть даже не с тем, о котором они с Лацисом писали в «Коммунисте», а с честным.

Дефицит бюджета, как и всегда, предполагалось покрывать денежной эмиссией. Просто печатать деньги. На сессии Верховного Совета, которую упоминали Лацис и Гайдар в статье «По карману ли траты?» министр финансов Борис Гостев назвал цифру — 36 миллиардов рублей, однако еще 63 миллиарда были спрятаны в строке «заимствований у Госбанка». Итого — дефицит составлял 99 миллиардов.

Отчаявшись «напугать» руководство страны со страниц прессы, Гайдар и Лацис подготовили записку для Горбачева. В ней они суммировали все возможные объяснения ситуации и предложили набор мер, среди которых было сокращение военных расходов и ограничение централизованных капиталовложений. Предлагалось ликвидировать дотации к ценам на продовольствие с одновременным пересмотром структуры розничных цен (в качестве замены их либерализации, пока это было возможно), отказаться от повышения зарплат и пенсий, если не показаны источники доходов на эти статьи расходов. Они предлагали резать бюджет, сокращать расходы и увеличивать доходы всеми способами, пока не поздно. Пока советские финансы не рухнули окончательно.

Бумагу с приложенными к ней вырезками из статей в «Коммунисте» первому лицу передали через того же Ивана Фролова. К тому времени он уже был помощником Горбачева, а его место в редакции занял Наиль Биккенин.

Михаил Сергеевич обсудил тезисы записки на заседании политбюро 16 февраля 1989 года. Докладывал членам политбюро премьер Николай Рыжков. При этом у Рыжкова почему-то во всем была виновата пресса, и он категорически отказывался даже рассматривать возможное повышение цен: «Это означает социальное напряжение, угрожающее перестройке».

То есть угрожающее руководству партии и страны. Бремя, которое потом предстояло нести Гайдару, Ельцину (или любому будущему руководителю страны и экономики), становилось все тяжелее и тяжелее.

Горбачев на заседании политбюро выступал многословно и пылко. Говорил об отсутствии «настоящего научного анализа».

«Если не включим... противозатратные рычаги, — горячился Михаил

Сергеевич, — мы ничего не добьемся». Он еще и еще раз будет возвращаться к научному анализу, «противозатратным механизмам» и даже упомянет чрезмерные расходы на оборону — генеральный секретарь и без пяти минут президент СССР правильно понял смысл записки Гайдара и Лациса: «Не знаю, как другие члены Политбюро, но я считаю, что нужно сохранить капиталовложения... только там, где это работает на товары для народа и на жилье. *А все остальное пусть подождет — в том числе многие стройки и заводы* (курсив наш. — А. К., Б. М.)».

Горбачев поручил Совмину принять меры по сокращению дефицита бюджета. Но снова не изменилось ровным счетом ничего. Отто Лацис вспоминал: «Был утвержден список второстепенных мероприятий, позволивших наскрести — скорее всего, на бумаге — экономию на сумму 27 миллиардов рублей. Между тем председатель Госплана и член Политбюро Юрий Маслюков опубликовал в “Правде” статью, в которой утверждал, что первоначально утвержденный на 1989 год бюджет предусматривал дефицит на 127 миллиардов рублей. Так получилось, что на этот год было три только официально признанных цифры дефицита: 36 миллиардов, признанных Гостевым, 99 миллиардов, фактически показанные в его докладе... и 127 миллиардов Маслюкова. Реальной суммы дефицита никто не знал, а формальная экономия в 27 миллиардов в лучшем случае возвращала примерно на уровень тех 99 миллиардов, с которыми никак нельзя было примириться, если было желание избежать обвальной инфляции».

И Совмин, и ЦК были словно парализованы перспективой освобождения, хотя бы частичного, цен. Власть боялась реакции народа. Цены повышать нельзя! Денежный навес превращался в огромную волну, которая словно бы всосала в себя исчезающие с прилавков товары, застыла над страной и рано или поздно должна была обрушиться всей своей мощью на экономику.

Словом, в 1988 году «Коммунист», как мы видим, печатал вполне боевые статьи, воевал с консерваторами, пытался образумить советское руководство...

Жизнь была интересная.

Однако помимо всего прочего, у Егора в отделе (да и в целом в журнале) собралась очень неплохая компания. Ничем не хуже, чем во ВНИИСИ. Он получил уникальную возможность собрать коллектив отдела таким образом, как ему самому хотелось.

Пришел Алексей Улюкаев, которого впоследствии в реформаторской

среде называли «нашим самым ярким пером» — он действительно хорошо писал, после ухода Гайдара в «Правду» возглавил отдел экономики «Коммуниста», затем сотрудничал с «Московскими новостями».

Гораздо бóльшим журналистским опытом обладал Виктор Ярошенко. Его порекомендовал Лацису легендарный Анатолий Бруштейн, основатель клуба ученых в Академгородке «Под интегралом», организатор скандального концерта Александра Галича в марте 1968 года.

Виктору Ярошенко было уже больше сорока лет; он объездил весь Союз, специализировался на экологической проблематике. И по своему профессиональному складу был отнюдь не теоретиком, скорее, очеркистом. Увлекался фотографией.

У Ярошенко было в журнале свое главное дело, ради которого, собственно, его и позвали, — остановить «поворот рек». Это был партийный мегапроект, призванный повернуть течение сибирских рек для орошения засушливых земель Казахстана, создать невиданную новую «целину», решить зерновую проблему в СССР (а великая «красная империя» продолжала импортировать за валюту кормовое зерно у своих злейших врагов — американских и канадских «капиталистов»). Ну и конечно, поворот рек был призван доказать главную идею горбачевского ускорения — гигантские многомиллиардные инвестиции способны поднять советскую экономику на небывалую высоту. (Хотя придумали «поворот» еще до Горбачева.)

Именно против этого мегапроекта начали сражаться отдельные журналы, газеты, отдельные журналисты, среди них — редактор «Нового мира» Залыгин, корреспондент «Коммуниста» Ярошенко и многие другие. Они доказывали, что поворот рек погубит сибирскую природу, сожрет огромные инвестиции, разрушит привычный образ жизни миллионов людей.

Протестовали против проекта и «Огонек», и «Московские новости». В другое время всю эту историю с протестами бы замяли, рот «советским зеленым» быстренько заткнули, но в новую эпоху гласности сделать это уже было непросто.

Ярошенко сильно «очеловечил» гайдаровский отдел в силу своего психологического бунтарского устройства. Кроме того, его пластичное перо было способно разнообразить тяжеловатый язык экономического отдела. Это потом сильно поможет Егору в работе, а совместная статья Ярошенко и Гайдара «Нулевой цикл» станет образцом сочетания аналитической и очерковой журналистики. Виктор и Егор очень сблизятся, станут друзьями.

Не будучи членом правительства реформ, Ярошенко в 1992-м станет

сопровождать Гайдара в поездках и вообще практиковать «включенное наблюдение» за работой реформаторов. В какой-то мере он станет личным биографом Гайдара, но книгу о нем так и не напишет...

Никита Масленников в отдел Гайдара не входил, но был первоклассным экономическим аналитиком и обладателем прекрасного пера, к тому же старожилом редакции. Потом Масленников долгие годы будет спичрайтером Виктора Черномырдина — наряду с историком Сергеем Колесниковым, который в свои 34 года был назначен при Фролове заместителем главного редактора.

До этого в «Правде» Колесников считался мастером передовых статей без подписи и редактировал все теоретические произведения людей из академического и партийного мира, то есть в нынешних понятиях был редактором «отдела мнений». Кроме того, уже несколько лет его привлекали к написанию речей «высшего руководства».

В тандеме с Лацисом он, слывший единственным человеком, который прочитал «всего Ленина», сильно помогал Фролову проходить между рифами партийных запретов и ограничений и превращать «Коммунист» в живое издание.

Позднее Фролов с кровью оторвал Колесникова от «Коммуниста» и, получив статус секретаря ЦК и редактора «Правды», забрал его с собой помощником.

К Гайдару в отдел пришел и Николай Головнин, с которым Егор, как и с Ярошенко, не был до этого знаком. До «Коммуниста» он работал в госплановском журнале «Плановое хозяйство». Егор уговаривал Ярошенко и Головнина переходить в журнал: «Отсюда будет легче останавливать поворот рек». Никто из них в эту перспективу до конца не верил, однако остановить поворот, как ни странно, действительно удалось.

...Спустя несколько месяцев Тимур Аркадьевич захотел познакомиться с новыми коллегами своего сына, пригласил их в ресторан и — с облегчением одобрил. Это была веселая молодая компания, которая сильно приглянулась Тимуру, а он в людях действительно понимал.

Из старых сотрудников «Коммуниста» в отделе остался лишь старожил редакции Владимир Алексеев. Он писал речи еще Брежневу и Косыгину.

Алексеев со смешком обучал молодежь правилам подлинного партийного поведения, а также рассказывал истории из «прошлой», более изобильной жизни номенклатуры, к которой теперь, как ни крути, относились эти молодые ребята, обладатели синих, низшего разбора пропусков в цековскую столовую.

Раньше, рассказывал Алексеев, меню в столовой было на двух страницах, теперь на одной. А иной раз готовили для простых работников аппарата мясо животного, убитого лично Леонидом Ильичом, — не пропадать же убиенным кошулям и кабанам. Средний чек — был максимум рубль... А еда — как в ресторане. Золотые времена, вспоминал Алексеев.

Да, что уж говорить, получается, что они стали номенклатурой? С которой на страницах журнала сами же и пытались бороться? Это было не слишком уютно.

Словом, «Коммунист», пользуясь словами Пастернака, был «продуктом разных сфер». В этой идеологической коммунальной квартире кого только не было.

Ярошенко однажды громогласно выступил против потери времени на катание сотрудников редакции посреди дня в ту самую цековскую столовую в Никитниковом переулке (хотя «кататься», прямо скажем, было недалеко). С другой стороны — поесть в округе было просто негде. «Перестройку начни с себя». Однако не всем сотрудникам такой романтизм был по душе — кто-то ездить перестал, а кто-то, хмыкнув, продолжил.

Появлялись в «Коммунисте» и совсем странные для партийного издания люди: например, литературный критик Игорь Дедков.

Лацис в свое время пытался перетащить Дедкова в Прагу, в «Проблемы мира и социализма». Но назначение было заблокировано в силу полудиссидентской репутации Игоря Александровича, который еще в 1956 году стал лидером студенческого бунта в МГУ. Тогда после антисталинского доклада Хрущева группа самых сознательных студентов вышла на первую после смерти Сталина демонстрацию, требуя гласности и открытости от начальства.

У Дедкова был свой, вполне ясный мотив для работы в «Коммунисте». В апреле 1987 года он записал в дневнике: «В последние месяцы во всех устных выступлениях я поддерживаю новую, т. е. задержанную, литературную волну и вслух обсуждаю проблемы, связанные с нашим прошлым... Время решающее: или социализм будет возрожден в нашей стране, или — похоронен на долгие десятилетия и навсегда; отношение к сталинскому прошлому — это отношение к настоящему и будущему».

Дедков, так же как и Лацис, был живым воплощением духа «партизан 68-го», или даже еще 56-го, воплощением духа XX съезда.

Собравшись вместе, эти люди замахнулись на святое святых — само устройство советской экономической, и не только экономической, системы.

Статья «Нулевой цикл» Гайдара и Ярошенко была опубликована летом 1988-го. «Котлован» Андрея Платонова — символ этой экономики. В него

закапываются деньги и усилия. Это исторически нагруженный знак тяжелого, иногда подневольного труда, симптом гигантомании, имитация реального хозяйствования. Выкапывание ямы, как и ее закапывание, — это тоже рост ВВП, только затратный и бессмысленный.

То, что метафорой статьи стал запрещенный при советской власти роман Платонова, что именно платоновский язык вошел в язык экономической публицистики, — очень характерно для тех лет.

Статья родилась из сплава журналистской и академической работы — сбора фактуры, цифр, экономического анализа, фактографической оценки. Из рассказов Гайдара о том, что такое экономика, что такое деньги. Из рассказов Ярошенко о том, что он видел собственными глазами. Из дискуссий с коллегами — в «Коммунисте», как и в любой живой редакции, их было много.

Разговаривая, дискутируя, как и в любой живой редакции, иной раз выпивали. Самым важным в редакционной жизни, по мнению Ярошенко, и были именно эти дискуссии.

Установили дежурство — каждый, независимо от редакционных регалий, в том числе и Гайдар, держал в свой час очередь в винном отделе гастронома на Волхонке по соседству с «Коммунистом» и Музеем изобразительных искусств, на «ступеньках» (очереди в винный магазин стояли при Горбачеве страшные).

...По сути дела это было устное обсуждение, репетиция будущей главной книги Гайдара об экономической истории — «Долгое время».

Да, Егор был тогда поразительно продуктивен: статьи, диссертация, книга «Экономические реформы и иерархические структуры». Неповоротливый издательский процесс не поспевал за его работами: те же «Иерархические структуры» основаны на анализе примерно 1988 года, а книга вышла в издательстве «Наука» в 1990-м. Опоздала на два года...

«Разумный человек не может выступать в принципе против производства минеральных удобрений, гидроэнергетики или орошения, — писали два молодых автора «Коммуниста» в статье «Нулевой цикл». — Но если бурный рост объема ресурсов, вовлекаемых в эти отрасли, сочетается с хроническим отставанием других, не менее важных видов деятельности, если к тому же это соотношение прямо противоположно современным мировым тенденциям прогрессивной структурной перестройки, впору задуматься о причинах и последствиях подобного распределения средств».

Ресурсам легче «перетечь» туда, где их проще всего освоить, — «вниз по склону, по закону наименьшего сопротивления, заполняя понижения,

котлованы и каналы... Отраслям, для обеспечения производственной деятельности которых почти ничего не надо, кроме горючего, землеройной техники, цемента да запчастей, легче всего израсходовать средства. Андрей Платонов гениально угадал склонность формировавшейся системы хозяйствования к «котлованам»».

Заметим, что полный текст платоновского «Котлована» увидел свет в СССР буквально за год до опубликования статьи.

И дальше — примеры, примеры, примеры из множества отраслей. Тонны, километры, мегаватты, кубометры выкопанного суглинка. Вся гигантомания, которая в итоге зарывается в котлован «нулевого цикла», — метафора отживавшей советской экономики, исполина, мастодонта и динозавра, который мог продлевать существование только самому себе, самого же себя и обманывая.

Гайдар слой за слоем поднимает из геологических глубин образцы грунта этого «нулевого цикла», разглядывает их на свет — и вдруг дает панораму с птичьего полета.

В более поздней статье на английском языке, «Российская реформа», он писал о советской системе: «Это было общество с очень статичной экономической структурой. Например, распределение инвестиций по отраслям народного хозяйства оставалось неизменным из года в год. Если, например, считалось, что на АПК (агропромышленный комплекс. — А. К., Б. М.) следует выделять 25 % капиталовложений, то эта цифра оставалась той же самой и в 1970 или 1975 годах, и в 1980 и 1989 годах. Наиболее удивительный пример такого подхода — инвестиции в крупномасштабные проекты по перераспределению водных ресурсов и мелиорации. Каждый год требовалось затрачивать примерно одинаковые суммы как на ирригацию, так и на гражданское машиностроение, то есть, например, в десять раз больше, чем на средства связи».

И все-таки — это пока была всего лишь «экономическая теория». Тема для статьи, для дискуссии, для разговоров на кухнях. В целом-то жизнь протекала по-прежнему, в тех же формах и в тех же ритмах. Труднее было что-то добыть в магазинах, но все так же уютно падал московский снег, по улицам все так же бодро сновали черные «Волги», телевизор все так же радовал программой «Время». «Добрый вечер! Здравствуйте, товарищи! Сегодня Михаил Сергеевич Горбачев встретился с руководителями правительственных делегаций и секретарями братских партий стран — членов СЭВ» — так начиналась, например, программа «Время» от 14 октября 1987 года. Но сразу после прежнего официоза начинались

настоящие новости...

В Москву стали приезжать настоящие западные рок-группы. Например, приехала группа «Скорпионс». Очень ждали в том 1989 году гастролей Майкла Джексона.

Впрочем, гораздо интереснее привозных рок-музыкантов стали свои, отечественные. Их, правда, сначала запрещали, срывали концерты, организаторов концертов пытались исключать из комсомола и даже сажать, но постепенно «Аквариум», «Машина времени», Цой стали практически законодателями мод. Возвращались эмигранты — Юрий Любимов, например, или Василий Аксенов.

Однако всё же чуть ли не главной новацией горбачевской эпохи стали обновление публичного лексикона, появление «свободных трибун», «дискуссионных клубов», наподобие московской «Перестройки» или ленинградской «Альтернативы».

«Экономисты дают концерты», как говорил в те годы ироничный Михаил Жванецкий. И действительно, статьи Николая Шмелева, Геннадия Лисичкина, Василия Селюнина, Юрия Черниченко в «Огоньке», «Новом мире» и других изданиях привели к тому, что на их публичных лекциях, которые всегда заканчивались «ответами на вопросы из зала», собирались сотни, а то и тысячи людей, а билеты на эти выступления было недостать. Этот «новый взгляд» на экономику воспринимался обществом как оглушительная сенсация. Слова «рынок», «инфляция», «бюджетный дефицит», «вымывание товаров» звучали как музыка! Впервые о проблемах пустых прилавков, падения экономического роста, низкой производительности, неэффективности капиталовложений можно было говорить интересно, а главное — открыто. И это стало интересовать огромную аудиторию!

«По вспыхнувшим надеждам, по глубине, откровенности и смелости обсуждения наших проблем последние два года — это время подлинного возрождения нашей общественной мысли, нашего национального самосознания, — писал, например, в нашумевшей статье «Авансы и долги» Николай Шмелев, и не где-нибудь, а в «Новом мире. — XXVII съезд КПСС положил начало революционным переменам в жизни нашего общества. И развернувшаяся в стране прямая, честная дискуссия по наиболее болезненным экономическим проблемам — одно из важнейших проявлений этого процесса».

Ну а как с рублями было у самого Гайдара? Как он жил в это время? Хватало ли ему денег — ведь кормить приходилось практически две

семьи?

Петя, первенец Гайдара, сначала учился в английской школе на «Щукинской», жил с мамой. Но у него в школе начались неприятности; он постоянно бунтовал, иногда уходил с уроков, а мама была в ординатуре: дежурства, плотный график — ну и было решено, что Петя будет жить попеременно то у мамы Иры, то на «Кировской» с отцом, то у бабушки с дедушкой.

Если Петя жил у папы, то вместе со сводным братом Ваней обязательно дожидался отца с работы. Заранее готовили вопросы, чтобы проверить энциклопедическую память отца — войны, оружие, история древних веков, космос, экономика, деньги, устройство мира — всё, что угодно. Отец, как вспоминает Петя, хотя и уставал после работы, никогда не отказывал — садился и начинал отвечать, «а память-то у него была феноменальная».

Редакция «Коммуниста», как мы уже сказали, располагалась в переулке между Волхонкой и Гоголевским бульваром, совсем рядом со станцией метро «Кропоткинская». Окинем взглядом этот район глазами Гайдара... Район очень уютный, очень симпатичный, в то же время — специфический.

Если выйти на Волхонку — буквально сто метров налево, и до Кремля (Боровицкая башня) уже рукой подать, просто «дорогу перейти». Тут же — Библиотека имени Ленина.

Если чуть направо по Волхонке — гигантский открытый бассейн «Москва», построенный на месте разрушенного в 1930-е годы храма Христа Спасителя. В морозные дни от водяных гладей бассейна, его бесконечных водных дорожек, отгороженных канатами, идет мягкий пар. Сотни людей, даже зимой, купаются здесь в теплой хлорированной воде. Многие забегают сюда с раннего утра, до работы, с плавками, купальниками, полотенцами.

Тут же, через дорогу от бассейна, — Государственный музей изобразительного искусства, построенный когда-то отцом Марины Цветаевой, профессором Иваном Цветаевым. Красивое белое здание, к нему то и дело возникает очередь, длинная — на несколько часов. Музей этот — особая страница в отечественной культуре советского периода, своеобразная «волшебная» дверь, сквозь которую могут проникнуть ветры другого, не советского мира. Именно здесь впервые показали художников, находившихся в СССР под запретом.

При жизни Гайдара впервые это случилось в 1981-м, когда в Москву

приехала выставка «Москва — Париж», и люди шли и шли, чтобы увидеть работы Кандинского, Шагала, Малевича и других эмигрантов, которых до этого несколько десятилетий запрещали на родине. Да, это был глоток свободы, знаковая выставка, на долгие десятилетия вперед определившая судьбу этого музея.

А в 1987-м, когда Гайдар уже ходил на работу мимо ГМИИ имени Пушкина, в музей от самого входа в метро выстроилась очередь на юбилейную выставку к столетию Шагала. Шагал, как, кстати, и Малевич, начинал с революционных плакатов и оформления первомайских и ноябрьских демонстраций в Витебске.

Ну а через дорогу от музея, в прекрасном особняке Нарышкиных — Оболенской — Трубецкого (впрочем, таких заслуженных, с богатой историей зданий в этой округе было немало), располагался Дом науки и техники, в котором был кинозал. Можно было попасть на хорошую картину. В 1987–1988 годах такими картинами были, например, «Маленькая Вера» Василия Пичула, «Воры в законе» Юрия Кары, «Город Зеро» Карена Шахназарова, «Дорогая Елена Сергеевна» Эльдара Рязанова, «Собачье сердце» Владимира Бортко, «Защитник Седов» Евгения Цимбала, «Слуга» Вадима Абдрашитова (и это далеко не полный список) — яркие образцы перестроечного кино: новые темы, смелые монологи, яркие гражданские интонации и смыслы. Картины, наполненные нервной тревогой за будущее. Смотри — не хочу...

Однако новизну и яркость художественных впечатлений, как и интеллигентную очередь к киоску «Союзпечати» или первое в Москве кооперативное кафе у станции метро «Кропоткинская», да и прочие радости нового времени столь же красноречиво уравнивали злая и угрюмая очередь в винный отдел магазина «Три ступени», постоянно возникавшие хвосты за хлебом в булочную напротив, скудный, если не сказать нищенский ассортимент буфета в Доме науки и техники — лимонад, конфеты, пирожное «язычок» (даже бутерброды с сыром и те исчезли), тревожные и очень озабоченные лица неважно одетых москвичей, которые явно думали не о Шагале и новом перестроечном кино, а о том, как отоварить «талоны на мясопродукты» и «винно-водочные изделия» (с 1989 года) и «продовольственную карточку москвича» (с 1990-го), наконец, общий колорит места — серый, сырой, мглистый воздух позднего советского времени, совмещающий в себе несовместимые черты разных эпох.

Однако было и неизменное.

Если из редакции «Коммуниста» пойти в сторону Гоголевского

бульвара, ты оказывался в царстве военных, бесконечных фуражек с золотыми околышами — здесь располагались Министерство обороны, военная поликлиника, Главное командование сухопутных и бронетанковых войск, и здесь десятками и сотнями бродили в обеденный перерыв и в хорошую погоду заскучавшие в служебных кабинетах офицеры и генералы. Военная, оборонно-милитаристская основа советского строя здесь была явлена в зримых, так сказать, образах. Так же как и шахматисты, по традиции сидящие на Гоголевском бульваре (хотя Всесоюзный шахматный клуб с 1986 года уступил свое место на бульваре Фонду культуры; Фонд стал постоянным офисом Раисы Горбачевой, которая аккуратно приезжала на службу каждое утро, если не была в заграникомандировке).

Да, эта неизменная основа советского строя — огромная, контролирующая полмира армия, так же как и тоска наших вечных очередей, не важно за чем, и всеобщий дефицит, возведенный в абсолют, в том числе дефицит в области культуры, — это тоже нельзя было не почувствовать, не уловить в воздухе времени.

Устоявшийся, плотный, тяжелый образ жизни брежневской эпохи — с рассыпанными по нему недолговечными блестками горбачевских нововведений.

Остается понять — а как ощущал все это Гайдар?

Как и многие люди его поколения, он просто не успевал насладиться ни прелестями горбачевской гласности, ни традиционными ценностями позднего СССР. Все его попытки сходить в бассейн «Москва», постоять в очереди на выставку Шагала или пригласить молодую жену Машу на премьеру модного фильма заранее были обречены на провал. Он физически не успевал «пожить для себя». А может быть, и не хотел.

Единственное, что Егор мог себе позволить — прочитать очередной номер «Нового мира» или «Огонька», который выписывал себе на службу.

Дети были маленькие, а денег вечно не хватало. И не потому, что он зарабатывал мало — нет, он зарабатывал много. Член редколлегии, редактор отдела экономики журнала «Коммунист», он получал 230 рублей; на гонорарах и премиях можно было заработать еще рублей 100 в месяц. Позднее в той же должности в «Правде» оклад составлял даже 300 рублей — это очень неплохо. Продолжал получать он и гонорары за статьи, и кое-какие деньги за рецензии и публикации в научных изданиях, и надбавки как кандидат наук.

Чуть раньше — скажем, лет пять назад — в той же должности и при тех же условиях он ощущал бы себя вполне обеспеченным человеком. Но сейчас деньги таяли прямо на глазах. Дефицитом стали даже детское

питание, даже крупы (наверное, впервые за послевоенный период). «Березки» принимали только валюту. Непросто было и с одеждой — кооперативная и частная торговля, которая только начинала разворачиваться, торговала чем-то «фирменным» по очень высоким ценам или «самостроком» с поддельными лейблами. Цены были практически как в советской комиссионке.

Знакомая с детства бытовая реальность стала давать ощутимые трещины. Все, что он писал в своих статьях, волновало его отнюдь не только в теории, но и на практике. Советские деньги становились все невесомее. Как он выходил из положения?

Помимо напряженной работы в журнале, помимо «писарского» труда на госдачах, где готовились доклады Горбачеву или Рыжкову, помимо работы над докторской диссертацией, над книгой «Иерархические структуры», над набросками к будущей книге «Долгое время», он начал — благодаря своему блестящему знанию экономики и свободному английскому (причем научному английскому) — публиковаться и читать лекции на Западе. Это постепенно стало приносить ему дополнительный доход.

— Часто говорят, причем люди, симпатизирующие Гайдару, — замечает Петр Гайдар, — что отец был абсолютный бесребреник, практически нищий. Ну это не так, конечно. Начиная с конца 80-х он начал нормально зарабатывать, чтобы кормить семью — статьи на английском в западных журналах, лекции. Мы были обеспечены. Но отец, конечно, пахал с утра до ночи, чтобы нас обеспечить.

Не будет преувеличением сказать, что у Егора всегда, в любой момент этого этапа его жизни в работе находились сотни страниц сложнейшего текста, и не только на русском языке. Десятки документов и рукописей.

Выручала его, конечно, фантастическая память.

Он помнил, на какой странице остановился, какую мысль хотел развить дальше, помнил все цифры, на которые ссылался, структуру всех своих рукописей, и — что самое главное — он помнил сверхзадачу каждой из них, а иногда они были весьма специфическими.

Это, кстати, и есть тот трудноуловимый момент в жизни Егора, когда он начинает отходить от позиции «постепеновца» (как говорили еще народовольцы и первые марксисты), позиции эволюциониста и поборника плавного, «мягкого» перехода на рыночные рельсы — и начинает изучать опыт радикального транзита к рынку в разных странах — от чилийского до китайского.

Именно с изучением опыта переходной экономики связаны были теперь его научные интересы, статьи, лекции, международные семинары, в которых он участвовал, накопление им новых знаний на эту тему.

Да, СССР не Венгрия или Югославия, не Чили и не Китай. У нас уже не остановить стремительные политические процессы, которые удалось силовым образом заглушить в Китае. Да, все это так. Но если ничего не делать и по-прежнему доверять судьбу страны нынешним руководителям — катастрофа будет вселенской.

То есть если мы взглянем на тот же ландшафт Волхонки и Пречистенки, Гоголевского бульвара глазами тогдашнего Гайдара, то это будет взгляд врача.

Он видел, чем болен этот мир, он видел, что все его привычки, повадки, легкое покашливание и бодрое побрякивание — все это ненадолго. Буквально на пару лет. Короче, жизнь больного зависит от лечения.

Но был еще один ландшафт — так сказать, «внутренний», в который он также не мог не вглядываться постоянно, каждодневно, пытаясь его понять и ощутить, — это был его новый мир, новое семейное обиталище: бабушкина квартира на Кировской, место, где Лия Лазаревна и Соломон Вольфович прожили десятки лет и в котором теперь по воле судьбы поселились он, его жена Маша, ее сын Ваня и его сын Петя.

Денег на капитальный ремонт не было, мебель новая появлялась постольку-поскольку — да и не хотелось тут ничего ломать, менять, рушить. Он смотрел вокруг, и на него глядела не только родная, с детства знакомая квартира бабушки, но и невысказанная тайна семьи, которая досталась ему в наследство.

Интересно посмотреть, кстати, где собирались люди насладиться новым языком «коллективного Сахарова» или, например, послушать «концерты экономистов». Что это были за аудитории?

Аудитории, в общем, привычные для Москвы. Например, Политехнический музей, большой зал лектория с его удивительной округлой геометрией, прославленной в фильме Хуциева «Мне двадцать лет». Просторная аудитория Центрального дома литераторов, где проходили и официальные собрания творческого союза, и выступления поэтов и писателей (Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Ваншенкина, Окуджавы, Самойлова, Слуцкого).

Были огромные актовые залы крупных НИИ, в которых время от

времени выступали популярные барды, писатели-фантасты, журналисты. Были заводские дома культуры.

Почему это стало возможным?

«Коллективный Сахаров», который, по идее, должен был лишь обозначить мягкий и плавный переход к новому советскому языку, обозначить расширение границ и рамок, вдруг стал бурно развиваться и плодиться почкованием.

Теперь любой уважающий себя кандидат наук искал возможность выступить со смелой статьей в периодической печати, организовать «общественную трибуну», включиться в «широкое обсуждение». Где? Да где угодно.

И здесь нет ни тени иронии — поворот общественного сознания, который осторожно предполагал Горбачев, оказался куда круче и быстрее, чем его самые смелые прогнозы. Он оказался слишком запоздалым, с одной стороны, и слишком долгожданным — с другой — этот новый поворот. Он обрушился на страну, как огромная снежная лавина. Стоило прозвучать острому слову с трибун партконференции 1988 года — и через год Съезда народных депутатов, стоило Яковлеву, Коротичу и Фролову напечатать в своих изданиях первые свежие статьи — как политические клубы, общественные движения, «народные фронты» посыпались и в столицах, и в провинции словно из рога изобилия. Люди жадно припали к этому новому языку перестройки и начали бурно его осваивать.

«Я, например, в середине 80-х годов руководил киноклубом Академии наук, неформально, — вспоминал в интервью Олег Румянцев, позднее народный депутат РСФСР, один из авторов российской конституции. — Абсолютно запретные вещи получал у моих друзей в посольстве Венгрии, фильмы, например Анджея Вайды: “Человек из мрамора”, “Человек из железа”, которые были запрещены к показу. На венгерском языке. И стоя с микрофоном, переводил их онлайн вживую. До этого рассказывал о режиссере, о фильме, потом у нас была дискуссия. Это был политический клуб с невероятной популярностью. Это просто как пример того, что в застойные годы возможны были самые различные инициативы. Эти инициативы были немногочисленные. Когда Михаил Сергеевич Горбачев попытался вдохнуть жизнь в советскую систему, мы ответили движением снизу. Так был создан клуб “Перестройка”. Нас было несколько друзей активистов: Глеб Павловский, Игорь Минтусов, Кирилл Юдков, Павел Кудюкин, Андрей Фадин и другие. И я с удовольствием принял участие в его создании. И как молодому и энергичному лидеру мне предложили стать председателем этого клуба. Надо сказать, что клуб “Перестройка” был,

наверное, самой интеллектуальной частью неформального движения, потому что были в нем самые различные протопартии какие-то, анархо-синдикалисты, социалисты, другие клубы и организации, но наш клуб — он был клубом дискуссионным.

Мы собирались то в Институте экономики мировой и социалистической системы у академика Богомолова, то в ЦЭМИ у метро “Профсоюзная”... И люди собирались, общались, и постепенно из этого общения мы сделали семинар модели социализма, который я вел. И родилась идея создания социал-демократической партии, так что следующим шагом было создание социал-демократической ассоциации, союза, на съезде в Таллине, а потом уже Социал-демократическая партия России».

«Клуб “Перестройка” образуется в рамках Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), — пишет французский исследователь перестройки Кароль Сигман, — в марте 1987 года. Изначальное намерение организаторов круглого стола было двояким: создать своего рода think tank (мозговой центр) среди экономистов и юристов, поддерживающих реформаторов во власти, и при этом выйти за рамки чисто научных дебатов, чтобы создать клуб общегородского масштаба. После круглого стола Е. Гайдар, тогда руководитель экономического отдела теоретического журнала ЦК КПСС “Коммунист”, предлагает создать “комитеты защиты Перестройки”, чтобы дать отпор консерваторам, которые, по его оценке, “снова объединяют свои силы”».

Кстати, само это место — ЦЭМИ — было Гайдару хорошо знакомо.

Центральный экономико-математический институт за два десятилетия своего существования стал легендарным местом. Легендарна была даже архитектура: здание ЦЭМИ с «ухом» на фасаде (хотя это была на самом деле железобетонная лента Мебиуса — по ней советская экономика и ходила в своей математической безнадежности) было спроектировано архитектором Леонидом Павловым. «Архитектура измеряется не человеком, а требованиями общественного развития», — говорил он. И построил ЦЭМИ как две налипающие друг на друга, словно намагниченные, пластины — одна для больших компьютеров (которые, пока здание строилось, уже устарели), другая — для тех, кто на них работает. Не случайно тот же архитектор примерно в то же время спроектировал еще одно здание для расчетов планомерного развития — кубическую фантазию Главного вычислительного центра Госплана СССР на Новокировском проспекте. А рядом с ЦЭМИ стояло здание ИНИОНа.

В наши дни здание архитектора Павлова загородили, обступив и как будто взяв в плен, многоэтажные жилые дома...

О Павлове, своем учителе в Архитектурном институте, и о его «ухе» писал поэт Андрей Вознесенский в прозаической поэме «О»: «Москвичи знают это плоское здание, как заслонка замыкающее Ломоносовский проспект. Это здание — Ухо». Вознесенский путает — называет ЦЭМИ Вычислительным центром. Но в этом есть своя правота: экономико-математическая школа в СССР дала только вычисления, остались миллиарды цифр, исчез обчисленный со всех сторон Советский Союз вместе со своей экономикой, которую обволакивали квадранты межотраслевого баланса. Может быть, поэтому в ЦЭМИ и не пошел работать Егор Гайдар — эта щебенка из цифр казалась ему неживой. Но! 18 молодых людей из ЦЭМИ, по подсчетам американского антрополога Адама Лидса, оказались в разных структурах правительства Гайдара. Значит, не прервалась связь времен.

«— Да никакое это не ухо, это лента Мебиуса, — доказывает Павлов. — Это скульптурно-философская восьмерка... Я придал ему размер — одна миллионная диаметра земли... Поэтому вас и тянет к пропорциям этого квадрата — инстинктом человек чувствует соразмерность с Землею... Поглядите, какая гипнотичность пропорций фасадов».

Трудно поверить в эту архитектурную поэзию, выветрившуюся спустя миллиард социальных лет, в сегодняшнюю эру, не знающую родства, и превратившую легенду в обшарпанную советскую стекляшку, мешающую новым домам. Атлантида затонула, оставив на берегу артефакт...

Именно на базе ЦЭМИ в 1987 году в Москве был создан тот самый клуб «Перестройка». «Это был наш проект, чтобы вторым шагом, опираясь на московское разрешение, сделать такой же клуб у нас в Питере», — рассказывал Анатолий Чубайс. Разрешение дал Севастопольский райком партии, весьма либерально относившийся к дискуссионной активности интеллигентов из академических институтов, которых было очень много на территории этого района столицы.

Сергей Васильев вспоминал: «После семинара в ЦЭМИ в январе 1987-го я, Гайдар и Петя Филиппов шли к метро. Филиппов сказал, что у него есть идея создать “Комитет защиты перестройки”. Гайдар согласился с тем, что это очень хороший замысел. Петя быстро сформировал в Москве на базе ЦЭМИ клуб “Перестройка”, где Глазков стал ответственным секретарем. Затем весной 1987-го шесть коммунистов, включая меня, Чубайса, Филиппова, написали письмо в Ленинградский обком КПСС. И 1 июля клуб “Перестройка” открылся и в Ленинграде. На открытии я

выступал с докладом “План и рынок. Вместе или отдельно?”».

Сфера исследований ЦЭМИ — поиски оптимальности, планомерности, программно-целевого подхода, оптимальных пропорций имели мало отношения к действительности. Осталась только шутка из фольклора Института: «Программный подход — хитроумный метод правдоподобного обоснования бессмысленной деятельности по достижению нереальных целей и по решению неразрешимых проблем».

Одной из первых горбачевских новаций стало появление еще в 1986 году «Демократической платформы» в КПСС (и в рамках ее — так называемой «Московской трибуны» — дискуссионного клуба) при самом что ни на есть консервативном органе партии — московской Высшей партийной школе при горкоме КПСС, которая десятилетия до этого бодро ковала номенклатурные кадры из «крепких хозяйственников».

«Демплатформа», как стали ее позднее называть, сыграла значительную роль в истории перестройки. На ее основе была затем создана «Демократическая Россия», фракция российского съезда «Коммунисты за демократию». Однако «Демплатформа» была далеко не единственной свободной трибуной в Москве.

Таковыми трибунами стали чуть позднее (после 1988-го) и «Клуб избирателей» Александра Музыкантского, и Московский народный фронт, и «Мемориал», и Клуб социальных инициатив, и многие другие объединения. Они получили возможность выходить на митинги и демонстрации, собираться, принимать резолюции и документы, печатать на ротапринтере свои журналы и альманахи, причем порой в самых неожиданных местах (так, например, одной из самых острых газет времен перестройки был орган Союза кинематографистов «Дом кино»).

Словом, «коллективный Сахаров» не хотел ждать; он хотел говорить, обновлять повестку, вносить в нее всё новые и новые пункты, пробиваться к аудитории и постоянно повышать градус разговора.

Важнейшим моментом этого «наступления гласности» стало распространение «коллективного Сахарова» вширь — в союзные республики, что было вполне логично, и в города России — например в Ярославль или Свердловск. «В январе 1988 года, — рассказывает Алексей Иванов в книге «Ебург», — писатели Валерий Исхаков и Андрей Матвеев потрясли общественность Свердловска “экспериментальным” номером журнала “Урал”. В этом номере Исхаков и Матвеев опубликовали экономическую публицистику и жесткие тексты о “правде жизни”. Читатели рвали номер друг у друга... С весны 1988 года, когда потеплело,

“Митинг-87” (организация, объединившая всех социальных неформалов города. — А. К., Б. М.) начал проводить собрания в Историческом сквере чуть не каждые выходные... По самодельным трафаретам активисты писали на домах дореволюционные названия улиц, а ортодоксы по ночам сцарапывали эти надписи».

Разумеется, затронуло это явление и такой город, как Ленинград. В 1987 году несколько молодых людей организовали дискуссионный клуб «Синтез» (официально он базировался при Ленинградском дворце молодежи). Интересно посмотреть, кто именно в него вошел. Поражает даже само перечисление имен. Клуб «Синтез» объединял инженеров, экономистов, гуманитариев разных мастей, но костяк его составили Михаил Дмитриев, в дальнейшем народный депутат РСФСР, потом замминистра труда и замминистра экономического развития, Алексей Миллер, глава Газпрома во времена Путина, Андрей Илларионов, замглавы Рабочего центра экономических реформ при правительстве Гайдара, затем советник Виктора Черномырдина, экономический советник Путина в начале нулевых и впоследствии яростный его оппонент и — до сих пор — ожесточенный критик Гайдара, Альфред Кох — вице-премьер правительства в 1990-е и затем яростный критик Путина, Михаил Маневич, экономист и заместитель Собчака, убитый бандитами в 1997-м, Борис Львин, будущий сотрудник российских дирекций МВФ и Всемирного банка, Дмитрий Травин, впоследствии профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и известный публицист.

Михаил Дмитриев говорил об этом времени так:

«По сравнению с тем, что обсуждалось всеми нами в клубе “Синтез”, кружок Гайдара и Чубайса был, как мне тогда казалось, на уровень ниже. Борис Львин смело ставил на заседаниях “Синтеза” такие, например, вопросы — сколько еще просуществует Советский Союз? Год, два года, пять лет? Что станет триггером его развала — конфликт элит, всеобщий голод, национальные распри или все вместе? Как преодолеть опасность диктатуры, которая немедленно возникнет на месте советской власти? По сравнению со смелостью этих прогнозов, наших обсуждений, осторожная и “постепенная” позиция Гайдара и Чубайса, с их попыткой повлиять на советскую экономику, чтобы она повернулась к “рыночным механизмам” и стала “более экономной”, казалась тогда, в 1987 году, уже устаревшей».

В журнале «Новый мир» появилась статья экономиста Ларисы Пияшевой о том, что перевод экономики на рыночные рельсы неизбежно приведет к демократизации политической системы. Гайдар и Чубайс ее резко критиковали: мол, автор своей слишком откровенной и «наивной»

статьей лишь наносит удар по реформаторам, «забегает впереди паровоза». «...Однако, — продолжает Дмитриев, — не прошло и двух лет, как в разговоре с Гайдаром в начале 1990 года я с изумлением убедился, как далеко он продвинулся в понимании логики, темпа, технологии реформ. Я до сих пор не знаю, как это произошло, но он накопил громадный интеллектуальный потенциал именно в знании о том, как сдвигать эту махину социализма, какие есть прецеденты и опыты в переводе тоталитарной, или авторитарной системы в рыночную экономику — и на примере Чили, и на примере Польши, и на примере многих других стран, новейших исследований, последней статистики. То есть он совершенно перестал мыслить в прежних рамках неизменности советской системы правления и “обнулil” этот свой багаж, выйдя за рамки прежнего осторожного реформаторства. Это было просто удивительно».

«Егора не интересовали научные идеи сами по себе. Он был в определенной мере знаком с конструкциями, разработанными мировой экономической наукой, однако совершенно не стремился внести вклад в их развитие и совершенствование, — вспоминал экономист Вячеслав Широнин, сотрудник той самой лаборатории во ВНИИСИ. — Он хотел работать с реальностью — и прежде всего с политической реальностью, а мыслительные конструкции были ему нужны и интересны лишь в той мере, в которой они могли быть инструментом политики. Иначе говоря, кто знает, что нам придется реально делать — считать нормативы, организовывать фондовый рынок или проводить продрозверстку? Жизнь покажет, а мы должны пока что ко всему этому готовиться».

...Еще в начале 80-х, в самом начале своей академической карьеры, Егор иногда в шутку говорил своим друзьям: «Хочу быть умным евреем при губернаторе». Выражение старое, еще из XIX века, а то и раньше; гуляло оно в интеллигентском фольклоре и при советской власти (например, его очень любил академик Георгий Арбатов).

Но почему же молодой Гайдар применял его к себе?

Дело, конечно, не в национальности (не в той четвертинке еврейской крови, которая в нем действительно была), а в социальной роли, в той позиции, которую он считал желаемой для себя — позиции *эксперта*.

Эксперта настолько умного и настолько ценного, что от его мнения будут зависеть главные решения «партии и правительства». Если нельзя изменить политическую систему (во что он в начале, да и в середине 80-х действительно не верил), то можно хотя бы повысить качество этих советов — экономических в частности, качество решений власти, и таким образом

повлиять на жизнь.

Об этом молодой Егор говорил со своим отцом Тимуром Аркадьевичем, когда выбирал профессию («Попробуй экономику, — сказал, как вы помните, отец, — может быть, там ты сможешь на что-то повлиять, что-то изменить»); об этом он думал и позднее, когда делал свои первые шаги в науке — не о том, что эта роль будет удобной или комфортной, а о том, что она будет наиболее эффективной с точки зрения реальных изменений.

Нет, это не было идеологией политиканства, и речь никогда не шла о роли «серого кардинала». Напротив, зависимая, изначально слабая (ведь советами можно и не воспользоваться, а советника — отправить в отставку), но единственно возможная роль равнодушного, ответственного интеллигента, который верит в эволюционный путь развития страны — вот что привлекало молодого Гайдара. В конечном счете это была последняя попытка повлиять на власть путем экспертизы, ясной мысли, содержательного языка. Это совпадало и с его внутренним темпераментом, характером («нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке»).

Проницательный Егор заранее ограничивал свой круг возможностей, исходя из слишком жесткой советской реальности. Исходил он и из исторического опыта — из опыта репрессированных советских экономистов 20-х и 30-х годов, опыта авторов хрущевской политической «оттепели» и косыгинской (не случившейся) экономической реформы. В дореволюционное время список был бы еще более длинным — начиная от конституционалиста Сперанского и заканчивая Витте и Столыпиным. «Умный еврей при губернаторе» — роль, как мы видим, изначально довольно драматическая. Однако в исторической и этической модели Егора Гайдара — единственно возможная.

Именно так он и действовал, именно так и поступал всю вторую половину 80-х годов.

И «Коммунист» поначалу действительно казался ему тем местом, где на решения «партии и правительства» можно было попытаться повлиять.

Мы уже писали, что за какие-то два-три года своей работы в «Коммунисте» Гайдар успел очень многое. И это не только схватка за артель «Печора», участие в кампании по остановке «поворота рек» и прорывные статьи вроде «Нулевого цикла», которые были призваны перевоспитывать партийную аудиторию журнала. И дело было не только в создании творческого коллектива, хорошего журнала... и не только в том, что сам Гайдар стал так много писать и публиковаться.

Ему казалось, что он достаточно продвинулся и в главной своей задаче — стать ценным экспертом для правительства, человеком, к чьему мнению будет прислушиваться самое высшее руководство. У него появились основания так думать.

Анатолий Черняев, помощник Горбачева, записал в своем дневнике 14 сентября 1988-го:

«“Коммунист” стал лидером передовой мысли».

Именно потому, что «журнал стал лидером», Егор получил наводку на потенциально резонансную тему: звонок от одного из сотрудников государственного аппарата о готовящемся постановлении о строительстве пяти нефтегазохимических комплексов в Западной Сибири.

Гайдар вспоминал: «Проект далеко превосходил все, с чем приходилось сталкиваться. Его объемы в несколько раз превышали средства, затраченные на так и не достроенную Байкало-Амурскую магистраль. Сейчас, при явно вышедшем из-под контроля внешнем долге, в условиях тяжелого финансового кризиса, это было очевидной авантюрой».

Во втором номере «Коммуниста» за 1989 год (январь) был опубликован написанный Гайдаром обзор «Хозяйственная реформа. Первый год». Егор снова возвращался к проблеме дефицита бюджета.

История с нефтехимическим мегапроектом описывалась именно в этом контексте: «Бюджет на следующий год утвержден с многомиллиардным дефицитом. По существу, мы расписались в своем неумении расходовать деньги, в том, что крупные инвестиционные проекты не дали отдачи. Казалось бы, самое время разобраться в причинах низкой эффективности использования государственных ресурсов... Но ведь можно пойти и по другому пути — сразу открыть новую стройку, по сравнению с которой другие просто меркнут. Речь идет о создании целой серии крупнейших нефтегазохимических комплексов в Тюменской области. Ситуация стандартная. Предстоит затратить миллиарды долларов. Объем капиталовложений на осуществление проекта в 8 раз больше, чем первоначально, в конце 60-х годов, планировалось затратить на строительство БАМа. Он сопоставим только с предполагавшимися затратами на переброску рек (курсив наш. — А. К., Б. М.). По оценкам специалистов, совокупные реальные затраты, по всей вероятности, опять окажутся в несколько раз больше намечаемых. Определить их точнее пока невозможно — нет даже технико-экономического обоснования. Никто так и не решил, от чего мы отказываемся ради этих комплексов: от программы увеличения жилищного строительства, подъема перерабатывающих отраслей АПК, развития машиностроения или чего-то другого. Тем не

менее строительство уже разворачивается».

Этот абзац из статьи Гайдара спровоцировал еще одну бурю. Теперь на Егора начали атаку шесть могущественных отраслевых союзных министров. 20 февраля 1989-го, через два дня после заседания политбюро, на котором Горбачев требовал отказаться от нерациональных расходов, в редакцию пришло письмо за подписями министров газовой, нефтяной, химической, нефтеперерабатывающей и нефтехимической, медицинской и микробиологической промышленности, а также министра по производству минеральных удобрений. Первой в списке стояла фамилия Виктора Степановича Черномырдина, газового короля СССР.

Министры ссылались на партийные документы — решения съезда партии, на слова Горбачева и Рыжкова, высказанные «в ходе пребывания» в Тюменской области о развитии регионов и энергоемких производств. Называли Гайдара «подстрекателем», рисовали картины строительно-монтажных работ аж до 2000 года, пугали валютными потерями и падением престижа страны.

Однако орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» быстро дал понять, что позиция, занятая Гайдаром, — это не просто частное мнение. Егор ответил — детально, с цифрами — на каждый аргумент министров. И, в частности, представил статистику по среднему отставанию сроков строительства в отраслях, подведомственных каждому из отраслевых начальников — пять — семь лет. Некоторые объекты строились с начала 1970-х. Потрачены циклопические по масштабу деньги. За десятки — в буквальном смысле! — лет не освоено от половины до 70 процентов выделенных средств. «В свете этих фактов, — писал Гайдар, — трудно отделаться от впечатления, что новые многомиллиардные ассигнования потребовались ведомствам прежде всего для того, чтобы прикрыть провалы в использовании полученных ранее средств и избежать за это ответственности».

А далее — цифры по фантастически безалаберному использованию закупленного на валюту импортного оборудования. Вот лишь одна из приводимых Гайдаром деталей: «...Длительные сроки бездействовало импортное оборудование общей стоимостью 228 миллионов рублей. Тем временем Внешэкономбанк СССР исправно выплачивает иностранным фирмам проценты за предоставленные для его закупки кредиты».

В конце статьи автор делал довольно раздраженный вывод: «Если максимально сжать суть сегодняшних экономико-политических проблем, они сводятся к следующему. Экономическая реформа невозможна без жесткой кредитно-денежной политики, финансового оздоровления. В свою очередь, его можно добиться, лишь резко сократив капиталовложения. Для

этой цели не жалко временно пожертвовать даже самыми перспективными стройками. Нет такого объекта, ввод которого оправдал бы провал реформы. Но можно ли говорить о финансовом оздоровлении и одновременно втягивать государство в осуществление сомнительного стомиллиардного проекта, рассчитанного до конца века? Пришла пора выбирать».

И в самом деле — пришла пора выбирать.

Руководство страны, а именно Горбачев и председатель правительства Рыжков, как всегда, избрало некий срединный путь. Стройки продолжались, но в более урезанном масштабе. Это ничего не меняло — ни в положительном, ни в отрицательном смысле. А сама модель затратной советской экономики катилась к окончательному краху.

Надо отдать должное Черномырдину, с которым Гайдару потом довелось работать и в качестве начальника, и в качестве подчиненного, — как вспоминал Егор в «Днях поражений и побед»: «С Виктором Степановичем Черномырдиным в ходе последующей совместной работы этой истории мы никогда не касались».

...На волне всех этих громких публикаций Гайдар принимает предложение Ивана Фролова — своего первого (и последнего) главного редактора — и переходит на должность редактора экономического отдела, члена редколлегии газеты «Правда». Давайте отметим про себя — он получил эту должность 19 марта 1990 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось 34 года. Его отец Тимур Гайдар, опытный журналист, контр-адмирал, стал членом редколлегии главной газеты страны, когда ему было уже за пятьдесят.

Идет 1990 год. Это — довольно интересный момент в биографии Егора. И в личной, и в профессиональной жизни у него, казалось бы, полный порядок. У них с Машей родился сын Павлик, третий его ребенок. За плечами — невероятно интересная работа в «Коммунисте». Образовался целый круг новых друзей (и старые тоже никуда не делись). По всем советским меркам он «пробил» все мыслимые и немыслимые карьерные потолки: шутка ли, член редколлегии «Правды» — для многих друзей отца это была бы фантастическая карьера, тем более для тридцатилетнего парня. Да и отец считал эту карьеру успешной.

И дело, конечно, не просто в отдельном кабинете с приемной, черной «Волге» (если в «Коммунисте» он продолжал ездить на метро, то в «Правде» разъездная машина к его услугам всегда), других не особо нужных ему благ.

Все главное с ним уже случилось, все главное как бы уже образовалось. Его окружает гармоничный, построенный им самим, своим трудом, своим интеллектом мир. Вообще говоря, к своим тридцати четырем годам он совершил огромный рывок.

Жизнь вроде бы *уже* удалась. Но почему же так свербит на душе? Откуда это непрекращающееся чувство тревоги, которое его не покидает практически никогда? Почему он никак не может расслабиться?

Кстати, с сыном Петей Егор Гайдар всегда вел абсолютно открытые и искренние разговоры. Мальчик порой задает ему совершенно бесстрашные, прямые вопросы. И Егор (вспоминая, насколько честен был с ним всегда его собственный отец) — на них отвечает. Он рассказывает о совещаниях у Горбачева и Рыжкова, пытается объяснить ему грядущий кризис социалистической экономики.

Вот они поехали в «цековский», как тогда говорили, санаторий «Решма» на Волге, под Кинешмой, — отдохнуть во время школьных каникул, порыбачить, погулять. И вот они идут, гуляют — и Петя, которому тут тоже нравится, спрашивает его:

— Папа, а мы сюда приедем на следующий год?

— Нет. В следующем году здесь уже ничего не будет, — честно отвечает Егор.

— А почему?

— Ну вот видишь этих людей? — показывает Егор на скромные дома за оградой санатория. — В следующем году эти люди уже не смогут себе купить даже обычной еды.

И верно, в следующем году они сюда уже не приехали. Многие подобные привилегированные дома отдыха и санатории либо закрылись в 1991–1992 годах, либо их меню настолько оскудело, что брать ставшие очень дорогими путевки люди просто перестали.

Петя берет отца за руку и с сомнением оглядывается вокруг.

К 1990 году Егор понимает: его стремительная блестящая карьера, его столь удачно начавшаяся профессиональная биография — это комета, летящая в пустоте.

«Коммунист», «Правда» быстро перестают быть теми грозными органами печати, которые способны что-то изменить. Они перестали быть главными трибунами, на мнение которых ориентируются советские элиты.

Та жизненная роль, к которой он себя так тщательно готовил, тоже теряет смысл. К его советам, по большому счету, увы, не прислушиваются. *Этим* «губернаторам» стало бессмысленно что-либо советовать. Они

окончательно растерялись и тащат экономику на дно. Больше того, день за днем они теряют и контроль за ситуацией в стране.

А что самое главное — та стратегия «постепенной эволюции», которую он так тщательно выстраивал у себя в голове все эти годы, потерпела крах. Революция постепенно захлестывает общество, государство, она захлестывает все окружающее жизненное пространство.

Крутой, трагический момент.

Да, недаром он так быстро и легко пробил все «отцовские потолки»: член редколлегии, эксперт при правительстве. Никаких потолков, никаких прежних иерархий больше не существует.

1990-й — год великой турбулентности.

Давайте и мы заглянем в этот год. Освежим в памяти его бешеный ритм.

...В канун этого нового, 1990 года, 25 декабря 1989-го, восставшим народом расстреляны румынский диктатор Чаушеску и его жена Елена. Шоковое событие, обозначившее психологический водораздел между старой и новой эпохой, начавшейся с «бархатных революций» 1989-го.

...Принимаются поправки к закону «О кооперации» — милиции даны новые права по борьбе с финансовыми нарушениями. Для многих новых предприятий, в том числе совместных (то есть с иностранным участием), наступают «веселые денюжки» — первых кооператоров начинают сажать, их бизнес преследовать. «Лицо» советского кооперативного движения Артем Тарасов покидает страну.

...Компартия Литвы раскалывается на две партии — ту, которая подчиняется Москве, и ту, которая не подчиняется. Горбачев срочно летит в Вильнюс, чтобы «уговаривать» литовцев. «Так что, вы хотите уйти?» — «Да...» — выдыхает огромный зал (по воспоминаниям Анатолия Черняева, помощника Горбачева). Уже в этом году произойдут драматические события — первая попытка военного переворота, когда начнется «передвижение» воинских частей вокруг Каунаса и Вильнюса, и вполне официальная блокада Литвы — продовольственная в том числе. И главное, жесткий лимит на поставку горюче-смазочных материалов. Литва начнет замерзать, страдать от уже искусственного дефицита (даже необходимых лекарств) — и в то же время эта блокада окончательно отрежет возможность дальнейшего компромисса. Горбачев пойдет на эти меры совершенно сознательно, под влиянием консерваторов в своем окружении.

...Тяжелые события в Баку в январе — армянские погромы, митинги «Народного фронта», ввод войск под руководством генерала Ачалова

(одного из руководителей путча августа 1991 года и «военного министра» белодомовских мятежников в октябре 1993-го). В итоге сотни жертв погромов — среди армян, и сотни жертв подавления беспорядков — среди азербайджанцев. В основе — конфликт вокруг Нагорного Карабаха и начавшаяся межнациональная война.

...Февраль. В Москве проходит митинг за отмену 6-й статьи Конституции, отмену партийной монополии на власть. В конце февраля уже Пленум ЦК КПСС голосует за отмену 6-й статьи и введение поста Президента СССР.

...В феврале начинаются беспорядки в Душанбе. В дальнейшем они перерастут в длительную гражданскую войну.

...В марте этого года проходят выборы на российский Съезд народных депутатов. В Свердловске на выборах побеждает Борис Ельцин. Становится понятно, что именно он будет одним из главных претендентов на пост председателя Верховного Совета России. Во время выборов формируются сразу несколько новых мощных партий и движений — среди них «Демократическая Россия», объединившая под своими знаменами сразу несколько видных «прорабов перестройки» (Галину Старовойтову, Гавриила Попова, Анатолия Собчака и др.). Новый российский съезд становится с первых шагов мощным противовесом съезду общесоюзному. В этом же году проходят первые демократические выборы мэров и губернаторов — в Москве (Гавриил Попов), в Ленинграде, который скоро будет переименован (Анатолий Собчак), в Нижнем Новгороде главой администрации станет Борис Немцов. Позже, в июне, будет принята декларация о суверенитете РСФСР.

...В Москве в феврале этого года начинаются переговоры Горбачева и Гельмута Коля об объединении Германии.

Указ Горбачева о возвращении в страну Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича (то есть отмена брежневского указа о лишении их гражданства), в Русском музее — выставка «Транзит», впервые показавшая широкой публике произведения нонконформистов, «антисоветчиков», давно уехавших из страны — Рабина, Целкова, Неизвестного, Шемякина и др.

Журналы «Звезда», «Наш современник» и «Нева» приступают к публикации десятитомного сочинения Солженицына «Красное колесо» (в первый и в последний раз в жизни многие либеральные интеллигенты подписались на «Наш современник», который пользовался дурной славой реакционного журнала).

И все это — на фоне открытия в Москве первого «Макдоналдса»,

магазина итальянской фирмы «Райфл» и т. п.

Григорий Явлинский объявляет о создании новой экономической программы «400 дней». В дальнейшем эта программа под названием «500 дней» станет одним из «гвоздей» политической программы Ельцина на выборах в Верховный Совет России и президентских — 1991 года. И одним из камней преткновения в его отношениях с Горбачевым.

Ну а в 8-м номере журнала «Огонек» опубликована декларация движения «Гражданское действие» за подписью его членов-учредителей: С. С. Аверинцева, Л. М. Баткина, Ю. Н. Афанасьева, Л. И. Богораз, И. И. Заславского, С. А. Ковалева, Б. Ш. Окуджавы, Г. Х. Попова, Э. А. Рязанова, А. А. Собчака, В. И. Селюнина, С. Б. Станкевича, Р. К. Щедрина, Ю. П. Щекочихина, о. Глеба Якунина и др. Декларация призывает к участию в Движении всех противников тоталитаризма. В качестве первоочередных шагов власти, которых добивается новая организация, указаны следующие:

«1. Заключение нового союзного договора, предусматривающего свободное объединение суверенных государств и народов.

2. Пресечение любой, и прежде всего государственной монополии на средства производства, переход к современной рыночной экономике, основанной на соревновании различных форм собственности...

3. Предоставление земли в наследственное владение или собственность тем, кто хочет на ней работать.

4. Уравнивание КПСС в правах с другими политическими организациями.

...7. Лишение КГБ функций тайной политической полиции».

И все это — только за *три месяца* начавшегося 1990-го.

Что же объединяет эти столь разнородные события? Каждое (отдельно) меняет вокруг весь ландшафт — культурный, политический, духовный, каждое (отдельно) находится в противоречии с другими — трудноато проводить радикальную экономическую реформу в стране, где началась серьезная гражданская война с тысячами жертв в отдельных ее частях.

На головы современников Гайдара обрушиваются бесконечные новые смыслы: призывы, декларации, программы, лозунги, идеи. Все боятся разного — кто-то военного переворота и диктатуры, кто-то — войны и резкого повышения цен... Понятно одно: в этой ситуации — пора забыть об «эволюционном подходе».

И в это время Гайдар попадает в самое неудачное (может быть, за всю свою биографию) место работы.

Он обнаруживает себя в муравейнике на улице Правды, 24. Это целый квартал, состоящий из множества редакционных зданий. В старом здании «Правды» (где много лет провел его отец), памятнике конструктивизма, работы архитектора Голосова, — редакции «Комсомолки», реакционной «Советской России», «Социалистической индустрии», которая стала выходить в том же 1990-м под другим названием — «Рабочая трибуна», но не поменяла своей консервативной сути, еженедельника «За рубежом» и других редакций. В так называемом «новом», в 1980-м отстроенном здании чуть дальше по улице — сама «Правда» (теперь там находится редакция «Российской газеты»). Напротив — Дом культуры из 1930-х, гастроном, Дом быта, бассейн, детский сад, спорткомплекс. Тут же и огромные типографские здания, склады. В нескольких сотнях метров, в Бумажном проезде, — еще одно здание издательства «Правды», «журнальный корпус». И кто там только не сидит — мятежный «Огонек», веселая «Работница», прогрессивная «Крестьянка», «Крокодил»!..

Сама «Правда» — огромный советский завод по производству информации, дезинформации, руководящих мнений и указаний. Завод по производству смыслов советской жизни. Передовицы «Правды» — особое искусство, которым владеют только настоящие мастера, способные интерпретировать по специальным правилам партийные идеологемы. СССР — «логократия», страна, управляемая словами. Самые главные слова публикуются именно здесь.

Вот тут Егору действительно предстоит задуматься о том, что такое партийная номенклатура и ее привилегии.

Ведущие перья и редакторы сидят на тех же пайках, что и чиновники центрального аппарата КПСС, за ними приезжают черные «Волги». Буфет «Правды» хорош. Кабинеты обиты темными панелями, не то что в «Известиях» — светло-коричневыми. В каждом кабинете — один сотрудник, не больше. Распашонки (кабинет направо, кабинет налево) с приемной — для ответственного редакторского начальства.

Казалось бы, Гайдар — отпрыск советской «аристократии», сын собкора, заведующего военным отделом «Правды», внук писателя, в этой газете печатавшегося, — самым естественным образом должен стать потомственным «правдистом». Но в этом огромном здании с длиннющими коридорами он ощущает два настроения по отношению к себе: или равнодушие, или глухое неприятие. Эпоха ломается пополам, по позвоночнику, прямо на глазах, темно-коричневые деревянные панели, конечно, незыблемы, но что несут новые времена? Уж не вселятся ли сюда варвары?

И что означает появление этого нового любимчика главного редактора, умника и интроверта, либерала и радикала? Не скрывается ли под его формальной вежливостью и интеллигентскими манерами глубокое презрение к партийной журналистике? Не есть ли это еще один знак ускорения распада — страны, газеты, привычного уклада? На него смотрят косо, с подозрением. Как-то не вовремя Гайдар там появился. И очень не ко двору.

И ему самому в «Правде» неуютно. Одно дело братская атмосфера журнала, жестко ориентированного на реформы. Все — свои. Большинство — единомышленники. Здесь же, в большой официозной газете, даже нерядовой сотрудник сильно отчужден от конечного продукта. Она, газета, в отличие от журнала, для Гайдара — чужая. На улице Маркса — Энгельса остались свои ребята. Алексей Улюкаев возглавил отдел, он талантлив, хорошо пишет, пытается со страниц партийной прессы перебраться в прессу демократическую, показывает свои заготовки Игорю Дедкову, ища его одобрения, публикуется в популярнейших «Московских новостях». Там жизнь, а не в «Правде», в которой по-прежнему, согласно старой советской поговорке, нет правды, как ни пытается ее реформировать Иван Фролов.

Все его коллеги время от времени мотаются в «Волинское», привычное место для спичрайтеров, начиная со времен Брежнева: сочиняют речи генсека, а теперь — президента Горбачева. Только уже без особой надежды на успех и прорыв. Сергей Колесников (он стал помощником Фролова, секретаря ЦК) сидит чернее тучи в своем «правдинском» кабинете: опять сопровождал своего босса в зарубежной поездке и в основном занимался тем, что работал переводчиком его жены в магазинах одежды. А еще недавно делал настоящий хороший журнал. Тут и выпить-то не с кем и некого послать, как в редакции «Коммуниста», в соседний магазин за вином. Фролов вроде бы идеологически ближе, но работалось Колесникову когда-то в «Правде» при Викторе Афанасьеве, моднике-воднолыжнике, который ушел из газеты осенью 1989 года, тот хотя бы присутствовал в газете как автор и редактор.

Времена новые, а воздух в гигантском кабинете главного редактора словно застыл. Не говоря уже о зале заседаний редколлегии, где прямо над головой председательствующего — белый Ленин с обрубленными руками, как у Венеры Милосской.

Этот застывший воздух ощущается Егором буквально физически. Он задыхается.

Выход один — писать другие, не «правдинские» статьи. Ломать их привычный язык.

И вот «в московские особняки врывается весна нахрапом». Гайдар отвечает за экономику в «Правде». В апреле появляется статья под заголовком «Прыжок к рынку» с использованием выражения «мужество отчаяния» — именно это качество, считает Гайдар, очень скоро понадобится реформаторам. Шоковая терапия, поясняет автор, это не только и не столько отпуск цен на волю: «Размораживать цены при нынешних темпах роста денежной массы страшно. Но это можно сделать разовым решением. Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность. А вот то, что сократить дефицит государственного бюджета, затормозить работу печатного станка в условиях растущих притязаний социальных групп, отраслей, регионов отнюдь не просто, что здесь необходимы политическая воля и широкая общественная поддержка, уже становится понятным».

Воля, да, нужна воля, это сформулировано уже совсем прозрачно, совсем ясно — и дурак поймет, что у нынешнего руководства воли не хватает... И Гайдар задумывается — а откуда же ее взять, эту волю к действию?

Избежать радикализации реформы невозможно, время для этого упущено: «В экономике за все надо платить. И на сегодняшний день плата за колебания, нерешительность, финансовую безответственность набегала немалая. Время, когда экономику можно было стабилизировать без тяжелых, непопулярных мер, ушло».

Гайдар нарисовал впечатляющую картину. Для тех, кто будет жить в стране в 1992–1994 годах, она окажется знакомой: «Свободные рыночные цены, балансирующие спрос и предложение, — прекрасный регулятор хозяйственных процессов. Лишь используя их, можно сократить ряды армии управленцев, занятых по всей стране распределением дефицитных ресурсов, сделать рубль — полновесным, а прилавки — полными. Но достоинство таких цен проявляется при одном обязательном условии — финансовой стабильности. Когда же в стране бушует инфляция, общий уровень цен быстро растет, резко и непредсказуемо изменяется соотношение цен различных товаров, вся система рыночного экономического регулирования приходит в расстройство. Доходы каждой социальной группы оказываются в прямой зависимости от того, насколько действительно она может нажать на правительство, банки, в какой мере способна подкрепить свои требования реальными угрозами. Тот, кто отстает в этой гонке, проигрывает. Попытки затормозить рост цен административными методами приводят к крайне неблагоприятному сочетанию высокой открытой инфляции и дефицита. Возникает ситуация

экономической нестабильности. Энергия предпринимателей переключается на спекулятивные операции».

В сущности, эта статья, опубликованная в апреле 1990-го, стала частью поддержки программного документа. Документ этот был подготовлен сотрудниками академика Леонида Абалкина, назначенного зампредом Совмина Союза, — Евгением Ясиным и Григорием Явлинским.

...В чужом для него воздухе «Правды» Егор впервые задумался о том, какова же его собственная роль в этом движении чудовищной машины вперед, к катастрофе. А то, что катастрофа неизбежна, было ему очевидно.

В том же 1990 году один из его учителей, академик Станислав Шаталин, предложит Гайдару присоединиться к разработчикам программы «400 дней» (которая вскоре будет объявлена Ельциным как программа «500 дней»).

Он, подумав, отказался. Это ему припомнят «яблочники» Явлинский, Задорнов и Михайлов, когда он со своей командой придет на их место в российское правительство. Отказался — но почему?

Начиная с 1983 года — еще со времен ВНИИСИ — он вместе с коллегами принимал участие в составлении справок, «материалов», «концепций» для разнообразных правительственных комиссий. Перед его глазами прошли три, если не четыре попытки этой самой «экономической реформы».

Помимо собственных научных работ, книг, статей, он написал сотни страниц — туда, в этот бездонный колодезь. Эти страницы должны были помочь руководству страны в проведении реформ, о которой теперь писали и говорили все вокруг.

Однако за все эти семь лет главные руководители страны (а их за эти семь лет было трое) не приблизились к цели ни на шаг. А ситуация постоянно ухудшалась.

...В дальнейшем мы расскажем, с какими мучениями рождалась итоговая программа экономической революции, какую роль играли в этом Гайдар и другие экономисты.

Однако именно в том, 1990 году (как бы предваряющем все главные события) ему впервые пришлось задуматься — так откуда же возьмется эта самая *воля*?

Политическая воля, как необходимое условие вывода страны из тупика. И самое главное — кто именно будет все это делать? Кто совершит эти давно назревшие поступки?

Кстати, из «Правды» он ушел. В самом конце 1990-го Гайдар

возглавил Институт экономической политики (впоследствии Институт экономики переходного периода) — экспертный коллектив, который хотя формально и был подчинен Академии народного хозяйства и одновременно Академии наук, но был хозрасчетным и собирался брать заказы не только у правительства, но и у «частного сектора». Предложил Гайдару возглавить Институт академик Абел Аганбегян, которого он хорошо знал по совместной работе в самых разных рабочих группах, готовивших так и не состоявшуюся горбачевскую «экономическую реформу».

Мы уже писали, что в Егоре Гайдаре пересеклись две наследственные линии, два типа личности — Аркадия Гайдара и Павла Бажова.

Если не считать нескольких юношеских эпизодов, линия Бажова, то есть «мамины гены», в судьбе Егора долгое время была определяющей. Это была линия человека кабинетного, который выстраивает свой мир вокруг письменного стола, в работе над рукописями, в благодатной тиши библиотеки. Это был тип человека книги, погруженного в свои идеи и ученые занятия. Мир чистого интеллектуала, отнюдь не практика.

Да и сама жизненная стезя, выбранная Егором еще в юности, ничего другого не предполагала. По российской традиции (да и не только российской) экономикой и политикой в стране руководили именно «практики», крепкие хозяйственники — при царе бывшие губернаторы, полицейские министры, после царя — секретари обкомов, партийные работники. Эти самые российские «практики», то есть люди грубоватые, решительные, умеющие говорить с народом, хитрые и всегда тонко чувствующие конъюнктуру, целую типологию которых вывел Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», — именно они-то всегда, во все века и брали на себя ответственность за принимаемые решения, за страну. Тип начальника в российских условиях (и, повторимся, не только российских) — это совершенно особый, уникальный тип человека, с огромной жизненной силой, волей, с огромным запасом выживаемости в любых условиях, умеющего идти напролом и через многие человеческие жертвы. Исключений было немного, и, может быть, лучше бы их и не было вовсе: последний царь с его ужасной судьбой, замкнутый в психологическом коконе своих семейных проблем, и его антипод Ленин — фанатик, лишь приблизительно способный называться интеллектуалом, в результате кровавого переворота оказавшийся у власти.

Словом, Гайдар никогда даже не думал о том, что сможет обнаружить себя внутри коридоров власти. Не рядом с ней, в качестве «умного еврея при губернаторе», советника, эксперта — а именно внутри.

Однако в его эпоху «губернаторы» — один за другим — оказывались поверженными, раздавленными турбулентностью истории, этим мощным стихийным потоком событий, который возник и окончательно оформился в начале 1990 года.

Премьер Рыжков, премьер Павлов, российский премьер Силаев, сам Горбачев.

Стало понятно, что в известной российской традиции что-то не работает, что-то происходит не так. Опытные прагматики, крепкие хозяйственники, циничные администраторы — все они сметаются с доски, все они не имеют политической воли, для того чтобы принять, как считал Гайдар, единственно возможные решения. А значит...

Вот в этот момент, возможно, в нем возобладала другая «линия» — гайдаровская. Собственно, в чем она состоит? Человек оказывается внутри события и не может выйти из него в более безопасное место. Этого не позволяет ему само устройство личности. Он берет на себя ответственность за развитие событий — будь то бой с врагом, будь то экономическая катастрофа.

Впрочем, и тут все не так однозначно. Обе наследственные линии в случае Егора не были столь уж противоречивы, диаметрально противоположны, больше того, они образовали в какой-то момент некое гармоничное единство.

Если мы снова внимательно взглянемся в биографию Павла Бажова, то увидим — до своих «Уральских сказов», чем только он не занимался: писал эсеровскую крестьянскую программу, учил детей, избирался на всевозможные съезды советов, выполнял задания райкома, редактировал, писал «историю фабрик и заводов», набирал огромное количество фольклорных материалов.

А затем... когда жизнь его почти висела на волоске, начал писать свои «сказы». И это определило всю его дальнейшую судьбу. 12 коротких текстов.

Возможно, и Егор Гайдар всю предыдущую жизнь готовился к написанию главных своих текстов — указов, которые стали важнейшими свершениями в его судьбе.

Но тогда, в 1990-м, он задумался о том, что в истории могут возникать ситуации, когда отнюдь не «начальник» становится политиком, а обычный интеллеktуал. Человек, призванный историей из своего кабинета. Человек книги.

Для этого, правда, необходим ряд условий.

Первое. Такой политик должен опираться на исторический вызов, на

огромный запрос общества.

Второе. У него должны быть сильные союзники.

И, главное, третье. У него должна быть ясная прозрачная программа.

Глава пятая. Человек ниоткуда

Когда Горбачев в 1985 году возглавил КПСС и провозгласил перестройку, студенту из Барнаула Володе Рыжкову исполнилось всего 19 лет. Это был высокий парень в круглых очках, с веснушками и большими ушами. Он учился на историческом факультете, и его очень интересовала современная история, «белые пятна», как тогда говорили. Он до дыр зачитывал журнал «Огонек» с новыми публикациями, жадно проглатывал Солженицына, читал толстые журналы, словом, все, что мог достать. «Вы не представляете себе, что тогда творилось, журнал “Новый мир” с “Колымскими рассказами”, “Дети Арбата” в “Дружбе народов” — не хватало уже полуторамиллионных тиражей!»

«...А мы, историки, мы создали такую неформальную группу под названием “Устная история”. Чем мы занимались? Мы брали катушечный магнитофон, ездили по алтайским деревням, находили древних старушек, и древние старушки нам рассказывали, как проходила коллективизация, как проходили сталинские репрессии, как забирали мужиков на войну. Это был такой проект “Устная история”, где записывались реальные воспоминания людей».

«...И поразительным образом, — рассказывает Рыжков, — мы провели первый массовый митинг в Барнауле. Это был 87-й год. Еще при Горбачеве, при советской власти. Нам выделили на окраине Барнаула хоккейный стадион “Мотор”. И вот на этом стадионе собралось тысячи полторы народу и, знаете, какой был главный лозунг? “За свободную подписку на журналы!” Вот с этого все началось, и потом из этого “Политцентра” выросло “Общество содействия перестройки”. А потом, в 91-м году, после путча, когда Ельцин пришел к власти и стал назначать губернаторов, один из наших кандидатов, депутатов Верховного Совета России — стал губернатором Алтайского края и пригласил меня... 91-й год — мне было 25 лет. И вот он пригласил меня первым вице-губернатором, отвечающим за внутреннюю политику Алтайского края. Таким образом в 25 лет из неформала и одного из лидеров демократической оппозиции я стал вице-губернатором Алтайского края, ответственным за всю внутреннюю политику, а через 2 года принял участие в выборах в Госдуму».

...О перестройке и 90-х существует немало легенд. Одна из них: партийная «номенклатура» (чиновники и бюрократы) осталась у власти, захватила собственность, дальше понятно. О том, как это было на самом

деле — говорят нам биографии политических деятелей той эпохи.

Рыжков был избран в Госдуму в 1995 году и стал ее первым вице-спикером. Рыжков вел в федеральном парламенте сессии, организовывал согласительные комиссии и парламентские расследования, составлял регламент, принимал бюджеты, в общем, как ни крути, «социальный лифт» у него оказался куда круче, чем у многих партийных бюрократов 80-х.

Владимир Рыжков упоминает первого алтайского губернатора В. Ф. Райфикешта, который вначале стал депутатом, а потом возглавил свой край в 1991 году (он был председателем совхоза). Тоже пример огромного прыжка через все иерархические лестницы.

Но, наверное, наиболее ярким молодым губернатором в России был в то время Борис Немцов.

«...Я учился на отлично и шел на золотую медаль, — пишет Немцов в книге «Исповедь бунтаря». — Однако медаль мне давать не хотели, потому что учителя просекли, что я политически неблагонадежен. Это сегодня звучит смешно, а я оканчивал школу на пике социалистического застоя, в 1976 году. И в характеристике, которую я должен был предоставить при поступлении в университет, директор написала: “политически не устойчив”. В те годы с подобной характеристикой поступить в университет было невозможно, потому началось долгое выяснение отношений между университетом и моей школой. Наконец, директор смягчила приговор на “позволяет себе политически непродуманные высказывания”. Это уже давало мне шанс стать физиком.

...Я начал свою политическую деятельность во второй половине 1980-х, причем начал не с политики, а с экологии. В Нижнем Новгороде коммунисты затеяли строительство атомной котельной — “атомной станции теплоснабжения” (АСТ). Они предлагали нагревать воду в атомных реакторах и потом через систему теплообменников эту воду под высоким давлением закачивать в нижегородские дома. Поскольку страна на тот момент была безмолвна, никто никого ни о чем даже не собирался спрашивать — стали строить. Однако Нижний — по сути своей город не рабский, у нас появилась общественная организация “За ядерную безопасность”, главной задачей которой было не допустить строительства этой самой котельной. Даже моя мама стала собирать на площади имени Горького подписи против этого проекта. Собственно, благодаря матери я и пришел в политику. Она все время мне твердила одно и то же: “Вот ты занимаешься никому не нужной наукой, а у нас тут собираются ядерную котельную строить. У тебя совесть есть?”».

...Вот так — с митингов и сбора подписей — началась карьера

Немцова — депутата, губернатора, первого вице-премьера и практически официального «преемника» президента Ельцина в 1997–1998 годах.

С таких же экологических требований начал свою предвыборную кампанию профессор Анатолий Собчак в тогда еще Ленинграде.

Он достал мегафон и стоял по утрам у станции метро, когда на работу валом валил трудовой народ — агитировал сам за себя. Раздавал листовки и приглашал на предвыборные митинги (Собчак выставил свою кандидатуру на первый Съезд народных депутатов). Не раз и не два на него пытались давить — и друзья, и хорошие знакомые, и начальство: брось, прекрати, зачем тебе неприятности, ты же все равно проиграешь. Но он упрямо «лез на рожон» и стал одним из первых демократически избранных мэров в стране.

Сегодняшние яркие оппозиционеры XXI века склонны забывать все эти истории, рассуждая о «партийной номенклатуре», которая воспользовалась итогами перестройки. Между тем практически вся политическая элита 90-х пришла во власть именно таким путем. Без всякого «разрешения» и без всякой помощи со стороны горбачевской КПСС. Компартия активно и дружно ненавидела всех этих выскочек, готова была сожрать их с потрохами, использовала все традиционные ресурсы в борьбе с демократами — от слезки и прослушки до черного пиара, от пропагандистских листовок до тотальной мобилизации советской «общественности».

...Не помогало.

Разбуженное общество само двигало вверх своих лидеров, неформалов и бунтарей.

Демократы в 90-е занимали порой такие должности, которые даже в условиях революции, по идее, должны были бы достаться лояльным новой власти опытным управленцам и профессионалам прежней школы.

...Так, например, первым главой администрации президента Ельцина стал вначале Юрий Петров, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии, опытный бюрократ, которого Борис Николаевич поставил на тот пост, где требовались его прежние навыки и умения — способность «организовать процесс», хладнокровие и здравый смысл.

Однако Петров на своей должности просидел чуть менее года. Его место занял Сергей Филатов.

Вот как сам Филатов описывает начало своей политической карьеры. Он работал в научно-исследовательском институте, который назывался ВНИИметмаш (Институт металлургического машиностроения), возглавляемом академиком А. И. Целиковым. Зная его общественный

темперамент, коллеги по институту предложили ему баллотироваться в депутаты на российский съезд, который тогда, в 1990 году, избирался впервые.

«Хорошо помню всех, кто хотел избираться по нашему избирательному округу, но их по разным причинам не зарегистрировали. Значительно позже я понял, что этот округ берегли для секретаря горкома партии В. К. Белянинова. Он был генеральным директором нашего института... И мне было бы морально труднее с ним бороться, если бы он представлял себя в личном качестве, а не партийную систему, которая пыталась сохранить свое правящее господство. Тем не менее это был единственный, по-моему, округ, где было зарегистрировано всего два кандидата. В остальных — по шесть, восемь, двенадцать кандидатов...»

И Филатову, рядовому научному сотруднику, удалось победить. Причем победить своего бывшего начальника, который занимал в огромной Москве один из ключевых постов в системе партийной власти.

Сергей Станкевич — тоже депутат, кандидат наук, юрист, никогда до того не работавший чиновником — в то время инструктировал Филатова и других демократических кандидатов в Москве, как вести избирательную кампанию. Сам он вскоре станет вице-мэром, заместителем Гавриила Попова.

Примеров такой удивительной карьеры в 90-е было множество: десятки, сотни и тысячи.

«Тогда уже существовал Ленинградский народный фронт, — писал позднее Сергей Васильев, экономист, соратник Гайдара, баллотировавшийся в Ленсовет. — Мне выделили округ недалеко от места жительства в Ульяновке. Кампания обошлась в тысячу рублей. Я мобилизовал студентов, которые стояли с транспарантами. А район тяжелый, потому что там дома Кировского завода, и моим главным противником оказался рабочий с завода. Он был уверен, что победа у него в кармане, однако в первом туре исключительно за счет консолидации протестного электората я его обошел: у меня 27 процентов, у него 23. Во втором туре было все серьезнее. Миша Киселев (сотрудник ФИНЭКа, был избран народным депутатом РСФСР. — А. К., Б. М.) предложил использовать технику шелкографии: делался трафарет, и можно было прокатать неограниченное количество листовок, причем ощущение такое, что они написаны фломастером, от руки... Лозунги были не слишком замысловатые: “Народный фронт поддерживает”; “научный работник знает, что делать с экономикой». В результате я выиграл: 53 на 39. В последний день технология была такая: листовки вешались на раскрывающиеся двери

лифта. Конкуренция, когда ходят и сдирают листовки в подъездах, их не видят. А человек сел в лифт — и вот она здесь!

В то время в Моссовете было 450 депутатов, а в Ленсовете — 400. Ленсовет вообще стал “филиалом” Народного фронта — от него прошли 90 процентов депутатов. От коммунистов в Ленсовет попали считанные депутаты, только самые пробивные и ловкие».

Тогда же депутатом Ленсовета стал Петр Филиппов, основатель клуба «Перестройка», а депутатом Верховного Совета РСФСР — Михаил Дмитриев из клуба «Синтез».

...«11 июля 1989 года в Междуреченске (Кемеровская область) началась первая забастовка шахтеров, — рассказывает Игорь Кожуховский, впоследствии замминистра топлива и энергетики, — 14–15 июля она перекинулась на другие города. Я в тот момент работал на шахте, хотя я был инженер, молодой ученый, но так сложилась жизнь: за мои изобретения, за мои научные разработки мне на заводе не платили, и я ушел на шахту. Но в 1989 году началась забастовка на нашей шахте, и в нашем Орджоникидзевском районе, в Осинниках и Междуреченске. Народ вышел на улицы и с улиц уже не уходил. Забастовка на жару, прямо на улице (там стояли, сидели, лежали сотни, тысячи людей), и в ее процессе выявились лидеры, которые управляли массами. Шахтеры стали требовать вполне конкретных вещей. Требовали, например, мыла. Для шахтеров это важная вещь, а его банально не было, не завозили — все было в дефиците в советское время. Но потом это быстро переросло в общее требование: самостоятельности шахт. Передать шахты трудовым коллективам, потребовать либерализации цен на уголь. Чтобы шахтеры могли получать за свой тяжелый труд адекватное вознаграждение.

...Ну, я вышел со смены, иду на автобус, чтобы ехать домой. Ничего не ходит, площадь заполнена людьми. “Игорь, иди сюда, надо помогать”. Вот так я и вошел в это движение. Я, как грамотный человек, стал работать с забастовочными комитетами по оформлению их требований, уточнял формулировки, вел переговоры, составлял протоколы, организовывал комиссии. Шахтерские забастовки — мощная штука, очень напугавшая тогда власти и сильно повлиявшая на всю ситуацию в стране. Кто нами тогда занимался? Щадов Михаил Иванович, наш “угольный” министр. Слюньков Николай Иванович, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по промышленности.

Они прилетели прямо в Новокузнецк — вышли на площадь с шахтерами, долго говорили... Забастовка же моментально перекинулась в другие регионы — в Воркуту, в Донбасс, в российское Приморье, в

Казахстан, тогда все это был Советский Союз. Был создан вначале совет рабочих комитетов Кузбасса, потом на уровне Союза — координационный комитет. Затем наступило определенное затишье в конце 1989-го — забастовочный режим перерос в режим переговоров с правительством. Наступил 1991 год. Из всех наших протоколов практически ничего не было выполнено. Шахтеры требовали простых вещей: обеспечение шахтерских поселков продуктами, обеспечение уровня зарплат и социальных льгот. Тогда группа шахтеров во главе с Анатолием Малыхиным устроила голодовку в гостинице “Россия”. Прямо во время съезда народных депутатов СССР. Ночью мне в Кузбасс звонит Малыхин. “Игорь, все, что мы просим, они готовы сделать, но мы не знаем, что просить. Вылетай”. В общем, вот так я стал работать с правительством, с депутатами, с научным сообществом, со специалистами по угольной отрасли. Был создан в рамках переговоров с правительством межрегиональный совет по поставкам топлива. Уголь металлургическим предприятиям, в том числе крупнейшим, отпускали по бумаге, которую я подписывал. Это был такой переломный момент...

В своем рабочем кабинете я встретил август 1991 года. Из окна можно было выходить на площадку перед Белым домом. Я был в правительстве представителем рабочего движения».

Места опытных чиновников и бюрократов заняли те, кто никогда даже и не мечтал о том, что пройдет по коридорам власти. Это были типичные советские интеллигенты, кандидаты наук, младшие научные сотрудники, мэнээсы, как тогда говорили, потолком карьеры для которых было написать диссертацию и заведовать лабораторией или кафедрой, да и то через много лет, если сильно повезет.

Но дело не только в их удивительных карьерах и неожиданных взлетах.

Изменился сам тип российского государственного человека.

А ведь тип этот — при всех изменениях общественного строя — оставался прежним сотни, а может быть, и тысячи лет. Этот тип основывался прежде всего на принадлежности к правящему сословию. На негласном договоре лояльности. Индивидуального должно было быть в «государственном человеке» ровно столько, чтобы оно не мешало проявлению общего — то есть свойств, подчиненных исключительно корпоративным, государственным целям и задачам.

«Между тем новый градоначальник оказался молчалив и угрюм, — писал Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». — Он прискакал в

Глушов, как говорится, во все лопатки (время было такое, что нельзя было терять ни одной минуты) и едва вломился в пределы городского выгона, как тут же, на самой границе, пересек уйму ямщиков. Но даже и это обстоятельство не охладило восторгов обывателей, потому что умы еще были полны воспоминаниями о недавних победах над турками, и все надеялись, что новый градоначальник во второй раз возьмет приступом крепость Хотин.

Скоро, однако ж, обыватели убедились, что ликования и надежды их были, по малой мере, преждевременны и преувеличенны. Произошел обычный прием, и тут в первый раз в жизни пришлось глушовцам на деле изведать, каким горьким испытаниям может быть подвергнуто самое упорное начальстволюбие. Все на этом приеме совершилось как-то загадочно. Градоначальник безмолвно обошел ряды чиновных архистратигов, сверкнул глазами, произнес: “Не потерплю!” — и скрылся в кабинет. Чиновники остолбенели; за ними остолбенели и обыватели».

Изображение чиновничества в русской литературе — как правило, черная сатира, всегда доходящая до абсурда.

Вот, например, как писал о чиновниках главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич, через сто с лишним лет после Щедрина: «... Закройте депутатские столовые, где кормят за бесценок, ликвидируйте гараж спецавтомобилей, а сами автомобили продайте. Перестаньте предоставлять господам депутатам спецдачи и спецквартиры в специальных домах... Дайте слугам народа погрузиться в реальное бытие!.. По моему мнению, наше чиновничество совершенно безыдейно. Оно служит за свою похлебку с приправами и готово за нее служить кому угодно. Оно уникальное и во всемирном масштабе, единственная непобедимая и легендарная сила, вызревшая в стране...

Весной 1999 года я разговорился с Александром Николаевичем Яковлевым на одну из любимых своих тем: о всемогуществе и неистребимости чиновничьего племени.

— Вы неправы, — сказал Яковлев. — Чиновничество еще и как истребимо. Только на нашей памяти проходила не одна чистка. И с партийной знатью разбирались, и с хозяйственниками, и с научной или военной бюрократией. Это саморегулирующаяся машина, если одна ее часть избыточно разрастается и начинает грозить другой, происходит саморегулирование».

В изображении Щедрина, в изображении Герцена, в изображении Коротича, в знаменитой книге Михаила Восленского «Номенклатура» наше чиновничество (советское или российское, не важно) выглядит

действительно устрашающе. Это безличная темная сила, подминающая под себя любые общественные процессы, некая корпорация монстров, справиться с которой не под силу никаким отдельным людям.

На самом же деле сила этой корпорации состоит лишь в том, что кроме нее управлять в России больше никому. Никто за этот труд больше не берется, интеллигенты от него бегут. Чиновники от обычных людей отличаются именно тем, что любят и умеют управлять, говорить с «массой», принимать решения, устранять препятствия, произносить нужные слова в нужный момент. Это особое искусство, и овладеть им удастся не сразу. Недаром и в советское время, и сейчас нужно было пройти все ступеньки управленческой карьеры, чтобы подняться наверх. Поработать на заводе для строчки в автобиографии, затем вступить в партию, стать сначала мелким начальником, потом покрупнее. Приобрести важного и влиятельного босса — это обязательно. Затем назубок выучить сословную этику, сословные правила и постепенно стать частью корпорации.

Однако в конце 80-х — начале 90-х годов эти незыблемые традиции неожиданно были сломаны.

Во власть пришли другие люди — и шли они совершенно другим путем. Не через «ступеньки», не через суровое подчинение правилам игры, а через выборы и публичную политику.

Это был массовый приход во власть другого человеческого материала.

Удивительно, но в масштабах большой России главным «лицом» всей этой формации стал именно Егор Гайдар. Человек, который никогда даже и думать не думал о публичной политике или о выборах. Человек, который мыслил себя только экспертом, технократом, «спецом». Человек, который всегда предпочитал оставаться в тиши своего кабинета.

Однако именно ему предстояло на своем примере доказать миллионам, что во власти возможен и даже очень нужен другой тип. Что возможен и даже очень необходим новый лидер — им вполне может быть интеллеktуал, условный «очкарик» (хотя Егор и не носил очков — только в конце жизни, и то для чтения), который движим не властными инстинктами и не сословными правилами, а только своими идеями и идеалами. Что возможен и даже необходим обществу не «хозяин» и не «крепкий хозяйственник», не человек системы (пусть даже сам взбунтовавшийся против системы), не «вождь» и не «спаситель нации», а самый обычный гражданин.

Егор Гайдар был, наверное, первым таким человеком во власти.

Самым обычным — и тем самым необычным. Со всеми своими слабостями, которых он не скрывал. Самым простым — и в этом смысле незаурядным.

Все остальные подтягивались вслед за ним. Хотя исторически шагнувшая в политику формация «завлабов» опережала Гайдара — и, скорее, как океанская волна, несла его на себе. Впрочем, сейчас, когда мы пишем эти строки, в большой моде утверждения о том, что Гайдар сам был частью «номенклатуры», партийно-государственной системы.

Да, из-за тех нескольких месяцев, которые он провел в «Правде», в кабинете члена редколлегии, он формально принадлежал к советской номенклатуре. Но реально, по всем своим типологическим и личным чертам, — Егор не просто к ней не принадлежал; наоборот, он обозначил ту историческую границу, за которой время советской номенклатуры закончилось безвозвратно.

И, конечно, тут же возникает вопрос: а будет ли востребован этот тип лидера вновь, в другой эпохе? Мы пока не знаем. Покажет ближайшее будущее. Сейчас давайте посмотрим, как же это случилось.

Как это в принципе могло произойти в России?

19 августа 1991-го Егор Гайдар с семьей был на даче у родителей в Красновидове, где начал работу над новой книгой. Он взял отпуск.

Утром его разбудила жена Мария Аркадьевна, которая первой услышала заявление Государственного комитета по чрезвычайному положению, трагически-возвышенно, в духе Левитана, зачитанное диктором Кирилловым. Отправляясь на рейсовом автобусе в Москву, Гайдар уже в транспорте начал набрасывать заявление своего института.

Красновидово находится примерно в 30 километрах от Москвы по Рижской дороге. Сообщение очень удобное — на машине (в те времена) до центра минут тридцать, на автобусе до «Тушино» тоже. А можно и на электричке от станции «Нахабино». Те же тридцать минут — и ты на Рижском вокзале.

Егор смотрел из окна автобуса на дачные поселки, проносящиеся мимо грузовики, сосны, на старушек, которые спешили на рынок продать крыжовник и смородину, и думал о том, что, в сущности, основная масса населения примет этот резкий политический поворот покорно, а может быть, даже с радостью. Надежда только на энтузиастов, которых разбудила перестройка, в основном в Москве и Питере.

То есть — надежда слабая.

Думал и о том, как быть ему лично — члену партии, директору государственного института. Он сотрудничать с властью точно не будет,

тем более что и сама власть явно раскололась.

То, что в этот момент Гайдар оказался не в официозной «Правде», а в коллективе единомышленников, который сам же и набирал, было настоящим счастьем. К концу автобусного маршрута он уже выработал ясный и понятный план действий.

«Сотрудники уже собрались, — вспоминал позднее Егор. — Говорю, что... во всей этой затее ГКЧП просвещенным рыночным авторитаризмом в стиле Дэн Сяопина и не пахнет».

Сели писать «экспресс-анализ экономической части программы путчистов». Документ получился эмоциональным и резким по тону. Подписи поставили Гайдар, его замы Владимир Машиц, Андрей Нечаев. В зависимости от дальнейшего хода событий это можно было бы считать небольшим расстрельным списком. И в этот список попросил внести себя зам по хозяйственной части Николай Головнин, бывший сотрудник Гайдара в «Коммунисте». Таким образом, подписантов у документа стало четыре. Напомним, шла первая половина дня 19 августа 1991-го.

Текст, который сводили воедино Гайдар и Нечаев, назывался «Экономическая программа хунты» (сохраняем орфографию оригинала. — А. К., Б. М.):

«Официальные документы военной хунты, пришедшей к власти в результате переворота 19 августа 1991 года, а также выступление членов хунты на пресс-конференции дают основание сделать первые выводы об основных чертах предлагаемой ею экономической “Программы”.

В их числе можно выделить:

1. Страстное желание возложить на кого угодно, кроме себя, ответственность за нынешний экономический кризис. Больше того, сделать его трамплином для захвата власти. Никто не несет большей ответственности за нынешний финансовый и общеэкономический кризис в стране, чем нынешний Премьер-Министр, а до того Министр Финансов СССР В. Павлов, яростные лоббисты аграрного и военно-промышленного комплекса В. Стародубцев, А. Тизяков, О. Бакланов, В. Крючков и Д. Язов.

Правительству, которое само повысило закупочные, оптовые и розничные цены, в результате чего были нарушены все ценовые пропорции, в т. ч. ценовой паритет между городом и селом, понадобился военный переворот, чтобы “в недельный срок найти способ их упорядочить, заморозить и снизить”.

2. Набор банальных истин о необходимости хорошо работать, чтобы хорошо жить, которые слышны десятилетиями.

Правительству понадобился переворот, чтобы выяснить, какие есть

резервы в жилищном строительстве, как обстоят дела с запасами товаров и продовольствия.

3. Руководители переворота используют самые беззастенчивые, крайние формы экономического популизма. Оказывается, что только после переворота можно поднять всем заработную плату, снизить цены и обеспечить постоянное повышение благосостояния. Трудно представить, что ГКЧП всерьез надеется таким образом повысить жизненный уровень населения...

Экономическая программа хунты — путь к краху, голоду, развалу отечественной экономики.

Институт экономической политики АНХ и АН СССР присоединяется к всеобщей политической забастовке и отказывается от сотрудничества с любыми неконституционными органами.

Мы готовы оказать любую посильную помощь законным органам власти России в поиске путей стабилизации экономического положения».

Гайдар издал по институту приказ — не подчиняться ГКЧП и, в частности, не оказывать консультационных услуг. 20 августа он на час приостановил действие другого приказа — о прекращении работы первичной партийной организации института. Что они сделали за этот час?

«Проводим партийное собрание, на котором ставим два вопроса: первый — о выходе сотрудников института из партии в связи с попыткой государственного переворота, поддержанного ЦК КПСС, второй — о ликвидации в этой связи нашей партийной организации».

Вечером того же дня мужчины Института были уже среди защитников Белого дома. Николай Головнин вспоминал, что Егор подобрал с земли железную арматуру и понес с собой: «Зачем, Егор?» — «Чем же еще я буду драться?» Прозвучало немного смешно — вокруг Белого дома уже стояли танки, но решимость была проявлена.

Алексей Головков, старый знакомый по ЦЭМИ, а в тот момент сотрудник российского Верховного Совета, провел Гайдара с собой внутрь Белого дома. Коллеги из института остались снаружи, на баррикадах, и ночью — у костров.

В ночь с 19 на 20 августа толпа поредела — вокруг Белого дома было всего несколько тысяч человек, полил проливной дождь...

Из Белого дома Егор вышел уже в пять-шесть часов утра.

Анатолия Чубайса путч тоже застал в Москве — он приехал из путешествия по Русскому Северу. Но 20-го числа он уже был в Питере, появившись в городе на своем «Запорожце» с разбитым стеклом. Из окна кабинета Чубайса в Ленсовете (а тогда он формально пребывал в статусе

экономического советника Анатолия Собчака) выставили телевизор, чтобы люди узнавали о последних новостях. С подоконника этого кабинета на первом этаже потом выступил и Собчак. Член команды Чубайса Михаил Дмитриев, тогда уже российский депутат, вспоминал: «Что-то кричали в микрофон. Звонили по чубайсовской вертушке. Чувствовали себя сплоченной командой, в которой никто друг друга никогда не подведет».

Сергей Васильев: «На следующий день (21 августа) я проснулся в пять часов утра, включил радиоприемник — вещает “Радио Балтика” с радиостанции в Лахте, которую удалось поставить под контроль Ленсовета: Лев Гольдберг сообщал всю правду о путче. Это меня сильно взбудрило и обнадежило... В тот же день на Дворцовой площади собралось сто тысяч человек, и вопрос вообще был снят».

Был снят? Так ли?..

Существуют десятки, сотни, возможно, тысячи исторических документов, дневниковых записей, воспоминаний, «эпизодов» и «картинок» путча 1991 года, раскиданных по самым разным источникам. Но вот что интересно — за все эти годы не было предпринято ни одной попытки свести воедино весь этот массив материалов. Написать итоговую книгу о путче.

Какие-то сборники статей выходили сразу после путча, в ранние 90-е, но до сих пор ни серьезной исследовательской книги, ни даже романа или внятной экранизации тех событий не существует.

А ведь деталей, которые сами по себе кажутся сейчас совершенно уникальными, — предостаточно.

Такой деталью, например, был клич, брошенный среди радиолюбителей, — многие из них пришли в Белый дом со своими коротковолновыми любительскими станциями, чтобы обеспечить связь с внешним большим миром.

Пришла целая колонна «неформалов» с Арбата — хиппи и панки, ребята в кожаных косухах и с металлическими цепями, брейкдансеры и уличные артисты — командовал ими, кстати, ныне печально известный «Хирург»-Залдостанов, тогда лидер арбатских байкеров и неформалов, в следующей эпохе радикально изменивший свои взгляды на действительность.

Понятное дело, еду, которой питались защитники Белого дома, приносили не только окрестные сердобольные женщины, но и кооператоры.

Однако всплески отчаянного энтузиазма, включая остановленные на

Садовом кольце автобусы и троллейбусы, которыми перегородили дорогу танкам, не отменяли весьма печальной общей картины. В Москву ввели несколько бронетанковых и пехотных моторизованных дивизий. Улицы столицы были наводнены бронетехникой. Люди пытались останавливать БМП, БТРы и танки просто руками, иногда даже ложились под гусеницы (сохранились эти рвущие душу кадры хроники) — но это плохо помогало, лишь задерживало движение на несколько минут. Мотопехотные группы блокировали все правительственные здания, включая Белый дом на Краснопресненской набережной (его в первую очередь), все крупные редакции (включая «Огонек» и «Московские новости» — их в первую очередь), все системы коммуникации и связи, включая все радио-и телепередающие станции, телефон и телеграф. Казалось, пути назад, к прежней мирной жизни уже не будет. Однако солдат и техники оказалось такое количество, что вскоре они слились с возбужденной толпой, слились и перемешались.

Если попробовать одним словом обозначить процесс, которым было охвачено общество в эти три исторических дня, — этим словом будет «брожение».

Брожение охватило армию и силовые структуры — совсем не случайно один из военных руководителей путча, генерал Грачев, вел тайные переговоры с Ельциным и не ставил своих коллег в известность об этом. Не случайно генерал Лебедь не арестовал Ельцина и его окружение, хотя имел для этого и полномочия, и ресурсы. Не случайно появился майор Евдокимов, перешедший со своим батальоном на сторону Белого дома. Не случайно «Альфа» не пошла на штурм Белого дома сквозь толпу в ночь с 20 на 21 августа, хотя план штурма уже был утвержден и подписан.

Брожение охватило и региональные советские элиты — не случайно лидеры советских республик, включая балтийские, в те дни спешно прислали в Москву свои телеграммы о поддержке ГКЧП. А затем — тоже в течение нескольких дней, когда путчисты уже были арестованы, — заявили о своей независимости и выходе из состава СССР.

По-разному реагировали и в России. Во многих областных центрах 20-го и 21-го числа шли митинги, демонстрации, пикеты, расклеивались листовки с воззванием Ельцина. В Свердловске на площади 1905 года возле здания горисполкома собралось около ста тысяч человек, они не уходили и ночью, митинг шел непрерывно. Было объявлено, что все городские предприятия останавливают свою работу и присоединяются ко всероссийской политической забастовке. И действительно утром 21-го свердловчане на работу в большинстве своем не вышли. Отряды

свердловских «афганцев» требовали выдать им оружие и хотели идти останавливать воинские части, которые начали «передислоцирование».

Власть в Свердловске, по сути, принадлежала демократически избранным советам народных депутатов — городским и областным; на трибуне выступали те из депутатов, кто вовсе не держался за свои кресла и громогласно объявлял ГКЧП «хунтой» (так же как и Гайдар в документе от 19 августа).

То же было и в Питере. И во многих других городах — пусть не так массово, но решительно.

К счастью, все закончилось быстро, и никто из вольнодумцев не сел в тюрьму и не пострадал.

Скорость времени стала другой. Путчисты «проспали» изменения, произошедшие в стране: Крючков, руководитель КГБ, самой мощной спецслужбы в мире, был, например, убежден в том, что вся эта горбачевская «демократизация», новые политические институты, новые люди, пришедшие во власть, бурление «оппозиции» — это всё пена, происки Запада, ничтожные интеллигентские разговоры, не стоящие ни гроша фальшивые страсти, за которыми нет и не может быть народной поддержки. Когда он увидел, сколько людей вышло на улицы, он оцепенел.

Конечно, рассчитывали гэкачеписты и использовать в своих целях застарелый конфликт между Ельциным и Горбачевым. Однако в данном случае оба оказались по одну сторону баррикад.

Горбачев не оказал путчистам поддержки, на что они всё же рассчитывали. Ельцин же стал главным знаменем сопротивления. Его позиция, сформировавшаяся вокруг него народная сила создавали для заговорщиков очень тяжелую среду.

По-настоящему к решительным действиям (включая расстрел огромной толпы защитников Белого дома) заговорщики оказались не способны.

И именно позиция Ельцина в те три дня стала ключевым фактором в принятии Егором Гайдаром важнейших решений, которые определили затем всю его жизнь.

В ту историческую ночь с 20-го на 21-е в Белом доме произошло личное знакомство Егора Гайдара и Геннадия Бурбулиса, человека, очень близкого к Ельцину. (Один из организаторов Межрегиональной депутатской группы на Первом съезде нардепов СССР, один из тех, кто пришел во власть на волне революции, бывший преподаватель и доцент университета, Бурбулис в ту пору был уже вторым лицом в России,

должность его называлась «государственный секретарь».)

Сотрудник аппарата Верховного Совета РСФСР Алексей Головков много рассказывал Бурбулису о Гайдаре, которого неплохо знал.

Кто же такой был этот Головков? Прежде всего, он был активистом перестройки, участником всяческих демократических клубов (которых как мы уже знаем, в Москве было немало), членом предвыборного штаба академика Сахарова. Войдя в команду Бурбулиса, он проводил регулярные семинары с молодыми экономистами. Головков долгое время работал в ЦЭМИ, он знал, кто такой Гайдар.

Имя Егора Гайдара Геннадий Эдуардович Бурбулис слышал и от Головкова, и от заведующего секретариатом Бориса Николаевича Виктора Илюшина.

Важный вопрос: почему именно после путча шансы Гайдара возглавить команду реформаторов так резко выросли? Почему именно на него обратили внимание в российском Белом доме?

Российские власти, и особенно российское правительство, были в некотором параличе. Впрочем, как и правительство союзное, преобразованное в «Комитет по оперативному управлению народным хозяйством» и в «Межреспубликанский экономический комитет». Обе структуры, что важно отметить, возглавлял российский премьер Иван Силаев. В обеих серьезную роль играл Григорий Явлинский, готовивший межреспубликанский экономический договор. Однако начиная с сентября (а может быть, даже раньше) Ельцин начал искать нового премьера. Об этом знали все.

Иван Силаев, человек довольно пожилой, подписал утреннее, от 19 августа 1991 года, «Обращение к народу», в котором действия ГКЧП квалифицировались как «правый реакционный переворот» (всего подписей было три — Ельцин, Хасбулатов и Силаев). Однако в тот же вечер он из Белого дома ушел, предупредив Бориса Николаевича, что хочет быть в эти часы со своей семьей. В то, что ГКЧП постигнет крах, он не верил. Об этом Борис Николаевич честно написал в своих мемуарах, вышедших в свет в 1994 году.

Но, конечно, дело было совсем не в том, что Иван Силаев ушел из Белого дома вечером 19 августа.

Исторический этап, на котором Силаев сыграл свою благотворную роль, закончился раньше — это был этап становления России как независимой республики, после объявления 12 июня 1990 года российским съездом декларации о суверенитете РСФСР. В этот период, который продолжался около года, российские институты власти еще только

становились на ноги. Ельцину был нужен компромисс со всеми — в том числе с депутатами съезда, а это больше тысячи человек, большинство из которых составляли представители «партийно-хозяйственного актива», партийные и советские работники, «красные директора» или их посланцы. Нужен был компромисс Ельцину и с союзными властями — и Силаев и по возрасту, и по своей биографии (как бывший союзный министр, он представлял тяжелую промышленность) идеально подходил для такого компромиссного периода. Тогда Россия, конечно, была значительно слабее Союза.

Но сейчас этот период закончился. Нужно было двигаться дальше.

Какие именно варианты рассматривал в тот момент Ельцин? Какие кандидатуры он перебирал до того, как к нему пришли с кандидатурой Гайдара?

Одним из первых Б. Н. обратился к Юрию Николаевичу Рыжову, ректору Московского авиационного института, народному депутату СССР. Этот был человек очень интересный, интеллигент, одного примерно поколения с Ельциным, которому российский президент глубоко симпатизировал. Рыжов представлял собой тот редкий тип сочетания всех необходимых качеств, которые были нужны для руководителя новой России — ум, опыт, умение управлять, знание советской промышленности и науки, кругозор, готовность к крутым переменам. Однако Юрий Рыжов наотрез отказался — он понимал, что сейчас правительство должен возглавить человек, обладающий глубокими знаниями в области финансов и экономики.

Другой кандидат появился сам, это был народный депутат РСФСР Юрий Бочаров, который активно предлагал Б. Н. собрать правительственную команду из депутатов российского съезда, наиболее прогрессивно мыслящих, активных, имеющих опыт в разных отраслях.

В обойме, безусловно, оставался и Григорий Явлинский. Пожалуй, общество (по крайней мере наиболее политизированная его часть — интеллигенция, российские демократы, журналисты) было уверено, что именно ему Ельцин предложит пост премьера.

Ведь еще год назад программа «500 дней», одним из авторов которой был Явлинский, стала чуть ли не главным пунктом предвыборной программы первого президента России.

Так что же случилось?

Послушаем Геннадия Бурбулиса — напомним, тогда, в 1992 году он был вторым человеком в новой структуре российской власти, занимая пост

госсекретаря:

«Гриша был вице-премьером у Силаева в 1990 году. Тогда мы и продавливали через союзные структуры его программу “500 дней”, подписывали соглашение “Горбачев — Ельцин”, еще до нашего — то есть ельцинского — президентства... Но к сентябрю 1991-го Явлинский перебрался в горбачевские структуры, поэтому все его действия были уже неактуальны... Тогда говорили, что его сам Борис Николаевич предлагал. Но это было не так. Я прекрасно знаю тогдашнее отношение Ельцина к Грише. Он бы его даже рассматривать не стал... Я не мог предлагать Явлинскому эту работу, потому что работа была другая. Та, на которую Явлинский был неспособен. Про которую я заранее знал, что он с ней не справится... Есть ситуации, когда выбор заключается не между спектрами возможностей, а когда он настолько ограничен, что действия сводятся к тому, что нельзя не делать. То есть делать или не делать — у нас уже не было этого выбора. Нельзя уже было это не делать!.. Этого, кстати, совершенно не понимал тот же Явлинский, потому что у него всегда была такая позиция: буду делать только то, что хочу, а то, что надо, но не хочу, я делать не буду. А в данном случае эта предельная ситуация была четко командой Егора прописана, и она совпала с рациональным типом мышления Ельцина. Точная, понятная, динамичная задача и решение. Но вот персонально по Гайдару еще не было predeterminedено...»

Прервем цитату — что ж, уже в начале сентября 1991 года кандидатура Явлинского окончательно отпала — по мнению Бурбулиса, которое, заметим, совершенно не совпадает с мнением самого Явлинского.

Из интервью Григория Алексеевича Явлинского:

«Я за некоторое время до этого ушел от Ельцина (из российского правительства. — А. К., Б. М.), сказал, что я не буду с ним работать, поэтому, когда я зашел к нему в кабинет во время путча, он там сидел, первый вопрос был не о том, что там происходит и почему вы пришли, а он сказал: ну теперь-то вы будете со мной работать? Я сказал: Борис Николаевич, вас сейчас больше ничего не интересует, кроме того, буду ли я с вами работать? Давайте, закончится эта история и мы тогда с вами и поговорим».

Бурбулис называет основную причину, вернее, две основные причины: Явлинский работал в «союзных структурах», то есть у Горбачева, и Явлинский отказывался делать то, что «не хотел делать». Но что же именно?

Вполне возможно, что личную встречу Григория Алексеевича с Борисом Николаевичем (сразу после путча, а скорее всего, еще позже, уже

осенью, ближе к назначению правительства) мог организовать другой близкий президенту человек, другой его «начальник штаба» — первый помощник Виктор Илюшин. На ней, по версии Явлинского, он напрямую спросил Ельцина: идет ли речь о Союзе или только о России? И услышав, что только о реформах в рамках России, наотрез отказался.

Все это выглядит логично, но мы осмелимся предположить, что у Ельцина были сомнения по поводу Явлинского, его программы и его команды — еще по двум важным причинам.

Политика — постоянно развивающийся поток событий. В ней очень трудно возвращаться назад. Практически невозможно. Входить в этот «поток событий», в эту быструю реку со старым багажом, старыми лицами и персонажами, с прежними лозунгами порой бывает смертельно опасно. Ельцин, которого его помощники и близкие соратники не раз называли «политическим животным», — имея в виду, конечно, его гигантскую интуицию, — прекрасно это знал. Знал и чувствовал.

Но была еще вторая причина, о которой в мемуарной литературе почему-то мало говорят.

Во время первого — и решающего — разговора с Гайдаром, уже осенью 1991-го, когда состоялось их знакомство, Ельцин осторожно спросил: кого Гайдар видит в составе кабинета?

Гайдар называл одну за другой фамилии. Никого из них (за редким исключением) Ельцин не знал, все это были люди совсем молодые, не имеющие никаких регалий. Ельцин спросил: почему Егор предлагает именно их? И Гайдар начал горячо ему рассказывать о том, что сейчас нужны абсолютно новые специалисты, с иными компетенциями, что вот Авен знает то-то и то-то, Нечаев — то-то, и наконец дошел до главного: «Поймите, Борис Николаевич, по сути, нам предстоит работать всего несколько месяцев, это будет очень короткое по времени правительство, которому предстоит провести ряд важнейших реформ, например отпуск цен, и они приведут к таким тяжелым социально-экономическим последствиям, что вряд ли мы удержимся дольше».

Ельцин смотрел внимательно и молчал. «Например, к каким?» — спросил он.

Быстрые темпы роста безработицы, падение уровня жизни, инфляция.

Ельцин спросил: сколько продлится этот тяжелый период?

Дальше мы можем сослаться на слова самого Гайдара. Никогда, писал он во внутренней рецензии на биографию Ельцина в серии «ЖЗЛ», в разговоре с Борисом Николаевичем он не произносил слов «шоковая терапия» и никогда не называл ему конкретных сроков: год или меньше.

Откуда же взялись эти «полгода, максимум год», о которых потом неоднократно говорил Ельцин? Эту цифру — вообще говоря, взятую с потолка — могли ему подсказать другие люди.

...Так вот, у этого исторического разговора была одна интересная деталь.

Ельцин ни слова не возразил, когда Гайдар обозначил ему тему «камикадзе» и довольно ясную перспективу — что правительство реформ вряд ли продержится больше нескольких месяцев.

По всем законам жанра (и административного жанра, и человеческого, и любого другого) он должен был что-то сказать в ответ: так что ж, вы рассчитываете со мной работать всего полгода? Как же так, откуда у вас такой пессимизм, вы же молодой человек?

Но он ничего этого не сказал.

А вернее, было так: «Он скептически улыбнулся, махнул рукой — дескать, не на того напали», — вспоминал Гайдар.

Махнул рукой — и все-таки ничего не сказал.

Бурбулис описывает это так: «точная, понятная, динамичная задача и решение» — все это «совпадало с рациональным типом мышления Ельцина». Говоря иными словами, идея «короткого», или «технического», правительства, которое быстро и по возможности жестко и бескомпромиссно выполнит свою задачу, а потом на место ему может прийти уже другое, — по всей видимости, была Ельцину вполне созвучна.

Для того чтобы понять, чем именно созвучна, — нужно вновь оглянуться на события августа — сентября 1991 года.

23, 24, 25 августа 1991 года. Похороны трех погибших (Илья Кричевский, Дмитрий Комарь, Владимир Усов), вылившиеся в огромную, двухсоттысячную или даже более, московскую манифестацию. Огромный триколор, который несли по улицам вслед за грузовиком-катафалком, прямая трансляция по телевидению. Речь Ельцина на ступенях Белого дома...

На этом уличные манифестации в Москве не прекратились. Огромная толпа собралась у здания ЦК КПСС на Старой площади и у здания КГБ СССР на площади Дзержинского. Пригнали кран. Памятник Дзержинскому демонтируют. Здание ЦК окружено, в него свободно проникают люди. Вскрыты сейфы. Охрана разоружена.

Того и гляди, здание ЦК загорится.

С огромным трудом посланцам мэрии удастся уговорить толпу не громить здание. Лозунг дня, витающий над мятежной площадью: «Они

уничтожают документы ГКЧП!»

То, что над гэкачепистами обязательно будет суд, даже не обсуждалось. Но для суда нужны документы. А их уничтожают — так считали все. Все ближе и ближе толпа подвигается к зданию КГБ СССР.

Такая же ситуация и в других городах — бывшие обкомы партии вмиг опустели, сюда приходят новые хозяева (как правило, представители исполкомов местных советов), вскрывают кабинеты, ставят свою охрану. В коридорах летают белые листы бумаги. Все ищут «секретные документы».

Прежней власти в стране практически нет. Новая — еще не установилась.

Чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР. Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР. Чрезвычайные собрания. Чрезвычайные митинги. Все требуют немедленных чрезвычайных мер. Требуют в прессе, по телевидению, со всех трибун.

И прежде всего — требуют чрезвычайных экономических мер.

В этой ситуации назначение нового правительства — шаг невероятно взрывоопасный. Не случайно сразу после августовских событий Ельцин уезжает в Сочи и берет паузу надолго. Его не раз потом за это упрекали — потерял темп, не арестовал тех, не запретил этих, «запил» (это ему предъявляли всегда, во всех случаях), «исчез». На самом деле — президент принял, в общем-то, правильное решение: политические страсти нужно было как-то утихомирить, а главное, понять, что делать дальше, кто будет проводить в жизнь программу тяжелых реформ (а то, что они будут тяжелыми, уже было ясно всем).

Если же в этой ситуации начать долгий процесс утверждения всего кабинета министров и сделать это обсуждение гласным, непосредственно на сессии Верховного Совета, это станет толчком к новому разгулу страстей.

В памяти было еще свежо похожее утверждение всех министров Верховным Советом СССР, когда Горбачев решил назначать весь кабинет персонально. Голосовали тогда, в 1990-м, за каждую кандидатуру министра — по шесть, семь, восемь раз. Утверждение растянулось на несколько месяцев. Это было иногда трагикомично.

Нет, он не может себе этого позволить. Если дать парламенту лоббировать ту или иную фигуру в новый кабинет — это станет кошмаром. За каждую фигуру, каждую позицию в кабинете министров будет битва. И подковерная, и открытая.

«Команда камикадзе», которая призвана осуществить непопулярные реформы, — это было точное, может быть, единственно верное решение в

накаленной обстановке осени 1991 года. К тому же оно развязывало президенту руки, давало свободу действий в том случае, если реформы пойдут слишком уж тяжело...

Надо сказать, что примерно через год, когда Ельцин уже успел полюбить Гайдара, сродниться с ним, когда съезд через колено ломал его, заставляя отправить в отставку молодое правительство, Борис Николаевич, безусловно, вспомнил тот их разговор. Вспомнил — что, да, примерно так и договаривались. Вспомнил — и не пошел на роспуск съезда. Для его «рационального типа мышления» это был важный момент. Гайдар его заранее обо всем предупредил.

Однако тогда, в сентябре 1991-го, все были полны воодушевления и надежд.

«Итак... — продолжает Бурбулис, — я приезжаю в Сочи (это уже октябрь 1991-го. — А. К., Б. М.). Добираюсь до Бориса Николаевича со всеми наработками с 15-й дачи (госдача в поселке Архангельское, где работала над программой экономических реформ команда Гайдара, о ней пойдет разговор позже. — А. К., Б. М.). Все ждали, что называется, не по дням, а по часам, что же там произойдет... Что хорошо было: в гайдаровских бумагах идея тут же сопровождалась шагами, инструментом. Закон — указ, указ — закон, постановление. И понятно было, что предлагается и как это сделать».

Да, Бурбулису была нужна внятная экономическая аналитика, но не просто с констатациями, а с уже вариантами выхода из кризиса, с «дорожной картой».

Ни о каких постах в исполнительной власти речи тем не менее не шло ни в одном разговоре с Бурбулисом. Однако уже в этот период Гайдара и команду не могла не посещать простая мысль: а кто же именно будет программу реализовывать?

Ответа на этот вопрос не было пока совершенно.

Еще в марте 1991-го, до падения СССР, как вспоминал Сергей Васильев, состоялся очередной международный семинар по переходной экономике в Париже, который проводил французский ученый Ален Мадлен, будущий министр экономики Франции: «Там были Машиц, Глазьев, Авен, Гайдар... Когда мы ехали в аэропорт, Петя Авен подсел ко мне в автобусе и начал говорить о том, что нам надо готовиться к тому, чтобы войти в правительство, потому что Валентин Павлов (глава правительства СССР, пришедший после Николая Рыжкова, член ГКЧП позднее, запомнившийся населению конфискационной денежной реформой. — А. К., Б. М.)... уже не сможет долго оставаться в

правительстве. После него, рассуждал Петя, придет Аркадий Иванович Вольский. Он отпустит цены, вследствие этого слетит, и вот уже тогда нам придется заступать».

Это был польский сценарий «шоковой терапии» 1989 года: последнее коммунистическое правительство освобождает цены, первое либеральное занимается финансовой стабилизацией.

Интересно, что похожие надежды были у группы Явлинского. Об этом свидетельствует эпизод, что называется, из личной жизни молодых ребят.

Осенью 1991-го член команды Явлинского Сергей Иваненко, передавая, как тогда было принято у молодых семей, детскую кроватку члену команды Гайдара Владимиру Мау, высказался в том смысле, что «вот сейчас вам придется отпускать цены, потом вас снесут и придем уже мы делать нормальные реформы».

Мау передал этот разговор Гайдару. Посмеялись...

А вот еще один эпизод, характеризующий атмосферу того тревожного, но полного надежд ожидания. «В июне 1991-го Гайдар, навестив команду Глазкова в Репино (эта группа работала над так и не реализованным проектом Ленинградской зоны свободного предпринимательства. — А. К., Б. М.), приехал домой к Чубайсу на его день рождения, — вспоминал Сергей Васильев. — И вот тут состоялся замечательный разговор по поводу того, кому же быть премьером. Чубайс говорил, что премьером должен стать Гайдар как интеллектуальный лидер, а Егор говорил, что премьером должен стать Толя, потому что он организационный гений».

Опять посмеялись.

Однако именно в этой схеме рассуждали тогда буквально все — приходит первое либеральное правительство, «команда камикадзе», она освобождает цены, принимает ряд других назревших, срочно необходимых указов — и уходит, а следующее правительство работает уже на этой, подготовленной ею почве.

Точно так же жил в этой схеме и сам Гайдар — он не планировал приходить в политику надолго.

Впрочем, то, что 1991 год разом смел все прежние иерархии и традиции, было и так понятно.

В сентябре рабочая группа, первоначально состоявшая из замов Гайдара по Институту экономики переходного периода Владимира Машица и Андрея Нечаева, совсем молодого Андрея Вавилова, Константина Кагаловского, тогда уже работавшего представителем России в международных финансовых организациях, а также Алексея Головкова, засела на 15-й даче в поселке правительства РСФСР «Архангельское».

Бурбулис предложил им писать программу. Еще одну программу — сколько их уже было в жизни молодого Гайдара! Однако сейчас, уже в иных исторических условиях, была надежда, что *эта* программа не пойдет в корзину.

Вскоре состоялась знаменитая встреча Ельцина и Гайдара.

...У Егора была одна интересная особенность. Будучи человеком не слишком общительным (помните это — «никогда не стремлюсь к избыточному общению с людьми?»), он магическим образом людей к себе притягивал.

Это было редкое сочетание — сильной замкнутости и мощного обаяния. Как это работало? Скорее всего, то была смесь — идеальной внутренней дистанции, которую Гайдар держал интуитивно в разговоре с любым человеком, и природного демократизма. Плюс его речь, которая ярко свидетельствовала о совершенно особом типе интеллекта.

Уже по первым его выступлениям по телевизору было видно, что этому человеку не нужно подбирать слова — он говорит так, что даже запятые и другие знаки препинания в его речи прекрасно слышны. Возможно, это было связано с памятью, мышлением, а возможно, тут сказывалась одна технологическая деталь, малоизвестная окружающим. Гайдар не умел печатать на машинке, а почерк у него был ужасный. К тому же писать от руки для него — это было слишком медленно, при его-то загрузке; и вот, начиная с какого-то момента, он все свои работы надиктовывал стенографисткам. В уме ему приходилось, как мы уже говорили, при этом держать огромные куски текста, включая целые ряды цифр, и даже не одного текста, а порой до десятка и больше. Поэтому и в обычной жизни, то есть в любом разговоре, у него была речь «как по писаному», сразу четко отредактированная и окончательно сформулированная. В сочетании с его памятью и способностью быстро мыслить это производило на окружающих сильное впечатление.

При этом он не был задраенным наглухо в своей башне из слоновой кости интеллектуалом, но человеком, которого можно было попросить постоять в очереди за вином в магазине «Ступеньки», сходить с ним в Сандуновские бани, поиграть в шахматы, попросить в долг, да и вообще о чем угодно.

Грубо говоря, это был свой парень, но гений.

«Егор прекрасно понимал и шутки, и комические стороны серьезных вещей. В этих случаях он никогда не перебивал, а, затаив дыхание, выслушивал фразу или историю до конца, как бы впитывая мысль и

готовясь на нее реагировать, а потом радостно хохотал. Иногда опираясь руками на два стола и даже болтая в воздухе ногами от удовольствия», — вспоминал друг Гайдара Вячеслав Широнин.

В каком-то из разговоров друзей Егора был сформулирован парадокс: Гайдар по своему типу личности был, скорее, «командиром подводной лодки», нежели чистым интеллектуалом. То есть человеком, в котором главным качеством были ответственность за команду и умение принимать тяжелые решения. В этом есть доля истины — всем, кто его близко знал, сразу было очевидно: в нем живут два характера, две линии (бажовская и гайдаровская), два человека. Один замыкался в себе и постоянно пытался «уйти в библиотеку», другой — объединял вокруг себя десятки и сотни людей, которые были готовы идти за ним.

Эту особенность Гайдара легко проследить по его влиянию на состав правительства (и многих последующих) Российской Федерации — там побывали многие из его круга, люди со всех его работ, всех институтов и редакций. «В результате сформировалось профессиональное сообщество, уже в течение двадцати лет лидирующее в экономической политике», как сформулировал Широнин. И дело было не в том, что он кого-то специально «продвигал», Гайдар никогда этого не делал — просто те, кто хоть раз попадал в этот круг, готовы были идти за ним дальше, чтобы вместе решать невыполнимые задачи.

«Реформы — это были не решения одного или двух человек. Реформы — это была команда, не знаю, в двадцать или сорок человек, вряд ли больше, которые постоянно генерировали какие-то решения. И сопротивляться таким реформам было крайне тяжело, потому что никогда нельзя было понять, с какой стороны последует следующее движение. И в конечном итоге реформа была как развязывание гордиева узла. Его нельзя было разрубить, его нужно было постоянно разматывать, узелок за узелком. И к этому большому-большому узлу советской экономики, которую в принципе нельзя было использовать как наследие, каждый человек подходил со своей стороны» — так говорил об этом экономист Сергей Алексащенко.

Да, этот азарт риска, преодоления, решения невыполнимых задач был очень близок всему их поколению... Унылая неподвижность советской системы порядком осточертела. В ее рамках уже невозможно было двигаться — ни на уровне страны, ни на уровне отдельной судьбы.

Итак, кого же Гайдар позвал в свою команду?

Понимая, что в ближайшие месяцы им придется пройти не просто

через трудные первые шаги, но практически через «идеальный шторм», он решил опираться на людей, которых очень хорошо знал лично и в которых мог не сомневаться.

Из самых близких, на кого он заведомо мог рассчитывать как на руководителей направлений и ключевых министерств, было четверо.

Анатолий Чубайс, вместе с которым они создавали «московско-ленинградскую школу», семинары на «Змеиной горке» и в других местах. Создавали первое неформальное сообщество, которое вышло за рамки «кружка» и позволило Гайдару ощутить свою силу. Чубайс, и это стало с самого начала понятно, был человеком воли, жестко организованным и амбициозным, и конечно, он был нужен в правительстве. И он, по мысли Гайдара, должен был возглавить самый болезненный, тяжелый участок: приватизацию.

Петр Авен, друг Гайдара со времен ВНИИСИ. Петя говорил очень быстро, посверкивая очками, был очень ироничен и довольно холоден внешне. Гайдар ценил его за интеллект, парадоксальность, за способность очень быстро все понимать и схватывать, и — за его порядочность и доброту, которую тот прятал за внешней бравадой. Авен имел наибольший из всех участников команды опыт жизни за границей — он работал в Международном институте прикладного системного анализа в Австрии, хорошо разбирался в сфере валютного регулирования. Конвертируемый рубль как цель был невероятно важен в их общей программе, без него не могла бы сложиться ни налоговая, ни банковская система. Гайдар предложил ему пост министра внешнеэкономических связей.

Андрей Нечаев, который в 1990-м, за несколько месяцев до этих событий, пришел работать в Институт экономической политики. Добродушный, невероятно контактный, спокойный, располагающий к себе — и при этом очень цепкий и дисциплинированный. Андрей был идеальным переговорщиком с промышленным лобби, «красными директорами», бывшими госплановцами; он отвечал в правительстве за все естественные монополии, за «оборонку», за «госзаказ», словом, за все, что труднее всего было переводить на рыночные рельсы.

Александр Шохин, бывший коллега Егора по Институту проблем прогнозирования (где у Александра Николаевича была лаборатория, а у Гайдара — «группа», в которой состоял один человек — выдающийся социолог Юрий Левада), с его опытом работы российским министром, и в целом в советской системе (одно время он был помощником Эдуарда Шеварднадзе). Он оказался естественным кандидатом на курирование социальной сферы: в первые месяцы существования правительства реформ

его статус вице-премьера формально был равновеликим статусу Гайдара. Ну и к тому же они дружили, несмотря на разницу в возрасте.

Было немало книг, которые Гайдар неоднократно перечитывал, знал близко к тексту — это и экономические, и исторические, и социально-политические труды из его библиотеки. Были и знаменитые романы, к которым он неоднократно возвращался, например романы братьев Стругацких, Солженицына.

Однако была и совершенно особая для него книга: «Три мушкетера» Дюма-отца, мы об этом уже говорили. Гайдар перечитывал ее как лекарство в минуты самого острого душевного дискомфорта, в тяжелые моменты своей жизни.

Так вот, в романе этом описана дружба — не просто как нравственное чувство, как благородная добродетель, а как некая важнейшая модель социального поведения. Мушкетеры редко говорят друг другу комплименты и делают пылкие признания. Напротив, они постоянно язвят, сыплют остротами, подкалывая товарищей, зато в любой ситуации опираются друг на друга и втягивают в свой круг всё новых и новых людей, вместе с которыми легче решить ту или иную задачу.

Так было и в гайдаровском правительстве.

Конечно, в состав того знаменитого «правительства реформ» попали совершенно разные люди. Например, Станислав Анисимов, министр торговли и материальных ресурсов — советский технократ, работавший в союзных ведомствах, знавший советскую экономическую машину изнутри. Или пример противоположного свойства: Владимир Лопухин — министр топлива и энергетики, первый, кого очень скоро убрали из кабинета министров, — блестящий молодой человек из академической среды, но при этом капиллярно знавший, что происходит на «земле», месяцами находившийся в командировках. Элла Панфилова, в 1991 году народный депутат РСФСР, затем долгожитель властных кабинетов и ныне продолжающая свой путь в политике, — у Гайдара она занимала пост министра социальной защиты (в контексте программы болезненных реформ это была очень актуальная позиция). Элла запомнилась прежде всего не своими действиями, а эмоциональными реакциями.

Существенную часть правительства Гайдар не контролировал — весь силовой, президентский блок. Андрей Козырев, министр иностранных дел, проводивший прозападный либеральный курс, членом гайдаровской команды не был, как и юрист Сергей Шахрай. В то время очень близким к Ельцину человеком, отвечавшим за «внутреннюю политику», был вице-премьер Михаил Полторанин. Его влияние было больше, чем у Козырева

или Шахрая.

Дальнейший путь этих людей сложился по-разному. Да и люди ведь были очень разные. Но тогда, в конце 1991 года, все они были объединены одной идеей — совершить прорыв. Идея захватила их настолько, что когда в ноябре 1991 года они провели первое заседание и Гайдар «от лица коллектива» предложил договориться: ничего для себя у президента не просить, никаких материальных льгот, никаких квартир и дач — все закивали и никто даже не думал возражать.

Впрочем, это было в русле тогдашних умонастроений.

Ельцин — а именно он в ноябре 1991 года возглавил кабинет министров, одновременно оставаясь президентом, — сделал идею «борьбы с партийными привилегиями» отправной точкой своей политической программы. Это тоже нельзя было не учитывать.

Вот фрагмент реальной стенограммы:

«Гайдар: Я хотел бы предложить членам нового правительства взять на себя такой набор очень простых и естественных обязательств на то время, пока они в нем будут пребывать.

Ельцин: Чтобы действительно могли бы называться правительством народного доверия.

Гайдар: Я предлагаю объявить жесткий мораторий на занятие любыми видами коммерческой деятельности.

Ельцин: Каждого члена правительства касается.

Гайдар: Я предлагаю отказаться от участия в приватизации собственности... отказаться... от улучшения жилищных условий...

Ельцин: У вас еще была декларация.

Гайдар: Да, и декларация. Все члены правительства добровольно представляют декларацию о доходах».

Леонид Григорьев — то ли в шутку, то ли всерьез — подал реплику: «Это можно, если правительство удержится». Публика заволновалась — а как быть иногородним?

Всю эту немного пафосную мизансцену разбавила реплика министра иностранных дел Андрея Козырева.

— Борис Николаевич, — сказал он, несмело подняв руку. — А я вот со своей пожилой мамой собираюсь съезжаться, квартиру обменять на пятикомнатную. Это ничего, как вы думаете?

Ельцин с трудом сдержал улыбку:

«Ну, смотрите, что важнее: пост министра или такой вопрос?»

Гайдар подал реплику под смех в зале: «Честно говоря, я не думаю, что мы очень много продержимся в этом правительстве».

Ельцин: «Нет, надо все-таки верить в лучшее будущее. Безусловно, иначе трудно будет морально работать».

Михаил Полторанин вступил в разговор: «Вообще от всего этого немного пахнет детским садом».

Для человека, который потом, когда все закончится, на каждом перекрестке будет поливать грязью правительство реформ и рассказывать небылицы про Ельцина, эта реплика была естественной.

Правительство Гайдара в результате четко придерживалось этих принципов. До такой степени четко, что после отставки Егора кто-то остался работать в аппарате ровно для того, чтобы теперь, после его отставки, улучшить, наконец, жилищные условия.

Борис Николаевич еще и еще раз приглядывался к Егору: насколько прочен его человеческий материал? Не слишком ли молод? Каково с ним будет взаимодействовать?

«...Понятно было, что предлагается и как это сделать... — эмоционально вспоминал через много лет Геннадий Бурбулис гайдаровскую концепцию, которая легла на стол Ельцину. — Проходим раз — Борис Николаевич: “Не могу. Как же так? Что, только так и не иначе?” — “Только так”. — “А есть другая возможность?” — “Нет”. И каждый день, пока мы теряем время на обсуждение, эти другие возможности безвозвратно тают, тают... Но финал такой: Ельцин говорит — если ничего другого нет, значит, будем делать так. Точка...»

Почему Гайдар смог убедить Ельцина? Версия Бурбулиса:

«...Он видит молодое дарование, которое достаточно спокойно и очень четко излагает свои взгляды, в отличие от разного калибра косноязычных невежд, от которых ему за эти полтора года пришлось послушаться всякой самоуверенной болтовни. Он получает убедительные ответы на сложнейшие вопросы и при этом еще и перечень мероприятий, как это сделать.

...У Ельцина мощный слух на то, что называется социальной глубиной. Он смотрит внутрь человека. Они еще немножечко там вспомнили “наши свердловские корни”: дедушка Бажов, улица Чапаева, детство Егора, “Малахитовая шкатулка”... Это какое-то редчайшее братание. Вдруг получается: мы из одних земель, из одной вулканической породы, одного корня... Потом, Гайдар — романтик. Вот этот утопизм, мифология большевистской удали, служения идее тоже в этом парне присутствует. И этот код историко-культурный и социально-романтический — все спрессовалось.

Вот эти три фактора: во-первых, ясность программы, во-вторых, четкость личностная, где сочетание хорошего ума с практичной волей, и эти предпосылки, историко-культурные коды: Бажов, Гайдар...»

Однако не все так безоблачно в этой схеме их межличностного взаимодействия (по Бурбулису):

«Не знаю насчет шока, но очарование было. И возникшее следом как бы покровительственное доверие. Он в Егоре почувствовал какую-то близость. Кстати, потом, когда какие-то головоломки возникали и ему надо было быстро принять какое-то решение, он все чаще передоверял это Егору, а сам дистанцировался. Это была уже обратная сторона возникшего доверия. Как только появился Егор, сам Ельцин стал быстро уставать, не мог дотошно вникать в суть проблем. Для меня это было удивительно, но еще больше я удивлялся, когда Егор очень быстро это принял...»

Итак, решение было принято.

Да, оно было принято. В это трудно было поверить... но оно было принято. Малоизвестный широкой публике, не имеющий никакого имени в политике молодой экономист стал вице-премьером, поначалу — министром экономики и финансов (вскоре министерство разделили на два, министром экономики стал Андрей Нечаев); в марте статус Егора вырос до первого зампреда, в июне — до и. о. председателя правительства.

Переведем дух и посмотрим — каковы же реальные обстоятельства того времени, как все это было обставлено и на каком фоне происходило.

Григорий Явлинский, работавший вице-премьером в российском правительстве с июля по ноябрь 1990 года, затем перешел в межреспубликанский комитет по управлению народным хозяйством, союзную структуру, где он проработал с конца августа по конец декабря 1991 года. Комитет был призван в ближайшее время заключить некий «межреспубликанский хозяйственный договор», упорядочить финансовую систему, ну, в общем, как-то свести концы с концами. Спасти, если говорить прямо, Советский Союз. Однако все союзные министры, управленцы, специалисты после событий путча находились в глубоком параличе. Явлинский позвал за собой молодых ребят из своей команды (у него, как и у Гайдара, был свой экспертно-консультационный коллектив, назывался он «Эпицентр») — Алексея Михайлова, Михаила Задорнова.

Как и гайдаровцы, они свято верили, что им что-то удастся сделать.

...Забегая вперед скажем: и Явлинский, и Михайлов, и другие члены команды станут на все последующие десятилетия яростными критиками гайдаровских реформ. Как и — с несколько иных позиций — Андрей

Илларионов. С энергией, достойной, наверное, лучшего применения, они будут разоблачать, клеймить Гайдара в статьях, книгах, исследованиях, блогах и публичных выступлениях. Пепел Клааса, как у героя Шарля Костера Тиля Уленшпигеля, будет стучать в сердце многих из них практически до самого конца политической биографии.

Поэтому отметим, что рассказ одного из них (Алексея Михайлова), который мы приводим ниже, — о том, как складывалась финансовая ситуация осенью 1991 года, — написан довольно яростным идейным врагом Гайдара.

Итак, через много лет Михайлов в своем личном блоге так описывал эти события:

«Я не верил в то, что путч окажется успешным. Был уверен в тупиковости того, чего хотят путчисты, и что мог, то и делал для его провала. Написал статью в “Общую газету” (такая вышла полулегально взамен всех закрытых) с высмеиванием экономической программы ГКЧП. Потому что говорить о ней серьезно было невозможно. Экономическая ситуация в стране была уже критической, финансы разваливались, предприятия стали неуправляемы, налоги не платились, а те, что платились — пытались забрать себе республики, планирование умерло, бюджет разваливался. Что было с внешними долгами — было совершенно неизвестно. Старый мир уже умер, а новый еще не возник».

Собственно, о них — внешних долгах — и пойдет дальше речь.

Совсем молодой еще парень, экономист Леша Михайлов начал, на свой страх и риск, собственное расследование:

«Я приехал в ВЭБ на проспект, названный позже проспектом Сахарова, выяснить ситуацию. Был уже вечер. Кабинет был огромен — наверное, метров 100 квадратных. А может, мне так просто показалось. В дальнем углу сидел человек. В кабинете было страшно надымлено. Не просто пахло сигаретами. Дальний угол, в котором сидел за столом человек, в этом дыму и разглядеть-то было трудно. Да еще освещение какое-то неполное, мрачноватое.

Я был готов к тому, что это не последний кабинет, который придется посетить. Что придется снова идти к Явлинскому и вместе с ним — к Горбачеву. Требовать, что-то кому-то доказывать, объяснять, зачем мне это надо... Но все сложилось совсем не так, как я ожидал.

Разговор начался с того, что хозяин кабинета, не говоря ни слова, налил в хрустальные стаканы коньяка: “Выпьем”. Утвердительно, не вопросительно. Из закуски — только толсто порезанный лимон.

Начало настораживало. Наверное, есть причины, подумал я. И решил

не отказываться от коньяка. А как еще установить контакт? Все работники союзных ведомств сейчас пьют горькую и понятия не имеют, что с ними будет...

Вместо слов он положил передо мной компьютерную распечатку и смотрел, пойму ли я в ней что-то. Я не понял. Несколько столбиков каких-то цифр, по датам на месяц вперед. В “шапке” — английские аббревиатуры. Он объяснил.

Точка X, — сказал он. — Вот она. 5 недель. Денег нет, СССР больше не сможет обслуживать свои долги.

Он не сказал, что это дефолт. Он сказал, что это п...ц. Он не говорил, что надо делать. Он ждал моей реакции... Я предложил налить еще. В общем, мы и не заметили, как прикончили ту бутылку. Я часа два пытал его: что да почему, как так сложилось, где деньги? А он разводил руками и говорил, что х... его знает.

Я его — про золото, а он за это не отвечает и не знает ни х..., потому что это сов. секретно.

Я его спрашиваю, можно ли перенести куда-то платежи? Он отвечает четко и ясно, как ни разу в этом разговоре:

— Нет. Все, что можно перенести — я уже перенес.

Можно ли отказаться от каких-то расходов? Тут уже не от чего отказываться. Тут остались только платежи по долгам СССР.

А какие вообще ожидаются поступления? Никаких поступлений. Внешторги (государственные экспортно-импортные конторы) уже давно не получают от нас денег и свалили на х... То есть как-то организуют свои операции вне наших счетов — что-то через Россию, что-то через границу... И поступления от них прекратились. А может, просто ни х... не делают больше — не знаю. Знаю, что из-за нас они влезли в долги на несколько миллиардов долларов. Потому, что по их поручениям мы платить уже перестали.

А у самого ВЭБа деньги есть? Формально — да. Счета внешторгов и экспортирующих предприятий, еще вклады людей. Только этих денег уже нет. Как нет? Как-как... все проср..., все ушло сюда — и тыкает в таблицу...

Я понимал, что валютное положение страны должно быть не очень. Всего я ожидал, но такого! Сверхдержава-банкрот. Банкрот с ядерным оружием. Это просто невероятно. И ни с какой стороны ничего больше не возьмешь — и так взяли уже то, на что прав никаких не имели. По существу ограбили клиентов — и людей, и компании. ВЭБ сам — полный банкрот. Через те же 5 недель. А ведь сам-то внешний долг СССР не так уж

велик, не мог он довести ситуацию до ручки. Страшная правда заключалась в том, что величина долга просто уже не имела значения. Имел значение дошедший до предела распад всей внешнеторговой деятельности СССР. Прекратились даже минимальные поступления валюты — все их увели из союзного ВЭБа республики и сами внешторги. И платить стало нечем.

Могу ли я взять таблицу? Важный вопрос. Если у меня в руках не будет этого документа — я не смогу сам никому ничего объяснить... В ответ — безразлично: бери. Типа не жалко. Типа, ну и что ты с ней будешь делать? Я сам еще не знал — что...»

Поразительное было время. Очкарик, который ездил на метро и, как все, выстаивал очереди с талонами на детское питание для ребенка, парень, не имевший никакого внятного удостоверения на руках (внештатный советник) — добился через Явлинского встречи с Горбачевым, от Горбачева — встречи с Джоном Мейджором (тогда Великобритания председательствовала в «семерке», в G-7), полетел в Лондон, предъявил премьер-министру те самые документы («совершенно секретные!»), договорился «в принципе» о реструктуризации долгов... (Интересно описание этой встречи на Даунинг-стрит и то, как всё выше поднимались у Мейджора брови по мере чтения документа.)

Но, увы, ничему из благих намерений уже не суждено было сбыться. За оставшиеся до 1 января недели золотовалютный запас СССР растаял окончательно. Давайте теперь обратим внимание уже на сами цифры.

«Вдруг информация по золоту недостоверна? Я начал дергать Явлинского, он еще кого-то там... Наконец часов в 8 вечера какой-то фельдъегерь (не знаю, как точно назывались тогда эти ребята) привез мне толстый запечатанный конверт. И даже не попросил за него расписаться. Сказал, что велено просто передать, и всё. Я испугался, что привезли какую-то туфту, и проводив егеря, с нетерпением распечатал его. Все, что мне надо, там было. И на каждой странице стоял большой красный штамп: “Совершенно секретно”...»

Я засел за изучение. И увидел, как золотой запас страны растворился за годы перестройки, что еще не заложенного где-то золота осталось на самом деле 240 тонн. Мне уже объяснили к тому времени, что центробанки не продают золото друг другу, а закладывают его, а потом просто не выполняют обязательств по выкупу. Вот она, динамика. Поступление. Расход. Все выглядит вполне правдоподобно. Я знал западные оценки в 5–6 тыс. тонн, иногда скромнее, но меньше 3–4 тыс. тонн не давал никто. А оказалось — что почти ничего и нет. 240 тонн не спасали ни в каком виде, не затыкали ни одну из дыр. Один из 4 моих пунктов спасения СССР от

валютного дефолта оказался пустышкой (Михайлов предлагал немедленно продать все золото, как средство спасения от валютного дефолта. — А. К., Б. М.). Но как же можно было довести страну до такого нищенского состояния?!»

А теперь предоставим слово уже Егору Гайдару. В книге «Гибель империи» он цитирует закрытые правительственные документы, которые ему удалось раздобыть уже после 1991 года:

«Председатель Государственного комитета СССР по закупкам продовольственных ресурсов М. Тимошишин — в правительство СССР (май 1991 года): “В настоящее время запасы хлебопродуктов крайне ограничены. Остаток муки по состоянию на 21 мая с. г. в целом по Союзу составил 1,5 млн. тонн, или на 15 дней обеспечения потребностей страны”».

Дело в том, что СССР, по традиции, покупал десятки миллионов тонн зерна — в других странах (США, Канаде, странах Латинской Америки). Сокращение доходов от нефтедобычи — эту динамику Гайдар подробно разбирает в своей книге, — а затем и неизбежный валютный дефолт привели к тому, что зерно купить было уже не на что.

А вот эта запись — из дневника помощника президента СССР Анатолия Черняева. 31 марта 1991 года, воскресенье:

«Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее — хлеб. Не хватает 6 млн. тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод. Из республик только Казахстан и Украина (едва-едва) сами себя кормят. Что в стране есть хлеб, оказалось мифом. Скребли по сусекам, чтоб достать валюту и кредиты и закупить за границей. Но мы уже неплатежеспособны. Кредиты никто не дает... Поехал к Н. Н., она еще болеет. Просила купить хлеба. Объехал с Михаилом Михайловичем всю Москву, начиная с Марьиной Рощи: на булочных либо замки, либо ужасающая абсолютная пустота. Такого Москва не видела, наверное, за всю историю — даже в самые голодные годы».

Итак, что же означал «валютный дефолт» во второй половине 1991 года?

Даже при наличии новых кредитов или реструктуризации внешнего долга (а ни того ни другого не произошло) на счетах внешнеторговых организаций не осталось валюты, чтобы платить за аренду торговых кораблей, платить зарплату своим собственным морякам, оплачивать

расходы на транспортные перевозки, то есть чтобы доставить в порты даже уже купленное ранее зерно и другое продовольствие. Не было валюты и для того, чтобы оплачивать весь дипломатический корпус, включая Внешторг, и все расходы, с этим связанные.

Горбачев по-прежнему пытался уговорить страны Запада дать в долг СССР значительные суммы.

«М. Горбачев в переговорах с Дж. Бушем, Дж. Мейджором повторяет, что Запад, нашедший 100 млрд. долларов, чтобы разрешить кризис в Персидском заливе в конце 1990 — начале 1991 года, не может не понимать, насколько важно предотвратить кризисный характер развития событий в Советском Союзе, что просто необходимо изыскать аналогичные по размеру средства, чтобы помочь руководству СССР решить острые финансовые проблемы страны. Цифра 100 млрд. долларов в его разговорах с руководителями западных стран упоминается неоднократно».

При этом позиция западных стран была очень благосклонной, их поддержка Горбачева — безоговорочной: «Хаос, межнациональные конфликты на территории разваливающейся, напичканной ядерным оружием мировой сверхдержавы никому не нужны. То, что лидеры Запада хотели сохранить СССР, хорошо видно по тональности выступления Дж. Буша в Киеве 1 августа 1991 года. Он пытается убедить украинские власти и общество в невозможности выхода Украины из Союза...» — пишет Гайдар в «Гибели империи».

Советское руководство не решилось на программу реальных экономических реформ. Западное руководство не решилось на масштабную экономическую помощь разваливающейся стране. Сто миллиардов Горбачеву дать не смогли. Не хватило политической воли — ни с той, ни с другой стороны.

Всё логично.

В этих условиях состоялся 28 октября 1991 года Пятый съезд народных депутатов РСФСР, на котором Ельцин объявил программу «неотложных экономических мер» и сказал следующее:

«Уважаемые народные депутаты! Граждане Российской Федерации!

Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Именно сейчас определяется, какой будет Россия, да и страна в целом, в последующие годы и десятилетия, как будут жить нынешнее и другие поколения россиян.

Обращаюсь с решимостью безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за поддержкой в этой решимости всех слоев населения.

Настало время принять главное решение и начать действовать.

Два месяца мы живем практически в новой стране. Провал антиконституционного переворота оказался провалом для всей тоталитарной системы, основанной на диктате КПСС и господстве консервативного центра! Репрессивная система управления опустошила Советский Союз, разрушила его экономику и рассыпалась сама.

Пришло время действовать решительно, жестко, без колебаний. Стартовая база известна всем. Положение напряженное. Трудно с продовольствием, товарами первой необходимости. На грани разрушения финансовая система. Инфляция достигла критической точки. 55 процентов семей живут ниже черты бедности.

Обстановка не улучшается. Победа демократии и свободы не покончила с экономическим кризисом, не примирила народы. Жизнь в стране сегодня при параличе власти стала более дезорганизована.

В новой ситуации особенно ярко проявились слабости российской государственности и вынужденные просчеты в тактике.

...Целый год каждый маленький шаг, даже попытку шага приходилось отвоевывать.

После провала путча такая линия изжила себя.

...Экономическая болезнь излечима. Необходимы лишь точный диагноз, строгие правила поведения и согласованные, конкретные действия. И Россия не раз в своей богатой истории показывала, что именно в периоды тяжелых испытаний она способна мобилизовать свою волю, огромные силы, таланты, ресурсы, подняться и окрепнуть.

Период движения мелкими шагами завершен. Поле реформ разминировано. Нужен крупный реформистский прорыв».

Депутаты съезда почти единогласно проголосовали за пакет реформ, предложенный президентом, с которым были детально ознакомлены. Пакет был понятный, давно известный и по программе «500 дней», и по другим программам — либерализация цен, начало приватизации, сокращение бюджетных расходов, изменения в сфере валютного регулирования и т. д. (Чем именно отличались программы Явлинского и Гайдара, мы поговорим позднее.)

Однако оглушительно новым было то, что прозвучала конкретная дата — январь 1992 года. То есть вдруг всем стало понятно, что то, о чем беспрерывно говорили уже два-три года — наконец будет сделано.

Ельцин оговорил себе «особый период», во время которого его указы в области экономической реформы будут иметь силу законов — он попросил год. Кроме того, он объявил, что сам возглавит правительство, ну, соответственно, и состав его в «особом периоде» — тоже прерогатива

президента.

Так началась новая эпоха.

Эпоха, которая — вопреки всем сегодняшним и тогдашним критикам ее — означала прыжок *через* пропасть (а не в пропасть). России буквально через несколько недель суждено было проснуться в иной реальности. И дело было не только в ценах, в инфляции, приватизации и прочем. Вслед за «политической надстройкой», которая шумно рухнула после 21 августа 1991 года, неизбежно обрушились и сами основы прежнего советского мироздания — от твердых цен до общенародной собственности на средства производства. От «идеологически-правильного», неизменного десятки лет курса рубля до государственной торговли. Конечно, эти изменения долго сами стучались в двери. Но сейчас двери открыли окончательно. Их открыли Ельцин и Гайдар.

В эти дни — между 15 сентября и 15 октября — Егор, наконец, поговорил с отцом, Тимуром Аркадьевичем:

«Вернувшись из Крыма, где был в отпуске, в Архангельское заехал отец. Я рассказал ему, как вижу экономико-политическую ситуацию, что происходит, что мы предлагаем делать. Отец согласился со мной в том, что предлагаемая стратегия начала реформ в России, видимо, единственно реальная. Когда же он понял, что, возможно, его сыну придется не только советовать все это кому-то, а самому садиться и исполнять, наверное, впервые в жизни я увидел выражение откровенного ужаса на его лице. И мне, и ему было понятно: если такой поворот состоится, вся жизнь, и не только моя, но и нашей семьи, в корне изменится. Разделится на спокойную, размеренную, интеллигентскую — до и абсолютно неопределенную, непредсказуемую — после. Отец посмотрел на меня, сказал: “Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь”»...

Это выражение «откровенного», неподдельного ужаса на лице отца легко объяснимо. Опытный человек, проживший жизнь в разных советских эпохах, Тимур прекрасно понимал, с кем будет ассоциироваться у широких народных масс тот ужас, который уже наступает. Вернее, уже наступил. Понимал он и то, какой груз падает на плечи его сына. Насколько он — просто физически, да и морально — не готов к таким стрессам.

Но этический код в семье Гайдаров неизменен: обещал — делай, сказал — держи слово, можешь помочь — помогай; а самое главное — не бойся. Не бойся рисковать. Не бойся идти вперед. Сколько лет он учил сына этому — теперь придется вместе с ним расхлебывать кашу.

Это отчаяние решимости (решимость отчаяния) — почувствуют в этот момент в Егоре все: и друзья, и недоброжелатели.

Вернемся к воспоминаниям экономиста Алексея Михайлова:

«Помню встречу в октябре — мы с Мишей Задорновым и Егор Гайдар с А. Чубайсом (его трудно было не запомнить). Кто, как и зачем ее организовал — убей бог, не могу вспомнить. Могу только предположить, что это был Леша Головков, помощник Г. Бурбулиса. В его духе. На ней было человек восемь, но кто — не помню.

За нами с Мишей были “400 дней”, “500 дней”, Гарвардская программа, работа в российском правительстве и КОУНХе (Комитете по оперативному управлению экономикой. — А. К., Б. М.), публичные выступления в прессе, на телевидении, во “Взгляде” Любимова. За Гайдаром не было... ничего. (Здесь Михайлов язвит по поводу работы Гайдара в «Коммунисте», не будем на это отвлекаться. — А. К., Б. М.)

Явлинский, став зампредом в Совмине России, пригласил в комиссию по экономической реформе Гайдара, Шохина, кого-то еще. Они все вроде бы не отказались и формально были назначены, но ни разу в заседаниях комиссии не участвовали и в Белый Дом не приезжали. Стрёмное это было дело — связываться с Россией... Перед этой встречей мы даже не предполагали, что у Гайдара уже есть позиция и даже тайный план и через месяц он получит власть для его реализации...

Говорил один только Гайдар. Что время упущено и теперь надо действовать радикально, в духе Польши. Отпустить цены и затем провести макростабилизацию. Мы, несколько ошарашенные его натиском, в ответ пытались объяснить, почему надо действовать более осторожно и поэтапно. Все то же самое, что мы объясняли очень радикальному Джефри Саксу полгода назад в Гарварде, когда писали вместе с ним программу реформ для России. Сакса тогда мы убедили (или он просто уступил и не стал дальше спорить?). Но Гайдар просто не слышал чужих аргументов, так был увлечен своими собственными... Поразил он меня тогда двумя заявлениями: что Россия должна проводить реформы сама, не оглядываясь на другие республики. Что республики — только нахлебники, хомут на шее России с ее нефтью и газом. И что Россия откажется от советского долга — как Ленин от долгов царского правительства.

Миша пытался объяснить, что у нас единое рублевое пространство, эмиссионный центр, внешние границы, платежный баланс, долги и т. д. — в одиночку никак не получится, ключевые полномочия для реформы находятся в руках союзного центра. Хотя, конечно, Россия должна быть

ведущей в реформах... Ничего, возражал Гайдар, все необходимые функции мы у Союза заберем.

Миша Задорнов пытался объяснить, что план Гайдара — политическое самоубийство. В той же Польше сначала коммунисты отпустили цены, народ “наелся” инфляции и взвыл. Вот тут-то им на смену и пришли либералы со спасительным планом макростабилизации. А если одно правительство будет и отпускать цены, и стабилизировать — это чересчур большая политическая нагрузка на него...»

Вероятно, эта угроза «политическим самоубийством» подействовала на Егора прямо противоположным образом. «Ах, вы говорите, что мы самоубийцы? Да мы знаем это лучше вас».

Иначе этот разговор вспоминает Григорий Явлинский — тоже из того, октябрьского периода 1991 года.

«Я же разговаривал с Гайдаром накануне всех этих событий. Я говорил ему: ты не думаешь, что ты делаешь авантюру? Это же авантюра. Просто в один день освободить контроль за всеми этими монополиями. Ну ты представь себе, там на десять областей один молочный завод. Ну как люди будут сдавать туда продукцию? Им же будут демпинг устраивать и у них же все пропадет. Ну как это все будет? Он же один, этот завод. Ты же отдаешь его красным директорам. Они же будут диктовать всю политику. Это все вместе будет авантюра. Он мне сказал: ну и что? Больше обсуждать было нечего. Ну и всё».

Цитата характеризует психологическое состояние Гайдара. Егор говорит с оппонентами крайне мрачно, не вступая в излишние дискуссии, прекрасно понимая, что во многом они правы, — и при этом понимая, что ждать дольше уже невозможно. Что стоя у последней черты, не рассуждают, какой ногой отталкиваться — левой или правой. Нужно прыгать. Во что бы то ни стало.

...Весной 2019 года в Екатеринбурге, в Ельцин Центре открылась небольшая выставка под названием «Страна отдельных недостатков». Наши коллеги собрали истории о продовольственных и промтоварных талонах — отрывки из дневников, документы, вырезки из газет, сами талоны и, наконец, устные истории, которые стали основой для мрачноватых, но все равно смешных комиксов.

Вот некоторые из них.

«Не замечая в силу своего юного возраста (мне было 16 лет) проблем в магазинах с теми или другими товарами, я поняла, что у нас дома закончилась зубная паста. Мама была в поездке. Паста закончилась, я

пошла по соседям.

Лестничная клетка.

Из одной квартиры раздается голос: — Ты разве не знаешь, уже давно в магазинах ее нет? Из другой: — Надо бегать, искать... Наконец, добрая соседка нашлась: — Держи, тут полкоробочки зубного порошку. Куда мама уехала? — В Ташкент. — Кстати, ты знаешь, что зубы можно почистить еще хозяйственным мылом?

Буквально через несколько дней пришла старшая по подъезду и принесла нам талоны на зубную пасту, мыло, и тут я поняла, что случилось такое время, что мы будем жить по карточкам, как в кино».

«В 1991 году умерла моя прабабушка. По этому случаю нашей семье полагались талоны на водку, моя мама пошла отоваривать эти талоны. Талоны давались на большое количество водки, примерно на 20 бутылок. Из очереди стали говорить — ну женщина, ну зачем вам столько водки? И часть бутылок я отдала...

А муж мне сказал:

— Ты допустила большую ошибку! Водка сейчас — это валюта!

Вскоре бабушка умерла.

Поскольку водки не было, рабочие отказывались вырыть могилу. Это было ужасно. Гроб стоял на земле. Весной, когда грунт оттаял, мама и папа сами закопали урну в могилу на кладбище (по всей видимости, пришлось совершить кремацию. — А. К., Б. М.)».

«Это был ноябрь 1977 года, у власти стоял Леонид Ильич, Борис Николаевич у нас был первый секретарь обкома, и мы как обычно поездом “Урал” из Москвы всегда везли мясо. Московские родственники всегда нам давали гречу, сгущенку, и вот мясо в том числе мы закупили в Москве. И вдруг в поезде услышали от земляков:

— У вас такая радость, вам дают свободно мясо.

— Как свободно?!!

— Так по килограмму на человека, по прописке, к 7 ноября.

Было 60 лет Октября, нам в ЖЭКе отрезали маленькие талончики, вот по этим талончикам без паспорта приходишь в магазин закрепленный. Вот в этом гастрономе в большой очереди стояли и получали по этим талончикам по килограмму мяса. Не просто получали, купить все равно надо было. Это были самые первые талоны, которые мне запомнились. Мне было 16 лет».

«Я хорошо запомнила 91 год, потому что у меня в марте дочь родилась. Буквально за три месяца до ее рождения в женской консультации мне выдали талон на получение детского приданого. Был такой магазин на

проспекте Ленина, назывался “Василек“, вот в этот “Василек” я получила талон на детское приданое. Продавщица начинает разговор:

— Выбирайте, розовое или голубое?

— Я ж не знаю, кто у меня будет. А есть у вас какой-то нейтральный цвет, например, зелененький?

— Есть желтый.

— Давайте желтый.

Ну и потом, интересные были лимиты на одежду для новорожденных. Одна фланелевая пеленка, одна фланелевая распашонка, один фланелевый чепчик и одни фланелевые ползунки. Один ситцевый чепчик, одна ситцевая распашонка и одна ситцевая пеленка. Беременная из очереди:

— Ну вот как хотите, так с этим и живите.

А еще как беременной мне полагалось по талонам молоко, литр в день. Мне выписали справочку, с которой пришла в один магазин, ни в какой другой, вот там было три магазина, но только вот в этот и ни в какой другой. Там продавщица, которая писала что-то в толстой тетради, сказала:

— Так, гражданочка, фамилия, имя, адрес. Надо разрезать тетрадочку школьную пополам, расчертить ее по дням и приходить, и в тот день мы ставим печать.

Я все это сделала: разрежала тетрадь, расчертила, поставила даты: 7 января, 8 января, 9 января. Прихожу все тот же молочный магазин, там стоят пять беременных с тетрадочками и эмалированными бидонами, мимо идет мужчина в халате и везет пустой бидон на тележке и говорит:

— Молоко не привезли. Мамаши будущие, давайте, приходите завтра!

Мы спрашиваем:

— А что, мы завтра придем, нам дадут по два литра? Как же сегодняшний литр?!

Работник магазина отвечает:

— Сегодня это было сегодня, а завтра-то оно же будет вчера.

Ну, я прихожу в соседний магазин, там вроде молоко есть.

Продавщица:

— Покажите ваш прикрепительный талон.

— У меня его нет, но у вас же есть молоко...

Она мне отвечает:

— У нас все по списку. Идите в свой магазин, ничем помочь не можем.

— Теперь без молока останусь?

— Без молока останетесь».

Из дневника литературного критика Игоря Дедкова (1934–1994).

29 декабря. Пенсионерам дают талоны на мясо в домоуправлениях (1

кг на пенсионера). Впрочем, не талоны, а “приглашения”. Получаешь “приглашение” и идешь в магазин. Сегодня “Северная правда” отправила своих представителей в магазин, чтобы получить мясо (по 1 кг на работника). Именно так “дают” мясо: трудовым коллективам. В магазине же сказали: берите тушу и рубите сами. Редакционные женщины возмутились и ушли. После телефонных переговоров с начальством, мясо обещано завтра: и разрубленное, и высшего сорта. Сегодня жена Камазакова, члена областного суда, целый день рубила мясо. Этому “коллективу” мясо выдали тушей. Рубили, взвешивали, торговали».

Надо сказать, что талоны, которые появились в Москве лишь в 1990 году, в провинциальных российских городах были уже довольно давно. Так люди жили начиная с конца 70-х. За еду (да и другие необходимые вещи, типа туалетной бумаги, стирального порошка и зубной пасты) нужно было *воевать* ежедневно. И с каждым годом бои становились все тяжелее. После неудачных экономических реформ Горбачева эта ежедневная битва за еду и товары первой необходимости практически превратилась в войну. Ну а во второй половине 1991 года война населением была уже проиграна. Январь 1992 года люди ждали с ужасом.

Гайдар писал в своих мемуарах:

«Осень 1991 года полна ожиданий катастрофы, голода, паралича транспорта, систем теплоснабжения. В цене печки-буржуйки. Самая распространенная тема разговоров: как будем выживать».

...Ну да, мы помним: у кого-то были в цене печки-буржуйки, у кого-то «мешок картошки», который обязательно нужно было добыть на рынке, в деревне у родственников, у крестьян с борта грузовика — где угодно. У кого-то — армейская тушенка из стратегических запасов, которую по приказу властей «выкинули» в магазины (и покупатели с некоторым ужасом рассматривали маркировку двадцатилетней или десятилетней давности). Кто-то пытался добыть продовольственную гуманитарную помощь стран Запада — например, сухое молоко, яичный порошок, пятилитровые банки с фасолью в томате. Для того чтобы все это добыть, уже не нужно было идти в магазин. Только сразу в подсобку, на склад, к «знакомым» или, попросту говоря, подкупленным продавцам и распределителям этой помощи. Строго лимитированная продажа по талонам продолжалась (талоны распределялись по месту жительства через домоуправления) — люди делали запасы водки, дешевых конфет, круп, чего угодно. Многие помнят, каким счастьем было добыть в 89—90-м годах детское питание из гуманитарной помощи или в специальных отделах магазинов для семей с детьми. Тогда, кстати, многие задумались о том, что

третьего ребенка в семье родить выгодно, всё же многодетным кое-что перепало. Югославские упаковки с яблочным пюре или нежный мясной паштет в крошечных железных баночках были настоящим спасением.

Позднее оппоненты Гайдара яростно утверждали, что никакой «проблемы голода» в стране не существовало. Вот, например, что говорил Григорий Явлинский в своем интервью, записанном в 2018 году:

«Это — неправда. Никакого голода в России не было. Это не соответствует действительности. Дело в том, что после путча по просьбе Ельцина и Горбачева я стал зампредом союзного правительства — это была моя не первая, а уже вторая политическая должность. Но это уже на союзном уровне. Был создан Комитет по оперативному управлению народным хозяйством. И я был в нем заместителем председателя. Там были Вольский, Лужков и я. Вольский занимался военно-промышленным комплексом, Лужков занимался гуманитарной помощью, а на меня выпало все, я занимался всем: школами, дорогами, железными дорогами, снабжением городов, всем. Система же перестала работать полностью. Новой не было, а старая закончилась. А начинался учебный год, а детям надо было идти в школу, а были же больницы и детские сады. Просто безграничное количество всего. Вот, я думаю, что вы не найдете ни одного свидетельства того, что осенью 1991 года где-нибудь был голод, или какая-нибудь там катастрофа с лекарствами, или еще что-то. Ничего такого выдающегося не было. Жизнь просто шла, и всё. Все было. В магазинах, да, не было. Но голода никакого не было. Это неправда. Потому что сломалась система распределения, а само материальное наполнение — оно было. А если поехать на Черемушкинский рынок, в Москве, то там вообще было все».

О том, как работала эта система распределения и при Горбачеве, и до него, мы видели на примере «историй о талонах». Она работала именно так. Мы не раз будем возвращаться к аргументации противников Гайдара (это очень важно), пытаться — не погружаясь в сложные расчеты и экономические теории, на уровне здравого смысла — разобраться, кто в чем был прав и не прав. Отметим здесь главное: Явлинский и его коллеги по программе «500 дней» искренне считали, что никакой голод стране не угрожает, что можно «затянуть пояса» и дальше жить в этой системе распределения продовольствия; народ как-нибудь уж продержится, не умрет (войну же как-то пережили, а тут вроде не война), что можно постепенно, шаг за шагом проводить в жизнь разумную экономическую политику: сократить бюджетные расходы, объявить приватизацию, как не раз говорил Явлинский, прачечных, булочных и авторемонтных

мастерских, автохозяйств, а уж потом — через год? два? три? — отпускать цены, чтобы на рынке появилась конкуренция, деньги населения были потрачены на приватизацию, а цены не взлетели в заоблачную высь.

Гайдар же считал иначе. И вот почему:

«Первая экономическая реакция на августовский путч, как я и ожидал, — уже на следующей неделе четырехкратное сокращение поставок зерна государству. Его просто перестали везти на элеваторы. Это естественно. Теперь-то зачем? Ради бумажек, которые по привычке именуют деньгами? Нет уж, лучше хлеб придержать, обменять при случае на что-нибудь полезное...

Бартер окончательно заменяет денежный оборот, и в особо тяжелом положении оказываются Москва и Санкт-Петербург — еще недавно демонстрационные витрины успехов административной экономики. Социально-экономическая структура этих крупнейших городов (военное производство, наука, культура, управление), малопригодная для бартера, традиционно высокая зависимость их населения от поставок по импорту делают проблему снабжения двух российских столиц неразрешимой. Никакими аргументами убедить регионы поставлять сюда продовольствие невозможно».

...Дело не только в зерне. Исчезли поставки других жизненно важных продуктов. Тому свидетельством — «водочные» и «табачные» бунты, которые состоялись в Ленинграде, Свердловске, Москве и других городах, когда народ сносил милицейские оцепления, останавливал движение общественного транспорта, разбирал строительные леса на арматуру и требовал любым путем доставить в большие города недостающий товар.

Словом, Гайдар считал, что времени *уже нет*. И красную кнопку нужно нажимать немедленно.

Так считал и Ельцин. Исходил он из вполне понятной ему категории, которую нельзя было свести ни к цифрам, ни к расчетам на душу населения, ни к другим показателям.

Главным «показателем» для Ельцина была не очень уловимая, не рассчитываемая даже социологически (хотя постсоветская социология уже делала первые шаги), не материальная и не математическая категория, при этом понятная любому партийному работнику — «настроение людей». Настроение тех самых людей, которые запасались яичным порошком из гуманитарной помощи, спиртом «Рояль» в отсутствие водки, добытыми в боях десятком килограммов круп, мешком картошки на зиму и прочим. Настроение тех, кто, в отличие от помощника президента СССР Анатолия Черняева, — не по просьбе своей знакомой и не на служебной машине с

шофером, а своими ногами каждый день шел в булочную за хлебом. Настроение тех людей, которые за годы перестройки устали от бесконечных правильных слов, лозунгов и обещаний — при том что очереди становились всё длиннее, а содержимое их продуктовых сумок — всё более эфемерным.

Именно это настроение людей и было той категорией, на которую, главным образом, опирался Ельцин, принимая программу «неотложных мер» Гайдара.

Он знал, что дольше медлить нельзя. Иначе — снесут любую власть. Любой порядок. Любое государство.

Впрочем, и у Гайдара была своя «трудноуловимая категория», которая подспудно влияла на все его рациональные решения, — собственные дети.

В 1990-м, как мы уже писали, у них с Машей родился сын Павлик. Довольно часто в их семье жили (с перерывом на дедушек и бабушек) дети от предыдущих браков — у Егора сын Петя, у Маши сын Ваня.

В 1991 году с Павликом случилась беда, он сильно заболел.

«Прежде чем отправиться в Архангельское, где меня ждала моя команда — будущие министры и их заместители, — заскочил домой. Маша была встревожена, у сына высокая температура, он тяжело дышит, почти задыхается, велено поставить банки, а медсестры нет. Первое, что мне довелось совершить, став министром и вице-премьером, — это поставить банки своему годовалому сыну».

Егору сразу вспомнился случай с Петей, старшим сыном, которого несколько лет назад пришлось отпаивать из пипетки по совету врача. Тогда он отпаивал сына целую ночь. Сейчас потратил на банки часа два.

У всех молодых реформаторов были маленькие дети. Молодые ребята — всем им было немногим за тридцать. Пеленки, кровати, манежи (передавая друг другу кроватку, члены команд Гайдара и Явлинского, как мы помним, обсуждали, кто освободит цены, а кто проведет макростабилизацию). Детские кухни. Тогда они были спасением — и в Москве, и в других городах: по справке от врача каждый день можно было получить в маленьких пакетиках прекрасный творожок, кефир и детское молоко. В магазинах в свободной продаже уже молока не было.

Вспоминают очевидцы:

«Сын родился в марте 1990 года. Нам выписали с пяти-шести месяцев молочную кухню. Кефир, молоко, творог, мясной бульон, фарш (в стеклянных бутылочках и баночках) до года по справке из детской больницы. Педиатр выписывала рецепт, мы его оплачивали, недорого, кстати. С одного месяца до пяти покупали по справке из детской

поликлиники на месяц детское питание в жестяных банках — Нутрилон. С года нам давали справку, по которой мы могли купить в магазине “Доброе утро” один литр молока ежедневно в отдельной очереди».

«В 91-м я развозил благотворительное французское питание по молочным кухням, значит, проблемы были. Помню, попросил сидевших в очереди папаш помочь с разгрузкой. Все меланхолично отвернулись к окну. Я с тех пор думаю, что такие папаши в очереди за благотворительностью — ублюдки еще те».

Советская система детского питания, детского здравоохранения продолжала держаться все 90-е — из последних сил, благодаря гуманитарной помощи, благодаря мужеству врачей и медсестер. Однако невооруженным глазом было видно: еще немного, и швы расползутся, система начнет рушиться. Как во всем этом растить своих детей?

...У Гайдара была еще одна, своя, глубоко личная ниточка в этой общей теме. Первая жена Ира вышла замуж за художника Смирнова, его позвали работать в Боливию, он уехал; вместе с Ирой в далекую жаркую страну отправилась и дочь Гайдара Маша. Туда же собрался уезжать и Петя. Егор не знал, вернутся они или нет. Не знали об этом и бабушка с дедушкой — Ариадна Павловна и Тимур Аркадьевич.

Гайдар категорически не хотел дожидаться того момента, когда гуманитарная помощь кончится и молоко с творожком на молочных кухнях выдавать перестанут, того момента, когда врачам и медсестрам нечем будет платить зарплату, когда жена Маша тоже заговорит об отъезде... Он не представлял себе, как уговорить родителей уехать из страны, если вдруг это случится. Такое было бы просто невозможно — при характере Тимура Аркадьевича.

И он дал себе слово сделать все, что в его силах, чтобы этого не случилось.

Особенно ярким был контраст между нормальной, устойчивой жизнью за границей — и той, которая всегда была в СССР, а теперь стала и вовсе невыносимой в бытовом плане.

«Осенью 1991 года мы поехали с первым официальным визитом в Германию, — вспоминала в своих мемуарах Наина Иосифовна Ельцина. — Жена бургомистра Кельна предложила мне пройтись по рынку. Я такого в жизни не видела. Огромный павильон, чистота, вкусно пахнет. На одних полках — мясо и птица, на других — рыба, на третьих — ягоды и фрукты. А я буквально вчера — из Москвы, где все по карточкам, а из фруктов — только яблоки. Да и то потому, что осень и урожай только что сняли. Как раз перед визитом смотрела телепрограмму, в которой известный врач-

педиатр говорила, что дети у нас остаются без витаминов зимой, поэтому часто болеют. Стою на этом рынке и чуть не плачу.

Вечером вышли с Борисом прогуляться. Идем мимо сверкающих витрин — мне даже не по себе. Все — как в кино. Если стоят туфли, то рядом сумка им в цвет. Мы такого вообще не видели. Конечно, без этого, в отличие от витаминов для детей, прожить можно...

Когда вернулась в Москву, зашла в обувной магазин. Там стояли кооперативные полусапожки из войлока — больше никакой обуви не было. Заглянула в магазин “Лен” у Тишинского рынка. Висят два или три капроновых полотна ядовитого цвета. И всё. Ни других тканей, ни простыней, ни наволочек. Это всё мелкие бытовые детали, но они помогают представить, в каком состоянии страна досталась новой власти».

Однако в 1991 году речь шла не об изобилии. Речь шла о выживании.

Мысль о том, в каком обществе, в какой стране, с какими магазинами и всем прочим будут жить их дети и внуки, реформаторов, конечно, тоже волновала.

...Несмотря на то, что программа реформ уже была утверждена и, больше того, президент Ельцин объявил ее на съезде — все в целом еще было неустойчиво, все качалось и колебалось в судьбе Егора.

«Ельцин, — пишет Гайдар в мемуарах, — уже в качестве главы Совета министров, продолжает консультироваться с нами о его составе. Если не ошибаюсь, 3 ноября из информированных источников приходит новость: принципиальные решения приняты, Явлинский со своими коллегами возвращается в российское правительство, я буду экономическим советником Ельцина.

Не убежден, что Григорий подходит для роли, которую необходимо играть в это время. Боюсь, что будет под разными предлогами уходить от неизбежного решения по либерализации цен. И все же такое чувство, как будто только что выскочил из-под колес мчавшегося на тебя поезда. Самое тяжелое все-таки достанется не нам, за нами куда более спокойная, привычная, комфортная роль советников. На следующее утро выясняется — информация была неверной, Григорий Явлинский отказался.

В этот момент окончательно понимаю: по-видимому, работа в правительстве неизбежна, отсидеться в советниках, переждать самое трудное время не удастся. Именно мне, в 1987–1990 годах, наверное, громче всех предупреждавшему о страшной опасности либерализации цен при расстроенных государственных финансах и хаосе в денежном обращении, теперь придется платить за перебитые горшки.

5 ноября. Телефонный звонок. Президент подписал указ: первый вице-

премьер — Г. Бурбулис, вице-премьер, министр экономики и финансов — Е. Гайдар, вице-премьер, министр труда и социальной защиты — А. Шохин. То, что это должно было случиться, я чувствовал, и все же сообщение грянуло, как гром, разом отделив все, что было в жизни до того, от неведомого будущего. Из советника я превратился в человека, принимающего решения».

Подтверждают эту версию и воспоминания Андрея Нечаева:

«Когда рассматривался вопрос о том, чтобы Явлинский возглавил экономический блок правительства России и взялся за претворение в жизнь радикальных реформ, Григорий Алексеевич поставил достаточно жесткое условие, что должен быть премьер-министром, и не меньше. При тогдашнем раскладе политических сил это условие почти априори было неприемлемым, и Явлинский об этом не мог не знать.

Тогда же, естественно, возник и другой вопрос: если имеющаяся и уже озвученная президентом программа радикальных реформ написана одними экономистами, то почему во главе команды надо ставить совсем другого человека, хотя и известного экономиста? Бурбулис попытался найти компромисс: мол, пусть Явлинский будет вашим начальником, но “управляемым”, то есть будет слушать и слушаться всех нас и не будет лезть в политику. Последнее для Бурбулиса было особенно важно. Помню наш ночной разговор на 15-й даче, куда Бурбулис приехал после Госсовета и заявил: я провел переговоры с Явлинским, утром должен состояться следующий разговор. Явлинский соглашается на такой вариант: номинально он станет во главе, а на самом деле будет мне и вам подчиняться. Возникла небольшая пауза. Первым среагировал Костя Кагаловский, сказав: вы, конечно, можете договориться с волком, что он серых зайчиков будет кушать, а белых — не будет. Но эта договоренность будет действовать лишь до тех пор, пока вы не откроете клетку. И мы все стали убеждать Бурбулиса, что эти договоренности — блеф Явлинского...

Но и Явлинский тогда отнюдь не рвался в бой. Помоему, он и ставил свои практически неприемлемые условия, чтобы они не были приняты. Ему, вероятно, казалось, что он нашел беспроигрышный вариант. Или он приходит позже, когда самая тяжелая, рискованная и непопулярная работа выполнена и ему достанется роль реформатора-триумфатора, или, если реформы провалятся, он скажет: я же просил всю полноту власти, но вы не дали — вот и результат!»

Однако сделаем шаг назад и вернемся на 15-ю дачу, в «Архангельское», где работала в сентябре группа Гайдара, где сочиняла

свою концепцию.

На 6-й даче сидела, работая над такой же экономической программой, но только без мандата Бурбулиса, группа Евгения Сабурова — а год назад там же трудилась группа Шаталина — Явлинского над программой «500 дней». Вот как вспоминал об этом сам Гайдар:

«Атмосфера 15-й дачи — все более обостряющееся чувство тревоги за судьбу страны. Приглашаем сотрудников бывших союзных министерств, ведомств. Многих знаем по прежним годам как компетентных специалистов, пытаемся с их помощью понять ситуацию в критически важных сферах деятельности. Валюта, хлеб, горючее, заключение договоров на 1992 год, отношения с кредиторами. Складывающаяся по их информации картина происходящего в стране поистине катастрофична.

Денежная эмиссия растет, валютные резервы тают, потребительский рынок полностью разрушен, заключение договоров на следующий год практически на нуле. В союзных органах власти — ситуация тягучего безвластия и беспомощности. Никто ничего не хочет решать, делать, брать ответственность на себя. Ельцин, после августовских событий, — на юге, в отпуске. Конкурирующие политические силы пытаются перетянуть его на свою сторону.

Неоднократно заходит Евгений Сабуров. В 1991 году, вскоре после отставки Явлинского, он выдвинулся на лидирующие роли в формировании экономической политики российского правительства. В это время — заместитель председателя правительства, министр экономики. Знаю его давно, как и тех, кто пришел с ним работать, его заместителей, — Володю Лопухина, Ивана Матерова.

Сабуров рассказывает о критической ситуации с зерном. И вместе с тем ратует за необходимость сначала провести приватизацию, а потом уже браться за размораживание цен. Приватизация не в его ведении, за нее отвечает другой заместитель председателя правительства — Михаил Малей. В ней ничего не стронулось с места...

Сабуров еще верит в возможность заключения работающего экономического договора между республиками... Соглашения подписываются с таким количеством особых мнений и замечаний, что их нежизнеспособность очевидна.

Общее ощущение — очень многое знает, чувствует трагизм и критичность ситуации и в то же время не хочет брать на себя ответственность за тяжелые и непопулярные меры, как будто надеется, что все само собой образуется и удастся избежать самых социально конфликтных решений».

Оставим здесь в стороне скепсис Гайдара по отношению к «конкурирующей» команде. И приглядимся к Сабурову. Ведь это — еще одна альтернатива гайдаровским реформам. Сабуров на десять лет старше Гайдара, вообще он фигура необычная, интересная — свои экономические таланты Евгений Федорович совмещал с литературой, был очень интересным поэтом. Искал применения своему экономическому дарованию в разных областях — был заместителем министра образования, проводя вместе с Эдуардом Днепровым школьную реформу, возглавлял правительство автономной республики Крым. Те, с кем он работал, — Владимир Лопухин, Владимир Машиц, позднее стали министрами в правительстве Гайдара.

Правда состоит в том, что окажись они на месте Гайдара — им пришлось бы волей-неволей делать все то же самое.

Ситуация уже не оставляла другого выхода. Трех-четырёх лет для плавного сокращения бюджета и плавного освобождения цен уже не оставалось.

Власти сидели попросту на пороховой бочке. И это очень хорошо понимал Гайдар, называя свою программу «обостряющим сценарием».

Так был ли все-таки другой выход из ситуации? Имелась ли какая-то альтернатива? Неужели было невозможно сделать как-то иначе?

Давайте будем честными — конечно, выход был! Конечно, альтернатива была!

Программа экономических реформ (которая вошла в историю как «гайдаровские реформы») — на самом деле была итоговым детищем *целых поколений* прогрессивных советских экономистов.

Можно вести отсчет (если мы говорим именно о советской эпохе) начиная с 1920-х годов, с Григория Сокольников и экономистов его круга, то есть с эпохи нэпа; можно — с «косыгинской реформы» и ее главных авторов в 60-е. Но так или иначе, история с частичным отказом от «социалистического планирования» и тотальной «общенародной собственности» на средства производства тянулась через весь XX век. Тянулась, несмотря на железные догмы марксистско-ленинского учения.

Да, представьте себе, и в советское время были смелые люди, которые доказывали и даже жизнь положили на это: *так нельзя, так* — не работает.

Многие из них, как мы уже говорили, поплатились за это жизнью — например, двоюродный дед одного из авторов этих строк, работавший с Куйбышевым в Госплане СССР и доказывавший с цифрами в руках, что «успехи первых пятилеток» построены на дутой статистике. Другие — уже

позднее, в 60-е, — как, например, Евсей Либерман, были «отодвинуты» в сторону брежневской эпохой и заслужили лишь «право на молчание».

Сам Гайдар столкнулся с попытками провести серьезную экономическую реформу в СССР еще в 1983 году, когда попал во ВНИИСИ и начал готовить справки и материалы для Комиссии Политбюро, секцию в которой возглавлял Джермен Гвишиани. Гайдару было в ту пору 27 лет. И где бы он ни трудился, его потом постоянно привлекали к работе подобных комиссий в течение долгих восьми лет.

Комиссии менялись, состав их тоже, менялись фамилии разработчиков реформы, экономических академиков, экспертов, но суть оставалась прежней — руководство страны не могло найти политической воли, чтобы приступить к реализации предложений ученых.

Итак, об альтернативе. Для начала — цитата из самого Гайдара. Вот как он оценивал последнюю такую советскую программу реформ, «400 дней», подготовленную Григорием Явлинским и его коллегами: «Содержательно в ней не было ничего особенно нового, — писал Гайдар. — Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию... Но в политическом плане рассчитанная на короткий срок и расписанная по дням программа построения в Советском Союзе развитой рыночной экономики — это именно то, что было необходимо Ельцину и той части элиты, которая пошла за ним».

В одной из последних (и важных) своих «правдинских» статей Гайдар писал: «Свободные рыночные цены, балансирующие спрос и предложение, — прекрасный регулятор хозяйственных процессов... Но достоинство таких цен проявляется при одном непременном условии — финансовой стабильности. Когда же в стране бушует инфляция, общий уровень цен быстро растет, резко и непредсказуемо изменяется соотношение цен различных товаров, вся система рыночного экономического регулирования приходит в расстройство... Возникает ситуация экономической нестабильности».

В статье Гайдар пытался поддержать программный документ, подготовленный сотрудниками академика Леонида Абалкина — Евгением Ясиным и Григорием Явлинским.

В июле 1989-го Леонид Иванович Абалкин неожиданно был назначен заместителем председателя Совета министров. По сути — именно для того, чтобы «проводить реформу». Впервые видный экономист, да еще столь прогрессивных взглядов получал в руки серьезные рычаги исполнительной

власти. Замаячила слабая надежда... В сентябре Евгений Григорьевич Ясин принял приглашение поступить на работу в аппарат правительства.

Меньше чем за месяц в пансионате Совмина Союза «Сосны» Ясин и Явлинский написали концепцию перехода к рынку. Интересный, кстати, это был альянс двух экономистов — один из старшего поколения, невысокий лысоватый одессит с ироническим прищуром, и другой — совсем молодой, с буйной шевелюрой, родом из Львова, в молодости занимавшийся боксом, всегда уверенный и азартный в своих аргументах.

Ясин вспоминал: «В октябре 1989-го состоялась конференция в Колонном зале Дома Союзов, по улице ходили демонстранты с плакатами “Долой абалканизацию всей страны!”. Мы были неизвестны, потому что наши фамилии нигде в документах не значились. Все дерьмо валилось на Абалкина».

Перед Вторым съездом народных депутатов СССР в декабре 1989-го рассматривались три варианта реформы. Тот самый концептуальный документ, подготовленный Ясиным и Явлинским, под названием «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры»; второй — директивы тринадцатого пятилетнего плана, подготовленные группой первого зампреда Совмина, председателя Госплана СССР Юрия Маслюкова, опытного экономиста-практика, но не менее искушенного аппаратчика; и еще один, третий документ, в котором были сформулированы способы решения текущих задач, — от группы другого зампреда правительства Льва Воронина.

Как водится, радикальную абалкинскую бумагу (хотя не такой уж радикальной она была) отложили на два года и решили жить по-старому, готовясь к «тринадцатой пятилетке».

...Никто еще не понимал, что никакой «пятилетки» уже не будет.

Это был какой-то заколдованный круг, бесконечное дежавю: ровно за год до этого, в 1988-м, в тех же «Соснах» готовился доклад Рыжкова о долгосрочных перспективах развития экономики. И Гайдар, и Явлинский тоже принимали в этом участие (там, кстати, и познакомились).

Тогда ими, «молодыми гениями», руководил помощник премьера Владимир Саваков, всякий раз возвращавшийся из Совмина разочарованным: начальство не воспринимало новых идей.

Как с сочувствием писал Гайдар: «От Явлинского требовали четких и точных расчетов бурного повышения уровня жизни советского народа на ближайшее десятилетие, сведений о том, сколько яиц придется на каждую советскую душу в двухтысячном году. Он отбивался, как мог, пытаясь донести до начальства комизм яичных обещаний, впрочем, безуспешно.

Шутки воспринимались плохо».

Ясин и Явлинский предлагали Абалкину подать в отставку и дружно уйти из правительства (это уже в 1989-м), объявив об этом прямо на Втором съезде народных депутатов. Нет, не были поняты. Не ушел Абалкин. Все продолжало крутиться по-старому.

В феврале — марте 1990-го они сделали еще одну попытку что-то изменить.

...Премьер Николай Иванович Рыжков, улетая с визитом в Малайзию, поручил вице-премьеру Маслюкову готовить вариант полного отказа от радикальной реформы «по Абалкину». Однако неожиданно что-то у них пошло не так. Юрий Маслюков (именно он станет первым замом в правительстве Евгения Примакова через десять лет) неожиданно обратился за помощью к конкуренту, академику Леониду Абалкину.

У академика была бумага, которую он собирался передать Горбачеву, — еще одна концепция. 13 страниц, написанных теми же Ясиным и Явлинским.

Когда Рыжков приземлился после поездки в Малайзию, у трапа самолета ему были поданы две бумаги на выбор: вариант отказа от «радикализации» и... 13 страниц Ясина и Явлинского. Бумаги предваряла совместная докладная записка Абалкина и Маслюкова, где предлагались аргументы в пользу концепции «одного удара» — внедрения рынка с 1 июля 1990-го или 1 января 1991 года. Вот что они тогда писали:

«Предлагаемое решение представляет собой весьма дорогую цену за реформу, но она будет стремительно возрастать, если сама реформа будет откладываться на неопределенный срок».

И — о чудо! — Рыжков согласился.

Была дана официальная команда на подготовку радикального программного документа. На Третьем съезде народных депутатов в марте 1990-го Горбачев должен был быть избран президентом СССР, о чем Ясин с Явлинским заранее не знали.

В конце марта, уже после избрания Михаила Сергеевича президентом, новая программа была готова.

Ее стержень — либерализация цен (а не административное их постепенное повышение) и ужесточение финансовой политики. Специалисты на базе Главного вычислительного центра (ГВЦ) Госплана рассчитывали по своей модели возможные «последствия реформ». Премьеру Рыжкову о результатах работы докладывал Яков Уринсон. В тот момент, когда были названы цифры возможной безработицы, обычно корректный Николай Иванович впал в тяжелую ярость.

Тогда ГВЦ чуть не разогнали...

В то же самое время на Горбачева поддавливали с другой стороны: была придумана модель «100 первых дней президента». В «Волынском», по воспоминаниям пресс-секретаря генсека Андрея Грачева, засели «сразу три бригады “писарей”, имевшие каждая свои поручения и своего творческого руководителя. Усаживаясь в обеденное время за длинными, уже уставленными закусками столами, члены групп ревниво поглядывали на партнеров».

На подготовку экономической составляющей «100 дней» были брошены помощник генсека Николай Петраков, два зама экономического отделом ЦК КПСС Владимир Можин и Анатолий Милюков, а также мозг и основное перо этого документа, тогдашний молодой консультант ЦК Борис Федоров (в дальнейшем первый вице-премьер и министр финансов России).

Борис Федоров писал в своих мемуарах: «В результате получился, на мой взгляд, весьма солидный — для того времени — программный документ, который Н. Петраков передал первому и последнему Президенту СССР М. Горбачеву. Мы все были очень взволнованы — хотелось верить, что нам удалось, наконец, *повлиять на ход событий в экономике* (курсив наш. — А. К., Б. М.).

Н. Петраков рассказал, что М. Горбачев с большим вниманием ознакомился с проектом и долго повсюду ходил с папочкой, в которой находился этот документ... Однако вскоре наш энтузиазм спал — за первые 100 дней своего президентства М. С. Горбачев не принял ни одного указа из нашего пакета».

Трудно сказать, почему Горбачев, призвав на разработку программ практически всех радикально и современно мыслящих экономистов, имея на руках несколько пакетов разработанных детально программ, остановился.

В чем была природа этого оцепенения?

Здесь можно строить разные предположения, и ответ на самом деле знал только сам Михаил Сергеевич. Возможно, он решил «отложить экономику» до решения важнейших политических задач (подписания Союзного договора, например). Возможно, его категорически не устраивали уже обсчитанные темпы повышения цен, темпы безработицы, появление нового класса собственников и возможный при всем этом взрыв социального недовольства. Мы не знаем, мы можем строить только догадки.

Но факт остается фактом — он оцепенел, застыл как вкопанный.

Этот эпизод — подготовка экономической программы для президента СССР группой Петракова — Федорова — нашел свое отражение и в набросках Гайдара к книге «Дни поражений и побед»:

«В марте 1990 г. позвонил помощник президента Н. Петраков и попросил меня подъехать, глянуть на некоторые бумаги... Бумаги оказались важными. К тому времени скрытая внутренняя полемика Петракова с Рыжковым о направлении реформ становилась заметной, и Петраков, опираясь на экономический отдел ЦК, потом частично перешедший в структуру президентского аппарата, начал готовить свой блок программных документов. Большую и полезную роль в их разработке сыграл консультант этого отдела Борис Федоров».

Программа предполагала либерализацию цен, но — по еще существовавшим в то время возможностям — с предваряющими ее действиями: сокращением оборонных расходов, введением конвертируемости рубля, приватизацией. «Казалось, — писал Гайдар, — М. Горбачев тоже воодушевлен подготовленным проектом. Он то и дело приглашал к себе Н. Петракова, даже нетерпеливо звонил ему в машину, внимательно знакомился с документами. Думалось, вот-вот сейчас все начнется...»

Больше того, Егору Гайдару поручили подготовить проект речи — телевизионного выступления Горбачева, предваряющего принятие пакета реформ. «Должен признаться, — писал Егор, — никогда еще не работал с таким искренним увлечением».

...И вот удивительный документ, который Егор почему-то не опубликовал — возможно, из уважения к Михаилу Сергеевичу. Но документ абсолютно исторический — *несостоявшаяся* речь Горбачева по телевидению, написанная для него Гайдаром:

«Рынок нужен нам сегодня, чтобы раскрепостить человека, задействовать огромный творческий потенциал народов нашей страны, вернуть ей достойное место в кругу развитых государств, чтобы подвести экономический фундамент под начатые демократические преобразования, подорвать основу всевластия распорядительного аппарата, чтобы сделать прилавки наших магазинов полными, рубль полновесным, а жизнь советских людей обеспеченной».

Позднее, уже в двухтысячные, Михаил Сергеевич напишет книгу под названием «Союз можно было сохранить». Это вообще станет идефиксом его многочисленных статей и выступлений — Советский Союз можно было сохранить, если бы не августовский путч, если бы не деструктивная роль Ельцина, если бы руководители республик подписали новый союзный

договор, и так далее, и так далее...

Возможно, Союз можно было бы сохранить (или хотя бы попытаться) — если бы тогда, в 1990-м, Горбачев произнес эти написанные Егором Гайдаром слова. И запустил, наконец, те реформы, которые умоляли его начать *все* привлеченные им группы экономистов. Да не то что умоляли, на коленях практически стояли.

Пройдет год (примерно год), и с этой речью, но уже в иной, катастрофической ситуации, выступит по телевидению Борис Ельцин...

Именно проект этой горбачевской речи показывает, что, во-первых, в то время еще была возможность начать реформы *не* с либерализации цен и, во-вторых, Гайдар уже тогда был искренним сторонником этой «мягкой» модели. Вот, например, еще одна цитата из той несостоявшейся речи:

«Завтра будет опубликован президентский указ, содержащий программу действий по подготовке перехода к рыночной экономике. Мы приступаем к ней сразу, но начинаем не с размораживания цен, а с кредитной реформы, резкого ужесточения государственной финансовой политики, демонополизации экономики. И только затем, в 1991 году... в массовом порядке будем переходить на свободные цены, балансирующие спрос и предложение».

Но это самое «завтра» так и не наступило.

Горбачев ознакомился с речью и, как писал Гайдар, «отложил в сторону».

Так и не были сказаны Михаилом Сергеевичем самые важные слова: «Отнюдь не все предусмотренные меры будут популярными, придется идти и на тяжелые, жесткие решения... Серьезность стоящих перед нами проблем требует не бесконечных колебаний, а хорошо организованной работы, направленной на их разрешение, если хотим выбраться из трясины бедности, слаборазвитости, в которую все сильнее затягивает нашу великую страну. Иного пути нам не дано...»

Да, наверное, это было ужасное чувство: наблюдать за тем, как страна все быстрее приближается к экономическому тупику, к обвальному финансовому кризису, а руководитель ее — такой интеллигентный, мудрый, любимый многими и пока еще достаточно популярный, прогрессивный человек — отбрасывает варианты спасения один за другим.

Верил ли Горбачев в огромные ресурсы плановой экономики, в то, что можно опять напечатать деньги и заставить старые механизмы работать? Искал ли он другой путь? Надеялся ли на иностранную помощь, на вливание западных капиталов? Мы не знаем. Вместе с экономистами той эпохи, авторами программ спасения СССР, от Маслюкова до Петракова, от

Ясина до Явлинского, от Абалкина до Шаталина, мы можем лишь горько констатировать — ничего этого не случилось. Ничего не произошло.

План Петракова — Федорова провалился. Был отвергнут Горбачевым и Рыжковым. Гайдар сильно разочарован. Но надежды и иллюзии еще оставались у Ясина и Явлинского.

На заседании Президентского совета в мае 1990 года их программа была тоже отброшена за ненужность. Правительство возвращалось к идее административного пересмотра преysкуранных цен, о чем и было объявлено Рыжковым 24 мая 1990 года. Через несколько часов после выступления премьера продукты были сметены с прилавков.

27 мая 1990 года в «Правде» вышла еще одна важная статья Гайдара. Называлась она «Цены и рынок».

«Если предшествующий вариант правительственной программы (версия Ясина и Явлинского. — А. К., Б. М.) нередко сопоставляли с “планом Балцеровича”, — писал Гайдар, — то нынешний заставляет вспомнить Польшу начала восьмидесятых годов. Сочетание быстро растущих цен и сохраняющегося товарного дефицита — одна из самых неприятных форм развертывания инфляционных процессов. И уж никак не лучшая ситуация для становления рынка».

29 мая 1990 года Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР. Евгений Ясин вспоминал: «В Кремлевском дворце заседал Верховный Совет РСФСР. На второй или на третий день Ельцин, которого избрали председателем, выступил с речью и сказал: нам с Рыжковым не по пути, мы знаем, как пройти без потерь. Хотя, конечно, никакого плана у него не было. Но после этого мне позвонил из Верховного Совета РСФСР мой соученик Сергей Красавченко и спросил, что за программа такая — “400 дней”?»

Набросок «400 дней» Григорий Алексеевич показывал Егору Гайдару приблизительно в марте 1990 года. Тогда же появилась даже переведенная на английский версия программы.

Гайдар держался несколько в стороне от усилий Ясина и Явлинского.

Может быть, Егор чувствовал, что это не конец, а лишь начало какой-то долгой истории? О том, какой может оказаться роль Ельцина, он тогда, скорее всего, даже не задумывался. Он задумывался о другом: будет ли хоть какой-то результат у всех этих усилий?

Лето 1990 года — последняя, отчаянная попытка перезапустить советский экономический механизм.

Ясин присоединился к группе Шаталина — Явлинского. Группа

экономистов с мандатом правительства Рыжкова по традиции работала в «Соснах» по Рублево-Успенскому шоссе.

«Маневрами Явлинского и Петракова были сведены вместе штабы Горбачева и Ельцина», — вспоминал Евгений Ясин. Было принято решение о создании совместной рабочей группы, но в результате образовались две.

Дискуссии между разработчиками союзной и российской программ шли весьма острые. Самим авторам было очевидно, что руководителями государства должна была быть выбрана одна программа. Были и ментальные, и психологические противоречия: союзная команда считала, что за ними стоит большой опыт управления хозяйством и производством, что они лучше знают, как в действительности работает экономика, и в качестве доказательства своей правоты пересчитывали, сколько у них в группе академиков и докторов. Группа Шаталина была уверена в другом — старые подходы уже умерли.

При всей сложности экономической ткани программ ключевые дискуссии — и это видно даже по записям заседаний политбюро, а затем Президентского совета — шли вокруг либерализации цен (российская версия) или административного их повышения (союзная).

Гайдар, обращая внимание на то, что подавленная инфляция уже переходит в открытую, пишет в «Правде» (статья «Две программы») о ключевом свойстве экономического мышления старого типа: «... безбрежный, розовый оптимизм в отношении возможностей сегодня назначать из Москвы цены по всему СССР. Авторы этой концепции не хотят видеть, как... вопреки протестам Госкомцен СССР Москва повышает цены на сигареты. Как формируется система коммерческой торговли, цены в которой в 5—10 раз выше государственных, в несколько раз ускорились темпы повышения цен на колхозных рынках».

1 октября на совещании у Горбачева снова звучит поручение Абалкину и Петракову продолжать объединение программ. В работе группы, которая уже стала механизмом по скрещиванию двух документов, принимает участие и Гайдар.

Но все это — уже конвульсии.

16 октября 1990 года Ельцин выступил с резким заявлением по поводу того, что союзный центр не принимает программу рыночных реформ («500 дней»). 17 октября Президентский совет СССР (при Горбачеве) обсуждал, как ответить председателю Верховного Совета РСФСР. О сути программы и уж тем более о ее реализации никто и не вспоминал. Выступающие разделились на «голубей» и «ястребов». Многие настаивали на жестких

мерах — не в экономике, а по отношению к российским лидерам. Резче всех выступал Рыжков. Создавалось впечатление, что он на грани отчаяния: «Дело не в программе. Нужно показать власть! Снимать и снимать тех, кто ее подрывает, кто не выполняет решений. Иначе дождемся того, что всех нас в лучшем случае расстреляют, в худшем — повесят на фонарных столбах... Убрать половину людей с телевидения! И из газет повыгонять всех этих!.. Студентов взять в свои руки — повысить им стипендии».

И позже Рыжков продолжал заклинать: «В правительстве 7 академиков, 20 докторов наук...»

Атмосферу ноября 1990-го описывал сам Гайдар: «В день своей отставки Григорий Явлинский заехал на госдачу в “Волынское”, где мы работали с Евгением Ясиным, Станиславом Шаталиным, Николаем Петраковым, Абелом Аганбегяном (продолжая вымучивать программные меры. — А. К., Б. М.). Премьер российского правительства Силаев звонил Ясину, спрашивал, не согласится ли тот занять место Явлинского. Явлинский ушел демонстративно, видя, что его программу не приняли.

Он отговаривал Евгения Григорьевича, да тот и не собирался соглашаться. Позже подъехал Горбачев. Обсуждали эклектичный документ — гибрид программы “500 дней” и правительственной программы, подготовленной Леонидом Абалкиным».

В этот момент Гайдар был все еще с Горбачевым — в совершенно прямом смысле слова. Летом 1990-го он не пошел работать в российское правительство, потому что, как он сам писал, «не хотел оставлять Горбачева в тяжелое для него время». Но это тогда, в 1990-м.

В 1995-м, когда Гайдар писал свои мемуары, он был к Горбачеву менее добр: «Столкнувшись с мощными, неуправляемыми процессами, Горбачев растерялся и потерял ориентиры. Выпустив из бутылки джинна политической либерализации, не сумел ни подчинить его, ни загнать обратно. И никак не мог решить, чего же на самом деле хочет».

Дальше начинается уже другая история — Горбачев резко меняет курс и состав политбюро. Опасаясь давно назревшего внутривластного заговора, он вводит в состав руководства страны других людей. Вместо близкой ему по духу команды «прорабов перестройки» (Шеварднадзе, Бакатин, Яковлев, Рыжков) его начинают окружать те, кто с самого начала готов пойти на чрезвычайные меры, чтобы «успокоить страну». Среди них — премьер Павлов, будущий член ГКЧП, который в кратчайшие месяцы приступит к денежным конфискациям в особо крупных размерах («павловская реформа») и административному повышению цен.

...Вот так уходили в песок благие намерения Горбачева.

Велик соблазн, конечно, помечтать, пофантазировать — а что было бы, если бы Горбачев все же решился? И произнес тогда (еще в марте 1990-го) свою программную речь, написанную Гайдаром? И начал бы финансовую стабилизацию с резкого сокращения, например, расходов бюджета? А потом — постепенно отпустил бы цены? А потом — принял пакет (уже готовый) об акционировании предприятий, то есть запустил бы приватизацию?

Что было бы, если бы он принял программу «500 дней» и запустил ее хотя бы с 1 января 1991 года?

И вдруг собрались бы вновь вокруг союзного центра республики. И подписали бы без разговоров новый договор. И не пришлось бы вводить войска в Вильнюс и Каунас. И не случилось бы путча. И...

Но так не бывает. В ключевые моменты истории ответственность на себя берут именно те, кому это судьбой, видимо, предназначено.

Но вернемся к осени 1991 года.

5 ноября 1991-го Гайдар был утвержден в должности вице-преьера.

6 ноября вышел официальный указ.

15 ноября состоялось первое заседание правительства реформ.

Первые несколько дней правительство занимало несколько кабинетов в Белом доме на Краснопресненской набережной и лишь потом переехало на Старую площадь, где Гайдар занял на пятом, бывшем «секретариатском» этаже здания ЦК кабинет номер три. У лифта часовой, далее налево. (Позже, когда Егор станет уже официальным и. о. премьер-министра, он займет — от часового на том же этаже направо — кабинет номер один, место обитания генеральных секретарей ЦК КПСС.)

Но поначалу въезжали, как бедные родственники. Об этом вспоминал Виктор Ярошенко: «Рано утром 7 ноября, красный день календаря. Прямо с дачи поехали брать власть. Вся власть России тогда была в Белом доме. Приехали к подъезду, у которого они стояли два месяца назад (во время путча. — А. К., Б. М.). Гайдар показал бумажку за подписью Ельцина о назначении на должность вице-преьера, милиционер с автоматом пропустил внутрь. Поднялись на лифте, прошли пустыми коридорами, еще одному с автоматом показали мандат, кто-то принес ключи, открыли этаж, потом приемную; у входа висела табличка: “Председатель Совета Министров РСФСР И. С. Силаев” (через несколько часов ее сняли). Так случилось, что я был с ними в те часы. Гайдар зашел в огромный силаевский кабинет, постоял у стола, рядом с которым на полках высились ряды белых гербастых телефонов. Отдельно стояли два аппарата с

красными пластмассовыми наклейками: “ГОРБАЧЕВ”, “ЕЛЬЦИН”. Открыл еще одну дверь, зашел, осмотрелся. Комната отдыха. Аскетизм власти. Стол. Жесткий диван. Сейф. Опять телефоны. Зачем-то велотренажер. Гайдар поставил кейс на стол, открыл, вынул толстую кипу документов, подготовленных в «Архангельском». Приемную в эти минуты осваивал Николай Головин: ему, вчерашнему экономическому журналисту, предстояло в считанные часы создать работающий секретариат вице-преьера. Приехал другой назначенный вице-премьером — друг Гайдара Александр Шохин. Начали подъезжать смущенные и покрасневшие от свалившейся на них задачи свежее испеченные министры. К вечеру из Вены прилетел Петр Авен».

Сидя уже не в «Архангельском», а в своих кабинетах, молодые реформаторы лихорадочно дорабатывали законы и указы.

Однако в оставшееся между 15 ноября и 2 января время Гайдару предстоит поучаствовать в еще одном тяжелом деле: законодательно закреплённом формальном роспуске Советского Союза.

Вместе с Ельциным, Бурбулисом, Шахраем и другими членами российской делегации он выехал в Минск.

Вот как вспоминал об этом Геннадий Бурбулис:

«У нас в делегации были Шахрай, Козырев, Гайдар и небольшой коллектив экспертов. Мы работали в двух модулях. Была шестерка — три президента и три премьера. Я исполнял как бы премьерскую роль. И когда вечером 7 декабря стало понятно, что мы делаем принципиально новый документ, а не Союзный договор, то, конечно, колоссальная работа проделывалась именно Гайдаром, Шахраем и Козыревым — уже по его текстровке, по его концептуальному, содержательному и постатейному оформлению.

Более того, Егор, когда они приходили к каким-то формулам, писал уже окончательный текст как человек со вкусом к редакторской работе, с пониманием и осознанием дела и лично передавал его машинисткам».

Но как же могло так получиться, что Гайдар — достаточно близкий к горбачевскому штабу человек, довольно хорошо знавший Михаила Сергеевича, работавший в тесной связке с руководителями союзного правительства и горбачевскими академиком (Фроловым, Аганбегяном и другими), еще недавно, в 1990 году отказавшийся работать на российское правительство, — вдруг так резко поменял свое отношение к Горбачеву и судьбе Союза?

Это не простой вопрос, и он, конечно, совершенно не исчерпывается трафаретными ответами — о том, что «ситуация изменилась» и «другого выхода не было». Дальнейшая судьба Егора показала очень выпукло — нет, он не рвался во власть и не держался за нее, уходил сразу со всех политических постов, если мог, с огромным удовольствием опять погружался в работу над текстами в своем кабинете, «шел в библиотеку», так что карьерные соображения тут вряд ли имели место.

Первый слой ответов — чисто экономический.

Альпбах, сентябрь 1991-го. Идиллический австрийский курорт, всего-то 53 километра от Инсбрука. Топонимика этих мест тогда ни о чем не говорила советскому человеку. Для десятка советских экономистов — это еще один семинар. Такие же были в Вероне в 1990-м, в Париже весной 1991-го. Но этот семинар все-таки не совсем обычный.

На фотографии, сохранившейся с тех времен, — почти все экономисты, которые войдут в правительство два месяца спустя. Альпийское солнце. Фоном — типичная для этих мест гостиница. Молодые, воодушевленные. Где-то, в нескольких сотнях километров к востоку, медленно оседает грузное туловище империи, от которой со страшным шумом отваливаются огромные куски. А они, эти молодые интеллектуалы, здесь, на семинаре в австрийском Альпбахе, констатируют факт неизбежного падения СССР.

Крайний слева на этой фотографии — хорошо узнаваемый Александр Шохин почти с таким же близоруким прищуром и в таких же очках, как и сейчас, три десятка лет спустя. Рядом с ним — тоже узнаваемый Петр Авен. В отличие от Шохина, который в галстук, Авен выглядит нездешним «яппи» — он в толстовке Yale University: за такую красоту тогда можно было многое отдать. Дальше — Константин Кагаловский; выглядывающий из-за плеча товарища Алексей Улюкаев, тоже вполне узнаваемый, но совсем-совсем другой (кто же мог думать тогда, что спустя четверть века он будет осужден на восемь лет лишения свободы); тощий, как жердь, Анатолий Чубайс с бейджем на рубашке — почему-то сразу видно, что он здесь главный; Владимир Машиц, участник всех «писательских» команд и будущий министр по делам СНГ; крайний справа — человек, похожий на амбициозного старшеклассника, Сергей Глазьев. Тот самый. Он ведь тоже «разваливал» страну вместе с другими либералами; это сейчас он яростный государственник, кейнсианец и сторонник «партии дешевого кредита»...

«Володя Машиц (работавший и с Явлинским тоже. — А. К., Б. М.) приехал с некоторым опозданием, — вспоминал Сергей Васильев, — и поведал нам о планах Явлинского по созданию экономического союза.

Понимая, что республики стали суверенными, Явлинский провозгласил тезис: «политический суверенитет — экономический союз». Реакция в Альпбахе была у всех совершенно одинаковой — мы представили весь ужас проведения радикальной экономической реформы, каждый шаг которой придется согласовывать с суверенными республиками. Решено было выступить с заявлением по этому поводу...»

Под Альпбахской декларацией, в которой утверждалось, что радикальные либеральные экономические реформы надо проводить в границах России и дальше ждать нет смысла, стоит, например, подпись будущего жесточайшего оппонента реформаторов, академика Дмитрия Львова. Декларацию, как утверждает отсутствующий на фотографии Сергей Васильев, писал Улюкаев — «как самое бойкое наше перо».

Но Гайдара там не было... Не смог приехать.

В Альпбахской декларации говорилось о том, что экономический распад Союза неизбежен. Что сложный процесс демократических согласований между политически суверенными субъектами возникающей конфедерации неосуществим. Невозможно, например, проводить единую кредитно-финансовую политику, потому что каждый участник согласований «заинтересован в увеличении денежной массы, эмиссии, лимитов кредитования». Выход видится в создании Межреспубликанского экономического комитета (он в эти дни, собственно, и был официально учрежден). Однако, «на наш взгляд, есть две альтернативы, — писали авторы декларации, — либо его деятельность будет парализована разногласиями участников, наращиванием эмиссии, налоговой и финансовой конкуренцией, невыполнением принятых обязательств, либо Россия будет доминировать в Экономическом союзе».

Для движения нужен локомотив. А «сползание к экономической катастрофе в предшествующий период во многом определялось наличием двух противоборствующих центров принятия экономических решений: союзного и российского. Реставрация двоецентриа... была бы губительной».

У надреспубликанских властей недостаточно аргументов и полномочий, чтобы республики проводили единую экономическую политику: «Надреспубликанский центр обречен быть слабым. Следовательно, его не должно быть вовсе. Это не идеологический, а сугубо прагматический вывод».

Что при конфедеративном, что при российском варианте можно продолжать цепляться за фиксированные цены и субсидирование неэффективных производств, как это делалось все последние годы. Это

путь, ведущий к неизбежной катастрофе. У российского руководства пока еще есть существенный кредит доверия. И им «надо воспользоваться твердо и ответственно».

Первое — отказ от фиксирования и регулирования цен.

Второе — политика «нулевого дефицита» государственного бюджета, «режим жесткой экономии, противодействия любым выбивающим деньги лобби, включая военно-промышленное и сельскохозяйственное. Только на этой основе возможен выход к твердому, а затем и конвертируемому рублю. Если это не сделает в ближайшие месяцы демократическое руководство, то сделает грядущая хунта».

(Вот с этим отсутствующий Гайдар не согласился бы — он не переоценивал интеллектуальные способности и волю к экономическим реформам советских военных, как и не верил в российского Пиночета.)

Третье — «немедленно начать переговоры о разделе и реструктурировании внешнего долга бывшего Союза ССР». Вот оно — авторы декларации уже называют его *бывшим*, без иллюзий. И говорят о том, что впоследствии и произошло, — на определенных условиях основные обязательства перед внешним миром Россия могла бы взять на себя. Условия впоследствии были определены — и очень важные: вывод ядерного оружия из Украины, Казахстана и Белоруссии, переход всего зарубежного имущества СССР России и место в Совбезе ООН.

Важная тема, обсужденная ими заранее, — возможность свободного передвижения людей через границы республик. Никто тогда об этом не думал, а проблема назревала: «Прежде всего, это судьба десятков миллионов людей, живущих за пределами своих национальных государств. Необходимо обеспечить добровольную и планомерную (с привлечением западной помощи) их репатриацию и безусловную защиту жизненных интересов. В лимите миграции мы предлагаем руководствоваться испытанным в демократических обществах принципом права людей на свободный выезд из страны и право государства на регулирование въезда в него». Две предсказанные проблемы в одном флаконе: русские за рубежом и мигранты в России.

Эти же идеи, как свидетельствует Сергей Васильев, Гайдар изложил в специальной записке о возможных реформах на имя Бориса Ельцина.

Итак, Гайдар, как и другие экономисты, понимал, что попытка запустить реформы на всем пространстве разваливающегося СССР обречена на провал административно и политически.

Но дело было не только в этом. Тогда, в сентябре 1991 года, он уже

окончательно понимал и то, почему так получилось. Несколько лет — своими статьями в «Коммунисте» и «Правде», бесконечной работой в различных «группах» и «комиссиях» — он пытался уберечь союзное руководство от надвигавшейся беды. Но сейчас, в сентябре 1991 года, пришла пора ставить окончательный диагноз — в крахе советской экономики, по большому счету, виноваты лично Горбачев и исполнители, которым он доверился.

Увы, прекрасные намерения и личные качества — это одно, но есть еще такой момент, как политическая воля, интуиция, способность принимать решения. Позднее Гайдар попытается разложить всё по полочкам в книге «Гибель империи» — как разгонялась скрытая инфляция непродуманными действиями Горбачева, Рыжкова и их команды. Как сначала «антиалкогольная» кампания, затем гигантские инвестиции, никак не подкрепленные доходами бюджета, прекраснодушные надежды на «хозрасчет» и «материальную заинтересованность», которые привели к принятию закона о кооперативах и закона о госпредприятии — и к еще большему «повышению доходов» и появлению в обороте пустых наличных денег — словом, как хаотичные и противоречивые «реформы» Горбачева расшатали и без того слабую, неустойчивую финансовую систему. Да, все это он детально проанализирует потом.

Но сейчас настала пора сказать себе: увы, у этого краха есть автор. И это не только безличная «советская власть». Это и ее последний руководитель.

Ну и, наконец, последнее. До августовского путча шансы спасти Союз, запустить нормальные реформы в рамках единого пространства еще оставались. После путча они исчезли.

Горькое чувство разочарования заставляет Егора еще и еще раз задавать себе один и тот же вопрос: как получилось, что Горбачев сам, лично, своими руками привел в Кремль всю эту команду путчистов, что им двигало, неужели он оказался настолько слабым и безгранично доверчивым — он, который казался еще недавно таким сильным политиком? Или все же он неискренен, когда говорит, что не знал о путче заранее? Этими же вопросами задавались тогда все.

И вот здесь последний, самый главный уровень ответа на вопрос: почему Гайдар перестал поддерживать Горбачева?

Он разочаровался в Михаиле Сергеевиче. Да, он хороший человек. Да, он замечательный человек.

Но...

Но трудно бывает понять его истинные мотивы.

Вот что писал главный редактор «Огонька» Виталий Коротич о президенте СССР М. С. Горбачеве:

«Как бы Горбачева ни упрощали, но в тактических играх он бывал вовсе не прост. У него бывали комбинации, просчитанные по-гроссмейстерски, на много ходов вперед, совершенные на грани возможного. Обсаженный со всех сторон старой чиновничьей гвардией, стукачами и солдафонами, он постоянно решал немыслимую задачу: как проскочить вперед, не доводя их до крайности, даже демонстрируя им, что все либералы и щелкоперы зажаты у него в партийном кулаке. Он фантазировал про реформы и рассуждал с партократами про общее дело, а у тех его не было с реформаторами, разваливающими ИХ страну. Я не раз говорил и повторяю: Горбачев — личность трагическая. Не то чтобы с каждым годом — с каждым месяцем, особенно быстро в конце карьеры, уходила из него картинная комсомольская бодрость, нарастала боль. В нем было что-то от хорошего спортсмена, ушедшего в прорыв и знающего, что вот-вот его остановят... Когда он кричал, никогда не было страшно. И неожиданно не было. Будто глядишь в записи матч, о результате которого знаешь. И эта атмосфера вялости расплзлась вокруг генсека ЦК партии, которого никто не боялся».

А вот другой взгляд на Горбачева — тоже со стороны человека, который его очень ценил и не прерывал с ним отношения в любые эпохи.

Григорий Явлинский:

«...Я могу только сказать, что все его указания были очень противоречивые, содержательно они постоянно противоречили друг другу. Благодаря этому, процесс шел очень быстро, номенклатура не успевала сосредоточиться и не знала, как защищать свои позиции, и процесс разрушения системы шел просто с очень большой скоростью. Потому что она не была рассчитана на постоянные противоречивые сигналы. Просто потому, что она не могла так работать. А энергия того, что он — генеральный секретарь и вся власть в его руках, просто парализовала номенклатуру, и она металась: то она делала это, то она делала то. То она делала опять другое, то еще что-то. Ну вот и всё, и вся система перестала работать. Она и раньше не очень-то работала, а тут она вообще вошла в ступор ото всех этих противоречий. А потом он выходил и сообщал что-то про обновленный социализм, от чего уже вообще у всех просто шло отключение сознания... Но, на самом деле, он сделал одну вещь, которая привела к этому крупнейшему историческому событию XX века. Он внезапно принял решение о том, что люди могут говорить вслух то, что

думают. Говорить правду или не правду — это другой вопрос. Но то, что думают. И за это не арестовывают и не сажают в тюрьму и не расстреливают, и даже не выгоняют с работы. Всё. Поскольку система была построена на лжи с 1917 года, как только появился малейший ветер какой-то правды, или того, что люди говорят то, что думают, — она разрушилась. И у нее никаких шансов не было. Он сделал этот главный шаг. Я думаю, что он не предполагал, к чему он приведет. Он просто внезапно принял решение о том, что свобода слова появляется. И не только свобода высказываний, но и свобода после высказываний... Это был такой удивительный пример мирного выхода из тоталитарной системы. Во что никто никогда не мог поверить. Что люди добровольно согласились выйти из этой системы. Добровольно и относительно мирно. Ну, были эксцессы, но в масштабе такой страны и в масштабе такого события они все-таки были не громадными. Конечно, там погибали люди, но всё же это было незначительно по сравнению с тем, что там могло бы случиться. И это тот случай, когда свобода слова показала свою силу. Когда тексты показали свою силу. Когда диссиденты, которые никогда не обладали ни властью, ни боевыми дружинами, никаким оружием, ничем, а просто словом, привели к эпохальной смене в масштабе всей планеты. Ведь что случилось? Это же не просто завершение Советского Союза. Это же завершение всей системы. Это же не просто 300 миллионов или 290 с чем-то миллионов людей получили свободу. А учитывая то, что произошло в Восточной Европе, — полмиллиарда людей испытали на себе эффект освобождения. Миллиарды по всему миру. Понимал или не понимал Горбачев, но вот это он сделал. А то, что они сделали с этим потом, — это уже не его проблема. Он открыл двери и всех выпустил на свободу. Наверное, это можно было делать как-то медленно. Но думаю, что я не знаю, кто бы мог делать это медленно. С ним бы разобрались. Именно потому, что он делал это вот так, противоречиво, что никто не мог понять до конца, что он делает, все это и произошло. Ну вот так сложилась история. И нельзя было в этом не участвовать. И нельзя было это не поддержать.

Поэтому, когда путч случился, первое ощущение у меня было — огромный протест. Я считал, что все это он натворил своей непоследовательностью и противоречивостью. Потому что надо было уже двигаться в какую-то сторону, ту или иную, ту или эту. Но, может быть, в этом и была какая-то особая историческая, даже не знаю, его загадка. Какое-то особое историческое обстоятельство, которое позволило привести это дело к какому-то завершению».

Ну и, наконец, сам Гайдар о Горбачеве (напомним, книга вышла

накануне выборов 1996 года):

«В 1989–1990 годах я неоднократно встречался с Горбачевым на широких, узких и совсем келейных совещаниях, помогал ему в работе над разнообразными документами. Укрепился в своей оценке его личности. Несомненно, реформатор, искренне желавший изменить и страну, и социалистическую систему, избавить ее от наиболее очевидных уродливых проявлений. Начиная перемены, он, конечно, не понимал, насколько сложны окажутся задачи, какой титанической силы сопротивление будет оказано даже робким попыткам затронуть каркас тоталитарной советской империи. ... Тут ярко проявилась самая серьезная слабость Горбачева — его неспособность принимать необходимые, хотя и рискованные, решения и последовательно проводить их в жизнь.

В это время в мире широко обсуждали наши проблемы, пытались понять, в чем состоит стратегическая линия Горбачева. У меня сложилось твердое убеждение, что такой линии вообще не существует, Горбачев делает мелкие тактические шажки, сталкивается с новыми проблемами, делает новые шажки и явно не представляет себе, куда это приведет. Не удивительно, что в 1989–1990 годах “горбомания” либеральной интеллигенции довольно быстро идет на спад. А я все равно испытываю к нему глубокую симпатию как к человеку, взявшему на себя, может быть, не по силам тяжелую ношу российского реформатора.

Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время. Пожалуй, только крутой политический поворот осени 1990 года, отказ Горбачева от сотрудничества с российскими органами власти, явная ставка его на консервативную часть партийной элиты и силовые структуры, кровавые события в Вильнюсе подвели для меня черту под историей Горбачева-реформатора».

Вот так, как всегда у Гайдара, — все четко, все ясно, все разложено по полочкам и не допускает двойных толкований. А боль за трагедию Михаила Сергеевича все же чувствуется. И его странная, противоречивая, мятущаяся личность тоже вполне адекватно обрисована подчеркнуто сухим гайдаровским пером.

В эти декабрьские дни Егор совсем перестал появляться дома, приезжал поспать на несколько часов. Ариадна с Тимуром смотрели на него с плохо подавляемым ужасом. Что он ест? Когда он восстанавливает силы? Маша шутила: «Я вышла замуж за Петьку» (в смысле — сына

Гайдара от первого брака, который часто жил у них дома). Шутила, но терпела.

Все они с напряжением ждали — чем все это закончится?

Наступал новый, 1992-й.

...Его они, конечно, встречали все вместе.

«Под знаком предстоящего события, — вспоминал Нечаев, — прошла для нас новогодняя ночь. Мы провели ее на той самой даче в Архангельском, где несколькими месяцами раньше писали свою программу. Приехали с женами. Сели за довольно убогий в смысле яств, совсем не “правительственный” стол. Старая система правительственных привилегий была нами ликвидирована, кремлевские пайки отменены, поэтому доставили на стол то, что могли захватить из домашних холодильников и что добыл Коля Головнин, традиционно, еще со времен работы над программой, заботившийся о нашем быте. Поскольку магазинное изобилие лишь “маячило” где-то впереди, то, помню, пришлось довольствоваться в основном полтавской колбасой и чем-то вроде кабачковой икры. Чудом наскребли пару бутылок шампанского для новогоднего тоста, поэтому пить пришлось в основном водку. Позже подъехали Гайдар и Шохин, которые как более крупные начальники до полуночи встречали Новый год в Кремле. Заходил Бурбулис, но ненадолго. Он проводил новогоднюю ночь на одной из соседних дач в другом кругу, с бывшими коллегами по Госсовету. О 2 января практически не говорили. И без того на эту тему было наговорено достаточно. Но мысли, так или иначе, крутились вокруг послезавтрашнего дня. Говорили о том, что жить нашему правительству, судя по всему, предстоит недолго. Все же слишком непопулярной выглядела сама эта мера по освобождению цен. Однако никаких упаднических настроений не было. Мы были молоды, практически все ровесники. Это был первый вечер отдыха после каторжной двухмесячной работы в правительстве. Было весело».

...Было весело.

Глава шестая. Человек из будущего

Книга «Музей 90-х» издана в 2016 году в издательстве «НЛО». Это интересное исследование разных сторон и феноменов общественной жизни того времени: от быта и бизнеса до спорта и политики. Но самое интересное, что в ней есть, — это монологи людей о том, что они пережили. Мы к этим рассказам еще вернемся. И может быть, самый интересный из них — монолог некоего Евгения Петровича, обычного инженера из Москвы. Первый монолог. В нем интересна каждая деталь.

Евгений Петрович рассказывает:

«Я 1950 года рождения. В 90-м мне было сорок, и я прямо хорошо себя чувствовал. Я работал в геологоразведочном, нормально работал, было такое хорошее чувство: нормально все, нормально работаю, как в рекламе потом говорили: все правильно сделал. В 91-м помню свое чувство: не то чтобы я Горбачева как-то сильно люблю, но вот этих, с ручонками трясущимися, точно обратно не хочу. Поэтому к Белому дому я не ездил, а супруга, кажется, возила бутерброды, мы все смеялись.

... А потом началось. Я по датам точно не помню. Помню, что прихожу домой и говорю жене: “Зарплаты нет опять”. А она мне: “Что ты на нее хотел покупать? В магазинах тоже нет ничего”. И я сажусь на диван перед телевизором и думаю: “Что же мы делать-то будем?” А по телевизору — “Поле чудес”, они там регочут, приветы передают, три шкатулки какие-то, деньги валяются прямо с потолка, а я сижу и думаю: “Что ж мне делать-то?” Плакать я не могу, я уж забыл, как плакать...

На самом деле голодать мы не голодали, нас дача спасала. Тесть с тещей всегда банки закатывали. Только если раньше они закатывали летом и забивали ими шкафы и мы потом за год хорошо если десять банок съедали... — так тут мы в 92-м все эти банки за год и подъели. С макаронами.

Ну, голода нет как такового. А что делать в жизни? Я молодой мужик еще, сил полно, в походы ходил, но за походы не платят. И за работу не платят ничего. И как-то в один момент стало видно, что все куда-то разошлись, все поувольнялись из института за месяц, наверное. Кто-то остался, но уже не ходил. Я вообще перестал соображать, чего-куда. И со всех сторон вижу примеры того, как люди стали по-другому устраиваться. Кто-то пошел торговать-продавать, кто-то чего-то, все при деньгах, все довольны. А у меня прямо был протест против этого: меня зачем

государство учило, деньги тратило?»

Так начинается книга «Музей 90-х», вышедшая в 2016 году. С монолога человека, потерявшего в 90-е свою прежнюю биографию.

История Евгения Петровича, как мы увидим, на этом не закончилась, неожиданно и ему жизнь подкинула заработок. Заработок верный, хороший. Однако Евгений Петрович эту возможность для себя не принял.

Кстати, как и многие тогда, у кого был хоть какой-то выбор.

Начнем с простого — ну да, цены отпустили 2 января 1992 года, но исчезли ли сразу очереди и появились ли в магазинах товары? Почему в ход пошли банки с дачи — это было средство выживания в отсутствие товаров или в отсутствие денег? Или того и другого сразу?

Рассказывает Борис Немцов (интервью 2014 года). В то время он был губернатором Нижегородской области:

«Когда я стал губернатором, Ельцин сдержал слово (приехать в область. — А. К., Б. М.). Он приехал... 9 января 1992 года, то есть меня назначили 30 ноября, и он сразу приехал в Нижний, он из Ульяновска летел.

Приехал в Нижний как раз посмотреть, справляюсь ли я со своими обязанностями, или не справляюсь. У него была тогда стандартная партийная система проверки. Первое, что мы с ним сделали, мы заехали в гастроном на площади Горького... Мы приехали, и Ельцин сказал: «Остановите кортеж, я пошел в гастроном». Он сам выбирал магазин, чтобы не было ничего подстроено, он тоже не любил, когда потемкинские деревни показывали. Мы с ним на площади Горького зашли в гастроном, а дело-то было тяжелое, потому что с начала января отпустили цены, началась либерализация цен, и цены выросли в 80 раз, я не шучу. Например, мы зашли, как сейчас помню: масло «Вологодское» было в магазине, оно стоило 380 рублей за килограмм. А до этого по талонам, его не было, естественно, но формальная цена масла была 4 рубля или 5 рублей, копейки по сравнению с этой ценой. И Ельцин не мог понять, как так цены выросли?

Мы подошли к прилавку: бабушки злые, пенсионеры злые, продавцы в шоке от того, что происходит. Потому что пенсия была равна килограмму масла или килограмму колбасы. Какой-то кошмар. И мы с ним подошли, и вдруг Ельцин меня спрашивает: а кто такие цены установил? Ну, поскольку я человек был молодой и достаточно прямой, я говорю: вы, Борис Николаевич, это вы сделали. Он говорит: я? 380 рэ за килограмм масла? Вы что с ума сошли, вы что, против президента? Я говорю, Борис Николаевич,

вы подписали указ о свободном ценообразовании, если вы помните, конечно, об этом. В итоге свободное ценообразование привело к таким ценам. Он говорит: нет. Я категорически против, цены надо снизить. В этот момент директор магазина каким-то волшебным образом снимал цены с прилавка, бабушки вдруг обрадовались, что сейчас цены упадут. Пришел Ельцин: цены должны упасть. Действительно, конечно, упали на день или на два, но рынок есть рынок, куда же деваться. После этого Ельцин мне говорит: а кто директор молокоторга? Я работаю месяц и 10 дней, директора молокоторга я, естественно, не знаю. Я говорю, я не знаю. Он: узнайте, кто директор молокоторга. Ну, выяснили фамилию директора молокоторга: Докукин. Фамилия подлинная. Снимайте Докукина с работы. Я говорю, мы сейчас с вами проведем время, потом решим с Докукиным все вопросы. Кстати, к слову сказать, этот Докукин оказался директором акционерного общества, снять его было нельзя. Но тогда он узнал, что если я его не сниму, у меня будут проблемы. Я ему тогда говорю: Докукин, знаешь что... А я его первый раз вижу, он нормальный мужик, сразу видно, но цены не он поднимал, он просто поставками занимался молочных продуктов. Я говорю: Докукин, давай так, пиши заявление по собственному желанию, я с твоим заявлением напишу, что я тебя снял. Так вот Ельцин, когда сел в самолет, с борта самолета, а лететь час из Нижнего Новгорода до Москвы, мне позвонил: “Вы Докукина сняли?” Я говорю: снял. Пришлите, пожалуйста, мне по факсу ваше распоряжение о снятии Докукина. Он вцепился в Докукина, не понимая до конца, что Докукин очень слабо влиял на ценообразование».

...Каждый, кто застал 1992 год в зрелом, сознательном возрасте, конечно, помнит это ощущение — земли, уходящей из-под ног.

Она уходила ежедневно, буквально крутилась под ногами, вызывая ощущение головокружения и постоянной тошноты. Никто не понимал, что будет дальше — завтра, послезавтра. Никто не понимал, как теперь жить.

«Мама окончила технологический институт с красным дипломом. О том, чтобы найти работу по специальности, не могло быть и речи, с институтскими дипломами устраивались продавцами, посудомойками. Офисы убирали. Все стало другое... Я не узнавала на улице людей, как будто все переделались во что-то серое. Цветного ничего не было. Так я это запомнила... “Это все твой Ельцин... твой Гайдар... — плакала бабушка, когда была жива. — Что они с нами сделали? Еще чуть-чуть и будет, как в войну”. Мама молчала, к моему удивлению, мама замолчала. На каждую вещь в доме мы смотрели только так — можно ли ее продать? Продать было нечего... Жили на бабушкину пенсию. Сидели на одних серых

макаронах... За всю жизнь бабушка собрала пять тысяч, они хранились на сберкнижке, их должно было хватить, как она говорила, чтобы дожить, на “черный день” и на похороны... А это стал один трамвайный билет... Коробка спичек. Деньги у всех в один день пропали».

«Знакомый парень занялся бизнесом. Рассказывал мне: первый раз привез тысячу банок растворимого кофе — расхватили за пару дней, купил сто пылесосов — тоже в момент размели. Куртки, свитера, всякая мелочь — только давай! Все переодевались, переобувались. Меняли технику и мебель. Ремонтировали дачи... Захотели делать красивые заборчики и крыши... Начнем иногда с друзьями вспоминать, так со смеху умираем... Дикари! Совершенно нищие были люди. Всему надо было учиться... В советское время разрешалось иметь много книг, но не дорогую машину и дом. И мы <в 90-е> учились хорошо одеваться, вкусно готовить, утром пить сок и йогурт... Я до этого презирала деньги, потому что не знала, что это такое. В нашей семье нельзя было говорить о деньгах. Стыдно. Мы выросли в стране, в которой деньги, можно сказать, отсутствовали. Я, как все, получала свои сто двадцать рублей — и мне хватало. Деньги пришли с перестройкой. С Гайдаром. Настоящие деньги. Вместо “Наше будущее — коммунизм” всюду висели растяжки: “Покупайте! Покупайте!” Хочешь — путешествуй. Можешь увидеть Париж...»

Так кончились наши ночные бдения на кухнях, и начались заработки, приработки. Деньги стали синонимом свободы. Это волновало всех. Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом. О Ленине и Сталине забыли. Так мы спаслись от гражданской войны, а то опять бы были “белые” и “красные”. “Наши” — “не наши”. Вместо крови — вещи... Жизнь! Выбрали красивую жизнь. Никто не хотел красиво умирать, все хотели красиво жить. Другое дело, что пряников на всех не хватило...»

А это уже — отрывок из книги Светланы Алексиевич, нобелевского лауреата по литературе, «Время секунд хэнд», изданной в 2014 году. Книга, составленная из сотен интервью, записанных с разными людьми. Они перемежаются друг друга, как хор, как оркестр. Таков творческий метод Алексиевич. В хоре главная нота — конечно, разочарование, отчаяние, сомнение. Горькая нота. А надо ли было так? А стоило ли?

Цены января 1992 года. Какими они были по отношению к советским? Заглянем в дневник Льва Левицкого, москвича, демократа по убеждениям, человека шестидесяти двух лет.

«11 января. ... Вчера в информационной программе сообщили, что абонентная месячная плата за телефон увеличивается с 2 р. 50 к. до 16

рублей. После почтамта, где я простоял в довольно длинной очереди (новые цены никого не отпугнули), отправился по Мясницкой в сторону бывшей площади Дзержинского, а ныне Лубянки, захаживая по пути в магазины. Везде толпы. Цены безумные. Пакетик супа “Колос”, который еще год назад валялся на всех прилавках за малой востребованностью и стоил что-то в районе рубля, сейчас красуется по 9 рублей с чем-то. Банка шпрот — 26 рублей. Килька в томате — 16. Вареное мясо в кулинарии — 120, курица, которую не разжевать, — 80. И это называют либерализацией цен и кивают на Польшу, хотя все, что сейчас у нас происходит, имеет куда больше общего с прошлогодними павловскими фортелями (административное трехкратное повышение цен и конфискационная денежная реформа января 1991 года. — А. К., Б. М.). В Польше были трудности, но страна не дошла до ручки, как мы, ввязавшиеся в нескончаемую войну. Там еще в 1956-м крестьяне вольны были единоличничать или объединяться в коллективы вроде наших колхозов. Естественно, так, как они были задуманы, а не практически осуществлены у нас, где они стали чем-то вроде крепостного агропредприятия. К тому же существенную часть польского общества составляет прослойка людей, работавших за границей и вернувшихся домой с кошельками, набитыми долларами, которые они могли тут же пустить в коммерцию. Наконец, “социалистические навыки” не успели в Польше пустить такие глубокие корни, как у нас.

...У нас скверные традиции. И очень живучие. Боюсь, что, если не будут приняты какие-то пожарные меры, реформа сгорит, и огонь спалит ее творцов и активных исполнителей. Рынок несовместим с распределениями и прочими реликтами административного хозяйствования. По идее, цена продукта и товара представляет собой нечто вроде соглашения между производителем и продавцом. Последний имеет право добавить наценку, но не свыше 30 %. В наших условиях, где контроля или нет, или он куплен, это открывает дорогу произволу и жульничеству».

Итак, банка шпрот — цена выросла примерно в 20 раз. Вареное мясо в «кулинарии» — цена выросла приблизительно в 30 раз. (Тут надо объяснить, что «кулинария» — интересное явление советской торговли, существовавшее в основном в столице, — небольшие гастрономические отделы при кафе и ресторанах, торговавшие полуфабрикатами, часто мясными — по цене в несколько раз выше цены сырого мяса в магазинах.) Ну и так далее. Цены в магазинах выросли не на 10 или на 30 процентов, как ожидал Гайдар, а в разы.

Другое дело, что торговля выкинула на прилавок продукты, которые

уже несколько лет никто вообще не видел в открытой продаже. Ту же банку шпрот нельзя было купить, а только получить в «продуктовом заказе» в каком-нибудь спецбуфете министерства или большого военного завода. Сухая колбаса — цены на нее со 2 января были такие, что ее вообще никто не брал; при этом десятки лет она была предметом вождения, практически гастрономического советского культа, и распределялись эти «палки колбасы» строго по тем магазинам, столовым и буфетам, к которым были прикреплены ответственные советские работники, служащие важных предприятий и министерств. Но ведь и там сухую колбасу видели только на 7 Ноября или под Новый год.

Однако отпуск цен — как розничных, так и оптовых, не был «слепо скопированным опытом Польши», как тогда писали многие обозреватели (да и простые люди, как мы видим по дневнику Льва Левицкого). Правительство Гайдара стояло перед таким выбором — либо вернуться к практикам продрозверстки времен гражданской войны, либо отпустить закупочные и розничные цены.

Вот, в частности, свидетельство министра экономики Андрея Нечаева: «...Некоторые люди из окружения Б. Ельцина (одним из их лидеров был Ю. Скоков, тогда первый заместитель председателя правительства РСФСР) предлагали ему вариант а-ля военный коммунизм: уполномоченные с особыми правами на заводах, полупринудительное изъятие зерна у сельхозпроизводителей, тотальная система государственного распределения, карточки для населения. Это был бы гигантский шаг назад даже от половинчатых экономических новаций Горбачева — Рыжкова. А главное, это был путь в абсолютный тупик, кратковременное продление агонии старой системы. К счастью, у Ельцина хватило мудрости эти предложения отвергнуть».

«Со второго января, — пишет Гайдар, — цены на подавляющее большинство товаров (за исключением хлеба, молока, спиртного, а также коммунальных услуг, транспорта и энергоносителей) были освобождены, а регулируемые — повышены».

Отпускать цены было нужно просто для того, чтобы зерно отгрузили на элеваторы, на хлебозаводы и другие предприятия пищевой промышленности, и оно поступило затем в продажу в виде муки, хлеба, мучных изделий (например, макарон и вермишели). А не осталось лежать в регионах в качестве «бартерной валюты» для обмена с другими регионами на другие товары первой необходимости.

А такая перспектива была вполне реальной.

Наиболее яркий пример зернового кризиса дает в своей книге Андрей

Нечаев:

«Разительным примером этого кризиса управляемости может служить возникшая той осенью ситуация с заготовками зерна... После августовского путча, окончательно разрушившего советскую административную систему, государственные закупки зерна упали в четыре раза. Наивные попытки правительства СССР закупать зерно у собственных крестьян за валюту провалились из-за отсутствия этой самой валюты. В долг даже совхозы (государственные сельскохозяйственные предприятия. — А. К., Б. М.) отгружать зерно отказались. По данным Комитета по хлебопродуктам, централизованных запасов зерна в стране могло хватить лишь до февраля 1992 года. Это делало перспективу голода не выдумкой склонных к преувеличению журналистов, а суровой правдой, с которой страна могла столкнуться уже к концу зимы 1992 года».

Давайте зафиксируем эту точку в нашем рассказе — нет, дело не в той пачке масла или палке сухой колбасы, или пакете гречки, которые лежали на складе, в подсобке, под замком и которые «торгаши» выкинули на прилавки по диким ценам в январе 1992 года. В этих жутких ценниках бывшей советской торговли, кстати говоря, можно вполне увидеть даже не жадность, не стремление к выгоде, а форму социального протеста работников торговли: хотели либерализацию? Получите!

Дело было в тех сухих цифрах, которые мало что говорят обычному человеку, — тонны зерна, элеваторы, хлебозаводы, поставки, оптовые цены, целая цепочка административно-торговых отношений, которая перестала работать после распада Союза. А у правительства уже не было тех административных ресурсов, чтобы заставить крестьян (то есть колхозы и совхозы) продать хлеб по старой цене. Это было невозможно.

Но если вы отпускаете оптовые цены — тогда отпускайте и розничные.

В истории с хлебом, да и вообще с продовольствием в период распада СССР есть несколько драматичных эпизодов, которые довольно точно отражают общую картину по стране. В частности, спасение от голода такого города, как Петербург. А там ведь положение было еще хуже, чем в Москве.

«Это было недели через три после нашего прихода... — пишет Нечаев (примерно начало декабря 1991 года. — А. К., Б. М.). — Питерские власти почти в полном составе приехали в правительство буквально со словами: спасите город! Запасов муки там оставалось на неделю, а резервов кормового зерна — дня на два-три. Снабжение города мясом, не считая

импорта, в основном базировалось на продукции местных птицекомбинатов. Сама область зерно практически не производит, и все снабжение и мукой, и кормами было ориентировано на централизованные поставки. А они прекратились. Импорт из-за замораживания кредитов почти прекратился (валютный дефолт в СССР, о котором мы писали выше. — А. К., Б. М.). Помню, кто-то из питерских на совещании отчаянно крикнул: “У нас курыдохнут, а потом люди начнут”... Допустить такое в городе, пережившем блокаду, было нельзя. (А в другом городе было можно? Но фраза Нечаева отражает во всей полноте отчаяние ситуации. — А. К., Б. М.)

Мы выслушали их доклад, и все глаза повернулись ко мне: ты председатель (оперативного штаба. — А. К., Б. М.), тебе и решать. А я еще три недели назад — заместитель директора научного института, академический ученый, пусть и занимавшийся проблемами реальной экономики... Гнетущая тишина вдруг буквально повисла в воздухе. Помню, на секунду у меня появилось желание встать, выйти из зала, тихо закрыть за собой дверь и никогда больше в Дом правительства не приходить... Слишком велика была ответственность. До сих пор я благодарен Леониду Чешинскому, бывшему в то время председателем комитета по хлебопродуктам... Он каким-то сдавленным голосом сказал: есть у нас один пароход с американским зерном, который находится сейчас где-то у входа в Балтийское море. Он идет в Мурманск. Там положение лучше, и теоретически мы можем завернуть его в Питер. Но это под вашу личную ответственность и с письменным приказом!.. Я воспрянул духом и немедленно распорядился связаться по специальной связи с капитаном и дать соответствующую команду. Так я впервые в жизни начал заворачивать корабли».

Вот такая была в то время экономика и вот такие навыки нужны были ее министру. Нечаев лично по селекторной связи поговорил с капитаном, и корабль с зерном отправился в Петербург.

Однако отпуск цен (и оптовых на зерно, и розничных) вовсе не означал, что проблемы с продовольствием будут волшебным образом решены сразу и навсегда.

Очереди не исчезали. Дефицит не исчез. Ни в Москве, ни особенно в других городах. Люди или не покупали необходимые товары по таким ценам, или разметали их сразу же после того, как вмешивались власти (а они вмешивались практически везде), устанавливая некие местные «нормы» и «правила», то есть искусственно снижая цены.

Отметим попутно, что те самые талоны на продовольствие, о которых

мы так много говорили в предыдущей главе, в Москве и Петербурге исчезли в 1992 году, а вот в других городах — только в 1994—1996-м.

Власти Москвы, например, пытались организовать прямые поставки овощей и фруктов прямо из колхозов, продавая картошку в специально отведенных местах по выходным дням («ярмарки выходного дня» организовал в 1987 году еще Ельцин в бытность первым секретарем Московского горкома; Гавриил Попов и Юрий Лужков их продолжили). Картошку продавали с грузовиков, мешками и ведрами, и к этим грузовикам выстраивались длинные очереди. Сняты были любые ограничения и на торговлю на колхозных рынках. Но все равно это было дорого: и картошка, и мясо на рынке, даже «напрямую от колхозников», подорожали в разы и не всем москвичам и ленинградцам были доступны.

Перечень необходимых товаров, которые отсутствовали в магазинах, по-прежнему оставался довольно длинным.

И тогда на улицах Москвы появились маленькие стихийные рынки. Они возникали везде, где шел с работы и на работу поток людей и где можно было найти хоть какое-то свободное пространство.

Писатель Вячеслав Недошивин, в то время пресс-секретарь Геннадия Бурбулиса, позднее вспоминал:

«...Выросли бесконечные ряды старушек, каких-то бомжей. Один продает бутылку пива там, скажем, на Лубянской площади, рядом с ним стоит старушка, которая вязаную шапочку продает, и т. д. Для чего все это? Это жуть, это было невозможно, это были сплошные картонные коробки, обрывки газет, никто улицы не убирал, какие-то семечки валяются. Кто-то торгует пивом, кто-то торгует привезенной с Дальнего Востока копченой рыбой.

Все в одном месте, никаких прилавков. Просто ящик из-под пива, деревянные ящики, на них стоят эти самые несчастные люди».

Стихийный рынок возле «Детского мира» (архитектурного символа советской Москвы) на площади Дзержинского Недошивин наблюдал каждый день после работы, когда шел со Старой площади, из бывшего здания ЦК КПСС, куда после декабря 1991 года переселилось российское правительство. Так же как и другие интеллигентные москвичи, он наблюдал это зрелище с чувством горечи и даже страха. Несчастные старушки, пенсионерки, «какие-то бомжи» создавали очень неприятный колорит новой эпохе. Колорит бедности, нищеты. Все это было похоже на те картинки из истории гражданской войны, которые мы знали по советским фильмам.

И тогда заместитель мэра Москвы Юрий Лужков распорядился

уличные рынки закрыть. Это распоряжение поступило непосредственно в московскую милицию. Одна подпись — и суровые милиционеры с удовольствием бы очистили улицы столицы. Но, на счастье, руководителем московской милиции в то время был демократ Аркадий Мурашев, еще недавно депутат горбачевского съезда, бывший член межрегиональной депутатской группы (которой руководили Сахаров, Ельцин, Гавриил Попов и Афанасьев), и он был довольно близок гайдаровскому кругу.

«Каждый день, — вспоминал позднее Мурашев, — я со своей работы поздно вечером отправлялся на Старую площадь и сидел вместе с гайдаровцами в качестве внештатного советника или просто сочувствующего. Каждый день эти бурные обсуждения заканчивались в час, в два ночи, а то и позже».

Именно на таком «обсуждении» всех вопросов современного бытия Мурашев и рассказал товарищам о «казусе со старушками» и о распоряжении Лужкова.

Ему было жалко старушек. Их — на фоне бешеных цен — хотели лишить последней надежды на дополнительный доход.

Именно в этот момент, по версии Мурашева, и было принято решение об указе о свободной торговле.

Президент Ельцин подписал указ 29 января 1992 года.

Справедливости ради надо сказать, что версий того, каким образом на свет появился этот указ, существует множество. И версия Мурашева — лишь одна из них. Так, например, и Гайдар, и Нечаев считали автором этой идеи ленинградца Петра Филиппова.

У победы, как говорится, всегда много отцов. А это была именно победа, как выяснилось чуть позже.

Указ снимал с торговли любые ограничения. Можно было торговать в любом месте всем, чем угодно.

Можно было ввозить в Россию любой товар и продавать его по любой цене, без всяких пошлин и налогов. «Так, учитывая тяжесть давившего на рынок денежного навеса и скудость товарных запасов, мы временно отменили ограничения на импорт, установив нулевой импортный тариф, что позволяло хоть как-то наполнить магазины», — пишет Нечаев.

В это трудно сейчас поверить, но именно через этот совершенно дикий механизм — через бабушек, которые стояли со своими картонными ящиками прямо на улице, через первых «челноков» — спрос и предложение удалось сбалансировать. Да, появились эти дикие вещевые рынки, которые торговали дешевыми промтоварами из Китая, Турции и т.

д., расцвел так называемый «челночный» бизнес. Но дело было еще и в другом.

Ведь чем торговали эти бабушки-пенсионерки и прочий стихийный элемент? Они торговали запасами, которые сделали на случай голода в предыдущем, 1991 году.

Помните рассказ Евгения Петровича? За год его семья «подъела» все банки с консервированными овощами и фруктами, что приготовили заботливые тесть и теща летом и осенью 1991 года. Но порой та или иная теща банку-другую с огурцами выносила на улицу и продавала.

А иногда она выносила пакет гречки — которой запаслась вдоволь на случай войны и смуты. А то пропадет, куда ж ей столько! А иногда — пачку масла или банку тушенки, купленную месяц назад, когда цены еще были другими. И вдруг выяснилось, что и магазину по такой завышенной цене этой гречкой и этим маслом торговать невыгодно. И цены стали постепенно выравниваться.

Словом, пенсионерки, уличные торговцы, «челноки» спасли Россию от голода, а гайдаровское правительство — от отставки тогда, в апреле 1992 года. Голод все-таки не наступил.

Но, с другой стороны, положи руку на сердце, признаемся честно — ведь Явлинский был прав! Помните его рассуждение о молокозаводе, «который один монополист на целую область», а то и на три, а то и на девять?

Или рассказ Немцова, о том, как Борис Николаевич посещал гастронорм на площади Горького в Нижнем Новгороде — практически живая иллюстрация к этому тезису Явлинского?

Нельзя было отпускать цены в условиях практически монопольной торговли. Нельзя было позволять монопольным госторговцам так лихо поднимать цены! В разы, в десятки раз! В тысячи процентов (потом посчитали годовую инфляцию 1992 года — получилось почти 2600 процентов!). Нельзя было позволять инфляции съесть сбережения наших граждан!

Нельзя, нельзя, нельзя... Десятки и сотни разных «нельзя».

Гайдар потом говорил: сбережения были съедены гораздо раньше, когда горбачевское правительство разогнало скрытую инфляцию и на руках и сберкнижках у несчастных граждан скопились сотни миллиардов ничем не обеспеченных рублей (то есть таких, на которые нечего было купить). Он повторял это раз за разом как мантру. (А потом стало известно, что и денег-то на счетах практически не было, только записи на счетах — руководство использовало эти ресурсы населения для своих целей.) Но

почему-то эта мантра, увы, не вызывала должного эффекта. Все-таки деньги они и есть деньги. Лежат себе и лежат. Ну и пусть дальше лежат, глядишь, потом все нормализуется и их как-то можно будет пристроить. Так примерно и размышлял рядовой гражданин СССР, который видел в 1992 году, как его, предположим, «лишняя» тысяча рублей (или, вернее, накопленная непосильным трудом) превратилась в пыль за несколько недель после освобождения цен. Что уж говорить о пенсионерах, которые копили эти тысячи всю жизнь, чтобы оставить детям.

Так что давайте объяснение Гайдара оставим пока в стороне и вновь обратимся к рассуждениям Явлинского. А он-то что предлагал?

«...Моя идея заключалась в том, — говорит Явлинский, — что давайте мы начнем продавать средства производства. Вот у нас нету этих, так называемых, товаров народного потребления в таких масштабах, чтобы удовлетворить платежеспособность спроса, а если мы прекратим эту глупость, что нельзя продать грузовик... что нельзя продать автобус... что нельзя продать парикмахерскую... что нельзя продать химчистку... что нельзя купить небольшой магазин, то ситуация сразу поменяется. И мы начнем балансировать спрос и предложение. Плюс к этому мы начинаем создавать средний класс, плюс к этому мы не проводим конфискацию, и люди тратят деньги, которые они накопили за всю жизнь, на какие-то полезные для них вещи. Плюс к этому мы выпускаем всю энергетику предпринимательства, которая к тому времени была уже накоплена, и даем этому предпринимательству ресурсы и возможности. И это является началом. Вот мы отсюда начинаем двигаться, мы постепенно приводим к соответствию платежеспособный спрос; конечно, будет определенная инфляция, но она будет не бог весть какая, и так мы начинаем двигаться к насыщению рынка, а самое главное, появляется собственник. Появляется частная собственность. А за счет массовости частной собственности — появляется конкуренция, и это все постепенно начинает работать. Оно все постепенно начинает работать. А следующим шагом — это когда уже вот эти люди начинают участвовать в акционировании крупных, то, что сейчас называют голубыми фишками, лучших российских предприятий. И это уже похоже на какую-то народную приватизацию, когда много людей покупают акции; если взять крупнейшие компании в мире, там же очень много акционеров. Государство сохраняет какой-то пакет, но огромную часть акций покупают люди, поскольку они сами являются собственниками, вот это и есть начало. Ну а тогда появляется вопрос оптовой торговли, и появляется вопрос биржи, и появляется вопрос доступа к ресурсам.

А они сделали совсем другое. Они в один день освободили цены для государственных монополий. Просто в один день, 2 января. Взяли и освободили цены для государственных монополий. Не для частных предприятий; а государственные монополии в СССР были на 100 %. Просто так строилась экономика — как монополия. Ну и дальше, в результате этого, через год... инфляция была уже 2600 %, это была гиперинфляция».

Невозможно и сегодня без волнения слушать искренний голос Григория Алексеевича. Невозможно без волнения смотреть в его глаза. Ведь действительно Россия могла пойти другим путем. Наверное, могла бы...

Но отвлечемся от эмоций — давайте вновь вернемся к рассказу Евгения Петровича, с которого мы начали нашу главу (напомним, что в 1991 году ему было 40 лет).

...Итак, он сидит дома. Жена, химик по специальности, тем временем стала работать вахтером в новой глазной медицинской клинике.

«А деньги тем временем уже стали нужны, что-то в магазинах стало появляться. Я всего этого себе уяснить не мог, конечно. И мне кусок в горло не лез. Старшему сыну у нас в этот момент было двадцать, и он вуз заканчивал. А младший был в школе еще. И вот в 90-м, по-моему, году им гуманитарная помощь в школу пришла, из Германии. Там всякие были чипсы, кока-кола, баночки, скляночки, такое изумительное все, мы обалдели прямо. И еще там открытка была — от девочки, которая это все с семьей собрала и прислала. Мол, меня зовут так-то, Никки, что ли, я вас поздравляю с Новым годом из Лейпцига!.. Завязалась переписка, но такая редкая, конечно, почта тоже черт-те как работала. Потом прервалась, к тому же у нас всякие потрясения начались. И вот уже в 93-м году я, без работы, без мыслей, злой, сижу и вспоминаю, что у этой Никки папа вроде как окулист — и даже не окулист, а фирма у него какая-то по глазным делам. Вроде она так писала. Нашел открытку, написал письмо этому папе — со словарем, по-английски. Мол, дети наши давно знакомы, и я тоже хочу представиться и надеюсь на сотрудничество...

Так прошло полтора года. Поздний вечер, я дома, все дома, они телевизор смотрят. Вдруг звонок в дверь. Открываем — стоит на пороге дядька какой-то неизвестный, симпатичный. Это тот самый Куно приехал — папа девочки! Что, как?! “Да, я вам писал письмо, но оно пропало, я тут по делам”. Мы выпили, жена что-то на стол покидала, беседуем кое-как. Младший мой что-то по-немецки кумекает, но переводить ленится, ну, мы

по-английски, один хуже другого. Он говорит: моя фирма делает контактные линзы, и надо бы нам их к вам возить. А жена-то моя тоже в глазной клинике подвизается. Я думаю: неужели это и есть тот самый шанс? Уж больно он красиво невесть откуда ночью появился, этот Куно... Ну что, стали договариваться, тут были линзы, но плохие, а у них хорошие. Договорились о поставках, и вот мне надо было к ним в Германию поехать...

Привез, в общем, я партию, получил за нее денег больше, чем заплатил. Их тут же хорошо распродали, мне еще какой-то процент с продажи капнул, и я прямо воскрес, цель какая-то появилась. Второй раз съездил, привез уже большую партию, опять хорошо продал, и стало все налаживаться. И так еще два раза, все прекрасно шло, и деньги были. И тут я понимаю, что не могу. Никто меня не кинул, с Куно прекрасные отношения, дело идет — а я загибаюсь: не мое это дело — челночить. Даже если я не тряпки вожу, а вроде как полезную вещь... Ну что я теперь так и буду мотаться всю жизнь? Это теперь у меня дело такое? Бросил все и лег на диван. Дела передал, конечно, и залег.

Супруга моя сначала просто из себя вышла... Я насмерть: нет и нет. Стало нам опять очень тяжело на какое-то время, и денег нет, и полное непонимание. И так было, пока наш старший сын Дмитрий не стал хорошо зарабатывать и не пришел к нам с ультиматумом: родители, вы перестаете ссориться и сходить с ума, а я вас содержу, и вы ни о чем не думаете. Не ультиматум, а строгое такое заявление.

И мы согласились. Наверное, я тогда себя признал стариком или как-то так. Сложил полномочия, хотя лет было не так много. С одной стороны, мне сразу легче стало, что говорить, а с другой — не прожил я свою жизнь, как собирался, это точно».

Итак, полноценного посредника из Евгения Петровича не получилось, он съездил раз, съездил другой, потом категорически отказался — «не мое».

Так вот вопрос и к Евгению Петровичу, и ко всем нам. Готов ли он был тогда, в 1992 году, купить в собственность грузовик, как предлагал Явлинский? Или автобус? Авторемонтную мастерскую? Булочную или прачечную? Ну хоть какое-то «средство производства»?

Ответ очевиден — скорее всего нет. Не готов.

Даже если предложенная ему самим, так сказать, провидением идеальная бизнес-схема не устроила Евгения Петровича (мотаться туда-сюда, иметь дело с таможенниками, брать на себя разнообразные риски), то

что уж говорить о нашем отечественном грузовике или автобусе.

Да и на кой ляд они ему сдались, этот старый грузовик и эта авторемонтная мастерская, если есть зарплата и более или менее твердые цены? Что с ними делать? Куда на них ездить? Что возить? Ну и самое главное — откуда взять деньги?

Яркий пример утопичности такого подхода — целый пакет законов о поддержке фермеров, принятый еще при Горбачеве. Первым советским фермерам не просто давали очень дешевые кредиты, раздавали в пользование землю, бери — не хочу; они так же практически бесплатно получали бывшую колхозную сельхозтехнику — тракторы, комбайны и пр. Увы, лишь единицы смогли хозяйствовать и добились успеха. Единицы среди десятков тысяч!

Нет, что ни говорите, а план Явлинского был не то чтобы утопичен, он был, скорее, чересчур идеален. Не для той советской жизни, которая все еще была за окном — разорванной, потрепанной, покосившейся, но все равно еще советской.

В этом идеальном плане Явлинского жил какой-то совершенно другой, идеальный Евгений Петрович, который из своего геолого-разведочного института ринется покупать грузовик, организовывать «грузоперевозки», день и ночь будет работать над созданием правильной фирмы, используя правильные законы, чтобы обеспечить растущее благополучие своей семьи.

Да, такие люди, конечно же, позже появились. Через несколько лет. Но для этого новая — довольно жесткая — реальность должна была уже наступить.

Вопрос был и в сроках. Скорее всего, такая приватизация средств производства, по Явлинскому, которая привела бы к созданию этих «идеальных» мелких собственников, могла бы занять в постсоветской России годы. Три года, пять лет — это как минимум. «Малая приватизация» по методам Гайдара — Чубайса продолжалась год. Но и этот год, как говорит Чубайс, — слишком большой срок для жизни в условиях не размороженных цен.

По методам Явлинского жить так пришлось бы гораздо дольше.

Иными словами, проблема этого идеального плана была только в том, что эти три года, пять лет или больше он предлагал всем этим замечательным людям, обладателям автобусов и грузовиков, по-прежнему сидеть на талонах. Жить впроголодь. Стоять в очередях за хлебом. Давиться за бутылкой молока для ребенка. Получать килограмм мяса к 7 Ноября.

Это, конечно, уже было совершенно нереально. Единственным

стимулом для новых предпринимателей была как раз возможность начать жить по-другому — в рыночной среде со свободными ценами, то есть не просто зарабатывать прожиточный минимум для своей семьи, но и покупать другие продукты и товары, другого качества, по другим ценам. Прорваться в новую жизнь и попробовать этой новой жизни. Помните, как у Евгения Петровича: «Там всякие были чипсы, кока-кола, баночки, скляночки, такое изумительное все, мы обалдели прямо».

Вот это «изумительное все» — и было тем удивительным, странным стимулом, который «завел» мотор, запустил уже умершую в стране экономическую жизнь, товарно-денежные отношения. Челноки, торговцы, спекулянты — с одной стороны, это было тяжело. Но это было искусственное сердце или искусственные легкие экономики, называйте как хотите, которые ее спасли в конечном итоге.

«Я была терапевтом в медицинском центре при заводе в Саратове. В перестройку я зарабатывала свои 120 рублей, муж тоже работал, и по тем временам мы жили хорошо: машина и даже своя квартира — что было достаточно редким явлением. Моя знакомая ездила в Польшу за шмотками, и как-то раз я решила съездить с ней, но не ради заработка, а просто чтобы одеть родителей, мужа и дочь — ведь носить было нечего, магазины стояли пустые. Кто-то этим занимался для выживания, а я — нет.

Я стала брать отпуск за свой счет и мотаться то в Польшу, то в Югославию, привозила вещи для семьи и на продажу, а моя подруга, тоже врач, выходила с этим на базар. Я не могла через себя переступить и сама выйти продавать, а она это обожала» (монолог Светланы из книги «Музей 90-х»).

«В три часа ночи добрались до турецкой границы. Встали толпой у автобуса. Таможенник в отглаженном кителе, аристократично попивая чаек из прозрачного стаканчика, стал брезгливо поглядывать на наши небритые физиономии бывших лауреатов и кандидатов режимных наук. Пополз слух — таможенный досмотр, а это значит, полная выгрузка и потом снова загрузка автобуса. Что делать, пока ждем? Начали играть в футбол пустой консервной банкой. Разогрелись. Таможенник, забыв про чай, смотрел на нас с открытым ртом, и чай холодел в его стаканчике. Ура! Досмотр отменили. Четыре утра. На болгарской стороне, в харчевне, открытой для челночников, пили водку, закусывая горячим сочным мясом. Здорово.

Наш перегруженный автобус медленно ползет по серпантину к верхней точке перевала. Лежа на тюках под крышей автобуса, хорошо видишь заснеженный край дороги. Автобус чуть покачивается, как трос под

канатоходцем. Последние триста-четырееста метров до верхней точки слышно, как надрывается двигатель на первой передаче, всё, переползли» (из книги «Были 90-х»).

Да, челноки спасли экономику, спасли товарный рынок, запустили первые робкие финансовые и деловые потоки, из их активности в дальнейшем родился российский бизнес — но дело, конечно, не только в этом.

Многие, как Светлана, делали это через силу. Делали потому, что просто не было другого выхода. Пренебрегали опасностями. Нарывались на бандитов и грабителей. Отдавали дань коррупционерам в милицейской форме. Попросту погибали.

...Словом, хотя люди были, что уж там говорить, героические, земля уходила из-под ног у любого человека.

Но ровно в той же внутренней ситуации оказался и сам архитектор российских реформ.

И у него земля уходила из-под ног.

Да, в отличие от Евгения Петровича, который предпочел бы оставаться в своем геологоразведочном, Егор Тимурович в 1991 году вышел на абсолютно новую для себя работу.

Но то, что на этой работе его ожидает, — масштаб, так сказать, катастрофы — он, конечно, при всем своем даре предвидения и анализа, никак не мог предсказать во всей полноте.

«Пожалуй, главная проблема адаптации к работе в правительстве, особенно в условиях экстремального кризиса, — это радикальное изменение протяженности времени, — писал Егор. — Ученый планирует свою работу в размеренности лет, месяцев, недель. Советник измеряет время в часах и днях. Руководитель правительства вынужден оперировать временем в секундах, в лучшем случае — минутах. Спокойно подумать несколько часов, неспешно посоветоваться — почти роскошь. В течение получаса провести важное совещание, за три минуты успеть связаться с Минфином — дать распоряжение, за две минуты пообедать, еще через одну минуту выскочить из кабинета, чтобы мчаться выступать в Верховный Совет, — вот это норма, и такая круговерть непрерывно в течение дня, с раннего утра до поздней ночи. Этот ритм жизни неизбежно создает серьезные препятствия в общении с людьми, друзьями. Нельзя же пригласить близкого друга для хорошего разговора в два тридцать пять ночи, уделив ему семь минут. Так просто не делается. В результате круг общения неизбежно сжимается до тех, с кем видишься только по делу.

Времени не хватает даже на самых близких людей. За весь 1992 год, наверное, всего раза три успел выбраться к родителям, и каждый раз уже под утро и смертельно уставший».

...За весь год выбрался к родителям всего три раза? Это он-то? Вот настолько не хватало времени?

Ну а когда выбирался или звонил — разговоры тоже были не из легких. Особенно с мамой.

«Стоя в очереди за хлебом, она, к своему изумлению, слышит рассказы о том, что сами-то Гайдары как сыр в масле катаются и в очередях-то, небось, не простаивают. А тут еще вдруг выясняется, что и привычный мир друзей, которые десятилетиями бывали у нее дома, разделился на тех, кто поддержал реформы сына, и тех, кто их категорически не принимает. И все это неожиданно, резко, без всякой подготовки... Понимая это, пытаюсь выкроить свободную минуту хоть позвонить, успокоить».

Но наиболее точно свое состояние он сформулировал так:

«...В общем, нет ни хлеба, ни золота. И нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом для меня это не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может, дела чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет!

Знаете, как бывает, когда видишь кошмарный сон? Конечно, страшно, но где-то в подсознании теплится надежда: ничего, стоит сделать усилие, проснуться, и ужасы исчезнут... А здесь делаешь это чертово усилие, открываешь глаза, а кошмар — вот он, рядом».

Засыпаешь — кошмар. Просыпаешься — кошмар.

Неоднократно, конечно, Гайдар ночевал на работе в эти месяцы. Вставал с больной головой. Пришпоривал себя крепким чаем, чтобы мобилизовать последние ресурсы организма. Сын Петр до сих пор считает, что разлад в организме отца начался именно с этого жуткого для него 1992 года.

Тут ведь какое дело — кому война, кому мать родна. Для характера другого человека, для личности другого типа — этот экстрим, может быть, и пошел бы в плюс. Егору с его болезненной пунктуальностью и ответственностью, с его психологическим типом — такая жизнь давалась нелегко.

Если говорить совсем коротко, Гайдар в ноябре 1991 года увидел, что в его распоряжении нет главного — государства как такового.

А точнее, у него были лишь остатки Советского государства.

Потеря управления — в условиях проведения такой огромной реформы — это самая главная, самая невыносимая проблема.

Давайте посмотрим, как все это происходило в реальности.

«Хорошо помню “захват” мной с Гайдаром Госплана, — пишет Андрей Нечаев. — Я тогда был худее килограммов на 15. Егор тоже был менее внушительным. Мне было 38 лет, Гайдару — 35. Явно несолидно выглядящие “без мундиров и погон”, в каких-то несерьезных курточках вошли в центральную дверь (тогда здание Госплана СССР находилось в Охотном Ряду, там, где теперь Государственная дума. — А. К., Б. М.). Правда, до этого позвонили начальству, предупредили о своем визите.

У нас даже правительственных удостоверений не было, только институтские. У Гайдара — указ российского президента, у меня — постановление, то самое, с “министром” с маленькой буквы, уже признанное нашим аппаратом как бы недействительным. Нас даже охрана на центральном входе Госплана пропустила с трудом. Мы показывали свои мандаты — вот, президент России назначил... Но в целом “проход через посты” состоялся, вашей нас не вытолкали, мы благополучно поднялись на 6-й этаж, где уже собралась коллегия.

Гайдар в тот день был настроен очень решительно, по-боевому, а говорить вступительную речь предстояло ему. Я, однако, настоял на “мирном подходе”, и в итоге наши выступления свелись к тому, что мы очень ценим Госплан, его специалистов (что было чистой правдой), мы понимаем значимость этого учреждения. И сейчас, когда создается новая Россия, начинаются подлинные реформы, мы хотим использовать этот богатейший потенциал, опыт, знание жизни и т. д. и зовем их работать на Россию. А с другой стороны, Союз в старой форме обречен, и Госплан тоже обречен. Поэтому, говорил я, приглашаю всех, кто готов трудиться на благо новой России, идти ко мне, и не готов нести ответственности за дальнейшую судьбу и карьеру тех, кто не придет. Речи наши были, видимо, достаточно отрывистыми и сумбурными, но суть мы изложили достаточно четко и ясно. Вопросов к нам не последовало, но было видно, что пищи для размышлений у людей уже хватает.

К моменту нашего появления коллектив Госплана был не только морально подавлен, но и как бы “выбит” из профессиональной колеи. По инерции машина работала, десятилетиями отлаживавшиеся колесики госплановского механизма работали. Сотрудники бесконечно обсуждали “план-прогноз” на 1992 год, который в сложившейся к этому моменту ситуации имел просто нулевой смысл. Они, однако, занимались этим вполне серьезно, почти истово. Даже после того, как пришел я, было

объявлено о реформе в России, когда все поняли, что Союз распался, они продолжали обсуждать этот “прогноз”, составленный по старым меркам. Понятно, что людям нужно было чем-то заняться, они маялись от безделья. Помню первое, поразившее меня, чисто внешнее, зрительное впечатление, когда я прошел по этим мрачным коридорам: какой-то мерцающий полусвет, ощущение чего-то вымершего и сильный запах “имбирной” настойки...»

Вот этот сильный запах имбирной настойки — «ощущение чего-то вымершего», мерцающий полусвет, этот радиоактивный фон распада — был общим для всех советских учреждений, он стойко ощущался вообще во всех коридорах власти.

«То, что Россия получила от Советского Союза, не могло служить фундаментом экономики, — пишет экономист Сергей Алексащенко, — хотя бы потому, что в той системе не было соответствующих законов... Хотя это смешно звучит, но в Советском Союзе налогов не было — кроме подоходного, который вычитался у всех автоматически, и того, который взимался за бездетность. Предприятия налогов не платили. И нужно было создавать налоговую систему, систему экономического законодательства, начиная с Гражданского кодекса».

У нового государства не было, конечно, и таможи, почти на всех южных и западных границах. Между другими бывшими советскими республиками и Россией — никаких границ не было.

Соответственно, сохранялось единое валютное пространство, «рублевая зона», как тогда говорили. Продержалась эта единая рублевая зона, на минуточку, до лета 1993 года.

Именно об этом предупреждал Гайдара осенью 1991 года «яблочник» Михаил Задорнов: да не удастся вам осуществить макроэкономическую стабилизацию или хоть какое-то ее подобие в такой ситуации, дорогой Егор Тимурович!

Не было и золотовалютных резервов. «Централизованное снабжение многими потребительскими товарами все больше опиралось только на импорт, завозившийся в счет иностранных кредитов и растраты остатков золотовалютных резервов... — писал Андрей Нечаев. — Трагичным было не только то, что, начиная с 1988 года, союзное руководство умудрилось почти в три раза увеличить внешний долг страны, но и то, что от полученных им гигантских кредитов не осталось и следа. Они ушли не на инвестиции, не на реконструкцию промышленности и обновление технологий, а в основном на закупку потребительских товаров и сырья для

текущего производства. Миллиардные кредиты, предоставленные Западом, загипнотизированным горбачевскими политическими преобразованиями, были попросту бездарно проедены (с чем изо всех сил боролся Гайдар, как помним. — А. К., Б. М.). Вообще валютный резерв государства считается минимально допустимым, если он обеспечивает трехмесячный импорт страны. Оказалось, что наших валютных запасов в конце 1991 года хватило бы лишь на несколько часов импорта. Валютные резервы Центрального банка составляли всего лишь 16 миллионов долларов, а во Внешэкономбанке... оказалось на 87 миллиардов долларов обязательств (то есть долгов. — А. К., Б. М.) и примерно 25 миллионов долларов на счетах правительства. Мы получили в наследство сумму, которой располагает сегодня... средняя торговая фирма или небольшой банк. Ведущие футболисты российских клубов обходятся ныне дороже».

Валюта, налоги, таможня, отсутствующие границы, полная пустота вместо денег в бюджете, саботаж судебной и правоохранительной системы, которая не понимала, как ей встраиваться в новую жизнь, — это перечисление можно продолжать бесконечно.

И все-таки самое главное — отсутствие управляемости, полный разлад всех механизмов государственной машины. Как проводить реформу в такой ситуации?

Лучше всех это понимал, конечно, сам Гайдар. Понимал еще до 15-й дачи, до того, как в «несерьезной курточке» прошел с Нечаевым через центральный вход Госплана — советского монстра, в котором работало около трех тысяч человек. Понимал уже в августе 1991 года.

Гайдар писал: «Союзные хозяйственные министерства уже ничем не управляют. Их сотрудники заняты поисками работы в частном секторе, созданием коммерческих фирм и переводом в них казенных денег и имущества. Работа партийных органов, до августа 1991 года по традиции еще выполнявших на республиканском, областном, районном уровнях посреднические и регулирующие функции в хозяйственных взаимосвязях и распорядительных процессах, теперь официально запрещена. Крайкомы, обкомы, райкомы партии закрыты, опечатаны. Силовые структуры — армия, КГБ, МВД — деморализованы.

Сформированные после провала переворота новые союзные органы управления даже не пытаются всерьез овладеть ситуацией. Это и понятно: теперь, после августовской победы, вся ответственность за происходящее в России, и в значительной степени на территории всего бывшего Советского Союза, ложится на плечи российских лидеров.

На этом политическом фоне еще оставалась, как мне тогда казалось, единственная возможность сохранить СССР: Горбачев немедленно отрекается от своего поста, передает его Ельцину как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти, борьба между которыми и служит одной из основных причин развала. Так возникает надежда...

Реально же происходит иное: российское руководство бездействует, процесс дезинтеграции Союза приобретает лавинообразный характер, межреспубликанские таможи задерживают вывоз продукции. Формально Союз существует, но из него вынули душу, осталось тело, и оно перестало функционировать, нет даже конвульсий. Возможно еще попытаться о чем-то с республиками договориться, но давать указания, требовать исполнения, контролировать — это утопия...»

Вынули душу, осталось тело... Нет даже конвульсий... Короче, труп. Так?

Гайдар продолжает:

«У Ельцина — немалый запас народного доверия, невысказанная ответственность и почти никаких рычагов управления. Ведь до сих пор российская государственность была чистой бутафорией. В ней ничего ни с чем не сцеплялось. Нет ни своей армии, ни КГБ, ни МВД, ни контроля над регионами, власти в которых могут выкинуть неведомо что. Нет своего эффективного центрального банка. Нет контроля за большей частью промышленности. Нет таможи. Да ничего вообще пока нет, кроме названия: Российское государство».

...Давайте честно признаемся: читать Гайдара — даже благорасположенному к нему человеку — не очень простое занятие. И дело не в том, что пишет он суховато, как ученый — внутренней страсти тут хоть отбавляй. Дело в другом — в его болезненной честности, до деталей, до запятых. В чересчур ответственной скрупулезности автора. В его маниакальном стремлении к полной, исчерпывающей правде.

Ну, сказал бы хоть раз — а вот тут мы добились того-то. Тут мы, безусловно, победили. Результаты вообще-то показали изумительные... Или же — от нас, по большому счету, ничего не зависело.

Нет. Сплошные, бесконечные оговорки и уточнения.

Налогов в России нет, но, добавляет Гайдар, есть, конечно, налог с оборота, только очень маленький; его предыдущее российское

правительство сделало таким (это в условиях дикой финансовой катастрофы!), чтобы создать для предприятий «более привлекательные условия для перехода в российскую юрисдикцию». Ничего не поймешь, были налоги или не было их?

Конечно, оставаясь в «рублевой зоне», банки бывших союзных республик разгоняли инфляцию, но, добавляет Гайдар, «они не печатают наличные рубли, но росчерком пера, через безналичные расчеты, вольны запустить в обращение любую массу денег, и чем меньше республика, тем большую выгоду она получит от этой безналичной эмиссии». Вот и поди разберись.

Ох, как сложно там все у вас, у финансистов!

Или же та самая «очень жесткая», предельно жесткая финансовая политика государства, о которой Гайдар (да и не он один) писал, кричал, бил во все колокола все эти горбачевские годы:

«Правительство, либерализовав цены, одновременно резко сокращает субсидии на продовольствие, примерно в 3 раза снижает ассигнования на закупку вооружения, резко сокращает расходы на капиталовложения, особенно в аграрную сферу, ограничивает финансирование социальной сферы реальными доходами бюджета и в то же время вместо дезорганизованного налога с оборота вводит предельно высокий налог на добавленную стоимость (28 процентов)».

Такой был красивый план...

Получилось? Да нет, конечно! Уже в середине 1992 года, назначив Геращенко председателем Центробанка, Верховный Совет начал лоббировать, чтобы раздавать предприятиям бесконечные кредиты для так называемых «взаимозачетов»: спасти промышленность, спасти сельское хозяйство, спасти науку, да всех спасти! — и не спасли никого, и инфляцию разогнали до предела. Да и республики, всё те же бывшие советские республики, раскачивали финансовую систему как могли: «в конце 1991 — начале 1992 года республики бывшего Союза могли расплачиваться за российские экспортные товары, прежде всего за нефть, просто создавая из воздуха ничем не обеспеченные рубли».

Геращенко выдавал огромные кредиты, помимо взаимозачета прокредитовал и коммерческие банки; масштабы кредитования составили 15 процентов ВВП в июле и 31 процент ВВП в августе 1992-го. Андрей Илларионов, когда-то сочувственно относившийся к стабилизационным усилиям правительства Гайдара, потому что и сам в нем состоял, писал о том, что «кредитная эмиссия летних месяцев привела в июне — октябре к почти утроению денежной массы... Получив огромные денежные ресурсы,

коммерческие банки постарались обезопасить их от наступавшей инфляции и атаковали валютный рынок. Уже с июля началось падение курса рубля».

«Геракл», как все звали Виктора Владимировича Геращенко, конечно, внес свой вклад в финансовую нестабильность. Но еще до его прихода правительство само уступало лоббистам и допустило смягчение политики. Сергей Васильев признавал, что существенная часть решений об эмиссионном финансировании, например, весеннего сева, оборотных средств предприятий, северного завоза, конверсионных кредитов была принята до середины июля 1992 года, то есть до прихода Геращенко. Причем делалось все это в форме льготного кредитования. Существенная часть кредитов «в условиях крайней институциональной слабости правительства и отсутствия механизмов финансового контроля просто разворовывалась, формируя источники первоначального накопления капитала».

О том, как шла реформа, с чем сталкивались Гайдар и его министры, красноречиво рассказывает один крошечный эпизод из его ежедневной битвы за оздоровление отечественных финансов.

Говорит Борис Немцов (интервью 2014 года):

«...У меня была очень жестокая битва с Гайдаром. Конечно, я люблю Гайдара и считаю его великим человеком, и рано он от нас ушел, он очень много сделал для нашей страны. Но там у нас была битва. Она была по нескольким параметрам, во-первых, у нас наличных денег физически не было. Была такая галопирующая инфляция, так росли цены, что надо было все время менять номиналы денег. Деньги, мы знаем, какие у нас сейчас номиналы денег: 100 рублей, 500 рублей, 1000 рублей, и более-менее цены растут, но не быстро. А там они росли на 20–30 %. В месяц. Физически не хватало денег зарплату выдавать. И у меня мужики, у которых зарплата начислена, но не выдана, они стали перекрывать улицы. Требовали, чтобы им наличные деньги выдали. Кредитных карт тогда не было, понимаете? Никаких платежей безналичных не было. На многих предприятиях стали выдавать в счет будущих наличных денег пайки (продовольственные. — А. К., Б. М.); вроде продукты есть, но физически ты за них заплатить не можешь.

Тогда я решил напечатать нижегородский областной заем, который потом стал называться “немцовками”, но это не я так назвал. И эта облигация стала средством платежа, то есть местными деньгами. И у Гайдара случилась истерика, он меня хотел убить. Я ему говорю, Егор, у меня выбор простой: либо рабочие, а все-таки Нижний это промышленный регион, там рабочих реально много, военно-промышленные предприятия

занимали львиную долю экономики: авиационный завод, ядерный центр на юге, вы знаете, где работали и Курчатов, и Сахаров, и Зельдович, и Харитон: атомную бомбу в Нижегородской области сделали... короче, либо у нас будет бунт рабочий, либо у нас бунта нет, но будут у нас ходить такие местные деньги под названием “немцовки”. Егор хотел уголовное дело возбудить и т. д., и т. п. А, кстати, “немцовки” эти я напечатал в Перми на фабрике Гознака. Тогда свобода была невероятная. Я приехал туда, говорю: мне надо облигации напечатать, напечатаете? Они говорят: да, пожалуйста. Я сам лично на эту фабрику приехал.

...Поэтому их сами магазины принимали, как средство платежа, потом они стали продовольственными деньгами, потом они стали бензиновыми деньгами. Мы их использовали много раз по назначению. По ним, кстати, еще процент шел, по этим облигациям. Люди могли как-то свои сбережения сохранять. У нас был дикий конфликт с Гайдаром, потому что Гайдар боялся, что развалится финансовая система страны из-за того, что “немцовок” будет много не только в Нижегородской области, а и во всех других».

А вот как выглядит история с наличными деньгами в изображении самого Гайдара:

«Я уже говорил, что при подготовке реформы мы понимали: резкое изменение масштаба цен и доходов потребует существенной налично-денежной эмиссии, перестройки покупательной структуры денежной массы. Говорил и о том, что распоряжение о срочном печатании купюр более высоких номиналов, данное мной начальнику Гознака Алексееву, было воспринято им с полным пониманием, хотя формально это ведомство еще подчинялось союзному Минфину.

Оказалось, однако, что почти сразу же после этого Алексеева вызвал Хасбулатов (председатель Верховного Совета РСФСР. — А. К., Б. М.) и устроил ему жесточайший разнос: “всяких Гайдаров слушаете и инфляцию в стране разводите”. В запутанном законодательстве этого времени разобраться, чей приказ главнее, было непросто. Получив нагоняй, начальник Гознака просто затаился. Работа по подготовке новых купюр была остановлена.

Между тем цены росли, зарплаты заметно отставали от цен, но тоже росли. С каждым днем объем находящегося в обращении денежного номинала все больше отставал от потребностей, и злая беседа профессора экономики Хасбулатова с Алексеевым оборачивалась серьезной бедой. Задержки с выдачей заработной платы, пенсий, пособий из-за нехватки наличности становились массовыми. И миллионам людей было вовсе не до

того, кто там наверху прав, кто виноват.

Чтобы наверстать бездарно упущенные в начале реформ два месяца, быстрее напечатать новые купюры, правительство вне всякой очереди удовлетворило в полном объеме все валютные потребности Гознака (для закупки запчастей, технологического оборудования), ужесточило контроль за налично-денежным обращением.

А кризис усиливается, особенно с приближением сезона летних отпусков. В Перми рабочие грозят, если им не выплатят задолженность по зарплате, заблокировать фабрику Гознака; в Москву мчатся ходоки из регионов, заявляют, что просто не могут возвращаться без наличных денег.

В критический момент всерьез обсуждаем вопрос о возможности отчеканить и пустить в обращение для самых взрывоопасных точек золотую монету. С конца июня 1992 года кризис с наличностью сходит на нет. Однако его политический ущерб восполнить трудно...»

Повторяем, это лишь один кусочек из того бесконечного лабиринта загадок, из той головоломки разваливающегося на глазах мира, которую Гайдару пришлось лихорадочно решать зимой 1992 года.

А приватизация! Это страшное слово, заколдованное понятие, вокруг которого до сих пор кипят такие страсти, что люди, задыхаясь от волнения, огненными письменами готовы писать: «грабительская»! Понимали ли Чубайс и Гайдар, что бесплатная, чековая приватизация вызовет столь яростную критику? А как же! Конечно, понимали.

«Вообще-то, и я, и большинство моих коллег, включая А. Чубайса, скептически относились к идее создания специальных платежных знаков, призванных создать спрос на приватизируемое имущество, впоследствии известных как ваучеры. Слишком очевиден был риск, связанный с неизбежным и крупномасштабным спекулятивным перераспределением этих знаков. Разумеется, хотелось обойтись без всей этой экзотики, в максимальной степени используя приватизационные процессы, отработанные в зрелых рыночных экономиках».

Но... ведь сколько же претендентов на эту несчастную собственность: «красные директора», местные администрации, госслужащие-бюджетники, наконец, сами работники предприятий... Как сделать так, чтобы учесть интересы всех групп, чтобы предприятия не попали в руки какой-то одной?

Ну и самое главное — как сделать так, чтобы приватизация все-таки прошла быстро? Чтобы внутри экономического механизма появился главный ее приводной ремень — собственник?

Послушать Гайдара — не получилось из задуманного практически

ничего. Ни инфляцию сдержать, ни приватизацию нормально провести. С одной стороны, с другой стороны... Обстоятельства, интересы, печальное советское наследие. И с такой оценкой — в том яростном 1992 году — был согласен практически любой его оппонент. А оппонентами были все — от бывших партийных работников до уборщиц, от демократов в парламенте до офицеров обедневшей армии, от академиков-экономистов (бывших его учителей) до въедливых западных ученых.

...И тем не менее, смотрите, какая вещь получается. Прошло полтора года.

В 1993 году, в декабре, состоялись выборы в Государственную думу Российской Федерации, как у нас принято говорить, «первого созыва».

Это были первые выборы по новым правилам. Первые выборы после страшного октября 1993 года, когда на улицах стреляли танки и были десятки убитых (158 убитых, если точнее).

И Гайдар играл в этих событиях далеко не самую однозначную роль. Вот, например, как его роль оценивал Григорий Явлинский:

«Когда вы ведете такую политику... когда у вас спрашивают, почему цены выросли в 200 раз, а вы говорите: вы просто антиреформаторские силы, вы какие-то красно-коричневые. Вот когда вы так себя ведете месяцами и годами, когда вы так разговариваете с людьми и ничего не желаете объяснять, а просто обзываете их, то это доведение до братоубийства, и это плохо кончается».

М-да...

Так вот, на этих выборах 1993 года избирательный блок «Выбор России», возглавлявшийся Гайдаром (в блок входила и его партия «Демвыбор России»), получил в Госдуме 75 мест. По партийным спискам и одномандатным округам в совокупности. Да, они рассчитывали на гораздо большее. Но это была первая, то есть самая большая по численности фракция в парламенте — у нее было на 10 мандатов больше, чем у ЛДПР Жириновского, при этом у Гайдара в Думе еще были союзники, другие демократические фракции, а у Жириновского их не было. И это было на треть больше, чем у коммунистов Зюганова.

В абсолютных цифрах — только по партийным спискам за Гайдара проголосовало 8 миллионов 300 тысяч человек.

А вот цифры по Москве и Петербургу. В Москве за блок «Выбор России» проголосовало 34 процента избирателей, в Петербурге — около 27 процентов. То есть в Москве Егор в *три раза* опередил коммунистов, в столице верность его идеям продемонстрировали более миллиона человек. Миллион 114 тысяч избирателей, если уж совсем точно говорить. В Питере

таких было около шестисот тысяч. В Ярославской области Гайдар набрал 23 процента, в Челябинской — 22 процента. То есть даже в тяжелых промышленных регионах он легко шел на втором месте.

А на апрельском референдуме 1993 года «социально-экономическую политику» президента и правительства одобрило еще больше избирателей, пришедших к урнам для голосования, — 53 процента от числа голосовавших.

Конечно, причин тому было несколько.

С одной стороны, Гайдар был лидером «образованного меньшинства», то есть отечественной интеллигенции. Он и сам был интеллигент, это было видно по всему, а за кого нам было еще голосовать? С другой стороны, он выступал от лица как бы именно *правлящей* партии. Был представителем исполнительной власти, хотя оставалось ему в ней быть чуть больше месяца.

Противоречивая, прямо скажем, позиция. Интеллигент, но во власти. Это противоречие было заметно во всем — по тому, как он стеснялся публики, как избегал стандартных для политика той эпохи речевых оборотов, как не стремился заигрывать с массами. Как не менял на потребу публики свою речь — речь интеллигента, книжника, «ботаника».

Но есть еще одна, менее очевидная причина: Гайдар предлагал людям будущее.

А именно *будущее* было самым ценным товаром в тот момент. За оппонентами Ельцина и Гайдара было только прошлое. Вот по этой линии и делились избиратели.

И в тот момент, как показали выборы 1993 года, вопреки мрачнейшей социологии, общественной депрессии, вопреки «земле, уходящей из-под ног», — людям верилось все-таки в будущее. Хотелось верить. И в Гайдаре они видели именно того человека, который его знает и чувствует. Гайдар был «экспертом по будущему» для тех миллионов, что за него проголосовали. Избиратели представляли его, это будущее, еще очень плохо, смутно, в каком-то тумане — «либерализованные» цены, абстрактные экономические механизмы, какие-то там банки, биржи, налоги.

А он, получалось, уже все это знал. Он в этом разбирался.

Причем, надо сказать честно, не так уж сильно интересовали людей все эти подробности: банки, биржи, инвестиции, налоги и ставки. Подавляющее большинство не интересовали вовсе. Но будущее действительно влекло. Оно светило в маленьких, порой крошечных деталях. Фантики. Обертки. Торговые знаки. Запах вкусной и здоровой

жизни. Каким-то шестым чувством эти люди, назовем их «избиратели Гайдара и сочувствующие», понимали, что дело совсем не в фантиках, а в том, что эти фантики означают огромный цивилизационный сдвиг. Что их будущее — это и есть новая, не советская цивилизация, и значение ее гораздо важнее всех внешних примет, всех ее сегодняшних знаков и символов.

Какая-то часть городского населения (в селе этого почти не было, дошло чуть позже) люто ненавидела эти новые яркие витрины... Какая-то небольшая часть уже с удовольствием приценивалась и покупала. А третья часть стояла у витрин и молча смотрела. Впитывала в себя.

Эти избиратели Гайдара еще не знали, что пройдет лет десять-пятнадцать — и они сами будут расплачиваться кредитками, заказывать гостиницу в Европе по интернету, покупать новую машину в кредит.

Не знали, но чувствовали. На этом вот странном чувстве и была построена его популярность: на вере в это неосязаемое, непонятное, туманное будущее.

Да, оно светилось в деталях. Оно проникало отовсюду — из случайной рекламы и разговора со знакомым, из газетной статьи и проплывающих в окне автобуса витрин.

Владимиру Осипову было в 1991 году 32 года. Он работал учителем биологии и молодым завучем в московской школе.

«Школа, где я работал, находилась в Трехсвятительском переулке. Это школа старая, московская, там рядом с основным зданием находилось историческое здание, четырехэтажный особнячок — так вот, там еще Лермонтов учился, представляете? Была квартира прежнего директора, завуча, огромные квартиры, все это было, конечно, еще до революции. Потом там разместили всякие службы хозяйственные, из работников школы жила только нянечка, еще в 1990 году она там жила. А когда наступили новые времена, наш директор решил эти этажи — подвальный, и еще один — сдать под склад. Сначала сдали два этажа местным коммерсантам, а потом нас нашли баптисты. Им тоже сдали подвал и один этаж. Сюда они привозили книги, гуманитарную помощь, продовольствие.

Поэтому учителя некоторое время — самые трудные первые годы, 91-й, 92-й, 93-й — получали доплату в конвертах за эту самую аренду. И плюс продуктовые наборы от баптистов. И знаете, это было очень даже большим подспорьем. Ну, потом Центральный административный округ вмешался и сказал, что никакая самостоятельная аренда в школе невозможна. И года с 93-го эта лафа кончилась. Но... мы начали подрабатывать по-другому. Уже

тогда можно было репетиторствовать. Мы никому эти услуги не навязывали, родители сами нас просили, подготовить детей к экзаменам, подтянуть по тому или иному предмету. Упрашивали, умоляли. Уже тогда контингент в школе стал меняться. Помимо детей офицеров — слушателей военной академии, которая находилась напротив школы, и жителей огромных коммуналок, которых было хоть отбавляй и в районе Покровского бульвара, и Хитровки, — появились новые жители. Они стали расселять эти коммуналки. У них были деньги. Это были разные люди, очень состоятельные порой, но знаете, отношение их к школе и учителям было, как правило, очень человеческим. Помню, как наша учительница ездила на дачу к девочке, так у ее родителей на этой даче была даже вертолетная площадка. Но когда у этой учительницы кто-то в семье заболел, эти родители в лепешку расшиблись, носились по городу и срочно достали в той Москве очень нужное лекарство. Люди как-то помогали друг другу, да.

Но что самое главное — в 90-е в школе была свобода. Свобода преподавания, творчества. Мы учредили в школе Покровскую классическую гимназию. Учителя писали авторские курсы, писали свои авторские учебные пособия. Можно было варьировать программу, выбирать учебники, самому их писать. Было два спецкласса, математический и биологический (чего раньше нам не разрешали). Мы пригласили в школу из Большого театра преподавателей, у нас был даже балетный класс. Стояли в зале станки балетные, зеркала во всю стену повесили. Вместе с соседним Институтом электронного машиностроения мы задумали эксперимент — из спецкласса дети поступали в институт без экзаменов, только сдав на “отлично” школьные экзамены по математике и физике. Одновременно мы задумали устроить полный цикл — прогимназию в соседнем детском садике, в Морозовском особняке, школу и институт объединить в один образовательный комплекс. Шикарные были планы. К сожалению, МИЭМ потом переехал, детский садик закрыли и купили его здание. А потом уже опять наступила эпоха формализма и бюрократизма в школе. Все эксперименты закончились».

Леонид Кацва работал в 43-й московской школе учителем истории. Он вспоминает: «Закон о реформе образования, принятый в 1992–1993 годах, позволял учителю, и это самое главное, выбирать между разными программами и разными учебниками... Конечно, первая революция в школе случилась еще раньше, при Горбачеве. Я помню, что для меня она началась с лекции, прочитанной мною для учеников и коллег, об итогах коллективизации. То, что в школе можно говорить такое, вызвало

потрясение и у меня самого, и у ребят, а мои коллеги спрашивали: стоит ли так резко рвать с прошлым, не вызовет ли это у ребят слишком сильный шок? Ну и когда мы смогли организовать в школе гимназию, отбирать учеников на конкурсной основе в профильные классы — это тоже была революция».

Именно в эти, 90-е годы Леонид Кацва написал в соавторстве альтернативный учебник истории, который стал известен всей стране. Несмотря на низкий уровень доходов, это были для него важные времена. Если говорить точнее — это были времена интеллектуального, профессионального прорыва.

В довольно любопытных выражениях оценивают начало 90-х представители новых, только что появившихся профессий.

Михаил Хлебородов снимал первые в СССР музыкальные клипы. Клип Богдана Титомира снимали в фабричном помещении возле Белого дома сразу после того, как разобрали баррикады в августе 1991-го. Про 90-е он вспоминает так:

«У нас тогда еще не было никаких позиций, один бешеный энтузиазм... У нас ощущение свободы совпало с ощущением молодости и всеислия. Это видно в клипах, мы горели, мы себя тратили. Мы сами рисовали все, не было художников, не было ничего».

В иной интонации вспоминает 90-е куратор и арт-критик Виктор Мизиано:

«Это была эйфорическая свобода. Но в строго либеральном смысле слова это свободой не было. Потому что либеральная свобода подразумевает не только права, но и обязанности, а с ними в тот период дело обстояло довольно плохо. То есть не было осознанного, артикулированного, внутреннего понимания своих прав, а вместо этого было ощущение какой-то звонкой пустоты, в которой ты оказался без каких бы то ни было предустановленных ценностных ориентиров. Их приходилось выдумывать на ходу. Эти ценности и ориентиры были тогда индивидуальным выбором каждого. Более того, я бы даже сказал так: этот опыт безудержной свободы был довольно тягостным. Он не был только лишь раскрепощающе-пьянящим, но он оказался чреватым и “невыносимой легкостью бытия”».

Елена Ханга вела на канале НТВ телепередачу «Про это», посвященную сексу (в ночное время, естественно). Вот что она говорила про те времена:

«Я думаю, что была счастлива тогда, потому что мы шли по белому снегу, где никто не ходил. Не было дорожки. Мы шли по интуиции...»

Однако как бы то ни было, этот опыт свободы оказался очень важен для нарождающегося нового «среднего класса». Да, этот новый средний класс был пока очень малочисленным, но главное — он имел иную, чем при советской власти, структуру и новые идейные основания. Главным из этих оснований была опора на собственные силы.

Это была эпоха, благодатная не только для представителей отдельных творческих профессий — телеведущих популярных ток-шоу или режиссеров музыкальных клипов, рекламных агентов или журналистов.

Появились целые городские сословия, которые учреждали новые рынки идей, услуг, товаров и активно осваивали их. Это были передовые, одержимые люди, которые тащили за собой целые отрасли и виды деятельности, неизвестные до сих пор.

Для них, получающих гроши или живущих (по нынешним меркам) почти у черты бедности, именно революция в их конкретной профессиональной жизни была дороже стабильности и дороже устойчивости.

Расцвела частная адвокатская практика. Настоящая революция произошла в области IT-технологий. Врачи вместе с предпринимателями (или сами становясь ими) открывали новые клиники и частные кабинеты. Учителя создавали лицеи и гимназии, частные школы. Бывшие научные сотрудники или скромные редакторы вдруг стали издателями, и появились сотни частных издательств. Книжный рынок в 90-е пережил настоящий бум, возникали всё новые и новые неизвестные имена, появлялись новые жанры и виды книжной продукции. Бывшие кинокритики стали политконсультантами, бывшие искусствоведы — галеристами и кураторами. Многих привлекала сама возможность «открыть свое дело», даже не важно, в какой именно области. Бизнес и предприятия прогорали и возникали вновь. В 1993 году люди еще ценили эти новые коридоры возможностей, несмотря на все очевидные потери.

Журналист Вячеслав Недошивин говорил об этом так:

«Я тогда, помню, прочел книжку Ральфа Лэппа, западного ученого, футуролога, и у него было такое сравнение, которое мне очень понравилось. Я помню, оно долго крутилось в голове, потому что я наблюдал это воочию в жизни... Общество похоже на экспресс, который несется по железной дороге. Впереди бесконечное число стрелок, переездов, поворотов, светофоров. Но в кабине никого нет. А большая часть общества сидит в заднем вагоне и смотрит назад. Я, конечно, не возьмусь утверждать это со стопроцентной уверенностью, но, как мне кажется, в России было нечто похожее. Ничего, кроме того, что было у нас

за спиной, мы не знали. Мы смотрели назад. А поезд “Россия” несся со страшной силой вперед».

Так вот, люди, которые все-таки пытались смотреть вперед, в России были. Они пытались уловить, ухватить эти импульсы будущего. И их лидером, конечно, был тогда Гайдар.

Социолог Александр Ослон, тогда, в 1992 году, создававший свою собственную социологическую службу «Фонд общественного мнения», вспоминал в интервью эти времена:

«2 января 92-го года реальность изменилась.

Вначале была еще инерция возбуждения, когда появились эти инновации, связанные с тем, что цены отпустили, торговать разрешили, и очень скоро появилась возможность потрогать доллары, что тоже было шоком культурным. А всё это вызывало возбуждение. И, казалось, очень скоро приведет к чему-то такому необыкновенному и хорошему. По-прежнему ожидания какое-то время еще были позитивные, а потом стало ясно, что реальность совсем не такая, какая она рисовалась в воображении. И то, что было очень похожим в огромных масштабах, стало разбиваться на островки. И стало очень сильно различаться.

Стали резко выделяться и быть очень заметными люди, составляющие очень небольшую группу быстрых, сообразительных инноваторов, которые находились в возбуждении от происходящего, которые чувствовали, что пришло их время, они ждали этого времени, когда они могут самореализовываться, каждый день занимаясь креативной работой.

Но одновременно встречались люди абсолютно противоположные — ошеломленные. Которые находились в состоянии как бы меланхолического наблюдения за происходящим и даже с отвисшей челюстью от недоумения: что происходит — непонятно. И то, что одних заводило: новые правила, каждый день свои, неизвестно, что будет завтра; наоборот, этих людей, вторую часть, приводило в состояние ступора.

И всё, что я рассказываю по поводу этих активных, сообразительных, бурных, креативных и так далее людей, они составляли каплю, каплю в море, в море недоумения. Поскольку основная масса населения немедленно стала испытывать явное ухудшение уровня жизни, снижение уровня жизни, ухудшение качества жизни.

Обнищание происходило. Производство останавливалось. Смысл жизни терялся. А новые смыслы, которые быстренько схватили эти быстрые и сообразительные, эти смыслы они сиюминутные. Они лечили душу ощущениями. Глаза горели, и они всё пробовали. Но за ними-то не могла идти эта масса. Огромная масса, миллионы людей.

Никто им не мог объяснить. Что происходит — непонятно. Как жить — неясно. Куда мы катимся — рассказать невозможно. И так далее».

...Да, безусловно, это было так — кто-то терял смыслы. Кто-то их находил. Первых — терявших смысл — было значительно больше. Но вторые были не менее важны, чем первые, несмотря на свою малочисленность. Именно им предстояло создавать на обломках советского способа производства, советской политической машины, советского образа жизни — другую реальность. Создавать будущее. И с каждым днем их становилось больше. Новая реальность предоставляла им такие шансы, несмотря на все риски и ощущение опасности.

Пройдет еще несколько лет (уже без Гайдара в политике) — и ситуация резко изменится. Апелляция к советским «корням» станет главным фактором политического успеха. Но пока — в том 93-м — будущее еще в цене.

В Гайдаре было сочетание вот этого «эксперта по будущему» — и образа одинокого, честного, вообще говоря, *случайно* (это было видно по всему) попавшего во власть человека. Случайно и не очень надолго. Это тоже вызывало какое-то молчаливое, без деклараций, доверие.

Интересный это был момент в его жизни — Гайдару, никогда не стремившемуся «к избыточному общению с людьми», пришлось теперь с ними часто говорить. То с трибуны съезда, то на всяких встречах, больших и малых, важных и не очень, массовых и камерных, в столице и в провинции, живьем и в интервью. Говорить в печати, говорить по телевизору, говорить по радио, словом, постоянно говорить. Это для него было довольно не просто, даже мучительно... Но необходимо. Люди хотели его видеть. Хотели его слышать.

Иногда случались просто абсурдные, конфузные ситуации.

«Осенью 1992-го, в очень напряженное время, по личной просьбе Бориса Николаевича вынужден был отложить все дела и на день вылететь в Якутию. Провел там непростые переговоры с руководством республики, выступил на Верховном Совете, потом вместе с президентом Николаевым вылетел из Якутска в село Черепча, дальше километров на пятьсот к востоку. Поздно вечером встретился с общественностью. Я рассказывал о работе правительства, о перспективах развития Якутии, их района, о строительстве водовода — важнейшей местной проблеме. Потом — масса вопросов. Кто-то из собравшихся спрашивает меня о моем вероисповедании. Я откровенно отвечаю — агностик. “Это что, секта такая?” — слышится из зала. Объясняю, что это философское учение. Зал изумлен, а сопровождающие меня московские коллеги не могут спрятать

улыбки».

Ну вот действительно, какой из него публичный политик? Ну кто заставлял в селе Черепча в далекой Якутской республике рассуждать об агностицизме? О том, что его истинная вера — это непознаваемость мира. Ну разве может нормальный человек так вот на пустом месте взять и влипнуть? И даром бы только село Черепча — весть о том, что Гайдар, видите ли, у нас агностик, разлетелась по всем СМИ. Не преминули над ней пошутить и по Центральному телевидению, и посудачить на кухнях. Ну ответил бы просто — атеист. Или соврал бы, в конце концов, — как потом делали многие: в Бога верю, но в церковь не хожу. Нет, ему обязательно надо было всю правду сказать!

Впрочем, виновниками этой истории были соратники — сидевшие в первом ряду Николай Головнин и Виктор Ярошенко, который вспоминал об этом эпизоде так: «Однажды в Якутии в районном клубе на вопрос “Верите ли вы в Бога?” он, чуть запнувшись, сказал: я — агностик.

В клуб мы попали после долгого пути через стойбища оленеводов, закусывание строганиной, сырыми оленьими кишками; мы с моим другом Николаем Дмитриевичем, короче, не были совершенно трезвы. Сидели в первом ряду, и Коля довольно громко спросил у своего босса из первого нашего ряда: “А что, это секта такая?”

Егор посмотрел на нас неприязненно и ответил через паузу: философское учение. Зал уважительно зашумел.

Недавно я даже нашел аудиокассету с этой записью — все документально подтверждается.

Потом мы долго шутили по этому поводу. И даже от кого-то сочинитель скетчей Задорнов об этом услышал и стал рассказывать. Егор однажды спросил меня, зачем я рассказал эту историю Задорнову, жившему с ним тогда в одном доме на Осенней улице. Я удивился и сказал, что с Задорновым не знаком, а просто байка пошла жить своей жизнью».

...Но, может, за эту искренность его и любили?

Впрочем, его много потом упрекали как раз за то, что говорил мало, не объяснял людям «положение дел».

И вот как отвечал на этот упрек Гайдар:

«...Что, собственно, в конце 1991-го — начале 1992 года мы должны были ясно и просто объяснять людям? Что мы летим на самолете с одним крылом? Что нет никаких гарантий того, что приземлимся? Что невозможно прогнозировать уровень инфляции, потому что мы не обладаем контролем над всей рублевой зоной, что все наши усилия завтра могут быть перечеркнуты неожиданными действиями правительств Казахстана

или Украины? Что мы сознательно закрываем на все это глаза, идем по пути жесточайшей сдержанности в собственной бюджетной политике, потому что другого выхода нет, — лишь то, что делаем, дает хоть какие-то шансы вывести страну из пике? Думаю, если бы все это было ясно и просто сказано в декабре 1991-го — январе 1992-го, ничто не спасло бы нас от гиперинфляции и хозяйственного хаоса.

Вообще, невозможность сказать всю правду людям о положении страны, о том, что делаешь, — это, к сожалению, приходит вместе с реальной властью. Именно здесь хорошо понимаешь точность кантовского принципа: “Все, что ты говоришь, — должно быть правдой, но отсюда не следует, что надо говорить всю правду”».

Говорить неправду — он тоже не мог.

Однако вот это «честное молчание» Гайдара и было тем фактором, которое тоже привлекало к нему людей. Ну хотя бы вот этот зафиксированный на избирательных участках миллион сто тысяч москвичей в декабре 1993 года.

Так все-таки что же получилось тогда из гайдаровских реформ? Послушаем для начала интервью Евгения Ясина, одного из главных российских реформаторов:

«Было твердое понимание того, что плановая экономика — чушь собачья. Она не выдержала испытания временем, и нужно двигаться в сторону свободного рынка. А у свободного рынка есть несколько институтов, без которых он не работает. ...Свободные цены немедленно давали возможность согласования спроса и предложения. И дефицит пропадал. Не надо было делить и распределять. Далее — финансовая стабилизация. Потому что если вы не принимаете мер по ограничению денежной массы, она будет расти бесконечно. Значит, нужно проявить жесткость. По этому поводу в команде реформаторов был консенсус. Хотя понятно, что это было тяжело. Первые три-четыре месяца выдерживали линию, а потом на нас был накат, пришлось уступить. Потом Геращенко стал председателем Центрального банка — Гайдар рассчитывал на его опыт, но тот оказался советским банкиром. Продолжающаяся инфляция — в основном его вина. Потому что когда он начал выдавать кредиты и производить взаимозачеты — это был август 1992 года — тогда и начался главный рост цен. Но все равно я бы не стал предъявлять ему серьезные претензии. В августе 1993-го он совершил исключительно важный шаг — сделал русский рубль... (обмен советских рублей на новые, российские. —

А. К., Б. М.). И собственно говоря, после этого мы получили все возможности для того, чтобы уже обеспечить стабилизацию. Основные моменты этого комплементарного сгустка, где есть и свободная торговля внутри, и свободная внешняя торговля, и возможность продавать валюту по рыночному курсу — все это уже было. Плюс к этому началась приватизация.

Вы считали жесточайшую политику, направленную на подавление инфляции, нереалистичной и ненужной в 1992 году?

... Я полагал, что основная группа реформ уже осуществлена и что дальше эти импульсы могут работать сами, если дать им развернуться... У меня действительно было такое ощущение, что еще какие-то реформы в тех условиях все равно трудно будет реализовать. Добиваться совершенства в переходный период бесполезно. Это историческая эпоха. Я и сейчас так считаю: останься Гайдар на посту председателя правительства еще, допустим, три года, все равно основное дело он уже сделал».

Помните метафору Гайдара: «осталось тело, и оно перестало функционировать, нет даже конвульсий...»? Сказано об административной советской системе, но вполне применимо и к экономике. Так вот, по мысли Ясина, освобождением цен Гайдар оживил это мертвое тело, несмотря на все страшнейшие издержки. Живые, настоящие рыночные деньги, как новая кровь, понеслись по сосудам — и заставили тело после некоторых судорог все-таки встрепенуться. Конечно, для этого потребовались миллионы новых экономических агентов — тех самых «челноков», спекулянтов, первых собственников чего-нибудь, хоть ларька, хоть банка, хоть бензоколонки.

Через несколько лет мучений и конвульсий российская экономика, возросшая на этих новых дрожжах, пошла в рост, и сегодня ВВП России превышает советский.

Но у этого вполне добротного, по крайней мере, интуитивно понятного пути в будущее была одна очень неприятная особенность — туда смогли пойти далеко не все наши граждане. Многие отстали на годы, может быть, на десятилетия. А может быть — навсегда. Тем-то и отличались «план Гайдара» и «план Явлинского» по проведению экономических реформ — Явлинский предлагал идти в капитализм всем вместе. Всем народом. Построившись в колонны и взявшись за руки.

Это звучит парадоксально, но если вчитаться в этот его план по «продаже средств производства», приватизации мелких предприятий, всех этих «автобусов, грузовиков и авторемонтных мастерских», становится понятно, что он мыслил этот путь именно как общий, коллективный. Даже,

скорее, общинный. Все вместе встали и пошли. Все вместе купили грузовик. Прочитали объявление в газете — и начали скидываться... Хочешь не хочешь, все идут, и я иду.

Социал-демократический, народный капитализм.

С точки зрения социальной психологии, с точки зрения политики, массового сознания, с точки зрения таких вещей, как доверие и чувство защищенности, — это, безусловно, было бы предпочтительнее. По крайней мере мягче.

Гайдаровский план предполагал резкое разделение — на активных и не активных, на деловых и не деловых, на предприимчивых и не предприимчивых. Тех, кто хочет успеть, и тех, кто готов опоздать.

И вот вторых этот план в расчет не брал. Они оставались в тени.

Ну а потом... потом-то они вышли из тени.

На первый план в политике быстро выдвинулись те самые «широкие народные массы» и их реакции, про которые Гайдар говорил: «последствия реформ будут болезненными». И — «мы пошли на самый обостряющий и рискованный сценарий».

Но они — эти последствия реформ — были для этих масс не просто болезненными. Они были оглушительно тяжелыми, порой катастрофическими.

«Типичная картина начала 1990-х, — пишет историк Рудольф Пихоя. — Рабочие получали зарплату изделиями своего предприятия — посудой, лампочками. Это было плохо — надо было идти и продавать самому или отдавать посредникам. Еще хуже было тем рабочим, продукция которых на рынок не могла поступить».

Однако «лампочки, посуда» — это далеко еще не все заводы и фабрики. Ведь были еще и военные предприятия.

«Изменение политического статуса России в мире, отказ от концепции “холодной войны” привели к резкому сокращению государственных закупок вооружения. Это, в свою очередь, ударило по всей длинной цепи оборонного комплекса — от университетских кафедр и лабораторий, академических и специализированных научно-исследовательских институтов до заводов, металлургических и горнодобывающих комплексов и испытательных полигонов. Последствия этого — значительное снижение, а во многих случаях — прекращение государственного финансирования, сокращение рабочих мест, свертывание и даже ликвидация ряда производств... Спаслись только те предприятия, которые вышли на мировой рынок вооружений».

«В машиностроении тяжелейший кризис пережили прежде всего высокотехнологичные отрасли...» — продолжает разбор Р. Пихоя. Погибшие, или «уснувшие» на долгие годы, советские заводы оплакивали тогда многие. Но, может быть, одно из лучших погребальных песнопений принадлежит перу писателя Александра Проханова:

«...Он (Гайдар. — А. К., Б. М.) лишил финансирования почти всю советскую промышленность. Она состояла главным образом из военной промышленности, из ВПК. ВПК был основой советской экономики. Он лишил ее финансирования — и сразу, мгновенно стали умирать танковые заводы, ракетные, спутниковые, заводы по производству подлодок и электронных систем. Они стали задыхаться, рассыпаться — и очень скоро они рассыпались. Люди убегали оттуда, производство падало, чахло, и этим самым он уничтожил всю советскую индустрию. Вот тот гигантский опыт сталинский, который заставил работать в шарашках и лагерях и индустриализовать страну, — весь этот труд Гайдар пустил под откос. Он провел де-индустриализацию. Страна в результате лишилась индустрии. Она опять вернулась в доиндустриальный период».

Вторит Проханову и известный в советское время диссидент, немало пострадавший от КГБ, Рой Медведев. Вот что он пишет в своей монографии «Борис Ельцин» о реформах Гайдара:

«В июле — сентябре (1992 года. — А. К., Б. М.) положение дел в российской экономике также ухудшалось. Быстро свертывались социальные программы. Резко сокращалось финансирование здравоохранения, культуры и науки. Останавливались многие предприятия ВПК. В связи с ликвидацией СССР начались процессы распада армии и флота, транспортных систем, энергетики, единой системы гражданской и транспортной авиации. Распадалась единая система безопасности, правоохранительная система.

Появившиеся в России ростки отечественного бизнеса с трудом пробивались к свету, подавляемые не только налогами и поборами чиновников, но и стремительно набиравшей силу системой преступного рэкета. Более защищенными от налогов и рэкетиров оказались нарождавшиеся компрадорские группы. В то время как государственные системы распределения потребительских товаров свертывались, рыночные системы возникали медленно и неравномерно. Даже при быстром росте цен во многих городах страны в продаже не было сахара, мяса и подсолнечного масла».

...В общем, все ужасно — от ракет средней дальности до подсолнечного масла. (Хотя на самом деле товары, в том числе самые

необходимые, с прилавков не исчезли, а напротив, только начали появляться с реформами Гайдара.) Куда ни кинь, всюду клин. Эпическая картина, что и говорить...

Однако яркие эпитеты публицистов действуют порой куда слабее сухих цифр. В своей книге Рудольф Пихоя приводит их достаточно.

Количество умерших от алкоголя с 1990 по 1995 год выросло более чем в три раза с 18,2 тысячи до 57,7 тысячи.

Доходы ниже прожиточного минимума в 1992 году имело 50,2 миллиона человек (в 1995-м, согласно официальной статистике, 31,6). Среднемесячная начисленная заработная плата (официальная) в долларах США имела вот такое выражение: в 1992 году — 22 доллара, в 1993-м — 57, в 1994-м — 98. Общая численность безработных в 1992 году — 3 миллиона 567 тысяч. В 1996-м — 6 миллионов 473 тысячи. (То есть предприятия продолжали закрываться.) В забастовках приняли участие в 1992 году 357 тысяч человек, в 1996-м — примерно вдвое больше, 663 тысячи.

Впрочем, критика гайдаровских реформ — это, конечно, не несколько отдельных книг, а огромная «ленинская библиотека». Это целые «научные» институты, плеяды «исследователей политических наук», диссертации новоявленных академиков и книги политических писателей, сделавших себе «имя» на этой критике Гайдара и Ельцина. Что там говорить — все они идут в фарватере официальной позиции, фразеологии руководства нынешней России, а они иначе как «смутными временами» 90-е не называют.

И вот тут возникает интересный вопрос: ну а почему же градус этой полемики и сейчас столь высок? Почему никак не могут успокоиться эти люди? Что же их так мучает?

Вроде как давно расстались уже с «лихими 90-ми» и похоронили. А ненависть не утихает. Причем претензии к Гайдару раскручиваются, так сказать, по спирали с каждым годом, и вместе с патриотическими, социал-демократическими публицистами и экономистами вот уже вроде бы и вполне либеральные мыслители включаются в этот хор: не так приватизировали, неправильно освобождали цены, не подумали об институтах, не обезопасили частную собственность, не с того начали, не тем завершили, не углубили, недоделали...

Но, может быть, дело просто в огромном, воистину историческом масштабе этих реформ?

Говоря о Ельцине, Борис Немцов, например, сформулировал так:

«Я бы сказал исторически: если Ельцина сравнивать с другими

лидерами страны, то он, конечно, рядом с Александром II находится; для меня это совершенно очевидно. Они абсолютно разные люди, и с разной судьбой, но вклад их в развитие страны абсолютно идентичен. И тот и другой освобождал Россию от рабства, холуйства и т. д., и это дорого стоит. Понимаете, у нас страна крепостная, у нас страна была под игом сотни лет, у нас страна под коммунистическом игом была. Руководители, которые отваживались дать людям свободу, эти люди, конечно, очень двигали историю» (интервью 2014 года).

Конечно, Борис Ельцин нес на себе весь груз политической ответственности за реформы, но все же в списке реформаторов Гайдар — как минимум на втором месте. Главные реформы были осуществлены именно по его плану.

Может быть, огромный *масштаб* перемен и является истинной причиной этой неутихающей критики? Именно громадность совершенного шага и подогревает до сих пор градус полемики?

Так же как русские интеллигенты еще 50 лет после освобождения крестьян спорили о том, хорошие это были реформы или плохие, освобождать надо было с землей или без земли, — так и о Гайдаре яростно, до хрипоты, до посинения, до потери пульса будут спорить еще пятьдесят, а то и сто лет?

Вернемся, однако, к заводам. Хороший все-таки вопрос — неужели Гайдари было не жалко заводов?

Андрей Нечаев вспоминает такой эпизод:

«Был случай, когда я, человек, в общем-то спокойный, просто грозился всех расстрелять лично. Я для поддержки оборонки придумал систему конверсионных кредитов, которые мы давали по очень льготной ставке. Приезжаю в Сибирь на завод “Омсктрансмаш”, делавший танки, а руководство завода категорически отказывается проводить конверсию. Просто уперся директор: будем делать танки — и всё. Говорит: “Андрей Алексеевич, вы не поверите, какие мы делаем танки. Мы делаем лучшие в мире танки”. Я говорю: “Я верю, только у нас худший в мире бюджет. Нет у нас денег для ваших танков. Совсем нет”. Он свое гнет: “Давайте мы сделаем перерыв на совещании, если можно, и я вас отвезу на полигон”. Мы поехали на полигон, и там он совершил большую ошибку. Там действительно танки прыгали, летали, ныряли, стреляли. Для меня, как для мальчика в детстве, это было феерическое зрелище... А потом мы проехали чуть дальше, и я увидел сюрреалистическое зрелище: просека в тайге, и сколько хватает глаз — стоят припорошенные снегом танки, и ряды их

уходят вдаль куда-то. Сколько их там было? Тысячи, десятки тысяч. Я не выдержал и закричал: “Подлец, ведь тебя же судить и расстреливать надо! Танков стоит на три большие войны, а он еще денег просит у нищей страны, чтоб клепать их дальше”. Ну тут он как-то сдулся, я дал денег на этот “Черный орел” (экспериментальная модель. — А. К., Б. М.), и больше мы не заказали ни одного танка. Понятно, что это была для завода катастрофа».

...Ну хорошо, это танки.

Но ведь были и заводы вполне мирного назначения, чей товар был очень даже востребован, и не только у нас в стране, но и в мире. Например АвтоВАЗ. Ведь и у него начались проблемы.

«Сошлюсь на пример Волжского автомобильного завода, — пишет Рудольф Пихоя. — Его продукция пользовалась в СССР огромным и постоянно неудовлетворенным спросом. Ежегодные 750 тысяч автомобилей буквально разлетались по стране и за рубеж. Проблем со сбытом продукции у завода не было и потому, что вся она — строжайше учтенная — поступала в распоряжение министерств и ведомств...

Что же произошло на заводе с началом реформы?

Прежде всего, ушла в небытие планово-распределительная система, что означало... развал государственной системы распределения. Это означало, что завод должен был не только производить автомобили, но и сам продавать их. Как? У завода не было и не могло быть системы продажи сотен тысяч автомобилей. Раз нет продаж — нет и денег. Завод затоваривался. Площадки для готовой продукции были заставлены автомобилями».

Конечно, Гайдар и его товарищи действовали в экстремальных условиях — им нужно было остановить инфляцию, наполнить бюджет, чтобы дать людям зарплату, накормить их, спасти страну от окончательного развала. В других обстоятельствах они, возможно, нашли бы способ поддержать уникальное производство, дать кредит, сохранить «гордость», «флагман» той или иной отрасли.

Все они, эти реформаторы, работали в советских НИИ, были плоть от плоти советской инженерно-технической интеллигенции и прекрасно понимали, что такое крупный советский завод — рабочие места, технологическая культура, особый менталитет и т. д.

Но с чем Егор был категорически не согласен? С тем, что все эти гиганты должны сидеть на шее у государства. Если завод не может продать свою продукцию, заработать денег, тогда это не экономический субъект. А если не экономический субъект, тогда что это?

Конечно, есть огромная разница между заводом, который производит танки, и заводом, который производит легковые автомобили. Эта разница потом сказалась и на их судьбах. ВАЗ продолжает, даже в условиях жесткой конкуренции с мировыми автопроизводителями, работать, и неплохо себя чувствует, — а вот танки для страны теперь производятся, видимо, уже не в Омске.

Но производство чего угодно должно быть экономически обосновано. Или военным бюджетом (в границах рационального), или — продажей своей продукции. Иного не дано.

Не случайно Немцов сравнил эпоху Гайдара и Ельцина с эпохой реформ Александра II.

Заводы и фабрики советской эры были, по сути, теми же «усадьбами» и «поместьями» царской России, на которых работали крепостные крестьяне. Но так же как помещики в николаевской России уже с трудом справлялись с необходимостью обеспечить своих крестьян хлебом, организовать их труд и сделать их работу выгодной, — так и Советское государство перестало с этим справляться во второй половине XX века.

Люди делали лучшие в мире танки — и были вынуждены стоять в очередях за молоком и «суповым набором» вместо мяса. Им нечего было есть, если называть вещи своими именами.

Гайдар и его правительство считали это безнравственным. Они не желали мириться с такой системой.

Однако у этой, вполне здоровой и морально вполне обоснованной позиции было одно внутреннее противоречие. Приватизация внезапно замерших заводов и других важных экономических ресурсов открывала широкие перспективы перед людьми, скажем так, с чересчур активной жизненной позицией. Морально не очень устойчивых и в смутную эпоху смены формаций не сильно законопослушных. Проще говоря, она открывала дорогу перед разного рода жуликами и авантюристами.

О том, как он впервые столкнулся с этим явлением, рассказывает писатель Вячеслав Недошивин, в те годы пресс-атташе госсекретаря России Геннадия Бурбулиса:

«Я помню, не буду называть фамилию... но ко мне из “Комсомолки” приходили некоторые люди, с такими предложениями: что вот нельзя ли как-нибудь сделать так, чтобы в Амурской области часть лесов могла забрать вот такая-то компания? То есть это “Комсомолка”, это журналисты, это ребята, с которыми я вырос, жил и так далее, и много лет работал. Но, тем не менее, возникла ситуация, когда можно было что-то урвать, что-то

наклонить под себя, каким-то образом заработать, какие-то устроить левые дела, и так далее, и они втянулись в эту игру».

Если на уровне пресс-секретаря Бурбулиса интересовались амурскими лесами, на уровне первого вице-преьера Гайдара интересовались вообще-то всем на свете:

«Вокруг правительства всегда вьется колоссальное количество авантюристов, предлагающих множество на первый взгляд завлекательных проектов, — писал он. — Нередко их лоббистами выступают и ответственные люди, как правило, мало разбирающиеся в сути дела.

Всякий раз, когда слышу о том, что та или другая неизвестная фирма собирается предоставить заем на 5—10—15 миллиардов долларов, убежден — речь идет об авантюристах. Суть интриги предельно проста: никто, разумеется, не собирается предоставлять такие деньги, но, получив бумагу с правительственными гарантиями, ловкий проходимец может довольно долго по-крупному разыгрывать роль Остапа Бендера и получать гешефты, путешествуя по планете в качестве уполномоченного российского, молдавского, киргизского или какого угодно другого правительства.

С фирмой “Ди Пи” был как раз один из таких случаев. Ее очень настойчиво лоббировал один из народных депутатов, обвиняя Минфин в косности и консерватизме. Фирма предлагала предоставить российскому правительству кредит на весьма выгодных условиях. Учитывая масштабы давления, поручил Леониду Григорьеву, председателю Комитета по иностранным инвестициям, разобраться с этой фирмой. К моему удивлению, он довольно быстро представил мне проект решения правительства, одобряющего такое сотрудничество. Впоследствии, выясняя, как это могло случиться, понял — его просто обвели вокруг пальца, убедили, что решение мной уже принято, а за ним только техническое оформление документов. На всякий случай я продиктовал крайне осторожный вариант распоряжения: мы готовы принять предложение фирмы, если она предоставит соответствующие средства и они будут зачислены на счет Минфина. Если нет — никаких отношений быть не может. Как я и полагал, денег этих мы не увидели, зато получили еще один хороший урок. В дальнейшем подобного рода бумаги отфутболивал без тени сомнения.

...Однажды вечером, после совещания премьеров СНГ и последовавшего за ним дружеского ужина, ко мне подошел один из руководителей правительства соседней страны, отвел в сторонку, завел разговор о необходимости развития взаимовыгодного сотрудничества, потом мягко упомянул о возможности учета при этом моих личных

интересов. Поблагодарив за желание развивать экономические связи, я сделал вид, что не понял прозрачного намека, но после этого стал относиться к любым контрактам, связанным с этой страной, с особым вниманием и осторожностью».

Особая осторожность к вещам такого рода — это, конечно, про него. Хороший пример про эту самую «осторожность» вспоминает Андрей Нечаев:

«Егор был всегда настолько щепетилен, что однажды с ним на моих глазах случился комический эпизод. Мы вдвоем что-то обсуждали у него в кабинете. Приходит помощник Гайдара Коля Головнин и говорит: “Егор Тимурович, вам тут из Якутии шапочку прислали, куда положить?” Егор даже побагровел и просто заорал, чего с ним почти никогда не случалось: “Какую к черту шапочку! Немедленно отправьте обратно”. Николай смущенно вытащил из-за спины старую вязаную лыжную шапочку — типичное изделие советской легкой промышленности 50—60-х годов. Оказалось, что не отличавшийся пышной шевелюрой Гайдар взял ее в командировку в Якутск на случай холода, в гостинице ночью и забыл. Заботливые хозяева решили вернуть головной убор вице-премьера».

Есть подобный эпизод и в воспоминаниях Бориса Немцова — это был эпизод с решением вопроса подъема Чебоксарского водохранилища, против чего выступало руководство Нижнего Новгорода, опасаясь затопления города и заболачивания Волги. На совещании у премьера Егор, который быстро и жестко вел совещание, выслушав аргументы участников, коротко и категорично подвел его итоги: «Водоохранилище поднимать не будем. Решение принято».

После этого совещания заместитель Немцова, человек старой советской закалки Иван Скляр, предложил Борису отблагодарить Егора — всего-то бутылкой арзамасской (то есть из родовых гайдаровских мест) водки, двумя банками черной икры и матрешками. Классический советский набор с изъятием благодарности за правильное решение вопроса. Немцов вспоминал:

«Вот со всем, что бог послал, поднялся я к Егору Тимуровичу: “Можно к Егору Тимуровичу?” — “А что такое?” — “Ну, я ему кое-что забыл передать”. Открывается дверь, я захожу: “Вот, Егор Тимурович, спасибо вам большое”. Он покрылся пятнами, он топал ногами, он на меня кричал, он меня выгнал в конце концов. Со всем: с водкой, с икрой, со всей программой. Я уже не помню, как кубарем свалился с 5-го этажа (здания на Старой площади. — А. К., Б. М.), наорал на Склярова. Это к вопросу о честности...»

...Да, но это ведь Гайдар Егор Тимурович. Для которого «финансовая прозрачность» — чуть ли не символ веры. Для которого моральная чистоплотность — не лозунг, а вшитая в мозг программа, которая работает на уровне подкорки и семейного завета. Он, например, запретил в своей приемной принимать любые подарки, вообще любые — хоть авторучку. Однако же не из одних Гайдаров состоит и аппарат правительства, и депутатский корпус, и вообще бюрократия в целом.

Одним словом, выбранный вариант чековой приватизации, когда любой человек — хоть в метро, хоть на улице — мог продать свой ваучер кому угодно, открывал перед племенем Остапов Бендеров просто золотую эру. Нагрели руки и чековые инвестиционные фонды, работавшие по принципу «финансовой пирамиды», и недобросовестные чиновники, подписывавшие за солидную мзду разнообразные «пакеты документов», и новые предприниматели, конечно, тоже. Появился целый класс людей, которые разбогатели, используя «дырки» в законодательной базе.

Так что и тут поневоле вспоминался план Явлинского. Идеальный, честный, искренний народный капитализм. «Сбережение» народных фабрик и заводов. Железный заслон на пути коррупции.

Чем же он не устраивал Гайдара?

Ну, прежде всего тем, что он не верил в этот путь. Он не верил, что «рабочий», социал-демократический капитализм в принципе может быть эффективным. Что завод, который «принадлежит рабочим» (или та же авторемонтная мастерская), с «нанятым менеджером», будет конкурентоспособен. Увы, не верил.

И здесь вспоминаются рассказы близко знавших его людей, знавших еще по даче в Дунине, о том, как он мог жестко спорить, как умел поставить на место даже мальчишек, своих ровесников, в споре: ведь он держал в голове тысячи цифр и фактов и всегда поражал своей ясной логикой. Мальчишек это невероятно злило.

Но поразительно, что таким же Гайдар остался и потом, во взрослом своем состоянии.

И Нечаев, и Уринсон рассказывают, как конфликтовали с Гайдаром по одному и тому же сценарию — выделить какое-то производство, какой-то завод или отрасль в «особую группу», дать им преференции, освободить от налогов, чтобы спасти и сохранить. Гайдар же доказывал, что это бессмысленно, что внеэкономическими методами нельзя спасти экономический субъект, что все лопнет и все равно разорится, — и всегда оказывался прав.

Однако главная причина того, почему Гайдар не пошел на «мягкий» и

«плавный» сценарий приватизации, была в другом.

Это время — мягких и плавных переходов — было упущено еще при Горбачеве. Было им растрчено.

Сейчас — при Гайдаре — времени уже не было совсем. И мы сейчас с вами увидим, почему.

Глава седьмая. Человек на трибуне

Первая жесткая атака на Гайдара началась еще до января 1992 года. Исследователь 90-х Олег Мороз вспоминает:

«Точкой отсчета можно считать выступление вице-президента Александра Руцкого во время его поездки по оборонным предприятиям Сибири в начале этого месяца (в декабре 1991 года. — А. К., Б. М.). Как раз в ходе того турне, обрушившись на новое, лишь недавно сформированное правительство, он прилепил к нему нелепое словосочетание “ученые мальчики в розовых штанишках”. После оно на все лады бесчисленное число раз повторялось...

...Уже менее чем через две недели после ельцинского указа о либерализации цен — он начал действовать со 2 января — депутатские вожди и их единомышленники вслед за Руцким выступили с нападками на действия кабинета. Так, спикер ВС Руслан Хасбулатов “отметился” 13 января, заявив на встрече с делегацией итальянского сената, что Верховному Совету России следует “или предложить президенту сменить практически недееспособное правительство России, или, в соответствии с конституционным правом, самому сменить это правительство”. Нападки на кабинет спикер продолжил на заседании президиума ВС, состоявшемся в тот же день. “Создается очень безрадостное отношение к правительственной политике, — сказал Хасбулатов. — И какие-то выводы в организационном плане, безусловно, надо будет делать”».

Ситуацию Гайдар описал в книге «Смуты и институты»: «После 2 января 1992 года число тех, кто хотел отмежеваться от принятых мер, росло с каждым днем... Сразу после либерализации цен началось использование заблуждений людей в том, что трудности, связанные с крахом советской экономики, — результат неумело проведенных реформ, и ответственность за это несет сформированное Ельциным правительство».

Надо сказать, что при назначении Гайдара речь сразу шла о том, что политикой, идеологией, пропагандой реформ члены его команды не занимаются и не могут заниматься. Их дело — экономика.

Существует известный апокриф — о том, что Егор Тимурович пришел в какой-то момент к Ельцину и сказал, что информационная поддержка, разъяснительная работа не менее важны, чем их экономическая составляющая, что народу надо объяснять, ради чего страдания и что, собственно, происходит. На что Ельцин, подумав, дал ему короткий ответ:

«Я отдел агитации и пропаганды создавать не буду, я этого в партии вот так наелся». Своему сыну Павлу Егор передавал слова Ельцина в еще более короткой формуле: «Я агитпроп создавать не буду!»

Об отсутствии внятной информационной политики, которая бы поддерживала экономические реформы, — и в работе со СМИ, и в работе с тогдашним парламентом и общественными организациями — говорили потом многие. Называли это как одну из главных составляющих гайдаровских неудач.

Вот, например, как сформулировала это Ирина Хакамада, во второй половине 90-х тоже успевшая поработать в правительстве:

«Главная ошибка заключалась в том, что народ в России демократами рассматривался как некий символ, который можно переставлять с клеточки на клеточку. Типа, поймет, стерпит, настроение требует свободы, значит, проглотит все. А народ не проглотил. Не хватило в этой команде социологов, не хватило социальных психологов и профессиональных политологов, которые понимают, как более компромиссно в огромной стране, с огромным консервативным и архаичным следом в истории, более спокойно и аккуратно подготавливать людей к реформам. Объяснять им, вовлекать их, вести с ними бесконечный диалог. И таким образом, пусть даже медленными темпами, двигать все дальше. В головах молодого правительства победил дух большевистского переворота. Сейчас все сделаем, дальше народ перетерпит, но зато дальше будет — вау!»

Так кто же в правительстве Гайдара должен был отвечать за все это — за «команду социологов, социальных психологов, профессиональных политологов» и т. д.?

Никто.

Гайдар, Чубайс, Авен, Нечаев, да и все остальные считали, что их от этого участка вежливо попросили отодвинуться. Экономика отдельно, политика отдельно.

Вице-премьер гайдаровского правительства Александр Шохин вспоминал об эпизоде середины осени 1991-го:

«Мне Полторанин говорит: “У меня предложение. Давай правительство на две части поделим. Экономический блок — твой. А политический — мой. Два первых вице-преьера”. Я спрашиваю: “А кто премьер?” “Это, — говорит, — мы потом решим, кто”. Начал перебирать: “Гайдара — министром финансов. Есть там еще ребята подходящие?..” В конечном итоге при всем при том, что Ельцин все-таки назначил Егора на этот блок (вице-премьером. — А. К., Б. М.), полторанинская схема

устройства правительства так или иначе была реализована. Правительство все равно делили на две части. До средств массовой информации нас не допустили, не говоря уж о более серьезных политических вещах».

А вот что думает по этому поводу Андрей Нечаев, министр экономики: «...Мы договорились, что неприлично идти по традиционному пути и во всех грехах обвинять прежнюю власть, хотя в данном конкретном случае это было именно так... Я считаю, что это была глупость. Но отчасти это было связано с личностью Горбачева. Понятно, что, наезжая на Павлова, Рыжкова и всю советскую экономическую политику второй половины 80-х — начала 90-х, мы фактически наезжали бы на Горбачева, а в общем мы все ему были благодарны за демократизацию страны. Да и не было времени, особенно в режиме 18-часового рабочего дня, выступать с какими-то пространными лекциями. В общем, тема освещения наследства, которое нам досталось, конечно, была совершенно не доработана... Плюс был, конечно, еще важный момент: Ельцин нам четко сказал сначала сам, а потом еще больше устами Бурбулиса (хотя, возможно, Бурбулис сильно добавил и от себя): “Ребята, вы технократы, вы занимаетесь экономической реформой... А политическое прикрытие и информационно-пропагандистское прикрытие — это Бурбулис, Полторанин, Шахрай и я, президент РФ лично”. И вот эту сферу они просрали полностью, извините за выражение».

Еще масштабнее высказался на эту тему Анатолий Чубайс (интервью 2019 года):

«В 1990-е годы так сложилось, что мы оказались единственной командой, которая перед этим 10 лет всерьез профессионально разрабатывала ответ на вопрос: как реформировать советскую экономику? Мы были экономистами, мы экономикой и занимались. Причем, как мы теперь понимаем, это было сделано с использованием классических основ либерализма.

В советском экономическом научном пространстве этого не существовало, ни Абалкин, ни Шаталин, ни Петраков близко к этому не подходили. Они были все про социалистический рынок в лучшем случае. А мы поколенчески прорвались в другое измерение.

И вот вопрос. А среди российских интеллектуалов, мыслителей, философов андеграундных, полуполигальных назовите мне три фамилии людей, которые в конце 1980-х с тех же самых либеральных фундаментальных позиций пытались бы ответить — не про экономику, а вообще. И стали думать. Сахаров с Конституцией? Да нет... Мамардашвили? Аверинцев? Да нет. А не было мыслителей, которые бы

конкретно и подробно обдумывали *не* экономическую часть устройства жизни в России. Солженицын с этим самым “Как обустроить Россию”? Ну, понятен срез — не то. Не было буквально никакой дорожной карты.

Я не знаю ни одной фамилии... В этом смысле надо не удивляться тому, что у Гайдара был этот недостаток — он не работал с обществом, с социумом, с политическими реформами, а надо поражаться тому, что Гайдар сумел сделать то, что он сумел сделать. На том фоне интеллектуальном, на котором он находился, это поразительно, как можно было прорваться в это новое измерение, у которого не было никаких корней в официальной науке».

...Так был ли у реформаторов подробно проработанный план политических, социальных реформ или они двигались вслепую? И мог ли он быть тогда вообще?

Вопрос интересный, и мы к нему обязательно вернемся. Но пока отметим для себя — Гайдар, Чубайс, Нечаев, Шохин, Авен и все остальные буквально были «отключены» от диалога с обществом. По крайней мере, сами-то они считали именно так.

Конечно, можно сказать и по-другому — в том кипящем котле, который представляла из себя новая Россия, никому из правительства невозможно было «увернуться» от больших и чудовищно сложных задач. Сергей Шахрай, недавний депутат российского съезда, еще один вице-премьер правительства, занимался национальными отношениями, политическими партиями и движениями, он носился по национальным республикам России, пытался наладить мирный диалог с Чечней и Татарстаном, Осетией и Кабардино-Балкарией, левыми и правыми популистами в Верховном Совете, которые каждый день преподносили сюрпризы исполнительной власти. Михаил Полторанин, бывший опальный главный редактор «Московской правды», призванный Ельциным в команду правительства в 1990 году, с нуля организовывал российское телевидение, новые российские газеты, доводил до ума новый закон о печати.

Да и трудно, согласитесь, отвечать перед народом за экономическую политику, которую ты сам не проводишь. Ни Шахрай, ни Полторанин особого рвения в этом не проявили. Бурбулис вас привел, вот пусть Бурбулис за вас и отвечает. Но никто из вице-премьеров правительства, включая Геннадия Эдуардовича, не оказался публичной фигурой. Не вышел на первый план. Под софиты телекамер.

Одним словом, хотел или нет Гайдар заниматься публичной политикой — ему это делать пришлось. Пришлось хлебнуть этой доли — сразу,

буквально с первых недель своего вице-премьерства.

Причем наступление на реформы и на его правительство — мощное, хорошо организованное, временами просто оголтелое — шло сразу по двум линиям.

Первая линия — это уличная война.

Она началась мгновенно, как только отпустили цены.

«Первое с начала реформ массовое выступление против президента, против правительства, против реформ — митинг на Манежной площади — состоялось 9 февраля. Участвовало в нем около ста тысяч человек. Главным организатором митинга была РКРП (Российская коммунистическая рабочая партия. — А. К., Б. М.) под руководством Виктора Тюлькина. Митингующие потребовали возродить СССР, КПСС, освободить гэкачеписта Лукьянова и поставить его во главе Съезда нардепов, сформировать новое правительство. Мелькали портреты Ленина, Сталина и почему-то Фиделя Кастро», — пишет Олег Мороз.

Началась активная «приватизация патриотизма».

«Первой... вполне пригодной для организации массовых протестов “патриотической” датой было 23 февраля 1992 года. Позже оппозиционеры всегда пытались представить свое выступление в этот день и случившиеся при этом события в наиболее выгодном для себя свете: дескать, милиция и ОМОН жестоко избили ветеранов, единственным желанием которых было возложить цветы к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата. В действительности ветераны вовсе не играли там первую скрипку. Начать с того, что среди главных организаторов митинга на Тверской были такие экстремистские организации, как Союз офицеров и движение “Трудовая Россия”, возглавляемые неистовыми “борцами за справедливость” Станиславом Тереховым и Виктором Анпиловым.

Московские власти запретили намеченные оппозицией митинг и шествие по Тверской. Несмотря на это, с утра на площади Белорусского вокзала стали собираться толпы народа, которые двинулись по направлению к центру. Возле метро “Маяковская” улица оказалась перегороженной рядами милиции и милицейскими автобусами. Переговоры демонстрантов со стражами порядка результатов не дали, и тогда участники шествия бросились на прорыв. Кордоны милиции были смяты...

Следующий милицейский кордон ожидал демонстрантов возле гостиницы “Минск”. Его преодолеть уже не удалось, оппозиционеры вынуждены были начать митинг прямо здесь. Зато с тыла со стороны Пушкинской площади прорыв осуществила еще одна группа “ветеранов”.

Возглавлял этих “пенсионеров” небезызвестный генерал Альберт Макашов, который и в дальнейшем, включая октябрьские события 1993 года, был одним из самых активных участников уличных сражений. В тот раз его встретили на митинге как героя. В своей речи генерал, естественно, призывал собравшихся к борьбе за Великую Россию: “Ну-ка, матушка, встань с колен! Надо сделать последний шаг!” Часть демонстрантов переулками вышла на Арбатскую площадь и попыталась прорваться в Александровский сад уже с этой стороны, однако продвинулась лишь до здания Военторга. Впрочем, и на этот раз разрозненные группы манифестантов, опять-таки переулками и дворами, просочились дальше, к Библиотеке Ленина. Здесь снова начались переговоры с милицией. В конце концов милицейское начальство предоставило оппозиционерам автобус, который двумя рейсами свозил их представителей к могиле Неизвестного солдата и доставил обратно, что впоследствии дало им повод утверждать: дескать, несмотря на милицейские дубинки, своей цели они все-таки добились, то есть, можно сказать, одержали победу.

Уже тогда к митингующим и шествующим в колоннах антиправительственных демонстраций стали примешиваться профессиональные боевики, подчас прибывшие из неблизких краев. Они придавали всем этим митингам и демонстрациям дополнительный импульс агрессивности. Так, один из лидеров экстремистской организации “Возрождение” Валерий Скурлатов похвалялся позднее:

“Напомню, что наши бойцы стояли насмерть в Бендерах, мы были на острие прорывов 23 февраля 1992 года, мы под своим Андреевским стягом победили в схватке 1 мая 1993 года на Ленинском проспекте и до потолка заполнили свой штаб трофейными щитами, бронежилетами, дубинками и прочей омовской амуницией, мы честно сражались и погибали 3 и 4 октября 1993 года в Останкино и у стен Дома Советов”.

Короче, все эти месяцы существовали группы “бойцов”, которых перебрасывали из Приднестровья (где в тот момент проходила гражданская война и было много оружия. — А. К., Б. М.) в Москву и которые активно участвовали в уличных боях, происходивших в российской столице в 1992–1993 годах, подчас одерживали победу над милицией и захватывали немалые “трофеи”».

Надо сказать, и Ельцин, и Гайдар напряженно ждали — какой будет реакция российских регионов на «жесткие, но необходимые реформы». Ждали массовых забастовок, ждали волнений и беспорядков. Однако — как писали в воспоминаниях потом и Гайдар, и другие члены кабинета —

уровень массового протеста оказался значительно ниже, чем они предполагали.

Грубо говоря, людям было не до того.

А в Москве политизированные пенсионеры нашли своих лидеров и встали под красные знамена, под портреты Ленина и Сталина. Уж 20–30 тысяч демонстрантов, ненавидящих новые времена, тоскующих о советской власти, в огромной Москве можно было найти.

Их лидером стал Виктор Анпилов.

Покойный Виктор Иванович вообще был довольно интересной фигурой. Выпускник факультета журналистики МГУ, парень «с рабочей окраины», талантливый самородок, он страстно любил испанский язык и испанскую литературу, пробился в систему Гостелерадио, поехал собственным корреспондентом в Никарагуа. Виктор Анпилов был профессиональный «радийщик» и язык у него был подвешен совсем неплохо. Страстный человек, он искренне воспринял борьбу никарагуанских леваков против «американского империализма», прославлял особый кубинский путь, обожал Фиделя и Че Гевару.

Увидев, как устроены уличные митинги, уличные протесты в Никарагуа, Анпилов удачно и быстро перенес этот опыт на реалии пореформенной Москвы.

Из пенсионеров он лихо сколачивал «рабочие дружины», боевые десятки, рассылал гонцов по районам, умело печатал листовки, заводил толпу с полоборота, выплевывая в мегафон простые, понятные всем и каждому слоганы: «Банду Ельцина под суд!», «Грабежу России — нет» и пр. Потом к ним добавился и антисемитизм: «Чемодан. Вокзал. Израиль», ставшее классикой российского радикализма 90-х.

Надо сказать, сейчас отношение отечественной интеллигенции к подобным фигурам как-то изменилось. Потеплело. Они, мол, борются с авторитаризмом, выражают интересы народа, они — как «желтые жилеты» в Париже.

А тогда отношение было совсем не таким.

Потому что было реально страшно.

Еще совсем свежи были в памяти лязг гусениц, грохот танков и бэтээров, заполнивших Москву полгода назад, в августе 91-го. Еще были видны на асфальте кое-где следы этих гусениц. Еще не стерли граффити со стен в память о тех трех ребятах, Кричевском, Усове, Комаре, которые погибли в ту страшную ночь. Еще все газеты были полны рассуждениями, причем довольно паническими, о новом предстоящем военном перевороте.

Ощущение, что ничего еще не решено, что все качается на очень

неустойчивых весах истории, было всеобщим. Куда все пойдет, туда или сюда, — никто не знал.

Поэтому толпы демонстрантов на улицах, требующих возвращения СССР, требующих суда над Ельциным и Гайдаром, прорывающих милицейские кордоны, воспринимались не как «проявление демократии», а прямо противоположным образом — как попытка задушить демократию. Свернуть шею всему новому.

И было, действительно, от чего прийти в ужас. Было от чего похолодеть.

«Следующая дата, — вспоминает Олег Мороз, — которую “оппозиция” сочла вполне подходящей... было 17 марта, годовщина референдума, на котором большинство участников высказалось за сохранение Советского Союза.

Инициатором “веча” выступила все та же “Трудовая Россия” во главе со своим вождем неистовым революционным трибуном Виктором Анпиловым. То было их золотое времечко. Почерк этого вождя-трибуна, бывшего журналиста чувствуется в листовке, призывавшей граждан к участию во “Всенародном вече”:

“ГРАЖДАНЕ! Год назад состоялся первый в истории нашей страны референдум. Народ сказал решительное “ДА” — единому Союзу Советских Социалистических Республик. Однако высшие должностные лица попрали волю народа, преступили Конституцию страны и в угоду западному капиталу объявили СССР несуществующим. Тем самым клика Горбачева — Ельцина спровоцировала развал государства, ограбление народа, гражданскую войну.

Долг честных людей — восстановить законную власть и пресечь спланированный геноцид... Надо помочь депутатам собраться... и утвердить волю народа — результаты референдума.

Параллельно со Съездом созывается ВСЕНАРОДНОЕ ВЕЧЕ. Его цель: — подтвердить выбор народа, сделанный на референдуме; — положить конец антинародной политике и принять программу вывода страны из кризиса; — утвердить Главу Государства и Правительство СССР, предложенное Съездом”.

На этот раз московские власти не возражали против проведения акции на Манежной площади — возможно, после вмешательства Верховного Совета и лично Хасбулатова, “расследовавших” события 23 февраля.

Организаторы потом уверяли, что на “вече” присутствовало более 350 тысяч человек. По оценкам милиции, их было около 100 тысяч. Тоже,

впрочем, немало.

О характере речей, произнесенных на “вече”, можно судить хотя бы по выступлению бывшего офицера вильнюсского ОМОНа М. Войцеховского:

— Теперь мы, сотрудники вильнюсского ОМОНа, разбросаны по всей России... Все, все зубами скрипят и говорят: придет время... Будет еще литерный поезд. Отцы “демократов” валили лес, а они будут пни корчевать, к чертовой матери. И я попрошу назначить меня никаким не начальником, я попрошусь просто начальником литерного состава, и восемьдесят процентов они не доедут туда при попытке к бегству».

Здесь много интересных деталей.

Ну, например, а при чем тут вильнюсский ОМОН?

А это был тот самый ОМОН, который 13 января 1991 года захватил вильнюсскую телебашню, принимал участие в страшных кровавых событиях. И потом в полном составе выехал в Россию. О нем пламенный тогдашний «имперец» Александр Невзоров сделал целый фильм по Центральному телевидению. Вел героический репортаж прямо из телебашни.

Интересна и другая деталь — Съезд народных депутатов России под руководством спикера Хасбулатова уже тогда, в марте — апреле 1992 года, целиком и полностью встал на защиту красных демонстрантов. Тот самый съезд, который 28 октября 1991 года почти единогласно подписался под программой реформ Ельцина — Гайдара.

Ну и третье. Вокруг ненависти к этим реформам бурно шло объединение самых разных «флагов», идеологий, радикальных течений — от бывших коммунистов до лимоновцев — и это тоже показательно. Эдуард Лимонов говорил потом: «Мы тогда спокойно могли взять власть, в феврале — марте 1992 года, она сама валилась в руки».

Уличная война (следующий ее виток будет уже в мае 1993 года) постепенно закручивала в свою воронку все новых и новых людей.

Так или иначе, уже тогда, в феврале — марте, стало ясно, что эти разгоряченные головы и есть главный союзник и главная социальная опора съезда. Для врагов реформы, таких как Хасбулатов и Руцкой, которые уже довольно ясно к тому моменту высказались и проявили себя, эти уличные бойцы стали опорой.

Однако наступил апрель, и открылся официально Шестой съезд народных депутатов России.

Впервые в жизни на этом съезде Гайдару пришлось выступить перед такой огромной аудиторией (одних делегатов в зале было 1200 плюс журналисты и прочие гости). Зайти на трибуну, взять слово, прочитать речь

и ответить на вопросы.

Прямо скажем — это было для него огромное испытание. Никогда раньше он не готовил себя к этой роли. Всегда мыслил себя (мы уже говорили об этом) только как «советника», «эксперта», «спеца», правительство свое тоже считал «технократическим», и вдруг выяснилось, как-то в одночасье, что кроме него некому держать ответ перед страной, никто не станет вместо него говорить ей правду, и никакие «социальные психологи» или «политические консультанты» ему не помогут. Их нет, а если и есть — все куда-то вдруг подевались. И уже не придется решать ключевые для России вопросы путем написания справок, концепций, программ или давая разъяснения ровным голосом в тиши кабинета.

А придется вот так — как есть. Старым дедовским способом. С трибуны.

И он вышел и срывающимся от волнения голосом начал рассказывать эту самую правду.

О том, как он волновался, выступая перед депутатами и на съезде, и до него, на Верховном Совете — в его книге, написанной по горячим следам, свидетельствует даже не текст, а подтекст. Видно, сколько внутренних сил Гайдар на это потратил и как он погружен в детали.

«Большинство парламентариев обожает задавать вопросы членам правительства. Во-первых, в отличие от законотворчества, это одно из самых интеллектуально необременительных занятий. Один дурак, как известно, может задать столько вопросов, что сто мудрецов не ответят. Во-вторых, это позволяет наглядно продемонстрировать избирателям, как их избранник заботится об их интересах. Особенно в 1991–1993 годах, когда парламентские дебаты в принудительном порядке транслировались на всю страну. Возникавшая по ходу обсуждения того или иного вопроса идея — а не вызвать ли нам сюда кого-то из членов правительства для разбирательства — практически всегда принималась на ура. Приспособиться к этому очень трудно. Такие вызовы на ковер происходят, как правило, внезапно, в то время, когда у тебя совершенно другие важные планы. Причем вопрос, вдруг возбуждавший страстный интерес, может быть самым неожиданным и, на твой взгляд, скажем, отнюдь не самым важным для работы правительства на сегодняшний день... Позже, с опытом, понял — лучше настоять на переносе обсуждаемой темы, и, если уж идешь в Верховный Совет, обязательно надо выкроить хотя бы полчаса, чтобы спокойно собраться с мыслями, подготовиться. Поначалу, когда появлялся в Верховном Совете, депутаты стремились увеличить время ответов на их вопросы до максимума. Но потом сообразили: если задаешь вопрос на

темы, связанные с экономикой, желательно хоть что-то понимать в предмете, о котором спрашиваешь. Иначе неизбежно перед всей страной, перед своими же избирателями будешь выглядеть полным идиотом. Конечно, от моей гиперюношеской памяти к этому времени остались жалкие крохи, но в общем, если ты постоянно “варишься” в экономике, суть того, что стоит за той или иной проблемой или цифрой, держать в голове не так уж трудно.

Мне кажется, у коммунистов пропала охота задавать мне слишком много вопросов после того, как в ответ на какое-то вполне демагогическое замечание о состоянии здравоохранения я провел с ходу подробный анализ динамики заболеваемости по основным группам болезней на протяжении последнего года. А когда лидер думских аграриев Михаил Лапшин был публично уличен в полном непонимании разницы между учетом зерна в амбарном и бункерном весе, стало ясно — оппозиция опозорена. И потом при каждом моем выступлении по рядам коммунистов и их союзников проносился шепоток: “Гайдару вопросов не задавать”. Честно говоря, это была одна из маленьких, но приятных побед».

В уникальной ситуации российских реформ, когда в руинах лежали и государство, и финансовая система, Гайдар невольно искал прецеденты, корни, то, на что можно было бы опереться.

В союзники он взял творца немецкого экономического чуда Людвиг Эрхарда. В 1997 году ему исполнялось 100 лет, и на конференции, посвященной его памяти, Гайдар делал доклад. Вот тут он впервые открыто рассказал о сходстве и о разнице реформ в послевоенной Германии и посткоммунистической России. Эрхард, как и Гайдар, боролся за отмену «принудительного хозяйства» (Zwangswirtschaft, у нас оно называлось «плановым»). Эрхард, как и Гайдар, был вынужден избавляться от накопленного навеса обесцененных денег (Gelduberhang). Немецкий реформатор, как и российский, считал, что «инфляция при замороженных ценах парализует экономику».

Летом 1948 года директор Хозяйственного управления Бизонии (западной оккупационной зоны, подконтрольной Великобритании и США) Эрхард делал примерно то же самое, что и Гайдар в январе 1992 года, только у Гайдара не было возможности заменить старые деньги на новые — бывшие союзные республики продолжали эмитировать рубли. Существенная разница состояла и в том, что иностранная помощь в рамках Плана Маршалла в Германии была гораздо более последовательной и масштабной, чем очень слабая и очень малая финансовая поддержка

российских реформ со стороны международного сообщества. А вот ругань в адрес архитектора немецких реформ, который потом был признан чуть ли не чудотворцем, была очень схожей: «...с самого начала мы не имели никакого доверия к политике господина профессора Эрхарда»; «Мы предостерегали от темпа, с которым господин директор Управления по делам хозяйства хотел пойти по пути отмены предписаний, касающихся принудительного распределения и твердых цен»; «Мы предостерегали от прыжка в холодную воду»; Эрхард — «защитник стяжателей и спекулянтов».

«Величайшая заслуга Эрхарда в том, что он шел против течения», — говорил Гайдар.

Впрочем, главное отличие эрхардовских и гайдаровских реформ — Эрхарду все-таки дали завершить абсолютно все, что он хотел сделать. В запасе у него было не несколько месяцев, а несколько лет, в целом же — больше десятилетия. Не говоря уже о том, что его карьера была увенчана постом федерального канцлера ФРГ.

И уж точно он не работал в условиях фактического двоевластия.

Так что же Егор сказал тогда, в апреле 1992 года, на трибуне Шестого съезда? Чем он им ответил?

Вот некоторые цитаты:

«Набравшие собственную деструктивную инерцию процессы в сфере материального производства нельзя было остановить по мановению волшебной палочки. За резко упавшим уже к осени 1991 года сокращением производства стоят и развал связей с Восточной Европой, и ухудшение условий торговли с государствами Содружества, и упавший импорт, и уже износившееся оборудование. Да и за саму финансовую стабилизацию, как известно, практически всем и везде в мире приходится довольно дорого платить падением производства. Предполагать, что вслед за либерализацией цен немедленно начнется индустриальный подъем, могли лишь безграмотные авантюристы.

...Да, масштабы повышения цен в январе оказались большими, чем мы предполагали, а падение уровня жизни — более резким. Вместо постепенного разгона темпов инфляции в январе — феврале мы получили их резкий скачок за первые три недели января, после чего наступил период относительной стабилизации цен, продолжавшийся с конца января примерно до конца февраля. Сейчас можно сказать, что хотя и со скрипом, но рыночные механизмы все же заработали. И сегодня, принимая под давлением любое вынужденное решение по смягчению денежной

политики, мы должны иметь в виду, что это решение прямо и непосредственно через неделю скажется на ситуации на потребительском рынке».

«...Нам действительно сегодня придется существенно сместить акценты в своей деятельности, — заверил депутатов Гайдар. — Можно сказать, что сегодня сформировались предпосылки для того, чтобы перейти от вдохновленной мужеством отчаяния кавалерийской атаки к подготовке и реализации широкой программы углубления экономических реформ и реконструкции российской экономики».

Гайдару дали для выступления всего 15 минут. Они явно *не хотели* его слушать. Не хотели задавать вопросы, не хотели воспринимать.

Кстати, многие депутаты видели его впервые «живьем». Впервые слушали его голос. Над залом витала атмосфера неопределенности — кто он, почему он такой, как его воспринимать?

И остается предположить, что не устраивала их даже не его речь, лишенная популистских нот и интонаций. Не только содержание или значение его слов.

Их не устраивал он сам, вот такой, каким вышел на трибуну. «...Я несколько раз бывал у него в кабинете, — вспоминал Вячеслав Недошивин. — Мне ужасно нравилась его интеллигентность; однажды я пришел с каким-то поручением к нему в кабинет на Старой площади, в кабинет первого вице-преьера. Он уже был первым вице-премьером правительства, да и фактически премьером, потому что Ельцин не занимался экономикой так плотно. И вот заканчивался рабочий день, довольно поздно, мы разговаривали, но уже вошла уборщица, и он сказал: да, да, заходите. Ну, и уборщица начала вытирать картину какую-то и заинтересовалась: а вот тут что? Вы знаете, меня это потрясло, он встал, подошел к ней и долго рассказывал про эту картину, про художника, который нарисовал эту картину, про то, что он любит такую манеру и т. д. То есть человек — до мозга костей интеллигент, понимаете, высокой культуры, широких взглядов, умением мыслить, и даже в общем чисто мужские качества он проявлял, то есть решительность... Все прекрасно понимали, что это самоубийство становится сегодня руководителем правительства, когда все надо начинать с нуля: приватизацию, рыночную экономику, перевод сельского хозяйства на рыночные рельсы... финансы, нефть, торговля, монополии, то есть сумасшедший дом. ...То есть кто на это согласится? Понимаете? Поэтому в этом смысле Гайдар, конечно, фигура, которая сегодня недооценена... И при этом вот такой интеллигент».

Ну да, и при этом вот такой интеллигент — он стоял на трибуне, и съезд с тревожным вниманием и напряженной враждебностью внимал этим его словам. И дело было, повторяем, не в самих словах, а в том, как он говорит.

Для депутатов съезда (в большинстве своем) он был, безусловно, каким-то инопланетянином. Нет, конечно, они были люди тертые и знали, что такое книжный интеллигент, знали, какими бывают «ученые», «мастера культуры». Но чтобы вот такой вот — ими руководил! Руководил страной... Нет, этого нельзя было допустить!

Членов правительства обвиняли во всем. В демографическом крахе (Гайдар с мягкой улыбкой объяснял, что за три месяца они не могли уменьшить народонаселение «по чисто физиологическим причинам»), в развале внешней политики, отчитывали за высокие цены, за спад производства, за хлеб и мясо, за молоко и крупу.

Звучали неоднократно призывы отправить правительство «умных мальчиков в розовых штанишках» в отставку.

Что же отвечал им Гайдар?

«Вы можете создать другое правительство, — заявил он, — и сказать, что так и нужно делать. И все будут довольны. А потом вы будете смотреть, как разваливается рубль, как рушатся мелкие региональные рынки, как за развалом финансов идет развал российской экономики, как растут бешено цены. Смотреть — и думать: а кто же за все это отвечает? И менять, как перчатки, правительства, которые и призваны, видимо, за все это отвечать...»

Читаешь его слова, и возникает недоумение: откуда взялась эта сталь в голосе, это хладнокровие?

Да, несколько дней съезда многому его научили. Может быть, главному — в таких схватках нужно отвечать ударом на удар.

Но вот умению закулисной игры, стратегии компромиссов, нет, не научили. Дипломатом, «политиком» в узком прикладном смысле он так и не стал.

Однако этот Шестой съезд в его судьбе — конечно, исторический. Впервые публично прозвучали слова об отставке правительства — и не только с той, оппозиционной стороны. Но и из его собственных уст.

Когда Шестой съезд принял *постановление* — в первой редакции оно было абсолютно однозначным, немедленная отставка, во второй редакции им уже «давали время» и «требовали внести немедленные коррективы», — Гайдар и его команда собрались в кулуарах зала заседаний.

Александр Шохин рассказывал об этом так (в беседе с Альфредом Кохом и Петром Авеном):

«Могу точно сказать, что ситуация изменилась, когда мы весной 1992 года подавали в отставку на съезде, когда нас обидел Хасбулатов... Посмотрите подробнее хронику этого события, когда Бурбулис дает команду, все встают и уходят. Замедленную съемку если сделаете, то увидите, что сразу после слов Хасбулатова («ребята растерялись». — А. К., Б. М.) я начинаю собирать портфель. У меня бумаг было много. После этого Гена дает команду. Я к тому времени уже собрал портфель.

— Ты просто начал собирать портфель, это не связано с хамством Хасбулатова.

Нет, связано, потому что подумал: будет какое-то хамло нас костерить! Так вот, когда мы весной 1992-го подавали в отставку — это уже другая ситуация... В ноябре 1991 года мы были уверены, что мы правительство камикадзе. А уже в апреле 1992-го, когда мы дружно подавали в отставку, в реальности никто не хотел уходить. Единственный человек, который все серьезно воспринимал, — покойный Титкин (министр промышленности. — А. К., Б. М.): «Ребята, нет, я в отставку не собираюсь». Никто не собирался в отставку! Это был механизм политического давления на съезд, а он единственный, кто испугался».

Да, механизм давления. Но так ли это воспринимал сам Гайдар?

«...Все громче и громче звучат требования внести в повестку дня вопрос о доверии правительству, — писал он, — отправить его в отставку. Председательствующий Р. Хасбулатов, умело дирижируя Съездом, ведет с помощью его тысячеголосья свою симфонию. Вопрос о доверии в повестку не включает, но делает все возможное, чтобы критика, даже самая демагогическая, постоянно звучала. Судя по всему, он еще не готов к прямой конфронтации с президентом и еще не считает, что настал момент свалить правительство реформ, но хочет, чтобы оно вышло со Съезда предельно ослабленным, деморализованным, покорным Верховному Совету, точнее, лично ему — Хасбулатову. В этом желании напугать, но пока не убивать, кроется его слабость.

Президент после первого дня на Съезд не ходит, как бы дистанцируясь и от формально возглавляемого им правительства, и от депутатского большинства. У некоторых моих коллег настроение, близкое к паническому. И есть от чего: сейчас нас свяжут по рукам и ногам невыполнимыми съездовскими решениями так, что мы не сможем и шелохнуться.

Угроза, бесспорно, реальная. Здесь же, в Зимнем саду Кремля, собираю правительство на срочное заседание. Предлагаю не ждать пассивно развития событий, а самим предельно обострить ситуацию, чтобы скрытая двойственность позиции Съезда стала абсолютно ясной, и тем самым поставить депутатов перед необходимостью однозначного выбора. После короткого обсуждения предложение членами кабинета принято».

Механизм давления? Возможно.

Но в интерпретации Гайдара звучит и совсем другое: обострение, вызов.

Поединок.

Другие члены правительства, правда, вспоминали об этом несколько иначе.

Петр Авен: «В этот период я ежедневно видел Гайдара и могу сказать, что Егор очень расстраивался. И потом в какой-то момент, когда мы поняли, что вот так нас сдают, мы неожиданно подали в отставку. У меня есть своя версия, как и когда мы так решили. Но самое главное в этой истории было то, что мы о готовящейся отставке не предупредили Геннадия Эдуардовича (Бурбулиса. — А. К., Б. М.), который практически являлся нашим начальником и отцом команды Гайдара. Я думаю, это было серьезной неожиданностью для Бориса Николаевича.

Это был единственный случай, когда мы подали свой голос так решительно. И вся эта история связана с тем, что Ельцин был готов снять нас под давлением, — это была первая трещина между нами и Ельциным. Мы поняли, что мы не одно целое. Для меня это был очень важный урок».

Геннадий Бурбулис: «13 апреля правительство объявило о своей отставке. Причем мне этот сюжет был крайне симпатичен, но и немного коробил, потому что это решение и само обнародование позиции проходило без меня. Я и сейчас считаю, что это было интересно, это было дерзко и в конечном счете это было правильно. В масштабе сделанных ставок.

— *На что это повлияло?*

Это повлияло так, что съезд принял компромиссную позицию. Такую, что было принято решение ввести в правительство так называемых практиков — появились Шумейко, Хижа и Черномырдин. И было подтверждено, кстати, Борисом Николаевичем, что мы продолжаем курс реформ и именно Гайдар продолжает проводить его в жизнь, а в июне, перед визитом в Штаты, Ельцин подписал указ о назначении Гайдара исполняющим обязанности премьера.

А с моей отставкой было так...

Они сели, посидели с Хасбулатовым. Где-то, наверное, через час

Ельцин вышел. Причем это тоже такая ситуация странная по нашему типу отношений. Он вышел и, форсируя нашу встречу, говорит: “Геннадий Эдуардович, поговорите с Русланом Имрановичем, он вам сейчас кое-что скажет”. Я захожу, и мне Хасбулатов говорит: “Ну вот, мы договорились с Борисом Николаевичем, что тебе нужно уйти в отставку. Это поможет дальнейшей правильной работе. По крайней мере у правительства будет больше возможностей”...

А когда мы ушли со съезда, мне Ельцин вечером еще выговаривал: “Ну зачем вы это устроили?” Я говорю: “Борис Николаевич, это, во-первых, экспромт, такое трудно придумать. Во-вторых, это была реакция, накопившаяся за многие месяцы стресса...”».

Петр Авен: «А почему он так пытался с ними договориться? Я никак не могу понять. Что они могли? У него была всенародная поддержка. Даже через год, когда последствия реформ давили вниз его рейтинг, он легко выиграл у них референдум. Он мог совершенно спокойно их распустить. Только начались реформы, еще все его любили. Почему он так реагировал? Почему он спокойно смотрел, как мы уходим? Почему он сдал ближайшего советника — тебя? И при этом вел бесконечные разговоры с Хасбулатовым?»

...Мы еще поговорим о том, почему Ельцин «не распустил съезд», почему он вел «бесконечные переговоры с Хасбулатовым». Но давайте сначала о другом.

Вот как сам Гайдар расценивал сюжет с возможной отставкой:

«Осторожней всех к моему предложению о фактическом ультиматуме с угрозой коллективной отставки отнесся Геннадий Бурбулис. Что-то в этой идее ему не нравилось, хотя контраргументов против моего тезиса о том, что в противном случае мы все равно не сможем осмысленно работать, он не приводил. Может быть, дело в том, что Геннадий Эдуардович, к этому времени намного дольше меня работавший с Борисом Ельциным, лучше его знающий, хорошо понимал: хотя и в неявной форме, но ультиматум ведь обращен не только к Съезду, но и к президенту, подталкивает его к тому, чтобы четко обозначить свою позицию. Действительно, когда зашел к президенту проинформировать его о принятом решении, было видно — идея ему явно не по душе. До VI Съезда правительство было просто командой технических специалистов, приглашенных Ельциным на работу и прикрытых его политическим авторитетом. После принятого решения оно становилось самостоятельным игроком на политической сцене (курсив наш. — А. К., Б. М.). Борис Николаевич недовольно, с сомнением покачал головой, но все же принял решение членов своего кабинета как данность».

Итак, на Шестом съезде народных депутатов, проходившем с 6 по 21 апреля 1992 года, парламентарии пошли в атаку на правительство, в котором за несколько дней до этого произошли перестановки: Геннадий Бурбулис, как одна из раздражавших оппонентов Ельцина фигур, оставшись госсекретарем, перестал быть первым вице-премьером. Его пост занял Гайдар.

Однако это совершенно не улучшало положение его команды, которая к тому времени начала ощущать, что находится в политической изоляции.

7 апреля Гайдар делал содоклад к докладу Ельцина. Он пытался разговаривать с депутатами как с союзниками: «Сейчас можно сказать, что, хотя и со скрипом, рыночные механизмы заработали... Ситуация в торговле, разумеется, не стала благостной, но она радикально переменилась. Практически постоянно растет число городов, в которых есть в продаже мясо». Всякий, кто жил при социализме, мог бы оценить этот пассаж. Мясо и мясопродукты в постоянной продаже...

А вот что трудно было пережить лоббистам ВПК, то это такой его пассаж: «Демилитаризация экономики, начало ее глубокой структурной перестройки открывают дорогу реализации нашей стратегической линии в области финансовой политики — линии на разгрузку государственного бюджета от неэффективных расходов».

«Да, мы прошли очень тяжелые пять месяцев. Да, в этих пяти месяцах была сконцентрирована расплата за целый период нерешительности и безответственности».

Атмосфера на съезде накаляется: «Может быть, наше правительство сделало ошибку, создав для себя этакий образ технократов, для которых самое важное — это рынок и бездефицитный бюджет. Я хочу вас заверить, уважаемые народные депутаты, в правительстве собрались люди, которые болеют за Россию, болеют, наверное, вместе с вами».

Нет, они его не хотели услышать...

Гайдар и Бурбулис не предупредили заранее Ельцина о своем демарше с отставкой (точнее, с угрозой отставки на съезде). Ельцин, в свою очередь, не предупредил их об увольнении ключевого члена кабинета — министра топлива и энергетики Лопухина и назначении Черномырдина на его место и одновременно — вице-премьером. В правительстве появился еще один первый вице-премьер — Владимир Шумейко, заместитель Хасбулатова. Еще одним представителем советской промышленности в кабинете стал Георгий Хижа, депутат и недавний директор огромного ленинградского

завода — тоже новый вице-премьер.

Гайдар описал свои чувства на заседании кабинета, когда Ельцин огласил свой указ об отставке Лопухина.

«Сразу после совещания Ельцин позвонил мне, — пишет Гайдар, — извинился, сказал, что хотел меня предупредить, но, к сожалению, не успел, не смог связаться. Обычная формальность. Первый импульс — немедленно подать в отставку, снять с себя ответственность за неизбежные негативные и болезненные последствия, к которым поведет отступление от реформ или просто их замедление. А что дело идет именно к этому — нетрудно было предвидеть. Шаг естественный и, наверное, политически рентабельный. Во всяком случае впоследствии понимающий толк в таких вопросах Г. Явлинский говорил мне, что именно в этот момент я упустил свой личный политический шанс. Но я тогда думал не о своей политической карьере, а о деле. Все достигнутое нами было еще предельно непрочное. Российский рубль не введен. Масштабная приватизация подготовлена, но не начата. Короче, реформы еще в высшей степени обратимы. Можно было, конечно, сделать красивый жест, но это напрочь перечеркнуло бы все, чего с таким трудом удалось добиться».

Ельцин начал жестко критиковать Лопухина 21 мая 1992 года, на заседании правительства, когда обсуждалась концепция реформирования энергетики. При том что впоследствии реформа отрасли пошла именно по пути, «предначертанному» Лопухиным и одобренному Гайдаром: произошла либерализация цен на топливо (то, что реформаторы не решились сделать в январе), были созданы вертикально-интегрированные компании полного цикла — от добычи нефти до ее реализации. Но 30 мая Лопухин — без уведомления Гайдара — уже был снят с должности и заменен Виктором Черномырдиным.

«После моего снятия, — говорил Владимир Лопухин, — Егор меня позвал и сказал: “Ты хочешь, чтобы я подал в отставку?” Один на один разговор. Я сказал: “Нет”».

В то время Егор объяснял Леониду Гозману: если мы продержимся столько-то времени — успеем сделать то-то и то-то, если месяц — вот это, если неделю — это, если я досижу в кресле премьера до конца текущего дня — успею принять такие-то решения. Это не было рисовкой и кокетством, тем более что и этот разговор с советником происходил один на один.

Правительство осталось. Но Егор ничего не сказал Ельцину, не выразил возмущения увольнением ключевого министра. Это породило сильное напряжение в команде. Моральный климат ухудшился. Кадровый

компромисс повлек за собой и политические компромиссы.

Итоги апрельского Шестого съезда: тяжелая политическая атака на правительство отражена. Неустойчивый, хлипкий, прямо скажем, компромисс со съездом достигнут. Из кабинета ушли ключевые фигуры — первый вице-премьер Бурбулис, спустя некоторое время — «нефтегазовый» министр Лопухин. Пришли чужие для Гайдара люди: Черномырдин, Хижа, Шумейко.

Оценил ли Ельцин способность Гайдара к пониманию его логики, способность к компромиссу? Да, безусловно. Уже в июне он предложил ему стать исполняющим обязанности премьер-министра.

Сам Егор летом этого года, в том же июне, вступил на тот же путь компромисса и предложил на пост главы Центробанка Виктора Геращенко, считая его «профессионалом». Ошибся: Геращенко в том 1992 году немало сделал для того, чтобы разогнать инфляцию, сломать весь план кредитно-денежной политики Гайдара, а этот план был едва ли не ключевым моментом в общей стратегии реформ.

Ельцин находился в постоянном напряжении, отбивая атаки корпуса «красных директоров» на съезде. Какие-то «фигуры для размена» ему были очень нужны. Но и психологический момент «урока» для правительства с его стороны, безусловно, в этой отставке Лопухина был.

Главный вопрос в этой связи задал, конечно, Петр Авен — который сам уйдет в декабре, вместе с Гайдаром и другими членами кабинета: почему же президент Ельцин шел на этот компромисс? Почему не мог распустить этот съезд?

Но давайте посмотрим: а чем именно занимались Гайдар и его команда все эти месяцы, скажем, с декабря 1991-го по июнь 1992-го? Чем занимались депутаты съезда, мы примерно видели, представляем себе. А что делали они, эти «ученые мальчики в розовых штанишках», по определению Руцкого?

Снова обратимся к интервью Вячеслава Недошивина:

«Они подготовили тогда примерно 500 указов. Вот эти 500 указов — это и были главные реформаторские шаги. Вот вся реформа была основана на них... Начиная от свободной торговли и кончая... приватизацией, все поняли, что нужна приватизация».

Так что это были за главные «500 указов»?

Андрей Нечаев в своей статье пытался передать «краткое содержание» этой работы, которая была проделана ими за несколько месяцев.

С целью преодоления угрозы голода и тотального дефицита товаров:

- либерализация цен;
- разрешение свободы торговли;
- либерализация внешнеэкономических связей;
- урегулирование внешнего долга и открытие западных кредитных линий;
- переход к адресной социальной поддержке малоимущих.

С целью нормализации финансов и подавления инфляции:

- сокращение бюджетных расходов, в первую очередь не связанных с социальными задачами: государственных инвестиций — в 1,7 раза, закупок вооружений — в 5 раз, сокращение армии;
- резкое сокращение дефицита бюджета и его финансирования за счет кредитов Госбанка;
- налоговая реформа, включая введение НДС и налогов на добычу нефти;
- введение российской валюты;
- отказ от деления бюджета на валютную и рублевую составляющие;
- упорядочение финансовых взаимоотношений центра с автономными республиками и областями.

Структурная перестройка экономики:

- переход от плана к госзаказу;
- конверсия оборонной промышленности;
- переход на коммерческие основы в экспорте вооружений;
- поэтапный переход на рыночные принципы и мировые цены в торговле с бывшими союзными республиками;
- принятие закона о банкротстве;
- создание основ частно-государственного партнерства в инвестиционном процессе;
- переход от «бесплатных» государственных инвестиций к инвестиционным кредитам;
- создание основ рыночного хозяйства:
- либерализация хозяйственных связей между производителями;
- приватизация и создание инвестиционных институтов;
- создание фондового рынка и его институтов (биржи, инвестиционные компании и др.);
- введение конвертируемости рубля;
- поэтапный отказ от административного регулирования экспорта сырьевых товаров;
- создание негосударственных пенсионных фондов;

— создание основ страховой медицины.

Создание и развитие российских государственных институтов и международные дела:

— объединение союзных и российских ведомств и Госбанка;

— создание российской армии;

— взятие под контроль и упорядочение государственной границы России;

— создание таможенной службы;

— перестройка налоговой службы;

— проведение административной реформы;

— создание Совета безопасности России;

— развитие судебной системы, в первую очередь арбитража;

— перевод под российскую юрисдикцию посольств и других загранинститутов, а также зарубежной собственности СССР;

— обеспечение правопреемства России по отношению к СССР в международных делах, включая членство в ООН и большой «восьмерке»;

— создание институтов СНГ;

— вступление в МВФ и ВБ;

— завершение вывода войск из стран Восточной Европы и Прибалтики.

«Только на долю главных экономических и финансовых ведомств (фактически в основном на наше Министерство экономики и финансов), — вспоминает Андрей Нечаев, — приходилась разработка 46 (!) ответственных документов. Причем 43 из них должны были быть готовы уже в течение трех недель.

Даже беглый рассказ о той титанической работе по подготовке первых нормативных документов реформы, в которой я принимал самое непосредственное участие, — пишет Нечаев, — занял бы не один десяток страниц.

Естественно, весь этот залповый выброс сложнейших, основополагающих для экономики страны документов был бы невозможен без наличия у нас разработанной общей идеологии экономической реформы, а также без всех тех наработок «гайдаровской команды», которые были сделаны на этапе разработки программы. И тем не менее задача, стоявшая перед нами в те недели, отнюдь не сводилась к чисто механическому оформлению в виде официальных президентских и правительственных решений каких-то заранее сделанных заготовок. Нам нужно было окончательно определить конкретные параметры этих решений, согласовывать между собой многочисленные количественные

показатели подготавливаемых документов, корректировать их, исходя из реальных возможностей власти, и прогнозировать вероятные последствия готовящихся шагов».

Нечаев в своем перечне вспоминает, конечно, далеко не все, но уже понятно, что каждый такой шаг требовал не одного, а десятков указов, регулирующих правовой аспект, политический, административный, хозяйственный. Это была адская работа, требовавшая — помимо срочных, пожарных, неотложных дел — постоянного «включения мозгов». Тем и отличалась программа Гайдара от программ других экономистов, что он сразу предлагал «дорожную карту», схему — как эти вещи решать. В этом была его уникальность.

Так все-таки почему Ельцин, понимая эту уникальность, понимая всю ценность для страны этих гайдаровских «500 указов», не пожертвовал, так сказать, внешними приличиями, не распустил съезд — хотя «политический ресурс» у него для этого действительно был?

Зададимся пока другим вопросом — а как, собственно говоря, Ельцин относился к Гаюдару? Что у них были за отношения?

История этих отношений довольно долгая — от первой встречи в октябре 1991 года до последних встреч в 2002–2004 годах, когда Гаюдар приезжал навестить Ельцина в отставку в его доме в Барвихе. И она пережила, конечно, целый ряд этапов, эта история, — в 1992 году это были одни отношения, в 1993-м — другие, в 1994-м и последующие годы — третьи. Тем не менее какой-то лейтмотив в них, безусловно, был. Какой?

Ельцин *гордился* тем, что выбрал Гаюдара.

Гаюдар был *благодарен* Ельцину за то, что тот помог ему осуществить эти исторические реформы. Он понимал прекрасно, что без Ельцина они были бы невозможны.

Именно это сводило их вместе, давало им ощущение доверия и близости. Несмотря на все шероховатости, подводные камни и даже конфликты.

Вот как Ельцин описывает свои ощущения от Гаюдара (1994 год):

«Гаюдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гаюдар... очень независимый человек, с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но

будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что... это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные.

Было видно, что он не будет юлить. Это для меня было неоценимо...

Гайдар умел говорить просто. И это тоже сыграло огромную роль... Он не упрощал свою концепцию, а говорил просто о сложном. Все экономисты к этому стремятся, но у Гайдара получалось наиболее убедительно. Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти».

А вот как Егор Гайдар описывал свое, тогдашнее понимание Ельцина как характера, как личности (1996 год):

«У Ельцина сложный, противоречивый характер. На мой взгляд, наиболее сильное его качество — способность интуитивно чувствовать общественное настроение, учитывать его перед принятием самых ответственных решений. Нередко возникало ощущение, что он допускает ошибку в том или ином политическом вопросе, не понимает последствий. Потом выяснялось — это мы сами не просчитываем на несколько ходов вперед.

В принципиальных вопросах он гораздо больше доверяет политическому инстинкту, чем советникам. Иногда при этом принимает абсолютно правильное решение, но иногда и серьезно ошибается. Тут, как правило, виной настроение, которое довольно часто меняется и подводит его.

Сильное качество — умение слушать людей. Убедительно звучащее личное обращение может повлиять на него гораздо больше, чем самая лучшая, прекрасно написанная бумага. Но здесь таится и опасность: тот, кто вошел к нему в доверие и умеет убеждать, имеет возможность и злоупотребить этим доверием, такое случалось не раз, в том числе и при принятии чрезвычайно важных решений.

Нередко я ловил себя на мысли о схожести Ельцина с былинным богатырем Ильей Муромцем, который то отважно громил врагов, то лежал на печи. Ельцин может быть очень решительным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен, — способен вдруг впадать в длительные периоды пассивности и депрессии. Несколько раз подобная апатия приводила к утрате важнейших, с трудом завоеванных преимуществ. Так было и в сентябре — октябре 1991 года и, может быть, еще более серьезно — в октябре — декабре 1993-го.

Характерная черта Бориса Ельцина — уважение, которое он питает к людям независимым, и презрение к рабскому поведению. Отсюда — и умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если он

чувствует их состоятельность. В 1991–1992 годах я намного чаще говорил президенту “нет”, чем “да”, доказывал ему, почему советы, с которыми к нему приходят и которые ему кажутся убедительными, на самом деле самоубийственны. Почему нельзя делать то, о чем его просят губернаторы, бывшие министры, старые товарищи, и почему не целесообразны те или иные кадровые перестановки и перемещения.

Абсолютно убежден: никогда не смог бы этого добиться, если бы с осени 1991 года у президента не сложилось твердого убеждения, что к власти я отношусь сугубо функционально, к ней не стремлюсь и за свое место в правительстве не держусь».

Ну, в общем, в глубине анализа не откажешь ни тому ни другому. Очень важный, хотя и не лежащий на поверхности момент этих отношений — доверие. И дело даже не в том, что Гайдар отказывал Ельцину в визировании того или иного решения, носящего финансовый характер (и которые Ельцину порой приносили «со стороны») — выделить такую-то сумму, выделить такой-то кредит, предоставить такие-то льготы и преференции и т. д.; подобных решений наверняка были десятки и сотни. На пути таких решений Ельцина Гайдар стоял стеной, кто бы сомневался.

Гайдар умел отказывать президенту по гораздо более важным и тонким вопросам — кадровым.

В своей книге он приводит три таких примера, хотя их было больше, конечно.

Первый момент, как пишет Гайдар, возник буквально сразу — «в первый раз я попросил об отставке во время то ли второй, то ли третьей нашей встречи». Ельцин спросил его — не согласится ли Егор ввести в правительство Гавриила Попова, мэра Москвы, известного всей стране демократа, профессора, умницы, интеллигента? Попов претендовал на место министра внешнеэкономических связей. Гайдар просто сказал Ельцину — ну, тогда, к сожалению, без меня. На этом месте он видел только Петра Авена, потому что новое законодательство о валютном регулировании было одним из краеугольных камней его плана реформ.

Ельцин не просто принял это решение Егора, он вообще больше никогда не вспоминал этот разговор, как будто его и не было.

С самим Авеном было сложнее. Авен не нравился Ельцину как министр, как чиновник. (Коллеги шутили: Петя, ты, наверное, говоришь слишком быстро; давай все же помедленнее. Да, речь Авена и сейчас может понять далеко не каждый.) Егор описывает споры с Ельциным об этой фигуре: несмотря на блестящую интеллектуальную подготовку, Авен, как

признается Гайдар, «оказался неважным организатором. Ему мешало не только отсутствие опыта, но и нервы, частые перемены настроения. Все это делало его крайне уязвимым, а место главы одного из ведущих министерств было соблазнительным, с весны 1992 года многие его добивались. Вопрос о замене Авена Борис Николаевич Ельцин обсуждал со мной регулярно. Основной аргумент был один и тот же: “Ну, Егор Тимурович, он, может, и хороший специалист, но вы же видите — не министр”. Все это так, однако отнюдь не только товарищеские чувства заставляли меня каждый раз защищать Петра Олеговича и категорически выступать против его отставки. Для меня все его недостатки перекрывал тот фундаментальный факт, что он прекрасно понимал общий замысел преобразований и мне не надо было контролировать его действия по подготовке к введению конвертируемого рубля».

И Авен ушел из правительства только вместе с Гайдаром. Отрубил от звонка до звонка. Непросто было Борису Николаевичу, очевидно, с этим смириться, но пришлось. Третий пример — Алексей Головков, руководитель аппарата правительства. У Ельцина был свой матерый аппаратчик, которого он знал еще со свердловских времен — первый помощник Виктор Илюшин. И он в таких вопросах ему, безусловно, доверял. Однако «Виктор Илюшин заявил, что ничего хорошего об Алексее Головке сказать не может. Я мягко заметил, что это мне с ним работать и что мне нужен именно такой человек, чтобы аппарат не занимался черт-те чем, а готовил необходимые нормативные документы. Президент вздохнул, но согласился, подписал постановление».

Как мы видим, Ельцин с самого начала не слишком сильно давил на Гайдара — хотя бывали у них столкновения и жесточе. А вот самому Ельцину пришлось испытать давление невероятной силы — и со стороны Верховного Совета, съезда, и со стороны статусных горбачевских демократов, с которыми он продолжал дружить и которых продолжал слушать и включил в свой президентский совет, и со стороны верхушки военных, и со стороны «красных директоров», глав регионов; да, в общем, что уж там, со всех сторон на него давили — призывая расформировать или уж, по крайней мере, взять в узду гайдаровское правительство, не позволять им «разрушать экономику».

Но Ельцин по-прежнему продолжал верить в Гайдара.

Апрельский кризис, когда Гайдар пригрозил Съезду народных депутатов отставкой, а Ельцин, в свою очередь, в жесткой манере, не посоветовавшись с Егором (это был один-единственный раз, когда он так

поступил), снял с поста ключевого министра Владимира Лопухина, отнюдь не разрушил их связку, их гибкий и мощный альянс.

Гайдару, впрочем, пришлось сделать над собой некоторое усилие.

«И всё же мысль об отставке была. Вечером отменяю несколько встреч и совещаний, освобождаю себе время, чтобы спокойно подумать. Понимаю, остаться — значит, вести тяжелые арьергардные бои, наблюдать за тем, как сужается возможность принятия целесообразных решений, и, вместе с тем, продолжать нести всю полноту ответственности за неизбежные негативные последствия ослабления финансовой политики, отступления от курса реформ.

Но уйти — значит, самому сдать еще отнюдь не проигранную позицию, отказаться от борьбы в критической ситуации, когда важнейшие структурные реформы подготовлены и вот-вот должны начаться.

После нелегких раздумий принимаю решение остаться и продолжать работу. Решающий аргумент — при всех проблемах мощные рычаги влияния на проводимую политику еще в моих руках».

В книге «Смуты и институты» Гайдар писал: «Верховный совет мог принять решения, которые в любой момент радикально поменяют условия проведения экономической политики. Когда выяснилось, что голода не будет, Верховный совет сделал именно это: принял в июле 1992 года решение о дотациях на продовольствие, реализуемое по государственным регулируемым ценам, в размере 127,4 млрд рублей. После этого ослабление бюджетной и денежной политики, ускорение инфляции стало неизбежным».

Андерс Ослунд, шведский экономист, специалист по Польше и России, наблюдавший за событиями изнутри и в то же время отчасти со стороны — как иностранный советник правительства, впоследствии констатировал, возможно, чрезмерно жестко: «К июню 1992 года правительство реформ практически прекратило свое существование. Оно превратилось в коалиционное правительство с директорами государственных промышленных предприятий».

Напомним, в июне 1992 года, улетая на международный саммит, Ельцин позвонил Гайдару и предложил ему возглавить правительство, пока в качестве исполняющего обязанности — имея, конечно, в виду, что на ближайшем Съезде народных депутатов Гайдар будет утвержден окончательно. Гайдар, в своей манере, ответил, что, «по всей видимости, в данной ситуации это будет наиболее рационально». Ельцин, в своей манере, въедливо поинтересовался: «Должен ли я понимать это так, что вы

благодарите меня за доверие, Егор Тимурович?»

— Да, — сказал Гайдар.

Но пройдет еще несколько месяцев, и давление на Гайдара вновь страшно усилится. Ельцин, защищая Егора, встречаясь с каким-то очередным «трудовым коллективом», скажет: вот на меня все давят, чтобы я снял Гайдара. И дальше буквально воскликнет: «Но ведь в кои-то веки у нас умный председатель правительства!»

Он искренне так думал. Он искренне верил, что меры, предложенные и осуществленные Гайдаром, — единственно возможные.

Больше того, когда в декабре этого года сам Гайдар уговорил его принять свою отставку и пойти на компромисс с «парламентским большинством», Ельцин вернулся домой со съезда в крайне подавленных чувствах. В отчаянии. В настроении, которое в самом мягком варианте можно описать словом: «кризис».

Ну, по крайней мере, сам он говорил об этом так:

«В тот вечер, 9 декабря, после очередного заседания я вернулся на дачу не поздно. Увидел глаза жены и детей. Рванул в баню. Заперся. Лег на спину. Закрыв глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо... Очень плохо».

Ельцин не пишет о том, что отставка Гайдара привела его в это состояние, но внимательно анализируя ход съезда и его перипетии, мы увидим, что это была одна из основных причин.

Сам Егор пишет об этом так: «На Бориса Николаевича было больно смотреть».

Ну ладно, это дела политические. А была ли между ними, что называется, человеческая связь? Насколько им легко было общаться?

Тут есть одно свидетельство со стороны:

«Но, конечно, главное было то, что Егор как-то фантастически умел убеждать Ельцина, что для меня потом было очень странно, поскольку мне казалось, что они были абсолютно разные люди... — говорит Андрей Нечаев. — Что удивительно, они были очень близки в человеческом плане. Они могли часами сидеть, разговаривать, выпивать вместе. Я с Ельциным тоже выпивал на каких-то мероприятиях, но личные контакты, конечно, у нас были не такие... Я смотрел на него, как на бога, а он...»

Давайте это вечное «могли выпивать» — оставим в стороне. Выделим главное — Ельцин и Гайдар *часами* могли сидеть, разговаривать, обсуждать что-то. В частной, не в деловой беседе. Невероятно разные, они все-таки... дружили.

Вряд ли такое могли бы сказать о своих отношениях с президентом сменщики Гайдара, другие премьеры — Черномырдин, Кириенко, Примаков или Степашин.

Ну и наконец, еще одна причина, по которой можно назвать отношения Ельцина и Гайдара очень близкими и совершенно особыми. Да, Гайдар был призван Ельциным в правительство для того, чтобы делать экономические реформы. Разгребать авгиевы конюшни.

...Однако то, чем занимался Гайдар и его министры в те месяцы, несводимо лишь к этой задаче.

Они в постоянном, ежедневном режиме вместе с Ельциным спасали страну от самых разных угроз. Страну в эти месяцы просто раздирало на части, и вместе с другими членами правительства они часто бросались на выручку.

Здесь, наверное, стоит перечислить несколько наиболее ярких и тревожных дел такого рода.

Одно из них Гайдар в своей книге описывает довольно подробно — это национальный конфликт между осетинами и ингушами 1992 года.

Как и многие начинания Горбачева, «закон о репрессированных народах» (принятый горбачевским Съездом народных депутатов) — безусловно, правильный по сути, но совершенно непродуманный по механизмам — создал очаги гигантской напряженности во многих местах бывшего Союза, в частности на Северном Кавказе. Речь шла о земле, о домах, принадлежавших конкретным семьям до принудительного переселения 1940-х годов. Пригородный район Владикавказа оказался одной из таких точек.

«Тяжелая заноза в памяти — 1992 год, ноябрьский ингушско-осетинский конфликт. Хорошо помню, как все это началось. Впервые за несколько месяцев решил в воскресенье выспаться, не ходить на работу. Рано утром звонок. На границе Ингушетии и Осетии масштабные беспорядки. Захвачено вооружение батальона внутренних войск. Идет бой. Министерство безопасности назревающую взрывную ситуацию блестяще прозевало. Узнаем о происшедшем как о свершившемся факте. Возникает реальная угроза получить новый Карабах с хроническими боевыми действиями, но уже на территории России.

Президента нет, он в поездке по стране. Связываюсь с Генштабом, прошу срочно обеспечить переброску десантников. Звоню Виктору Ерину (министру МВД. — А. К., Б. М.), спрашиваю, в какие сроки он может перебросить туда дополнительные внутренние войска, говорю, что военные

в полном объеме помогут авиацией. Поручаю Георгию Хиже (вице-премьеру. — А. К., Б. М.) срочно вылететь во Владикавказ, возглавить оперативную группу правительства на месте, даю ему в помощь Сергея Шойгу, председателя Комитета по чрезвычайным ситуациям, превосходно зарекомендовавшего себя в ходе проведения миротворческих операций в Южной Осетии и Грузии, в Молдове. Раскрутив машину, еду на аэродром встречать Бориса Николаевича, докладывать ему ситуацию.

Во Владикавказе крупные беспорядки. Огромные толпы на улицах, люди требуют оружия. Хижа и Шойгу связываются со мной, докладывают: если что-то немедленно не придумать, ситуация выйдет из-под контроля. Склады вооружения просто захватят. В целом войска действуют достаточно быстро, решительно. Открытые боевые действия удастся притушить, нового Нагорного Карабаха явно не будет. И вместе с тем допускаем две серьезные ошибки. Во-первых, размещение нашего представительства во Владикавказе, столице одной из противоборствующих сторон, что вызывает у ингушей подозрение в пристрастии федерального центра к осетинам. Во-вторых, медлительные действия руководства внутренних войск привели к тому, что в ингушские села вошли не федералы, а осетинская милиция. Нетрудно представить, какой бедой это обернулось. В Назрани никто из высокопоставленных сотрудников российского правительства так и не решился появиться. Поэтому принимаю решение немедленно вылететь на место, побывать и в Назрани, и во Владикавказе, повстречаться с военными, разобраться в ситуации.

Первым делом направляюсь в Назрань. Еду на бронетранспортере внутренних войск. Зрелище не для слабонервных. Видны следы настоящего боя, разрушений, в Пригородном районе множество горящих домов. Нетрудно догадаться, что в первую очередь — ингушских. На границе с Ингушетией встречает Руслан Аушев. Руслан говорит, что на бронетранспортере дальше ни в коем случае ехать нельзя — подстрелят. Сажусь в его машину, он — за рулем. Центральная площадь в Назрани запружена беженцами, тысячи несчастных людей, ставших жертвами политиканов. По дороге Аушев пытается выяснить мое мнение, кто стоит за всей этой страшной кровавой катавасией. К сожалению, ничем не могу ему помочь, доклады Министерства безопасности — по-прежнему свидетельство полнейшей беспомощности».

Вот с такими, мягко говоря, совсем не экономическими проблемами пришлось столкнуться в ноябре 1992-го исполняющему обязанности председателя правительства. О чем умолчал Гайдар в этом отрывке — о сотнях трупов, которые лежали у входа в Дом правительства во

Владикавказе. Об этом он рассказывал только своим друзьям — Чубайсу и некоторым другим. Конфликт удалось потушить. Горячую точку — немного охладить.

Но возникали всё новые и новые.

Вспоминает Андрей Нечаев:

«...Мы с Егором сидели в кабинете. Приходит командующий Южным округом, говорит: “Ребята, хохлы отделяются. Крым — наша исконно русская земля. Я вот чего придумал: на Перекопе ядерные мины поставлю, пусть сунутся”. Егор говорит: “Я лично вас, генерал, расстреляю. Лично. Даже тройку созывать не буду. Если вы это сделаете”. И таких “смелых” ребят в то время было много. Ядерная кнопка стратегическая была (вроде как) в президентском чемоданчике, а тактическое ядерное оружие было размазано».

Кстати говоря, фраза «Я тебя расстреляю, генерал» в устах Егора не была такой уж литературной метафорой. Как мы помним, он с детства умел держать в руках пистолет, еще с кубинских времен. И видел оружие в своем доме неоднократно. Во-первых, дедушкин революционный наган — реликвию, которая досталась Тимуру по наследству. До сих пор этот наган висит в Красновидове, любовно закрепленный на ковре, вместе с шашкой Аркадия Петровича.

Во-вторых, табельное оружие самого Тимура, которое ему полагалось и которое он, в этом можно не сомневаться, тоже держал дома.

Был у Гайдара и еще один пистолет, выданный ему уже в бытность вице-премьером.

«Правительство приняло постановление от 25 ноября 1991 года № 17 о том, что с 1 декабря 1991 года отменяются все ранее выданные квоты на экспорт нефти, — вспоминает Андрей Нечаев, — и проводится перерегистрация лицензий тех организаций, которым ранее было предоставлено право экспорта нефти. Это сейчас в полной мере ясно, какой опасности мы себя подвергали. Быть может, тогда еще не было того бандитизма, который стал нашей повседневной реальностью в последующие годы, а может быть, еще сильна была инерция уважения к власти. Однако тот факт, что принятое нами в последние недели 1991 года решение не привело к отстрелу нескольких министров, выглядит сегодня просто удивительной удачей. Единственным, пожалуй, серьезным персональным последствием этого Постановления — я имею в виду последствия для самих членов правительства — было то, что некие “экспортеры” сильно побили первого заместителя министра топлива и

энергетики Эдуарда Грушевенко, готовившего проект постановления. К нему в нерабочее время подошли какие-то незнакомые личности и сказали, что “вы ведете себя неправильно”. Потом сильно избили и чуть было не сбросили в реку.

Мы после истории с Грушевенко потребовали у Аркадия Мурашева, возглавлявшего тогда ГУВД Москвы, выдать нам личное оружие. Он это сделал, правда, вначале отправив нас поучиться стрельбе в ведомственный тир. Я помню, что министр топлива и энергетики Володя Лопухин, ведомство которого играло в этой истории ключевую роль, даже на дружеские встречи приходил с пистолетом Макарова. Мне же жена, когда я гордо принес свой пистолет ПСМ домой, устроила небольшую истерику и потребовала: “Чтобы я эту гадость никогда в нашем доме не видела”. Так он и пролежал у меня в сейфе на работе до окончания моей министерской деятельности, после чего я его сдал. Во всей этой истории с личным оружием был, конечно, большой элемент чистого мальчишества».

Словом, оружие им раздали не зря, и вполне вероятно, что свой пистолет Егор взял и туда, в Назрань.

Приходилось Гайдару охлаждать горячие точки и предотвращать вооруженные конфликты и за пределами России. Вспоминает Виктор Ярошенко:

«Мы с Гайдаром прилетели к пограничникам в Таджикистан, и там их жены, дети, они в осаде, на это просто страшно было смотреть. Осень 1992 года.

И я потом написал, что не понимаю, зачем Ельцин послал Гайдара практически на смерть, на эту чужую, не нужную нам войну? А Гайдар говорит: “Я прочитал твой текст. Ты не знал, значит, что это не Ельцин меня посылал, это я сам просил? Я выбирал, на какую из противоборствующих сил должна поставить Россия, чью сторону занять”. А там уже шла вовсю гражданская война.

И потом были там долгие переговоры, те сидели, эти сидели. И как мы с ним даже почти поссорились. Я кричал ему: “Но это же страшные люди!” Он говорит: “Но зато я прекратил гражданскую войну”».

Характерно, что из самолета, готового к полету в Душанбе, чиновники... убежали. Виктор Ярошенко: «Чтобы борт мог вылететь из Бишкека (там в октябре 1992-го проходил саммит СНГ. — А. К., Б. М.) и сесть в Душанбе, президент отдал свой самолет. Никогда не забуду, как бежали с ельцинского самолета чиновники.

Нас в президентском самолете оказалось семь человек: Гайдар,

начальник гайдаровского секретариата Николай Головнин, руководитель Росхлебопродукта Чешинский, министр по делам СНГ Владимир Машиц, два офицера службы охраны президента и я».

В своей книге Гайдар написал об этом гораздо более сухо, лаконично:

«Еще одно место, требующее постоянного внимания российских органов власти, — Таджикистан. В 1992 году там нарастает хаос, постепенно переходящий в открытую гражданскую войну. Друг другу противостоят две силы; одну из них с большой долей условности можно назвать коммунистами, другую — исламистами. Исламисты сильнее в Гарме, Нагорном Бадахшане, коммунисты — в Кулябе. Обе стороны пытаются втянуть в конфликт дислоцированную в Таджикистане 201-ю дивизию, по меньшей мере завладеть ее вооружением. Серьезнейшая проблема состоит в том, что дивизия в основном укомплектована российскими офицерами и местными солдатами. Именно их-то и хотят с разных сторон вовлечь в конфликт.

...Поступает информация о готовности наиболее радикального крыла исламистов использовать русских, живущих в республике, в качестве заложников. Беда еще в том, что мы не можем положиться на наши источники информации о положении в Таджикистане... После встречи президентов государств СНГ в Бишкеке, где подробно обсуждалась критическая ситуация, сложившаяся в Таджикистане, лечу прямо в Душанбе.

В городе атмосфера мрачная, напряженная. У встречающей правительственной охраны такой вид, что непонятно, то ли собираются перестрелять нас, то ли друг друга... Летим на вертолете над горящим Курган-Тюбе, где идет бой, в отряд к пограничникам».

Конечно, министр иностранных дел Андрей Козырев бывал в Таджикистане гораздо чаще Гайдара и не раз рисковал жизнью. Конечно, огромное влияние на ситуацию в Таджикистане имел министр обороны Павел Грачев — именно он в первую очередь вел дела с военными. Конечно, в итоге все главные решения принимал сам Ельцин.

Но после той командировки Гайдара в Таджикистане установилась власть, которая руководит республикой до сих пор. Установился плохой, но мир. Какой была бы судьба Средней Азии в ином случае — мы не знаем.

Не знаем мы и того, удалось бы Гайдару, например, предотвратить чеченскую войну.

Но он выступал против этой войны.

Среди отнюдь не публичных «особых миссий» Гайдара — Северный

Кавказ, Таджикистан — были и легендарные истории, которые в тот момент жутко волновали все общество. Ну, скажем, так называемое «золото партии».

Советский Союз, как мы говорили, уже в 1990 году был банкротом. Золотовалютные резервы к моменту его распада оказались ничтожными. Только за 1990 год золотой запас был сокращен на 400 тонн, а суммарно с 1986 года по 1991-й исчезло 1000 тонн. Валютные ресурсы, составлявшие в 1985 году 15 миллиардов долларов, снизились до совсем уж ничего не значащих величин. Но, как пишет Гайдар, «просмотрев статистику оттока валюты и вывоза золота в 1990–1991 годах, мы задумались: а все ли здесь чисто?». Цены на поставляемую Советским Союзом продукцию «необъяснимо занижались, а цены покупаемых комплектующих необъяснимо завышались». Это явно была форма спонсирования братских партий и нелегальных партнеров СССР.

Два сотрудника разведки, свидетельствовал Гайдар, обратились к Ельцину в конце 1991 года с предложением расследовать эти истории, выбрав партнером фирму «Кролл», прославившуюся, среди прочего, обнаружением тайных активов Саддама Хусейна. Решили попробовать. Но, не будучи уверенными в успехе, заключили лишь краткосрочный контракт на 900 тысяч долларов. Сейчас эта сумма кажется небольшой, а в те времена, да еще при плачевном финансовом состоянии страны, она была весьма существенной. От «Кролла» требовался результат, в соответствии с которым можно было бы начать уголовное преследование виновных и спасти уведенные финансовые ресурсы. Годами вести расследование, ввиду недостатка у России финансовых ресурсов на такие операции, было невозможно.

В июле 1994-го, будучи депутатом Госдумы, Гайдар докладывал в парламенте о той истории. С марта по май 1992-го, в соответствии с контрактом, «Кролл интернейшнл» вела работу «в первую очередь по крупным российским контрагентам за рубежом и по крупным российским экспортно-импортным предприятиям». Что-то расследователи «нарыли», но обнаруженных фактов было недостаточно для того, чтобы быть уверенными во внятном результате.

Позже в «Днях поражений и побед» Гайдар писал и о том, что тогдашнее Министерство безопасности России не оказывало должной поддержки «Кроллу», а без этого добиться успеха было невозможно. Времени и сил на преодоление сопротивления чекистов поискам «золота партии» у Егора, и так обложенного со всех сторон недоброжелателями, не оказалось.

Гайдар не раз и не два писал о том, что напичканное ядерным оружием пространство бывшего СССР представляет страшную угрозу для всего мира. Мы помним о том, что в раннем детстве он побывал в самом остром очаге потенциальной ядерной войны — на Кубе во время Карибского кризиса. Много рассказывал ему об опасностях ядерной войны его отец, контр-адмирал Тимур Гайдар. Егор был, что называется, глубоко в теме с ранней юности.

Поэтому на угрозу «расползания» ядерного оружия он реагировал очень остро.

О том, что Гайдар сделал для программы нераспространения ядерного оружия, — отдельный рассказ. Это было одним из условий достигнутых Беловежских соглашений (об образовании Союза Независимых Государств). Геннадий Бурбулис вспоминал в одном из интервью:

«21 декабря в Алма-Ате мы подписали четырехстороннее соглашение между Россией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном по ядерному оружию. В нем было предусмотрено, что только Россия будет иметь ядерное оружие и все оно должно быть перемещено на ее территорию.

— *Этим кто занимался? Бурбулис, Козырев или Гайдар?*

— Этим занимались мы все. Гайдар занимался экономикой вопроса, потому что она была очень сложная. Я могу сказать, что Егор не только нашел схему, но и создал такие одновременно и заманчивые, и обязывающие возможности для наших партнеров, чтобы они не зевали и чтобы у них ни на минуту не появилось соблазна оставить хоть один боезаряд себе.

— *Они легко расстались с ядерным оружием?*

— Достаточно легко, потому что они больше волновались, что с ним делать, чем как они будут жить без него. Хотя с Украиной было больше позиционных трудностей, потому что там у нас еще был Черноморский флот, стратегическая авиация. Они были больше других, скажем так, заинтересованы поторговаться.

Вот в этих тонких разговорах — сколько, когда и кому — Егор всегда был силен. Он это делал здорово, он молодец. Мне кажется, что то, как мы смогли корректно и правильно распорядиться ядерным арсеналом, показывает правильность и незаменимость идеи СНГ».

Огромная работа, проделанная Гайдаром (и другими министрами тогдашнего правительства) для того, чтобы ядерные арсеналы плавно перетекли из Белоруссии, Казахстана, Украины в Россию, еще ожидает своего исследователя. По сути дела, эта была работа по спасению мира —

проделанная в кратчайшие сроки и в тяжелейших условиях. Трудно сегодня представить себе, как бы распорядились ядерным арсеналом бывшие республики Союза, окажись оно у них сейчас. Даже думать об этом не хочется.

...Но давайте вернемся к нашему главному сюжету. Почему Борис Ельцин расстался с Гайдаром, уступил съезду и отправил его в отставку в декабре 1992 года? Что повлияло на это решение?

Ведь он гордился Гайдаром, верил ему, у них были очень близкие отношения, он давал ему важнейшие и сложнейшие поручения даже помимо экономической политики. Так почему же?

«Страной управляли тогда красные директора. Не ФСБ, не прокуратура, не армия, не милиция, не президент, а красные директора. Если у него 70 тыс. работающих на “Норильском никеле”, 80 тысяч на Ростсельмаше, то, соответственно, вся жизнь этих рабочих, их политика голосования, их будничное существование полностью у него в руках. И в этом смысле они управляли страной. Губернаторы — ну, так, немного. Спецслужбы — нет, их не было. Молодые реформаторы? Ну, тоже не очень. Жизнь реальная там у них была вся в руках. Материальные потоки, финансовые потоки. Силовиков всех они покупали на местах, естественно. Бандиты все были под ними, или некоторые, наоборот, были под бандитами. Но власть была у них в руках. И переломить ее можно было только десяткой крупнейших предприятий... В этом смысле я до сих пор считаю, что залоговые аукционы при всей их мерзости были исторически соломинкой, которая верблюду спину переломила. Егор все это прекрасно понимал, при том что процессуально, процедурно это все было ужасно. Нарушений закона нет. Но нарушение всех этических норм есть», — говорил позднее Анатолий Чубайс.

Давайте отметим, что называется, на полях — залоговые аукционы, самая скандальная и самая неоднозначная часть денежной приватизации, проводившаяся по уникальной финансовой схеме, затронула лишь 9 предприятий. Да, это были крупнейшие предприятия — но это было лишь 9 предприятий (не 9 процентов, а просто 9 предприятий). Психологический эффект сыграл свою роль — увидев, что государство отдало это активы новым собственникам, «красные директора» сдались.

Но эта история происходила уже без Гайдара.

Для нас же важна другая мысль Чубайса — в 1992 году и далее, вплоть до залоговых аукционов, реальная власть в стране принадлежала «красным директорам».

Съезд народных депутатов находился также под их непосредственным

влиянием.

По умолчанию считается, что парламент (а съезд официально считался парламентом) — это разные партии, разные фракции, блоки. Что в нем присутствуют представители разных социальных групп и идеологий, в зависимости от результатов выборов. Однако на российском съезде это было не совсем так.

Михаил Краснов, крупнейший российский правовед и долгие годы помощник президента Ельцина, писал об этом:

«Хотя депутаты в рамках Съезда народных депутатов образовывали фракции и депутатские группы, однако, их состав и численность на очередном съезде (общем заседании) не были постоянными (в среднем каждый съезд имел 15–17 фракций и групп, объединенных в 4–5 блоков): многие депутаты неоднократно меняли свою принадлежность к фракции, группе или даже к блоку (были также внеблоковые депутаты и их объединения). А, главное, такие структурные единицы не являлись партийным представительством в строгом смысле этого понятия. Соответственно, исход голосования по какому-то вопросу во многом зависел от того, как настроит депутатов председательствующий на заседании Съезда (такое “дирижерство” особенно хорошо удавалось Р. И. Хасбулатову). Съезд был настолько многочислен и потому малоэффективен, что сам по себе не смог бы противостоять исполнительной власти. Он выполнял лишь роль “тарана” в руках в общем-то небольшой группы депутатов, прежде всего, возглавлявших Верховный совет и его Президиум».

Замечательное описание съезда дал сам Ельцин в своих мемуарах:

«Страна у нас, конечно, большая. И все-таки полторы тысячи человек — это уже не парламент, не сенат, а какое-то народное вече. Тут уже кто кого перекричит. Тихим голосом говорить бесполезно — начинают действовать законы большого пространства, психологические факторы общения с толпой (в данном случае с толпой народных избранников)... Когда в парламенте полторы тысячи человек, возникает огромное количество фракций, вербующих себе сторонников, плюс огромное количество независимых депутатов... Это арена беспощадной политической грызни, схватки амбиций. Это прежде всего крики у микрофона, это истерики, раскаленные эмоции. Каждый хочет какую-то свою проблему поднять. То национальную, то экономическую, то внешнеполитическую».

Выделим и здесь главную для нас мысль — этим морем раскаленных

эмоций кто-то изнутри умело управляет. Как правило, современники указывали на человека, который научился руководить съездом, — на Руслана Хасбулатова, — но вряд ли он справлялся с этим в одиночку. И внутри съезда нужна была «правлящая группа», некая каста, которая рулила процессом.

И, конечно, такой кастой — неважно, в личном качестве или через своих представителей — были как раз «красные директора». Таким образом, и в регионах, «на земле», и в Москве, в самом центре власти — они были главными. Неформальная власть принадлежала им.

Не случайно среди всех вариантов приватизации был выбран вариант, когда при акционировании предприятий директорам не только доставался крупный пакет акций, но еще они имели гигантские привилегии при их приобретении. Мысль была такая: пусть приватизация идет хотя бы таким образом, рано или поздно активы все равно перейдут к эффективному собственнику.

Компромисс с корпусом «красных директоров» был необходим, так казалось тогда и Ельцину, и Гайдару.

К тому же сам Гайдар почувствовал, что первый этап преобразований все-таки завершен. Спустя 14 лет, когда уже увидела свет его книга «Гибель империи», в одном из интервью он говорил:

«...К тому времени, когда в конце мая — начале июня 1992 года я понял, что непонятно, каким образом на основе действий, которые никакой экономической теорией не описываются, нам удалось избежать голода, я понял, что, собственно, самое главное в своей жизни я сделал. Да, потом меня будут проклинать, рассказывать, что я провел операцию без наркоза. А у меня не было наркоза... Меня как-то попросили на узком семинаре... рассказать макроэкономическую историю кризиса 1991–1992 годов... Я подробно, естественно, с цифрами, рассказал и спросил присутствующих, которых было человек 25: ну вот вы, такие опытные люди, что бы вы в этой ситуации посоветовали мне сделать? Двухминутная пауза. Потом министр финансов Мексики сказал, что в этой ситуации он бы немедленно застрелился. Все остальные выходы гораздо хуже».

Итак, и Ельцин, и Гайдар понимали, в какой стране живут, как она устроена, у кого реальная власть в регионах, как говорится, «на местах», насколько тяжкими будут перемены, — им казалось, что идти в прямую кавалерийскую атаку на корпус «красных директоров», а именно они преобладали на съезде, — невозможно, слишком опасно, что это может

иметь непредсказуемые последствия.

И Ельцин, и Гайдар были людьми ответственными и порядочными. Они не могли, грубо говоря, ссориться, рвать отношения, применять силу и власть — не пройдя весь путь компромисса до конца. И они его прошли.

Напомним, это был Седьмой съезд народных депутатов РФ.

Съезд шел две недели, и каждый день были прямые трансляции, продолжался жуткий тяжелый разнос реформаторской политики (именно тогда Ельцин сказал, стоя на трибуне, с тяжелым сердцем: «Стены этого зала покраснели от стыда», имея в виду весь тот поток грубостей, нелепых упреков, который достался в эти дни и ему, и Гайдару). Съезд постоянно жонглировал поправками, которые лишали президента части полномочий, изменяли — тут же, в режиме прямого голосования — политическую систему в стране, и, конечно, Ельцин от всего этого устал. Поэтому когда хоть какого-то компромисса удалось достигнуть, он был, безусловно, доволен.

Вот как этот компромисс описывает сам Гайдар:

«Из переговоров, которыми с президентской стороны реально руководил я, а с парламентской — Николай Рябов, вырисовывается формула соглашения. Основные пункты его выглядят так.

Съезд отменяет наиболее неприятные из принятых поправок к Конституции.

Будет проведен официально назначенный референдум по вопросу о доверии президенту и Съезду, который позволит разрубить гордиев узел двоевластия и открыть дорогу досрочным выборам.

Президент после анализа предложений фракций представит Съезду несколько кандидатур на пост премьера, из которых мягким рейтинговым голосованием будут выбраны три, получившие наибольшую поддержку. Затем одну из этих кандидатур президент представит Съезду на утверждение. Если она не будет утверждена Съездом, президент назначит «исполняющего обязанности» премьера.

В сложившейся тогда ситуации это был максимум возможного. Президент в полной мере сохранял лицо, не отказывался от референдума, получал широкую свободу маневра в выборе премьера. Б. Ельцин и Р. Хасбулатов на большей части переговоров отсутствовали. Когда же появились, формула уже была в основном выработана и согласована. Я предложил президенту ее поддержать, он согласился. Р. Хасбулатову проект соглашения явно не понравился, но позволить себе оказаться в изоляции и выглядеть противником национального согласия он не мог».

Ельцин был убежден, что, преодолев съезд по вопросу о референдуме, несмотря на бешеное сопротивление, он преодолеет его и по вопросу о кандидатуре премьера. Ему показалось, что депутаты наконец-то настроены на мир.

Однако все получилось по-другому...

Григорий Глазков вспоминал: «Поздней осенью мы сидели в Волынском с Гайдаром, Чубайсом и нашими польскими коллегами Марек Домбровским и Яцеком Ростовским (они представляли варшавский Центр социального и экономического анализа; Ростовский, родившийся в семье эмигрантов в Британии и сделавший там карьеру ученого-экономиста, был советником министра финансов, автора польских либеральных реформ Бальцеровича, а в дальнейшем и сам стал министром финансов Польши. — А. К., Б. М.) и обсуждали возможность ухода Егора с поста премьера. Поляки уговаривали Гайдара уйти. Он доказывал необходимость оставаться в правительстве до последнего момента, пока еще что-то можно сделать. Я был на стороне польских коллег».

«Вечером накануне голосования Борис Николаевич пригласил членов правительства на ужин, — пишет Гайдар. — Настроение было хорошее, всеми владело ощущение, что страшная гроза неуправляемой конфронтации прошла стороной. Воспользовавшись оживленным разговором коллег, попросил президента поговорить наедине, сказал, что в создавшейся ситуации, особенно после всего произошедшего, считаю, что попытка удержать меня на посту премьера слишком опасна, она дает дополнительные возможности оппозиции дестабилизировать обстановку. Так как к этому времени Ю. Рыжов, несмотря на мои уговоры, твердо отказался баллотироваться, предложил выдвинуть и поддержать кандидатуру В. Каданникова, в готовность и способность которого вести последовательную политику реформ верил. Добавил, что в случае его назначения я, мои коллеги сможем остаться в правительстве, продолжить работу. Президент пообещал непременно его выдвинуть и сказал, что будет ориентироваться по ходу голосования.

На следующий день в первоначальный список для голосования были включены кандидатуры секретаря Совета безопасности Ю. Скокова, первого вице-премьера В. Шумейко, вице-премьера В. Черномырдина, В. Каданникова и моя. Ряд предложенных фракциями неприемлемых кандидатов президент отклонил.

По итогам рейтингового голосования больше всего голосов получил Ю. Скоков, чуть меньше — В. Черномырдин и с заметным отставанием — я. В. Каданников, поддержанный Ельциным, в своем выступлении слишком

горячо высказался за реформы, а потому сразу выпал из обоймы.

После голосования — беседа с президентом. Юрия Скокова я уже неплохо знал по совместной работе и был твердо убежден: поручить ему руководство еще не вышедшей из младенческого возраста российской рыночной экономикой ни в коем случае нельзя. Он вполне может задушить ее в своих энергичных объятиях. Да и, честно говоря, у меня не было уверенности, что в критических ситуациях он твердо встанет на сторону президента, а не начнет суетиться, маневрировать. Все это я высказал Ельцину. Впоследствии, в апреле 1993 года, мои опасения подтвердились.

К Виктору Степановичу Черномырдину отношение было намного сложнее. С того момента, когда через мою голову президент назначил его вице-премьером, у нас сложились нормальные рабочие контакты. Он занимался своим комплексом, был человеком исполнительным, в общеэкономические вопросы не вступал и, на мой взгляд, неплохо справлялся со своими обязанностями. В премьеры, расталкивая других руками, не рвался и с самого начала сказал, что, если будет необходимо, — снимет свою кандидатуру.

Сказал президенту, что в создавшейся ситуации не могу сам снять свою кандидатуру, так как не уверен в том, что политика реформ будет продолжена преемником. Но если он все же остановит свой выбор на другой кандидатуре — прошу его отдать предпочтение В. Черномырдину.

После разговора со мной президент пригласил к себе Черномырдина, потом Скокова, потом еще раз меня. Сказал, что разрыв между мной и Черномырдиным по числу набранных голосов слишком велик. Он принял решение рекомендовать на пост премьера Виктора Степановича, просит меня самого снять свою кандидатуру. Я ответил, что, к сожалению, не могу этого сделать, не убежден в том, что Черномырдин сможет удержаться на пути последовательного развития экономических реформ. Хотя из двух оставшихся кандидатов считаю этот выбор правильным. На Бориса Николаевича было больно смотреть, видно, что решение далось ему нелегко. Очень не хочется к тому же менять всего несколько дней тому назад заявленную позицию о моей поддержке, тем самым демонстрировать слабость. Я еще раз сказал, что готов поддержать назначение Черномырдина, но снять с него бремя выбора, к сожалению, бессилён.

Вернулся в зал на места правительства, сказал собравшимся рядом со мной коллегам, что через несколько минут Борис Николаевич предложит кандидатуру Черномырдина. Депутаты демократических фракций все никак не могли поверить в произошедшее, бросились к Ельцину, уговаривали предложить мою кандидатуру. Он тяжело махнул рукой —

решение принято.

После энергичного выступления Черномырдина, где он пообещал построить рынок без базара, провести реформу без обнищания народа, я вышел из зала, поехал готовить передачу дел».

...Лишь спустя 11 (!) лет Гайдар рассказал об истинной подоплеке событий:

«В декабре 1992 года после конфликта между Ельциным и Верховным советом ко мне приехал тогдашний и нынешний, кстати, председатель Конституционного суда Валерий Зорькин... и спросил, готов ли я для того, чтобы проложить дорогу к стабильности и некоему согласию, уйти от власти? Я сказал, что да... только это действительно должен быть путь к стабильности, к конституционному соглашению, которое проложит России дорогу к новой Конституции. И мы об этом договорились. Потом мы организовали переговоры в Кремле, которые вели я, Хасбулатов, Зорькин. Мы договорились, потом было принято по результатам этих переговоров 12 декабря 1992 года постановление Съезда народных депутатов... Суть... была предельно проста: я уйду в отставку, взамен за это мы проводим референдум по новой Конституции в апреле 1993 года. И если Ельцин не договорится со Съездом по поводу того, какая будет Конституция, мы выносим на референдум два варианта этой Конституции... В январе (1993 года. — А. К., Б. М.) большинство Верховного совета сказала: мало ли мы чего подписывали, Гайдар же ушел в отставку».

Никакого референдума по Конституции в апреле, конечно, не состоялось. Парламент цинично и грубо обманул Ельцина и Гайдара.

Свою речь 9 декабря 1992 года, когда Ельцин внес его кандидатуру на утверждение премьер-министром и когда «за» проголосовало 467 депутатов, а «против» — 486, Гайдар закончил просьбой о понимании: «Единственное, чего я прошу, — это понимания сложности и кризисности ситуации в России, самоубийственности конфронтационной политики...»

Его отставки ждали давно, а она все равно стала колоссальным шоком.

Три выступления Егора в Верховном Совете в эти дни — 2, 3 и 9-го — поразительны по драматизму и содержанию. В них, как ни пафосно это звучит, весь Гайдар. Очень убедительный. Даже тогда, когда его валили при рейтинговом голосовании 14-го и он получил 400 голосов. Но иногда — о чудо! — и аплодисменты. Он был интеллигентен. Вежлив. И хотел в Верховном Совете видеть союзников. Ни разу никого не оскорбил, разве что ирония его была убийственной. Знал, о чем говорил, сыпал по памяти цифрами, орудовал аргументами как совершенной приборной доской. Без

всяких бумажек.

Да, это был человек «не отсюда».

2 декабря. «Во вчерашнем выступлении Руслан Имранович Хасбулатов сформулировал свой диагноз из тех альтернатив, которые стоят сегодня перед Россией... Суть его такова. Есть две модели: монетаристская американская модель и социально-ориентированная европейская (скандинавская). Надо выбрать, в каком обществе мы хотим жить (в скандинавском или американском), и исходя из этого строить экономическую политику в России в ближайшее время.

При всем желании мне пока очень трудно соотнести эту альтернативу с теми тяжелыми практическими проблемами, которые каждый день приходится решать российской экономике... Конечно, если мы будем хорошо и успешно работать, сумеем сформировать многосекторную экономику, приватизировать хотя бы 50 % отечественной экономики, покончить с всевластием чиновничества, всерьез открыть широкую дорогу предпринимательству, интеграции нашей страны в мировой рынок, то через три-пять лет, может быть, нам действительно придется обсуждать, какой же мы хотим иметь тип общества — американский или скандинавский».

«Верховный совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 млрд рублей... Результатом является обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, денежной массы с июля — августа и ускорение инфляции начиная со второй половины августа. Если это социально ориентированная рыночная экономика, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. (*Оживление в зале.*)».

Он все еще продолжал объяснять, убеждать, апеллировать к их разуму. Он все еще продолжал верить в этот разум.

Итак, этот день — которого он давно ждал, к которому давно внутренне готовился — настал. Однако несмотря на всю подготовку, если мы внимательно прочтем воспоминания Гайдара, то легко увидим, в каком состоянии духа он тогда находился. Какой шок испытал, как нелегко давался ему каждый шаг и каждое слово, в каком ошеломлении он пребывал.

Несмотря на то, что он по отношению к Ельцину предельно корректен — за текстом, за интонацией очевидна, слышна его боль.

Вечером в день отставки Егор приехал к родителям. «Теперь ты свободен», — радостно сказала ему Ариадна Павловна. А Гайдар

расплакался. Впервые с шести лет. Обидно, что не успел многого доделать. Обидно, что так и не был понят.

Хотя тогда еще было не до конца ясно — до какой степени он не был понят. «Это были еще цветочки», — скажет потом Ариадна Павловна.

Так что же пошло не так?

Ну, во-первых, до сих пор не совсем понятно, почему он первым назвал фамилию Черномырдина. Конечно, Ельцин был в тяжелых колебаниях, сомнениях — но то, что Гайдар сам, первым предложил ему другую кандидатуру, не могло не повлиять на его решение. (Тем более что это была не первая кандидатура, которую Гайдар уже предлагал назначить *вместо себя*.) Влияло на Ельцина и такое обстоятельство: Гайдар не держался за кресло, легко расставался с должностью. Гайдар начисто был лишен того, что называют «волей к власти». Другой на его месте сопротивлялся бы любой кандидатуре, просто кричал бы о том, что «только не этот!», Гайдар назвал фамилию сменщика сам.

Менялось настроение и у самого Егора — вот он сам называет фамилию Черномырдина; проходит час — и он просит его уволить официально.

Как нам кажется сейчас, через тридцать почти лет, Гайдар что-то почувствовал в настроении Ельцина, какое-то изменение, готовность «сдать», готовность отступить — и сработала его семейная гордость, так сказать, фамильная офицерская честь.

Но правильно ли он почувствовал? Так ли уж точно все предвидел тогда?

В конце концов, возобладала общая логика компромисса — компромисса со съездом, который Ельцин тогда, в декабре 1992 года, еще не был готов распустить, компромисса с «красными директорами», возобладала та логика, к которой они себя изначально готовили: «правительство камикадзе» приходит, делает всю грязную работу и уходит с гордо поднятой головой.

Но уже тогда, в эти минуты, он понял, как много еще не сделано, сколько шансов упущено в связи с его неожиданной отставкой, каким тяжким бременем лягут на его сознание, на его совесть в будущем эти недоделанные дела, эти несовершенные поступки, непредпринятые шаги.

Он тяжело задумался... но решение было принято и дальше надо было сдавать дела и думать, как быть с остальными членами правительства.

Отдельным ударом для Гайдара стало то, что единства в его команде не было.

Егор мог обидеться на тех, кто оставался (в чем едва ли признался бы самому себе). Прежде всего речь шла о тех, кто работал в аппарате, не о министрах. Но у Черномырдина остались работать и многие члены правительства Ельцина — Гайдара. Например Элла Памфилова. Ключевая фигура его команды — Анатолий Чубайс — должен был остаться, чтобы завершить самое важное на тот момент дело, приватизацию. Андрей Нечаев на некоторое время остался министром экономики. Борис Салтыков — науки. Удалось счастливым образом уговорить Бориса Федорова стать куратором экономического блока в ранге вице-преьера, затем он стал и министром финансов — такое совмещение существенно увеличивало его политический вес. С Гайдаром они не смогли бы сработаться в силу полярности характеров, но продолжить линию Егора Федоров вполне был способен, причем абсолютно бескомпромиссно. Министром внешних экономических связей стал бывший зам Петра Авена и член команды Сергей Глазьев, уже, впрочем, готовый перейти на другой берег политической реки. Спустя несколько месяцев он займет антиреформаторскую позицию — не зря он сильно не понравился Виктору Степановичу.

Иные надеялись продолжить продвигать реформы изнутри. Спичрайтеры Гайдара Сергей Колесников и Никита Масленников (бывшие коллеги по «Коммунисту») были переданы по наследству Черномырдину. Остались в Рабочем центре экономических реформ Сергей Васильев и Андрей Илларионов, потом возглавивший группу советников при премьере, но вскоре рассорившийся с ним. Сохранили свое влияние Евгений Ясин как влиятельный советник и Яков Уринсон как директор Центра экономической конъюнктуры. Все они в те первые месяцы 1993-го сыграли большую роль в экономическом образовании Виктора Степановича, а учеником он оказался восприимчивым.

Остался в кабинете Черномырдина вице-премьером и Александр Шохин.

Да, они заранее договорились о том, что остается Чубайс — приватизацию надо завершить. Что же касается остальных, то Гайдар считал, что уйти должны сразу и все. Это однозначно.

Однако... настроения разделились. Далеко не все хотели уйти вместе с ним.

Александр Шохин вспоминал:

«Поначалу ЧВС был настроен резко. Он мне объяснил почему: “Я бы всех вас из правительства убрал, но, после того, как Гайдар порекомендовал мне сделать именно так, за исключением Чубайса и

Салтыкова, я решил погодить с этим решением. Если Гайдар не хочет, чтобы, скажем, ты был в моем правительстве, ну тогда поработай, я еще посмотрю, чего ты стоишь. Я сначала думал, вы одна команда, а оказывается, у вас такие сложные отношения”».

После этого разговора Шохин приехал домой (они по-прежнему жили на соседних дачах в «Архангельском»), зашел к Гайдару и резко высказал ему все, что думал, — в общем, поссорился. Для Гайдара это была неожиданность.

«Серьезная заноза в человеческих отношениях, связанная с отставкой, пожалуй, только одна — А. Шохин. С Александром мы работали вместе в отделе С. Шаталина в соседних комнатах стекляшки на Профсоюзной, входили в число любимых его учеников, долгие годы дружили домами. Он, без сомнения, сильный, профессиональный специалист по социальным проблемам экономики, таким, как дифференциация доходов, проблемы бедности, сбережения домашних хозяйств...

Все время совместной работы в правительстве мы регулярно встречались, откровенно обсуждали политические и экономические вопросы, выкраивая время, обычно по ночам, ходили друг к другу в гости. Никак не мог себе представить, что наша дружба окажется заложницей политических передраг. Но именно это и случилось. Вечером в день моей отставки он зашел ко мне домой, сказал, что давно собирался высказаться откровенно о том, что я, по его мнению, не так делаю, и вот наконец собрался. В переводе на простой язык — дружба с отставным премьером стала обременительной, связывает руки.

Потом, несколько месяцев спустя, когда прошел слух о моем возвращении в правительство, Александр первым позвонил, поздравил. Впрочем, Бог ему судья. Что же до меня, то я по-прежнему с уважением отношусь к его профессионализму, но друга потерял. Наверное, политика и власть действительно не подспорье добрым человеческим отношениям».

...Интересно, в какой момент Гайдар вдруг понял, что в свои 36 лет он пережил главный пик своей биографии, что дальше — уже *ничего подобного не будет*? И что теперь всю жизнь ему предстоит подсчитывать ошибки, анализировать сделанное, вспоминать и думать...

Что теперь его имя всегда, десятилетиями и, может быть, даже веками будут связывать именно с теми месяцами, которые он провел в правительстве?

Когда именно он смог посмотреть на себя — вот оттуда, из такой вот далекой перспективы? Наверное, сразу. И, наверное, открытие это было не

из легких.

...Но, с другой стороны, стыдиться ведь ему было нечего. Он все правильно сделал. Поэтому зафиксируем этот момент и мы с вами.

Кем был Гайдар для нас тогда? Что он сделал? Как многое он успел за этот год, за эти несколько месяцев?

Сергей Юрский:

«Когда готовишься к роли, тебе надо ответить самому себе на вопрос — где находится центр тяжести у твоего персонажа? То есть где у твоего героя рождается главное. В голове, в желудке, ниже пояса? У всех по-разному. Если бы я играл Гайдара, я бы играл так, что центр тяжести находился бы на полметра выше головы. Там, где рождаются мысли великих математиков и великих музыкантов».

Геннадий Бурбулис:

«Гайдар соответствовал типу мужчины, описанного формулой, которую Грамши в свое время предложил, и она была близка и Швейцеру, и Ганди: “Пессимизм разума, который способен понимать всю трагичность человеческой природы и всю безнадежность усилий жить по правилам, и оптимизм воли”.

В самые, может быть, важные времена у Егора оптимизм воли, безусловно, был, — продолжает Бурбулис. — И были какие-то у него внутри пространства, которые исключали и компромисс, и откладывание решений, и перекладывание на кого-то другого».

Альфред Кох:

«Я, особенно наблюдая за Егором в последние годы его жизни, могу сказать, что начал больше понимать истоки вот этой его смелости и мужества. Я понял, что у Егора это, видимо, наследственное. Он наплевательски относился к здоровью. Он был такой релятивист: будь что будет. Он очень любил жизнь во всех ее проявлениях, но не очень ею дорожил. Может быть, кстати, это связанные вещи. В рамках этого мне Егор абсолютно понятен, когда он автоматы раздавал — сначала в Осетии, потом у Моссовета. Может, он с этим автоматом сам под пули легко бы лег».

Вот так. Но как ни банально это прозвучит, жизнь все-таки продолжалась.

Глава восьмая. Человек на площади

Возможной точкой начала процесса было 13 мая 1986 года. В Большом Кремлевском дворце собрался V съезд кинематографистов СССР. Изначально — абсолютно официальное, полностью формальное событие, сутью которого было лишь переизбрание кинематографических начальников, правления Союза — ну да, действительно, от них кое-что зависело в плане распределения благ (в большей степени) и производственных бюджетов (в меньшей). Съезд шел, как положено. С трибуны выступал, например, рабочий-газовщик из Надыма, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и, конечно, в речах каждого из допущенных на трибуну звучали ссылки на решения очередного съезда КПСС, на курс «ускорения и перестройки» — мутная идеологическая пурга.

Но вдруг что-то пошло не так.

Секретарь ЦК КПСС А. Яковлев (а на трибуне под портретом Ленина сидели в президиуме члены политбюро) решил в кулуарах, что съезд творческого союза — это хороший повод дать пример настоящей «гласности».

И вот с трибуны зазвучали совсем иные речи. О том, что «на полке» давно лежат блестящие фильмы — такие как «Покаяние» Абуладзе, «Комиссар» Аскольдова, «Проверка на дорогах» Германа. О серости и косности кинематографических начальников. О том, что советское кино «гонит вал» и погрязло в ремесленной мастеровитости и угодливости. О том, что на студиях необходима творческая свобода и самостоятельность. Выступали Элем Климов, Сергей Соловьев. Правление Союза переизбрали практически в новом составе. Сформировали чрезвычайную «полочную» комиссию — по возвращению зрителю фильмов, загубленных цензурой. Приняли революционное решение о грядущем переводе студий на самоокупаемость (что стало, конечно, потом миной замедленного действия в условиях последовавшей экономической реформы).

До сих пор этот съезд и его решения кинематографисты вспоминают с разным чувством — одни с ностальгией и глубочайшим уважением к его революционной энергии, другие — с отвращением к «хунвейбинам» от кино.

В 1988 году один из главных московских театров — Московский Художественный академический театр имени М. Горького под руководством народного артиста СССР Олега Ефремова — с дичайшим

скандалом разделился на две половинки. Одна часть актеров (популярных, заслуженных, известных по своим ролям в кино) — Андрей Мягков, Евгений Киндинов, Вячеслав Невинный, Станислав Любшин, Ирина Мирошниченко и другие решили вместе с Ефремовым остаться в историческом здании в Художественном проезде. И называться дореволюционным именем (Московский Художественный театр). Даже имя они решили взять себе другое — не «буревестника революции», а символа дореволюционной интеллигенции Антона Чехова. Другая часть труппы, во главе с народной артисткой СССР Татьяной Дорониной, захотела отделиться и остаться в новом здании на Тверском бульваре. И следовать прежней эстетике и идеологии академического советского театра.

Раздел МХАТа, надо сказать, было воспринят тогдашним обществом с большим энтузиазмом (так же как и решения съезда кинематографистов). Во всем этом виделся знак свободы и прогресса. Кто хочет, идет по новой дороге. Кто хочет — остается на старой, вольному воля.

Однако стремление к цивилизованному разводу постепенно овладело умами.

Делились все — редакции газет и журналов, творческие союзы, телеканалы и высшие учебные заведения. Результат был всегда разный.

«Независимая газета», появившаяся в 1990 году, уже в 1993-м, через три года, разделилась на два издания. Часть журналистов осталась в «Независьке», как ласково называли ее читатели, часть ушла в газету «Сегодня» к магнату Гусинскому. Вроде бы появились две мощные редакции. Но к излету 1990-х от былой мощи не осталось и следа, обе газеты сходили на нет (независимо от того, что происходило в этот момент с их владельцами).

Другая история произошла в «Комсомольской правде» — большая группа журналистов, недовольных процессом акционирования, ушла из старой редакции и создала другую — «Новую ежедневную газету» (затем ставшую просто «Новой»).

От «Известий» к концу 90-х отпочковались «Новые известия».

Ну и так далее...

Делились почкованием и структуры более серьезные в идеологическом плане: партии и движения. Бывшие правоверные коммунисты разделились на «Трудовую Россию» Анпилова, «Коммунистическую рабочую партию» Тюлькина; свои партии были у преподавательницы химии из питерского технологического Нины Андреевой и пламенной Сажи Умалатовой. Но надо отдать всем им должное: в феврале 1993 года коммунисты провели

объединительный съезд и сформировали общую партию — КПРФ во главе с Геннадием Зюгановым. Отдельные марксисты-сектанты остались «на свободе», но общий тренд всем был понятен. «Новые коммунисты» решили двигаться во власть. И объединяться.

Этого, увы, нельзя сказать о демократах: все 90-е они продолжали делиться и размножаться. В 1993 году блок «Выбор России» вобрал в себя далеко не все партии демократической ориентации. Больше того, возникали новые партии: например, Шохин и Шахрай организовали Партию российского единства и согласия «ПРЕС», которая отобрала несколько процентов голосов у «Выбора», что вызвало раздражение Егора.

...В 90-е существовало два союза российских писателей и, наверное, три или четыре академии наук.

Обществом овладел некий вирус, но был ли он неизбежен? И самое главное, благотворен?

Да, общество перестало быть монолитом. Все «советское» раскалывалось, размывалось, расслаивалось. Нормальный плюрализм мнений (нормальный именно для развитой демократии) предполагал, что вскоре появится множество носителей разных идей, и все они будут сражаться за свой независимый, уникальный путь.

С другой стороны, как тут не вспомнить слова (мы их уже цитировали) художественного куратора Виктора Мизиано: «...Не было осознанного, артикулированного, внутреннего понимания своих прав, а вместо этого было ощущение какой-то звонкой пустоты, в которой ты оказался без каких бы то ни было предустановленных ценностных ориентиров. Их приходилось выдумывать на ходу. Эти ценности и ориентиры были тогда индивидуальным выбором каждого».

Но этот «индивидуальный выбор каждого» далеко не всегда совпадал с потребностями общества, с его повесткой и задачами.

Выталкивая друг друга из той или иной ниши, или пытаясь заново обустроить свою, общественные деятели, политики, журналисты, творческая интеллигенция незаметно девальвировали что-то очень важное. Подвергали ползучей инфляции то, что было вообще-то важным — свою общественную или нравственную идею. Свою главную платформу.

Все они незаметно теряли необходимые ограничения, «обручи», интуитивно понятные рамки своей свободы. И выходили куда-то в ледяной космос безграничного выбора.

В эпоху открывшихся возможностей никто не хотел уступать «командные высоты», утрачивать позиции. Начиналась борьба самолюбий и характеров. А ведь в такие исторические моменты как раз необходимы

четкие критерии для политического поведения. А может быть, и личные жертвы — например, ради общего дела можно наступить на горло своим амбициям. От участников процесса другие участники разъяренно требовали именно этого: самоограничений и внятных критериев — с какой стати те, а не эти оказались у руля? Почему они, а не мы?

Особенно большую ярость вызывала группа молодых экономистов под руководством Гайдара — с чего вдруг им, никому не известным молодым людям, президент доверил главную задачу: проводить экономические реформы; почему он позволяет им тратить с таким трудом заработанный всеми демократами политический ресурс?

И ополчились на Гайдара отнюдь не только коммунисты. Тяжелой критике подвергался он и со стороны статусных демократов горбачевского периода, лидеров общественного мнения, таких как первый демократически избранный мэр Москвы Гавриил Попов (которому, как мы помним, не нашлось места в гайдаровском правительстве), мэр Петербурга Анатолий Собчак, «прораб перестройки» Николай Травкин или символ граждански активной интеллигенции Юрий Афанасьев.

Но особенно болезненно ощущался раскол в высших эшелонах власти. Еще совсем недавно, в августе 1991 года, вице-президент Руцкой с автоматом наперевес организовывал народную самооборону вокруг Белого дома, потом, рискуя жизнью, летал с отрядом автоматчиков за Горбачевым в Форос.

Еще недавно Хасбулатов всюду сопровождал Ельцина и стоял от него строго по правую руку на митингах (где снайпер легко мог снять обоих с балкона Белого дома).

И вот не прошло и года, как те же самые люди уже практически открыто ненавидели президента, пытаясь законодательно ограничить его власть. Они упрекали Ельцина, Гайдара и его министров в тирании, пытаясь унижить их перед всей страной.

Именно эта девальвация общих ценностей, общего для демократов морального кодекса была, возможно, одной из самых печальных черт того времени.

Печальных — но, скорее всего, неизбежных.

«Силы, пришедшие к власти на волне широкого единства и передовой для старого режима идеологии, — писал Владимир Мау, — так до конца и не могут освободиться от иллюзии, что они и только они способны выражать интересы всего общества. Но того общества, интересы которого они стремятся выразить, уже не существует. Друг другу противостоят два враждебных, диаметрально противоположных лагеря... Именно результат

столкновения между этими двумя лагерями и определяет дальнейший ход революции. Победа радикалов означает переход революции на новую фазу».

День 3 октября 1993 года Маша, жена Егора Гайдара, встретила на госдаче — в «Архангельском» по Калужской дороге.

Была неплохая погода. Да и вообще она с детьми все больше времени старалась проводить именно там, на свежем воздухе. День, начинавшийся как обычный выходной, закончился довольно страшно. Как и все москвичи, Маша пыталась понять, что происходит, смотрела телевизор, слушала радио.

Уже ближе к вечеру услышала выступление своего мужа. Вернее, его воззвание к москвичам. В это время прислал машину Анатолий Чубайс — Маша, жена Чубайса, и Маша, жена Гайдара, вместе со своей мамой и сыном Павликом, у которого в то время были постоянные приступы астмы, сели в машину и поехали на проспект Вернадского, где была квартира покойного отца, Аркадия Натановича. Там она снова припала к телевизору. Чем кончится эта ночь, Мария Аркадьевна Стругацкая не знала.

3 октября 1993 года, когда начался штурм мэрии, а потом и Останкино, Егор позвонил Маше, убедился, что все пока в порядке. И начал думать, что делать дальше.

Рассказывает Анатолий Чубайс (интервью 2019 года):

«3 октября, в воскресенье, я был на даче. Сел за руль своих “жигулей” и поехал в лес недалеко — отдыхать. Думаю, даже фотографии сохранились с моей женой Машей. Костерок развел, всё нормально. Телефонов же мобильных не было. Был какой-то радиоприемник, может быть, в машине у меня. И где-то к часу стало понятно, что в Москве горячо совсем. Я костер потушил, собрал вещи, сел в “жигули”, поехал назад. Приехал часа в два или три на дачу и с дачи сразу же поехал на работу, в Госкомимущество. Звоню Егору. Егор на месте, естественно. Я хорошо помню, какие команды я дал на работе. Всех женщин отправить домой, оставить дежурных. Дверь забаррикадировать. У нас были большие сейфы, такие железные шкафы. Поскольку часто перед этим к нам прорывались демонстрации обманутых вкладчиков (к которым мы не имели никакого отношения) — технология у нас была отработана. Мы не занимались обманутыми вкладчиками, но они, как правило, все шли в Госкомимущество. На четвертый или пятый раз, когда толпы врывались, мы эти шкафы ставили у входа так, что проход получался в актовый зал. И пока они по всему зданию носятся, по крайней мере скапливаются в зале,

есть время. А потом в зал мы выходили и пытались что-то там объяснить. Ну, с этими шкафами мы уже умели обращаться. Поэтому 3 октября я попросил забаррикадировать вход. Собственно, всё. Больше там делать нечего было. В это время там уже по улице ходили боевые ребята. Дальше звоню Егору. Он говорит: “Давай, подъезжай”. Я подъехал. Он был на Старой площади...

К этому моменту у нас уже мэрия была захвачена.

А еще одна была очень острая ситуация. Мэрия захвачена, а в подвале мэрии хранились собранные, но непогашенные приватизационные чеки, за которые отвечал Дима Васильев. Соответственно, Дима метался в полной истерике по Госкомимуществу.

“Давайте что-то делать”. Я говорю: “Дима, что делать?” — “Как-то нужно их оттуда достать”. — “Охренел, что ли? Как мы их оттуда достанем? Лучше сидеть тихо и, наоборот, помалкивать об этих чеках”. Проблема была тяжелая, потому что чисто технологически, если бы они выломали двери, вскрыли и достали их, то мы вряд ли бы сумели отличить использованные от неиспользованных. И это сразу убивало платежное средство.

Доехал до Гайдара, и разговор наш помню хорошо. Разговор, в котором мы обменялись прогнозом развития событий, он совпал у нас практически полностью.

Базовые мысли были следующие. Мысль № 1. Историческое время из месяцев переводится в часы. С этого момента дальше — сутки или максимум полтора, в течение которых ситуация разрешится.

Мысль № 2. В любом сценарии можно ждать несколько сот убитых с практически неизбежной вероятностью.

Мысль № 3. К утру либо мы с ним убиты, либо мы сели, в зависимости от того, как будут технологически развиваться события. Либо, наоборот, ситуация в Белом доме развернется в нашу сторону.

Итак. У тебя есть оценка. Ты понимаешь, сколько у тебя времени, какой ресурс, что можно сделать за это время.

Соответственно, дальше договорились о моих действиях и о его действиях. Там в течение ночи еще кое-что менялось, поэтому я не уверен, что это в первый разговор мы всё определили. Но мои действия я помню хорошо. И я ему сказал: “Слушай, у меня единственная в стране наша структура, у которой есть региональная сеть. А региональная сеть — это фантастически значимое дело во всех смыслах. Комитеты по имуществу в каждом регионе страны, которые понимают, что к чему”. — “Ну, и что?” — “Смотри, что я предлагаю. Если ‘мы’ к утру ‘их’ разгромили, тогда

проблем нет. Но нам нужно подготовиться к сценарию, если к утру нас с тобой уже нет. На этот сценарий нужно заложить конструкцию, которая позволит московское противостояние заменить на региональное противостояние, настолько, насколько возможно”. Договорились о том, что я подпишу приказ-обращение председателя Комитета по имуществу, в котором максимально технологично опишу их действия на завтра (на воскресенье) на тот случай, если нас нет, то есть если Москва захвачена красными, соответственно, что делать в регионах.

Я вернулся обратно в Госкомимущество, этот приказ мы сделали. Описание ситуации, призыв организовать массовые демонстрации и забастовки на приватизированных предприятиях. И даже перечень лозунгов в конце приказа мы написали. Лозунги не помню.

Приехал Максим Бойко (советник Чубайса, впоследствии вице-премьер — председатель Госкомимущества. — А. К., Б. М.). У нас все приехали, естественно. Хотя могли по домам легко сидеть в субботу. Приехал также Казаков Саша (заместитель Чубайса, впоследствии замглавы администрации президента. — А. К., Б. М.). И Кох несчастный, который только-только переехал в Москву (в то время он стал замом Чубайса. — А. К., Б. М.), еще не успел ничего понять и попал в веселые события.

Сию в Госкомимуществе, пишу приказ. Потом Егор меня зовет: “Давай приезжай”. Опять я поехал к нему. Он мне сказал: “Ситуация совсем хреновая. Минобороны не чешется. Борис Николаевич то ли действует, то ли нет, мы не понимаем. Дзержинская дивизия до сих пор не вошла в город, и непонятно, войдет или нет”. А это был разговор ближе к ночи. “Ситуация сильно ухудшается. Ты по регионам, если можешь что-то сделать, то сделай. Давай по Москве решим. Твои действия. Езжай в основные места, где есть скопления наших, объезжай их и произноси речи, поднимай дух народа”. — “А ты чего?” — “А я решил ехать и призывать людей идти к мэрии”.

И мы как-то даже особо это не обсуждали. Это не я ему подсказал и это не родилось в нашем диалоге, это очевидно у него была уже сформированная мысль.

Логику его я хорошо помню. Она состояла в чем: в Белом доме, кроме депутатов, как ни крути, вокруг есть несколько тысяч человек, а у нас нет людей. Получается, бюрократия против народа. Картинка ужасная, отвратительная. Именно эту картинку нужно переламывать. “Судя по всему, ни Борис Николаевич, ни администрация президента, ни Виктор Степанович ее не переломят. У них сейчас задачи другие, они занимаются

другим делом. Поэтому переломить нужно мне”, — сказал Егор. И поехал». Веселая их всех ожидала ночь, что уж там говорить!

Но прежде чем мы опишем события этой ночи, попробуем сначала понять — каким же образом противостояние достигло такой степени остроты? Почему оно перешло в фазу практически уже начавшейся гражданской войны?

...Начало 1993 года Гайдар встретил в мрачном, тревожном состоянии. На декабрьском съезде (и после него, когда делились на оставшихся в правительстве и уходящих) он пережил дичайший стресс, хотя сам поначалу не понимал этого и даже потом не хотел самому себе в этом признаваться.

«Первые трое суток спал, спал, спал. Какое счастье проснуться, глянуть в окно на заснеженные лапы елок и — заснуть снова. Когда выбрался, наконец, на улицу, услышал, что посвистывает ветер, хрустит снег под ногами, увидел симпатичную дворнягу... Нормальный, живой, просторный мир возвращался ко мне со всеми его запахами, звуками».

Однако саднящие воспоминания не давали ему покоя. Гайдар как кошмарный сон вспоминает «длиннющий, узкий, нелепый зал в Кремле» (уточним — в Большом Кремлевском дворце), в котором проходили заседания съезда, а мы вспомним другое.

Уже после отставки Гайдару позвонила жена президента. «Позвонила очень расстроенная Наина Иосифовна Ельцина. Говорила примерно следующее: вы такие молодые, такие умные, ну придумайте что-нибудь, помогите Борису Николаевичу, он немолодой человек, ему тяжело. Попытался ее успокоить, сказал, как и думал, что ничего не потеряно, все еще впереди».

Тактичный Егор не упоминает о том, что Наина Иосифовна плакала. Домашние Бориса Николаевича вспоминают — почти рыдала. Жена президента сердцем понимала, на какие чудовищные проблемы обрекает себя Ельцин, приняв это тяжелое решение — идти дальше без Гайдара.

Ельцин тоже позвонил ему накануне Нового года.

«Утром — звонок от Бориса Николаевича. Он предложил стать его главным экономическим советником. Я ответил, что вынужден отказаться — такое назначение будет слишком стеснять нового премьера, а я очень хорошо понимаю, насколько опасным может быть дублирование в руководстве экономикой, мешать ему не хочу. Помочь же президенту всегда готов без всяких официальных должностей».

Трудно было говорить об этом сразу после пережитого. Однако, как

выяснилось, Ельцин в политической игре снова «просчитывал на несколько шагов вперед».

Советы Гайдара потребовались почти сразу же.

«8 января 1993 года меня разыскал по телефону А. Чубайс, сказал, что правительство решило заморозить цены и на потребительском рынке паника, что он пытается добиться отмены решения, но ему тяжело, срочно нужна помощь.

Что же произошло? Тогда Чубайс объяснил мне ситуацию в нескольких словах, позже вся картина обрела четкость и законченность.

На нового премьера с первых же дней его деятельности обрушился шквал финансовых запросов и требований. Его слова о рынке “без базара” и реформах без ухудшения жизни народа воодушевили любителей бюджетной кормушки, породили надежды, что В. Черномырдин в монетаризме нетверд и, поднажав на него, деньги выбить можно. Кое-кому это удалось, что, в свою очередь, породило ажиотаж.

...За последние две недели декабря прирост кредитов Центрального банка правительству превышает совокупное эмиссионное финансирование бюджета почти за весь предшествующий год!»

Гайдару пришлось включиться практически сразу же, без пауз. Договоренности есть договоренности. Договаривались, что курс на рыночные реформы будет сохранен? Договаривались, что ради этого ряд членов правительства остается на месте?

Ну вот Чубайс и позвонил.

А значит, ему нужно срочно звонить Ельцину.

Непросто, думаем мы, дался ему этот звонок. Только что красиво попрощался, только что отказался от места советника, только что ясно и понятно объяснил, что теперь «вы сами».

И главное, только что почувствовал вкус нормальной жизни. Обычной, здоровой, прекрасной жизни кабинетного ученого.

«Семья восприняла отставку с облегчением. Нервное напряжение, в котором отец, мама, жена, даже дети жили на протяжении последнего года, улеглось. Доходили до меня разговоры, что многие почему-то уверены, будто я теперь непременно уеду куда-нибудь за рубеж, то ли в Чикаго, то ли в Гарвард — к любимым своим монетаристам. Мне такая идея в голову не приходила. Вообще никогда не имел желания уезжать из России, а уж теперь и подавно.

План для меня был ясен — возвращаюсь в свой Институт экономической политики. Там меня ждали».

Никуда уезжать он не собирался.

А может, и зря.

Вспоминает Чубайс:

«...У меня было психологическое ощущение, что я остался один. И дальше через примерно две недели возникает тема постановления правительства по введению контроля за ценами. Это я хорошо помню.

С Черномырдиным у них не было конфликта, но не было и хороших отношений. Егор довольно резко высказывался о Черномырдине-премьере. Фраза про то, что “это самый дорогой проект обучения в истории человечества”, она же довольно резкая. И вот постановление о возвращении контроля над ценами. Абсолютно фундаментальный экономический вопрос. И в эту драку мы влезли все по полной программе, и Егор.

Соответственно, я помню, что мы немедленно придумали технологию обмена (на другие социальные уступки. — А. К., Б. М.), хитрую, чтобы не в лоб.

Сергей Васильев был главой Рабочего центра экономических реформ, он все это писал. Я же прорвался к Степанычу и заставил его провести совещание. На совещании орал, что это абсолютное безумие, это делать нельзя, последствия катастрофические, в том числе наши личные действия непредсказуемые. Я угрожал совсем по полной программе. Егор одновременно давил на Бориса Николаевича. Степаныч занял мудрую позицию, как всегда в таких случаях: “Ну, в конце концов, это вопрос научный. Вот пусть эксперты скажут нам. Надо вводить контроль над ценами — введем. Не надо — не введем”. Это абсолютно его стиль, как всегда. Но мы его додавили, доломали и отменили на хрен постановление. Хотя теоретически вопрос был не мой. Я же вице-премьер по госимуществу, по приватизации. Но реально его решал я. Наверное, Андрей Нечаев как-то тоже помогал. Не помню его роль в этом».

Сам Нечаев «свою роль в этом» запомнил довольно хорошо.

«Оставшиеся в правительстве члены команды Гайдара с присоединившимся к нам Б. Федоровым провели неформальное внутреннее совещание, где приняли решение добиваться отмены постановления. Объяснять ситуацию Черномырдину был делегирован я как человек, ранее курировавший Комитет цен. Разговор с премьером был тяжелый. Ему, естественно, не хотелось “отыгрывать назад” в чисто управленческом плане, отменяя одно из первых своих решений. Я фактически часа два читал Виктору Степановичу лекцию по макроэкономике, втолковывая, почему подобное решение будет иметь крайне негативные последствия для товарного рынка... Вскоре с подачи

Гайдара в дело вмешался президент. Егор связался с президентом и сказал Ельцину примерно следующее: мой уход из правительства не означает, что нужно разрушать созданные с таким трудом основы рыночной экономики. Объяснил опасность подобного регулирования цен. В итоге, спустя пару недель злополучное постановление Черномырдин отменил...»

Надо сказать, что этот первый урок макроэкономики для Виктора Степановича оказался коллективным — учителя шли стройными рядами. Яков Уринсон, которого Черномырдин очень уважал за профессионализм и бескомпромиссность, вспоминал ту же историю со своей колокольни:

«Помню, как я разозлился, когда Черномырдин подписал постановление о замораживании цен, которое ему подсунула председатель Государственного комитета по ценам Лира Розенова. Я, Чубайс, Ясин, помощники премьера Колесников и Масленников собрались поздно вечером в Волынском. Я забил тревогу. Чубайс неожиданно сказал: “А ты ему объясни!”».

Потом в точно таком же составе плюс Сергей Васильев собрались в кабинете премьера на Старой площади.

И ведь тогда и в самом деле объяснили...

Встал и другой вопрос: о кредитах Центробанка России странам СНГ, которых в 1992 году было предоставлено на миллиарды долларов, причем бесконтрольно.

Против этих кредитов вице-премьер и министр финансов Борис Федоров боролся отчаянно, и это был лишь один из сюжетов его ни на минуту не прекращавшейся войны с председателем ЦБ Виктором Геращенко, назначение которого Борис Григорьевич считал самой большой ошибкой Егора Тимуровича. Ценой нечеловеческих усилий он в этом эпизоде войны победил.

Еще не будучи министром, оставаясь в ранге «простого» вице-премьера — куратора экономики и финансов, Федоров подготовил программу действий правительства, абсолютно либеральную по содержанию. Гайдар с большим сочувствием относился к этим усилиям и в одной из статей в феврале 1993-го писал: «Представьте, что Верховный совет берет программу Бориса Федорова, читает ее по строчкам, принимает затем несколько решений, полностью подрывающих ее, а потом спрашивает: господин Федоров, а почему вы не выполнили вашу программу?»

В марте Борис Федоров был назначен министром: «Я пришел в Минфин России с очень конкретной целью: навести порядок, и поэтому приходилось сдерживать шквал требований и ежечасно бороться за

финансовую стабилизацию. Справедливости ради надо сказать, что благодаря моей жесткости мы тогда не допускали ни такого объема необоснованных льгот (наоборот, сокращали), ни такого объема невыплат из бюджета. При мне задолженность бюджета была во много раз меньше, а пенсионерам пенсии выплачивали регулярно. При мне не было зачетов и денежных суррогатов. Все доходы федерального бюджета поступали в денежной форме».

Уже к началу февраля 1993 года Гайдару была ясна общая схема событий: несмотря на то, что он из правительства ушел, снять с себя ответственность невозможно. И даже отказавшись от формального поста «советника по экономике», Гайдар остается неформальным *архитектором реформ*. Даже в отсутствие реальных полномочий он отвечает за то, каким будет это здание. Помимо него лично, отвечает за реформы и некий созданный им механизм — люди меняются, должности меняются, полномочия перераспределяются, но пока есть президент Ельцин, влияние на экономику у этой группы людей (которая постоянно расширялась, включая в себя то Бориса Федорова, то Якова Уринсона, то Евгения Ясина, да и многих других) остается прежним. Это как бы единый «организм реформы», который никуда не делся с его уходом из правительства.

Сам он писал об этом так:

«После отставки я отклонял предложения вступить в какую-либо политическую организацию, был уверен — целиком и полностью возвращаюсь в науку... Но постепенно понял, что отстраниться от политики невозможно. Это мы начали масштабные и тяжелые реформы, которые круто изменили жизнь страны, позволили решить часть старых проблем, но одновременно породили новые. Тем самым на нас и лично на меня легла моральная ответственность за все их последствия. И, как бы ни развивались события, никакая отставка от этой ответственности освободить не может».

Видимо, именно с этой точки зрения Гайдар рассматривал все разнообразные перипетии, которые происходили в правительстве Черномырдина в 1993 году и далее.

Однако в апреле 1993-го Ельцин вновь — как и в апреле 1992-го — уравнивал «монетаристов» в правительстве «крепкими хозяйственниками»: свердловчанина Олега Лобова назначил первым вице-премьером и министром экономики. Олег Иванович еще в первый свой приход в кабинет министров РСФСР (в 1991 году) запомнился хлопотами по заготовкам хвойной муки... Спустя две недели последовало еще одно

назначение, оказавшееся знаковым: председатель комитета по металлургии Олег Сосковец стал первым вице-премьером с гигантской сферой кураторства — практически всех отраслей промышленности.

Что касается агропромышленного комплекса, то он был «укреплен» еще в феврале 1993-го вице-премьером Александром Заверюхой, автором бессмертного афоризма «Россия должна кормить своих крестьян».

Однако фокус внимания Гайдара переключился в начале этого года и на другие темы.

Владимир Мау, вернувшийся из правительства вслед за Егором в институт, впоследствии описывал общественную ситуацию так:

«Радикальные силы, пришедшие к власти, на первый взгляд оказываются в более сложном положении, чем умеренные на несколько месяцев или лет раньше. Радикалам противостоит внутренняя и внешняя контрреволюция, они вынуждены справляться с еще более сложной экономической ситуацией...»

Любопытно, что В. Мау (в соавторстве с Ириной Стародубровской) написал книгу об опыте всех буржуазных революций, начиная аж с Кромвеля, и, изучая уже опыт 90-х, взял много интервью, среди прочих опросил и самого Егора. И тот тогда упомянул: в 1993 году ловил себя на том, что осмысляет текущую ситуацию «в терминах Февраля и Октября 1917 года». Но что же это реально означало?

Своим близким он не раз говорил — страну ждет очень тяжелый период. Для того чтобы произошли хоть какие-то изменения к лучшему, придется пройти через целый ряд испытаний.

У него был очень развит дар политического предвидения. Он умел увидеть картинку близкого будущего довольно ярко.

Тогда, в 1993 году, он оценивал ситуацию примерно так:

«Это был один из самых опасных моментов в послевоенной истории страны, а может быть, и всего человечества... В этот момент было неясно, чьи приказы станут выполнять российская армия, милиция и пограничники. Страна подошла к гражданской войне ближе, чем когда бы то ни было после попытки государственного переворота в августе 1991 года».

14 января Верховный Совет объявил о проведении 11 апреля на всей территории России референдума по основным положениям новой Конституции РФ. Ельцин не уставал повторять в интервью и публичных выступлениях, что от референдума зависит судьба России.

Все это было пока в рамках «компромисса», достигнутого на Седьмом

съезде.

5 февраля Хасбулатов на встрече со шведским премьер-министром Карлом Бильдтом (кстати, сильно симпатизировавшим Гайдару) сказал: «Референдум нам навязал президент, а теперь сам не знает, как вылезти из этой ситуации. Похоже, парламенту придется спасти президента еще раз».

После отставки Гайдара, как мы видим, война вовсе не закончилась. Нет, она продолжалась с новой силой.

18 февраля Ельцин выступил по телевидению. «Всех нас беспокоит, особенно в последнее время, вопрос, сумеем или нет сохранить стабильность в стране, *мирный, постепенный характер* наших преобразований (запомним эти слова. — А. К., Б. М.). Уверен, уже всем надоели напряженность и конфликты во взаимоотношениях между органами власти в России».

Ельцин на сей раз предложил не просто провести референдум, но и заключить некий пакт о согласии — Конституционное соглашение. До принятия новой Конституции (а все понимали, что этот процесс не будет быстрым) он предлагал объявить как бы о взаимном ненападении: съезд не ограничивает президента в том, что касается его полномочий, президент не распускает съезд.

10 марта в 10 утра в Большом Кремлевском дворце открылся Восьмой внеочередной съезд народных депутатов России.

В первый же день, несмотря на все просьбы и уговоры Ельцина сохранить компромисс, достигнутый на предыдущем съезде и оформленный постановлением «О стабилизации конституционного строя в России», и Хасбулатов, и его заместители, и другие депутаты фактически отказались от его выполнения. «Пакт о ненападении» оказался отвергнут. Проявленную на предыдущем съезде слабость президента (отставку Гайдара) депутаты расценили как возможность для новой, гораздо более жесткой атаки.

Уже 11 марта был впервые поставлен вопрос об импичменте. Депутат Челноков внес предложение об отрешении президента Ельцина от должности в связи с «неконституционностью» некоторых его указов.

«После заявления Челнокова Ельцин не торопясь собрал бумаги, поднялся, застегнул пиджак и демонстративно покинул зал заседаний... Обстановка вокруг съезда — истеричная. Прохановский “День” на первой полосе опубликовал фотографию: 1944 год, по Москве ведут пленных немцев. Подпись под снимком: “Так скоро поведут демократов”. На пути из Кремля к гостинице Россия депутаты вынуждены идти по милицейскому коридору сквозь толпу, орущую: “Долой Ельцина!” Над толпой —

портреты Сталина, лозунги “Депутат, добей гадину!”, “Это твой Сталинград”, знамена Союза русского народа, Фронта национального спасения», — фиксировал летописец 90-х Олег Мороз впечатления тех дней.

Да, это был их «последний и решительный бой». Уже на следующий день, 12 марта, съезд окончательно похоронил ельцинский компромисс и принял ряд поправок в Конституцию: теперь президентская власть была полностью ограничена решениями съезда.

12 марта съезд признал утратившими силу свои же декабрьские постановления о конституционном компромиссе: расправившись с Гайдаром, нужно было следовать дальше — избавляться от Ельцина.

Съезд может решить любой вопрос, «относящийся к компетенции Российской Федерации». Съезд может немедленно прекратить полномочия президента в случае «попытки распустить либо приостановить деятельность любых законно избранных органов власти». Парламент (так величал себя съезд) может приостанавливать до заключения Конституционного суда любые президентские указы. «Россия окончательно стала парламентской республикой», как успокоительно писали некоторые газеты. Однако съезд народных депутатов не был парламентом. Это было совсем другое по природе своей явление, больше всего напоминавшее революционный конвент времен французской революции — не ограниченное никакими конституционными рамками.

Ельцин выждал неделю.

Затем он выступил по телевидению — 20 марта 1993 года в 21.30.

Вот что он сказал:

«Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса власти. При такой растрате сил мы никогда не вылезем из нищеты, не обеспечим мира и покоя для наших граждан. Сегодня предельно ясно: корень всех проблем кроется не в конфликте между исполнительной и законодательной властью, не в конфликте между Съездом и президентом, суть глубже, суть в другом — в глубоком противоречии между народом и прежней большевистской антинародной системой, которая еще не распалась, которая сегодня опять стремится восстановить утраченную власть над Россией. VIII съезд, по сути дела, стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры, народ попросту хотят обмануть. Мы слышим ложь в постоянных клятвах верности Конституции, от съезда к съезду ее корежат и перекраивают в угоду собственным интересам, наносят удар за ударом по самой основе конституционного строя, народовластия. А то и просто не оглядываются на Конституцию, принимая решения, что

было часто во время работы VIII съезда. Ложь в постоянных ссылках на мнение избирателей, в клятвах верности демократии. А между тем народу было высокомерно отказано в праве самому определять свою судьбу. Съезд похоронил референдум о собственности граждан на землю, похоронил апрельский референдум по основам новой конституции. Хочу сказать вам просто: Съезд трусливо ушел от решения вопроса о досрочных выборах... Трагическим итогом Съезда стало ослабление власти, ослабление России. Разделение властей как принцип Конституции фактически ликвидируется. Сняты последние барьеры на пути всевластия Съезда, Советов и парламента. Любое свое решение и Съезд, и Верховный Совет объявляют законным и конституционным, их некому остановить, некому удержать от произвола... В России как бы два правительства: одно конституционное, другое — в Верховном Совете. Они ведут принципиально разную политику. Согласиться с этим — значит согласиться с тем, что жизнь наших граждан должна быть мучительной и тяжелой, а экономика еще более уродливой и уязвимой».

«Я честно стремился к компромиссу на Съезде и до Съезда, — продолжал Ельцин. — Несмотря на интриги, несмотря на оскорбления, грубость, весь путь был пройден до конца... Возможности поиска согласия с консервативным большинством депутатского корпуса полностью исчерпаны».

Затем последовал еще целый ряд событий — выступление Руцкого, выступление Хасбулатова, выступление председателя Конституционного суда Зорькина, новое выступление Ельцина на съезде, где он пытался докричаться, достучаться до депутатов, придя к ним сразу со спортивной площадки поздно вечером (знаменитый «непричесанный Ельцин»). Полночи он провел в переговорах с президиумом Верховного Совета, пытаясь вновь и вновь найти компромисс. Наутро бледный от недосыпа Хасбулатов сделал вид, что они согласились с Ельциным.

Однако все было им срежиссировано — в этот же день, 23 марта, съезд внес в повестку дня вопрос об импичменте.

И Гайдар, и демократы, и журналисты, и просто обычные люди заворуженно смотрели, как съезд медленно проглатывает Ельцина. Как со смачным хлюпаньем засасывает страну это «конституционное» болото.

И вот все дошло до крайней точки.

В день голосования по импичменту сторонники президента собрали митинг на Васильевском спуске.

Что будет дальше, после этого, никто не знал. Возможно, та самая

гражданская война, о которой предупреждал Гайдар?

«Утро солнечно, ветрено и прохладно, — писал он об этом дне. — Колонны собираются на Тверской, чтобы, спустившись вниз к Манежной, пройти через Лубянку, а затем по набережной — к Красной площади, к собору Василия Блаженного. Первый раз после отставки появляюсь на людях.

Идем с отцом в одной шеренге. С радостью вижу и своих соратников, и тех демократических лидеров, с которыми ссорились и спорили в минувший год, и тех сторонников президента, которые после декабрьских изменений в составе правительства отошли было от него, но сегодня и они в общих рядах.

На Манежной площади, оглянувшись, вижу, что вся уходящая вверх Тверская насколько хватает глаз запружена народом, людское море залило центр города. Выходим к набережной — новые колонны спешат по мосту из Замоскворечья... В колоннах весело. Может, у кого-то и кроется в душе тревога, но сейчас она незаметна. Песни, смех, шутки, подчеркнутая доброжелательность: “Пропустите ветерана!”, “Осторожно, здесь выбоина!”, “Друзья, спокойнее!” Даже лозунги и плакаты веселы, остроумны, жаль, что не запомнил...

Митинг под стенами храма Василия Блаженного. Вот и моя очередь выступить. Но едва успеваю произнести первые слова, как ощущаю, что внимание огромной аудитории переключилось на кого-то другого. Из Спасских ворот выходит президент, поднимается на трибуну. Рядом с ним хмурый, озабоченный Черномырдин. Президент сообщает митингу, что начат подсчет голосов, но каков бы ни был результат, он не признает решений Съезда, лишаящих его власти, пока народ не выскажется на референдуме по этому вопросу. Овация. Да, видимо, другого выхода нет. Но я мысленно проигрываю худший сценарий возможного развития событий: Съезд голосует за импичмент. Руцкой принимает присягу. В стране два президента, возможно, два премьер-министра и наверняка по паре министров обороны, внутренних дел. Кто может сказать, как поведут себя силовые министры, не обернется ли все это боями в Москве?

Ельцин и сопровождающие его люди возвращаются в Кремль. Нужно продолжить свою речь. И я говорю то, что думаю. Как бы ни было опасно, как бы ни было трудно, вот так просто, из-за прихоти потерявших связь с народом депутатов, Россия свою свободу, свои надежды не отдаст.

Лучи прожекторов скользят по головам. Поздним вечером на трибуне вновь появляется президент, теперь уже со свитой, многочисленной и веселой. Голосов для импичмента не хватило. Съезд, почувствовав, что

зашел слишком далеко и настроение общества не в его пользу, дает согласие на референдум».

...Согласитесь, что-то есть в этом отрывке, что заставляет перечитать его. Как будто за рамками одного текста проступает другой.

Гайдар стоит на фоне Покровского собора (больше известного как храм Василия Блаженного), за его спиной кремлевская стена шестнадцатого века, перед глазами — Верхние торговые ряды (больше известные как ГУМ), вдаль уходят Ильинка и Варварка, справа необъятное здание еще целой гостиницы «Россия». И — мост, ведущий прямо на Большую Ордынку. Сердце Москвы.

Все это пространство наполнено мрачными и тяжелыми легендами, дворцовыми переворотами, казнями, борьбой за власть, свержением былых титанов и возвышением новых. Здесь близ Красной площади держали в тюрьме Радищева, здесь казнили Пугачева и мятежных стрельцов, здесь хоронили Ленина и выносили из мавзолея Сталина, здесь вдоль кремлевской стены когда-то тянулся ров, а надо рвом стояли временные деревянные храмы, там наскоро отпевали казненных.

Непростое место.

То, что происходит здесь сейчас, — все эти неоформленные, сырые процедуры новой демократии, попытки перехватить власть друг у друга — казалось бы, меркнут на фоне тех византийских нравов, тех титанических трагедий.

Но Гайдар чувствует, что именно сейчас решается: куда вновь качнется российская история. К казням или к миру.

Именно это чувство он и пытается нам передать.

И еще один момент — не случайно так подробно описывает Егор, как шел с отцом в колонне демонстрантов по Тверской улице, как слушал выступавших на митинге, как сам выступал... Не случайно так остро фиксируется взгляд даже на малозначительных деталях.

Это — новый для него опыт.

Нигде ранее он не упоминал о том, что участвовал в митингах — например, в знаменитых митингах 1989–1990 годов в защиту Ельцина и демократии, за отмену 6-й статьи Конституции, против военного вмешательства в Прибалтике. Да, принимал участие в событиях августа 91-го года, «взял в руки арматуру», но... вошел в Белый дом и остался в нем до утра.

Здесь, на митинге у Васильевского спуска в марте 93-го, он — впервые с народом, в толпе, причем не просто в толпе, а целый день на людях — с

утра, «солнечного, ветреного и прохладного», до вечера, когда прожекторы осветили стены собора.

Его личное участие в политике до этого момента — почти всегда кабинеты. Рабочий кабинет в институте, кабинеты на Старой площади, где заседало правительство, кремлевские кабинеты, а до событий 1991 года — различные ведомственные кабинеты, где заседали комиссии по экономическим реформам. Комнаты в госдачах и пансионатах, где готовились правительственные документы — «Сосны», «Волынское-2». Наиболее важный такой «кабинет» — 15-я дача в «Архангельском».

Там он был в разной роли — советник, руководитель, ученый, эксперт, разработчик программ, вице-премьер, но в этой роли — человека, идущего в толпе вместе с другими и тем самым непосредственно участвующего в политике, он впервые. Да еще вместе с отцом.

Это новый опыт и новое чувство.

Ожидая появления Ельцина на Васильевском спуске, Гайдар думает, разумеется, и о другом — с какой фантастической скоростью идет историческое время. Еще совсем недавно, в 1988–1989 годах, когда начинались первые митинги — он считал себя «горбачевцем», сторонником именно эволюционного, постепенного, медленного пути развития. Однако сегодня, когда и «горбачевцы», и «новые демократы» оказались в одной лодке, его отношение резко поменялось.

Эволюция? Да нет, революция. И еще какая.

Но раз есть революция (и именно в этих терминах нужно описывать процесс), будет и контрреволюция. «Радикалов» будут стремиться уничтожить их антиподы. То есть — другие радикалы, с обратным знаком.

«Глава российских коммунистов и так называемых народно-патриотических сил Г. Зюганов в те годы не уставал повторять, что “нынешняя Российская Федерация — это еще не вполне Россия, а обрубок с кровоточащими разорванными связями”. Еще определеннее высказывался на эту тему В. Жириновский: “Россия — это страна в границах как минимум СССР либо Российской империи”», — фиксировал позже политолог Эмиль Паин.

Неправильная, усеченная, обрубленная, не существующая страна.

Новые политические лидеры призывали людей не жить в трудном «сегодня», а стремиться в сияющее «завтра» (так и стала называться вскоре газета Александра Проханова). Это был довольно интересный поворот сюжета — война за будущее путем радикальной отмены сегодняшнего дня.

Ведь в этом «сегодняшнем дне», по мнению Проханова, Анпилова, Лимонова, Зюганова и многих, многих других — все нелегитимно, все незаконно. А значит, всё не существует. Не существует этой экономики — она «преступна». Не существует этой власти — она «предательская». Не существует этих законов — они «антинародны». Не нужно во всем этом жить. Участвовать. Нужно смотреть только вперед. Или все же назад?

Гайдар, за неимением лучшего, называл это явление «реваншизмом», и это было довольно точно, ведь именно на философии реванша строились подобные парадигмы и в Германии 1930-х годов, и в России 1990-х у «непримиримой оппозиции». И для того чтобы утвердить эту «философию реванша», в ход шли самые удивительные вещи — мистика, религиозные откровения, теории всемирного заговора против России, любые конспирологические версии, оккультные науки, словом, все, что помогало отрицанию текущего момента. В абсолют возводился только мир воображаемый, где Россия будет доминирующей страной, вооруженной новейшим оружием, диктующей свои условия всем остальным странам и определяющей ход мирового развития благодаря своей верности «традициям предков». Если говорить в терминах современной философии — это был настоящий политический постмодернизм, причем его тогда, к сожалению, мало кто воспринимал всерьез.

Гайдар прекрасно чувствовал, как быстро растет влияние этой новой «третьей силы» — не левой и не правой, а сочетающей в себе худшие черты и того и другого.

В марте 1993-го, стоя на Васильевском спуске, Гайдар ясно понимает — именно площадь будет решать судьбу реформ, судьбу дела всей его жизни. И только люди на площади способны эту новую «третью силу» остановить.

Интересно посмотреть, из чего складывалась эта новая сила, из каких фрагментов и деталей.

Удивительную трансформацию в этой философии прошел Сталин, как фигура, объединившая эту «третью силу». Сурово осужденный как преступник — осужденный высшим органом власти в СССР, то есть партийным съездом: и в 1956-м (на XX съезде), и в 1961-м (на XXII съезде, когда его вынесли из мавзолея), и в Отчетном докладе Горбачева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года (том самом, на котором Ельцин критиковал Горбачева) — Иосиф Сталин, само имя которого уже 30 лет как почти не упоминалось в широкой печати или в официальных партийных документах, вдруг стал иконой этой новой политической силы. И его

портреты взметнулись над толпой.

Самым ярким выразителем и провозвестником этого сталинизма 2.0, самым сильным постмодернистом и пророком другой России, «небесной империи» будущего — оказался вдруг довольно скромный (при советской власти) писатель Александр Проханов. С Тимуром Гайдаром они иногда сталкивались в командировках — в военных округах, на учениях, во время боевых действий в Афганистане. Проханов тогда воспринимал Тимура не просто как «старшего по званию», но и просто как «старшину» в газетном цехе военной журналистики. Сам-то он еще был подмастерьем, хотя и очень бойким. Но после перестройки «соловей Генштаба», как его иронично звали коллеги, стал проповедовать совсем новую философию — довольно странную, если судить по строгим советским меркам.

Ведь что такое «империя» в советском идеологическом языке? Это понятие враждебное самой сути советского строя, и если бы Проханов тогда назвал СССР «империей» в какой-то своей статье — эта статья была бы последней, его бы обвинили в пособничестве Западу (ведь именно Запад называл Советский Союз «империей зла»), заставили бы положить «партбилет на стол», и в лучшем случае отправили бы в «дворники и сторожа». Конечно, сквозь советскую цензуру такое определение просочиться бы не смогло. Да и без цензуры — «империя» для обычного советского человека воспринималась как идеологическое марксистское клише, «пережиток прошлого». Актуальным оно могло быть лишь в контексте какого-нибудь заумного научно-фантастического романа, «фэнтези», типа «Звездных войн» или романов Роджера Желязны. Это была эстетика постмодернизма, не более того.

Однако «новые радикалы» сделали имперскую идею своим знаменем. «Империя, империя», — повторяли они на разные лады. Советская, сталинская империя, Российская империя — вот ее флаг, вот ее символы, а мы ее дети.

Казалось бы, в начале 90-х — действительно, радикальный постмодерн. Игра словами. Но вокруг этого постмодернизма сплотились тогда очень многие.

Вот как очевидец рассказывает об учредительном съезде «Фронта национального спасения», куда вошли самые разные организации националистического, коммунистического, имперского толка:

«Во время перерыва Оргкомитет ФНС (переименованный за кулисами в Политсовет) избрал не одно “персональное лицо”, а целых девять таких лиц — сопредседателей фронта: Михаила Астафьева, Геннадия Зюганова, Владимира Исакова, Валерия Иванова, Илью Константинова

(сопредседатель-координатор), Альберта Макашова, Николая Павлова, Сергея Бабурина, Геннадия Саенко.

В буфете корреспондент “Немецкой волны” (отечественного происхождения) спрашивал местного коллегу, можно ли назвать Фронт красно-коричневой организацией и какая, по его мнению, цветовая гамма преобладает в окраске новорожденной организации: коричневая (Лысенко) или красная (Зюганов)?

Местный коллега на первый вопрос ответил утвердительно, а на второй — задумался, обратился за помощью ко мне, и мы вместе стали загибать пальцы:

Астафьев — вроде бы “белый”,

Исаков — тоже белый, но, может быть, слегка розоватый,

Зюганов — вовсе и не красный, а скорее — не то темно-розовый, не то светло-коричневый,

Валерий Иванов (Русская партия национального возрождения) — иссиня-черный,

Константинов — бывший белый, а теперь бледно-розовый с тенденцией покоричневеть,

Павлов — коричневатый с розовой проседью,

Бабурин — розовый,

Саенко — красный,

Скурлатов (Партия Возрождения) — хамелеон,

Станислав Терехов (Союз офицеров) — красный,

Ричард Косолапов (Ленинская платформа в Российской Коммунистической рабочей партии) — красный,

Лысенко — известное дело, коричневый,

Проханов — коричневый в красную полоску.

И только генерал Макашов — эталонный красно-коричневый, 50 на 50.

— Экое лоскутное одеяло... И что они собираются делать вместе?

— Ну, известное дело! — ответил я, полный впечатлений от общения с фронтовиками в кулуарах. — Мочить будут! Только цвета тут ни при чем: красные будут мочить красных, белые — белых, а коричневые — коричневых» (Г. Раж. «Фронтовые воспоминания», газета «Панорама»).

...Да, действительно, что же они собирались делать вместе? Депутат Илья Константинов, сыгравший, кстати, значительную роль в событиях 3–4 октября, мы это в дальнейшем увидим — и, например, Альберт Макашов?

«1428 делегатов из 103 городов 13 бывших республик СССР (кроме Узбекистана и Таджикистана). 675 гостей и 270 журналистов.

На задней стенке сцены за обширным президиумом скрещенные

знамена: красное советское — Государственный флаг СССР и черно-золото-белое, именуемое в обиходе “имперским”, — до 1991 года флаг монархистов и “Памяти”, ныне взятый на вооружение всей “правой” оппозицией. Корреспондент из профсоюзной “Солидарности” называет это “символом русско-советской дружбы”.

А то, что их всех объединяет? Да вот же оно:

Николай Николаевич Лысенко сказал:

— Мы никогда и ни при каких условиях не признаем независимость Украины и Белоруссии! (*Аплодисменты.*)

— С бандократческими режимами Кравчука и Шушкевича мы будем поступать не по законам международного права, а по законам действующего Уголовного Кодекса! (*Аплодисменты*)».

Своим указом Ельцин запретил Фронт национального спасения как единую организацию. И Конституционный суд это решение подтвердил — хоть в этом пошли ему навстречу. Но сами-то эти «партии» никуда не делись. Тогда их, конечно, воспринимали как клоунов. Несерьезно относились.

Гайдар же думал иначе. «Реваншизм» воспринимал как вполне серьезную угрозу.

Что помогло ему, кстати, понять опасность реваншизма? Гайдар, который был по своему складу ума убежденным антисоветчиком и в экономике, и в политике (и тут Проханов, безусловно, прав), — оставался все-таки человеком, воспитанным в советской культуре. По своему образованию, воспитанию, по традициям своей семьи он был советским гуманистом. Ему весь этот цирк с имперскими знаменами, фашистскими символами, ряжеными казаками, «имперской» формой боевых отрядов, портретами Сталина — весь этот густо замешенный на ненависти компот — был глубоко неприятен. Да, он понимал, что все это тоже — следствие демократии, распада на мелкие частицы былой монолитной идеологии, следствие турбулентности и вихревого движения этих самых частиц — но он, в силу своих убеждений, отказывал этим людям, которые спокойно переносили, скажем, в своих рядах антисемитскую риторику, в праве на политическое существование. Да, в этом смысле он, безусловно, оставался советским человеком.

В 1992 году юристы запрещенной КПСС (Коммунистической партии Советского Союза) оспорили в Конституционном суде указ Ельцина о приостановлении деятельности партии на территории России и изъятии в

пользу государства всех материальных ценностей, ей принадлежавших. Указ президент подписал сразу после окончания путча, 23 августа 1991 года.

Это был трудный мучительный судебный процесс, занявший едва ли не год.

Интересы президентской стороны в суде, среди прочих, представляли юристы Сергей Шахрай (народный депутат РСФСР), Михаил Федотов, Андрей Макаров. Солидную адвокатскую команду собрали и коммунисты. Стенограммы заседаний Конституционного суда заняли в итоге шесть увесистых томов мелким шрифтом. (Замечательный исторический документ, еще ждущий своих исследований и комментаторов.) Некоторые заседания суда транслировались по телевидению.

Ельцин очень много ждал от этого процесса, внимательно следил за его ходом. Поначалу ему казалось, что победа в Конституционном суде станет важным символическим шагом. Едва ли не новым Нюрнбергом. Что общество, наконец, получит искомый обвинительный приговор о том, что коммунистический режим — прежде всего преступный режим, а значит, и говорить о его возрождении — незаконно и бессмысленно.

Однако логика суда пошла совсем в ином направлении.

Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин с самого начала процесса резко отсекал любые аргументы президентской стороны, нацеленные на обвинения коммунизма в репрессиях, в человеческих жертвах, обвинения в адрес коммунистической власти в целом. Не раз и не два он останавливал адвокатов президентской стороны и говорил им о том, что к сути процесса количество жертв ГУЛАГа не относится. И ему удалось свернуть процесс в нужное ему русло. Адвокаты президента занялись поиском доказательств того, что КПСС не была политической партией в строгом смысле этого слова, а была лишь частью государства, маховиком государственной машины. А значит, указ президента от 23 августа 1991 года был «в какой-то мере» юридически обоснован. Тем не менее никакого запрета на политическую деятельность бывших коммунистов Конституционный суд не признал. Просто отказавшись рассматривать этот вопрос.

Валерий Зорькин уверенно вел процесс не к обвинительному, а к мирному заключению, к «ничьей». С его точки зрения, видимо, такой результат сохранял в обществе «гражданский мир».

Адвокаты президента были растеряны — при таком подходе бесполезны были всех их доказательства преступлений коммунистического режима. К тому же сразу стало понятно, что таким процессом общество не

заинтересуется — людей гораздо больше волновали последствия экономической реформы, полемика на съезде, атаки съезда на Ельцина. И действительно, Конституционный суд — вряд ли подходящее место для политического процесса, «коммунистического Нюрнберга». Но только *такой* процесс и мог бы взволновать людей.

Телетрансляции процесса над компартией вскоре ушли глубоко в ночь. А потом и вовсе прекратились.

Растерянность царила и в стане близких Ельцину демократических лидеров. Не было никакого единства в вопросе о том, что же может стать альтернативой вялому и беззубому процессу в Конституционном суде (хотя, если говорить исторически, с позиций сегодняшнего дня, это был единственный суд над коммунизмом в современной России).

Галина Старовойтова пришла к Ельцину с проектом законопроекта о люстрации.

Мы спросили Анатолия Чубайса:

— Анатолий Борисович, а вы своими глазами видели этот закон?

— Да, конечно, — уверенно ответил он. — Проект ходил по рукам, его многие читали.

Какие же категории граждан попадали, по версии разработчиков закона, под эту категорию?

«Категории лиц, подлежащих люстрации.

Определенным профессиональным ограничениям на время продолжения переходного периода (на срок в 5—10 лет) в соответствии с этим законом должны подвергаться следующие лица:

а) все бывшие освобожденные секретари партийных, производственных и территориальных организаций КПСС;

б) бывшие первые, вторые и третьи секретари райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов КПСС;

...действовавшие штатные сотрудники, включая резерв, и давшие подписку о сотрудничестве с органами НКВД-МГБ-КГБ, либо работавшие в этих органах на протяжении последних десяти лет перед принятием новой Конституции России (в 1993 году)». (Это уже позднейшая редакция закона, сам проект появился в 1992 году.)

В конце 1992 года на очередной съезд «Демократической России» пришел Борис Николаевич Ельцин (съезд проходил в киноконцертном зале «Россия»). Он долго отвечал на вопросы из зала, в том числе о люстрации — будет, не будет? Ждать, не ждать?

По легенде, Ельцин тяжело вздохнул и сказал:

— Тогда люстрацию надо начинать с меня.

Но и другие варианты тоже рассматривались.

В 1991 году (после августовского путча) на должность руководителя московской милиции был назначен Аркадий Мурашев, а руководителем московского КГБ — Евгений Савостьянов. Оба не имели отношения ни к одному, ни к другому ведомству, оба — молодые московские ученые, демократические активисты, народные депутаты от «Демократической России». Их назначила на эти посты новая демократическая власть. Так вот, в этом кругу бытовал и другой проект люстрации, по словам Савостьянова:

«В редких случаях удастся революцию превратить в консенсусный процесс, когда, свергнув предыдущую власть, все хотят договориться — и вам есть место на поляне, и вам, и вам, и вам. Как, например, в Испании после Франко. Но это редкий случай. Чаще же, все-таки, победители бьются до последнего. Поэтому конфликт между победителями был неизбежен. И первое, что, конечно, мы должны были сделать — это провести после путча референдум, полноценный референдум о выходе России из состава СССР. И, главное, мы не ликвидировали КПСС, полноценную коммунистическую организацию, мы не запретили коммунизм в России. Вот как коммунисты 70 лет запрещали все другие политические течения, так и мы были обязаны 70 лет, возможно, после путча 1991 года — 70 лет любым коммунистическим организациям *запретить* участвовать в политическом процессе. Как только любая политическая организация имеет право абсорбировать ностальгию по предыдущим временам и участвовать в выборах, выборы превращаются в нечестные. Будь то франкисты в Испании, национал-социалисты в Германии, муссолиниевцы в Италии. Если бы они участвовали в выборах — это было бы нечестно».

Как говорит русская пословица, все мы задним умом крепки. В тех 1991–1993 годах и сам Ельцин, и многие другие демократы, и близкие к президенту люди признавали любую форму люстрации опасной политически, бессмысленной содержательно и технически невозможной. В СССР были десятки миллионов коммунистов, сотни тысяч занимали руководящие должности, развалить окончательно систему управления никому не хотелось. Она и так держалась, говоря откровенно, после 1991 года «на соплях». Страну шатало так, что могла разлететься вдребезги и окончательно. Вот что сам Гайдар говорил об этом:

«Закон о реституции всерьез не обсуждался, запрет КПСС обсуждался, но мы проиграли это дело в Конституционном суде. Пойми, это было

двоевластие. У Ельцина, при всей его популярности, реальная свобода маневра была очень невелика.

Но в Восточной Европе провели все же эти законы?

— Ни в коем случае нельзя объединять слишком много задач. Если ты пытаешься решить три задачи одновременно, то ничего не получится вообще... В Восточной Европе было проще. Там всегда можно было найти представителя альтернативной элиты, например, из церкви, который никогда в коммунистической партии не состоял» (из беседы с Альфредом Кохом).

Таким образом, из всех предлагаемых вариантов — полная люстрация, частичная, политическая, идеологическая — у Ельцина оставался, пожалуй, единственный: роспуск съезда, новые выборы, переустройство государства, принятие новой Конституции. Однако и в достижении этой задачи он по-прежнему оставался на позиции компромисса.

И здесь, конечно, велик соблазн во всем обвинить Бориса Николаевича, его склонность откладывать окончательное решение, его знаменитую «паузу», из-за которой все могло затянуться настолько, что дальше уже — пропасть.

Но прежде чем обвинять — давайте вновь вернемся к очень быстрому, все более ускоряющемуся ходу событий 1993 года.

В конце марта 1993-го, как мы помним, президенту удалось отбить очередную атаку на съезде (попытку лишения его полномочий через импичмент) и, больше того, заставить съезд принять решение о всенародном референдуме.

Решение это далось непросто. Президиум Верховного Совета во главе с Хасбулатовым этого референдума очень не хотел.

12 марта Руслан Имранович, например, говорил так:

«Вы говорите, что президент берет всю ответственность на себя. Вчера мы собирались. Все субъекты РФ умоляют и президента, и Верховный Совет, и съезд референдум не проводить. Поэтому мы, может быть, спросим как раз этих самых субъектов... Я хочу сказать, что никакой ответственности ни за мной, ни за президентом нет, когда произойдет развал. Ответственность будут нести непосредственно люди, которые живут на земле. Были уже президенты, которые развалили, и тоже говорили, что они несут ответственность...»

Пугал развалом страны, стращал, давил. Но не получилось.

12 марта президент Ельцин предлагал включить в бюллетени референдума такие вопросы:

«Согласны ли вы с тем, чтобы Российская Федерация была президентской республикой?» Это первый вопрос.

Второй звучал так: «Согласны ли вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?»

Однако эти вопросы съезд не утвердил и в опросные листы не включил.

В окончательной редакции вопросы референдума звучали так:

«Доверяете ли вы президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

Одобрите ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?

Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов президента Российской Федерации?

Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?»

«Этот вопрос (второй. — А. К., Б. М.), — писал Гайдар в августе того же года, — был предложен парламентской фракцией “Смена — новая политика”, состоящей в основном из бывших комсомольских активистов и посвятившей себя подрыву реформ в нашей стране. Вопрос специально сформулировали таким образом, чтобы президенту было практически невозможно одержать победу».

Гайдаровская реформа (уже без самого Гайдара) находилась на самой первой, по сути дела, начальной стадии. А ведь любая экономическая реформа — это всегда «трудные времена», временное падение доходов, возможно, рост безработицы, рост цен и многое другое, прямо скажем, очень неприятное. Как любая хирургическая операция, она вызывает в обществе боль.

Проводить реформу и одновременно предлагать голосовать за нее — с точки зрения классической политики просто некое безумие. Именно на это и рассчитывал съезд под руководством Хасбулатова, упаковав в вопросы о доверии политическим институтам еще и вопрос о доверии реформам. По сути дела, в переводе на простой русский язык, второй вопрос референдума звучал так — вы и дальше хотите повышения цен, хотите инфляции, безработицы, закрытия заводов, хотите «обвальную», как тогда говорили, приватизации госпредприятий или все-таки давайте эту лавочку прикроем и людей, все это делающих, отправим в отставку?

Вот такой примерно у Хасбулатова получался референдум...

И тем не менее он его проиграл.

Итак, цифры. Всего в голосовании приняли участие 64,58 процента россиян, имеющих право голосовать — немаленький, прямо скажем, процент, если говорить даже по сегодняшним временам, когда административный ресурс применяется властями куда шире.

По первому вопросу «за» проголосовали 58,05 процента. По второму вопросу — «за» 52,88 процента.

Вопросы о досрочных выборах — согласно решению Конституционного суда — трактовались съездом так. По третьему и четвертому вопросу голоса считались не от пришедших к урнам, а от списочного состава *всех* избирателей. Таким образом, получалось, что по третьему вопросу — о досрочных выборах президента, набралось 32,64 процента, по четвертому — о перевыборах съезда — 41,4 процента.

Не хватило девять процентов. Конституционный суд решил, что досрочные выборы проводить оснований нет.

Валерий Зорькин вновь «дожал» президента. Как и в вопросе о запрете компартии.

Однако в стане сторонников Ельцина, в стане демократов была полная эйфория.

«Важнейшим уроком плебисцита стало моральное возрождение граждан, — важно говорил тогда Михаил Полторанин, — психологически Россия имеет сегодня другой народ, даже по сравнению с августом 1991 года». Ой ли?

Но самым ценным можно считать свидетельство принципиальнейшего врага Ельцина, народного депутата России юриста Владимира Исакова (члена новой российской компартии):

«Приходится сделать вывод, — сказал он, — что, вопреки прогнозам и предсказаниям, вопреки суровым реальностям экономической жизни и логике здравого смысла, россияне большинством голосов от участвующих в голосовании выразили доверие президенту Борису Ельцину и его экономическому курсу».

«Победа одержана сокрушительная... — заявлял председатель Крестьянской партии России Юрий Черниченко. — На мой взгляд, сейчас возникло удивительное слияние самых разных частей общества. В одном строю выступили казаки и шахтеры, творческая интеллигенция совместилась с фермерским движением, с крестьянским. Это поразительный союз... Прогрессивные, реформаторские силы России должны настоять на том, чтобы президент покончил наконец с анти-реформаторами и анти-демократами».

Сохранились красивые фотографии с тех маршей и демонстраций,

которые сопровождали референдум — например, с моста возле Васильевского спуска, по которому — мимо гостиницы «Россия» — идет манифестация в поддержку президента. Там действительно много представителей разных групп — и человек в шахтерской каске, и какие-то товарищи в национальных костюмах, и православные священники, и иудейские, и просто «радостные, смеющиеся чьим-то шуткам лица».

Да, это был праздник.

Мирный праздник.

Но кончился он отнюдь не мирно. Уже 1 мая оппозиция ответила своим маршем.

«Столкновения между демонстрантами и ОМОНОм начались примерно в половине двенадцатого в районе площади Гагарина, — пишет Олег Мороз. — Здесь милиция попыталась заблокировать движение колонны, в том числе с помощью выставленных в ряд грузовиков, однако манифестанты прорвали заслоны. В ход шли металлические прутья, палки, древки флагов, камни, облицовочная плитка, отколота в подземных переходах. Несколько грузовиков и автобусов были разгромлены, две машины подожжены...

Колонну, которая прошла в район площади Гагарина, возглавляли депутаты Михаил Астафьев, Илья Константинов, лидер «Трудовой России» Виктор Анпилов, а также недавно освобожденные из СИЗО бывшие вице-президент СССР Геннадий Янаев и председатель КГБ Владимир Крючков (арестованные в 1991 году как члены ГКЧП. — А. К., Б. М.). Транспаранты «Вся власть Советам!», портреты Ленина и Сталина причудливо сочетались у демонстрантов с имперским флагом (ничего причудливого, конечно, сейчас в этом уже увидеть невозможно. — А. К., Б. М.).

Получив подкрепление, ОМОН все-таки остановил толпу и развернул ее в обратном направлении.

Первомайский праздник вышел кровавым. Причем со стороны стражей порядка пострадавших оказалось больше. Всего в результате столкновений различные раны и травмы получили более 200 сотрудников милиции и около 70 демонстрантов. 27 милиционеров и 12 человек с противоположной стороны попали в больницу».

Ну и дальше тяжелый момент:

«Вся страна видела по телевизору, как был раздавлен омоновец Владимир Толокнеев. Какой-то мерзавец, вынырнувший из толпы, вскочил в кабину оставленного без присмотра грузовика (машина стояла поперек улицы в ряду других) и дал задний ход, приплюснув оказавшегося там

старшего сержанта милиции к соседнему грузовику... После этого убийца выскочил из машины и растворился в толпе. Несмотря на все попытки врачей спасти Толокнеева, через несколько дней он скончался в больнице. Подонок, совершивший убийство “во имя власти Советов”, так и не был найден».

Гайдар оценивал эти события так:

«После сокрушительного поражения оппозиции на референдуме, как мне кажется, Б. Ельцин был убежден: политический вопрос решен, страшный дамоклов меч — двоевластие уже не нависает над Россией... Но если для многих политическое поражение парламентского большинства и необходимость досрочных выборов очевидны, то Р. Хасбулатов и его окружение отнюдь не готовы этот факт признать. Может быть, в первые дни после обнародования результатов референдума они при энергичных действиях президента и могли бы смириться с неизбежным. Но пока президент медлит, ожидая цивилизованной капитуляции политически разгромленных противников, шок у них быстро проходит, действует та же логика: если нас не распускают, значит, боятся. А раз так, то почему мы должны принимать новую Конституцию и идти на выборы?»

И сам Гайдар, и другие демократы будут впоследствии не раз писать и говорить о том, что съезд нужно было распускать сразу после референдума, что это была одна из главных ошибок Ельцина — не воспользоваться его результатами сразу.

Что ж, возможно, и так.

Мы видели, как ответила оппозиция на результаты народного голосования. Кровавым побоищем.

Кстати говоря, сегодня эти события воспринимаются совсем в другой оптике, чем раньше. На фоне митингов в Москве в 2019 году никакой ельцинский ОМОН, конечно, не выглядит сегодня «положительным героем», скорее, наоборот. И все же эту сегодняшнюю оптику следует подкрутить — для того, чтобы лучше разглядеть важнейшие исторические детали. Демократические митинги в 1989–1991 годах (да и сегодняшние митинги демократической оппозиции) *никогда* не сопровождались человеческими жертвами. И таким количеством тяжелых кровавых столкновений, как в 1993 году. Они как раз были абсолютно мирными. Никто булыжники не грузил, грузовики не подгонял, арматурой не вооружался.

...Маховик истории в очередной раз провернулся со скрежетом.

Ельцин не просто направил родственникам погибшего Толокнеева

телеграмму соболезнования, но и сам приехал на прощание с ним в Центральный дом культуры МВД на Бутырском Валу. Там он попросил прощения у матери старшего сержанта. А в телеграмме на имя семьи написал: «Потрясен страшной вестью. Разделяю вашу безмерную скорбь. Гибель Владимира Толокнеева не только невосполнимая потеря всей вашей семьи. Это потеря всей России».

Ельцин не в первый раз просил прощения за гибель людей. Он делал это и на митинге 24 августа 1991 года, когда погибли Илья Кричевский, Владимир Усов, Дмитрий Комарь, и сейчас, 5 мая 1993 года, во время прощания с Толокнеевым в Центральном доме культуры МВД. Ему придется сделать это снова 5 октября, когда он скажет во время своего телеобращения: «Здесь нет победителей и побежденных, страшное пламя гражданской войны опалило всех нас».

Не в этой ли его внутренней ноте и кроется разгадка? Не здесь ли, извините, собака зарыта?

«Ельцин страшно гордился этой бескровностью перехода власти. Он гордился тем, что жертв больших не было при развале коммунистической системы», — говорил в интервью Лев Гуштин, главный редактор «Огонька» в 90-е годы.

Да, довольно точное наблюдение. Это же подтверждают и Егор Гайдар, и Андрей Козырев, и многие другие: мирный переход от коммунизма к демократии Ельцин долгое время воспринимал как свое огромное достижение.

Об этом же размышляет Геннадий Бурбулис, человек, который привел Гайдара в кабинет к Ельцину:

«Это первая в мировой истории успешная стратегия ненасильственной реализации неизбежного исторического распада огромной тоталитарной милитаризованной империи».

Не в этом ли корень нежелания Ельцина идти на обострение конфликта вплоть до сентября 1993 года? Не поэтому ли он остается в логике компромисса: чтобы сохранить это свое главное достижение — бескровность перехода, гражданский мир в стране? Ненасильственная, так сказать, реализация?

Косвенно это подтверждает и Егор Гайдар в своем позднем интервью с Альфредом Кохом (2008 год):

«У меня ощущение, что я знаю двоих Борисов Николаевичей Ельциных. Первый прекратил свое существование 4 октября 1993 года. Я его хорошо знаю, с ним работал. Был еще один человек, который тоже

называется Борис Николаевич Ельцин. Но он совсем другой...

— А что это — ослабление воли, старость? Или у него произошел нравственный надлом?

— Да, какой-то надрыв. И нравственный, и моральный, и физический».

Если Гайдар прав и на Бориса Николаевича октябрь 1993 года произвел действительно такое сильное воздействие, то причиной может быть только это: крах его надежды на мирный вариант перехода от коммунизма в новую эру.

А значит, именно эта надежда двигала им и именно эта надежда вела его по пути компромисса.

Но ведь и сам Гайдар долгое время существовал в этой же «логике компромисса». Компромиссом была и программа приватизации, в ходе которой пришлось делать немало уступок «красным директорам». Вынужденным компромиссом была и кредитно-денежная политика, когда пришлось уступать лоббизму Центрального банка и Верховного Совета. Компромиссом были и отставки его ключевых министров.

Гайдар много думал о компромиссе: «...понимаю, остаться — значит, вести тяжелые арьергардные бои, наблюдать за тем, как сужается возможность принятия целесообразных решений, и, вместе с тем, продолжать нести всю полноту ответственности».

Гайдар не раз говорил и о том, что лояльность «красных директоров» (а именно их, как мы помним, реформаторы считали реальной властью на местах) можно «купить», делая им уступки в ходе принятия приватизационной программы.

Иными словами, Гайдар свято верил, что само появление свободных цен, частной собственности, независимых от государства экономических агентов приведет к радикальному повороту России. Повороту к демократии. И на этом пути, да, возможны компромиссы с теми, кто представлял прежнюю советскую систему на съезде, — прежде всего, с партией «красных директоров».

Вот как он сам говорил об этом в беседе с Альфредом Кохом:

«...Они («красные директора». — А. К., Б. М.) не были за нас. Это потом, когда концепция изменилась, они приезжали и говорили: “Большое спасибо”. А тогда они верили в то, что они — хозяева предприятий. И коллективы тоже были убеждены в том, что хозяевами являются директора... Тем более что, когда бы директор ни пришел в Верховный Совет, ему бы сказали: “Ну, конечно, ты хозяин, какие могут быть разговоры. Только денег нам на политическую борьбу с Ельциным и

Гайдаром дай”, и всё. Ну, и “для сэбэ трошки”. С ними в этот момент договориться было нельзя. Нужно было сначала их воспитать...»

Вспомним еще раз, как Анатолий Чубайс оценивал реальную политическую силу «красных директоров»:

«Страной управляли тогда красные директора. Не ФСБ, не прокуратура, не армия, не милиция, не президент, а красные директора».

Эту власть у «красных директоров» нельзя было отнять грубой силой. Это в 1993 году понимали и Ельцин, и Гайдар, и многие политики из их команды. Нужно было продвигаться долгой и трудной дорогой — так им казалось.

Неизвестно, насколько далеко Ельцин и Гайдар были готовы идти по пути этого компромисса. Но сегодня мы уже знаем — мирное развитие событий и для того, и для другого было важной ключевой ценностью.

Гайдар любил повторять потом, что в политике выбор очень часто бывает не между «добром» и «злом», а между меньшим и большим злом.

Сегодня, когда мы размышляем о событиях 93-го года, не забудем и эти слова Гайдара. Чтобы сохранять трезвый взгляд на живую, реальную историю, а не навязывать ей сегодняшние рамки и сегодняшние нормы.

Компромисс Ельцина, с которым он подошел к июню, — два этапа Конституционного совещания. Первое — с большим количеством палат (региональной, общественной, политических партий, предпринимательской и другими) и второе — двухпалатное, которое и должно было сделать окончательный выбор по тексту Конституции.

Отметим, что Конституционное совещание — уникальный орган в истории России, по сути дела, доработавший и принявший окончательный текст Основного закона, чей опыт до сих пор не оценен и не изучен, — был, конечно, значительным шагом вперед в истории нашего конституционализма. Отметим и то, что, созывая его, Ельцин уже знал, что компромисс со съездом вряд ли возможен. Его, «президентский», вариант Конституции ими был отвергнут априори.

Компромисс Гайдара заключался в том, что он согласился вернуться в правительство. Несмотря на свою тяжелую отставку, несмотря на то, как мучительно было ему, «архитектору реформ», смотреть со стороны, как идет начатое им дело.

Гайдар смотрел со стороны и на компромисс Ельцина:

«Пока президент работает над новой Конституцией, организует ее широкое обсуждение (а обсуждение, кстати, было — проекты публиковались в газетах, письма граждан собирались и изучались. — А. К.,

Б. М.), ведет конституционное совещание, мощный импульс победы на референдуме начинает растворяться в затишье летних отпусков, сезонных заботах о дачах и огородах».

Затишье прервано как гром среди ясного неба грянувшей денежной реформой. Речь идет об обмене советских рублей и российских 1992 года на российские же, нового образца. Единое «рублевое пространство», спекуляции национальных банков бывших союзных республик с рублями остаются, наконец, в прошлом. Важнейший этап реформ — введение национальной валюты — проходит без него, Гайдара.

Ох, ревниво он к этому отнесся. К тому же критиковать реформу действительно есть за что.

24—26 июля 1993 года Виктор Геращенко провел денежную реформу. Хотя в строгом смысле слова акт по обмену денег — никакая не реформа. Она должна была ликвидировать единую рублевую зону, оградить Россию от потока рублей из стран СНГ. Из обращения выводились банкноты образца 1961–1992 годов (перед этим были отпечатаны банкноты нового образца — 1993 года). Однако, по сути, реформа оказалась конфискационной: потолок обмена ограничен, кроме того, был сезон отпусков, и не у всех нашлось время менять деньги. Потом Ельцину пришлось существенным образом продлевать период обмена.

«Реформу, несомненно, надо было проводить, — писал Гайдар. — Но выбранная форма оказалась неудачной. Руководство Минфина не было проинформировано о принятых решениях».

Борис Федоров вспоминал: «Результатом обмена денег были психоз и паника в стране. Огромные очереди в банках. Все, у кого были наличные деньги, в тот день кинулись делать закупки любой ценой, и розничные цены взлетели, сведя в значительной степени на нет усилия шести предыдущих месяцев. До сих пор никто так и не ответил за совершенную глупость, нанесшую гигантский материальный урон нашему государству».

Об обмене были проинформированы Черномырдин и Хасбулатов. Но как можно было не поставить в известность Минфин?

«Концептуально я был всегда против участия в рублевой зоне других стран СНГ (в отличие от В. Геращенко), но никогда не предлагал проводить для этого денежную реформу, — писал Борис Федоров. — При существовавшем тогда уровне инфляции через год все бумажные рубли за пределами России обесценились бы едва ли не до нуля. Главное было не поставлять новые деньги, а В. Геращенко именно это и делал в огромных масштабах. Обмен денег ему был нужен, чтобы прикрыть свою

неблаговидную деятельность.

Когда же с обменом денег разразился грандиозный скандал, то основная часть обвинений легла на голову президента, а не премьер-министра или председателя Центробанка. Очевидно, что Б. Ельцина в очередной раз “подставили”.

Я был в тот момент в отпуске в США, и у меня сложилось впечатление, что моего отсутствия ждали, чтобы провести эту безумную акцию. Я узнал о реформе из “Нью-Йорк Таймс”!»

Как писал Гайдар, «большинство граждан не было осведомлено о том, что Центральный банк, проводивший денежную реформу, подчинен не президенту РФ, а Верховному совету. Естественное недовольство тем, что летом во время отпусков у миллионов российских граждан не оказывается денег, неизбежно проявилось в снижении доверия к президенту».

Именно к денежной реформе относился самый знаменитый из всех афоризмов Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Евгений Ясин оценивал «появление российского рубля» как крупнейшую победу реформаторов и даже был готов простить руководителю Центробанка Геращенко все его «грехи» перед гайдаровским правительством.

А вот Гайдар — недоволен. Он уже понимает, что разгрести авгиевы конюшни придется ему. Почему понимает?

О том, когда, в какой момент он понял, что Ельцин поворачивает на новый этап, и на этом новом этапе вновь призовет его, Егор не пишет. Но такие важные, судьбоносные вещи порой понимаешь действительно заранее. А уж с его даром предвидения...

Итак, конец июля 1993-го — все стоят в очередях в сберкассе, проклиная очередную «денежную реформу». Ох как ему это не нравится!

«Ломаю голову: можно ли что-то исправить? К сожалению, немного. Остановить уже нельзя, и даже не по политическим, а по финансовым причинам; доверие к деньгам, подлежащим обмену, подорвано, декретами его не вернешь. Инфляционный импульс послан, действует. Единственное, что еще можно и нужно сделать, — снизить социальные издержки. Дозвонился до президента, сказал, что, на мой взгляд, совершается серьезная ошибка. Чтобы ее как-то сгладить, нужно увеличить сумму, подлежащую обмену, продлить его сроки и сохранить пока в обращении мелкие купюры. Президент согласился сразу, видимо, был готов к такому решению. Но все это, разумеется, уже не могло компенсировать

политический и экономический ущерб».

Где-то тут, между строк, затерялась довольно важная информация, что уже весной, после апрельского референдума, Гайдар становится членом Президентского совета (был такой совещательный орган, включавший многих известных демократов). Орган-то совещательный, но...

«В один из сентябрьских дней, после заседания президентского совета, ко мне подошел Борис Николаевич и спросил, не соглашусь ли вернуться в правительство первым заместителем премьера. Ответил, что должен подумать. Вскоре меня пригласил В. С. Черномырдин, подтвердил предложение президента и сказал, что ситуация, как мне наверняка понятно, чрезвычайно сложная, нужна помощь. Политических вопросов мы не обсуждали, а что касается экономики, то премьер заверил, что готов твердо идти по пути реформ.

Теперь, если вернусь, предстоит новая грязная и тяжелая работа по разборке мусора».

Мусор... Вот это довольно точное слово.

Исчезла пассионарная энергия, невероятный адреналин, питавший его и его друзей, соратников по команде в конце 1991 года и весь 1992-й. Разошлись многие действующие лица — Авен, Нечаев уже не в правительстве, да и вообще это уже другое правительство.

Довольно точно фиксирует Егор и общественное настроение: «все позитивное, что когда-то было сделано нами... все это уже вошло в жизнь, стало будничным, привычным...»

«Огороды, участки» — картошку бы собрать, вот для многих проблема номер один. И это тоже он понимает. Голода нет, есть полуголод — если твое предприятие или закрылось, или поддерживает лишь формальный статус — так называемая «неполная занятость», а на самом деле «скрытая безработица». Даже то, что было в загашнике, сгорело во время обмена денег. Копится в народе отрицательная энергия. Прорваться к экономическому росту быстрым рывком, увы, не получилось. В том числе и из-за его отставки. Из-за бесконечных чередований этих самых рывков и торможений, как у неумелого водителя. Но ведь водитель-то — не он!

Но тогда... зачем возвращаться? Чтобы что?

«Все это очевидно, — продолжает Гайдар, — и вместе с тем не имеет для меня никакого значения. Страна перед опасной схваткой. Исход непредсказуем».

Судьба России будет решаться на площади.

Велик соблазн сказать: всю эту красивую мотивацию он приписал себе задним числом. Не мог тогда ни он, ни Ельцин, никто другой твердо знать, чем все это закончится. Но нет. В том-то и дело, что *эти чувства* Гайдара не обманывали никогда. Грядущее обрушивалось на его мозг всей своей тяжестью. Если он видел перед собой миссию — даже неправильно, даже ложно им понятую, — он бросался вперед, что бы там ни было. Он не мог остановиться.

«Я только, к сожалению, как и Чубайс, лишь летом 1993 года понял, что с этими коллегами договориться нельзя, — признавался Гайдар в одном из интервью, — потому что они живут по принципу “если кто-то идет на компромисс, значит, он слабый, значит, ему надо вцепляться в горло и добивать до конца”».

Но Ельцин не позволил вцепиться себе в горло.

18 сентября Егор Гайдар был назначен первым вице-премьером. 21 сентября Ельцин распустил парламент, объявил новые выборы и референдум по Конституции.

«Было ясно, — скажет потом Егор в радиоинтервью Сергею Пархоменко, посвященном событиям октября 1993 года, — что да, мы приближаемся к рубежу, на котором решится, как, собственно, пойдет российская история, как это решалось так или иначе в октябре 1917 года. И я именно поэтому не мог Борису Николаевичу отказать».

Ельцин подписал указ № 1400 21 сентября, а в 8 часов вечера того же дня он выступил по телевидению.

«Мы с вами надеялись, что перелом наступит после апрельского референдума, на котором граждане России поддержали президента и проводимый им курс. Увы, этого не произошло.

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества.

...Уважаемые граждане! Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и конституции.

Действующая Конституция не позволяет это сделать. Действующая Конституция не предусматривает также процедуры принятия новой Конституции, в которой был бы предусмотрен достойный выход из кризиса государственности.

Будучи гарантом безопасности нашего государства, я обязан предложить выход из этого тупика...

Облеченный властью, полученной на всенародных выборах в 1991 году, доверием, которое подтверждено на референдуме в апреле 1993 года,

я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации».

Ельцин объявил о прекращении полномочий Съезда народных депутатов и Верховного Совета — его верхней палаты. «Высшим органом законодательной власти становится Федеральное собрание Российской Федерации — двухпалатный парламент, работающий на полностью профессиональной основе».

С 21 сентября, по его указу № 1400, Верховный Совет и Съезд народных депутатов объявлялись распущенными, их полномочия прекращались. (Вернее, «приостанавливались».) Впрочем, каждый депутат мог выставить свою кандидатуру на выборах в Федеральное собрание. Введение режима чрезвычайного положения не предусматривалось.

Гайдар узнал об указе за два дня до этого, 18 сентября.

«18 сентября, когда я уже был в Воронеже, довольно поздно вечером позвонил глава Администрации президента Сергей Александрович Филатов, сообщил, что указ подписан, попросил срочно вернуться в Москву и, по возможности, сразу повидаться: необходимо поговорить, посоветоваться. Часам к двенадцати воскресного утра приехал к нему на дачу и здесь узнал, что президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по Конституции. Филатову поручено продумать политический сценарий предстоящих событий. Сергей Александрович сказал, что все это вызывает у него серьезное беспокойство. Спросил, какова моя точка зрения.

...Важный фактор внезапности, неожиданности отсутствовал, именно такого шага лидеры непримиримой оппозиции от Ельцина и ждали, к нему готовились. Более того — явно на него провоцировали. Как еще можно было расценить выходку Хасбулатова, который буквально накануне перед миллионами телезрителей лично оскорбил президента. Было видно, что он сознательно хочет вывести Ельцина из равновесия».

...Конечно, поступок Хасбулатова, обошедший всю прессу и все телеэкраны, когда он на заседании Верховного Совета характерным жестом намекнул, что Ельцин алкоголик и «под этим делом» может принять любое решение, — сыграл в нашей истории свою роль.

Но в целом мог лишь послужить последней, крошечной каплей. Ельцин готовился к этому шагу давно.

Накануне подписания указа он собрал у себя силовых министров.

«В среду, 15 сентября, — писал Ельцин в «Записках президента», — состоялось еще одно совещание. Заседание Совета Безопасности ввело в мои планы еще ряд руководителей, которые включались в подготовку к

часу “Ч”. Заседание было закрытым, я даже попросил не вести стенограмму. Все члены Совета, впервые ознакомившиеся с моими предложениями, поддержали это решение. Запущенная машина набирала ход.

А в пятницу вдруг все чуть не остановилось. На этот день я назначил заключительное совещание. На нем мы должны были оговорить последние детали. Я попросил доложить силовых министров, как, на их взгляд, складывается ситуация. И вдруг, один за другим, они стали предлагать отложить намеченное на воскресенье обращение к народу... Предлагалась новая дата: конец следующей недели».

Для Бориса Николаевича это был неожиданный удар.

Откладывать сейчас? Потерять всю собранную решимость? Показать свою слабость? Ни за что!

Гайдар тоже пытался остановить ход событий, более четко и разумно продумать план — конечно, уже с его участием.

«Я ответил Филатову, что, с моей точки зрения, полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать. Вряд ли стоит делать именно то, чего ожидает противоположная сторона, и в тот момент, когда она максимально подготовилась. ...Ехал домой с нелегкими мыслями. Прямое столкновение вот-вот станет суровой реальностью».

Но в целом ему все уже понятно. Он все понял еще на пути в Москву из этого самого Воронежа, где он организовывал региональные ячейки партии «Демвыбор России», встречался с активистами, в общем, занимался вполне мирными делами.

Не сейчас, так через неделю. Не через неделю, так через две. Гром все равно грянет. Думал, вспоминал, снова и снова оценивал историческую логику событий — как из логики компромисса она превратилась в логику конфронтации.

«Очень долго, на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но в 1993 году твердо убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете беспрекословно подчиняется людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм».

Вот так...

Первоначальный план президента предусматривал простое техническое решение: занять силами милиции Белый дом на Краснопресненской набережной (Дом советов, как назывался он теперь

официально), депутатов не пускать. Пусть собираются где угодно, но где бы они ни собрались — это уже не то.

Однако информация просочилась. Да и как бы ей было не просочиться!

Белый дом уже был полон людьми, посты милиции приведены в боевую готовность (а у Хасбулатова был свой милицейский полк охраны, несколько сотен человек, вооруженных табельными револьверами, автоматами). Именно об этом и сказали Ельцину его силовые министры — поздно, момент упущен.

Гайдар пишет план — в таком случае нужно заблокировать Белый дом, отключить системы коммуникации и телефоны. Возможно, и свет тоже. Идет с этим планом к Черномырдину.

...Интересное это место на карте — Белый дом на Краснопресненской набережной. Классик советской архитектуры Дмитрий Чечулин поставил его над широким поворотом реки, сделал по возможности легким, светлым, вложив белый цвет в облицовку — и конструктивную легкость в общий вид. Этаким прорыв в будущее, в новую светлую эпоху развитого социализма. Дом предназначался высшим органам власти РСФСР — не первого разбора начальство в советское время. Главным лицом тут был не очень известный народу Виталий Воротников, член политбюро. Остальных вообще никто не знал.

А место вокруг — действительно историческое. Одна из первых московских мануфактур — Трехгорная мануфактура Прохорова, Царский зоологический сад, знаменитый вдовый приют, первый в России планетарий, площадь Пресненской заставы, откуда рабочие выламывали бульжники для боев с полицией еще в 1905 году. Тихие переулки. И гостиница «Украина» на том берегу — символ сталинской, царственной Москвы: на нее как в зеркало смотрится Белый дом.

Пресненские переулки, в своей топографии хранящие память о тех временах, когда разнообразные речки и протоки впадали в русло Москва-реки, память о дворянских усадьбах и яблоневых садах — Глубокий, Проточный. Это с одной стороны Белого дома, а с другой — память о революции 1905 года — Дружинниковская улица, Баррикадная, улицы, названные по именам сознательных рабочих-ленинцев — Заморонова, Мантулина. Детский парк и полузаброшенный стадион рядом с Белым домом, еще одна естественная граница, отделяющая его от шумной Москвы.

Но именно тут в августе 1991 года решились судьбы всего мира — когда Советский Союз прекратил свое существование.

И география места оказала, кстати, немалое влияние на политику. Будь Белый дом — где тогда, в 1991-м, работал Ельцин — плотнее вписан в городскую среду, займи он место среди нагромождения домов и учреждений, как раньше горком партии, и не бывать обороне, не бывать баррикадам, не бывать ощущению отдельного «острова свободы», который огражден самим городским ландшафтом.

В 1993 году Белый дом вновь стал ареной самых важных в мире событий.

Чрезвычайная сессия Верховного Совета открылась в полночь с 21 на 22 сентября. В 17 минут первого Верховный Совет принял постановление о прекращении полномочий Ельцина как президента и передаче их Руцкому. Новоиспеченный президент произнес присягу.

Верховный Совет немедленно сместил со своих постов силовых министров — Грачева (Минобороны), Ерина (МВД), Голушко (Министерство безопасности). И срочно назначил тех, кто был готов присягнуть новой власти, не раздумывая. Это были совсем недавно, летом, уволенные Ельциным за участие в коррупционном скандале Баранников (Министерство безопасности) и Дунаев (МВД). Министром обороны был назначен Владислав Ачалов. Последняя фигура вызывала наибольшую тревогу — это был тот самый советский генерал, который руководил «подавлением беспорядков» в Баку в январе 1990 года, штурмом вильнюсской телебашни в январе 1991-го, был военным руководителем путча в августе 1991 года в Москве. Ачалов был известен как принципиальный сторонник ГКЧП, он терпеть не мог политику Горбачева и Ельцина, считал их ответственными за развал СССР и готов был идти до конца.

Таким образом, сбылось еще мартовское предсказание Егора Гайдара — в стране появились два президента, два министра обороны, два министра внутренних дел. Сложились все предпосылки для начала гражданской войны.

«Примерно через час после телеобращения Ельцина, — пишет Олег Мороз, — вокруг Белого дома стала собираться толпа защитников Верховного Совета, состоявшая главным образом из левых и национал-патриотов. По разным оценкам, собралось от полутора до трех тысяч человек. К собравшимся через “матюгальник” с зажигательной речью обратился все тот же пламенный трибун Виктор Анпилов.

Московская милиция, вставшая в оцепление, не вооружена. Даже без дубинок. Надо полагать, — чтобы “не провоцировать” народные массы (в те дни вообще очень боялись “спровоцировать” агрессивную

антиельцинскую толпу...»).

Изнутри Белого дома — ситуация выглядела несколько иначе.

Молодой журналист, совсем еще юная девушка Вероника Куцылло работала в то время в отделе политики газеты «Коммерсант» парламентским корреспондентом. На заседания Верховного Совета ходила как на работу. Хасбулатова, всех его заместителей и помощников хорошо знала лично. Услышав речь Ельцина по телевизору и прочитав указ № 1400, она немедленно рванула в Белый дом. Все ее симпатии были на стороне «демократов», президентской власти, Ельцина и Гайдара. Про Хасбулатова, Руцкого и т. д. все она прекрасно понимала. Но решила стать очевидцем, свидетелем, все записывать, фиксировать и писать в газету полноценные репортажи с места событий. Позднее вышла книга Куцылло «Записки из Белого дома», где она подробно описывает те дни. Она проводила там все время, лишь изредка вырываясь домой поспать и принять душ — пока было можно.

Потом стало уже нельзя. Оцепление захлопнулось.

Все, что творилось внутри Белого дома, она описывает в мельчайших деталях. Уже тогда, с самого первого дня «защитники» Белого дома поразили воображение Вероники — да, странный тут собрался народ.

«По старой памяти мы решаем пройтись по коридорам. С фонариком это не так страшно, как в темноте, да и, кроме как на углах коридоров, люди практически не попадаются. Впрочем, я, кажется, поспешила. В коридоре по пути к кабинету Пересадченко (помощник Хасбулатова. — А. К., Б. М.) мы с ужасом натыкаемся на десяток людей с автоматами, притаившихся у стенок. Что, уже? — до тех пор, пока... очень настоятельно не посоветовали “светить вниз”, я успеваю разглядеть не фашистский камуфляж или разностилье добровольцев, а настоящую форму десантников. Мы замираем, но ничего не происходит. — “Нельзя пройти, да?” Кто-то — в темноте, не видно кто, отвечает довольно добродушно: “Почему нельзя? Можно”. Помедлив, мы протискиваемся между ними и, оглядываясь, идем дальше. Наверное, это все-таки еще не ельцинская группа захвата, а руцковские приднестровцы, днем скрывающиеся по кабинетам. И тайно проникать в Белый дом пока никто не собирается... Перед самым отсеком Руцкого тоже охрана, но она сидит, развалившись в креслах. Это привычные фашисты — сборный камуфляж, красные нашивки...»

Оцепление и даже колючая проволока, которую развернули вокруг возникших баррикад, и вообще по периметру Белого дома — увы, не помогли решить главный вопрос: с оружием.

У Белого дома была официальная охрана — полк милиции, который подчинялся только руководству Верховного Совета. Полк был вооружен не только пистолетами — в подвалах хранились несколько сотен автоматов в оружейных ящиках. И в какой-то момент их начали раздавать всем «защитникам». Полк милиции журналисты порой стгоряча называли «хасбулатовской гвардией», однако это были обычные милиционеры, никто из них в дальнейшем не принял участия в боевых столкновениях. Воевать они явно не хотели.

Но не полк милиции и не эти «табельные» автоматы представляли главную угрозу. В Белом доме начали скапливаться так называемые «приднестровцы» и представители других горячих точек бывшего СССР — это были бывшие военные, то есть уже тогда появившиеся «добровольцы», которые принимали участие в национальных конфликтах, воевавшие за «Советский Союз» в Приднестровье, Карабахе, Абхазии. Были и представители офицерских организаций, «казаки», националисты, которых чаще называли просто «фашистами» — молодые ребята из организации А. Баркашова «Русское национальное единство», прошедшие обучение в военных лагерях и тоже вооруженные.

Напряжение росло с каждым днем. Руководители Белого дома транслировали это растущее напряжение в массы своих сторонников.

Руслан Хасбулатов говорил в эти дни на пресс-конференции:

«...Если мы не сумеем справиться, то немедленно вступит в действие парламентский центр в одном из городов страны... Я не вижу возможностей для компромисса с государственными преступниками... Никаких ельцинских вариантов мы принимать не вправе. Этот человек не владеет ни головой, ни рукой. Это невольник, заложник... Идет процесс перехода частей на нашу сторону... Вполне могут быть и новые жертвы. Вся кровь ложится на президента. Вся кровь, независимо от конкретных исполнителей, ляжет на этих проходимцев... Черномырдин оказался беспомощным человеком, безвольным человеком... Мы подавим этот путч, сомнений быть не может».

А в кулуарах шли еще более откровенные разговоры.

Андрей Федоров, советник Руцкого:

«— А что же у нас все-таки со штурмом?»

— Со штурмом? Знаете, ребята, без цитирования, но я вам скажу: у нас есть вещи, которые позволяют выбить их штаб в гостинице “Мир” вместе с этажом.

— Это что же, “земля-воздух”?

— Нет. “Земля-земля” — “поверхность-поверхность”».

Журналисты, в том числе журналисты иностранных агентств, которые почти безвылазно находились внутри Белого дома и вели оттуда свои репортажи, прекрасно понимали, чем может кончиться это противостояние, когда внутри Белого дома растут психоз, страх, нервное напряжение. Они пытались донести эту тревогу до представителей власти.

Ощущение возможной кровавой развязки не оставляло журналистов.

«Я правильно понял из разговора, что они в ближайшее время ничего не собираются делать?» — «Я думаю, да». — «Твою мать! Они хотят дождаться, когда здесь не пятьсот боевиков станет, а тысяча пятьсот?! Если каждую ночь, как они говорят, прибавляется человек пятнадцать-двадцать новых автоматчиков...» — «Да ты же сам, наверное, видел — стоит оцепление это дурацкое, а народ туда-сюда ходит совершенно свободно. Чуть не братаются... Да я и днем под плащом могу хоть гранатомет пронести...» — «Ну а что им теперь делать?» — «Да я не знаю, что! Но раз начали, надо хоть раз довести до конца».

Вероника Куцылло пару раз уезжала к себе домой. Попадать потом внутрь Белого дома становилось все труднее. И тем не менее — какое-то чувство сопричастности вело ее туда.

«В метро тепло. Никто не знает, откуда я еду. И никто, даже я сама, не знает, смогу ли я туда вернуться... Люди вокруг были чистые, умытые, направляющиеся на работу или домой, или даже в гости. Их не интересует маленькое пятнышко на карте столицы нашей родины... Зона. Но ведь внутри нее тоже люди. Другие, но люди. Крыша едет... А ведь Филатов прав — созданся такой локальный взрывоопасный участок. Они его сейчас зажмут в кольцо и будут ждать. Чего? Часть, конечно, уйдет, а вернуться не сможет. Не пустят журналистов — не будет никакой информации, то есть Белого дома как бы не станет. Нет такого места в Москве. Его упразднили... Я представила людей в этом упраздненном месте, тех, которые не уйдут, — в темноте, невымытых, зачумленных. Липкие стаканы в буфете — никогда в Белом доме не было липких стаканов».

В какой-то момент в Белый дом стали проникать уже совсем странные люди. Градус безумия все рос и рос. Позднее в своем интервью Вероника Куцылло вспоминала и такие удивительные эпизоды:

«Был такой момент в этой истории, когда милиция ушла. Отозвали ее, не отозвали, до сих пор об это ломаются копы, но вокруг Белого дома оцепления не было. И когда люди из Белого дома уже поехали на Останкино, то к находящимся в здании пришли родственники, пришли

просто зеваки с улицы. Там было много 15–16-летних детей. К кому-то пришли жены, к кому-то, наоборот, мужа. Некоторые пришли с детьми. И вот это было самое страшное. Например, там были какие-то дети удивительные, привезенные странными людьми, с Украины. Это девочки и мальчики лет по 13–14. Со странными фанатичными лицами. И я помню, это был один из самых поразивших меня моментов. Знаете, есть такие палки или штыри, которыми удерживаются ковры на лестницах. И они вытаскивали эти штыри и бородатый человек учил их, как этими штырями воевать. “Коли”. “Руби”. И говорил, например, такие вещи: “а вот есть вам сегодня нельзя, потому, что пуля на сытый желудок гораздо хуже, чем пуля на голодный желудок”. Это дети стояли в шеренге и слушали. То есть там были странные люди внутри».

Именно об этом — что Белый дом станет источником напряженности, притянет к себе, как магнит, вооруженных боевиков, станет ареной непредсказуемых событий — предупреждали Бориса Николаевича силовые министры. Однако в целом расчет президента оправдался: Белый дом оказался в полном, можно сказать, абсолютном одиночестве. Несмотря на многочисленные призывы нового «министра обороны», представителей офицерских организаций, отдельных депутатов — ни одна военная часть не перешла на их сторону. Не было поддержки и в регионах — политических забастовок, перекрытий железных и автодорог, акций гражданского неповиновения. Остались верны Ельцину губернаторы, милиция. Страна как бы застыла в ожидании.

Теперь все решалось здесь — на улицах Москвы.

...Один из членов гайдаровской команды, Сергей Глазьев, занимавший на тот момент в правительстве пост министра, перешел на сторону Белого дома. Для Егора это стало «неприятной неожиданностью».

Гайдар, который, как мы помним, пытался уговорить Ельцина перенести роспуск съезда на более удобный момент, не торопиться, — тем не менее, когда события уже начались, активно поддержал план «изоляции» Белого дома и даже сам набросал его основные моменты, передав свой план Черномырдину.

Позже он писал:

«Кроме С. Глазьева, все министры продолжают нормально работать. Контроль за федеральными системами сохранен. Оперативный штаб правительства заседает ежедневно два раза — утром и вечером. Общая картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы Руцкого производят скорее комичное впечатление. Попытки вновь

назначенных министров “рукой водить” малоэффективны. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность правительству. Общество в целом воспринимает происходящее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием. Теперь нужно развивать успех, главное — втягивать оппозицию в процесс новых выборов. К сожалению, спустя несколько дней ясно: ощущение относительного спокойствия — всего лишь кажущееся. Положение начинает быстро осложняться. Белый дом не занят, сохранен как мощный центр оппозиции, и она с максимальной энергией начинает осуществлять свой сценарий. Непрерывными и нарастающими по масштабу провокациями пытается дестабилизировать обстановку, явно ведя дело к крови.

В Белом доме — большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего, конечно, стягивающимся сюда с разных концов страны боевикам. И вот наконец желанная цель отчасти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил на Ленинградском проспекте. Двое убитых и раненые».

Инцидент на Ленинградском проспекте (кстати, совсем рядом с квартирой родителей Гайдара) — это первая человеческая трагедия. Он ясно свидетельствует о нарастающей угрозе кровавой развязки.

Это случилось 23 сентября, через два дня после выступления Ельцина по телевидению и подписания указа 1400.

«Примерно в 21.00 группа вооруженных людей попыталась прорваться в штаб главкомата Объединенных вооруженных сил СНГ, — пишет Олег Мороз, — расположенный неподалеку от станции метро “Аэропорт”. Произошла перестрелка...

По сведениям “Коммерсанта”, события на Ленинградском проспекте развивались следующим образом. Два офицера милиции — участковый инспектор капитан милиции Валерий Свириденко и оперуполномоченный местного отделения, — проходя вечером мимо КПП штаба ОВС, обратили внимание на стоящий возле него уазик. Он показался им подозрительным: возле него суетились какие-то вооруженные люди в камуфляже. Милиционеры решили проверить у них документы. Вместо документов оперуполномоченный получил удар по голове, а Свириденко — очередь из автомата (позднее он скончался от полученных ран). На выстрелы подоспела патрульная машина дежурного по городу. Когда старший группы лейтенант милиции попытался подойти к уазу, из КПП выскочил какой-то человек в камуфляже и по нему тоже стал стрелять из автомата...

Помимо капитана Свириденко, в результате инцидента на Ленинградском проспекте погиб еще один человек, совершенно к нему непричастный, — 63-летняя пенсионерка Вера Малышева. Во время перестрелки она стояла у окна в своей квартире на пятом этаже дома, расположенного напротив КПП, и была убита шальной пулей».

Надо сказать, что руководство Белого дома поспешило откреститься от этой трагедии. Руслан Хасбулатов сказал: «Возможно, будут жертвы, но жалкие попытки переложить на нас ответственность за кровь мы отвергаем — кто совершил государственный переворот, тот и несет полную ответственность за это».

Ну а чуть позднее руководство Верховного Совета назвало происшедшее на Ленинградском проспекте «грубой провокацией».

Так был ли инцидент на Ленинградском проспекте «провокацией» или нет? Многие десятилетия «министр обороны» Белого дома Владислав Ачалов и многие другие утверждали — да, это была «провокация».

Но есть и другое свидетельство с той стороны. Прямо противоположное.

«Резкое обострение ситуации, — писал позднее Виктор Анпилов, руководитель «Трудовой России», — ужесточение блокады Дома Советов, запрещенная международной конвенцией спираль колючей проволоки Бруно, массовые избиения людей, идущих к Дому Советов, отключение энергоснабжения “Белого дома” — все это началось после неудавшейся попытки группы Станислава Терехова захватить Объединенный командный пункт армий СНГ на Ленинградском проспекте.

Акция Терехова — один из самых сложных и до сих пор до конца не выясненных эпизодов Московского восстания. В результате случайно вспыхнувшей перестрелки на Ленинградском проспекте от шальной пули погибла пожилая женщина, был убит милиционер, в бою погиб один из самых преданных “Трудовой России” бойцов Вильнюсского ОМОНа Сергей.

В военном отношении штаб на Ленинградском проспекте не представлял собой ничего значительного. По этой причине объект на Ленинградском проспекте охранялся небольшим подразделением солдат срочной службы. Связь с войсками осуществлялась совсем из другого засекреченного места в Подмосковье. Даже если бы Терехову сопутствовала удача, на связь с войсками он бы не вышел.

Часа за три до попытки захвата командного пункта армий СНГ Станислав подошел ко мне в сопровождении начальника штаба Союза

офицеров подполковника Черновила: “Получено задание захватить штаб армий СНГ. Прошу сейчас об этом никому не сообщать. А ровно в 19.00 объявите по громкоговорящей установке о том, что мы пошли на штурм и просим помощи”.

Станислав Терехов в те дни был официально назначен помощником министра обороны России генерала Ачалова. Не верить ему у меня не было оснований: ни один уважающий себя военный не пойдет на такую операцию без команды своего командира. Но когда ровно в 19.00 я объявил снизу о том, что группа Станислава Терехова пошла на штурм штаба армий СНГ и просит помощи, сверху, от микрофонов установки на балконе Верховного Совета, генерал Титов закричал: “Провокация!” Рядом с Титовым стоял генерал Макашов, также назначенный на те дни первым заместителем министра обороны России. Макашов смолчал. Сам Станислав, даже в минуты откровенного разговора с ним, всегда избегал ответить прямо на вопрос: кто дал команду на штурм штаба армий СНГ. Знал ли об этой акции генерал Ачалов, назначенный Верховным Советом министром обороны? Сам генерал никогда публично не осуждал действия подчиненного ему в те дни непосредственно подполковника Терехова, но и не одобрял их. Ачалов и Терехов до сих пор поддерживают нормальные товарищеские отношения. И именно это дает мне основания предположить, что и генерал Ачалов, и его первый заместитель генерал Макашов знали заранее о намерениях Станислава Терехова. Лично я, по прошествии многих лет, считаю те действия ошибочными, неправильными, но провокационными — никогда».

Воспоминания Виктора Анпилова об октябрьских событиях в Москве — удивительный документ. Анпилов, искренний, страстный борец за советскую идею, уличный трибун, собиравший огромные толпы на борьбу с «буржуазией» — в своем наивном бесхитростном рассказе порой выдает удивительно точные, важные детали.

В те дни Москва была охвачена митингами и демонстрациями, особенно в районе Красной Пресни, набережной и близлежащих улиц. Апогея эти столкновения достигли 2 октября, во время празднования Дня города.

«На тот день московские власти, — пишет Анпилов, — имитируя спокойствие и праздничное настроение москвичей в мятежном городе, наметили “празднование” 800-летия Арбата. Вдоль знаменитого пешеходного бульвара срочно выстроили сцены, поставили фанерные лавки... А самую большую сцену, как раз на углу МИДа, там, где Арбат выходит на Смоленскую площадь, достроить не успели. У сцены валялись

арматура, железные уголки, другие крепежные детали: готовое оружие для самообороны. Между недостроенной сценой и углом здания МИД остался проход шириной метра в полтора. И когда “крапатые” (сотрудники ОМОНа. — А. К., Б. М.) побежали с дубинками наперевес на “Трудовую Россию”, явно надеясь “размазать” нас по стене высотного здания, по этому узкому проходу удалось увести людей из-под удара, а затем метанием гаек, болтов отсекать разъяренный ОМОН от людей. В ход пошли даже бутылки с кока-колой, которые мы с Игорем Маляровым “национализировали” у лавочника, раздетого на потеху публике под американского ковбоя. Наши тут же овладели недостроенной сценой и подняли над ней Красный флаг, как над баррикадой. “Крапатые” предприняли вторую попытку прорваться в наш тыл с Арбата, теперь уже и со стороны гастронома “Смоленский”, и это им удалось. В наших рядах было два безногих инвалида: один ветеран войны, другой помоложе. К сожалению, вспомнить имена героев теперь уже невозможно. Один из “крапатых” настиг инвалида помоложе и страшным ударом дубинки по голове свалил его с костылей. На красноватый асфальт Арбата полилась алая кровь человека... “Мужики! Бей их арматурой!” — закричал высокий, статный Валерий Сергеев, бывший подполковник пограничных войск, и взял в руки полутораметровый “уголок”. Вслед за советским пограничником арматуру быстро разобрали не только мужчины, но и женщины. И даже одноногий ветеран на протезе поднял с асфальта арматуру. Московская милиция (и это хорошо видно на фотографиях) не вмешивалась, и теперь бой с “крапатыми” пошел на равных. Омоновцы из Свердловска, только что безжалостно избивавшие женщин, стариков, инвалидов, теперь умылись и собственной кровью.

...Когда молодежь увидела бегущих на нее солдат с дубинками, молодая, упругая пружина распрямилась и сама пошла в контратаку. Это уже походило на интифаду героического народа Палестины. Кулаками, камнями молодые смяли хорошо экипированного противника, обратили его в бегство и освободили всю проезжую часть Садового кольца от проспекта Калинина до Смоленской площади включительно. На самой Смоленской площади в мгновение ока возникли баррикады, перед которыми запылали автопокрышки...»

Удивительно, что в воспоминаниях Анпилова вдруг возникает образ «интифады героического народа Палестины». Где Москва и где Палестина?

Однако сопоставление далеко не случайно. Идеи «глобального сионистского заговора» витали над толпой.

«Одержимость идеями антисемитизма вместе с ненавистью к Ельцину

и “дерьмократам” объединяла большинство защитников с их товарищами за стенами Белого дома, — писал позднее американский биограф Ельцина Леон Арон. — “Ты жид, я с тобой не разговариваю”, — ответил казак с саблей и автоматом Калашникова на вопрос какого-то прохожего... “Пришло время покончить с евреями в средствах массовой информации, финансах и экономике”, — заявил одному из репортеров участник демонстрации перед Белым домом. А когда 2 октября вспыхнул мятеж, в толпе наряду с плакатами “Убить Ельцина!” были замечены и другие — “Папа, убей еврея!”. Самыми страшными своими врагами “защитники” считали таинственных евреев, которых они называли “бейтарами”. Слово “бейтар” витало в воздухе внутри Белого дома, и в нем таилось нечто потустороннее, нечто устрашающее, вспоминала одна из свидетельниц. “Бейтары страшнее обычных, — сказали ей. — Они придут и будут всех убивать, насиловать беременных, пить кровь детей”» (Леон Арон «Ельцин. Жизнь революционера»).

Были ли все те люди, которые в эти дни протестовали против действий властей на улицах Москвы, сплошными сталинистами, правоверными коммунистами, антисемитами, сторонниками теории «всемирного жидомасонского заговора» и даже новоявленными русскими фашистами? Разумеется, нет.

Среди толп народа, заполнявших в те дни стихийные митинги и демонстрации, было много и искренних демократов, которые считали указ о роспуске российского съезда и назначении новых выборов проявлением «диктаторских» замашек Ельцина, они выступали за «Конституцию и законность».

Но таких было меньшинство. И не они брали в руки железную арматуру, не они стреляли на Ленинградском проспекте, не они заставляли «умыться кровью» совсем немногочисленный в те дни ОМОН.

В целом Москва оставалась абсолютно спокойной. Люди ходили, как всегда, на работу. Гуляли. Радовались жизни, последним солнечным дням. Ездили на дачу.

Во время празднования 800-летия Арбата пешеходную зону улицы заполнили прохожие, уличные артисты, торговцы всякой снедью, кока-колой; вокруг пели, плясали, торговали, Ельцин и его сотрудники прошли вместе с мэром Москвы Лужковым несколько десятков метров в толпе по направлению к Смоленской площади, где в это время кипела страшная битва анпиловцев с ОМОНОм. Там лилась кровь, над толпой стоял крик, а здесь — все было радостно и весело.

За несколько дней до этого на Красной площади дал концерт

Бостонский симфонический оркестр, за дирижерским пультом стоял Ростропович. Собрались тысячи людей. Все внимательно слушали музыку.

...За два дня до кульминации октябрьского мятежа в Москву съехались главы стран СНГ. Ельцин провел с ними обычную рабочую встречу в своей загородной резиденции.

Между тем всем внимательным наблюдателям событий, журналистам (и тем, кто находился внутри Белого дома, и тем, кто был снаружи) становилось все более очевидно: идея о «локализации», «изоляции», «маргинализации» депутатов, главарей Белого дома явно буксует. Не срабатывает.

Расчет на то, что депутаты и их сторонники внутри Белого дома рано или поздно «устанут», уйдут, перестанут создавать очаг напряженности, — был ошибочен.

Но другого плана, кроме мирного, у Кремля не было. Руководители исполнительной власти по-прежнему хотели двигаться в логике мирного развития событий, в логике компромисса. На улицах Москвы не было вооруженной милиции. Стычки анпиловцев с немногочисленными отрядами ОМОНа доказывали, скорее, обратное — правоохранные органы вовсе не готовы к решительным действиям.

Глава администрации Сергей Филатов говорил в те дни: «Да, вокруг Белого дома собираются люди. Ну что, нам их разгонять, что ли?»

25 сентября в интервью телекомпании «Останкино» Ельцин заявил:

«После указа президента по защите бывших депутатов и аппарата (имелась в виду та часть указа, которая сохраняла за депутатами все социальные гарантии, служебные квартиры, возможность избираться в новый парламент. — А. К., Б. М.) люди постепенно уходят оттуда, и мне кажется, там останутся два человека — Хасбулатов и Руцкой. Вот что они будут в этом здании вдвоем делать — вот это мне непонятно».

Да, ему по-прежнему хотелось в это верить — все обойдется. Разгонять, применять силу, тем более стрелять, проливать кровь никто в Кремле, конечно, не хотел. Атмосфера тягостного ожидания повисла над городом.

Между тем поток событий нарастал и ситуация становилась все более тяжелой.

«28 сентября, — пишет Олег Мороз, — произошло довольно жесткое столкновение демонстрантов с ОМОНОм в районе метро “Баррикадная”. Были погибшие. Погиб сотрудник ГАИ подполковник Владимир Рештук».

Постоянные слухи о готовящемся штурме будоражили «ополченцев»

Руцкого, демонстрантов Анпилова.

Между тем Ельцин по-прежнему действовал в логике компромисса, постепенного «вытеснения» депутатов и их сторонников из Белого дома, наконец, в логике переговоров и «добровольной сдачи».

Надо сказать, усилия в этом направлении были предприняты немалые и силы задействованы тоже. Переговоры в Свято-Даниловом монастыре «под патронажем», как тогда говорили, патриарха Алексия II шли с середины 20-х чисел и к концу сентября дали довольно ощутимые результаты. В них со стороны Кремля участвовали вице-премьер Олег Сосковец, мэр Москвы Юрий Лужков, глава администрации Сергей Филатов. От белодомовцев требовали, прежде всего, сдать оружие, распустить свои вооруженные формирования. Те, со своей стороны, требовали включить в Белом доме коммуникации, дать свет, воду, снять жесткую блокаду.

Наконец на стол легла очень крупная политическая карта — так называемый «нулевой вариант». То, от чего Ельцин отказывался многократно — требование одновременных выборов президента и парламента, — наконец было им принято. Протокол № 1, как официально называла его пресса, был подписан. Казалось, что теперь открылся путь к разблокированию конфликта.

1 октября в Белый дом с подписанным протоколом явились под утро переговорщики от Хасбулатова — руководители палат Верховного Совета Вениамин Соколов и Рамзан Абдулатипов.

В Белом доме включили свет и воду.

Однако случилось нечто неожиданное... Или все-таки ожидаемое?

В 5 часов утра «военный совет» Белого дома «в составе Ачалова, Баранникова и Дунаева подписывает “контрпротокол”. В нем генералы ставят под сомнение целесообразность подписания Протокола № 1 и предлагают съезду денонсировать его. “Министры” считают, что переговоры могут быть начаты только в том случае, если будут выполнены следующие условия: ...парламенту будут обеспечены широкие возможности для изложения своей позиции в СМИ... полностью снимут вооруженную блокаду Белого дома, обеспечат вступление в должность трех силовых министров, назначенных съездом. Съезд, собравшийся в 10 утра 1 октября (это, конечно, был уже никакой не съезд, а примерно 150 депутатов, находившихся в Белом доме. — А. К., Б. М.), потребовал также восстановить все функции парламента, прерванные по указу № 1400. То есть — от Ельцина, как только он пошел на попятный, хотя бы на

сантиметр, сразу потребовали полной капитуляции».

Да, этого можно было ожидать.

И в этой ситуации, когда эта пауза неопределенности заполнила собой общественную атмосферу — во весь рост встал вопрос: а с кем же армия, с кем правоохранители?

Белый дом (и прежде всего, генералы Ачалов, Макашов, их ближайшие сподвижники) буквально атаковал военные части, округа, штабы, отдельных командиров, требуя от них встать на сторону «законной власти». Их представители сами ездили по военным частям. И непрерывно туда звонили.

«Силовым министрам, — пишет Олег Мороз, — в те дни то и дело приходилось разъяснять свою позицию. Так, на брифинге в середине дня 22 сентября Грачев заявил: несмотря на то, что в создавшейся ситуации армия сохраняет нейтралитет, армия будет подчиняться исключительно приказам Бориса Ельцина. Позднее Грачев заявил, что никому не советует “натравливать” армию на свой народ».

Постоянно звучали «распоряжения» и «приказы», «ультиматумы» и «последние предупреждения», о том, что оружие, находящееся в Белом доме, должно быть сдано властям. И раз за разом — ничего не происходило. А оружие продолжало накапливаться.

Наконец, к моменту 2 октября, когда стычки с ОМОНОм и прорывы милицейских оцеплений достигли своего пика, стало вдруг очевидно, что милиция «куда-то девалась». В любых мемуарах, написанных и с той, и с другой стороны, отмечается этот странный факт — в тот самый момент, когда милицейские силы должны были быть усилены, удвоены и утроены, они вдруг исчезли из города.

Касалось это в том числе и блокады вокруг Белого дома.

«Был такой момент в этой истории, тогда милиция ушла. Отозвали ее, не отозвали, до сих пор об это ломаются копья, но вокруг Белого дома оцепления не было» (интервью с Вероникой Куцылло).

Почему улицы Москвы в те дни реально опустели, почему на них не было не только людей с оружием, но и вообще милиции?

Министр внутренних дел Виктор Ерин позднее объяснял это так:

«Сотрудники органов внутренних дел несут службу всегда со своим табельным оружием, и здесь никаких вопросов нет... И никаких команд о том, чтобы это табельное оружие сдать в дежурные части и нести службу с голыми руками, таких команд никогда не было. Был, правда, момент, когда мы получили информацию, и она, в общем-то, подтвердилась: были две попытки напасть на подразделения органов внутренних дел и захватить их

оружие. Попытки так называемого “Союза офицеров” под руководством Терехова. Обе эти попытки были отбиты. Но я тогда действительно начальнику ГУВД, учитывая то, что мы, помимо чисто милицейских сил, достаточно активно используем служащих внутренних войск, дал команду: по возможности сократить личный состав там, где нет острой необходимости держать его на улицах, в общественных местах и перевести его на укрепление подразделений органов внутренних дел, усилить защиту собственную. Чтобы не дай Бог не было нападения на оружейные комнаты. Или попытки расстрелять дежурный наряд, допустим, с тем, чтобы захватить оружие. Вот отсюда, может быть, и пошла эта путаница. А команда была именно такая. Когда отпала необходимость в этом, значит, сотрудники перешли на обычный режим несения службы. А такой момент действительно был: я отдал этот приказ именно с целью предотвращения нападения на подразделения органов внутренних дел города Москвы с целью попыток захвата оружия».

Милиция охраняла свои оружейные комнаты. Армия официально сохраняла нейтралитет. Именно в этот момент — 3 октября — случилось то, что и должно было случиться. Насыщенный порохом воздух взорвался — достаточно было одной искры.

«На 3 октября была назначена большая акция на Октябрьской площади, — рассказывал позднее в интервью депутат Илья Константинов, главный организатор запрещенного «Фронта национального спасения», убежденный враг Ельцина. — Акция была согласована Моссоветом, но запрещена мэром. Тут было такое противоречие, юридический казус. Запрещена и разрешена одновременно. И я приехал на Октябрьскую площадь днем, 3-го числа; там было, наверное, порядка 10 тысяч человек манифестантов. Приехав туда, я не обнаружил никого из организаторов, заявителей этой акции — ни Анпилова, ни коммунистов, никого. Ни одного человека. Мне сказали, что Анпилов и его товарищи уехали в другое место и собираются проводить акцию на другом конце города. А люди остались на площади. Ну и после некоторых колебаний я решил, что людей надо уводить с площади, и опять нам был оставлен, как и 1 мая 1993 года, не закрытым только маршрут по Ленинскому проспекту в сторону площади Гагарина. Я попытался организовать колонну, у меня был мегафон. Построил колонну. Тут мне сказали, что за оцеплением на другой стороне площади есть еще несколько сот человек демонстрантов, которые не знают, что им делать. И я решил через подземный переход перейти туда с мегафоном и дать объявление о том, чтобы люди уходили. Присоединились

к нам и двигались в сторону площади Гагарина. И в этот момент мне повстречался единственный депутат из нашего Верховного Совета, который попался мне на пути. Это был Виталий Уражцев, один из известных тогда активистов. Он руководил организацией бывших военнослужащих “Щит”. И я очень обрадовался встрече с ним. Я передал ему микрофон и попросил его: “Виталий, руководи колонной пока, и пусть она движется по направлению к площади Гагарина, а мы вас догоним”. Спустился вниз через подземный переход, вернулся обратно через несколько минут вместе с людьми и с удивлением обнаружил, что выстроенная мной колонна развернулась и движется в прямо противоположном направлении к Крымскому мосту. И во главе колонны Уражцев. Уже в каске, с мегафоном, который командует: вперед, вперед, вперед. Я подскочил к нему и говорю: “Виталий, что ты делаешь?” Он говорит — мы двигаемся на прорыв. Я говорю: останови колонну! “Уже поздно. Пошел ты!” И повел людей на прорыв. Ну вот, собственно, и всё. Остановить это движение я уже не мог, я понимал, что будет дальше.

...И дальше мне все было понятно. Я понимал прекрасно, что тут уже всё. Теперь уже будут говорить пулеметы. Но делать нечего, колонна пошла уже на Крымский мост и смела ограждение из двух жиденьких цепей. А первое ограждение, что характерно, которое стояло непосредственно на Октябрьской площади, омовское оцепление, оно расступилось и пропустило колонну. Я понял, что всё. Дальше движение по Садовому кольцу, по направлению к зданию СЭВ, к Белому Дому, колонна обрастала людьми, по мере движения она становилась все многочисленнее, все больше и больше людей, потом их уже стало больше, 50 или 60 тысяч человек в итоге. Колонна подкатилась к зданию СЭВ (там располагалась мэрия Москвы — А. К., Б. М.), где было ограждение из колючей проволоки и поливальных машин, и там, у здания СЭВ, опять прозвучали выстрелы. Стреляли из здания СЭВ, об этом я знаю совершенно точно, потому что рядом со мной человек получил ранение в бедро. Я это видел своими глазами, потому что он буквально шел в двух или трех метрах от меня. Кто стрелял, я не знаю. Кто стрелял, зачем? Затем оцепление это расступилось опять, ОМОНовцы разбежались почему-то, таинственным образом, в поливальных машинах оставили ключи водители зачем-то. Толпа прорвалась к зданию Верховного Совета, всеобщее ликование, ура, мы победили, митинг».

Толпа захватила мэрию, ворвавшись туда, избив милиционеров и охранников. Грузовик протаранил стеклянную дверь мэрии. Было прорвано оцепление и вокруг Белого дома. Захвачен в плен Брагинский, помощник

Лужкова, который дежурил в мэрии.

«Там произошла эта неприятная сцена с Брагинским, — рассказывал Илья Константинов, — когда его волокли из здания мэрии и стали избивать палками. У него из ушей и из носа уже шла кровь, я увидел эту страшную сцену и попытался растащить людей, руками мне это сделать не удалось, вот тогда мне пришлось единственный раз использовать выданное Хасбулатовым оружие, я стрелял в воздух из пистолета и кричал матом страшными словами: “Разойдись, разойдись”, ну разошлись в конце концов, и мои помощники увели Брагинского в здание Верховного Совета. А так я думаю, что его бы прямо на месте и растерзали бы. Очень неприятная сцена, этот самосуд, эти, знаете, старички-боровички с палками суковатыми, которые рвутся ударить: дай мне, дай мне! Это тоже у меня в памяти очень хорошо сохранилось. Жуткая вещь — толпа. Ну а потом... потом, странный и необдуманый призыв Руцкого двигаться в Останкино».

Случилось то, чего так долго ждали в Белом доме, — настоящее «народное восстание». Люди смяли милицейское оцепление на Садовом кольце, смели оцепление вокруг Белого дома, штурмом фактически взяли мэрию. Все были возбуждены. То, о чем говорили все эти дни лидеры Белого дома — Руцкой, Хасбулатов, Макашов, Анпилов: «режим падет», «народ сметет кровавый режим», — все это как бы начало происходить.

Аналогии с августом 1991 года напрашивались сами собой. Ведь и Руцкой, и Хасбулатов в те августовские дни тоже были в Белом доме. Рядом с Ельциным. Они видели, как тогда народ победил — хотя весь город был заполнен войсками.

Но никому из них почему-то не пришло в голову спросить: а что было бы тогда, в августе 1991 года, если бы со стороны защитников Белого дома раздался хоть один выстрел? Если бы был убит хоть один офицер или солдат? Если бы защитники Белого дома начали убивать вооруженных людей?

Разумеется, тогда — в августе 1991-го — оборона Белого дома закончилась бы мгновенно, «живое кольцо» было бы сметено, ГКЧП одержал бы полную победу.

«Тот, кто включал телевизор 3 октября, — пишет Олег Мороз, — где-то после трех-четырёх (часов дня. — А. К., Б. М.), был поражен: на экране толпа избивает милиционеров, омоновцев, солдат, которые выглядят как жалкие котята, куда-то мчатся грузовики с красными флагами, наполненные возбужденными людьми...»

В этот час многие москвичи приникли к радиоприемникам — по «Эхо

Москвы» не было никаких передач, звучала мрачная, тревожная музыка, и лишь иногда включался голос диктора, сообщавшего, что «колонна грузовиков с вооруженными людьми продолжает движение к телецентру в Останкино».

Еще страшнее стало в семнадцать с копейками. Те, кто просто смотрел телевизор (шел футбольный матч «Ротор» — «Спартак»), вдруг увидели перед собой черный экран с белыми буквами — телекомпания прекратила трансляцию «в связи с атакой на телецентр».

Казалось, над городом в этот тихий осенний вечер повисла страшная мгла. Среди бела дня ночь опустилась на город.

А вот как вспоминал эти часы один из предводителей «народного восстания», руководитель «Трудовой России» Виктор Анпилов:

«Вторая колонна восставших (не менее 50 тысяч человек), скандируя “Конституция! Ельцина — на нары! Руцкой — президент! Советский Союз! Ленин! Родина! Социализм!”, двинулась к Дому Советов. Шли скорым шагом. На верхней эстакаде транспортной развязки Садового кольца и Кутузовского проспекта увидели военные грузовики под красными флагами. Еще не понимая, что произошло, колонна закричала “УРА!!!”. Грузовики, автобусы под Андреевскими и красными флагами ждали нас и под мостом на Садовом кольце. “Блокада прорвана, — кричали нам с грузовиков. — Мэрия взята! Вперед, на Останкино!” Не спрашивая позволения, десятки дружеских рук подняли меня и я, песчинка народного восстания, полетел в кузов грузовика. Упал на колени Ильи Константинова. “Витя! — кричал Илья, пытаюсь обнять меня в давке кузова, переполненного людьми. — Мы им вмазали! Ты бы видел, как они бежали! Ельцину — конец! Едем брать Останкино. Колонну ведет Макашов!” По дороге в Останкино нас обгоняют другие грузовики и автобусы с защитниками Дома Советов: наш слишком перегружен. Даже сверху, на тенте сидят люди. Постовые ГАИ отдают нам честь и указывают жезлом в Останкино: “моя милиция меня бережет!” Полная эйфория... Только раз сердце наполнилось недобрым предчувствием. На проспекте Мира мы обогнали остановившуюся армейскую колонну бронетехники. Солдаты и офицеры доброжелательно приветствовали нас. Но почему генерал Макашов не приказал остановиться, чтобы присоединить колонну бронетехники к нам?!»

В это время в Белом доме царил ликование. В шесть вечера продолжил свою работу съезд. Хасбулатов торжественно провозгласил окончание «первого этапа» борьбы с организаторами переворота, сообщил, что «наши» взяли Останкино и главная задача — сегодня же захватить

Кремль. Депутаты закричали «ура!», аплодировали Руслану Имрановичу стоя.

«Первым в 17-й подъезд основного “стеклянного” здания телецентра вошел генерал Макашов и несколько человек из его охраны, — продолжает Виктор Анпилов. — Я зашел в этот же подъезд с мегафоном практически одновременно, сразу же вслед за Макашовым. Охранники, в том числе мой телохранитель Захаров, шли сзади нас. Вторая, внутренняя стеклянная дверь подъезда была наспех забаррикадирована письменными столами, и за ней можно было хорошо видеть вооруженных автоматами Калашникова и снайперскими винтовками спецназовцев в черных масках. “Это ‘Витязи’”, — определил Макашов и, обращаясь ко мне, поставил задачу: “Разагитируй спецназ. Говори, что мы пришли не стрелять, а требовать выступления законного главы государства по телевидению. Без моей команды никаких самостоятельных действий не предпринимать”. Вышел из подъезда и начал обращаться к молодым солдатам внутренних войск МВД, стоявшим в оцеплении по периметру телецентра. Минут через десять оцепление вокруг телецентра сняли, солдат увели. А к телецентру продолжали прибывать автобусы с восставшими. На ступеньках подъезда № 17 начался митинг. Здесь же присутствовали иностранные журналисты многочисленных телевизионных компаний, упрасивавшие дать для них прогноз событий: Венгрия, Германия, Бразилия... После многочисленных интервью меня замучила жажда. У 17-го подъезда стояла автомобильная цистерна с надписью “Вода”. Я залез на цистерну, зачерпнуть воды через верхний люк, и увидел, как к телецентру медленно приближается уставшая колонна “Трудовой России”, преодолевшая пешком 20-километровый путь от Октябрьской площади до телебашни в Останкино. Не успел зачерпнуть воды, как справа у центрального подъезда здания ОТРК *раздался хлопок гранатомета* (курсив наш. — А. К., Б. М.) и началась беспорядочная стрельба».

Да, когда у Останкино появились, наконец, бэтээры бригады внутренних войск, стало страшно. Толпа, которая собралась уже до того, как подошла колонна «Трудовой России», а в ней были и те, кто приехал в колонне от Белого дома, и журналисты, и случайные люди, попала в эпицентр перестрелки. Выстрелом из того самого гранатомета (осколком гранаты) был убит рядовой Ситников, один из офицеров отряда «Витязь», взявшего под охрану телецентр. Сразу раздалось выстрелы с обеих сторон. Толпа попала под огонь. К подъехавшим бэтээрам, которые поначалу стреляли по верху голов, начали подбегать с «коктейлями Молотова». И тогда

очереди из тяжелого пулемета прошили заросли, в которых прятались люди. Под обстрел попали все — и те, кто собирался идти в атаку на телецентр, и те, кто просто был рядом. Последствия этой «атаки» были тяжелыми.

Вот как вспоминал в интервью 2018 года эти события Илья Константинов:

«...Ну а потом странный и необдуманый призыв Руцкого двигаться в Останкино. Я подошел к нему, он уже отдал команду Макашову, но я подошел к нему и стал спрашивать, в чем смысл всех этих мероприятий. Он говорит — надо добиться, чтобы телевидение дало мне эфир. Я должен выступить как президент Российской Федерации и объяснить народу, что происходит в Москве. Надо добиться моего выступления. Поезжай туда же, в Останкино, поезжай и добейся моего выступления. Я на машине поехал в Останкино, подошел, там уже были протестующие, несколько сот человек, подошел к одному из входов и увидел вооруженных спецназовцев с автоматами в масках. Показал свое удостоверение, сказал, что я — депутат и мне нужно поговорить с руководством телеканала, телевидения. Офицер спецназовцев позвонил куда-то по телефону и сказал: с вами никто разговаривать не будет. Затем он снял с предохранителя автомат и сказал: даю вам 3 секунды. Ну вот, собственно, так я и выжил. Потом такие же попытки договориться осуществлял Макашов и столь же безуспешно. Толпа нарастала, людей становилось у здания телецентра все больше и больше. Люди приходили всё новые, новые и новые. И в конце концов собралась толпа, наверное, тысяч 10–15 в итоге. Вооруженных людей там было очень мало, может быть, охрана Макашова. И все остальные были просто с флагами и с черенками от лопат. Многие — с голыми руками. Большинство. Подавляющее большинство. Требовали эфира, рвались внутрь, рвались в здание телецентра. И закончилось это тем, что один из грузовиков, на котором мы приехали, начал таранить ворота телецентра. И вот в этот момент меня кто-то под локоть как бы толкнул, и я понял, что надо встать в проем. Я стоял около окна, прямо напротив у входа. Встал в проем между двумя окнами, большой, полутораметровый проем. И вот как только я встал в этот проем, с одного окна и с другого началась стрельба из автоматов, посыпались пулеметные очереди, стали падать люди, загрохотало и загремело. Была масса случайных жертв».

О таких событиях, конечно, трудно писать объективно — особенно если ты сам не шел в атаку, не прорывался внутрь телецентра. Однако существуют документальные кадры, хроника — люди с оружием идут на

прорыв. И существуют свидетельства тех, кто был внутри и видел, как погиб рядовой Ситников.

Да, «бойню» спровоцировали сами нападавшие. Выстрел из гранатомета для многих из пришедших в тот день к телецентру стал роковым, так же как и попытка поджечь БТР бригады внутренних войск.

Именно в эти часы Гайдар принимает решение звать людей к Моссовету. Вот как он сам описывает эти события.

«И вот телеэкрэн “Останкино” гаснет. Значит, дела совсем плохи...

На 19.30 Черномырдин назначил заседание правительства. Но оно почему-то никак не начнется. Министры переминаются с ноги на ногу около дверей малого зала на пятом этаже, вполголоса обмениваются информацией. Или слухами? Говорят, что вроде бы занят Дом радио возле Смоленской площади. И еще — что-то у Министерства связи захватили. И какой-то объект Министерства топлива и энергетики.

Невольно в памяти возникает знакомая по мемуарам атмосфера последнего заседания Временного правительства. Вспомнил Владимира Набокова: “В зале находились все министры, за исключением Н. М. Кишкина... Министры группировались кучками, одни ходили взад и вперед по залу, другие стояли у окна, — С. Н. Третьяков сел рядом со мной и стал с негодованием говорить, что Керенский их бросил и предал, что положение безнадежное. Другие говорили, что стоит только ‘продержаться’ 48 часов — и подоспеют идущие к Петербургу верные правительству войска”».

«Ловлю себя на том, что осмысляю события в терминах Февраля и Октября 1917 года» — помните эту его мысль? Память у Гайдара хорошая, нет, это не позднейшие его домыслы, цитата из Набокова-старшего (в своей книге Гайдар даже не уточняет, что это отец знаменитого писателя, один из руководителей Временного правительства) наверняка всплывает в этот момент в его голове.

«...Вечером 3 октября на Старой площади было нечто очень похожее, — продолжает Гайдар. — Больше всего удивился сообщению о захвате Государственного таможенного комитета. Подумал: это зачем? Только позже узнал о “Списке Руцкого”. Именно на таможенников он возлагал задачу задержать на границе членов правительства, которые, по его представлению, конечно же, должны были вот-вот ринуться за рубеж. Арестовать и немедленно доставить на суд и расправу в Белый дом. Впрочем, хотя список, начиная с председателя Совета министров, был весьма обширным и включал в себя многих заметных деятелей, фамилии президента, министра обороны и моя в нем не значились. Видимо, эту

троицу везти далеко не предполагалось.

Кажется, заседание еще так и не началось, когда на экране телевизора появился Юрий Лужков. Призвал москвичей к порядку и спокойствию. Помоему, сказал совершенно не то, что требовала ситуация. Кто, собственно говоря, должен соблюдать порядок и спокойствие? Боевики, продолжающие штурм телецентра? Или граждане России, у которых в эту ночь вновь похищают свободу? К порядку и спокойствию можно было бы призывать, будучи уверенными, что верные президенту войска есть и выполняют приказ. Ну а сейчас, когда в Москве решается судьба страны, посылать мужиков, как малых детишек, в постели было по меньшей мере нелепо. Наоборот, необходимо опереться на поддержку своего народа, уже дважды, в августе 1991-го и в апреле 1993-го, ясно показавшего, что он выбрал свободу.

Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. В первую очередь звоню Сергею Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. Смелый, решительный человек, на которого можно положиться в такую минуту. Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской обороны имеется в районе Москвы, и, на случай крайней необходимости, срочно подготовить к выдаче 1000 автоматов с боезапасом. По голосу чувствую: переживает, прекрасно понимает огромную ответственность. Вместе с тем ясно, что поручение правительства выполнит.

Связываюсь с Виктором Ериным. Говорю: если не призовем народ, дело кончится плохо. Он согласен, обещает помочь всем, чем сможет.

Звоню президенту, говорю, что считаю целесообразным обратиться за поддержкой к народу. Он тоже согласен.

Даю команду А. Долгалеву сосредоточить своих дружинников у Моссовета (организация «народных дружинников» продолжала существовать и в постсоветское время. — А. К., Б. М.). Прошу бизнесменов, имеющих свои охранные структуры, по мере сил поддержать обученными людьми.

Иду в кабинет премьера. В коридорах самого начальственного, обычно чинного пятого этажа суетятся растерянные работники аппарата. Один подскакивает ко мне, буквально кричит: “Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перережут!”

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. До отъезда успеваю в своем кабинете записать небольшое выступление для “Эхо Москвы”, беру с собой Аркадия Мурашева, коллегу по “Выбору России”, бывшего начальника московской милиции».

Но куда же отправился Гайдар? Ведь «Останкино» в огне, на всех каналах — черный экран с белыми буквами.

В этот момент, после восьми вечера, началась трансляция из резервной студии Российского телевидения на 5-й улице Ямского Поля (неподалеку от улицы Правды). Студия совсем небольшая, организована на случай ЧП (читай — ядерной войны) еще в советское время. Вот и пригодилась.

Сигнал транслируется из Шаболовки.

Телевизоры снова включились. Народ вздохнул с облегчением. Хотя сочувствовали Ельцину и Гайдару далеко не все, но все же хоть какая-то информация появилась.

«Итак, мы начали выходить с 5-й улицы Ямского Поля, — рассказывал Александр Нехорошев, руководитель информационного вещания Российского телевидения. — Часам к десяти здесь собрались почти все, кто мог прийти, приползти, прилететь. Часам к одиннадцати до нас добралась та смена, которая была в “Останкино”. Я собирался выпускать программу раз в час, но нам это не удалось — мы выходили с интервалом час тридцать, час сорок пять... Между десятью и одиннадцатью возникло драматическое ощущение в связи с тем, что у нас нет слова властей. Правда, вскоре выступил Егор Гайдар, но, чего скрывать, нам было нужно слово Ельцина. Мы пытались его получить, но нам ответили, что президент выступит позже...»

Интересные были эти часы — когда вся страна замерла, застыла в ожидании, впитывая каждое слово. В полночь к ведущим «Вестей» присоединилась Светлана Сорокина.

Среди ночи в студии появился Григорий Явлинский. Он также призвал президента к решительным действиям.

Ведущий «Взгляда» Александр Любимов, напротив, призвал всех оставаться дома, соблюдать спокойствие — это, мол, не наша борьба.

Всем запомнилось выступление артистки Лии Ахеджаковой:

«Друзья мои! Пожалуйста, не спите! Пожалуйста, не спите сегодня ночью! Проснитесь! Сегодня ночью решается судьба нашей бедной России, нашей несчастной Отчизны. Наша Россия в опасности. Нам уготована страшная судьба. Коммунисты идут».

Эти исторические кадры вошли в экспозицию музея Ельцина в Екатеринбурге. На них отчетливо видно, что рядом с Ахеджаковой сидит певец Юрий Лоза и недовольно смотрит вбок. Наконец в студию вошел Егор Гайдар.

Перед тем, как обратиться к соотечественникам, он попросил оставить

его одного на пару минут. Хотел настроиться.

«Уже перед объективом телекамеры попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. Нетрудно понять, какую страшную ответственность за их жизни беру на себя. И все же выхода нет. Много раз перечитывая документы и мемуары о 1917 годе, ловил себя на мысли о том, что не понимаю, как могли десятки тысяч интеллигентных, честнейших петербуржцев, в том числе многие офицеры, так легко позволить захватить власть не слишком большой группе экстремистов? Почему все ждали спасения от кого-то другого: от Временного правительства, Керенского, Корнилова, Краснова? Чем все это кончилось, известно. Наверное, эта мысль — главное, что перевешивает все сомнения и колебания. И потому выступаю без колебаний, с сознанием полной своей правоты».

Вот что сказал Гайдар в эту ночь:

«Те, кто избрал путь вооруженной конфронтации, готовы перейти реку крови, чтобы сохранить власть, чтобы восстановить старый тоталитарный режим и снова забрать у нас нашу свободу... Сегодня мы не можем перекладывать ответственность за будущее демократии, за будущее России и за будущее нашей свободы только на милицию, Министерство внутренних дел и так называемые силовые структуры. Сегодня должен сказать свое слово народ России, должны сказать свое слово москвичи и все те, кого заботят свобода нашей страны и ее демократическое будущее.

Мы призываем всех, кто готов поддержать российскую демократию в этот трудный момент, прийти ей на помощь, собраться возле здания Моссовета и встать всем вместе на защиту нашего будущего и будущего наших детей, не позволить, чтобы наша страна вновь превратилась в огромный концентрационный лагерь на грядущие десятилетия».

«Мои силовые структуры включали трех охранников, причем шеф моей охраны, только что назначенный, сбежал 3-го числа» — так Гайдар потом отвечал на вопрос о том, был ли у него в дни противостояния с парламентом «контроль над силовыми структурами».

Он говорил в студии спокойно, даже задумчиво:

«Мы надеялись, что удастся избежать вовлечения граждан в это противостояние. Вместе с тем, к сожалению, ситуация продолжает обостряться. У “Останкино” идет бой, противоположная сторона применяет гранатомет, тяжелый пулемет; пытаются захватить узлы связи, средства массовой информации, добиться силового установления контроля в городе. Правительство предпринимает усилия с тем, чтобы подтянуть

силы, необходимые для того, чтобы остановить успех реваншистов. Но надо сказать честно: сегодня вечером нам нужна поддержка.

Наше будущее в наших руках. Если мы его проиграем, нам не на кого будет пенять, кроме как на нас самих... Я верю в наше мужество, я верю в здравый смысл нашего общества, верю в то, что мы просто не можем сегодня проиграть».

У Моссовета еще раньше стали собираться люди. Вдохновленные призывом Гайдара, они начали прибывать на Тверскую, 13.

Итак, что же это за место — «у Моссовета»?

Почему было выбрано именно оно?

...В 1918 году памятник генералу Скобелеву, воздвигнутый еще в XIX веке, был снесен, и на его месте появилась Свобода — монумент, чем-то отдаленно напоминающий американскую статую Свободы, — женщина с поднятой рукой, символизирующая освобождение человечества от буржуазного гнета.

Место для Свободы (ставшей, кстати, официальным символом Москвы на долгие годы) было выбрано не случайно. На месте памятника Скобелеву, а потом — Свободе долгие годы стояла московская гауптвахта, знаменитое место, куда начиная аж с XVIII века отправляли арестованных — в том числе политических. По традиции гауптвахта в европейских городах возникала неподалеку от центра городской власти — в данном случае она стояла на Тверской прямо под окнами генерал-губернаторского дома, тоже постройки XVIII века, позднее, уже в сталинские годы, превратившегося в Моссовет, с надстроеными этажами и огромным советским гербом на фасаде.

Здесь же, на площади у Моссовета, в 80-е годы XIX века состоялось самое знаменитое и массовое выступление московских студентов против полиции (так называемая «битва при Берлине», вошедшая в московский фольклор; «Берлином» звалась гостиница, затем также надстроенная и превратившаяся в помпезный сталинский дом с рестораном «Арагви» на первом этаже). Студенты собирались отбить у полиции своих товарищей, зачинщиков беспорядков, которых препровождали как раз в эту самую гауптвахту. В 1947-м на месте монумента московской Свободе возник стоящий и ныне памятник основателю Москвы — Юрию Долгорукому.

Однако «гений места» не мог испариться бесследно — свобода витает в нем в качестве исторического духа, даже, может быть, привидения. Ни державный Кремль (а отсюда до него рукой подать), ни дома на бывшей улице Горького, населенные советской элитой — артистами, музыкантами,

академиками и генералами, ни помпезный Моссовет не смогли его уничтожить.

Удивительно, но это слово — «свобода» — огненными буквами невидимо алело и на тех, и на других знаменах в октябре 1993 года. «За свободу» призывал москвичей встать на защиту демократии Егор Гайдар. «За свободу» — понимаемую именно так, как власть толпы, — шел на автоматы депутат Илья Константинов.

И тот и другой готовы были рисковать жизнью.

Показательно и то, что все главные события вечером 3 октября происходили вокруг телевидения — неудавшийся захват «Останкино», ночная «партизанская» трансляция с 5-й улицы Ямского Поля, выступление Гайдара, давшее старт митингу у Моссовета...

Телевидение и стало той гигантской пустынной площадью, на которой решалась судьба страны. На этой площади стояли люди — от Калининграда до Чукотки — и ждали, что скажет Москва. И Гайдар первым вышел на эту виртуальную площадь.

«После телеобращения едем к Моссовету. Еще недавно проезжал мимо, видели у подъезда маленькую кучку дружинников. Теперь набухающими людскими ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, снизу от гостиницы “Москва” площадь заполняется народом. Вот они — здесь! И уже строят баррикады, разжигают костры. Знают, что происходит в городе, только что видели на экранах телевизоров бой у “Останкино”. Костерят власть, демократов, наверное — и меня, ругают за то, что не сумели, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла, сами справиться с подонками. Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету. Офицерские десятки, готовые в случае нужды взять оружие в руки, уже строятся возле памятника Юрию Долгорукому. Но это — на крайний случай. Крепко надеюсь, что оружие не понадобится. Толпа напоминает ту, в которой стоял в августе 1991 года, заслоня Белый дом. Те же глаза. Добрые, интеллигентные лица. Но, пожалуй, настроение еще более суровое, напряженное. Где-то среди них мой отец, брат, племянник. Наверняка знаю, здесь множество друзей, соратников, однокашников.

Еще раз выступаю у Моссовета и на машине — к Спасской башне. Там еще одно место сбора. Из окна машины вижу, как пробудилась, преобразилась Москва. Множество народа, полыхают костры, кое-где звучат песни, видны шеренги дружин. Собравшись вместе, люди ощутили свою силу, почувствовали уверенность».

В этот день он выступал трижды — на радио «Эхо Москвы», по

Российскому телевидению, здесь, у Моссовета.

В последний раз — глядя не в черный микрофон или в глазок телекамеры, а просто — в темноту, с пылающими кострами, пытаюсь разглядеть в толпе «своих».

А «свои» в толпе были. Где-то здесь были Нечаев, Гозман, многие члены гайдаровской команды.

Где-то здесь был отец, Тимур Гайдар. Брат Никита Бажов (сын Ариадны Павловны от первого брака). Сын Егора Петр.

Да, в общем-то, все здесь были «свои».

Многие возмущались этим призывом. У Гайдара же, который видел нерешительность армии и правоохранительных структур, и тогда, и потом не было сомнений в своей правоте: «Кто, собственно, собирался брать Останкино, интересно? Кто мэрию брал? Не баркашовцы ли со свастикой? И в этой ситуации не принять мер для того, чтобы не позволить людям со свастикой захватить власть в ядерной стране, — на мой взгляд, безответственная халатность и преступление».

В диалоге — весьма непросто — со слушателями «Эха Москвы» он объяснял позднее: «Я много чего делал в своей жизни. Раздавал оружие в Осетии в 1992 году во время конфликта. У меня длинная жизнь с массой сложных моментов. Цены размораживал... Ничего подобного тому, что я сделал 3 октября 1993 года, когда действительно позвал людей, включая своего отца, брата, племянника, родственников, знакомых, которые у меня все оказались. Ничего более страшного я не делал».

Армия же, по словам Егора, не хотела вмешиваться: «В этот момент у всех генералов отключаются телефоны, они все тяжело болеют. Они все на бюллетене. У всех тяжелые проблемы со связью».

И еще о губернаторах: «Ходят по кабинетам такие вальяжные, я бы сказал, просто величественные губернаторы. Огромные, важные люди. Потом 4-е число наступает. Их собирают на совещание на Старой площади, в 6-м подъезде, приходит шеф секретариата Черномырдина (судя по всему, это Геннадий Петелин, человек Виктора Степановича еще с «газпромских» времен. — А. К., Б. М.) и говорит: так, кто тут собрался-то? Пошли все вон, к чертовой матери. Таких-то и таких-то просьба остаться. Они: спасибо большое, огромное спасибо, что сказали, куда надо идти, мы-то не знали, куда надо идти, а теперь поняли».

Как потом вспоминал Чубайс, Егор обратил его внимание: «Посмотри, губернаторы даже меньше ростом стали».

А спустя год после октябрьских событий в одной из статей Гайдар

напишет: «Если сравнить с тем же 1905 годом: расстрелять безоружную толпу — варварство, преступление. Подавить вооруженный мятеж — горькая, но безусловная обязанность власти».

Историк Михаил Гефтер в 1993 году входил в Президентский совет. Он принадлежал к той части интеллигенции, которая не приняла события 1993 года как «победу демократии». В своих беседах с Глебом Павловским Гефтер охарактеризовал события октября 93-го как кризис и даже крах демократии. В сердцах бросил раздраженно: «Почему я должен прийти в восторг от того, что Гайдар выводил безоружных на улицу?» А на другой странице книги сравнил события 1993 года с событиями в Вильнюсе и Баку, которые, по его мнению, «разогревал» Горбачев: «Теперь русские воюют против русских».

Гайдар знал — его речь 3 октября, когда он призвал людей на улицы, вовсе не будет «принята с восторгом». Его до конца дней будут упрекать в жестокости. Но он делал это не для того, чтобы «вызвать восторг», а для того, чтобы остановить гражданскую войну.

Не допустить того, чтобы «русские воевали против русских».

Его речь была ключевым событием того дня. С того момента, как возле Моссовета начали формироваться «офицерские десятки», в самом Моссовете — раздавать автоматы, с того момента, как добровольцы перекрыли Тверскую, чтобы не допустить к Кремлю боевиков Макашова, — ситуация изменилась в корне.

Если раньше армия не хотела вмешиваться в события, чтобы «не стрелять в народ», то сейчас она была вынуждена вмешаться, чтобы остановить гражданскую войну.

Война готова была вспыхнуть — и не только в Москве.

Вот как оценивал ситуацию 1993 года министр обороны Павел Грачев (в беседе с Петром Авеном и Альфредом Кохом):

«Что важное? Ну, первое — это, конечно, неудавшийся ГКЧП и переворот, почти гражданская война. Она уже была вот-вот, как в 1991-м, так и в 1993 году. Однозначно. Особенно в 1993-м. Потому что тогда уже стихийно во всей стране складывались группировки. В 1991-м первые — за ГКЧП, вторые — за Ельцина; в 1993 году одни за Хасбулатова — Руцкого, а другая, противоположная, сторона — опять за Ельцина. Поэтому страна стояла на краю гражданской войны. И только, я считаю, решительные действия вооруженных сил не позволили разразиться этой войне.

...В 1993 году только решительные действия Вооруженных сил в плане удара из танка шестью инертными снарядами по Белому дому и

пленение всех этих ребят: и Руцкого, и Хасбулатова, и других... предотвратили начало всероссийской гражданской войны. Почему? Потому что руководители на местах, да и некоторые военные были в то время в режиме ожидания. Кто победит? И если бы другая сторона победила, началась бы сразу драка».

Не все знают, что по Белому дому стреляли именно холостыми (инертными, как говорит Грачев) зарядами. Не все знают, как именно к этому решению пришли — чтобы избежать лишних жертв.

«Ну, я говорю, — продолжает Грачев, — “Борис Николаевич, конечно, выполню. Что надо сделать-то?” — “Захватить всех этих ребят”. Ну, я ему говорю: “Борис Николаевич, у меня 119 полк стоит парашютно-десантный у Белого дома. Проблем нет”. Хотя снайперов много там, и справа, и слева. Там дома кругом, а крыши все были заняты этими снайперами... Я говорю: “Проблем нет, но понесем потери”. — “Что ты предлагаешь?” Я говорю: “Я предлагаю пугнуть их”. — “А как?” Я говорю: “Да я выведу танк на прямую наводку и инертными пиз...ану несколько раз. Они сами разбегутся кто куда. По крайней мере, они спустятся вниз в подвалы, снайпера тоже убегут после этих снарядов, а там в подвалах мы их разыщем”. — “Добро”. Ну, я вывожу танк на этот мост возле “Украины”, сам подхожу к танку, сажаю как наводчика-оператора капитана, за механика-водителя старшего лейтенанта, подхожу к танку, пули так цокают — цок, цок, цок. “На излете, — думаю, — не достанут”... “Попадете?”... “Товарищ министр, только со стрельб танк, нормальный”. — “А есть снаряды?” — “Боевые или какие?” — “Какие боевые? Ты че, сдурел? Болванки давайте”».

Вот с помощью этих болванок и была решена историческая судьба России.

Не все знают, что решение это далось Грачеву крайне непросто. Ельцину пришлось самому приезжать на заседание коллегии Министерства обороны, чтобы добиться вмешательства армии. Грачев попросил письменный приказ. Ельцин уехал с Арбата, обещав приказ прислать. Потом уже было не до приказа.

Операция началась утром. Вокруг Белого дома зазвучали выстрелы. И, наконец, на мост выкатились танки.

«4 октября — это была война. Стреляли снаружи, стреляли изнутри, потом удивительно, очень быстро привыкаешь к автоматным очередям, — вспоминала в интервью Вероника Куцылло. — Но невозможно привыкнуть к выстрелам из танков. Это просто... Наверное, это самое страшное.

Потому, что хотя стреляли по верхним этажам, естественно, никто не целил в 3-й или в этажи, где находилось много людей, но просто каждый выстрел — это сотрясается весь Белый дом. Ощущение, что он сейчас сложится, как карточный домик. Пожалуй, это самое тяжелое было».

После первых выстрелов пришел парламентар — офицер подразделения «Альфа».

«Можно было в какие-то моменты выйти, потому что в стрельбе наступали перерывы. Приходили парламентарии с той стороны. Очень достойно вела себя “Альфа”. В какой-то момент в этот зал Совета национальностей пришел — я уже точно не помню, он представился, по моему, старший лейтенант или капитан, я не помню сейчас, какое звание, — пришел человек, альфовец, без оружия, и просто он выступил перед депутатами и сказал, что он готов вывести женщин и детей, и всех, кто захочет выйти. И в это время не будут стрелять. И я помню, что многих женщин и детей, даже часть мужчин, там находившихся, удалось вывести через 1-й подъезд. Тот, который со стороны набережной, они выходили и все было хорошо. Просто ушли далеко не все», — вспоминает Вероника.

По-другому запомнились эти страшные часы депутату, одному из авторов российской Конституции Олегу Румянцеву. Он был тогда на стороне Верховного Совета:

«Я был последним депутатом, который вышел из Дома Советов. Так получилось, что всех депутатов увезли на автобусе, и люди позабыли, что есть Руцкой, есть Хасбулатов... Я сначала пошел к Руцкому, который сказал, что сейчас уже всё, он готов покончить жизнь самоубийством. Убедил Александра, моего товарища старшего, не делать этих глупостей, вышел навстречу группе “Альфа”, встретил полковника Проценко, он шел безоружный, шел один. Сказал, что здесь кабинет Руцкого, и я организовал мирную сдачу, сохранил ему жизнь. Потом пошел к Хасбулатову, помог ему одеться, одел на него плащ. Он был белее полотна. Спустились вместе к центральному подъезду, и там стоял рафик с Коржаковым, который их ждал. Мы стали садиться в этот рафик, и Саша Коржаков мне показал — останься, не садись. Позже я узнал, что была дана команда ликвидировать этих лиц — Руцкого и Хасбулатова по дороге, при попытке к бегству. Но, слава Богу, этого не случилось. Я надеюсь, что тот человек, который такой приказ отдал, его фамилия известна, но это на его совести... Это был не Ельцин. Коржаков мне сказал: не садись. (Слухи «о приказе к ликвидации» позднее активно распространял сам Коржаков. Никаких других подтверждений этому ни в мемуарах, ни в литературе нет. — А. К., Б. М.) Я потом, последним из депутатов, еще с двумя депутатами и с охранниками

Руцкого пошел к домам, в сторону улицы Николаева. Мы как-то дошли до этих домов, и там людей, которые проходили через сито оцепления, раздевали, избивали, это было страшное зрелище».

Вооруженные защитники Белого дома сдались, но далеко не все. Бой продолжался несколько часов. Несколько дней после штурма по всей Москве звучали автоматные очереди. Всего погибло 158 человек; цифры за долгие годы не изменились, никто новых фамилий не предъявил. Среди погибших — 27 милиционеров и военнослужащих.

Много страшных историй о том дне, 4 октября.

Однако сухие факты таковы — из депутатов никто не пострадал. Кому-то, как говорит Румянцев, сломали ключицу, кому-то намяли бока. Эмоции были раскалены. Всех зачинщиков мятежа отвезли в «Лефортово». Депутат Константинов ожидал немедленного расстрела. Того же ожидали и Руцкой с Хасбулатовым. Тем не менее их по амнистии вновь избранной Государственной думы выпустили уже в феврале 1994 года. Остальные депутаты тем же вечером были дома.

Жизнь продолжалась. Двоевластие было преодолено. Конституция принята. Началась совершенно иная эпоха в жизни страны — эпоха, как тогда казалось, строительства *новой* жизни. Строительная, позитивная, плодотворная эпоха. 1993 год стал границей, за которой революция (и контрреволюция) закончилась. Правда, цена за этот переход оказалась высокой.

...Шрам от этих событий, конечно, остался у каждого. Может быть, наиболее сильным он был у Ельцина.

«Нас всех опалило страшное дыхание гражданской войны», — сказал в те дни Борис Николаевич, выступая по телевидению. Было видно, что для него эти слова — не фигура речи.

А пока — пора было возвращаться к работе.

Глава девятая. Вторая республика

Раз в год Государственная публичная историческая библиотека устраивает нечто вроде распродажи книг из своих фондов — по дешевке, за какие-нибудь 50 рублей можно купить на этих развалах очень редкую книгу. Редкую, или, мягко говоря, морально устаревшую, если судить по цене, или не очень востребованную. На этих развалах лежала и удивительное издание под немного странным названием: «*Кто есть кто. Политическая Москва 1993*».

Это толстый справочник, в котором помимо разделов, посвященных описанию всех фракций Съезда народных депутатов РСФСР, структуры Верховного Совета, элементов тогдашней исполнительной власти, отдельную главу составители сборника посвятили политическим партиям Российской Федерации. Глава называется так: «Политические партии, движения, блоки, союзы». На пожелтевшей от времени бумаге, со старомодными шрифтами мы можем откопать бесценную информацию — какие были созданы партии сразу после падения Советского Союза и мгновенного упразднения КПСС. Кто их возглавлял, сколько там было членов и что же именно сами основатели считали важным, то есть как они формулировали свои программы; есть в справочнике даже их контактные данные — иногда адрес, иногда абонентский ящик, иногда и телефон, указаны названия газет, которые являются «органами партии» (никаких интернет-сайтов в 1993 году еще нет и в помине); порой присутствуют довольно подробные биографии или анкетные данные основателей...

Всего в этом разделе поместилось более пятидесяти политических партий, блоков и движений, и список, конечно, далеко не полный.

Нужно понимать при этом, что в ту эпоху политические партии создавались искренне и неформально, вполне анархически. Не в расчете на какие-то госбюджеты и субсидии, их не было в принципе, не с оглядкой на президентскую администрацию или ФСБ-КГБ.

Создание партий было в полном смысле этого слова — гражданской инициативой, то есть инициативой свободных граждан. На свои собственные деньги они арендовали помещения, печатали листовки и программные документы, украшали сцену, если было чем украсить. И в этом были и сила, и слабость вдруг расцветшего всеми цветами радуги политического ландшафта.

Из книги «*Кто есть кто*» можно извлечь не только образчики

политической «орфографии и пунктуации» той эпохи, но и извлечь имена политиков начала 90-х. Имена тех самых людей, которые формировали этот ландшафт, у которых уже были если не всесоюзные или всероссийские, то хотя бы минимальные вес, известность, авторитет, биография.

Каждый из них пытался создать свою собственную партию, многие входили даже не в одно, а в несколько политических объединений. Каждый из них редактировал или писал устав, программу, основные партийные документы. Сам крутил или нажимал кнопки городского телефона, собирая народ.

Минюст регистрировал — золотые были времена — практически всех. Заглянем в список этих имен.

«Всесоюзная коммунистическая партия большевиков» — среди организаторов первую скрипку играет Нина Андреева, та самая знаменитая преподавательница из Ленинграда, чья статья «Не могу поступаться принципами» в «Советской России» в 1988 году так потрясла Горбачева, что он понял: раскол в политбюро возможен. И это повлекло за собой далеко идущие последствия для всех участников процесса.

«Гражданский союз», куда входят сразу несколько партий и движений, в частности, «Обновление» во главе с Аркадием Вольским и Александром Владиславлевым — наиболее мощная тогда лоббистская партия. Еще в 1991 году гайдаровцы считали Вольского вероятным претендентом на пост премьер-министра, главным спикером корпуса «красных директоров», в дальнейшем же Аркадий Иванович создал Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «профсоюз олигархов», который благополучно существует и по сию пору.

«Движение демократических реформ». Это совсем другая история: его создали видные горбачевские демократы; «на учредительном съезде сопредседателями ДДР избраны А. Яковлев, Э. Шеварднадзе (бывшие члены политбюро, ближайшие сподвижники Горбачева), С. Шаталин (видный академик-экономист, учитель и бывший начальник и Гайдара, и Явлинского), А. Собчак, Г. Попов (соответственно, первые демократически избранные мэры Ленинграда и Москвы), А. Вольский (тот же «Гражданский союз»), В. Шостаковский (республиканцы). Уф, какая статусная компания.

«Демократическая партия России». Николай Ильич Травкин, блестящий оратор, запомнившийся остроумием и народными афоризмами на всех съездах народных депутатов. Тоже демократ, и тоже — как и предыдущая горбачевская когорта — принципиальный оппонент Егора Гайдара.

«Демократическая Россия». Вот она, опора Ельцина на российском съезде, радикальные демократы новой эпохи, правозащитники и диссиденты; о них и о их позиции мы позднее расскажем подробнее, а пока перечислим сопредседателей партии на тот момент — Лев Пономарев, отец Глеб Якунин, В. С. Смирнов. Среди членов совета партии — Галина Старовойтова, В. Шейнис (позднее вошедший в «Яблоко»), В. Волков, А. Шабад. Бескомпромиссные, горячие, принципиальные люди. Совсем не политики.

«Комитет за рабочую демократию и международный социализм». Как гласит справочник, по словам одного из лидеров комитета Сергея Биеца, основой создаваемой партии является «идейно-теоретическая база, которую мы называем революционной традицией Маркса-Энгельса-Ленина-Троцкого».

Первые, но возможно, не последние троцкисты в нашем политическом ландшафте. Кто такой был этот Биец, что он был за идейный троцкист, узнать теперь уже непросто... Хотя адрес основателя по улице Народного Ополчения, номер дома и квартиры — в справочнике для истории остались.

«Консервативная партия», отколовшаяся в свое время от «Демократического союза» Новодворской. Председатель — Лев Убожко, диссидент, жертва карательной психиатрии, сидел по антисоветской 190-й статье в тюрьмах и психушках с 1970 года. Реабилитирован только в 1991-м.

«Крестьянская партия России». Председатель — один из ярких экономических публицистов советской и горбачевской эпохи, человек открытой широкой души и громогласный создатель фермерского движения Юрий Черниченко. Без его статей о колхозах и о земле «коллективный Сахаров», конечно, свою работу бы никогда не сделал.

Либерально-демократическая партия Советского Союза (именно так она называлась в 1993 году). Владимир Вольфович Жириновский. О себе основатель партии указывает следующие сведения: «владеет английским, французским, немецким и турецким языками. Работал в различных общественных, государственных и кооперативных организациях. Последние 7 лет возглавлял юридическую службу издательства “Мир”... Женат. Имеет сына». «Продвинутый» какими-то могущественными союзными структурами на выборы президента России еще в 1991 году как оппонент Ельцина, Жириновский уже тогда собрал 6,2 миллиона голосов на эксплуатации черносотенного лозунга «Россия для русских».

Партия вице-президента Руцкого (Народная партия Свободная Россия). Партия бывших следователей Генеральной прокуратуры Гдьяна и

Иванова, прославившихся «антикоррупционной» статьей в «Огоньке» (их партия называется просто и без затей «Народная»). ... А вот обличители Горбачева и Ельцина, уже тогда требующие привлечь их к суду за «развал Союза», — Виктор Алкснис, Сергей Бабурин, Александр Проханов, Илья Константинов, Михаил Астафьев, Николай Лысенко и, кстати, будущий глава «Роскосмоса» Дмитрий Рогозин, объединившиеся в «Народно-патриотический союз».

«Партия экономической свободы» Константина Борового...

И все это разнообразие, все эти пятьдесят или сто пятьдесят политических партий, весь этот разноцветный ландшафт Ельцину предстояло пропустить через сито выборов. Из всех этих странных, невообразимо разных, абсолютно несовместимых людей сформировать новый парламент. Задача, прямо скажем, непростая.

Впрочем, как и все задачи, которые приходилось тогда им решать, — и Ельцину, и Гайдару, и всем, кто был рядом с ними. Все эти задачи были исторического масштаба.

Но каким же образом Егор, всегда чуравшийся публичной политики, всегда стремившийся уходить от «избыточного общения с людьми», оказался внутри этой каши?

Помните, когда Ельцин снова позвал его в правительство, в августе 1993-го, он почему-то находился в Воронеже? Что он там делал? Встречался с местным политическим активом будущей партии «Демвыбор России». Создавал региональные отделения. То есть Гайдар уже создавал партию летом 1993 года. Зачем ему это было нужно?

В мемуарах он об этом умалчивает, но ясно, что и в Воронеже, и в эти же дни в Ростове-на-Дону он оказался не просто так. Во-первых, Гайдар и сам видел, что Ельцин совершает крутой поворот: от политики уступок съезду и компромисса, от «сдачи» правительства реформ на съедение популистам-депутатам президент идет к новому витку борьбы. И во-вторых, Гайдар не мог не получить от самого Ельцина ясного и четкого сигнала — идти на выборы нужно.

И вот здесь мы должны всмотреться еще раз в параметры и возможности той ельцинской Конституции 1993 года — еще не переписанной и не перелицованной. Какое устройство страны она обещала? Что, вообще говоря, предполагалось ее создателями в качестве разделения властей?

Если говорить о прототипах, то эти идеи скорее были ближе французской, нежели американской системе власти — да, сильный президент как основная политическая фигура, но в то же время и важный,

то есть избирающий премьера на основе результатов выборов, парламент. В дальнейшем, после стрельбы в октябре 1993 года, это соотношение несколько изменилось, роль парламента была ослаблена, но тем не менее идеи остались прежними — парламент непосредственно участвует в создании правительства, а не только законов.

Таким образом, Гайдар, создавая партию, уже понимал, что в случае успеха на выборах — глава этой партии, по новой Конституции, совершенно очевидно претендует на важный пост в правительстве.

Гайдар вовсе не хотел абстрактно «заниматься политикой», выбираться в Думу, и так далее — нет, он хотел продолжить начатое им дело.

Продолжить, с уже новыми, четкими, ясными полномочиями. Именно это в первую очередь двигало им при создании партии «Демвыбор России» и блока «Выбор России» в 1993 году.

Он хотел довести до конца приватизацию и оздоровление государственных финансов, создание институтов частной собственности, принятие неотложных законов, которые помогут запустить новую экономику. Именно для этого он и пошел на выборы, надеясь, что они — выборы 1993 года — все исправят и вернут ситуацию к «нормальной».

Собирался ли он работать в новом правительстве вместе с Виктором Черномырдиным? Неизвестно. Сам он нигде об этом не говорит, другие молчат тоже. Поразмышляем.

Идеальный вариант — убедить Ельцина после выборов вернуть его на пост премьера. Неидеальный — быть первым «вице», целиком отвечающим за экономику, оставив премьеру Черномырдину лишь координацию разных блоков правительства. Короче говоря, Гайдар, создавая партию и блок под новые выборы (о которых он уже точно знал), собирался работать именно в правительстве, а не в Думе. Имея при этом в парламенте мощную поддержку реформаторского курса.

Но была еще одна, не столь очевидная причина, по которой Егор начал заниматься «чистой политикой», пусть даже на этом коротком отрезке своей жизни. Он не раз сравнивал события октября 1993 года с событиями 1917-го — и в интервью Владимиру Мау, и в мемуарах, где просто по памяти обильно цитировал члена Временного правительства Владимира Набокова-старшего, и в целой серии более поздних работ и интервью.

Гайдар вырос в думающей, интеллигентной семье, он любил историю. Он не мог не сравнивать один и другой политический кризис, одну и другую революцию, одну и другую ситуацию исторического поворота.

Еще раз обратимся к нашему бесценному источнику — справочнику «Кто есть кто», купленному на распродаже в Исторической библиотеке. О

чем говорит нам эта книга?

За всеми громкими декларациями, программами, призывами, сгоревшими в огне 90-х политическими репутациями, за бесконечным перечислением новых партий и движений мы ощущаем подлинную, страстную потребность общества к изменениям.

Именно так и было в феврале 1917 года и позднее, когда проводились выборы в Учредительное собрание. Когда шли такие же бесконечные митинги и собрания граждан по всей стране (например, в уральском Камышлове, где в президиумах заседал дед Егора П. П. Бажов). Когда рождались новые партии, провозглашались новые идеи, формировалась новая политическая культура.

Но, увы, эта первая российская республика просуществовала совсем недолго. Несколько месяцев. Большевистский переворот и последовавшая гражданская война поставили на ней крест.

Тем не менее республика эта была. И цитируя в своих мемуарах Набокова-старшего, Гайдар совершенно очевидным образом протягивает ниточку оттуда, из 1917 года, от учредителей этой несостоявшейся, увы, первой российской республики — к себе, к своей роли в истории, к Ельцину, к выборам в новый парламент.

И именно поэтому — в них участвует.

Он понимает, что для того, чтобы закрепить сделанное им в экономике, нужен более широкий контекст политических изменений, нужна более широкая рамка, а именно — нужно создание политических институтов *второй* российской республики.

Нужно помогать ее созданию.

...Сегодня, когда мы пишем эти строки, горькое чувство охватывает при взгляде на то, во что превратились эти завоевания «второй республики», насколько омертвели и стали формальными ее институты. Но это уже другая тема, и о том, как Гайдар ко всему этому относился, мы еще успеем поговорить в конце книги.

А пока — да, он создает «Выбор России» и «Демвыбор России». Избирательный блок и партию — с довольно точными названиями.

Впрочем, была ли тема партийного строительства органичной, естественной для Егора? Конечно же, нет. По своему воспитанию, по своей человеческой сути он воспринимал все это как обременение своих жизненных привычек, как печальную необходимость.

И Ельцин, и Гайдар воспринимали эту «партийную тему» — на эмоциональном, человеческом уровне — тяжело. Им искренне не хотелось

всем этим заниматься.

Оба еще недавно были членами КПСС, работали в «партийных органах» (Егор — в органах партийной печати, Ельцин в обкоме, ЦК, политбюро), оба не раз сидели на партийных форумах и собраниях и весь этот «демократический централизм», все эти «выборы президиума», «секретаря собрания», «счетной комиссии», все эти «прошу отметить в протоколе», все эти склоки и интриги в кулуарах, всю эту душашую скуку партийных многочасовых сидений в душном зале знали назубок и ненавидели всей душой. И хотя для Ельцина партия — это было «дело всей моей жизни», как он горько говорил узкому кругу соратников, когда готовил свой публичный выход из рядов КПСС на последнем партийном съезде в 1990 году, ну а для Гайдара это все-таки, скорее, дань традиции, формальное участие — но они оба получили прививку к этим словам, к этим терминам, ко всей этой внутривнутрипартийной грызне и партийному бюрократизму, прививку настолько мощную, что не могли избавиться от ее действия уже никогда.

Они оба.

Формальная, пустая, казенная, циничная и абсолютно представительская по форме «партийная жизнь» 70-х и 80-х годов, которую они застали, была еще слишком свежа в памяти.

И это обстоятельство, вообще говоря, оказало довольно печальное воздействие на всю нашу историю.

«В ходе подготовки к VII съезду (народных депутатов РСФСР. — А. К., Б. М.) президент 29 ноября 1992 года посетил Форум сторонников реформ. Однако его выступление лишь подтвердило отсутствие активной политики, — пишут авторы книги «Эпоха Ельцина», книги, уникальной тем, что писали ее многолетние соратники, члены команды первого президента, его ближайшие помощники и советники: Г. Сатаров, Ю. Батулин, М. Краснов, Э. Паин, Л. Пихоя, А. Лившиц и другие. — Достаточно расплывчато президент говорил о необходимости “демократического реформирования политической системы”, но никаких конкретных идей не предложил, и это не способствовало мобилизации его сторонников».

И вот дальше помощники Ельцина формулируют важные вещи довольно жестко:

«Президент вновь озвучил идею проправительственной партии, но сделал это так невнятно, что никто так и не понял, хочет ли он этого или по-прежнему предпочитает оставаться “президентом всех россиян” и быть над партийными схватками... На одной из встреч с главными редакторами СМИ Ельцин вновь повторил мысль о необходимости создания

политической партии: “Пришел к выводу, что надо создавать партию”. Но опять это было больше похоже на размышление вслух, чем на действительно вызревшее решение: “Партию, или может быть, фонд... Бурбулис будет председателем”. Когда же главные редакторы заинтересовались, на какие средства будет строиться партия, Ельцин к ответу оказался не готов и лишь дал понять, что бюджетные средства использоваться не будут. Такое заявление, конечно, звучало юридически безукоризненно, но... было ясно, что без мощной финансовой подпитки и “административного ресурса” никакой партии создать невозможно».

...Вопрос о том, надо ли было Гайдару создавать самостоятельную политическую партию, независимую и даже оппозиционную, горячо обсуждается до сих пор. Выплеснулся он и на страницы книги «Революция Гайдара», в той главе, где эту тему обсуждают авторы — Петр Авен и Альфред Кох — вместе с Анатолием Чубайсом.

«Кох. ...Гайдар не смог в рамках избирательной кампании найти в себе силы отмежеваться от Ельцина, и случилось то, что случилось. Второе место после Жирика и постепенная ползучая деградация демократического движения...

Авен. Помнишь, к нам приезжал Лешек Бальцеревич (напомним: автор польских либеральных реформ. — А. К., Б. М.) и говорил, что нам нужно бороться за власть? Я теперь считаю, что это одна из наших фундаментальных ошибок. Он тогда нам сказал: “Если вы, ребята, сами не будете бороться за власть, то вы будете никем”... Он еще говорил, что если вы себя не противопоставите Борису Николаевичу, если вы сами не будете политической силой, то у вас ничего не получится... Могли мы попытаться создать свою политическую силу без него и то же самое в 1996—98 годах? Прав я или нет, что такая привязанность к Ельцину — одна из фундаментальных слабостей нашей команды?

Чубайс. Бальцеревич был, наверное, прав в польской ситуации, где совершенно иное соотношение народа и власти, где нет такой глубины отличий между интеллигенцией и народом, где масштабы просто совершенно другие. Бальцеревич, как ты знаешь, следовал этой своей стратегии. 20 раз проваливался, 20 раз побеждал. Наверное, для него это правильный выбор... Я считаю, что если, предположим, делать то, о чем говорил Бальцеревич, для начала нужно иметь ответ на самый простой фундаментальный вопрос: кто наш кандидат в президенты? Гайдар? Вряд ли. Можно, конечно, говорить, что такого кандидата нужно искать, выращивать, но то, что на тот момент не было никого близко подходящего на эту роль, кроме Ельцина, это факт».

Нетрудно заметить, что и в первом, и во втором приведенном отрывке авторы рассматривают партию лишь как удобный инструмент, не более того.

Между тем именно партия — важнейший и, может быть, главный институт любой демократии. Именно она, партия, создает для всех социальных слоев, для нации во всех ее разновидностях возможность опереться на что-то устойчивое. На порядок слов, на ступеньки ценностной иерархии: что для нас по-настоящему важно, что менее важно. На политическую традицию, с опорой в историческом прошлом. На систему идей. А не только на конкретного лидера, с его сиюминутной риторикой.

Увы, и тогда, и сейчас понимания такого института, как политическая партия, у нас не было. И сейчас оно очень далеко от зрелой демократии, от зрелого, то есть «взрослого», общества.

...Но почему же российские демократы так и не смогли объединиться? Почему раскол и свара сопровождали их уже в ранние 90-е, не говоря о нынешнем печальном положении? Почему на фоне железного единства партии чиновников, или партии коммунистов, или партии жириновцев (которых и националистами-то назвать трудно, настолько они безликие) — российские демократы всегда были настолько разобщены, расколоты, раздроблены и организационно, и идейно?

Вот статистические итоги выборов-93.

Партия Жириновского получила по партийным спискам 23 процента голосов и в этом смысле опередила Гайдара. Но по партийным спискам избиралась лишь половина депутатов. Другая половина — по одномандатным округам. Большинство мест в новом парламенте принадлежало «Выбору России» — 75 мандатов. (Эту цифру — 75 мандатов — называет в своих воспоминаниях сам Егор Гайдар, указывая непосредственные результаты выборов, в то время как источник под названием «Википедия» указывает 64 мандата, то есть цифру конца парламентского цикла, когда некоторые депутаты от «неудобного» Гайдара перебежали в другие фракции.)

Это было не поражение, а успех, тем более что на выборы вместе с Гайдаром пошли партия Шохина и Шахрая «ПРЕС» (Партия российского единства и согласия) и другие центристские партии, которые вполне могли бы стать партнерами при принятии рыночного законодательства. Хотя Егор и считал, что они размыли электорат «Выбора России».

...Однако от Гайдара ожидали другого — на волне поражения «красно-коричневых» в 1993 году демократическая интеллигенция рассчитывала на полную, сокрушительную победу, появление своего демократического

«парламентского большинства». Мир по-прежнему воспринимался ею в черно-белой гамме. Когда огласили результаты выборов, во время прямого телевизионного эфира известный демократический публицист, знаток Достоевского, литературовед Юрий Карякин произнес знаменитые слова: «Россия, ты одурела?» Именно это и стало лейтмотивом осмысления выборов в прессе.

Главной загадкой, главным сюрпризом для демократов, для интеллигенции, для журналистов стала внезапно усложнившаяся и оттого очень страшная картина мира — избиратель выбрал не тех и не других, а — третьих! Вот что было непонятно. Ведь до выборов 1993 года эта картина была простой: есть «мы» и есть «они», есть наши и не наши, прогрессисты-демократы и реваншисты-коммунисты. Реальность оказалась другой. Никто не знал, как жить дальше с этим знанием. Почему крикливый, «несерьезный» Жириновский, эксплуатировавший лишь одну тему («Россия для русских»), увел за собой более 20 процентов избирателей? Из-за его плеча выглядывала подлинная, непонятная Россия — которая не принимала логику «мы»-«они».

9 января 1994 года, на первом заседании парламентской фракции «Выбор России», сразу встал вопрос о лидерстве. Об образовании парламентской фракции докладывали Егор Гайдар и Сергей Ковалев. Егор считал, что Сергей Адамович, с учетом опыта его работы в демократическом движении и авторитета несгибаемого диссидента, должен возглавить думских демократов. (А Сергей Адамович действительно был одним из самых известных диссидентов в стране, соратником Сахарова, отсидевшим свой срок в лагерях по политической статье.)

Гайдар отказывался понимать, что сам он благодаря своей работе в правительстве, роли лидера демократов, которую он играл в ходе событий октября 93-го и выборной кампании, уже оценивается соратниками и общественным мнением как фигура номер один. Партию «ПРЕС», которую возглавили Шахрай и Шохин, едва ли можно было оценить как целиком демократическую или, по крайней мере, как демократическую с оговорками: она представляла альтернативную линию в правительстве (в ее составе были четыре министра, несколько губернаторов) и, в сущности, была партией бюрократов, в некотором роде — прообразом «Нашего дома — России», сформированного к выборам 1995 года как партия власти. (Важная деталь: в то время министры могли быть одновременно депутатами.) Демпартия России (Николай Травкин) и Российское движение демократических реформ (Гавриил Попов и Анатолий Собчак)

представляли ответвления своего рода демократической «оппозиции» курсу Гайдара. Партия «Яблоко» с самого начала шла своим путем, ориентируясь на самодостаточного и не склонного к формированию коалиций Григория Явлинского и леволиберальный электорат. На ту интеллигенцию, которая была недовольна реформами.

Какие альтернативы были у Егора? На роль лидера «Выбора России» претендовал и Геннадий Бурбулис. Это была серьезная интрига с нешуточным противостоянием, которое, конечно, было в тягость Гайдару — именно потому, что они с Геннадием Эдуардовичем были соратниками. Однако против избрания бывшего госсекретаря лидером фракции был даже сам Гайдар: «При сильных качествах Бурбулиса как аналитика, стратега отношение к нему даже среди демократических избирателей было очень сложным, нередко негативным».

В зале Киноцентра на Красной Пресне шло собрание представителей «Выбора России». Гарри Каспаров поддерживал Бурбулиса, Гайдар продвигал на лидерскую позицию Сергея Ковалева. Во фракции возникла угроза раскола. По версии Григория Томчина, участника тех событий, Егора поддержали еще и потому, что «с ним был Чубайс». Чубайс, человек огромной воли, собранности, великий организатор, уже тогда воспринимался как организационный мотор партии и фракции.

Сам Чубайс без обиняков сказал Гайдару, что лидером фракции должен стать именно он, Егор.

Гайдару пришлось смириться с тем, что он де-факто стал публичным политиком, больше того, лицом демократического движения.

Среди ключевых фигур фракции были разные люди: например, Сергей Юшенков, заметный депутат-демократ Верховного Совета РСФСР, два высококлассных юриста — Михаил Митюков и Борис Золотухин.

...Борис Андреевич вообще совершенно уникальная фигура. Еще в 1959-м он ушел из прокуратуры, отказавшись поддерживать обвинение по одному из дел, и пополнил немногочисленные ряды самых известных в стране адвокатов. Из адвокатуры он тоже был уволен — за то, что потребовал в январе 1968-го оправдательного приговора для Александра Гинзбурга, составителя «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля. Сочувствующая четверем подсудимым диссидентам публика встречала защитников Бориса Золотухина и Дину Каминскую на выходе из здания суда цветами. Золотухину его блестящая речь, сопоставимая по логике и изяществу с лучшими образцами судебного ораторского искусства, стоила исключения из партии и отлучения от адвокатской профессии на два десятка лет, до 1988 года. Все эти годы, формально работая обычным

юрисконсульт, он неформально консультировал советских диссидентов. Став депутатом российского Верховного Совета, а потом продолжив работу в Госдуме первого созыва, занимался прежде всего разработкой основ судебной реформы. Во фракции он был замом Гайдара, и трудно себе представить в российской политике более интеллигентный тандем: Борис Андреевич, всегда безукоризненно одетый, в больших очках, увеличивавших его глаза, со старомодно мягкой обволакивающей речью, и Егор Тимурович, так на него внешне не похожий, но вышедший из того же, обогащенного знаниями и понятиями о чести, культурного слоя.

Про Егора спустя год после его смерти Борис Андреевич скажет: «Мне посчастливилось тесно сотрудничать с Егором Тимуровичем Гайдаром, великим реформатором и человеком огромного ума и обаяния. Его безвременную кончину переживаю как личную драму».

Почему, кстати говоря, «Выбор России» собрался именно там, на Красной Пресне, в Киноцентре?

Нет, не только потому, что это был большой, удобный зал почти в центре Москвы.

Киношники всегда поддерживали демократов. Как мы помним, «бунт», устроенный группой прогрессивных режиссеров на съезде кинематографистов в 1986 году, стал важнейшим эпизодом горбачевской гласности. Потом наступило время съездовских дискуссий, и Межрегиональная депутатская группа — первая с 30-х годов в Советском Союзе легальная оппозиция власти — стала собираться именно в Доме кино на Васильевской улице. Отсюда лидеры межрегионалов — Гавриил Попов, Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев и другие — порой шли пешком к Ельцину домой на 2-ю Тверскую-Ямскую обсудить свои дела за чашкой чаю и сушками.

И вот — 1994-й.

Киноцентр, как известно, находился на Красной Пресне. От Белого дома, в котором теперь поселилось правительство России, его отделяли лишь детский парк и стадион. Старый детский парк имени Павлика Морозова уже тогда превратили в подобие мемориала жертвам событий октября 93-го. Висели красные и траурные ленточки, портреты погибших. Свежий ветер дул со стороны реки, в тихих переулках играли пресненские дети. И только названия переулков и улиц напоминали о жертвах и героях русских революций — 1905 и 1917 годов.

В 90-е Киноцентр был совершенно уникальным местом — с одной стороны, здесь собирались киноманы, в маленьких залах Музея кино

наслаждавшиеся архивными, редкими лентами — от Дзиги Вертова до Фасбиндера; ночами же здесь гремела музыка и к крыльцу подкатывали черные джипы — ночной клуб, фейсконтроль, секс, драгс, рок-н-ролл, коктейли и шампанское. Сейчас ничего этого уже нет, памятник эпохе 90-х снесли — и собираются на его месте ставить очередную коммерческую недвижимость, безликую и ненужную городу.

Вот в таком месте собрались в январе 1994 года российские демократы. Интересно сегодня — сквозь уже большое историческое расстояние — взглядеться в их лица.

Пламенный, остроумный, едкий чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров. Закрытый, осторожный, неподкупный и бескомпромиссный Сергей Адамович Ковалев — первый российский омбудсмен, представитель президента по правам человека. Вообще старые диссиденты и люди довольно крайних, радикальных демократических позиций перемешаны здесь с демократами совсем другой волны — горбачевской, то есть сидевшие и подвергавшиеся репрессиям люди соседствуют в одном большом зале Киноцентра с членами КПСС, вполне себе социализированными и успешными и при советской власти — это и Геннадий Бурбулис, преподаватель общественных дисциплин Уральского университета, и генерал Дмитрий Волкогонов, после долгих лет работы в Политуправлении Советской армии вдруг заседавший в архивы и ставший яростным антисталинистом, и бывший главный редактор «Московской правды» Михаил Полторанин. Среди членов фракции — первые, легендарные министры новой России — экономист Александр Починок, позднее российский министр по налогам и сборам, литературный критик Евгений Сидоров, первый российский министр культуры. И многие, многие другие...

Кипят страсти в этом огромном зале, на трибуну выходят ораторы, многочасовое заседание все длится, но постепенно становится понятно — Гайдар безальтернативен. Он — единственное «лицо» российской демократии, которое устраивает всех. Людей карьерных — потому что он был в правительстве и сейчас ему близок. Правозащитников и активистов, таких как Шабад, Ковалев, Осовцов, Шнейдер — за его четкую, мужественную позицию в октябре 93-го. Всем понятно, что Гайдар — это интеллигент во власти, при этом человек чести, и поэтому он должен быть во главе фракции.

Но далеко не всё тут, в Киноцентре, так уж безоблачно, далеко не абсолютно ясная здесь погода.

Демократы уже разделились, уже раскололись, хотя демократия в

России делает еще только первые шаги.

Но почему?

Прежде чем мы доберемся до первых вариантов ответа, зададим себе еще один, попутный, так сказать, вопрос: а почему именно *демократы*, а не либералы?

Ведь сейчас российские оппозиционеры, отстаивающие демократические ценности (а многие из них начинали еще тогда, в 90-е), называются только «либералами», так их называют и в государственных СМИ, да и сами они себя так зовут!

Между тем Гайдар — если внимательно читать его сочинения, его мемуары, многие его интервью — в 90-е всегда называет себя и своих соратников именно «демократами». Российскими демократами.

Термин «либерализм» (либеральный, либеральная) возникает у него лишь в связи с экономикой. Либеральная экономика. Либеральные экономические теории. Может быть, «либеральные ценности»? Но и это в связи с теоретическими спорами, не более.

В применении к текущей политике — речь о либералах вообще не идет. «Либеральной» называла себя лишь партия Жириновского, та, что отстаивала презираемый демократами лозунг «Россия для русских». Если говорить даже о ярлыках и ругательствах, то Ельцина, Гайдара и его товарищей никто не называл тогда «либерастами», только «дерьмократами». А русский язык не обманешь.

Ярлык «либералы» прилепился уже потом, к началу 2000-х. Когда возникли «Союз правых сил», «Правое дело» и другие партии, противопоставлявшие себя условно «левым», социалистическим и коммунистическим движениям. Сам же Гайдар спорил с Михаилом Ходорковским в 2004 году именно по поводу судьбы либерализма.

Гайдар боролся не просто за экономическую, но и за политическую свободу для всех. За народовластие. За честные и свободные выборы. За представительство в парламенте всех точек зрения, всех общественных сил. То есть боролся он прежде всего за демократию, без которой невозможен либерализм, в том числе в экономике. Многие из его соратников и последователей надеялись именно на то, что экономический либерализм утвердится без демократии или даже с помощью «русского Пиночета». Гайдар никогда в такой сценарий не верил.

А пока вернемся в то бесснежное 9 января, в Киноцентр, где Гайдара, после всех дискуссий и страстей, выбирают лидером парламентской

фракции, по сути, председателем партии.

Что с ним случилось к этому моменту?

Ну, прежде всего — он снова ушел из правительства. Вернее, готовился из него уйти.

...20 января 1994-го Виктор Черномырдин созвал пресс-конференцию. Тогда им была произнесена по-своему знаменитая фраза: «Время рыночного романтизма завершено». Звучала она гулко, как в пустоте. Двойная отставка знаковых реформаторов: первого вице-премьера Егора Гайдара и вице-премьера и министра финансов Бориса Федорова — действительно образовала пустоту в кабинете министров. Из реформаторов в правительстве остался только Анатолий Чубайс.

Политический ресурс Ельцина и поддержавших его демократов и центристов, образовавшийся после разгона съезда и преодоления кризиса двоевластия, был, по мнению Гайдара, президентом растрочен. Егор был бескомпромиссен, он требовал «дожимать» противника, настаивать на своей политической победе, внести ясность в расстановку сил. Ельцин, как всегда после своей сокрушительной победы, надолго погрузился в раздумья. Он никуда не торопился...

Ничего из того, на чем настаивал Гайдар еще до декабрьских выборов в Думу и до принятия новой Конституции, не было сделано.

Егор советовал принять несколько важных кадровых решений, в том числе в регионах, нанести удары по промышленным лобби, сократить численность армии, всерьез заняться бывшим Комитетом госбезопасности, лишив его остатков власти, запретить пропаганду фашизма и коммунизма, тем самым де-факто маргинализировать националистов, провести аграрную реформу и начать реформы структурные, в частности, социальной сферы. Все это было им высказано в многочисленных статьях и интервью.

Условия были благоприятными еще и потому, что Борис Федоров, назначенный Ельциным вице-премьером сразу после первой отставки Гайдара в декабре 1992 года, проводил бескомпромиссно жесткую политику (словно бы в отместку за устранение Егора). В результате чего, по оценке Андерса Ослунда, «к концу 1993 года Россия была готова воспринять полноценную политику стабилизации».

Напомним, административный ресурс Федорова вырос в конце марта 1993-го, когда он добавил к своему высокому рангу реальные полномочия министра финансов. Ему удалось побороть «техническое» кредитование стран СНГ, ужесточить бюджетную политику, снизить дефицит бюджета до 6 процентов ВВП, установить положительную процентную ставку, добиться выпуска государственных ценных бумаг. Словом, если не

фундамент, то «котлован» для будущей финансовой стабилизации был им заложен.

Во многом благодаря Федорову сохранялось и политическое ощущение того, что новое правительство Ельцина — Черномырдина, несмотря на первую отставку Гайдара, идет прежним курсом.

Конечно, возвращение Гайдара в правительство в сентябре 1993-го радикально усилило ресурс Федорова. Они никогда не были друзьями, возможно, их психофизическое устройство было слишком разным, и, кажется, Егору с Борисом не было комфортно, они не работали как команда. (Впоследствии, когда каждый из них занялся партийной политикой, они оказались скорее конкурентами, чем союзниками.) Однако их солидарные действия в 1993-м создали условия для снижения инфляции.

Вместе им еще в сентябре 1993 года удалось отменить так называемое льготное кредитование, на котором сколачивались огромные состояния «из воздуха». «Механизм известен, — объяснял Гайдар. — Коммерческие банки, иные структуры получают от государства огромные суммы под низкую процентную ставку, а сами затем перепродают эти деньги под несоизмеримо более высокий процент». Эта схема была выведена из строя.

Однако результаты «партии Гайдара» на парламентских выборах, воспринятые российскими демократами почему-то как поражение, очень сильно расстроили президента. Несмотря на формирование самой большой фракции в Госдуме, итоги выборов снизили политический вес и Гайдара, и Федорова в правительстве. До выборов многие считали вполне вероятным назначение Егора премьер-министром, после выборов это казалось уже невозможным. И если «красные директора», промышленники и губернаторы, по выражению Егора, после событий октября 1993 года, «в росте уменьшились» — то теперь они постепенно снова начали расправлять плечи.

Так что же в реальности случилось?

Общество взрослело слишком медленно. И ему не хватило здравого смысла, чтобы понять — то, что фракция Гайдара стала самой крупной в парламенте, — это не поражение, а успех. На фоне сумасшедших по сложности проблем в экономике, падения уровня жизни, на фоне страшных событий октября 1993 года — это был серьезный результат.

О «парламентском большинстве» в такой раздерганной, измученной стране в тот момент не могла мечтать никакая партия. Если посмотреть на те события с сегодняшней точки зрения — пессимизм по поводу тех выборов вообще кажется необъяснимым. При огромной поддержке СМИ, при открытой поддержке набравшего бешеную популярность Путина, при

гигантской работе президентской администрации, при поддержке телевидения — партия «Единство» продемонстрировала в 1999 году на парламентских выборах ровно такой же результат — они получили 73 места в парламенте (на два голоса меньше, чем «Выбор России» в 1993-м).

Однако президент Ельцин, видимо, ждал от Гайдара большего. По крайней мере, Егор резко это почувствовал в начале 1994 года. Почувствовал по тем импульсам, которые ему теперь активно посылал аппарат Черномырдина. Обычные, рядовые правительственные бюрократы очень быстро поняли, что Гайдар «ослаб».

О многих решениях он узнавал если не последним, то точно не первым. Аппарат умеет изолировать высших чиновников, особенно если чувствует себя в силе.

На такое же ощущение изоляции жаловался и Борис Федоров. (При формировании послевыборного кабинета министров была сделана попытка понизить его статус, то есть перевести в «обычные» министры, что сильно ослабляло возможности борьбы с лоббистами — нефтяными, газовыми, военно-индустриальными, аграрными.)

Не сговариваясь, оба решили идти в ответную атаку.

И если Гайдар был раздражен межбанковским соглашением об объединении денежных систем России и Белоруссии и неприлично дорогостоящим решением о строительстве нового парламентского центра, то Федоров требовал от Ельцина неременной отставки своих главных оппонентов — главы ЦБ Виктора Геращенко и аграрного вице-премьера Александра Заверюхи. Поводы были разные, причина одна.

...Самое интересное, что пришло и то время, когда Ельцин отменил строительство нового здания парламента, и союз с Белоруссией оказался формальным, да и отставки Геращенко и Заверюхи последовали, хотя последний продержался в правительстве до 1997 года. Не говоря уже о том, что сам Виктор Степанович Черномырдин оказался сугубым реалистом: на бумаге деньги бывали расписаны, а потом мало кому выдавались. Но ощущение и у Гайдара, и у Федорова было такое, что экономический курс разворачивается, а Ельцин на это смотрит нейтрально-пассивно.

О своем решительном желании уйти в отставку с позиции вице-премьера Гайдар Федорова не предупредил. Сообщил только Чубайсу, которого в правительстве оставляли вице-премьером.

Разговор двух друзей-реформаторов оказался крайне горячим и тяжелым. Набор аргументов в пользу отставки показался Чубайсу слабым. «Опять я остаюсь один!» — досадовал он, имея в виду свое одиночество в

правительстве после первой отставки Гайдара. Егор жаловался, что ему все перекрывает руководитель аппарата правительства Владимир Квасов, опытный номенклатурщик и правая рука Виктора Степановича. «Но мы же всегда в таких условиях работали!» — возражал Анатолий Борисович, который имел богатый опыт аппаратных войн. Не говоря уже о том, что в тот момент самому Чубайсу было не легче, он находился на грани увольнения, а приватизация требовала огромных усилий.

Сразу после отставки Егор объяснял в интервью Леониду Радзиховскому: «Гайдар в правительстве — успокоительный фактор, “все в пределах нормы”. Так вот больше нет этого основания для успокоения. Пусть у кого-то включится нейрон тревоги, это куда лучше благодущия».

Эта логика была близка и Борису Федорову: «Надо сказать, что не будь тогда скандалов с моей отставкой и отставкой Е. Гайдара, наших абсолютно жестких заявлений и выступлений (в том числе в Давосе), то, скорее всего, намерения свернуть реформы были бы исполнены и наша экономика пострадала бы еще больше».

13 января 1994 года Егор Тимурович направил Борису Николаевичу официальное письмо: «Условия нашей работы в Правительстве никогда не были идеальными... В сентябре 1993 года, соглашаясь вернуться в Правительство, я отдавал себе отчет в том, что, отвечая в глазах общества за экономическую реформу, я буду обладать лишь ограниченными рычагами воздействия на экономическую ситуацию. Но я надеялся, что понимание общей ответственности за страну позволит Правительству, пусть и состоящему из людей разных воззрений, объединиться вокруг Президента и проводить курс, необходимый для стабилизации экономики и предотвращения катастрофы. К сожалению, в последнее время все чаще принимаются решения, в подготовке которых я не участвовал и с которыми выражал категорическое несогласие. Приведу лишь два новых примера.

Подписано межбанковское соглашение об объединении денежных систем России и Беларуси. Такое объединение возможно, если его тщательно подготовить, отработать все механизмы контроля, защищающие российские национальные интересы. То же, что предусмотрено в подписанных документах, — лишь воспроизводство хаоса в денежной области за счет реальных доходов российских граждан. В частности, реализация этого решения приведет к тому, что минимальные зарплата и пенсия в Беларуси будут существенно превышать минимальные зарплату и пенсию в России...

Трудно понять и решение о строительстве нового здания Парламента (ориентировочная стоимость — 500 миллионов долларов). Эта сумма

значительно превышает средства, которые были с трудом выделены в 1993 году для бюджетного фонда конверсии. Это впятеро больше расходов федерального бюджета по статье культуры и искусства или примерно пятая часть всего финансирования социальной сферы в прошлом году. Такое разрушительное по своим последствиям решение было также подготовлено без моего ведома и принято, несмотря на мои самые решительные возражения. В подобной ситуации лично мне трудно оправдывать политику жесткой экономии в расходах на науку, культуру, образование, экологию...

Уважаемый Борис Николаевич! Я не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему. Я не могу отвечать за реформы, не имея возможности предотвращать действия, подобные тем, о которых здесь было сказано, не обладая необходимыми рычагами для последовательного проведения экономической политики, в правильности которой убежден».

Ельцин отпустил и Гайдара, и Федорова. Он пока не знал, куда и как двигаться, как распорядиться наследием октября 1993 года, результатами выборов.

Каким должен быть экономический курс? Стоит ли начинать новый раунд решительных реформ или, напротив, разумнее подождать? Надо добиться стабилизации — и политической, и экономической, — это понятно. А можно ли это сделать без либералов-реформаторов? Или лучший способ — кадровое лавирование: здесь надежно-«народный» Виктор Степанович, там — Анатолий Борисович, яростный и неуправляемый.

Возможно, Борис Николаевич надеялся, что ЧВС обеспечит ему и достаточную степень популизма в политике, и сохранение рациональной финансово-экономической линии. Именно на этот год — 1994-й — пришлось перепады настроения Ельцина, качели активности и пассивности и, по некоторым свидетельствам, первые серьезные проблемы с сердцем.

После отставки Гайдара в течение недели курс рубля упал на 19 процентов. Рынок начал всерьез реагировать на политические события.

Впрочем, уйдя из правительства, Гайдар сразу, с головой окунулся в совершенно новую для себя реальность — это был новый российский парламент, только что избранный, свежееиспеченный, полный надежд и планов.

Егор, несмотря на глубокое разочарование в том, как развивались события, собственную досаду и колебания, отголоски которых все еще звучали в его публичных объяснениях, был заряжен энергией. В том же интервью Леониду Радзиховскому он рассуждал уже как парламентский политик: «Если у демократов сегодня нет новой мощной идеи, то у этих

людей (оппонентов демократов. — А. К., Б. М.) идея всегда наготове — идея национальной обиды, национального тщеславия, комплекса национальной неполноценности, переходящего в истерически-имперское величие». Гайдар дал исчерпывающую характеристику той конструкции, которая угрожает демократии: «...дворцовые интриги, коррупция, популизм и бряцание оружием. Страшный коктейль!»

И он не собирался сдавать Ельцина — во всех смыслах слова, в том числе отдавать его своим оппонентам во власти, в Кремле, в аппарате, в ближайшем окружении: «Мы сторонники президента. Мы должны вернуть связь президента с народом, если хотите, вернуть Ельцина Ельцину».

Начало парламентской деятельности Гайдара было отмечено реализацией принципов «философии нестяжательства», имеющей глубокие корни в русской истории: он выступил по поводу финансовой *аморальности* строительства парламентского центра и против депутатских привилегий и приравненных к министерским зарплат.

18 января Госдума при всего лишь девяти голосах против проголосовала за специальное заявление по поводу строительства нового парламентского комплекса: «В условиях острого финансового кризиса выделение для этого крупных бюджетных ресурсов противоречит государственным интересам России. Размещение Федерального Собрания может и должно быть обеспечено за счет более эффективного перераспределения имеющихся административных помещений в городе Москве».

Дума осталась в бывшем помещении Госплана на Охотном Ряду, видимо, навсегда.

Что касается «выравнивания» депутатских зарплаток и министерских зарплат, то тут ригоризм Гайдара, увы, не был понят. «Сейчас же, с учетом довольно непростого положения нашего государства, мне кажется, “вводить” 450 новых федеральных министров не совсем скромно», — говорил он. Едкая его ирония не прошла, не была принята коллегами-депутатами, пролетела мимо их ушей... «Именно наша фракция, — будет объясняться Егор чуть позже, — подняла в Думе вопрос об излишних материальных возможностях, предоставляемых депутатам. И именно “друзья народа” из фракций коммунистов и жириновцев дружно проголосовали за депутатские привилегии».

Работа в Думе стала для Егора способом отстаивания результата, уже достигнутого в реформах, — и в то же время продвижения новых идей.

И ведь действительно, первая, «короткая», всего лишь двухлетняя,

Дума в итоге заложила законодательные основы нового государства, приняв с нуля две части Гражданского кодекса («конституции гражданского общества»), Гражданско-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Бюджетный кодекс, законы о рынке ценных бумаг, об акционерных обществах и много других важных нормативных актов.

...Регламент парламента — это система договоренностей между фракциями, руководством Думы, двадцатью тремя комитетами. Гайдар направил от фракции писать регламент Григория Томчина, ленинградского демократа, бывшего технаря и конструктора подводных лодок, в группу под руководством опытного правоведа и коммуниста Анатолия Лукьянова. Как заметил позднее в интервью Томчин, «“Выбор России” боролся за качественный регламент, потому что его целью была демократия, а коммунисты делали то же самое, потому что в то время они еще были в оппозиции и нуждались в четкой институционализации своего влияния. Мешали только жириновцы».

«Выбор России» получил четыре комитета Думы, но самый важный и большой комитет — по бюджету — по договоренности с Григорием Явлинским был отдан «Яблоку». Гайдар стал рядовым членом этого комитета с очень нерядовым политическим весом, а возглавил его самый толковый, по мнению Егора, представитель «Яблока» — Михаил Задорнов, будущий министр финансов. В тот же комитет входил будущий вице-премьер Александр Жуков, в то время представлявший депутатскую группу «Союз 12 декабря». В эту группу также входили Ирина Хакамада и Борис Федоров — демократы, но не гайдаровцы. Александр Починок, специалист по налогам, заседал в том же комитете от «Выбора России» — он был одним из тех, кому как профессионалу по-настоящему доверял Гайдар. Как тогда, в 1993-м, так и через семь лет, в 2000 году, когда Гайдар вновь станет депутатом Госдумы, заседания бюджетного комитета никогда не начинались без Егора. На этом настаивали даже коммунисты. Им было важно, что он скажет, какие аргументы предложит.

«Поначалу мы называли себя Пятой думой, — вспоминал в интервью Иван Рыбкин, который представлял Аграрную партию и был избран спикером Госдумы. — Мы внимательно изучали опыт дореволюционных четырех дум, включая регламент работы, другие парламентские традиции...

Всю кодексную часть мы приняли. Земельный кодекс, Гражданский кодекс — это вторая, экономическая конституция страны. И кстати, очень тяжело принимался этот кодекс, и последняя часть его была заморожена.

Тогда и аграрники поддержали, тяжелейшие были переговоры по этому поводу. Но он был принят. Страна по нему живет. И эти кодексы были приняты. И Земельный кодекс тоже был разработан, остался в переходе к следующей Думе. Вообще портфель законопроектных предложений, с которым партии пришли в Думу, особенно гайдаровцы, он был содержательным. Он пришел из Верховного Совета России. И поэтому я настоял на том, чтобы Михаил Алексеевич Митюков (представитель “Выбора России”) стал первым моим заместителем. Потому что он этим портфелем и ведал».

Законопроекты, которые разрабатывались в первой российской Думе, достались в наследство законодателям уже второго созыва Думы, хотя она была намного более левой и даже более «красной», чем Дума первая. Вот как говорил о первом и втором составе Думы политик Владимир Рыжков:

«Слишком большим упрощением было бы сказать, что Дума была консервативной, ретроградной. Она была пестрой. И чрезвычайно пестрой. Там было несколько реформаторских фракций. Были центристы, например “Женщины России” Екатерины Лаховой.

Были и левые центристы, например “Аграрная партия России” Лапшина — Харитоновна.

И надо сказать, что у оппозиции, то есть совокупной оппозиции (коммунисты плюс ЛДПР плюс Аграрная партия), да, у них было большинство. Но оно было очень небольшое, буквально, может быть там, 5–7 голосов. То есть, на самом деле, это не была однородно оппозиционная Дума, как часто думают. Нет. Это был примерно равновесный парламент между сторонниками президента и левой оппозицией, это во-первых. А во-вторых, даже сами коммунисты — они вели себя достаточно оппортунистически по отношению к своим популистским лозунгам. В том смысле, что довольно часто они договаривались с президентом и довольно часто они договаривались с правительством Черномырдина, и принимали нужные решения.

...Поэтому вопреки сложившемуся стереотипу о том, что первая Дума и вторая Дума были коммунистическими и ничего не давали делать президенту, это не так. Если вы посмотрите факты, вы обнаружите, что подавляющее большинство законов, по которым сейчас живет Россия, были приняты первой и второй Думой. Словом, если в целом описывать, то отношения президентской власти Ельцина и первой Государственной думы — не были антагонистическими, они не были конфронтационными. Скорее, это было трудное сотрудничество».

Совсем в иных тонах, гораздо более жестко, описывают это «трудное

сотрудничество» помощники Ельцина: «Отсутствие в Думе пропрезидентского (проправительственного) большинства заставляло исполнительную власть прибегать к нестандартным ходам для “продавливания” своих решений (все та же острая и болезненная шпилька в адрес Гайдара и его якобы «провалу» на выборах. — А. К., Б. М.). Фактически это сводилось в той или иной мере к подкупу в виде раздачи льгот, преференций и т. п. для коммерческих структур, стоявших за депутатскими фракциями (группами). Ясно, что чем дальше развивалась эта практика, тем дороже становились депутатские “услуги”. По признанию высших руководителей правительства, наиболее привередливы и алчны были представители аграрного лобби» («Эпоха Ельцина»).

Да, двухлетняя работа Гайдара в Думе первого созыва (она избиралась по новой Конституции всего на два года), конечно, отнюдь не была легкой и безоблачной. Популистскими фракциями готовились антиреформаторские законы, а чтобы их остановить, приходилось писать свои варианты законопроектов на те же темы. Каждый проект закона обсуждался на фракции или на президиуме фракции почти постатейно. Это был настоящий парламент с настоящей парламентской борьбой. В какой-то момент, чтобы включить в процесс принятия законов правительство, Гайдар придумал институт представителей правительства в парламенте, как он шутил, «комиссию по противодействию Думе». И что характерно, идея была принята, а в министерствах со временем появились посты статс-секретарей, отвечавших главных образом за связи с парламентом.

И все-таки, как бы это ни показалось странным, эти два года в Думе были для Егора наиболее ясными, спокойными и плодотворными. Да, в Думе сидели его идейные враги, еще недавно поносившие его на заседаниях съезда последними словами, добивавшиеся его отставки, — но сегодня он садился напротив них, доставал свои бумаги, и они спокойно и вместе склоняли головы над параграфами новых кодексов и законов, над статьями бюджета.

Теперь им не нужно было орать, кричать и поднимать уличные волнения, для того чтобы доказать свою правоту. Гражданская война была остановлена и осталась в прошлом. Теперь можно было просто работать.

У него появилось время, и он снова начал писать — Гайдар был абсолютно лишен этой возможности во время работы в правительстве. Это наполняло его дни новым, или, скорее, забытым старым смыслом.

Как когда-то журнал «Коммунист» и газета «Правда», теперь для Егора главным каналом донесения своих ключевых идей на злобу дня стали

«Известия», основной источник информации для российского образованного класса, привыкшего читать эту газету годами, если не десятилетиями. Тираж «Известий» и общероссийское распространение газеты были очевидным преимуществом для Гайдара, которому необходимо было объясняться с массовой и в то же время высокообразованной аудиторией. И для этого в качестве трибуны он регулярно выбирал газету Игоря Голембиовского, ставшего главным редактором в 1991 году.

«Экономика избежала летального исхода, более чем возможного в 1991 г. — писал Егор в статье «Новый курс» 10 февраля 1994 года. — Но не удалось создать серьезный задел для решения главной задачи — структурной перестройки всей экономики, массивованных инвестиций, обновления технической базы, роста производства, возникновения здорового среднего класса. Реформы не исчерпали себя, их просто прервали».

Если у правительства нет единой идеи, рассуждал Гайдар, ему трудно противостоять лоббистам. Идеология «пусть идет, как идет» на самом деле означает «пусть валится, как валится»: «Сиюминутное спасение производства путем бумажных инвестиций есть помощь конкретным руководителям отрасли ценой ограбления России». Гайдар не был бы Гайдаром, если бы не погрузил конъюнктурный анализ в широкий исторический контекст: он сравнил бег России к мировой цивилизации с задачей об Ахиллесе и черепахе, согласно которой Ахиллес никогда не сможет догнать черепаху: «Трагический, “рваный, квантованный” цикл русской истории, истории рывков и стагнации... Беда русских реформ была в том, что, столкнувшись с очередной необходимостью ответить на вызов времени, лидеры страны шли, казалось бы, единственно возможным путем: напрягали мускулы государства».

Гайдар видел в этом ключевую ошибку и одновременно корень проблем. И вспоминал «Медного всадника» Пушкина: «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной, *На высоте, уздой железной* Россию поднял на дыбы?»

«Опыт показал: за рывком неизбежны стагнация и (или) обвал. Страна не может долго стоять на дыбах». Получалось так, что империя — и Российская, и советская — в результате боролась не только с внешним миром, но и со своим обществом: «“Узда железная” быстро ржавела и становилась цепью, впившейся в живое мясо страны». «Все живые силы страны существовали, противостоя государству», «шла “холодная война” между обществом и государством».

Идея реформы 1991 года, обращал внимание Гайдар, была совершенно другая: «Поднять страну не за счет напряжения всей мускулатуры государства, а как раз наоборот — благодаря расслаблению государственной узды, свертыванию государственных структур. Отход государства должен освободить пространство для органического развития экономики... Тогда, в первые месяцы 1992 г., ...это был “методологически новый” рывок в русской истории: не государство опять прищипорило народ, а государство отпустило вожжи, и действительно “невидимая рука рынка” потянула телегу из грязи».

Затем Гайдар снова обратился к текущему моменту: государство возвращается. «В государстве новейшие практики-государственники видят не Медного всадника, а огромную дойную корову». В результате, пишет он, «коррупция становится не побочным продуктом, а детерминантой (по меньшей мере одной из детерминант) политического процесса».

Почти во всех своих статьях и книгах Гайдар показывал ключевую дилемму, главную развилку истории. «Обильные государственные расходы, запретительно высокие, но все равно не поспевающие за ними налоги, дорогое коррумпированное государство, бремя содержания которого парализует инициативу общества, его способности к саморазвитию, или последовательный отказ от бюрократических излишеств, освобождение простора частной инициативы и предпринимательства, сокращение неэффективных государственных расходов и опирающееся на него снижение реального налогового бремени — вот суть выбора, перед которым сегодня оказалась Россия».

И далее: «Мы обязаны возобновить реформы даже не с того места, где они остановились сегодня, а с того, где они начали буксовать в середине 1992 г.».

Мы обязаны...

Но радовали его не только статьи в «Известиях». Наконец-то он начал писать новую книгу!

В августе — сентябре 1994-го Гайдар в целом закончил рукопись. Это одна из самых важных его работ — «Государство и эволюция». Интересно, что проблемы, описанные в книге, никуда не исчезли за четверть века, хотя сам автор в предисловии к ее изданию на английском языке в 2003 году писал, что надеялся на их разрешение в течение одного года или двух-трех лет. Но нет, обозначенные Егором болевые точки определяли развитие России в течение целых десятилетий, вплоть до острого усугубления проблем в нынешние времена.

В этом труде Гайдар обрисовал «пучки возможностей» в развитии страны. Как любой социальный практик, он надеялся на реализацию «положительного» сценария, но вышло наоборот. Егор рассчитывал на то, что книга будет содержать краткосрочный или среднесрочный анализ, а получилось исследование фундаментальной социально-политической динамики, взятие проб грунта неизбывной российской колеи из-под птицы-тройки...

Российская история имеет такое свойство, как эквифинальность. Что это такое? «Движение из любой точки, после любых пируэтов, завершается всё там же — у подножия трона, всё тем же — политико-экономической диктатурой “восточного” государства». Гайдар цитирует ближе к концу книги русского монархиста Василия Шульгина, который в 1920 году обозначил три направления регенерации типичного русского режима — хоть при царях, хоть при большевиках, хоть, добавим мы, при Владимире Путине: восстановление «военного могущества» России; восстановление границ державы до «ее естественных пределов»; подготовка пришествия «самодержца всероссийского».

О, эти так знакомые нам круги...

«Как-то очень быстро, — писал Гайдар, — “всадник бронзовый, летящий” превращается в монументального городничего, а лозунг “Государство превыше всего” трансформируется в мысль “государство — это я”... Государство как частная собственность бюрократии».

Книга «Государство и эволюция» посвящена памяти экономического публициста Василия Селюнина. «Лукавая цифра» Селюнина, написанная вместе с новосибирским экономистом Григорием Ханиным и увидевшая свет в февральском «Новом мире» за 1987 год, стала одним из самых важных текстов об экономике времен перестройки. Из всех десятков и сотен статей «коллективного Сахарова» эта — быть может, одна из важнейших.

В статье Селюнина сообщалось о неслыханных манипуляциях статистикой: национальный доход СССР за 1928–1987 годы вырос не в 90 раз, как следовало из данных ЦСУ, а в 6,9 раза, или в 13 раз меньше.

Пятый номер «Нового мира» за 1988 год — это его статья «Истоки». Селюнин, сам деревенский человек, из-под Вятки, показал, как советская власть корежила и калечила в человеке все живое. И как, по сути, уничтожала экономику. Селюнин был среди тех демократов-интеллектуалов и шестидесятников, кто жестко и последовательно поддерживал Ельцина и Гайдара, в том числе в самые горячие дни октября 1993 года. Миллионы людей, о чем теперь все забыли, читали эту статью,

как Евангелие. «Кому не с кем было оставить “робенков” дома, усадили их на свежую солому около гумна — всё же под призором. По-вятски таких звали сидунами: им лет по пять, а еще не ходят. Ножки тонкие, головы большие, животы пухлые — рахитики, словом. И вот вижу, проворно ползут они к молотилке, горстями пихают в рот зерно. А этого нельзя — набухнет зерно и порвет кишки. Такие вот они у меня, истоки», — вспоминал Селюнин свое детство.

Он скончался как раз тогда, когда Гайдар писал книгу, в конце августа 1994-го.

На обширном историческом фоне Гайдар в «Государстве и эволюции» разворачивает картину стран, где власть означает собственность, а собственность — власть. Описывая Древний мир и Средневековье, Егор рисовал картину постсоветской России, причем, скорее, России будущего, чья система власти устоялась ближе к нулевым годам. «Потеряешь должность — отнимут состояние. Собственность — вечная добыча власти. А власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся... Собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат захватит эквивалентную чину собственность».

То, что Гайдар называл «западной мутацией» системы «власть=собственность» — это постепенное отделение власти от собственности, создание иных, чем близость к власти, источников богатства. Для возникновения этих источников и нового независимого социального слоя нужно не сильное, а слабое государство. «Если государство, и только государство, делает собственность легитимной... рынка не будет. Если легитимность собственности не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом».

Самое главное: общество опережало в своем развитии государство, и тогда «национальные государства вызревали из общества, а не надстраивались над ним, как гигантский идол».

«Пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о невмешательстве. Не “вмешательство”, а полное подавление — вот на что запрограммировано государство такого типа».

Под восточным государством Гайдар понимал классический (почти марксистский) тип «азиатского способа производства» — при полном преобладании государства над частными собственниками. Такую систему Гайдар называл «государственно-олигархическим капитализмом».

То, что произошло с российской историей и что затем вернулось спустя годы, после того как Гайдар закончил эту книгу, описано точно и безжалостно: «...территориальная экспансия... лишь загоняла Россию в “имперскую ловушку”: с каждым новым расширением территории увеличивалось то, что надо сохранять, удерживать, осваивать. Это высасывало все соки нечерноземной метрополии. Россия попала в плен, в “колонию”, в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань государству, не принимал слишком острых форм, постоянно культивировалось “оборонное сознание” — ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным... Мощное государство... тяжелогруженой подводой проехалось по структурам общества».

Это ли не картина сегодняшней России? Закончил книгу, напоминаем, Егор в 1994-м.

Незаметно для себя Гайдар в эти годы (1994–1995, время работы в первой Думе) своим способом существования обозначил возникновение нового для России типа политика. Человека, играющего большую роль в ее политической жизни — и в то же время творца, интеллектуала, ученого. Конечно, такие люди встречались в дореволюционной России. Многие из депутатов Государственной думы первых четырех созывов, с 1905 до 1917 года, были, как и Гайдар, высочайшими профессионалами, юристами, гуманистами и философами, авторами знаменитых книг, профессорами (например, П. Милюков, В. Набоков, С. Муромцев). Но после 1917 года это время кончилось. В 1994 году Егор эту традицию возродил. Не только он один, конечно, но в первую очередь — он.

23 февраля 1994 года Госдума проголосовала за амнистию членам ГКЧП (события августа 1991 года), участникам столкновений 1 мая 1993 года, а главное — фигурантам событий сентября — октября 1993-го — «в целях национального примирения, достижения гражданского мира и согласия». На свободу среди прочих вышли Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, «министр обороны» белодомовцев Владислав Ачалов и его «зам» Альберт Макашов, лидеры самых радикальных организаций: Виктор Анпилов, Станислав Терехов, Александр Баркашов. Инициатором амнистии был Владимир Жириновский, не поддержали его в основном проельцинские фракции, хотя, например, Сергей Шахрай был активно «за».

...Впрочем, позднее в этой истории с амнистией обнаружились интересные подробности.

«Против оказался Геннадий Зюганов, — вспоминал позднее спикер Госдумы первого созыва Иван Рыбкин. — Он пришел ко мне и говорит: я хотел бы тебе сказать, чтобы ты понял. Пока эти люди сидят там, в “Лефортово” и в “Матросской Тишине”, они наше знамя! Знамя левого движения. А уйдут — потеряем знамя. Я ему говорю: “В чем же проблема, Геннадий Андреевич? Мы всех отпустим, тебя посадим, — ты будешь наше знамя”. Ну, конечно, он это тяжело воспринял».

Ельцин поначалу воспринимал амнистию главарям вооруженного мятежа так же, как Гайдар, — очень эмоционально и жестко.

Пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков описывал эти события так: «Настоящим шоком для президента стало освобождение из тюрьмы участников заговора 1991 года и неудавшегося переворота 1993 года. Это была четко рассчитанная и мгновенно реализованная интрига за спиной президента... Это было прямым вызовом Ельцину.

В субботу, 26 февраля, в первой половине дня помощники президента Батурин и Сатаров работали над письмом президента в Государственную думу, предлагая Госдуме еще раз вернуться к рассмотрению вопроса об амнистии. В проекте письма президента речь шла о “доработке постановления”.

Но было уже поздно».

Конечно, немалое впечатление произвела на Ельцина отставка генерального прокурора А. Казанника, юриста из Томска, университетского преподавателя, демократа по убеждениям, только что назначенного им на этот пост. Казанник сам пришел в администрацию с заявлением об уходе и объяснил его тем, что не согласен с амнистией политически, но юридически не видит иного выхода, кроме как подчиниться, — голосование в Думе по амнистии, это документ прямого действия, согласно Конституции.

Ельцин, однако, продолжал сопротивляться.

«Мы уже собрались уходить, — пишет Вячеслав Костиков, — когда нас (Ю. Батурина, Л. Пихою и меня) пригласили к президенту. Борис Николаевич сидел за столом с подготовленным проектом (указа о приостановлении амнистии. — А. К., Б. М.).

— Надо еще жестче, — отозвался президент. Смысл его высказываний состоял в том, чтобы “не размазывать ситуацию”, а “немедленно арестовать выпущенных по амнистии”. Он нажал на кнопку пульта и тут же при нас стал говорить с В. Ф. Ериным (министром внутренних дел. — А. К., Б. М.).

“Нужно немедленно провести аресты. Вы знаете, кого”, — сказал он, не называя фамилий.

...Весь день мы ждали свидетельств того, что приказ Ельцина будет выполнен. Но время шло, а вестей не было».

И действительно, буквально за несколько часов позиция Бориса Николаевича изменилась. Впрочем, была ли она столь твердой изначально? Вот что пишут помощники первого президента в коллективном труде «Эпоха Ельцина».

Ельцин вызывает Георгия Сатарова, своего помощника:

«— Ну что там Дума?

— Готовят политическую амнистию, Борис Николаевич.

— Значит, будут *всех этих* выпускать из тюрьмы? Что мы можем сделать?

— По новой Конституции амнистия — исключительное полномочие Думы. Причем она принимает ее постановлением, значит, даже вето наложить нельзя.

— Ну что же. Будем жить по Конституции».

Гайдар, который еще несколько месяцев назад находился в эпицентре фактической гражданской войны, воспринял амнистию чрезвычайно близко к сердцу.

3 марта в «Известиях» он эмоционально объяснил свою позицию в статье «Кто уступает экстремизму, тот становится его жертвой». Акт освобождения он назвал амнистией «мятежу, огню, террору». Гайдар видел политическую логику в действиях сторонников амнистии: «...сегодня, пока политическое море не штормит, роль системной оппозиции не слишком заметна. А вот если удастся вызвать новые волны, раскачать лодку, то тогда те же коммунисты Зюганова могут оказаться “центром”, к которому вынуждена апеллировать и та, и другая стороны... Спровоцировать пожар, чтобы оказаться в роли пожарных».

Однако Ельцин, которому решение, как видим, далось очень нелегко, — опять просчитал все на несколько шагов вперед, и довольно точно. Политические репутации выпущенных из тюрьмы узников, как и предполагал Зюганов в разговоре с Рыбкиным, сгорели довольно быстро. Хасбулатов вернулся к преподаванию и вообще отказался от политической деятельности. Руцкой позднее избрался губернатором Курской области. Бывшие мятежники или расселись в Государственной думе, или ушли на пенсию или в бизнес. Громогласные националисты и сталинисты — Анпилов, Константинов, Баркашов, Макашов — растворились в тени

времени. Забвение поглотило их сразу за порогом «Лефортово» и «Матросской Тишины».

Однако такой ситуация видится сейчас, через много лет. Тогда, в феврале 1994-го — сыром, черном, тревожном феврале, — все выглядело совершенно иначе. Никто не знал, как будут развиваться события, поведут ли узники «Лефортова» и «Матросской Тишины» вновь за собой на штурм Кремля новые толпы оголтелых сторонников или не поведут. Где большой риск — оставить их на свободе или снова заключить под стражу, пойдя на грандиозный, вплоть до роспуска, конфликт с Думой? Не было готовых ответов, шпаргалок, убедительных версий. Всё с чистого листа. Всё — с риском для государства. С огромным риском.

Однако именно в те тревожные дни Ельцин еще раз задумался о том, какую позицию ему следует занять в этой схватке. Как он должен себя вести по отношению к самым разным политическим силам и социальным группам? А итоги выборов дали ему понять, что общая картина — очень сложная.

Мы помним, что в более позднем (2007 года) интервью Альфреду Коху Гайдар говорил о том, что знал двух разных Ельциных: один человек был до событий 3–4 октября 1993 года, другой — после них. Он довольно прямо намекает здесь на то, что после кровавой драмы Ельцин изменился, пережив страшный шок.

Нет прямых свидетельств того, что эта идея Гайдара — целиком правильная, но то, что многое изменилось в 1994 году — да, совершенно очевидно и подтверждается разными деталями. Мирный переход от коммунизма к другой социальной системе, *мирная* победа над советской властью, с ее ЦК КПСС и КГБ, с ее чрезвычайными мерами и ГКЧП — была важнейшим завоеванием Бориса Николаевича. Конечно же, Ельцин поэтому тяжело переживал случившееся на улицах Москвы в октябре 1993-го. Конечно, не раз прокручивал в голове варианты — что можно было сделать по-другому, чтобы избежать этих смертей?

Итогом этих размышлений стали его окончательное решение по амнистии (совершенно неожиданное для его ближайших помощников), а затем — история с гражданским пактом «о примирении и согласии». Он намеревался подписать этот документ со всеми политическими партиями и движениями, подтвердить свою приверженность гражданскому миру, мирному движению вперед.

Президент поддержал идею Договора об общественном согласии (которую продвигали центристы в Думе), хотя это был довольно странный

по форме документ, призванный продолжить линию примирения всех политических сил после фактически начавшейся гражданской войны. Гайдар был изначально против этого акта, призванного, скорее, имитировать согласие, чем действительно установить его, — что, собственно, было невозможно. 24 апреля 1994 года в Думе Егор говорил о том, что это «очередная фарисейская попытка под красивыми словами о национальном согласии проложить путь к конфронтации».

28 апреля Договор, призванный изобразить своего рода российские Пакты Монклоа, когда-то примирившие постфранкистскую Испанию, был с помпой подписан в Георгиевском зале Кремля при участии премьера Черномырдина, председателей палат парламента Рыбкина и Шумейко, патриарха Алексия II, профсоюзных и политических деятелей. При этом Договор в результате не подписали лидеры коммунистов Зюганов и партии «Яблоко» Явлинский. Гайдар, следуя линии на поддержку Ельцина, документ все же подписал. Однако документ канул в Лету. Сегодня о нем мало кто вспоминает, и не случайно.

Пакт примирения и согласия получился какой-то усеченный. Примиряться хотели не все и не со всеми. Однако слова, произнесенные Ельциным 28 апреля 1994 года на подписании этого пакта, до сих пор имеют большой исторический смысл, их стоит вспомнить:

«Почти восемь десятилетий назад нашу страну постигла страшная трагедия. Россия была ввергнута в бездну Гражданской войны... Кровавая межа разделила людей на белых и красных, на своих и чужих, на врагов друг другу... Надо прервать кровавую череду подобных событий».

Да, у гражданской войны нет победителей и побежденных. Проигрывает в результате вся страна.

1994 год — особый в истории новой России. Переходный, пограничный, от одной эпохи к другой. От эпохи танков и ГКЧП в 1991 году, страшных столкновений на улицах в 1993-м, от эпохи революционного романтизма, политических схваток, огромных надежд — к новому напряжению, к новым проблемам и к новому витку политических и экономических кризисов.

Но пока все вроде бы спокойно. Прошли выборы в Думу. Благоразумно отпущены из тюрьмы «политические сидельцы», оппозиция лишилась «знамени». Приняты новые законы, кодексы, уставы. Строятся политические институты.

Именно этот год — с одной стороны, победный, когда можно пожинать плоды политического успеха, а с другой — совершенно рутинный, когда не

возникают пока новые грандиозные проблемы, — стал для Ельцина психологически самым трудным. Гайдар, хорошо понимавший и чувствовавший президента, этой ельцинской «раскачки» не принимал, и больше того, переживал, когда видел, что Ельцин вновь «ушел в себя».

Впрочем, в этом он был совсем не одинок. То же самое ощущали и многие ближайшие помощники первого президента, которые видели его каждый день.

Ельцин, мягко говоря, не страдал в это время от скуки. Каждый день ему приходилось решать множество проблем — по-прежнему было очень беспокойно в регионах. Очень тяжелой была экономическая ситуация. Практически заново приходилось выстраивать внешнюю политику страны, огромное значение в этом смысле имел каждый его международный визит. Его рабочий график свидетельствует о невероятном напряжении и невероятной сложности задач.

Однако Ельцин жил не только напряжением разума и воли, как Гайдар. Большое значение имели его настроение, его интуиция, какие-то трудно уловимые импульсы, которые он тем не менее остро ощущал. Ельцин был наиболее силен и бодр в острые моменты, когда перед ним вставали неразрешимые задачи. Он был решителен, когда есть что решать. (Помните, Гайдар сравнивал его с Ильей Муромцем: ну не то чтобы очень оригинально, но в каком-то смысле точно.) В этом, 1994 году решать по большому счету пока было нечего. И Ельцин мучительно искал: где же найти эту решимость, как ее аккумулировать, где взять?

Особенно остро это «отсутствие внутренней стабильности», как сформулировал проблему Вячеслав Костиков, стало заметно после берлинского и ирландского эпизодов — в конце лета — начале осени 1994 года. Однако кадры, которые разлетелись по всему миру, — Ельцин дирижирует оркестром, премьер Ирландии тщетно ожидает его у трапа самолета, — стали лишь предвестием тяжелых событий осени 1994-го.

Первое послание президента новому Федеральному собранию было зачитано Ельциным на следующий день после объявления амнистии. Оно было посвящено укреплению государства, что, в сущности, логично в эпоху, последовавшую за радикальной реформой, отступлением от нее, жестоким эпизодом борьбы за власть, окончанием двоевластия. Под укреплением государства, впрочем, различные политические силы понимали совсем разное. Гайдар понимал это совсем не так, как коммунисты, не так, как «Яблоко», возможно, совсем иначе, чем члены правительства.

11 марта в ходе заседания Госдумы Гайдар высказался об этом своем понимании государства — через призму бюджетной политики: «Мы глубоко убеждены в том, что выход из сегодняшнего состояния российской экономики один — это действительно путь укрепления российской государственности, но не за счет увеличения числа чиновников (и увеличения числа взяток, которые они будут иметь возможность получать). Это путь радикальных реформ, направленных на всемерное сокращение неэффективных государственных расходов, на сокращение государственного аппарата, на отказ от ненужных, по существу лишь порождающих коррупцию, форм регламентации хозяйственной жизни. Я убежден, что сильное Российское государство — это не государство, бряцающее оружием и пытающееся запугать соседей. Это государство с сильной валютой, с низкими налогами, с надежными гарантиями собственности, с надежным правопорядком».

Увы, но тогдашнее Российское государство уж очень сильно отличалось от того идеала, который нарисовал Гайдар.

«Я бы не допустил такого развития событий» — эту фразу он произнес 11 октября 1994 года, в день, вошедший в историю как «*черный вторник*»: тогда курс рубля рухнул на 27 процентов.

28 сентября 1994 года Гайдар провел пресс-конференцию, в ходе которой заявил, что в результате весенней накачки экономики деньгами Россия «может встретиться с угрозой существенного и резкого ускорения инфляции». Ситуацию он охарактеризовал как «неизбежно наступающий кризис».

И кризис наступил.

«В результате роста денежной массы в апреле — июне 1994 года, — описывали ситуацию экономисты Сергей Синельников и Георгий Трофимов, — в октябре началось резкое ускорение темпов роста цен и произошло обвальное падение курса. При сохранявшемся дефиците в 10 % ВВП вряд ли можно было ожидать другого развития событий».

По оценкам Андерса Ослунда, дефицит бюджета достиг даже не 10, а 11 процентов (в отдельные месяцы он превышал 12 процентов): «Количество денег в обращении во втором квартале 1994 года увеличивалось ежемесячно на 14 %, прокладывая дорогу усилению инфляции». Пошло массированное кредитование сельского хозяйства и «северов». Уже в летние месяцы, на что позже обратил внимание Андрей Илларионов, темпы падения валютного курса опередили темпы инфляции. Центробанк снижал процентную ставку, а в сентябре он, поддерживая курс рубля, почти исчерпал валютные резервы (при этом Виктор Геращенко

говорил, что курс рубля «завышен»).

Гайдар предупреждал, чем может закончиться удовлетворение appetитов лоббистов.

11 октября 1994 года он говорил: «Я не исключаю, что те же политические силы, которые, по сути, подтолкнули правительство к очень опасным решениям, приведшим сегодня к развалу валютного рынка, как и следовало ожидать, первыми потребуют правительство к ответу по существу за то, что оно уступило их нажиму. Это в первую очередь две фракции, выигравшие битву за бюджет нынешнего года, — аграрии и коммунисты. Именно они в конце апреля добились от правительства 10 триллионов рублей, именно после этого темпы денежной массы выросли вдвое».

Гайдар заметил, что «мы готовы сформировать другое правительство», имея в виду не только «Выбор России», но и команду экономистов, которую он объединял. Однако смотрел на этот вопрос трезво: «Надо четко представлять, что это правительство — результат выборов 12 декабря 1993 года. При всех недостатках и огромных ошибках этого правительства я очень серьезно опасаюсь, что если “Выбор России” станет в позу и вместе с коммунистами и фракцией Жириновского поддержит предложения об отставке, то на следующий день мы будем иметь Совмин, который действительно может привести нас к национальной катастрофе».

Егор точно знал, что правительство может выйти из пике, если реализует те стабилизационные меры, которые готовились еще до кризиса. В числе разработчиков этих мер были министр экономики и вице-премьер Александр Шохин, и. о. министра финансов Сергей Дубинин, заместители министра финансов Андрей Вавилов и Сергей Алексашенко, Сергей Васильев, в то время занимавший должность замминистра экономики, Евгений Ясин и Яков Уринсон. В разработке всех этих мер участвовал и сам Гайдар.

С максимально жесткими предложениями команды либеральных экономистов к Черномырдину, находившемуся в то время в Сочи, полетели Анатолий Чубайс, Евгений Ясин и Яков Уринсон, к которому ЧВС очень хорошо относился. Этот пакет мер Чубайс описывал так: «Резкое ужесточение бюджетной политики при существенном сокращении объемов расходов аграрного сектора. Против — аграрное лобби. Сокращение расходов оборонного сектора. Против — оборонное лобби. Немедленные меры по повышению налогов. Все недовольны. Одновременно с этим удвоение фонда обязательных резервов банков, то есть удвоение

налогообложения для банков страны. А что такое тогда были крупнейшие банки? Это, собственно, наши родные олигархи, тогда зарождавшиеся. Одновременно полный запрет на кредитование ЦБ экономики, то есть на печатание пустых денег».

«Всё, Толя, берись за экономику», — сказал Чубайсу напуганный событиями Чернобырдин. В начале ноября 1994 года Анатолий Борисович был назначен первым вице-премьером, уравнившим покровителя лоббистов Олега Сосковца, с которым ЧВС не хотел иметь дел и в котором видел прямого политического конкурента (что потом и подтвердилось). Министром финансов стал Владимир Пансков, внекомандный профессионал-технократ, а и. о. председателя ЦБ — Татьяна Парамонова, человек Геращенко, но чрезвычайно профессиональный и жесткий руководитель, способный к тому же к командной работе в условиях кризиса. Этому триумvirату предстояло практически воплощать то, что получило название «финансовая стабилизация» — третья составляющая гайдаровских реформ в том виде, как они были задуманы (после либерализации и приватизации).

21 ноября была создана Комиссия по экономической реформе, которую возглавил Чубайс, — штаб стабилизации, своего рода правительство реформаторов внутри «коалиционного» правительства Чернобырдина.

Замами Чубайса в комиссии стали Сергей Васильев и Максим Бойко. От Минфина в комиссию вошли Сергей Игнатьев и Олег Вьюгин; Михаил Дмитриев работал над пакетом социальных реформ (реализовать их, да и то частично, удалось лишь годы спустя). Заседания комиссии чем-то напоминали семинары 1980-х, в том числе и по составу участников. В подготовку стабилизационной программы-1995 Чубайс впряг Гайдара на полную «проектную мощность».

...1994 год — хороший год в жизни Гайдара. Он пишет книгу. Он работает над важнейшими для страны законами. Он воспитывает их с Машей маленького сына Павлика. И своего первого сына, Петю, и сына Маши Ваню. Чаще видит родителей. Может съездить на рыбалку, в конце-то концов. Если посмотреть на его рабочий график, тут тоже всё по плану, без авралов. Выступления в Госдуме и работа в бюджетном комитете. Лекции за границей. Работа в институте. Создание партии. В театр теперь можно даже сходить!

Именно в том, не таком уж простом 1994 году у него возникло странное ощущение, что нормальная жизнь возвращается! Да,

возвращается...

Конечно, те, кто жил в 90-е, прекрасно помнят, что она и не прекращалась никогда, но, увы, порой шла на фоне тяжелых, даже трагических событий. Но теперь вроде бы даже и фон изменился! Хорошие, солнечные, живые и прекрасные дни наступили.

Правда, одно событие в его частной жизни вызывает не столь однозначное настроение. Построен дом на Осенней улице (строго говоря, реконструировали уже стоявшую «коробку», заброшенный объект).

Его задумал Ельцин еще два года назад, когда стал президентом. Ему казалось, что со своей тогдашней командой он будет работать долго, очень долго. Закладывался по советским меркам — на целую эпоху вперед. Не оценил турбулентности разворачивающихся событий. Но Борису Николаевичу думалось: пусть «свои» живут рядом — мало ли что, опять какое-то безобразие случится, а все тут, собраться можно за минуту.

В его «секретарском» доме на улице 8 Марта в Свердловске, действительно, пару раз при чрезвычайных ситуациях проводились ночные совещания с секретарями обкома и другими заинтересованными лицами.

Опять же, дом охраняемый.

Вот так в этом добротном, кирпичном, совсем не шикарном, хотя и удобном доме на Осенней улице поселились порой совершенно несовместимые персонажи. Например Егор Гайдар и Александр Коржаков.

А ту старую, прекрасную квартиру на Мясницкой, где жили бабушка Лия с Самсоном Вольфовичем, Гайдар сдал Моссовету. Новая мебель, ремонт, переезд. Тоже нормальные, в общем даже неплохие, события.

Хотя квартиру в центре было жалко. Но Гайдар по-прежнему был щепетилен.

В этой квартире на Осенней улице до сих пор живет младшее поколение Гайдаров — сын Петр, его жена Юля, дети... В ней хранят память о Егоре; кабинет его до сих пор стоит таким, каким был при нем, — те же книги, те же вещи и бумаги на столе. Практически музей.

Дом на Осенней улице, в хорошем, благополучном московском районе, с чудесными холмами, скверами, приличной экологией оказался непростым; многие оттуда хотели уехать. Тяжело было встречаться с бывшими коллегами, иные из которых оказались вдруг чуть ли не врагами. А уехать было трудно.

Егор на Осенней прожил несколько лет, а затем окончательно переселился вместе с женой Машей в Дунино, где купил участок и начал строить дачу.

...Однако ощущение мира и покоя оказалось ложным. Фон, на котором проходила эта «нормальная жизнь» 1994 года, вскоре окрасился в черный цвет. Цвет катастрофы. Началась чеченская война.

Вот как сам Гайдар писал об этом:

«Ноябрь 1994 года. Провал штурма Грозного. Полное поражение оппозиции, поддержанной танками с российскими экипажами. Власти от них открещиваются. Самолеты без опознавательных знаков бомбят Грозный, президент ложится в больницу. Вскоре принимается решение начать военную операцию в Чечне.

До того, как решение это было объявлено, пытаюсь связаться с президентом. Впервые с 1991 года не могу дозвониться. Обычно в таких случаях он мне перезванивал сразу. Потом уже, задним числом, я понял, что Борис Николаевич, догадываясь, о чем я собираюсь с ним говорить, не хотел прямо отказывать. Я знаю, что и Руслан Аушев пытался предотвратить войну, убедить Ельцина сесть за стол переговоров с Дудаевым, самому разобраться во взаимных претензиях. Он был уверен, что такая личная встреча могла бы помочь избежать беды. Борис Николаевич назначил Аушеву аудиенцию, чтобы выслушать все его доводы на этот счет, но на следующее утро после данного обещания в средствах массовой информации появилось заявление о том, что президент России никогда не будет говорить с Джохаром Дудаевым.

Не дождавшись звонка от президента, звоню Черномырдину, говорю о том, что намеченное — страшная угроза для всего, что сделано. Необходимо не допустить войны. Вроде бы соглашается. Созваниваюсь с Олегом Попцовым, говорю, что решение вводить войска — трагическая ошибка. Он присылает телевизионщиков с камерой. Выступаю, делаю заявление, прошу российские власти остановить беду».

Но «остановить беду», конечно, ему не удалось. Уж очень непростой была эта беда, и очень долго она накапливалась.

11 декабря 1994 года Борис Ельцин подписал указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики». Российские войска вошли в Чечню. До этого было еще несколько указов — 30 ноября, 2 декабря, 9 декабря. Они отражали нервозность и желание с помощью грозной риторики и «организационных мер» избежать начала войны.

Однако главное решение, определившее многие последующие события в политической истории России (и до сих пор определяющее), было все-таки принято.

Давайте попробуем разобраться: почему оно было принято. Кем

принято и как.

Мы помним, что Чеченская республика была далеко не единственным регионом России, где мог вспыхнуть конфликт. Был Татарстан, например, который требовал совершенно особых экономических условий для того, чтобы заново войти в Российскую Федерацию, и совершенно особого разделения полномочий. Были очень опасные конфликты в Ингушетии и Северной Осетии, в Кабардино-Балкарии, Дагестане. Там все было на волосок от беды, любая искра могла зажечь пороховую бочку.

Были и другие региональные очаги напряжения — области то пытались ввести свою валюту в 1992–1993 годах, как Нижегородская или Свердловская (Уральская республика), то выбирали в губернаторы коммунистов и резко отказывались выполнять те или иные федеральные законы, регионы были охвачены шахтерскими забастовками (Кемеровская область) и, по сути, там власть принадлежала уже забастовочным комитетам.

Всякое было. «Они хотели разного, — говорил в интервью советник президента по национальным вопросам Эмиль Паин. — Никто не знал, где проходит черта. Никто не знал, до какой степени будет рассыпаться Россия. И, естественно, Ельцин поставил себе задачу не допустить этого распада. И нужно сказать, что, в общем-то, ему это удалось. Последовательно уровень сепаратизма слабел, к 1994 году, за исключением Чечни, все остальные так и или иначе присягнули своей лояльностью и доказали ее. По сути. И выборами, и участием в политических процессах, и во взаимоотношениях с Ельциным... Могу сказать, что в 1992 году, а особенно в 1993 году, когда начался кризис власти, когда был конфликт между президентом и парламентом и каждая из ветвей власти заигрывала с регионами, это было время, когда было непонятно, кто начальник в стране. Кто кому подчиняется. И по тону, и по характеру взаимоотношений, по неисполнению обязательных распоряжений, все это было непонятно, но к 1994 году эта ситуация изменилась. В силу целого ряда причин, в том числе и в силу того, что двоевластие закончилось... Осталась Чеченская республика. Совершенно специфический край, и там была совершенно особая ситуация. С новыми лидерами, потому что, скажем, Шаймиев в Татарстане очень опытный политик, который знал, до какой меры можно опираться на этнический сепаратизм. В какой-то момент он сам его как бы увел в казарму, этот сепаратизм. И понял, что нормальные взаимоотношения с центром являются благом и для него, и для элиты, и для республики. И за счет таких взаимоотношений он добился действительно значительных преимуществ экономических, по крайней

мере для Татарстана. А в Чечне пришел человек, который никогда не занимался политикой, и должен вам сказать, что это показывает угрозу, опасность прихода к власти людей, не имевших опыта территориального управления... Это был человек своего времени. Во-первых, это был первый генерал-чеченец в Советской армии, и, соответственно, он был очень высокого мнения о себе. Во-вторых, он прошел школу и Афганистана, а с другой стороны, и либеральной Эстонии, где базировалась его дивизия, где он жил и видел, что там происходит. И вот такая гремучая смесь из разных культурных слоев — она сформировала человека чрезвычайно утопического. Если посмотреть на его планы экономического развития Чечни, то сегодня их можно представить в виде анекдота. Ну, скажем, там был план прорыть водопровод из Чечни в Эмираты и продавать свежую воду, значит, там, где ее не хватает».

В ноябре 1991 года Ельцин в первый раз вводил чрезвычайное положение в Чечне. Причем это решение совпало по времени с назначением «правительства реформ», которому в то время, когда нужно было в ручном режиме спасать арестованные за неуплату корабли с зерном, было совсем не до такого рода конфликтов. Тогда Борис Николаевич быстро отыграл назад.

К весне — началу лета 1992-го обострились не только отношения с Дудаевым. Всплыла и другая история — фальшивых «чеченских авизо», бланков бывших спецбанков Чечни для перечисления денег. Центробанк, не разобравшись, механически платил. По данным на июнь 1992-го, платежи на более чем 800 миллиардов рублей прошли по 2900 фальшивым авизо. Главе Центробанка Георгию Матюхину, когда тот навел минимальный порядок с распознаванием фальшивок, угрожал по телефону с требованием продолжать выплаты лично Дудаев.

Принимал чеченскую делегацию и Егор Гайдар. В ноябре 1992-го именно он предотвратил первую попытку решения проблемы Чечни военным путем — у силовиков был большой соблазн, раз уж все равно пришлось заниматься осетино-ингушским конфликтом, заодно «заскочить» и в Чечню. Гайдар договорился с главой дудаевского правительства Яраги Мамадаевым о линии разграничения федеральных войск и чеченских формирований. А потом с трудом убедил президента и силовое лобби в том, что эскалация конфликта к хорошему не приведет.

...Начитанный Гайдар хорошо понимал, что такое депортированный народ. Многие из тех, кто был готов воевать за независимость Чечни, родились в ссылке в Казахстане (как Аслан Масхадов) или пережили депортацию (Дудаеву было всего восемь дней, когда его семья была

отправлена в Павлодарскую область).

Словом, Чечня была «черной дырой» в законодательном и правовом смысле — и потому она очень тяжелым образом влияла на окружающее ее пространство. Дело было не только в фальшивых авизо. Неизвестно куда проваливались пособия и пенсии, которые исправно переводили российские банки.

«Можно спорить о том, каков был объем нелегального бизнеса в Чечне. Но то, что он был, в этом нет никакого сомнения, — говорит Эмиль Паин. — И, кстати говоря, это общее правило любой непризнанной территории. Практически все они так или иначе развивают подпольный теневой бизнес. Это и шалинская фабрика по производству фальшивых денег, это и фальшивые авизо, это и продажа автомобилей. Всякий автомобиль, переехавший эту непризнанную границу из России, всякий украденный автомобиль становился тут же недоступным для поиска, это была удобная форма сбыта, продажи, перепродажи не только для местного криминалитета, но и для российского». Не раз бандиты, захватившие заложников, скрывались на территории Чечни.

В Чечне начиная с 1993 года шла открытая гражданская война. Русское население стремительно сокращалось в разы — люди бежали из родных мест, порой под дулами автоматов.

Там был Надтеречный район, не подчинявшийся Дудаеву, там были свои лидеры оппозиции — Автурханов и Лабазанов, там шли постоянная стрельба и порой жуткая резня. В этой ситуации, не понимая, что дальше делать с такой Чечней, в Москве приняли решение «помогать оппозиции».

...Горькая правда состоит в том, что решение о «спецоперации» — штурме Грозного силами оппозиции с участием российских вертолетчиков и российских танкистов — готовилось с согласия и по поручению российских демократов, вчерашних депутатов — главы Федеральной службы контрразведки (ФСР) Сергея Степашина, главы администрации Сергея Филатова, и других, в большинстве своем еще недавно гражданских, мирных людей. Они не оценили риски. Операция была подготовлена из рук вон плохо. Танкистов, нанятых «по контракту», не имевших ни жетонов, ни документов, чеченцы захватили в плен и продемонстрировали всему миру. Этот позор трудно было пережить. Тем не менее и после этого ноябрьского провала ситуацию можно было обернуть вспять.

Гражданские лица — советники-помощники от Георгия Сатарова до Юрия Батурина и Эмиля Паина — были отстранены от процесса принятия решения. Впоследствии открещивались от того, что стояли за войну, и

министр внутренних дел Виктор Ерин, и министр обороны Павел Грачев.

В любом случае у такого рода фатальных шагов нет одного автора. Фамилии поднявших руки «за» известны — но автора нет.

«На этом совещании, — рассказывал впоследствии Павел Грачев, — когда я сказал “нет”, Виктор Степанович встал, хотя мы друзья были еще с тех времен, и сказал: “Борис Николаевич, нам такой министр обороны не нужен. У меня есть предложение освободить его от должности, назначить другого”. Тогда Ельцин сделал перерыв на этом совещании. Они удалились: он, Лобов (секретарь Совбеза. — А. К., Б. М.), Шумейко, Борис Николаевич и Рыбкин. Решать мой вопрос. Через десять минут Борис Николаевич выходит и говорит: “Павел Сергеевич, мы вас освобождаем от должности не будем, но в десятидневный срок подготовиться к ведению боевых действий”. Тогда я сказал: “Борис Николаевич, уже зима на носу и т. д., какие могут быть боевые действия в тех условиях, когда не пройти, не проехать, туманы, авиация не летает, артиллерия не знает, куда бить и т. д.?” — “Когда вы предлагаете?” — “Весной, а до этого вести переговоры”. Я хотел оттянуть время: может, успеем договориться».

По-своему видел Грачев и ситуацию сентября — октября, когда антидудаевская оппозиция могла взять Грозный: «Это Сергей Вадимович (Степашин. — А. К., Б. М.) со своими спецслужбами действовал. Опять же Доку Завгаев (бывший председатель Верховного совета Чечено-Ингушской АССР. — А. К., Б. М.) его спровоцировал на все это. Потом, конечно, другое мой краснодарский Коля Егоров (короткое время министр по делам национальностей и затем вице-премьер. — А. К., Б. М.), когда стал вице-премьером. Вот эти ребята втихомолку решили организовать поход на Грозный. Нужно было пригласить делегацию во главе с Дудаевым к себе и начинать переговоры. Никто не захотел. Я один там только летал однажды и перед входом второй раз. Короче, все отказались от мирного решения. Унизительно им было. Все отказались».

Министр внутренних дел Виктор Ерин вспоминал о том Совете безопасности: «Хорошо помню заседание Совета безопасности, когда принималось решение. Причем у людей ведь иногда такое отношение, что это там злые силовики сидели и Бориса Николаевича уговаривали, что, значит, надо такие меры принимать. Абсолютно не так. Как раз силовики в этих ситуациях лучше, чем кто-либо, понимают, что они будут в подобных ситуациях первыми, кто начнет терять личный состав, кому потом со вдовами встречаться, смотреть им в глаза».

Возможно, мотором решения в 1994-м был министр по делам национальностей Николай Егоров, который заверял, что население Чечни

на радостях будет посыпать дорогу перед российскими войсками мукой — по старинному горскому обычаю. Трудно сказать, как, какими словами он сумел убедить Ельцина, что гражданская война в Чечне обязательно приведет к тому, что чеченцы будут встречать русские войска с радостью. Откуда взялась эта логика у «кубанского казака» (он был родом из Краснодарского края и даже некоторое время был губернатором), который уж точно должен был знать психологию чеченцев.

Однако ответственность, главную ответственность несет все же тогдашняя силовая элита, объединенная общим брендом «Ельцин», сбросившая на Ельцина всю тяжесть принятого решения.

Чечня — ошибка Ельцина, которую он и сам считал ошибкой и не раз говорил об этом. Но ошибка ошибке рознь.

Бывают ошибки, последствия которых длятся десятилетиями, если не веками.

Трупные яды чеченской войны (и первой, и второй), невидимые яды до сих пор разлагают российское общество. Да, милитаристская риторика уже не возбуждает и не мобилизует широкие массы, да и большая война пугает респондентов социологов все больше и больше. Но нет никакого антивоенного движения, нет страха — что показали Крым и Донбасс — перед «маленькой победоносной войной». Ничего противоестественного в современном состоянии дотационной и де-факто отделенной от российского правового поля Чечни большинство населения не видит. Это как бы «чужая» проблема.

Война вдавила гигантский и глубокий след в историю России и сознание россиян. Она не вернула рациональный взгляд на военные операции, ведущие к бессмысленной гибели людей ради самоутверждения лидеров нации. Уроки той, совсем «незнаменитой», войны 1994 года нам всем еще учить и учить.

Итак, 29 ноября Ельцин публично предъявил ультиматум дудаевцам, требуя сдать оружие и отпустить пленных. 2 декабря начались налеты федеральной авиации. 6 декабря на окраине Грозного состоялась встреча Грачева и Дудаева. Министр обороны напомнил об ультиматуме Ельцина — сдать оружие, распустить армию. К такому разговору генерал-майор советской авиации Джохар Мусаевич Дудаев не был готов, при том что до последнего не верил словам Грачева о том, что полноценная война действительно может начаться.

Из теряющего популярность диктатора Дудаев в считанные дни снова превращался в народного героя. Яраги Мамодаев, уже давно

рассорившийся с Дудаевым и сбежавший в Москву, направил 15 декабря резкое по тону письмо Ельцину: «На сегодня очевидно, что антинародный режим Дудаева, который потерял всякую поддержку народа, неожиданно получил ее. И это происходит каждый раз, когда Вы пытаетесь что-то лично предпринять в “чеченском вопросе”».

Коллективное решение о начале войны было принято большинством голосов ельцинского «Политбюро» (Совета безопасности). Среди тех, кто голосовал «за», сейчас в строю остался лишь Сергей Шойгу. Был лишь один голос «против» — министра юстиции Юрия Калмыкова, человека, усилиями которого в 1992 году удалось погасить конфликт в Кабардино-Балкарии. В знак протеста Юрий Хамзатович подал в отставку с поста главы Минюста и члена Совета безопасности РФ.

«Демократический выбор России» оказался перед развилкой: уходить в тотальную оппозицию или, выступая против войны, сохранить возможность диалога с властью. Для Гайдара это был очень тяжелый выбор: он понимал значение Ельцина для демократии в России. Леонид Гозман вспоминает долгие разговоры с Гайдаром на эту тему и ночное заседание руководства партии в кабинете Егора в Газетном переулке. Решение далось не сразу. Несколько раз Гайдар даже просил коллег выйти из кабинета, потому что разговаривал с кем-то из «верхних» людей — он все-таки держал дистанцию и не хотел раскрывать содержание бесед с руководителями государства или просто привык говорить на деликатные темы без свидетелей. Говорил и с Сергеем Юшенковым, и с генералом Эдуардом Воробьевым — с людьми военными, и с самым доверенным лицом из «гражданских» — Борисом Золотухиным. *Не* выступить против войны означало потерять лицо, что гораздо хуже потери процентных пунктов рейтингов. «Я принял решение, — сообщил он товарищам по партии, — мы выступаем против».

11 декабря партия организовала антивоенный митинг на Пушкинской площади, народу пришло не очень много. Но это было только начало. Вскоре антивоенные митинги пройдут по всей стране. Сохранились фото. «Борис, ты нас предал» — скромный, от руки нарисованный транспарант. И рядом — окруженный людьми Гайдар.

Егору быстро обрезали правительственную связь. И остановили любые возможности финансирования партии, в том числе со стороны активно входившего в политику предпринимателя, главы концерна ОЛБИ Олега Бойко.

И в те, еще относительно демократические, времена силовики решали многое. Если не все.

Это был важнейший, ключевой момент в истории второй республики. И в истории Гайдара, конечно.

Против военных действий в Чечне — и по принципиальным, и по конъюнктурным причинам — выступили в то время многие. Выступили коммунисты, «яблочники». Вскоре начал сбор подписей против войны в Чечне губернатор Нижегородской области Борис Немцов.

Но то, что против войны выступила пропрезидентская партия, партия Гайдара, — это было совершенно иного качества решение.

У российских демократов впервые появилась реальная возможность к объединению.

В феврале 1995-го в одном из интервью Гайдар пояснял смысл разногласий с партией «Яблоко», что впоследствии ему приходилось делать все чаще и чаще. «Демвыбор России» — партия правоцентристская, «Яблоко» — левоцентристская, однако «разница в оценках и подходах не может быть препятствием объединению усилий на главном направлении — противостоянии коммуно-фашистской опасности». К этому Егор относился очень серьезно, как серьезно был раздосадован и тем, что Борис Федоров поддержал военную операцию в Чечне.

Он предложил демократическим фракциям и партиям идею коалиционного соглашения на выборах 1995 года по мажоритарным округам. Григорию Явлинскому нужен был «более тесный союз». «В переводе на простой язык, — писал Егор, — это звучало так: вы хотите добиться единства демократов, я хочу быть кандидатом от демократов в президенты. Поддержите меня, и на этой базе снимем все препятствия к этому единству».

Чеченская война сблизила Гайдара и Явлинского — в силу общности антивоенных позиций. Если угодно, это было объединение на негативной основе. Только была одна существенная деталь: будучи в оппозиции к Ельцину по чеченскому вопросу, Гайдар не мог быть в оппозиции к президенту как проводнику начатых им демократических реформ; будучи в оппозиции к правительству в тех ситуациях, когда оно притормаживало реформы, Гайдар и его партия не могли быть к нему в оппозиции, когда оно принимало либеральные или, по крайней мере, рациональные решения.

Егор был не настолько амбициозен в партийной политике, как Явлинский. Точнее, его если и интересовала позиция во власти, то именно та, которая позволяла бы продолжать начатое им дело. Явлинскому нужен был пост президента. А до того — поддержка на выборах в Думу в декабре 1995 года, после окончания срока деятельности, увы, слишком «короткого»

парламента. Это абсолютно устраивало Гайдара — лишь бы политическое время не повернулось вспять.

От Красной площади, точнее, от Могилы Неизвестного Солдата, к которой политики возлагали цветы 9 Мая 1995 года, до здания Института экономики переходного периода в Газетном переулке даже совсем неспешным шагом всего-то минут десять-пятнадцать. Но за это время Егор Тимурович и Григорий Алексеевич обо всем — то есть о двухпартийной коалиции и поддержке Явлинского на президентских выборах — договорились.

Гайдару, впрочем, еще нужно было убедить политсовет своей партии в рациональности такого союза (что оказалось делом совсем не легким), а Явлинскому — поговорить со своими. «Своим» такой вариант не нравился, в том числе потому, что не нравился тот тип реформ, который начал проводить три с половиной года назад Гайдар. Эти противоречия были чрезвычайно серьезными. Но теперь речь шла о консолидированных действиях. Иначе — провал, причем на всех выборах. Предсказуемое поражение от коммунистов.

Вот логика Гайдара: «Снова обдумываю альтернативы. Без единства демократов настоящего либерала в президенты нам не провести. Наиболее серьезная угроза — коммунисты, в первую очередь Зюганов. Кто может ему противостоять? Ельцин? Черномырдин? На май 1995 года они слишком завязли с чеченской войной... Отсюда единственный шанс — создать демократический блок».

В телевизионной программе «Итоги» на НТВ, в то время невероятно популярной, Гайдар и Явлинский объявили о создании коалиции. Публично объявили, их слушала вся страна... Детали обсудили тем же вечером в мягких креслах, и по сию пору стоящих вокруг журнального столика в кабинете Егора в Газетном переулке. Союз скрепила бутылка греческой «Метаксы», тогда служившей образцом элитного крепкого напитка.

...На следующий день Явлинский отказался от договоренностей. Что-то произошло в кругу его соратников. Не вполне очевидно, что именно, но лидер «Яблока» счел Гайдара и его партию не активом, а обременением в электоральной политике. Обременением, нарушавшим чистоту его политического образа. Гайдар выглядел для «Яблока» слишком проельцинским, строителем номенклатурной демократии, номенклатурной собственности (в терминах публициста-шестидесятника Юрия Буртина) и бюрократического рынка, токсичным с той точки зрения, что дал имя реформам, которые Явлинский не поддерживал и к которым ревновал.

Аргументы в пользу того, что развал еще не созданной коалиции — это очевидное поражение и на парламентских, и на президентских выборах, в то время, вероятно, казались Григорию Алексеевичу не слишком убедительными, а трудности — преодолимыми в одиночку.

Для Егора эта история оказалась чрезвычайно болезненной. 20 мая 1995 года он отозвался об этом крайне резко: «Я не могу это оценить иначе как предательство».

Вот как он сам излагал эту ситуацию с неудавшимся объединением демократов:

«Григорий Явлинский нередко заходил ко мне поговорить не на публике. Нас объективно сблизила начавшаяся чеченская война. Мы оба считали ее опасной и бессмысленной авантюрой, не имеющей военного решения, выступали за прекращение боевых действий. Наши депутаты вместе работали в Чечне, пытались добиться освобождения раненых, обмена военнопленных. Мы совместно выдвинули в Думе ряд законодательных инициатив, совместно их подписали, поддержали ряд общих заявлений. Одновременно чеченская война развела нас и с правительством, и с президентом. Казалось, само развитие событий с неизбежностью подталкивает демократов к тому, чтобы объединиться и совместно выступить на следующих парламентских и президентских выборах.

Было ясно, что ключ к единству — союз двух крупнейших демократических сил, представленных в парламенте фракциями “ДВР” и “ЯБЛока” (эти три прописные буквы означали, как мы помним, фамилии трех основателей — Явлинский, Болдырев, Лукин, которых в дальнейшем судьба развела далеко. — А. К., Б. М.). В случае достижения согласия между ними для других, малых демократических партий и блоков, просто не оставалось иного выбора, как присоединиться к большой коалиции. В этой связи мои коллеги по “Выбору России” предложили такое решение. Мы заключаем с “ЯБЛоком” коалиционное соглашение о сотрудничестве по мажоритарным округам, договариваемся об общих подходах к стратегии и тактике пропагандистской кампании. А также о том, что тот демократический блок из входящих в коалицию, который получает больше голосов, будет иметь и право назвать своего кандидата в президенты, мы его вместе поддержим. Эта идея в общем не вызывала у Явлинского возражений, но казалась ему недостаточной. Он неоднократно говорил о том, насколько важно было бы сразу, не дожидаясь результатов выборов, определиться с кандидатом в президенты, с составом коалиционного правительства и общей платформой.

Соображение не бесспорное, но и не лишенное убедительности. В переводе на простой язык это звучало так: вы хотите добиться единства демократов, я хочу быть кандидатом от демократов в президенты. Поддержите меня, и мы на этой базе снимем все препятствия к этому единству. Своей идеей Григорий Явлинский делился с некоторыми членами нашей фракции, в частности с моим заместителем Борисом Золотухиным, просил ее поддержать.

...Решение для меня было непростым. Действительно, демократические избиратели настойчиво требовали от нас единства. Им трудно было разобраться в том, кто выступает за него, кто — против. Они видели другое: суэта и амбиции демократических лидеров не позволяют им соединить усилия для отпора реальной угрозе коммунистического реванша. На сей раз никто уже не спрашивал, откуда Гайдар выкопал эту угрозу, она — налицо. Было очевидно: если мы договоримся, это придаст нашим избирателям дополнительный оптимизм и уверенность в силе российской демократии. Появятся серьезные шансы усилить свое представительство в Думе...

Я понимал, что без моего согласия на это его условие коалиции не будет, а значит, и надежды победить на парламентских и президентских выборах практически тоже не будет. Либо мы идем на выборы разрозненными и рискуем потерпеть тяжелое поражение, либо добиваемся единства, но ценой поддержки кандидатуры Григория Явлинского в президенты.

Взвешиваю все доводы. Да, Явлинский — честолюбец, но ведь интеллигентный человек, умный, не любит ни коммунистов, ни национал-социалистов, противник войны, сторонник частной собственности. Подробно беседую с ним насчет его экстравагантных финансовых идей, реализация которых, по моему убеждению, опасна, способна развалить народное хозяйство. По разговору понимаю — в этом вопросе он отнюдь не собирается отстаивать свою жесткую позицию. Мы договариваемся встретиться на телевидении, в очередных “Итогах”, с тем, чтобы подготовить избирателей к возможности нашего сотрудничества.

На следующее утро назначаю заседание Политсовета “ДВР”, чтобы проинформировать своих коллег о ходе переговоров, получить их принципиальное одобрение. Общий мандат на проведение переговоров мне предоставил прошлый пленум Совета партии. Утром — восторженные звонки и телеграммы из Москвы, Питера, регионов — ну наконец-то, договорились о единстве, не подвели. Резкий перелом в настроении демократического электората очевиден...

Сразу после Политсовета подходит кто-то из журналистов, спрашивает, как я прокомментирую заявление Явлинского о том, что блока между нами не будет. Думаю, что это какое-то недоразумение, говорю, что не знаю о таком заявлении. До вечера пребываю в убеждении, что речь идет о какой-то ошибке, ведь еще оставшиеся не решенными между нами вопросы носят технический характер. Вечером смотрю новости, худшее подтверждается. Звоню Явлинскому, прошу завтра подойти ко мне и договориться, как выходить из положения, все еще надеюсь, что речь идет о технических огрехах. Однако настораживает растерянный голос Григория. Условливаемся встретиться в кабинете Сергея Юшенкова. Наутро приходит Явлинский, в глаза не глядит. Я говорю о том, что надо срочно исправить положение, сделать совместное заявление, подтверждающее наше единство и договоренности. Он в ответ произносит что-то маловразумительное. О внутренних трудностях в “Яблоке”, о том, что решение не было достаточно тщательно подготовлено и возникли какие-то проблемы. Все дальнейшее просто не понимаю. Кажется, еще что-то о коммунистах, которые, по его мнению, в борьбе с нынешней властью могут стать союзниками.

Думаю, что именно в тот момент было predetermined поражение демократов на парламентских выборах 1995 года. Разрыв договоренностей между “ДВР” и “Яблоком” объективно открыл дорогу дальнейшему дроблению сил демократии».

Прервем цитату и переведем дух.

Гайдар оказался прав — и снова на десятилетия вперед. Неспособность демократов объединиться predetermined развитие всех дальнейших событий.

А ведь шанс был. Трудно сегодня задним числом выстраивать «альтернативную историю», но если бы в тот момент, в 1995 году, Явлинский не отказался от союза с Гайдаром, возможно, по-другому бы сложились и парламентские, и президентские выборы.

Другим курсом пошла бы современная российская история.

Леонид Гозман говорил нам в интервью, что очень ранним утром того дня, когда Гайдар ждал от Явлинского официального подтверждения межпартийного союза, часов в шесть или семь утра — к Явлинскому домой явился некий посланник. Именно его аргументы оказались решающими.

Скорее всего, это был Владимир Лукин...

Трудно сказать, под влиянием чего Явлинский принял это решение, что было главным — его собственные сомнения, позиция его ближайшего

окружения, давление третьей силы?

Но чье бы ни было это решение — это, конечно, стало трагической ошибкой.

Но все-таки — почему так произошло? Что происходит с российскими демократами, и тогда, и теперь? Почему их объединение невозможно?

Ответ не лежит на поверхности. Довольно точный диагноз содержится в рассуждении о «пропасти» между интеллигенцией и народом, которая в России куда больше, чем в других европейских странах. Это правда.

Интеллектуалам свойственно сталкиваться лбами, спорить из-за идей, ценностей; ярким, творческим людям порой трудно жить в одной берлоге, под одной крышей. Но если в других странах интеллектуалы совершенно естественным образом расходятся по разным партиям и движениям, на разные идейные полюса — то у нас «оппозицию» как будто нарочно согнали в одну нишу, чтобы вызвать внутри этой ниши раздрай и свару. Ведь все остальные партии — это, как и в СССР, всего лишь «социальные лифты», путь к власти и собственности, прикладные политические инструменты, не более того. То есть верные наследники КПСС. Другими они так и не стали за долгие годы своего существования. Трудно понять, почему за тридцать лет из Коммунистической партии России не выделилась хотя бы одна, пусть небольшая социал-демократическая фракция. Почему даже «Яблоко» не родило новых фракций и движений, не говоря уж о политических наследниках Гайдара. «Партия интеллигенции» по определению не может быть единой. Объединение на таких основаниях по-прежнему невозможно. У нас нет нормальных партий. Поэтому нет и союзов.

...Но ответ содержится и в самой биографии Гайдара.

Пожалуй, он был единственным, кто всегда мог пожертвовать собой ради того понятия, которое у российских народников XIX века, а до них — в традиции классической философии называлось «общим благом». Ради этого общего блага он всегда мог наступить на горло собственной песне, не бояться умалить свое значение, пойти на союз и компромисс.

В этом он был наследником тех демократов 1980-х, которые создавали новую реальность в политике: Сахарова и его коллег по «межрегиональной депутатской группе», политических активистов, приведших к победе на выборах Ельцина, Попова и Собчака, всей демократической интеллигенции 80-х.

Но, пожалуй, он был единственным или почти единственным из тех, кто следовал этой традиции, этой верности идеалам второй республики все 90-е годы. Одним из немногих...

Попытки объединить демократов не оставлял Гайдар и позже.

Михаил Шнейдер, демократический активист 80-х и 90-х, пишет о теме объединения так (хотя с его мнением многие могут поспорить):

«Единственный человек, кто понимал, о чем речь, был Е. Т. Гайдар. В 1998 году он вывез тогдашний федеральный политсовет ДВР в один из подмосковных пансионатов на брейнсторминг, в котором родилась идея коалиции “Правое дело” и план дальнейших действий. К сожалению, запал через несколько лет испарился. Обычное “головокружение от успехов”».

Миссия оказалась невыполнима.

Глава десятая. Миссия невыполнима

8 мая 2019 года мы пришли к Анатолию Борисовичу Чубайсу на последнее интервью для этой книги. Тема предстояла тяжелая — последние годы Гайдара, включая его уход из жизни. Речь зашла и о здоровье, и о кризисе, и о том, почему Егор Тимурович не очень хотел лечиться. Вот что сказал по последнему поводу Чубайс:

«Там причина базовая была совершенно душераздирающая — он жить не хотел. Вот есть такое явление — ему неинтересна была жизнь. А если есть эта исходная позиция, то все остальное бессмысленно. Надо лечиться. Лечиться, чтобы что?»

Наверное, это было как-то связано с самореализацией в той или иной степени, но ему жизнь была неинтересна.

— Он вам говорил об этом?

— По сути дела, почти этим текстом он и говорил. И это была основа всей драмы. У него это не проявлялось ни в депрессии, как это бывает в таких случаях, ни в апатии, ни в снижении активности. Нельзя сказать, что он “ходил, раздавленный горем”. Нет, этого не было.

Он работал, был в нормальном состоянии. Вечером перед гибелью он был у меня на совещании, абсолютно работоспособный, нормальный, адекватный. Но внутри...

Когда есть эта исходная глубинная внутренняя установка, то все остальное из нее произрастает.

— Он был задействован в Государственной думе, разработке программ для правительства до 2004 года, а потом что? Что-то такое кончилось, и у него вдруг резко обострилось все это?

— Мне кажется, слово “резко” здесь не очень применимо. Это все-таки довольно плавные процессы.

Был проект остановить, предупредить Запад с противоракетной обороной (мы об этом будем подробно говорить в дальнейшем. — А. К., Б. М.), эта вовлеченность была очень внутренней, глубинной, личностной и очень для него важной. Но можно, наверное, сказать, что такого характера проектов ему не хватало. Судьбоносных для России. Курс страны был очевидно не тот, который его бы порадовал. Но если внутри этого курса у него была возможность делать что-то по-настоящему значимое, то думаю, что это повлияло бы на его состояние.

А все наши попытки его лечить, и так далее, были заранее обречены на

провал».

Немного иначе видел последние годы Гайдара другой его близкий товарищ, Яков Уринсон:

«У Егора была надежда, что удастся продолжить то, что не удалось сделать в 1992-м. Мы же в 1992-м сделали одну десятую того, что надо было сделать. Все, что было сделано, было сделано Гайдаром буквально за три месяца. Пришел он в ноябре 1991-го, а в декабре 1992-го ушел. И все было сделано за несколько первых месяцев, когда были приняты все эти решения. Но была и масса недоделок...

Но на самом деле в голове у Егора сидела огромная программа тех действий, которые надо предпринимать. Он переживал, что реально этого сделать не смог. Буквально до последнего дня своей жизни он считал, что он виноват во всех тех несчастьях, которые происходят.

— *А ключевые вещи — это какие, из несделанного?*

— Это, прежде всего, политическая реформа, конечно. Ведь у нас же какая была идеология, которой в том числе и Егор придерживался? Что наше дело — экономика, а Борис Николаевич, его аппарат, Гена Бурбулис и т. д. — они занимаются политической реформой, взаимоотношениями с партиями и т. д. А потом он понял, что это была ключевая ошибка, что в 1992—1993-м абсолютно не занимались никакими политическими делами. Он много ошибок всегда находил, но это была одна из ключевых — что занимались только экономической реформой и не занимались реформой политической системы.

Я в то время, во время работы в правительстве, жил в “Успенском”. Он часто к нам заезжал. Мы на террасе с ним сидели, обсуждали всякие вещи. Мне это, конечно, сильно помогало. И я много раз сам к нему ездил. Он всегда был в курсе наших дел. На рыбалке сидишь с ним, поплавок уже ушел чуть ли не на дно, а он сидит и что-то думает.

Проблемы со здоровьем у него начались в 1995-м. Он по-разному лечился, в разных местах. И он очень хотел вылечиться.

У него разные проблемы были со здоровьем: то с давлением, то с желудком, то еще что-то. И потом, он же работал как вол, я не знаю. Они же с Чубайсом при мне много раз спорили, сколько надо в день работать — 14 часов или 16. Гайдар говорил — 16.

Особенно это стало ощущаться в последние годы. У него появился какой-то комплекс. Жена моя свидетель, он приезжал, мы садились с ним на кухне, выпивали по маленькой рюмочке — ему нельзя было пить, совершенно, хотя он выпивал, — и он начинал говорить: “Это я не так сделал, в этом я виноват”. Он во всем себя винил. Его уже в правительстве

давно не было, а он все равно считал, что он виноват.

Ну и потом, изредка его же Ельцин к себе все-таки звал посоветоваться, и начиналось: “Вот я это не так Ельцину сказал, надо было рассказать так”. И он все время переживал, все время мучился из-за этого. Хотя он был уверенный в себе человек.

Как видно, у него нервная система уже была абсолютно разрушена. Потому что он все время жил в напряжении. Я не помню ни одного случая, чтобы он расслабился, вот даже мы поедem в Финляндию на рыбалку — вместо того, чтобы рыбу ловить, все время какие-то проблемы у него в голове крутятся, и он их решает.

И переубедить его было невозможно. Мы все, конечно, пытались как-то... Он особенно Чубайсу доверял, они самые близкие друзья были. Но он тоже иногда совершенно отчаянно жаловался, что ничего с Егором поделатъ не может».

Конечно, нельзя воспринимать слова друзей слишком буквально — он многое успел за эти последние годы, он радовался жизни и просто жил: путешествовал, растил детей, писал книги, по-прежнему принимал участие в разработке важнейших экономических законов и программ, но...

Но всё же многие знавшие его говорят, что той миссии, которая соответствовала бы масштабу его личности, Гайдар уже так и не нашел.

Ее не было, хотя он бросался то к одной, то к другой — но она каждый раз оказывалась почему-то невыполнима. Может быть, потому что он перестал совпадать со своей эпохой. Сама эпоха стала более будничной, рутинной. Циничной. Менее революционной. И вот это пережить ему было трудно.

Ему, всю жизнь настаивавшему, что только эволюция, а не революция способна улучшить жизнь человечества.

14 июня 1995 года 195 боевиков под командованием одного из лидеров чеченских сепаратистов тридцатилетнего Шамиля Басаева захватили административные объекты города Буденновска в Ставропольском крае, а затем районную больницу. Суммарно — более 1500 заложников.

15 июня террористы высказали требования о прекращении боевых действий в Чечне. 17-го начался беспорядочный штурм больницы. Гайдар был на постоянной связи с Сергеем Адамовичем Ковалевым, депутатом «Демвыбора», уполномоченным президента по правам человека. Он находился внутри больницы. «Ковалев передал через одного из отпущенных заложников предложение Басаева договориться о временном

прекращении огня и, в обмен на него, отпустить часть беременных женщин и женщин с новорожденными из родильного отделения, — писал Егор в мемуарах, — Сергей Адамович просит меня связаться с кем-нибудь из руководителей, способных принять такое решение».

Ельцина не было в Москве, он находился в Канаде на заседании «семерки». На авансцену событий вышел Виктор Черномырдин. Ночью Егор убедил Виктора Степановича в том, что надо дать распоряжение прекратить огонь. На следующий день, 18 июня, Сергей Ковалев сообщил, что Басаева, судя по всему, можно остановить обещанием начала мирных переговоров по Чечне, и если Черномырдин даст полномочия омбудсмену на разговор об этом с главой террористов, он этот разговор проведет. Гайдар дозвонился до Черномырдина — но только после того, как сообщил по Центральному телевидению, что на его звонки никто в правительстве не отвечает.

О деталях вспоминал тогдашний глава ТАСС и вице-премьер Виталий Игнатенко: «Я вошел в кабинет премьера, он был на связи со штабом спецподразделения. Было ясно, что он взял руководство переговорами на себя, президент Б. Н. Ельцин был с визитом в Канаде. На кон был поставлен авторитет власти. Все решали минуты.

Я рассказал, что только что переговорил с нашими и зарубежными журналистами. У них был прямой разговор с Басаевым. Положение, как мне рассказали, критическое. Басаев настаивает на своих требованиях.

— А он в состоянии что-либо слушать? — выдохнул Виктор Степанович.

Сделал несколько решительных диагоналей по кабинету. Потом попросил:

— Готовь прессу, кого сможешь, подтяни в приемную. Буду говорить с Басаевым из приемной.

Я кинулся выполнять указание премьера. Первым появился Саша Гамов из «Комсомолки», потом президентский пул, ОРТ, «Российская газета». При них начался тяжелый разговор премьера с террористом. Вдруг Басаев бросает в трубку:

— Откуда я знаю, что вы Черномырдин?

— Ты где сидишь там? — спросил Виктор Степанович.

— В кабинете главврача.

— Телевизор там есть?

— Да, есть.

— Тогда жди, — и Виктор Степанович кинул взгляд на меня.

Я принялся звонить на каналы телевидения. Быстро и

профессионально в минуты переверстали сетку вещания. Виктор Степанович снова включился в разговор с Басаевым. И сделал ряд уступок его требованиям. 20 июня участники бандформирования отпустили заложников и скрылись. По условиям договоренности их не преследовали. Почти 2000 человеческих жизней были спасены».

Но до 20 июня еще была вероятность штурма. Опасениями с Гайдаром поделился Сергей Адамович Ковалев. Гайдар предупредил Черномырдина о явной готовности силовиков принять решение о начале штурма.

«Тогда ночью действительно было принято решение о штурме, — вспоминал Гайдар, — и только предельно энергичное вмешательство Черномырдина позволило спасти людей. Я думаю, не только у меня есть основания испытывать благодарность Виктору Степановичу за его действия во время буденновского кризиса».

Отношения Черномырдина и Гайдара, двух первых премьеров правительства постсоветской России, никогда не были простыми. Они прошли через целый ряд кризисов: это и попытка «замораживания цен» в 1993 году, и «черный вторник» 1994 года, и чеченский кризис. Но при всей остроте критики со стороны Гайдара, при всем ревнивом отношении к нему Черномырдина — они относились друг к другу с уважением. Они знали цену друг другу.

Одним из таких опасных порогов в бурном потоке реформ была денежная приватизация 1994–1997 годов. Так называемые залоговые аукционы, тоже сыгравшие огромную роль в российской истории.

...В бюджете 1995 года были предусмотрены доходы от денежной приватизации в размере более 8 триллионов рублей при бюджетном дефиците в 50 триллионов. Продавать, строго говоря, было нечего — парламент наложил запрет на продажи акций нефтяных компаний, к концу августа, как писал Евгений Ясин, от приватизации было выручено 500 миллиардов рублей, 1/16 годового плана.

Газпром при Черномырдине-премьере, естественно, не продавался.

«И тогда, — вспоминал Альфред Кох, отвечавший за выполнение приватизационного задания, — в правительстве стали склоняться к идее, которая обсуждалась уже не первый месяц: если акции нельзя продать, их следует... заложить».

Идею в марте 1995 года предложил Владимир Потанин. А разработана она была, по свидетельству Дмитрия Васильева, Борисом Йорданом. Победившие в конкурсе отечественные банки (только отечественные) получали от правительства контрольные пакеты акций крупных компаний,

преимущественно нефтяных. Всего таким образом было выставлено на аукцион девять предприятий. Всего девять, но очень важных — это и нефтеперерабатывающие сибирские заводы, и «Норильский никель». Они, как вспоминал позднее Чубайс, сыграли роль рычага — с их помощью удалось добиться приватизации во всех регионах, на всех предприятиях страны, где до этого момента приватизация тормозилась, саботировалась, бойкотировалась всеми способами. Именно в этом, по свидетельству Анатолия Борисовича, состоял главный смысл залоговых аукционов, не говоря уже о наполнении пустого федерального бюджета.

Вот как вспоминал об этом Анатолий Чубайс:

«По-крупному картина выглядит следующим образом. Я сказал, что мы завершили в середине 1994-го первый этап приватизации, и она включала в себя магазины и т. д. “Малая приватизация” это называлось. Она включала в себя и значительную часть промышленности, но не включала в себя то, что называется “командные высоты”. Все наиболее значимые и наиболее крупные по масштабу, по численности работающих, по доходу, по влиянию на бюджет предприятия — они от приватизации отбились разными способами. В массовую приватизацию их было не вовлечь. Их можно было вовлекать только штучными решениями. “Норильский никель”, западносибирская нефть и т. д. Все директора были очень влиятельными людьми. Как правило, они были “красные”, а некоторые из них просто члены ЦК компартии, за редким исключением. Из них процентов 15–20 мы сумели приватизировать к началу 1990-х годов, а процентов 80 — нет.

АвтоВАЗ, например, в эту схему решил вписаться. А остальные сказали: “Не, мы не можем”.

К лету 1994 года стало понятно, что если не переломить ситуацию по большой приватизации, то мы не переломим ничего. Дело в том, что это не просто вопрос количественный, а это вопрос ключевой, решающий. Приватизация есть, а частной собственности нет. Пока эти командные высоты, эти главные предприятия не находятся в руках собственников, соответственно, и средние, да и малые, они работают в режиме, когда акционер приезжает на заседание собрания акционеров, а ему директор говорит: “Я тебя вычеркнул”. — “В смысле как?” — “Ну, вот так. Я вычеркнул вас из списка, из реестра акционеров”. То есть по документам есть собственность, а в реальности собственник — только директор.

Один такой акционер мне рассказывал. Он приехал к генеральному директору какого-то крупнейшего химкомбината, который они приватизировали. И акционер директору сказал: “Милейший, вот у вас

приватизация, вот у нас акции, мы купили у вас 90 % акций, мы контролирующие акционеры, нам хотелось бы как-то понимать, что происходит”, и т. д. Тот слушал, слушал, говорит: “Сынок, иди сюда”. Тот встал, подошел. Директор окно открыл: “Посмотри”. А там стоят нефтехимические бойлеры огромные. Вид сумасшедший. “Видишь?” — “Вижу”. Он говорит: “Ты охренел, что ли, что думаешь — я тебе это всё отдам? Вали отсюда”. Вот что такое приватизация по состоянию на весну 1995 года.

Всё они видели уже в этой жизни, директора. Бригадный подряд, хозрасчет, ускорение с перестройкой, и... приватизация. То видели, это видели и это видели.

И это было не про саботаж, а про реальное распределение власти».

В обмен на акции банки предоставляли правительству кредит. По истечении определенного срока либо правительство возвращало кредит, забрав обратно акции, либо акции становились собственностью банков. Понятно, что правительство едва ли нашло бы деньги, чтобы вернуть кредит. К тому же речь все-таки шла о частных собственниках — залоговые аукционы, при всех процедурных претензиях к ним, сильно разогрели рынок, начались и другие продажи, за деньги. Государство же получило только от залоговых аукционов около 1 миллиарда долларов. Бюджетное задание было выполнено, расходные обязательства профинансированы, у финансовой стабилизации появилась прочная база.

Эти конкурсы — естественно, со скандалами — проходили в ноябре — декабре 1995 года. В самое неудачное время — как раз под парламентские выборы. Коммунисты получили дополнительную возможность снова заработать очки на теме «грабительской приватизации».

Предвыборная кампания «Демвыбора» выглядела на этом горячем фоне очень слабой.

Гайдар никого не обличал, не «зажигал» электорат компроматом и черным пиаром. Пытался лишь призывать к разуму и к совести: «Убежден, национальные интересы России не в том, чтобы соревноваться с США по количеству ядерных боеголовок. Они в том, чтобы наконец начать соревноваться с развитыми рыночными демократиями по продолжительности жизни нашего населения... Убежден, наша задача не в том, чтобы, оцетинившись колючей проволокой, попытаться вновь отгородиться от Европы, а в том, чтобы решить историческую, многовековую задачу России — вернуться обратно в наш европейский дом, вернуться равноправным партнером, а не незванным гостем. Вот это

реальные национальные интересы России».

«В этой кампании, — вспоминал Леонид Гозман, — мы мало отличались от “Яблока”. Но на нас еще и висела приватизация».

Гайдар и его партия проиграли эти выборы. И дело было, конечно, не только в приватизации. Несмотря на то, что он уже дважды уходил из правительства, несмотря на его жесткую и определенную позицию по Чечне, Гайдар по-прежнему воспринимался людьми как человек, непосредственно отвечающий за все, что происходило после 1991 года. А 1995-й был годом снижения рейтинга Ельцина на фоне войны в Чечне, на фоне экономических проблем. Микроскопические успехи в деле финансовой стабилизации люди пока не ощущали на себе. Гайдар же по-прежнему воспринимался избирателями как продолжение Ельцина, как часть той силы, что пришла к власти в 1991-м. А эта сила как раз тогда переживала огромный кризис доверия.

Давайте посмотрим на итоги этих выборов опять-таки из сегодняшнего дня.

Коммунисты победили за явным преимуществом — за КПРФ проголосовало 22 процента избирателей по партийным спискам (15 миллионов голосов, 99 мандатов) плюс одномандатные округа — еще 58 мест. Всего 157. Их представительство в Думе по сравнению с 1993 годом выросло на 115 мандатов! Никогда после этих выборов коммунисты не могли набрать столько голосов и мест в парламенте. Это был их абсолютный рекорд. И это был рекорд протестного, оппозиционного голосования.

Парламент при Ельцине избирался на абсолютно свободных конкурентных выборах — что доказывают приведенные нами цифры. Именно так была устроена выборная машина в стране.

Аграрная партия Лапшина — ближайшие союзники коммунистов — получила всего 20 мест в парламенте. Но вместе с аграриями коммунисты получили серьезное большинство. Десятки избранных коммунистов-губернаторов еще больше увеличивали их политический вес.

Партия Явлинского получила в парламенте (который теперь избирался на нормальный срок, на четыре года) 45 мест.

Ну и, наконец, так называемая «партия власти». Ставка была сделана на «партию губернаторов», или «партию чиновников», под руководством Виктора Черномырдина, — «Наш дом Россия». Они много выиграли в одномандатных округах. Частично к ним перешли и люди из партии Гайдара (например, тот же Владимир Рыжков). Конечно, огромной была

поддержка лояльных Ельцину губернаторов на местах. И несмотря на это, в итоге НДР получил всего 10 процентов по партийным спискам и всего 55 мест в парламенте с учетом одномандатников.

За Гайдара теперь были только 9 депутатов, избранных по округам. Пятипроцентный барьер его партия не преодолела.

Все это было очень печально, прежде всего потому, что вместо большой демократической фракции в парламенте (которая могла бы возникнуть при соединении Гайдара и «Яблока») президент получил в Думе огромную «левую» коалицию (условно левую, а на самом деле — имперскую, просоветскую, националистическую, неосталинистскую), которая заново принялась ставить реформаторам палки в колеса.

Конечно, как явствует из воспоминаний Владимира Рыжкова, даже эта «левая», оппозиционная Дума все равно продолжала работать над реформаторским пакетом законов, но... все стало гораздо сложнее.

И самое главное — во весь рост встал после этих выборов вопрос: кто же пойдет на президентские выборы 1996 года? Кого должны поддерживать демократы и интеллигенция? Кто сможет в конечном итоге победить набравшего силу и огромный вес Зюганова?

Демократы лихорадочно перебирали фамилии. У кого-то возникал даже вариант Михаила Горбачева, что выдавало неспособность реалистически оценивать ситуацию (Горбачев набрал на этих выборах 1 процент голосов). После того как появилось сразу несколько инициативных групп по выдвижению Виктора Степановича Черномырдина (причем в буквальном смысле инициативных, не назначенных сверху), сам ЧВС в начале февраля ушел от греха подальше в отпуск. Варианта по-прежнему не было.

Раздавались (даже среди демократов) голоса в пользу отмены выборов.

Для Гайдара, который ставил перед собой задачу не допустить возвращения к власти коммунистов, после резкого разрыва с «Яблоком» оставался лишь один вариант — Борис Немцов, молодой губернатор Нижегородской области.

Основания для такого выбора были. Президент дважды называл Бориса своим преемником — при посещении Нижнего Новгорода в 1994 году и затем, представляя его Биллу Клинтону. Яркий, образованный, умеющий разговаривать с представителями любых социальных и профессиональных групп, харизматичный 36-летний высокий красавец с непокорной черной шевелюрой — таких людей в окружении Бориса Николаевича раньше не было. Приверженность демократическим ценностям и относительный успех региональных реформ, которые Немцов

разрабатывал вместе с Явлинским, превращали Бориса в идеального кандидата для демократических избирателей, расколотых своей лояльностью либо Гайдару, либо Явлинскому.

...История отношений Егора и Бориса началась в 1992-м. И первое, что отметил Немцов, — это сочетание в Гайдаре интеллигентности с жесткостью и решительностью. Контакты премьера и губернатора не были благостными. Был конфликт, связанный с кризисом наличного обращения — тогда Гайдар и Немцов сильно поругались из-за пущенных в обращение региональных денег, «немцовок», и Егор даже предположил, что Борису пора «отправляться на покой», на что губернатор ответил: «Не вы меня назначили, не вам меня снимать».

Была и ситуация, когда Немцов сильно Гайдару помог, распознав резолюцию с поддельной подписью премьера об отгрузке бэтээров из Нижнего Новгорода в Азербайджан во время карабахской войны. «Я позвонил Гайдару, — пишет Немцов в книге «Провинциал», — он сидит, мне показалось, ни жив ни мертв на том конце провода. Попросил меня непременно приехать. Я приехал. Он меня немедленно принял (а он был тогда премьер-министром!). Мы стали разбираться, и оказалось, что это поддельная резолюция. Он вызвал Баранникова (тот был тогда начальником спецслужб), потребовал разобраться. Выяснилось, что эта подделка была осуществлена не без участия азербайджанских деятелей. Вот тогда я его увидел достаточно твердым».

Лучше узнать Гайдара Борису Ефимовичу помог эпизод с решением вопроса подъема Чебоксарского водохранилища. Вопрос этот продавливало промышленное лобби в правительстве, против чего выступало руководство Нижнего Новгорода, опасаясь затопления города и заболачивания Волги. Егор вел совещание быстро и жестко и, выслушав аргументы участников, коротко и категорично подвел его итоги: «Водоохранилище поднимать не будем. Решение принято». (Это та самая история, когда Немцов безуспешно пытался «отблагодарить» Егора бутылкой арзамасской водки и еще некоторыми дарами региона, чем вызвал его страшный гнев.)

Дружба, взаимная тяга, приязнь между ними появились не сразу. Но появившись, уже не уходили никогда. Отношения не прерывались до конца жизни Гайдара.

А тогда, в 1996-м, Гайдар поехал к Немцову в Нижний Новгород — уговаривать его стать кандидатом от демократов. Немцов отказался. Возможно, не верил в свою победу. Не верил в то, что голоса демократических избирателей не будут раздроблены. Главное же, на что намекнул Гайдар в выступлении на политсовете ДВР 24 февраля 1996 года,

«нет ни у кого сомнения в том, что Немцов, конечно же, согласился бы баллотироваться, если бы Явлинский поддержал его кандидатуру».

Тогда еще Гайдар считал кандидатуру Ельцина абсолютно непроходной.

После президентских выборов Гайдар признается: «Теперь могу сознаться: я не верил, что Черномырдин или Немцов сумеют всерьез конкурировать с Зюгановым. Должно быть, и они не верили... Я был в отчаянии!»

В отчаянии был не только Егор. Многие не понимали, каким образом Ельцин за считанные месяцы сможет поднять свой рейтинг, завоевать доверие. Соответственно, многие не понимали, что же будет со страной, если на выборах победит Зюганов. Второй вариант — отмена выборов — был ничем не лучше, а может быть, и хуже. Исторический разговор на политсовете партии состоялся в марте 1996 года. Чубайс убеждал, что выборы может выиграть только Ельцин. Сергей Адамович Ковалев говорил, что начавший войну в Чечне Ельцин не может быть кандидатом «Демократического выбора». Гайдар поддержал Чубайса, и его голос оказался решающим. Но было видно, как нелегко далось ему это решение...

Тяжелый момент переживал и сам Борис Николаевич: «С таким грузом моральной ответственности было очень нелегко идти на второй срок... Наина очень не хотела моего выдвижения. Да и меня самого постоянные стрессы совершенно измотали, выжали все соки... Может быть, впервые в жизни я вдруг ощутил себя в полной политической изоляции. Дело было даже не в трехпроцентном рейтинге... а в том, что перестал чувствовать поддержку тех, с кем начинал свою политическую карьеру, с кем шел на первые депутатские и потом на президентские выборы. Интеллигенция, политики-демократы, журналисты — мои союзники, моя неизменная опора — как будто отошли от меня. Одни из-за войны в Чечне, другие из-за неожиданных и громких отставок, третьи — неудовлетворенные общим ходом развития нашей страны.

...Но было у меня интуитивное чувство: эти люди готовы объединиться, они по-прежнему мои союзники, только нужно эту объединяющую всех идею найти!»

Этот драматический эпизод в отношениях с Ельциным сам Егор подробно описал в своей книге «Дни поражений и побед».

«...Кульминация кризиса власти Ельцина — события в Первомайском (описываемые события произошли в 10-х числах января 1996-го. — А. К.,

Б. М.).

Еще до начала событий я уехал на дачу, решил немного поработать, попросил секретаря без крайней необходимости не звонить. И всё же звонок с работы, испуганный голос моего секретаря Леночки: только что по телевизору передали, что террористы в Первомайском предложили освободить заложников, если их согласятся заменить собой Гайдар, Явлинский или Лебедь. Журналисты требуют комментариев. К этому времени мне ясно — отряд Радуева решено уничтожить, не считаясь ни с чем. Тем не менее, если есть хоть какая-то возможность ограничить число жертв, спасти мирных людей, этим надо воспользоваться. Захватываю с собой вещи, мчусь на работу. Пытаюсь дозвониться до Барсукова (директора ФСБ. — А. К., Б. М.) — не соединяют, прошу ему передать, что, на мой взгляд, предложение боевиков надо принимать вне зависимости от того, что они собираются делать дальше. Звоню руководству Генерального штаба, ключевым сотрудникам Администрации президента. По реакции чувствую — заложников уже похоронили.

По действиям властей нетрудно догадаться: дана задача уничтожить террористов, ни в грош не ставя жизни заложников, уже объявленных перебитыми. Провал штурма, уход дудаевцев вместе с заложниками. Своеобразная смесь жестокости и беспомощности. На последующей пресс-конференции генерал Барсуков, с присущим ему тактом, объявляет, что все чеченцы либо убийцы, либо разбойники или, в лучшем случае, воры. Президент перед телекамерами рассказывает о прекрасно спланированной операции с участием 38 снайперов, потом о созданном дудаевцами в Первомайском мощном укрепленном районе. Он выглядит полностью оторванным от реальности. Смотреть невыносимо, мучительно стыдно.

Выступил с предельно резким заявлением, осуждающим действия властей, сказал, что президент становится игрушкой в руках очень опасных людей, потом направил Борису Николаевичу письмо о своем выходе из состава Президентского совета.

Получаю письмо от президента.

“Е. Т. Гайдару.

Егор Тимурович!

Судьба свела нас в один из самых ответственных и опасных для страны моментов. В немалой степени благодаря вашему мужеству удалось начать настоящую экономическую реформу, политические преобразования. Что бы ни говорили сейчас, остаюсь верен этому курсу.

Знаю, что Вы активно заняты политикой не ради корысти. Очень надеюсь, что при решении исключительно сложных политических проблем

нынешнего года Вы, как и прежде, во главу угла будете ставить не эмоции, а интересы России, что в самые критические моменты Вы проявите ясное стратегическое видение.

Благодарен Вам за длительную совместную работу. Желаю Вам всего доброго.

Б. Н. Ельцин”.

Отвечаю ему:

“Уважаемый Борис Николаевич!

Спасибо за Ваше письмо от 2 февраля. Как бы ни поворачивались потом события, я всегда помню о том мужестве, с которым Вы взяли на себя в 1991 году ответственность за начало жизненно необходимых для страны, но политически столь опасных реформ. Убежден, именно это позволило предотвратить реальную угрозу катастрофы зимой-весной 1992 года. Мы и в 1991 году понимали, что задача реформирования российского общества после 75 лет коммунистического режима очень тяжелая, но все же, наверное, не понимали, насколько она будет мучительна. Именно потому, что хорошо осознаю, какое бремя легло на Ваши плечи, всегда сохраняю глубочайшее уважение к тому, что Вы сделали для становления демократии и рыночной экономики в России. Именно поэтому так тяжело видеть, как люди, которым Вы сегодня доверяете, просто компрометируют Вас своими лживыми донесениями и беспомощными действиями, как это было, например, при разрешении кризиса с заложниками в Первомайском.

Разумеется, для меня главный приоритет во всем, что я делаю сегодня и буду делать в ближайшие месяцы, — не допустить прихода коммунистов к власти, нового кровавого эксперимента, способного перечеркнуть многое из того, за что мы боролись. Именно это, а не эмоции, будет определять мою позицию. К сожалению, много общаясь с людьми, с избирателями в разных регионах России, прекрасно понимаю, какой груз ответственности в глазах людей за сегодняшние непростые проблемы лежит на тех, кто взял на себя политическое мужество начать преобразования, а значит, в первую очередь, на нас с Вами. Именно поэтому сегодня выдвижение Вашей кандидатуры как центра противостояния коммунистам не кажется мне правильным решением.

Вне зависимости от наших текущих политических разногласий сохраняю к Вам глубокое личное уважение.

Е. Гайдар”».

Хорошая переписка, правда?

И хорошо, что Гайдар ее опубликовал.

Тут же он добавляет — «несколько раз заходил Явлинский, просил о

поддержке». Но... «политсовет партии против».

Политсовет, вообще говоря, тоже можно понять. После того, как Явлинский их несколько месяцев назад попросту обманул, такой вопрос решить невозможно. Даже в острой ситуации 1996-го. Тупик. Полный, безнадежный тупик.

В самом начале февраля 1996 года в Давосе прошел очередной экономический форум, превратившийся в бенефис Геннадия Зюганова, представшего перед иностранными инвесторами доброжелательным социал-демократическим кандидатом. Но 5 февраля на «избирательном участке» в Давосе собрал пресс-конференцию Чубайс и сравнил высказывания лидера коммунистов (и наиболее вероятного на тот момент победителя президентских выборов) в Швейцарии с партийной программой КПРФ. Чубайс предупредил, что Западу, очарованному «выездной моделью» Зюганова, придется разделить ответственность за кровавую национализацию собственности, репрессии и сворачивание демократических институтов.

Наблюдавшие за этими сценами представители российского бизнеса признали правоту Чубайса. И именно в Давосе родился «пакт» в поддержку на выборах Бориса Ельцина.

Евгений Ясин вспоминал: «В Давосе вся российская делегация жила в одной гостинице. В баре сидели Березовский и Чубайс. Там у меня на глазах (я, правда, ничего не слышал — сидел на большом расстоянии) начался разговор о коалиции бизнеса и бюрократов за Ельцина. Вот они Чубайса свалили, а потом позвали делать эту работу».

В марте Ельцин принял крупных предпринимателей в Кремле. Разговор оказался неожиданно жестким — гости президента говорили о неэффективности штаба во главе с Сосковцом, которого Коржаков давно хотел сделать фактическим «регентом» при живом Ельцине. Как результат была создана так называемая аналитическая группа, которая и привела летом Ельцина к победе в президентских выборах. Группу по общему настоянию, с чем президент согласился, возглавил Анатолий Чубайс. Но прежде чем сформировать эту группу, пришлось пройти еще через одно испытание.

15 марта 1996-го Дума отменила решение Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года о денонсации Договора об образовании СССР, по сути публично разорвала Беловежские соглашения: «Подтвердить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря

1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б. Н. Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г. Э. Бурбулисом и не утвержденное Съездом народных депутатов РСФСР — высшим органом государственной власти РСФСР, не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР». Это означало, что Советский Союз — в представлении российских депутатов (за это решение солидарно проголосовали и коммунисты, и жириновцы) — возрожден. Разумеется, никаких правовых последствий этот чисто символический акт не мог иметь, но мог иметь политические. Провокация удалась.

Президент думал не слишком долго. 17 марта Ельцин дал поручение готовить роспуск Думы, запрет КПРФ, перенос выборов, соответствующие указ и обращение к народу. В ответ на это помощники из гражданского (не силового) крыла написали меморандум с аргументами против такого решения.

18 марта 1996 года в 6 часов утра Ельцин проводил совещание. Против чрезвычайных мер выступили премьер Виктор Черномырдин и министр внутренних дел Анатолий Куликов. Остальные поддержали чрезвычайные меры. Дочь президента Татьяна Дьяченко позвонила Чубайсу. Первый, кому Анатолий Борисович ретранслировал плохую новость, был Гайдар.

«Он позвонил мне в 7 утра, — рассказывал Егор одному из авторов этой книги и сказал: — “У нас большие неприятности, срочно приезжай”. Я в принципе человек спокойный, но в то утро, бреясь, от волнения едва не отрезал себе пол-уха. Мы договорились, что он пойдет уговаривать Ельцина не делать глупостей, а я отправился в американское посольство звонить Клинтону, чтобы он убедил Бориса Николаевича не отменять выборы. Кровью, которая текла из уха, я залил весь Спасо-Хаус, резиденцию посла...»

В книге Ельцина «Президентский марафон» разговор с Чубайсом описан так: «Мы разговаривали около часа. Я возражал, повышал голос. Практически кричал, чего вообще никогда не делаю. И все-таки отменил уже почти принятое решение».

Возможно, тогда и созрело желание Гайдара на некоторое время удалить семью из страны — на случай гражданской войны. А она, как казалось, снова неотвратно приближалась. Сын Паша только должен был пойти в начальную школу — он был отправлен с бабушкой и дедушкой в Прагу на полгода. Родители протестовали, бастовали, им не нравилась Прага, но Егор был непреклонен. Петя и Ваня были отправлены на учебу в Лондон. Сам Егор, естественно, никуда уезжать не собирался.

В работе аналитической группы, которая стала реальным предвыборным штабом Ельцина, Егор Гайдар никакого участия не принимал. Буквально за три месяца, оставшихся до выборов, аналитическая группа сумела переломить ситуацию — социологические опросы и фокус-группы, серьезная аналитика, работа со СМИ, жесткое планирование, невероятный и оставшийся абсолютно уникальным в нашей новейшей истории предвыборный тур Ельцина (около двадцати городов за три месяца, от Дальнего Востока до Калининграда), рекламная кампания, яркие слоганы, наглядная агитация, поддержка музыкантов, которые отправились вслед за Ельциным в тур по всей стране — все тут сыграло роль. Ну и телевидение, конечно.

До сих пор в демократической среде кипят споры — а стоило ли? Стоило ли «накачивать» рейтинг, стоило ли так резко вмешиваться в «естественный» ход событий? Не поломало ли это в корне российскую демократическую культуру? Не демократичнее, не правильнее ли было просто уступить коммунистам?

Вот что, например, говорил на эту тему в интервью тот же Владимир Рыжков:

«Эффект, который возникает в парламенте, когда ты работаешь с оппонентами, интересный: ты не то чтобы примиряешься с ними, ты не то чтобы начинаешь с ними дружить (хотя и не без этого). Но когда люди из разных непримиримых лагерей оказываются, условно говоря, в одном коллективе, условно говоря, в одной фирме, то ты понимаешь, что это... не черти с хвостами, что это не людоеды, что это не сатана, который хочет уничтожить Россию.

И поэтому я не верил тогда, что если Зюганов победит, то Россия погибнет. Я думаю, что Зюганов был бы такой умеренный социалист, который так же точно договорился бы с бизнесом о правилах игры. Что-то, может быть, поменял в экономической политике, что-то изменил... Может быть, она стала бы более популистской. Может быть, те же олигархи бы чего-то потеряли (но не всё). Возможно даже, если бы Зюганов победил, то для России было бы лучше, потому что был бы создан прецедент смены власти на свободных выборах, как в Восточной Европе, и тогда, может быть, сама идея, что власть можно менять на выборах, она бы укрепилась и, может быть, это помогло бы нам выстроить демократию. А так у нас получилось, что у нас с 91-го года власть ни разу не менялась на выборах. У нас Ельцин передал власть Путину, Путин — Медведеву, Медведев — Путину, и фактически одна и та же группа находится у власти уже 30 лет.

Так что, может быть, тогда победа Зюганова была бы, на самом деле, для России более полезной».

Сегодня — это почти самая распространенная точка зрения в демократической, либеральной оппозиционной среде, среде «продвинутых интеллектуалов». Но этот консенсус сформировался гораздо позже, практически через 20 лет. Тогда, в 1996-м, и сам Рыжков думал совершенно иначе. И все мы думали совершенно иначе.

Давайте же посмотрим, что думал об этом сам Гайдар. Чем, по его мнению, был опасен приход к власти коммунистов?

«В подавляющем большинстве случаев через несколько лет после начала реформ посткоммунистические партии (в Восточной Европе. — А. К., Б. М.) уже вполне интегрируются в структуры гражданского общества. Придя к власти на критике реформ, их лидеры, как правило, продолжают проводить примерно тот же курс. Польша, где самые резкие критики либерала Бальцеровича, получив власть, сохранили преемственность в политике, тому наглядный пример.

Подобные примеры рождают опасные иллюзии. Многие россияне думают: если в Восточной Европе с приходом посткоммунистических партий не произошло ничего страшного, так же будет и у нас. На мой взгляд, это опасная ошибка. Именно здесь проявляется принципиальное различие восточноевропейских (вассальных) и российской (имперской) компартий. Восточноевропейские компартии, скажем, польская, венгерская или болгарская, никогда не были, в собственном смысле этого слова, независимыми. По существу, они оставались отделами ЦК КПСС по управлению соответствующими странами-сателлитами. Именно поэтому и для своих народов они всегда были символом национального унижения. И после развала коммунистической империи и дискредитации коммунистической идеологии эволюционировали в сторону социал-демократии.

Совсем другая ситуация в России. Здесь коммунистическая идеология уже давно играла, скорее, роль мишуры, обертки имперской сущности. Крах социализма в России совпал и с крахом империи. Коммунизм здесь оказался переплетенным с радикальным национализмом, а основная линия эволюции КПРФ пошла не в сторону социал-демократии, а в сторону национал-социализма. Вся нацистская риторика 20-х — начала 30-х годов прекрасно приспособилась к постсоветским реальностям: текстовые повторы отдельных пассажей Гитлера в книжках лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, разумеется, далеко не случайность.

Конечно, любые аналогии условны, корни КПРФ существенно иные, чем у немецких нацистов, но все же главная тенденция ее эволюции в 1991–1996 годах очевидна. Это партия агрессивного реванша, не принявшая для себя правил игры демократического общества. Ее победа на президентских выборах чревата тяжелым кризисом рыночных и демократических институтов.

Не надо быть великим экономистом, чтобы понять: в случае победы Зюганова, еще до того, как он переступит порог кремлевского кабинета, выстроятся очереди к обменным пунктам, начнется масштабное бегство и российского, и иностранного капитала за рубеж. Быстрое истощение валютных резервов, резкое падение курса рубля, вынужденный отказ от его конвертируемости — все это практически неизбежные ступени развития кризиса, который развернется в результате победы коммунистов. А отказ от конвертируемости — это уже начало развала всех с таким трудом созданных рыночных механизмов. Исчезнет конкуренция импортных товаров, ускорится рост цен, вновь возникнет дефицит на различных рынках. Естественная реакция населения на неконвертируемость рубля и появление дефицита — панические закупки предметов первой необходимости, дальнейшее ускорение роста цен, рост бедности. И практически неизбежные в данной ситуации попытки ввести контроль цен на важнейшие товары. Ну, а контроль цен в условиях финансовой и потребительской паники — прямой путь к восстановлению тотального дефицита.

Откуда возьмется зерно в городах, если рубль вновь перестанет работать? Как тогда взять его у фермеров и сельскохозяйственных предприятий? Посылать на село продотряды?

Короче говоря, экономический анализ показывает: победа коммунистов автоматически разрушит рыночные регуляторы, страна окажется в обстановке экономического хаоса 1991 года, когда не работают ни деньги, ни приказы. Нетрудно представить себе реакцию населения — рост недовольства, непопулярность режима, лихорадочный поиск врагов народа. Все это вряд ли надолго. Никакого стабильного тоталитаризма уже не получится, нет для него ни социальной, ни идеологической, ни финансовой базы. Но удар по перспективам развития России в XXI веке будет нанесен мощнейший.

Между тем, возможность победы коммунистов не какая-то аномалия, не историческая случайность. Они просто оседлали ту волну, которая уже привела к власти множество посткоммунистических партий Восточной Европы. Вопрос в том, можно ли в России остановить их и если можно, то

как.

Главная надежда на то, что общество все-таки осознает риск, связанный с победой коммунистов именно в России, сработает инстинкт самосохранения».

И он сработал.

Именно это и было той «объединяющей идеей», о которой говорил президент Ельцин в мемуарах, написанных сразу после отставки, — инстинкт самосохранения.

«Ельцин победил по той причине, — вспоминал Владимир Рыжков, — что ему и его команде удалось представить выбор между ним и Зюгановым как выбор судьбы. То есть перед каждым российским избирателем был поставлен вопрос: “Выбирайте: либо вы поддерживаете продолжение реформ: рынок, частная собственность, Европа, цивилизация, демократия, либо back to the USSR, и вы будете голосовать за талоны, распределителю, колхозы, ГУЛАГ и так далее”.

То есть гениальность этой кампании Ельцина была в том, что выбор был поставлен не между двумя вариантами реформ: “А вот мы сделаем лучше” — “А вот нет, мы сделаем лучше”. Нет, выбор стоял не так. Выбор стоял “Или реформы, или Советский Союз, или коммунизм”.

И Чубайс — тогда он был фактически руководителем штаба — напечатал гигантским тиражом газету, где был такой заголовок: “Купи еды в последний раз”.

Месседж понятен.

И неужели можно всерьез полагать, что победа Ельцина в этой кампании и то, что Ельцин выиграл все крупные города-миллионники, что Ельцин выиграл Урал, Сибирь, Север России, это заслуга олигархов?

Возможно, олигархи потом представили дело именно таким образом, что да, это мы сделали. Но на самом деле, это была очень грамотная избирательная кампания, очень правильное ее позиционирование».

То, что Гайдар вполне серьезно относился к угрозе катастрофы, мы увидели — в ином случае он бы не отправил родителей и младшего сына в Прагу на полгода. Да, бывало, конечно, что и он ошибался в прогнозах. Но чаще всего — нет.

Интересно, что абсолютно всерьез к этой угрозе отнеслись и избиратели.

«Администрация Ельцина — это не наша администрация. Правительство Черномырдина — это не наше правительство. А победа — наша!» Так Егор Гайдар сразу после выборов 1996 года в интервью Илье

Мильштейну из «Нового времени» охарактеризовал политическую ситуацию. О том, что Гайдар и его партия в результате поддержали Бориса Николаевича, он рассуждал с привычной рациональностью: да, Ельцин знал, что для Егора победа Зюганова означала бы моральную катастрофу (а может быть, и физическую), знал — и использовал его. «Ну, и слава богу!.. Ельцин для меня — орудие истории... Не стану утверждать, что без меня он бы проиграл. И все же во втором туре моя поддержка была ему потенциально полезна. От позиции нашей партии в какой-то мере зависели голоса интеллектуальной элиты». Что чистая правда: многие представители интеллигенции голосовали не столько за Ельцина, сколько против Зюганова. Гайдар в этом интервью и сам не преминул назвать Бориса Николаевича «наименьшим злом».

Однако их встречу до выборов Гайдар описывал в книге совсем в другой интонации, иными красками, не столь черно-белыми:

«Борис Николаевич приглашает для разговора. Еще раз объясняю ему свою позицию, говорю о том, что он, на мой взгляд, должен сделать, если надеется перетянуть на свою сторону голоса демократов. Поговорили о кадровых переменах, о необходимости серьезных усилий по поиску мира в Чечне.

В ходе разговора неожиданно поймал себя на мысли, что вижу перед собой отнюдь не того Ельцина, который буквально месяц тому назад говорил с телеэкрана что-то невнятное о тридцати восьми снайперах и укрепрайоне в Первомайском. Он четок, собран, энергичен, на лету ловит мысль собеседника. Такое ощущение, что не было этих пяти лет, как будто мы снова в октябре 1991 года, на нашей первой встрече, открывшей правительству реформ возможность действовать. После разговора, впервые за месяцы, зарождается надежда, что, может быть, сейчас, в ключевой для России момент, Ельцин сумеет резко измениться, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями».

Но на вопрос интервьюера «Нового времени», готов ли Гайдар вернуться во власть, если об этом попросят Черномырдин или Ельцин, Егор ответил решительным «нет».

Весной 1996-го на сорокалетию своего одноклассника и друга, математика Виктора Васильева Гайдар сказал, что из России «никогда не уедет». И вот теперь, спустя несколько месяцев, риски и для него самого и, главное, для семьи были сняты. Семью можно было вернуть из-за границы. Тимур Аркадьевич и Ариадна Павловна вернулись из Праги с большим облегчением вместе с младшим внуком.

...После выборов Гайдар отдыхал в Ленинградской области под Выборгом. Отдыхать — означало писать. Он много гулял. Егору понравился чей-то деревянный дом — и он загорелся идеей построить такой же в Дунине. Загорелся идеей обрести собственный дом в том месте, которое он считал своей малой родиной. Избавиться от соседей на Осенней, с которыми не хотелось встречаться. Иногда, кстати, они мешали Гайдару жить — в буквальном, бытовом смысле слова, не давали проезжать его машине, мстили мелко, подличали. Мария Аркадьевна Стругацкая, его жена, рассказывала в интервью, как Коржаков, негласный «управдом» этого «дома правительства», подсылал в квартиру людей, они копались в вентиляционном канале, меняли плиту, залезали в проводку, явным образом ставя «жучки» и заодно показывая, кто в доме хозяин. Наина Иосифовна Ельцина как-то в сердцах сказала Коржакову: «Дураки вы. Интеллигенты от этого только крепче становятся».

Мария Аркадьевна вспоминала, что в тот день сначала им позвонил Чубайс, чтобы поздравить с победой на выборах, а потом — с интервалом минут в пять минут — позвонила старая знакомая и предложила купить в Дунине участок земли. Они восприняли это как знак судьбы.

...Правда, строительство дома в Дунине сильно затянулось. Банально не хватало средств, ресурсов, необходимых для такого проекта. За годы работы в правительстве и парламенте Егор как-то не накопил денег. Все первые деньги вбухали в котлован — дом стоял на склоне, большой перепад высот, и котлован пришлось рыть огромный.

24 марта 1999 года Евгений Примаков, летевший с официальным визитом в США, развернул над океаном свой самолет и вернулся в Москву в знак протеста против бомбардировок НАТО Югославии. Причиной натовской операции «Союзная сила» стали этнические чистки режимом Слободана Милошевича албанского населения Косова. Жест российского премьера, вошедший в историю как «разворот над Атлантикой», — это первая попытка покончить с «западным» вектором движения российской внешней политики.

Тогда президент поддержал председателя правительства. Гайдар же увидел в этом акте США и НАТО совершенно катастрофический шаг, способный сильно поменять политический расклад в самой России и отвратить ее от Запада.

Собственно, в такой же логике оценивал схожие ситуации Егор Тимурович и в будущем, когда пытался, используя свои связи, объяснить Западу опасность расширения НАТО на Восток и размещения систем

противоракетной обороны США в Центральной и Восточной Европе. Эти решения способствовали самоизоляции России — она политически закрывалась от мира, как раковина. Гайдар это предвидел и отчаянно старался донести до западного истеблишмента свое понимание проблемы: пропасть между Россией и Западом благодаря таким шагам только расширялась.

Леонид Гозман говорил в интервью: «Однажды мы, после каких-то наших очередных бесконечных споров, разгоряченные, решили немного подшутить над ним: “Да, ладно тебе, Егор, ты же любишь шашкой помахать, тебе бы револьвер в руки и в бой, ты же без этого не можешь...” Он неожиданно покраснел и замолчал».

Да, интеллигент по рождению, эволюционист по идеологии, он буквально преображался в ситуациях опасных. Человек нерешительный не взялся бы в 1991 году за реформы в ситуации экономической катастрофы, не брал бы на себя ответственность за сопротивление вооруженному мятежу в октябре 1993-го.

В его отношении к опасности было что-то от «блага гибельного шага», как писал Пастернак; был некий фатализм человека, прошедшего через все катаклизмы 1990-х.

В ситуации югославского кризиса Егор готов был стать даже своего рода заложником — ради того, чтобы бомбардировки страны прекратились. А ведь это была страна его детства. Так возникла идея поездки делегации российских либеральных политиков с миротворческой миссией. «Пасхальное» означало привлечение авторитета церквей.

Дело было вечером, в субботу, 27 марта 1999-го. Леонид Тодоров, помощник Гайдара, занимавшийся связями с зарубежными коллегами, находился в этот день в институте. И вот Егор вышел в приемную и, увидев задержавшегося в поздний вечер на работе Тодорова, заметил: «Раз уж вы все равно здесь... Нужно срочно вылетать в Сербию».

«Дальше началась свистопляска, — рассказывал Леонид Тодоров. — Мне было поручено связаться с секретариатом Боры Милошевича (посол Югославии в России, брат Слободана Милошевича. — А. К., Б. М.), запросить визы. Я позвонил, мне сказали: “Конечно, конечно, визы будут”. Надо сказать, что югославы, и в частности сербы, очень тепло относились к Егору Тимуровичу, я не был удивлен. У нас были на тот момент на руках паспорта Бориса Федорова, подвезли паспорт Немцова, был паспорт Гайдара и Некрутенко (Виктор Некрутенко — впоследствии ответственный секретарь политсовета СПС, министр природных ресурсов в правительстве Сергея Кириенко. — А. К., Б. М.). Мы отправили эти четыре паспорта туда,

и пока водитель ехал, нам поступил звонок, что, увы, виз не будет».

Явным образом брат запросил брата, и югославский диктатор заподозрил недоброе. Водитель уезжал в посольство еще раз, потому что еще раз было сказано, что визы будут, а потом — опять не будут. Тогда возникла идея делать визы в Венгрию, чтобы уже оттуда добраться до Сербии. Тодоров все-таки решил уведомить югославов и тем самым их пристыдить. Уже глубокой ночью он получил заверения, что югославские визы тоже будут.

В лихорадке этой ночи и возникла авантюрная идея заехать из Белграда в Рим и заручиться поддержкой идеи перемирия со стороны папы римского.

Гайдар позвонил Виктору Ярошенко, который был в хорошем контакте с редактором парижской «Русской мысли» Ириной Иловайской-Альберти. Это была легендарная фигура в русском сообществе Запада, сотрудница Александра Солженицына в 1970-е годы, находившаяся в дружеских отношениях с Иоанном Павлом II. Поездка к папе предполагала получение итальянских виз. Здесь, как и в случае с венграми, сыграло свою роль необычайно теплое отношение тогдашнего посла Италии, милейшего старика, барона Эмануэле Скаммакка дель Мурго и делл'Аньоне к Гайдару — он не отправил консула с печатью прямо в институт. Забегая вперед скажем, что встреча с папой (уже вторая для Егора) состоялась, правда, очень короткая и во дворе резиденции, и состоялась именно благодаря Иловайской. На фотографии из архива Бориса Немцова запечатлен Иоанн Павел II, который во дворе Ватикана что-то объясняет Федорову, Немцову и Гайдару.

«Безумное чаепитие» для Тодорова и секретаря Гайдара Ирины Корнелюк на этом не закончилось. Возникла идея отправить в Соединенные Штаты, чтобы уж закруглить вектор переговоров, Бориса Федорова. Визы у него не было. Однако удалось договориться, чтобы ее ему выдали в американском посольстве в Риме.

«Все закончилось благополучно, — вспоминал Леонид Тодоров, — после чего я просто невероятно возгордился, выходя с работы в 4 часа утра. Я почувствовал себя просто величайшим логистиком в мире: все было готово — были получены все визы, был напуган Бора Милошевич, был согласован папа Римский».

Перед вылетом 28 марта 1999 года в первую точку маршрута — Будапешт, где у делегации, которую возглавляли, демонстрируя единство российских либералов, Егор Гайдар, Борис Немцов и Борис Федоров, должна была состояться встреча со спецпредставителем США в Югославии

Ричардом Холбруком — обсуждалась возможность задействования в миротворческих усилиях патриарха Алексия II. Ответственный за переговоры с ним — оставшийся в Москве Анатолий Чубайс. Ему удалось и нашу церковь подключить к мирной инициативе Гайдара.

В составе делегации среди прочих были Леонид Гозман и бывший министр печати, в свое время работавший корреспондентом АПН в Белграде, Сергей Грызунов. От Чубайса Гозман получил задание: «отвечать головой за личную безопасность Гайдара». А отправлялась делегация непосредственно под бомбы — в середине маршрута значился Белград.

Встреча с Холбруком, архитектором Дейтонских соглашений 1995 года, остановивших войну в Боснии и Герцеговине, ничего не принесла. Американская сторона не готова была идти на уступки. На микроавтобусах делегация отправлялась в Белград. Гозман ворвался в транспортное средство первым, сел у окна и под каким-то предлогом усадил Гайдара рядом с собой — так он выполнял поручение Чубайса.

Леонид Гозман вспоминал: «Егор знал Борислава Милошевича, посла Югославии в России, с детства. Ехали мы в Белград по договоренности с Бориславом Милошевичем, что не исключало того, что его брат, Слободан Милошевич, нас там грохнет. Мы поехали на машинах в Сербию, нас долго не пускали, буквально несколько часов мы стояли на границе. И не пускал нас именно Слободан Милошевич. Потом пустил; в те сутки или полтора суток, что мы были на территории Сербии, американцы не поднимали в воздух самолеты. Это было предложение Холбрука, он сказал: “Мы не будем этого делать”, — чтобы Милошевич не мог списать убийство Гайдара на американцев. Потому что было понятно, что для Милошевича самый выгодный вариант — это грохнуть всю группу нашу и сказать, что это американцы».

Борис Федоров писал в своих мемуарах: «Я в первый раз попал в такую обстановку. Первые впечатления — полное отсутствие автомобилей на улицах, затемнение, укрытые вдоль дорог югославские истребители. Белград показался нам вечером мрачным городом, жутко выли сирены, нигде не было людей. Официальный Белград не был рад нашему приезду, и поэтому мы встретились только с Вуком Драшковицем — демократическим оппозиционером и тогда вице-премьером в правительстве (правда, на этой должности ему предстояло оставаться считанные дни; впоследствии он как противник Милошевича переживет два покушения. — А. К., Б. М.). Он передал нам официальную позицию правительства, которая сводилась к тому, что югославы готовы на определенные уступки, но лишь после прекращения бомбардировок и начала переговоров».

Важным — и главное, состоявшимся — контактом стал доброжелательный разговор с патриархом Сербским Павлом, — его колоссальный авторитет как миротворца мог повлиять хотя бы в какой-то мере на реализацию идеи «пасхального перемирия». Во всяком случае 84-летний патриарх ее поддержал. Очень помогало знание Гайдаром сербскохорватского языка.

По воспоминаниям Немцова, с жителями Белграда Гайдар говорил на их языке, а они просили: «Егор, оставайся с нами, тогда нас не будут бомбить!»

В Риме члены делегации встретились с министром иностранных дел Италии Ламберто Дини, а потом Иоанн Павел беседовал с тремя молодыми российскими политиками. (Благодаря усилиям Анатолия Чубайса одновременно с папой свое заявление о необходимости перемирия в Югославии сделал и патриарх Алексей II.) Ватикан сделал миротворческое заявление: папа, разумеется, одобрил идею совместного обращения католиков и православных с призывом к Слободану Милошевичу и Хавьеру Солане остановить бомбежки и насилие, объявив «пасхальное перемирие». Но две стороны не собирались ни в чем уступать друг другу, и бомбардировки завершились только в июне.

По возвращении в Россию Гайдар объяснял свою позицию в эфире радио «Свобода» 4 апреля 1999-го: «Давайте посмотрим — а к чему привели бомбардировки на сегодняшний день в решении проблемы Косово. Первое. Количество беженцев сократилось? Нет, увеличилось. Число жертв среди мирных жителей сократилось? Нет, увеличилось. Режим Милошевича ослаб? Нет, поверьте мне, я был в Белграде только что. Он существенно укрепился. Сербская оппозиция реально раздавлена. Антиамериканские настроения в мире, и в том числе в России, нарастают. Вот реальные результаты. Они не имеют отношения к тому, плох Милошевич или хорош».

Бомбардировки, настаивал Гайдар, — «важнейший фактор внутренней политики», и он работает на «нагнетание в России антиамериканских настроений, — это просто факт. То, что он работает на усиление позиций радикальных националистов, тоже факт. То, что он объективно толкает Россию к изоляционизму, ксенофобии, новой холодной войне, ко всему, что больше всего опасно не только для самой России, но и для мира тоже, — это ведь тоже факт... Происходит серьезнейший удар по самому президенту Ельцину, в этом нет никаких сомнений. Это — усиление политическое его противников. Я думаю, что это он прекрасно понимает, что каждая натовская бомба — это бомба по его политическим позициям».

13 мая 1999 года Егор еще раз публично растолковывал эти непонятные Западу нюансы на заседании Свободного университета парижской газеты «Русская мысль» в любимом им Овальном зале Библиотеки иностранной литературы. «Я был среди тех, кто организовывал в Москве митинги против чеченской войны, — говорил Гайдар, — зная, что режим Дудаева ничем не лучше режима Милошевича, что там есть серьезные нарушения прав человека, не имея никаких иллюзий насчет того, что там “все хорошо”, но твердо зная, что эти проблемы при обработке бомбежками станут не лучше, а хуже».

На реальную российскую ситуацию, эмоционально доказывал Гайдар, бомбардировки оказывают прямое воздействие. И лишь помогают развороту общественного мнения в сторону российских «милошевичей». Этими действиями Запад сам дистанцировал Россию от себя, снизил шансы на формирование прозападного общественного сознания, а значит, на строительство демократии в стране.

Возможно, тогда и созрела у Гайдара идея, что он мог бы использовать свои возможности, связи и политический вес для неформальной дипломатии. Для разъяснения позиции и особенностей политического расклада внутри России людям, принимающим политические решения на Западе. С применением технологии walk-in-the-woods, «блуждания в лесу», неофициального общения для дальнейшей выработки адекватных рекомендаций политикам.

Опыты такого рода были: например, в 1962–1963 годах американский журналист Норман Казенс выполнял миссию по установлению доверительных отношений между Джоном Кеннеди, папой Иоанном XXIII и Никитой Хрущевым — он вел неформальные переговоры по поводу возможности заключения договора об отмене ядерных испытаний. А заодно добился от советского лидера освобождения из лагерей двух католических архиепископов. Правда, потом Кеннеди был убит, папа Иоанн умер, а Хрущева сместили с поста...

Леонид Тодоров вспоминал, что его шеф уделял много времени и внимания челночной дипломатии. Поначалу это были поездки по приглашению университетов и научных учреждений — Гайдар состоял в некоторых из них почетным доктором, был вице-президентом Консервативного интернационала — объединения праволиберальных партий, одной из основательниц которого была Маргарет Тэтчер. Нередко приезжал в США по приглашению Андерса Ослунда, работавшего тогда в Фонде Карнеги. Встречался с «Clinton boys», командой Клинтона —

советниками Струбом Тэлботтом и Марком Медишем, вел разговоры в министерстве финансов США. Собственно теневой дипломатией он занялся позже, примерно с 2003 года. «Конечно, очень много людей, очень много имен, очень много событий, очень много, наверное, того, что сегодня назвали бы челночной дипломатией, закулисной политикой, — рассказывал Тодоров, — в целом ряде случаев моя задача заключалась лишь в том, чтобы довести его до определенной точки. Допустим, до кабинета вице-президента США Чейни, а дальше — сам». И это при том, что Гайдар был домосед. «И хоть и легок на подъем, — продолжает Тодоров, — но в общем старался не злоупотреблять поездками».

Гайдар искал свою «невыполнимую миссию» не только в Югославии. Еще дважды он всерьез пытался вмешаться в ход истории и изменить общую ситуацию в мире.

«Постарайтесь сохранить институт. Он важен для продолжения нашего дела. Из последних выступлений и статей — сделайте книжки... Позаботьтесь о семье. Обнимаю, Егор». Такую записку Гайдар оставил своим замам в институте Сергею Синельникову и Владимиру Мау, улетая в сентябре 2003 года в Ирак. Было еще две записки — супруге Марии Аркадьевне и Анатолию Чубайсу. Все это было помещено в конверт с надписью «Вскрыть в случае трагического развития событий». Конверт Гайдар передал своей помощнице Елене Мозговой.

Нет, это не был театральный жест. Спустя некоторое время после того, как Егор вернулся из Багдада в Москву, в тот же этаж гостиницы «Аль-Рашид», где находилась союзная администрация, попала ракета класса «земля — земля».

«Там ведь физически опасно, Егор Тимурович, — говорил ему перед отъездом главный редактор радио «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, — мы видели гибель сотрудников ООН. Это все непросто, там есть сопротивление сторонников Саддама Хусейна. Вы вообще отдаете отчет, что это довольно рискованное мероприятие, а не научно-практическая конференция?»

Егор заметил: «Я даже сегодня посмотрел по цифрам и выяснил, что страховка для поездки в Ирак стоит намного дороже, чем страховка при поездке в Афганистан». Да, он отдавал себе отчет...

В апреле 2003 года американцы вместе с союзными войсками свергли в Ираке режим Саддама Хусейна. Спустя несколько месяцев они задумались о послевоенном восстановлении страны. В сентябре Гайдар получил письмо от главы временной администрации Пола Бремена с

предложением поучаствовать в Багдаде в консультациях по поводу состояния экономики страны и возможных шагах по ее реанимации.

Гайдар согласился. Во-первых, с точки зрения проведения реформ в России наступил ожидавшийся им застой. Во-вторых, хотя он и надеялся на то, что либеральная партия СПС попадет в следующий созыв Думы и, возможно, откроется еще одно короткое окно для реформ, задумывался и над новой для себя ролью — международного консультанта, челночного дипломата.

В Багдаде собиралась очень серьезная команда бывших и действовавших тогда реформаторов-практиков — от экс-президента Болгарии Петра Стоянова и экс-премьера Эстонии Марта Лаара до министра финансов тогдашней Сербии и Черногории Божидара Джелича.

«Он отчетливо понимал свою роль как независимого эксперта и делал то, что считал нужным, — вспоминал Леонид Тодоров. — Единственный случай, когда я действительно видел, что он хотел получить от российских властей какие-то “вводные”, была поездка в Ирак». Гайдар написал письмо министру иностранных дел Игорю Иванову, предложил свои услуги в решении вопросов, которые, возможно, были бы интересны МИДу.

Была назначена аудиенция у замминистра иностранных дел Александра Салтанова, курировавшего вопросы ближневосточного и иракского урегулирования. Леонид Тодоров так описывал этот специфический эпизод: «Не думаю, что МИД был особенно дружелюбен по отношению к Гайдару. Нас посадили в приемную Салтанова и попросили подождать. Прошли те самые протокольные пять минут, после которых становится все понятно. Гайдар вздохнул и сказал: “Ну что же, пошли”. И мы отправились к выходу. Нас уже у лифта догнал абсолютно белый референт, бросился извиняться, мы вернулись».

У МИДа не было никаких предпочтений и задач: российские дипломаты не понимали, что им нужно делать в Ираке. И, судя по всему, не очень хотели понимать: связи с посольством России в Багдаде не было — телефонные сети оборваны в результате боевых действий, от предложенной связи через Вашингтон российская сторона отказалась, посольство превратилось в бункер. Как сказал потом Тодорову посол Чехии в Ираке, российское посольство было единственным, которое ото всего дистанцировалось. Словом, для государства эта поездка Гайдара была, скорее, обременением.

А для Егора иракский кейс, при всех различиях с крахом СССР, был еще одной историей полного краха политических институтов тоталитарного государства. Он считал, что «если мы чем-то можем помочь

стабилизации положения в Ираке, а там живут больше 20 миллионов человек, нужно сделать это».

Гайдар летел через Кувейт. В Эль-Кувейте его встретил Леонид Тодоров. На следующее утро делегация, состоявшая в основном из восточноевропейской профессуры, вылетела совместно с двумя взводами рядовых, GI, военно-транспортным самолетом США в Багдад. Самолет был стар, из времен вьетнамской войны, вызванный из резерва. Таким же был и летчик, у которого ремень не сходил на животе.

Самый опасный участок пути — из аэропорта в центр города. Гайдар пояснял: «Американская безопасность построена на системе фортов: безопасна зона аэропорта, безопасна зеленая зона в центре Багдада. Между ними опасно». Свой подход был у ООН: например, друга Гайдара, польского экономиста Марека Домбровского, который побывал в Ираке еще раньше, в августе, инструктировали перед отъездом и рекомендовали избегать американских конвоев, патрулей, объектов. Они — мишени. «Эта концепция не подтвердилась, — рассказывал Гайдар, — потому что через три дня, как он оттуда уехал, была взорвана миссия ООН, где погибло около ста человек».

Делегацию облачили в тяжеленные бронежилеты и каски инженерных войск. В автобусах с занавесочками в сопровождении бронетранспортера делегацию повезли в центр столицы. Это была едва ли не самая опасная часть пути.

«Я отчетливо понимал, что наличие бронетранспортера впереди колонны из двух автобусов — это замечательный повод просто шмальнуть по этим автобусам, — рассказывал Леонид Тодоров. — Я попытался сесть у окошечка. (Как Леонид Гозман в Сербии. — А. К., Б. М.) Не из героизма, а просто подумал, что лучше сумею среагировать на опасность. Этого сделать мне не удалось: автобусик был маленький, с сиденьями на двоих, и Гайдара немедленно притиснул к окну Марек Домбровский и завел с ним какие-то разговоры. Я посмотрел на Гайдара, но он развел руками и продолжал разговаривать. Так мы и ехали легкой мишенью в течение где-то 40 минут, которые заняла дорога. Вокруг нас обтекали весьма подозрительного вида машины. Это же надо было еще переехать Евфрат по мосту, а дувалы вдоль дороги тоже никто не отменял. По счастью, на тот момент еще не было такой ситуации с терроризмом, которая потом уже проявилась в полной красе».

В Багдаде группу поселили в так называемой «зеленой», то есть теоретически безопасной, зоне, в гостинице «Аль-Рашид». Гайдар описывал условия существования в этом лучшем отеле Багдада: «Как нам

сказали, в нем вполне прилично, даже вода холодная почти всегда бывает. А по утрам иногда дают теплую воду... Когда я попытался открыть кран с холодной водой, оказалось, что ее нет. Мне объяснили, что я действую не по той методике: надо открыть кран за 15 минут».

На этажах дежурили непальские гуркхи, находящиеся на службе британской короны, подчеркивая всем своим видом союзнический характер операции в Ираке. Прибывших членов делегации консультировал третий человек в союзной администрации, бывший министр финансов и будущий премьер-министр Польши Марек Белька. «Пока мы там сидели, — вспоминал Тодоров, — Гайдар явно скучал, а я отошел — просто мне было интересно — на рекогносцировку, и вдруг нашел бар, а в баре наливали. Я вернулся и сказал: “Егор Тимурович, вы знаете, а тут, оказывается, есть бар”. На что Гайдар громко сказал: “Это радикально меняет дело!” Мы встали и ушли туда вместе с еще несколькими представителями бывших союзных республик, балтийских в основном».

Американской администрации, рассуждал потом Гайдар, хватило ума понять: несмотря на наличие в США множества блестящих академических экономистов, «им не приходилось размораживать цены, проводить экономическую политику в стране, где параллельно ходит несколько валют». Поэтому для консультаций позвали практикующих экономистов из Восточной Европы. Проблемы ведь схожие. Егор сравнивал ситуацию в России 1991 года с Ираком-2003. Например, дефицит бензина в нефтедобывающих странах: «...пограничная служба развалилась, границы открыты... вывозится нефть, вывозится бензин, сохраняется дефицит. Очень похоже всё».

Обсуждали конкретные вопросы: «Скажем, в ноябре истекает срок действия программы “Нефть в обмен на продовольствие”. Продолжать рacionamento, не продолжать? Вводится в октябре новая валюта, а какую после этого проводить денежную политику, политику валютного курса?»

Гайдар считал, что Россия должна иметь свои интересы в Ираке, потому что эта страна — потенциально богатая: в 1979 году подушевой ВВП Ирака был равен ВВП на душу населения в Италии или в Австралии.

Эту его точку зрения, как все чаще случалось, российские государственные структуры не разделяли. Точнее, им было все равно.

Историю с консультантами из Восточной Европы американцы быстро свернули.

В 2006 году американцы, обеспокоенные ядерной угрозой со стороны Ирана, достигли договоренности с Польшей и Чехией о размещении

системы противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе. Российское политическое руководство восприняло это как прямую угрозу. Появилось огромное поле для конфронтации с Западом и политических спекуляций.

Гайдар, на всю жизнь «раненный» Карибским кризисом, пережитым им в детстве на Кубе, а затем ответственностью за ядерную державу в стадии распада, очень серьезно относился к проблемам нераспространения ядерного оружия и ядерных балансов. Вторым мотивом этого серьезного отношения было ясное понимание того, что любая конфронтация России с Западом, в том числе на основе ядерных разногласий, усилит антиамериканские настроения в нашей стране, а значит, и милитаризацию государственного бюджета. Как следствие, это может привести к развалу бюджетной сбалансированности и серьезным проблемам для экономики.

В марте 2006 года Егор выступил с резкой статьей «Ядерный баланс: опасные игры» по поводу возможного размещения американской системы ПРО в Польше и Чехии: «В основе советского военного планирования лежала концепция “ответно-встречного удара”. Речь шла о нанесении ядерного удара при появлении угрозы со стороны противника. Шансы на то, что эта доктрина в России вновь войдет в моду, за последние дни увеличилась... На протяжении последних лет я и многие мои коллеги вели нелегкую борьбу за сохранение в России ответственной финансовой политики на фоне экстремально высоких цен на нефть. Элементом этой борьбы был Стабилизационный фонд. Боюсь, что борьба проиграна. Куда теперь пойдут средства Стабилизационного фонда, догадаться нетрудно».

Примерно таким набором аргументов Гайдар пользовался в ходе своих челночных дипломатических миссий, пытаясь построить back-channel, неофициальный потайной ход для контактов России и Запада. При этом, как рассказывал помощник Егора Михаил Слободинский, заставший этот период в жизни Гайдара, он понимал, что «военные заточены на эскалацию». И именно это обстоятельство, считал Егор, было не до конца понятно «гражданским» лицам, принимавшим на Западе решения.

«Я прекрасно помню, как он примчался, буквально примчался на эфир “Эха Москвы” и полчаса рассказывал потрясенным ведущим о том, чем грозит это самое ПРО. Объяснял, что у современных ракет изменилось “подлетное время”, до минут, что размещение их на границах будет иметь катастрофические для международной обстановки последствия. Никто, конечно, ничего в этом не понимал, он терпеливо объяснял. Все были в некотором потрясении, я хорошо это помню», — вспоминала Ирина Ясина. В те времена Гайдар был любимым спикером ее Клуба региональной журналистики.

Как и предсказывал Гайдар, планы размещения ПРО спровоцировали, а может быть, просто ускорили смену внешнеполитического курса России. Начиная с мюнхенской речи Владимира Путина в феврале 2007 года, вектор стал конфронтационным.

Казалось, что миссия провалилась: в 2008 году были достигнуты соглашения американцев с Польшей и Чехией о размещении систем ПРО на их территориях. Но уже в 2009 году, с приходом Барака Обамы на пост президента США, эти планы были свернуты. Гайдар мог оценить это и как свою маленькую победу тоже. Пусть и временную.

О том, что она временная, он уже не узнает...

Ирина Мишина, первая жена Егора, вернулась в 1996 году из Боливии, где с последним мужем, художником Николаем Смирновым, они прожили пять с половиной лет. Маша Гайдар вспоминала, что ее маму больше всего поразили предупреждения близких подруг: ни в коем случае не говори никому, что ты жена Егора, тебя убьют!

Но, в общем, жизнь налаживалась — и Маша, и Петя начали учиться в Москве, а Егор проводил с детьми довольно много времени. С Петей ходил на охоту, на рыбалку. Но больше всего он любил грибную охоту — поэтому порой брал путевки туда, где грибов было больше всего, например на Валдай. Он мог ходить очень долго, часами, но потом, как вспоминает Петр, «с ногами начало что-то происходить»... Гайдар когда-то был физически очень силен: в конце 1980-х, когда они отдыхали семьей и Петя чуть не упал со склона горы, сильно разодрав себе ногу, он нес его до дома на руках часа полтора...

Гайдар прекрасно знал, что его — за эти реформы, за тяжесть социальных потрясений — будут сильно не любить. Знал и теоретически был готов к этому. Но когда эта ненависть стала достигать его через старых знакомых, через его учителей, коллег, близких людей, которых он ценил, — это было тяжело.

В феврале 1992 года он скажет в интервью Олегу Морозу для «Литературной газеты»: «Со всеми этими людьми мы долгие годы бок о бок работали, многие из них — наши учителя. У нас с ними есть профессиональное взаимопонимание. Но, видимо, такова специфика власти: когда ты к ней приходишь, все почему-то начинают считать тебя полным идиотом... Например, Николай Яковлевич Петраков объясняет нам, что нельзя было размораживать (цены. — А. К., Б. М.), не накопив запас. Мне хочется спросить его: как можно было в реальной ситуации

декабря, во-первых, не размораживать цены (они разморозились бы сами собой), а во-вторых, накопить какие бы то ни было запасы? Как это можно было сделать реально? Кого повесить, кого расстрелять? Кого простимулировать?»

Фрустрация в связи с крахом перестройки, развалом страны естественным образом заканчивалась поисками виноватого. Ну, не может же быть такого, чтобы система, стоявшая монолитом несколько десятилетий, вдруг развалилась сама. И виноватым оказался тот человек, который дал свое имя реформам.

...Реформы, с досадой напишет потом в мемуарах главный редактор «Коммуниста» Наиль Биккенин, начались с «нелегкой руки» сотрудников журнала, и особенно его экономического отдела. Дневник Игоря Дедкова начала 1990-х полон горьких и очень лично окрашенных замечаний в адрес Гайдара и людей, работавших в «Коммунисте», с которыми он проводил долгие часы в редакции, на спичрайтерской даче в «Волынском» и которые оказались в российском правительстве, например, Улюкаева и Колесникова, ставших советниками Егора. Вина за сложности транзита перекладывалась на их плечи. Доставалось и Отто Лацису, стол и кабинет которого в «Коммунисте» (он стал в то время «Свободной мыслью») унаследовал Игорь Дедков. Это отношение было характерно для всех, кто остался в журнале в 1990-е, а Гайдар совершенно об этом не подозревал. Истина открылась ему позже.

Отто Лацис вспоминал о тяжелых днях для Игоря Дедкова: «Пришла болезнь, от которой Игорю не суждено было оправиться. Нужно было положить его в хорошую больницу, но требовались большие деньги, которых не было ни у семьи, ни у редакции “Свободной мысли”. Ответственный секретарь журнала Алексей Антипов позвонил мне с просьбой обратиться за помощью к Гайдару в надежде, что он сможет оплатить лечение Игоря из средств института (Института экономической политики. — А. К., Б. М.). Когда я позвонил, Гайдар даже не дал мне договорить: для Дедкова все необходимое будет сделано. А я опять задумался: почему из журнала не обратились к Гайдару напрямую?.. Почему они сомневались в ответе на свое обращение и решили привлечь меня?»

...Собственных соратников, коллег, друзей Гайдар не всегда мог убедить в своей правоте. Да и какие аргументы имели бы силу? Период реформ оценивался и воспринимался эмоционально, а не рационально. В статьях в «Коммунисте», которые одобряла редколлегия, читали сотрудники редакции, руководители страны, широкая аудитория

подписчиков и покупателей, он показывал катастрофическое положение экономической системы, предъявлял доказательства и аргументы. Но все равно не был понят.

Однако в те годы, когда публичное одиночество тяжело свалилось на его плечи, среди российских интеллигентов нашлись люди, которые его горячо поддержали.

Первым был Булат Окуджава.

...Со своим другом Виктором Ярошенко Гайдар неизменно пел три песни Булата Шалвовича. И нельзя сказать, что этот набор был совсем уж стандартный.

Во-первых, «Пиратскую лирическую» 1979 года:

«В ночь перед бурей на мачтах горят святого Эльма свечи, отогревают наши души за все прошедшие года. Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки. / Да только в Портленд воротиться нам не придется никогда».

Второй номер из того же репертуара — «Старинная солдатская» 1973-го: *«Нас осталось мало: мы да наша боль. / Нас немного и врагов немного. Живы мы куда, фронтовая голь, а погибнем — райская дорога».*

Третья песня — канонический «Надежды маленький оркестрик» 1963 года.

В таком выборе можно было бы усмотреть фатализм реформаторов. В конце концов, в «Маленьком оркестрике» тоже «свинцовые дожди *Лупили так по нашим спинам, Что снисхождения не жди*».

Возможно, это и так — интуитивный выбор всегда отражает подлинные внутренние ощущения. Но главное — Окуджава соответствовал настроениям этого круга людей. И эстетическим предпочтениям.

Как и политическим взглядам: сам Окуджава всегда поддерживал линию именно Гайдара и Чубайса, хотя, казалось бы, тот слой интеллигенции, которому были дороги его песни, мог, скорее, примыкать к сторонникам Явлинского.

5 октября 1993 года, сразу после короткого, но страшного эпизода гражданской войны в Москве, в газете «Известия» появилось так называемое «письмо 42-х» — писатели, поддерживавшие Ельцина, требовали закрытия национал-патриотических и коммунистических организаций. Жесткость тона можно было объяснить тем, что ситуация была накалена до предела, в стране шла реальная борьба за власть, и едва ли национал-патриоты обошлись бы без репрессий в случае своей победы. Писатели же, среди которых были совсем уж миролюбивые Белла

Ахмадулина и Булат Окуджавы, драматург Александр Гельман и академик Дмитрий Лихачев, не требовали даже люстрации, не то что мести. Речь шла о «наведении порядка».

В биографии Булата Окуджавы Дмитрий Быков писал, что присоединение к этому обращению не означало, что поэт «поддерживает или одобряет власть. Это означало, что он разделяет ответственность». Но власть он, пожалуй, поддерживал — потому что это была *его* власть. Та власть, которой он симпатизировал и символами которой для него были Чубайс и Гайдар. Уж этих-то молодых людей, которым не было и сорока, Окуджавы держал целиком за своих.

Окуджавы — это переложенное в поэзию и в песни мировосприятие Гайдара.

Начиная со Старого Нового года примерно в 1994-м Гайдар и Чубайс отмечали этот особый российский праздник в доме у Окуджавы в дачном поселке Мичуринец. Знакомство произошло благодаря театральному режиссеру Иосифу Райхельгаузу. Сам он говорил об этой истории так:

«За два дня до старого Нового года мне позвонила жена Анатолия Борисовича Чубайса, Маша. Мы с ней знакомы по Ленинградскому университету и давно общаемся, независимо от того, какие должности занимал и занимает Чубайс. Поговорили про какие-то дела, и Маша предложила встретиться с ними как раз тринадцатого января. Я ответил, что никак не могу, потому что меня пригласил Окуджавы и мы вместе будем праздновать старый Новый год. “Да.. — сказала она мечтательно, — как повезло”. И мы попрощались. Я положил трубку, а через полчаса раздается звонок, опять звонит Маша и говорит: “Я сказала Анатолию, так вот, он так огорчился... Нельзя ли попросить Булата Шалвовича, чтобы и мы подъехали?”».

Затем к этой компании подключился и Егор с супругой.

«Нужно отдать должное Гайдару и Чубайсу, — вспоминал Иосиф Райхельгауз, — на каких бы должностях они ни находились, а за это время кем они только не были, они всегда понимали, с кем разговаривают. То есть всегда, все годы, Чубайс и Гайдар “стояли по стойке ‘смирно’”, а Булат Шалвович, удобно сидя в кресле, говорил им, какие ошибки они совершили в последнее время, и давал советы типа: “Ну, не знаю, я бы там сделал так вот и так...” И они внимали ему абсолютно искренне и серьезно». Мария Вишневская, тогдашняя жена Анатолия Чубайса, уточняла: «Окуджавы относился нежно к обоим. Задавал им много вопросов. Разговоры крутились в основном вокруг политических и экономических проблем». В давнем интервью одному из авторов этой книги Гайдар говорил: «Окуджавы

был умнейшим, интеллигентнейшим, адекватно понимавшим реальность человеком, с которым было удобно общаться».

Еще один важный конфидент Егора в те годы — Валерия Новодворская. Из интервью Игорю Свиначенко, журнал «Медведь»:

«— Егор часто тебе звонил?

— Нет, не часто. Иногда я сама ему звонила. Мы созванивались обычно после 12 ночи. Мы вели наш спор вечный, о том, что возможно в России — революция или эволюция. И этот спор как-то завершился к путинской эпохе. Стало понятно, что ни то ни другое невозможно, и на этом мы помирились. На том, что у нас невозможна демократическая революция, но и эволюция также невозможна. Потому что наше общество не эволюционирует! Егор был очень чистым и очень праведным, врать он просто не умел, и он мне про это сказал как есть. Нет, он не врал. Бывало, он выступит на “Эхе” — и после звонит мне и объясняет, почему он сказал то или иное. Чубайс был одной стороной природы Егора, а я — другой, мы были факторами его души, вынесенными во внешнее пространство. Я была тем несостоявшимся в его жизни диссидентским фактором... Это — несбывшееся, то что не сбылось у него... А Чубайс — это было совсем другое. Он все время тянул Егора в сторону истеблишмента.

У Егора была привычка звонить мне по ночам и объяснять, потому что, видимо, — он вообще плевал на любую критику, если б не плевал, то не дожил бы даже до пятидесяти, — он не хотел, чтобы между нами было какое-то недопонимание. Потому что во мне, я думаю, он видел ту самую свою диссидентскую молодость. Которая не состоялась».

...И все-таки главным ресурсом, из которого Гайдар черпал и силы, и вдохновение, и желание жить последние годы, — были его книги. Любимое занятие, главное призвание, единственная отдушина.

Помимо написанных по горячим следам мемуаров, которые мы часто цитируем: «Дни поражений и побед», в 90-е и начале 2000-х Егор написал и издал несколько самых важных для себя книг.

«Долгое время» — научный нон-фикшн, книга-прогноз с четкой постановкой задач для России XXI века. Настоящий «Капитал» нового тысячелетия.

...В январе 2020 года одиннадцатый гайдаровский форум открылся дискуссией, посвященной памяти Егора Гайдара. И разговор свернул в неожиданную сторону — а можно ли, собственно, считать Гайдара ученым?

Разговор открылся докладом блестящего экономиста Револьда Энтова, одного из немногих академиков РАН, придерживающихся либеральных взглядов, человека, который близко знал Егора Гайдара.

Револьд Михайлович задал тон разговору, сосредоточившись на интеллектуальном наследии Егора Гайдара и его актуальности.

Гайдар, вспоминая академик Энтов, с большим вниманием относился к математическим моделям, но нередко замечал, что иной раз «теория слишком красива, чтобы быть реалистичной».

Ведь и в самом деле, иронизировал Револьд Михайлович, изложение содержания любой экономической модели начинается с описания ситуации, когда два частных предпринимателя заключают сделку, а значит, речь идет о системе со сформированной частной собственностью, финансовыми рынками, рыночной экономикой как таковой. И ни одна из таких моделей не учитывает наличия, например, решения съездов партии, колхозного строя и «моногородов» сталинского типа.

Экономисты, «запятнавшие» себя практическими реформами, редко оказываются в списках теоретиков, отмечал академик Энтов, и это несправедливо, как несправедливо и то, что «современные студенты не знают имени Гайдара, зато знают, например, имя автора весьма посредственного учебника по переходным экономикам».

Полемизируя с академиком Энтовым, Петр Авен назвал Гайдара человеком действия, но не ученым: «Гайдар не был нацелен на получение нового знания, он хотел делать реформы. Сперанский был его героем».

Разговор о Гайдаре-ученом и о Гайдаре-политике завершил Анатолий Чубайс, который задал вопрос Петру Авену: «Ты говоришь, что Гайдар не ученый. А Маркс — ученый? — Нет. — А Хантингтон и Фукуяма — ученые? — Да. — Вот тут ты и попался». До Гайдара, заметил Чубайс, не было теории перехода от социализма к капитализму, а это, как ни крути, огромное научное достижение. «Долгое время» — это работа на уровне Сэмюэля Хантингтона и Фрэнсиса Фукуямы. Получается, что Гайдар — все-таки ученый.

Чем отличается экономист от любого другого «гуманитария»? Своим пристрастием к цифре. Сама наука строится на цифровых расчетах. Таблицы, графики — всего этого много в работах Гайдара. И все же читать их безумно интересно даже для глубокого гуманитария. А значит, правильно было бы назвать его тип творчества — писатель. Это работы прежде всего писательские. Но жанр, в котором работал Гайдар, пока больше востребован на Западе, не в России, — это проза интеллектуала, документальная литература для очень умной аудитории. Гайдар немного не

дожил до настоящего бума жанра нон-фикшн, до переводной литературы, обрушившейся на жадную до новых имен русскую аудиторию, до популярности социальных и философских трудов, романа-эссе.

Но мы уверены, что его книги будут прочитаны в будущей России. И по достоинству оценены.

Ведь он предсказывал не только плохое, но и хорошее. Пытался заглянуть в будущее.

«Есть базовые факторы, влияющие, как принято считать, на динамику роста: это доля инвестиций в ВВП, расходы на образование, открытость экономики и т. д. Но всегда найдутся страны, где эти факторы действовали, а роста не было. У. Истерли (американский экономист. — А. К., Б. М.) ввел в научный обиход не очень точное, но любопытное понятие: способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост. Основываясь на реалиях российского развития последних полутора веков, можно утверждать: российские социально-экономические институты демонстрировали способность поддерживать экономический рост на среднемировом уровне...

Допустим, что существовавшая на протяжении полутора веков дистанция сохранится и дальше. Тогда через 50 лет уровень, и стиль жизни, и структура занятости, и инфраструктура будут в России примерно такими же, как сегодня во Франции или Германии. Это предполагает годовой рост российского душевого ВВП около 2 % — такими же темпами или несколько более высокими развивалась мировая экономика на протяжении последнего века. Однако если российская экономика в течение ближайших десятилетий будет развиваться так же, как в 1999–2004 годах, отставание от лидеров сократится до одного поколения».

...«Коротко извинитесь», — просил Гайдар своего помощника Леонида Тодорова, когда погружался в работу над книгами и не мог отвечать на запросы: поездки, тексты, интервью, выступления, отвлекавшие от той работы, которую Егор считал самой важной и самой содержательной. «Он как бы забирался под корягу и вытащить его оттуда было крайне сложно», — рассказывал о таких периодах Леонид.

На Гайдара работала большая команда, которая занималась тем, что называется data mining — сбор данных. Например, при написании «Гибели империи» была необходимость в архивных материалах — над их поиском работал Александр Максимов, сотрудник двух журналов, учрежденных Гайдаром — «Открытой политики» и «Вестника Европы». Сводный брат Егора, Никита Бажов, тоже трудился в «Открытой политике», тоже помогал

Егору. Многие сотрудники — в том числе Леонид Тодоров — проводили время в ИНИОНе, подбирая книги по темам, интересовавшим Гайдара: в его рабочем кабинете до сих пор хранятся инионовские ксероксы.

Рукописи Егор показывал множеству людей, которым он доверял, в том числе профессиональным журналистам — Леониду Радзиховскому, Виктору Ярошенко, Отто Лацису. Редактурой и обсуждением ее деталей с автором занимался Леонид Лопатников.

Очень помогала в работе над книгами его жена, Мария Аркадьевна. В последние годы Гайдар наговаривал тексты своих книг, при этом во все убыстряющемся темпе ходил по кабинету, иногда те, кто стенографировал, едва поспевали за ним и за ходом его мысли. Затем начинались монтаж фрагментов и работа над источниками и многочисленными сносками, которые превращались в отдельную книгу в книге.

«Гибель империи» — пророческая книга. И не только в точном и детальном разборе «предсказаний назад», то есть ретроспективном анализе развала СССР. Пророческая она для сегодняшней России — в первую очередь. «Обращения к постимперской ностальгии, национализму, ксенофобии, привычному антиамериканизму и даже к не вполне привычному антиевропеизму вошли в моду, а там, глядишь, войдут и в норму. Важно понять, насколько это опасно для страны и мира».

...Вошло в норму.

«Мессианская идеология — важная отличительная черта тоталитарных режимов. Авторитарный — объясняет свою необходимость прозаическими аргументами: несовершенством демократических властей, значимостью динамичного экономического развития, необходимостью противостоять экстремизму. Тоталитарный — апеллирует к религиозным или псевдорелигиозным символам: тысячелетний рейх, всемирный коммунизм, мировой халифат».

«Пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос ее существование».

Да, Гайдар ставил вопрос жестко, обозначал главный тренд и главную проблему. Потом раскрывал — подробно, на пальцах и фактах — механику развала империи. Точнее, саморазвала — и не только советской.

Книга, описывая прошлое, показывала и картину будущего: «Столкнувшись с экономическим кризисом, правительству придется сокращать бюджетные расходы, повышать налоги, девальвировать национальную валюту, ограничивать импорт, сокращать дотации. Все это тяжелые, непопулярные меры. Чтобы проводить их, режим должен быть

уверен, что общество их примет или что он способен использовать силу, чтобы остановить возможные беспорядки.

Слабость авторитарных режимов, столкнувшихся с подобным кризисом, в том, что они не обладают ни первым, ни вторым ресурсом».

Казалось, что нефть, которая лежала в основе благополучия российской экономики, всегда будет «высокой». Урок Советского Союза, подорвавшегося на падении нефтяных цен, не был выучен. А Гайдар предупреждал и о том, во что упорно не верили новые руководители: «Достоверное прогнозирование цен на сырьевые ресурсы или курсов мировых валют за пределами возможностей экономической науки».

Все, абсолютно все предсказано, вплоть до популистской риторики политиков, суть которой — «выдвижение... экзотических идей, связанных с использованием накопленных в стабилизационном фонде ресурсов».

«Гибель империи» Егор Гайдар представлял в июне 2006 года в Высшей школе экономики. Он указал на две причины, побудившие его написать книгу. Первая — рост цены на нефть до опасных позднебрежневских величин, способных сильно расслабить политическую элиту страны. Второе — закрепление мифов о развале СССР, согласно которым экономические реформы обрушили великую державу. Оба пункта нуждались в объяснениях.

Мифотворчество разнообразно. Например, миф о возможности в России китайского пути. Сопоставлять Россию и Китай можно. Только если иметь в виду, что ВВП на душу населения в Китае в 1980 году был равен этому же показателю в СССР 1930 года. То же самое — с долей городского населения. Полвека отделяли одну страну от другой. Только в 1980-м Китай пошел по тому пути, от которого отказалась Россия в конце 1920-х: «И А. Рыков, и Н. Бухарин предлагали сохранить частное крестьянское хозяйство, добровольную коллективизацию, финансовую стабильность, развитие рыночных механизмов при политическом контроле коммунистической партии». Но сталинская индустриализация опрокинула их планы.

«Дата краха Советского Союза для меня ясна, — говорил тогда Гайдар. — Это не август 1991 года и не декабрь 1991-го. Это 13 сентября 1985 года, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Ямани объявил, что Саудовская Аравия радикально меняет свою нефтяную политику, перестает сдерживать добычу и будет стремиться восстановить свою долю на нефтяном рынке. За следующие 6 месяцев нефтедобыча в Саудовской Аравии выросла в 4 раза. Цены на нефть в реальном исчислении упали примерно в 4 раза... Последние годы экономическая история СССР была длинным постскриптумом (к этому событию — А. К.,

Б. М.)».

А потом, иронизировал Гайдар в привычной для себя сдержанной интонации: «Советское руководство принимает ответственное и мужественное решение — крепко закрыть глаза, сделать вид, что ничего не происходит». Однако не замечать нехватку 40 миллионов тонн необходимого зернового импорта невозможно. Нужна валюта, получить ее теперь можно только за счет кредитных ресурсов. И Советский Союз начинает серию масштабных заимствований за рубежом. Но кредиты надо обслуживать, а с этим проблемы. Дальше ситуация пошла вразнос.

В «Гибели империи» каждая такая история разобрана до последней мелкой детали. Но книга не только и не столько об СССР — политэкономия краха Советского Союза лишь один из примеров неизбежной и безысходной неэффективности авторитарных режимов. Могучая держава Советский Союз в этом смысле ничем не отличалась от средневекового Испанского королевства: и здесь, и там — извлечение ренты, и здесь, и там — неразумные расходы, военные авантюры и... заимствования. Когда приток драгоценных металлов сокращается, цены растут, доходы казны снижаются, невозможность вернуть кредиты приводит к череде банкротств: «История Испании XVI–XVII веков — пример державы, которая пережила крах, не потерпев поражения на поле брани, но рухнула под влиянием непомерных амбиций, основывавшихся на таком ненадежном фундаменте, как доходы от американского золота и серебра».

«Развитие событий в СССР в последние годы его существования демонстрирует, сколь важно, вырабатывая экономическую политику, учитывать долгосрочные риски, оценивать принимаемые решения не только с точки зрения годовой или трехлетней перспективы, а на десятилетия вперед».

После второй отставки в 1994-м Гайдар никогда больше не занимал официальных постов в исполнительной власти — он работал только в парламенте. И тем не менее по-прежнему считал себя ответственным за всё.

Об этом свойстве Егора хорошо написал Борис Немцов: «У Гайдара есть проблема — синдром премьер-министра. Ему, например, предлагают сделать бюджет или написать концепцию налоговой реформы, и он относится к этим предложениям так, будто остается главой правительства, — очень и очень ответственно. Я его успокаиваю, убеждаю, что он не отвечает за нынешних чиновников и их странные шаги, что он свою голову на их дурацкие плечи не подставит. Но Егор Тимурович все равно будет

делать так, словно на нем лежит весь груз ответственности».

...Кто-то заметил, что в 1997 году в правительстве Черномырдина роль премьер-министра играл Гайдар. Это сильное преувеличение. Идеологически и по составу это, конечно, могло бы быть его правительство. Кабинет министров, чем-то похожий на правительство реформ 1992 года, — Немцов, Чубайс, Кох, Бойко, Сысуев и многие другие молодые реформаторы (по-прежнему остававшиеся молодыми, лет-то с 1992-го прошло немного). Снова в качестве «политической крыши» активный, вылечившийся после инфарктов и шунтирования Ельцин, новые министры решительны, образованны, инициативны. Но тем не менее это было именно правительство Черномырдина. Причем Черномырдина, сильно обеспокоенного ввиду обострившейся внутренней конкуренции в Белом доме. Черномырдина, скованного необходимостью политического маневрирования между олигархами, отраслевыми лоббистами и красной Думой.

...Инициатором прихода молодых реформаторов в правительство был Анатолий Чубайс. Алексей Кудрин, «выписанный» Чубайсом летом из Питера, докладывал на первом заседании ВЧК под председательством президента о задолженности перед пенсионерами на конец года в 16,3 триллиона рублей и недоимке предприятий в размере трети федерального бюджета. Кудрин взял на себя смелость сказать, что запланированный бюджет неисполним.

«Чем дальше шло время, — писал Ельцин в «Президентском марафоне», — тем яснее становилось, что первое черномырдинское правительство, сформированное им летом 96-го, решить экономические и социальные проблемы, навалившиеся на страну, не сможет».

6 марта 1997-го президент выступил с посланием Федеральному собранию с характерным названием «Порядок во власти — порядок в стране», одним из ключевых авторов которого был Гайдар. Да, прямо как в октябре 1991-го, когда Борис Николаевич объявлял на съезде депутатов о начале реформ. Восстановление порядка спустя пять с небольшим лет виделось в «энергичном завершении экономических, социальных, правовых реформ». То есть в завершении реформ того периода, гайдаровского.

7 марта 1997 года Чубайс возвращался в кабинет министров с фактически гайдаровским (или федоровским, образца 1993 года) мандатом: первый вице-премьер и министр финансов.

Потом начались назначения вице-премьеров и министров. Ушли члены правительства, состоявшего из несовместимых персонажей, — от Олега

Лобова (его Ельцин снова вернул в правительство в 1996-м) до Владимира Потанина. Кроме свежей крови в лице, например, нового вице-премьера по социальным вопросам и бывшего мэра Самары Олега Сысуева, в правительстве прошли назначения как бы второго ряда, но чрезвычайно показательные, поскольку в новых условиях была крайне важна роль заместителей министров. Первым замминистра труда стал Михаил Дмитриев, первым замминистра финансов — Сергей Игнатьев, еще одним первым замом Чубайса — Алексей Кудрин, покинувший пост руководителя контрольного управления администрации президента. (Новым шефом этого управления стал Владимир Путин.) Первым замом аппарата правительства — контролером прохождения реформаторских решений — Сергей Васильев.

Министром экономики и зампредом правительства был назначен Яков Уринсон. Евгений Ясин стал министром без портфеля — за ним числилась идеология реформ, причем не краткосрочных, а долгосрочных. Разрабатывалась она в Комиссии по экономической реформе. Одну из ключевых ролей в их формулировании сыграл как раз Михаил Дмитриев. Ну и, наконец, еще один первый вице-премьер — Борис Немцов.

Казалось бы — не правительство, а мечта Гайдара...

Всегда сомневающийся Сергей Васильев оценил, правда, это решение (о двух первых замах Черномырдина) жестко: «Идея была совершенно дурацкой: ЧВС почувствовал себя обложенным со всех сторон и затаил обиду, так что его отношения с Чубайсом в новом кабинете министров... стали намного хуже, чем в 1995 году».

Тем не менее 20-процентный секвестр расходов состоялся, макроэкономические показатели улучшились. Гайдар же довольствовался ролью гуру, стоящего чуть в стороне, но созерцающего результаты своих трудов.

Однако правительство, почти одолевшее «красных директоров» и даже выжавшее дополнительные платежи в бюджет из Газпрома (и это при живом ЧВС!), внезапно подорвалось на борьбе с олигархами. Точнее, настоящей войне с ними. Войне, получившей название «информационная», или «банковская».

В июле 1997-го состоялся аукцион по продаже блокирующего пакета акций государственной телекоммуникационной компании «Связьинвест». Победителем стал консорциум, в котором участвовали и иностранные компании, во главе с ОНЭКСИМ-банком.

Как вспоминал Альфред Кох, занимавший в то время пост главы

Госкомимущества, «ровно в 17:00 в присутствии представителей обеих сторон конверты были вскрыты, выявили победителя, который предложил 1 миллиард 875 миллионов долларов против 1 миллиарда 710 миллионов, заявленных проигравшим консорциумом... Эпоха “джентльменских соглашений” между олигархами-банкирами закончилась, настало время честной конкуренции».

Проигравшие, то есть предложившие меньше денег за пакет, сформировали уже другой консорциум — информационно-боевой, во главе с Владимиром Гусинским и Борисом Березовским. Они начали войну с «младореформаторами».

Аукцион еще раз выявил базовую проблему политэкономической системы страны. Спустя год после этих событий Гайдар говорил: «Этой проблемой неизбежно должна была стать проблема взаимоотношений собственности и власти, проблема обеспечения равенства правил игры, ликвидация того неоправданного положения, при котором власть и собственность слишком тесно переплетены... Результатом масштабной информационной войны стало новое ухудшение отношения к реформаторам и демократам, резкое снижение популярности и рейтинга Бориса Немцова, против которого была развязана кампания откровенной травли, и в конце концов невозможность продолжения работы правительства в том составе, в котором оно было сформировано в марте 1997 года. На все это наложился финансовый кризис в мире, кризис в Юго-Восточной Азии».

Гайдар, не являвшийся участником событий, откровенно досадует. Как раз тогда, когда начала снижаться инфляция (11 процентов по итогам 1997-го — беспрецедентный результат), начали расти объем кредитов в реальный сектор экономики, золотовалютные резервы, фондовый рынок, пошли иностранные инвестиции, снизились процентные ставки, в ряде отраслей наметился рост, — все сорвалось. И из-за чего?

Группа олигархов почувствовала себя обманутой, заподозрила сговор. И когда одного из них Егор напрямую спросил, не боятся ли они обрушить всю ситуацию в стране, — тот гордо отвечал: «честь дороже».

О том, как это происходило в реальности, довольно ярко рассказал в своей книге Борис Немцов:

«Война против нас заключалась в том, что телекиллер Сергей Доренко еженедельно в программе “Время” обливал нас грязью, рассказывая кошмарные небылицы. Например, ловил за 200 долларов проституток на Тверской, и они рассказывали в эфире общенационального канала, как

развлекались в пансионате “Лужки” с Немцовым. Анонимные рассказы анонимных проституток с закрытыми лицами повторялись по ОРТ из недели в неделю.

Гусинский, правда, тему проституток посчитал неприличной. Для высмеивания и дискредитации меня он использовал кадры встречи в аэропорту Внуково Гейдара Алиева. Президент Азербайджана прилетел летом, в страшную жару, и я на официальном мероприятии оказался в легких белых штанах, что, конечно, является нарушением протокола. Позор, кошмар! Раз сто показали этот момент в программах телеканала НТВ.

Поскольку фактов коррупции или злоупотребления служебным положением наши враги обнаружить не могли, то ОРТ и НТВ били по определенным имиджевым точкам. Тактика — прямая и косвенная дискредитация, задача — свалить правительство. Березовский с Гусинским делали все, чтобы создать вокруг нас зону общественного отчуждения, чтобы в итоге мы либо ушли в отставку самостоятельно, либо, не выдержав, нас отстранил от должностей президент».

Да, действительно, это был трагический момент в истории страны — ради личных интересов совершенно конкретные люди, обладавшие огромным информационным ресурсом, обрушили правительство, очень сильно ударили по президенту, изменили, по сути дела, сам ход истории. И ради чего? Чтобы кому-то отомстить? Кого-то наказать?

Именно в 1997-м разразилось «книжное дело» — история выплаты значительных гонораров членам приватизационной команды (Чубайс, Бойко, Кох, Казаков, Мостовой, Д. Васильев) за якобы «ненаписанную» книгу о приватизации. При том что книга была написана, а свою рукопись на ту же тему отдельно готовил Кох.

В результате открыли уголовное дело против Альфреда Коха. Вот как он сам об этом вспоминал в книге «Ящик водки» (совместно с Игорем Свиначенко):

«Ты тогда подумал, наверно: “Служил отечеству, и что? Чем кончилось? Буду теперь жить для себя, зарабатывать деньги...” Да?

— Ну что-то в этом духе, да. За исключением двух элементов. Все-таки нашлись люди, которые не погнушались мне помочь, в самый разгар уголовки. Это меня радовало. А с другой стороны, меня сильно огорчал сам факт этой уголовки. Я-то знал, что она высосана из пальца, мне было противно даже разговаривать со следователями, потому что все из пустого в порожнее — год рождения, год смерти, чем занимались, опишите свою

биографию. И каждый раз продлевали, продлевали...

Конечно, НТВ пыталось “держаться в рамках”, здесь преобладали темы “грабительской приватизации”, залоговых аукционов, но, конечно, не обошлось и без скандальной истории с “книжным делом”, как же без скандала вести кампанию...

Сергей Доренко для вящей убедительности взял стопочку белых листов и показал телезрителям — вот, смотрите, сколько стоит такая стопочка листов.

Удивительная это была фигура — Доренко. Он не раз публично признавался в своей страстной ненависти ко всем игрокам политической и бизнес-сцены 90-х, он был человеком абсолютно левых, анархических и коммунистических убеждений — и тем не менее активно работал на команду Березовского. И вовсе не потому, что там, на канале ОРТ, “мочить олигархов” или Чубайса с Гайдаром было эффективнее. Нет, просто Березовский платил большие деньги. Во главу угла Сергей ставил свой личный успех, свои личные дивиденды — и прямые, и социальные, в виде славы и рейтинга».

Книга о приватизации была уже к тому времени почти готова, сдана в издательство. Больше того, она была важна — многим было интересно узнать, как видят этот процесс Чубайс и его коллеги, как все происходило с их точки зрения, она была важна именно тогда — как попытка объяснить логику реформ в России. Но издали «Приватизацию по-русски» в «Вагриусе» почему-то гораздо позже, в 1999 году, — вместо того чтобы предъявить публике сразу, в том же 1997-м.

Против «младореформаторов» настроили и Черномырдина. Как рассказывал один из очевидцев событий, Березовский стал частым гостем в кабинете ЧВС в Белом доме, и «Степаныч просто расцветал, слушая речи Березы». Шла активная подготовка к тому, чтобы Борис Абрамович вошел в совет директоров Газпрома и, может быть, даже стал его председателем.

«Демократическое телевидение НТВ присоединилось к яростной травле, — пишет Борис Немцов, — профессионально маскируя истинные причины разоблачительного пафоса своего телеканала. Постепенно тактика олигархов начала приносить плоды. В августе 1997 года, через пару недель после знаменитого аукциона, меня вызвал к себе Ельцин. У президента было плохое настроение, и он раздраженно спросил: “Неужели вы не можете как-то все это делать без шума? Я устал вас защищать”. Я пытался объяснить: “Борис Николаевич, это война, в которой либо они победят, либо мы. В этой войне ваша позиция как президента имеет определяющее значение. Олигархи владеют государством. Один из них, кроме

информационного ресурса, гигантского финансового ресурса и так далее, еще хотел захватить 'Газпром'. Если мы готовы дать этим людям возможность управлять страной, давайте тогда совсем уничтожим федеральное правительство и не будем тратить деньги на имитацию его деятельности. Назначайте на министерские посты олигархов, и пусть они делают то, что считают нужным..." Я говорил убежденно, страстно. Ельцин все это время молчал и угрюмо на меня смотрел. В конце произнес примерно следующее: "Они — никто, я их знать не знаю. Вы — правительство".

Так мы продержались до августа 1998 года. Черту под правительством молодых реформаторов подвел финансовый кризис. Продуманные, псевдоаналитические программы Доренко и Киселева вместе с ежедневными критическими новостями подорвали доверие к правительству. Моя популярность, которая в момент переезда из Нижнего Новгорода в Москву не уступала нынешней популярности президента Путина (книга Немцова вышла в 2007 году. — А. К., Б. М.), начала стремительно падать. При этом экономическое положение в 1997 году значительно улучшилось по сравнению с 1991 годом. Впервые после 1991 года наметился рост экономики. Удалось остановить инфляцию. Правительство погасило задолженность по зарплате перед шахтерами, учителями, врачами. Фондовый индекс только в 2005 году достиг уровня того, нашего 1997 года».

В результате скандала свои должности потеряли многие члены команды молодых реформаторов. В апреле 1997-го Немцов лидировал в президентских электоральных рейтингах, опережая Зюганова. К осени от этого лидерства ничего не осталось.

Гайдар поставил себя на место иностранных инвесторов: «Значит, правительства, способного проводить реформы, больше не будет... Налоговой реформы не будет. Сильного реформаторского кандидата в президенты не будет. А что же будет? А тогда выясняется, что Россия далеко не так привлекательна, как это казалось буквально два месяца назад».

Ельцин сохранял баланс между враждующими группами, как это уже было в ситуации, когда те же реформаторы воевали с кланом Коржакова. Его можно было отчасти понять: война шла внутри коалиции, которая привела его в 1996 году к победе на выборах. Оценивая впоследствии события рубежа 1997–1998 годов в серии статей в парижской «Русской мысли», Гайдар с досадой писал о Борисе Николаевиче: «И вместо того,

чтобы в этот момент твердо и энергично поддержать правительство “молодых реформаторов”, заявить, что этот курс будет реализован, и не просто сказать, а доказать сказанное действием, он занимает позицию беспристрастного арбитра, желающего примирить непримиримое».

А вот Немцов оценивал эту позицию Ельцина совсем иначе, другими красками и в другой оптике:

«Однажды, в разгар скандала вокруг “Связьинвеста”, президент Ельцин пригласил меня в Шуйскую Чупу (резиденцию в Новгородской области). В девять часов вечера сели пить чай и включили информационную программу “Время”. С первой же секунды в программе начали чихвостить Ельцина в хвост и в гриву, с таким издевательством и презрением рассказывали о президенте, что я вжался в кресло. Мне настолько было неловко и неудобно находиться рядом с ним в этот момент, что готов был просто провалиться сквозь землю. Я следил за Ельциным и ждал его реакции. Ожидал всего... Вот он досмотрит программу и прикажет разыскать Березовского и наказать его или вообще разгонит Первый канал... А он посмотрел минут десять и говорит: “Выключите телевизор!” Потом полчаса возмущался, каким подлым способом его критиковали. Я сидел и думал: почему он попросил выключить телевизор, а не выключил того же Березовского из бизнеса и политики, — он же советский партийный начальник, который не привык к сопротивлению. Но Ельцин не мог позволить себе показаться слабым и уязвимым.

Потом мы ужинали, и Наина Иосифовна возмущалась: “Боря, ты смотрел программу ‘Время’? Это же был настоящий кошмар”! Но президент жену не поддержал и будто вообще не обратил внимания на ее слова. Он помнил, что пришел к власти на волне гласности, защищая свободу слова как фундаментальную ценность. Он из принципа не мог позволить себе затыкать рот журналистам, даже если они откровенно лгали, выполняя указания своих хозяев. Он считал заказную ложь для страны меньшим злом, чем государственную цензуру».

Чубайс, даже лишенный поста министра финансов, оставался значительной силой: пользуясь своей властью в ВЧК, он объявил об изъятии за долги перед бюджетом имущества двух нефтяных комбинатов, принадлежавших олигархам и входивших в империи ОНЭКСИМа и Сибнефти. Через неделю ЧВС отменил это решение, показав, на чьей стороне он играет.

По словам Гайдара, «всему миру показывают, что происходит в российской власти; демонстрируется, что никаких налогов богатые и

сильные платить не будут, а платить будут только слабые и глупые».

По словам Сергея Васильева, хорошо знавшего ситуацию в правительстве изнутри, Черномырдин стал настаивать на увольнении Чубайса. Перед Ельциным за Чубайса не поленились заступиться главы Украины и Казахстана Леонид Кучма и Нурсултан Назарбаев. Чубайсу стало известно о походе Виктора Степановича к Борису Николаевичу с просьбой об отставке главного реформатора (по информации Сергея Васильева). Это было неприятно.

И тем не менее Черномырдину со своими замами оставалось работать недолго, ровно до того момента, когда 21 марта 1998-го и Виктора Степановича, и Анатолия Борисовича отправили в отставку «хором». Что означало одно: карьера Черномырдина как возможного преемника Ельцина, увы, закончена.

В этот момент и родилась идея совершенно нового реформаторского правительства (в котором по-прежнему оставался Немцов). Правительства под руководством Сергея Кириенко.

Не очень заметный, совершенно никому не известный «технократ» (на самом деле, бывший комсомольский работник) из Нижнего Новгорода, товарищ Немцова, которого тот привез со своей малой родины, Кириенко казался реформаторам удобным, но независимым от олигархов, молодым, дерзким и в то же время корректным человеком.

По-разному отнеслись к этому члены разгромленного правительства. Альфред Кох до сих пор считает почему-то Кириенко «креатурой Березовского». Чубайс уверен, что это была их с Гайдаром идея, их проект. Продолжить реформы несмотря ни на что. Добиться стабилизации, несмотря на атаку «олигархов». Довести до конца начатое с прежним составом «молодых реформаторов». Добиться наполняемости бюджета, собираемости налогов, финансовой прозрачности с аукционами, добиться реформы в социальной и энергетической сфере... Выполнить свой экономический план до последнего пункта. Пусть и руками уже нового правительства. Такой была идея.

Политика для них снова оставалась за кадром. В стороне.

И снова это дало неожиданный результат.

Как свидетельствовал Евгений Ясин, «в переговорах по составу нового правительства участвовали и Чубайс, и Кириенко, и Гайдар. Это была, насколько я понимаю, линия, нацеленная против большей части олигархов и одновременно против Черномырдина, который дружил с ними на предыдущем этапе».

Но был и еще один, главный мотив: в экономике — очень серьезные

проблемы; возможно, Ельцин полагал, что «Степаныч», оставшись без своих замов, с надвигающимся кризисом не справится. Хотя, как заметил Евгений Ясин, «честно говоря, снимать тогда Черномырдина было бессмысленно. Кризис все равно бы разразился. И все равно бы снес кабинет министров».

Кириенко был утвержден Думой премьером 24 апреля 1998 года, причем только с третьего раза.

До начала августа 1998-го, считал Гайдар, сохранялась серьезная возможность того, что удастся добиться стабилизации. Но здесь следует посмотреть на ситуацию глазами инвестора: правительство вроде бы все пытается делать правильно, МВФ собирается выделить деньги, однако ни один закон, направленный на выравнивание ситуации, парламент не пропускает. Ну и как тогда правительство собирается реализовывать эти меры? Доверие падает, деньги в долг на рефинансирование ГКО не выдаются. «После этого, — говорил Гайдар, — начинается массовое изъятие валюты из резервов Центрального банка, ситуация выходит из-под контроля». Увы, пирамида ГКО в значительной степени финансировалась иностранными игроками.

Как заметил Сергей Васильев, «если бы в России к тому времени был плавающий курс рубля, то проблема могла быть решена простой девальвацией. Однако валютный коридор в это время уже стал политической священной коровой, и отказ от него мог иметь серьезные политические же последствия. Получилось так, что механизм валютного коридора, который позволил ускорить стабилизацию в 1995–1996 годах и привлечь значительные средства с мирового рынка, теперь стал политической ловушкой».

...12 мая 1998-го Гайдар прилетел из Японии с абсолютным ощущением того, что кризис, в том числе подталкиваемый проблемами на азиатских рынках, вот-вот войдет в пиковую фазу.

Уже на следующий день предчувствия Гайдара оправдались: рухнула индонезийская рупия, в Индонезии начались беспорядки. Егор считал, что в те дни кабинет министров медленно реагировал на происходящее, по его словам, «не видели масштаба угрозы, не понимая того, как быстро это все взорвется». Ждать долго не пришлось: 15 мая состоялся обвал и на российском рынке — резко подскочила доходность ГКО, курс акций полетел вниз.

Вообще говоря, Гайдар был одним из немногих, кто понимал всю серьезность ситуации. Правительство, конечно, не было расслабленно,

однако не все его представители понимали, например, до какой степени на развитие событий может повлиять кризис в Азии, какую роль в помощи России могут сыграть западные чиновники. В апреле 1998-го представители аппарата Кириенко (то есть чиновники, прибывшие с ним из Нижнего Новгорода) отказали во встрече с премьером одному из самых влиятельных экономистов мира, замминистра финансов США Ларри Саммерсу, который мог решать ряд вопросов в пользу России в дискуссиях о предоставлении помощи со стороны МВФ. В результате вся американская команда сидела, по словам Сергея Васильева, «в совершенно офигевшем от такого приема состоянии». Аппаратчики решили, что замминистра финансов США — слишком мелкая сошка.

В течение преддефолтных месяцев Гайдар не участвовал в официальных встречах и переговорах с чиновниками МВФ — это было дело бюрократии. Но в ходе кризиса, как говорили участники процесса, Егор «не вылезал из кабинета Чубайса». Анатолия Борисовича те же самые олигархи, что вели против него войну, попросили вернуться в строй еще 16 июня 1998-го. Несмотря на то, что Чубайс уже работал главой РАО «ЕЭС России», его уговорили стать спецпредставителем президента на переговорах с МВФ и Всемирным банком. Скатывавшаяся в кризис экономика нуждалась в финансовой поддержке международных организаций, причем в предельно сжатые сроки.

24 июля МВФ все-таки выделил кредит в 11,2 миллиарда долларов, но пока, в силу неясности российских политических обстоятельств, то есть результатов разборок правительства с думским большинством, ограничил реальные выплаты первым траншем в 4,8 миллиарда. Работали почти круглосуточно. Сергей Васильев, который согласовывал позиции кабинета министров России и международных финансовых организаций, от напряжения загремел в середине июля в больницу под капельницу...

Дума, для которой ситуация складывалась как нельзя лучше — поражение правительства означало ее победу, — так и не утвердила программу стабилизационных мер, и рынок, не глядя, проглотил транш МВФ и продолжил падение. В субботу, 11 июля, из отпуска срочно возвращались Анатолий Чубайс и глава ЦБ Сергей Дубинин. Характерен состав экономистов, которые ожидали их для мозгового штурма: министр финансов Михаил Задорнов, зампред ЦБ Сергей Алексащенко, замминистра финансов Олег Вьюгин и Егор Гайдар.

...К этому времени сыпалось уже все. Правда, 14 августа в одной из поездок Ельцин, отвечая на вопрос журналиста, заявил, что девальвации не будет, — «твердо и четко» (кстати, сделать это заявление его убедил

финансовый блок правительства).

В тот же вечер Чубайс и Гайдар, встретив прилетевшего в Россию директора второго европейского департамента МВФ Джона Одлинга-Смита, немедленно отправились с ним на беседу в Либерально-консервативный центр на Никитской, где «хозяином» был Аркадий Мурашев. К ужину не притронулись. Обсуждение возможных мер приводило все к тем же тупикам, которые обнаруживались в ходе теперь уже круглосуточных дискуссий в Белом доме, Минфине, ЦБ.

Мартин Гилман, тогдашний представитель МВФ в России, с некоторым изумлением потом размышлял: «Оглядываясь назад, поражаешься, что два человека, не занимавшие никаких официальных постов в правительстве, решали тогда в укромном ресторанном кабинете судьбу финансов России. Возможно, на эти переговоры послали именно их, чтобы избавить членов правительства от необходимости обсуждать вслух радикальные шаги, которые никто не хотел предпринимать. Возможно, члены правительства не захотели бы говорить на эти темы с той же открытостью и откровенностью, а потом брать на себя ответственность за сказанное...»

Здесь следует сделать оговорку — конечно, и Гайдар и Чубайс находились в плотнейшей связке с членами кабинета.

Дальнейшее мы знаем. Дефолт все-таки состоялся. Здесь сошлась сразу целая сумма обстоятельств: общий, мировой кризис и паническое поведение инвесторов в первую очередь. Фатальное невезение. Ошибки (они тоже были — Чубайс говорил в интервью, что, «получив огромный кредит МВФ и техническую договоренность о первом транше, я ушел в отпуск, расслабился буквально на несколько дней, может быть, в этом есть и моя вина»). Позиция Думы, заворачивавшей раз за разом все реформаторские пакеты мер, которые были в том числе условием предоставления западной помощи. Возможно, все-таки и опоздание с девальвацией.

Дальнейшие события Гайдар описывал так: «Было ощущение очень у многих, в том числе международных инвесторов, что да, прошли самое тяжелое, что да, сделали отвратительную вещь, но в общем дальше все будет стабилизироваться. И тогда на это все накладывается решение президента отправить правительство Кириенко в отставку... Плюс к финансовому кризису мы получаем кризис власти; правительство, которое разрабатывало эту программу, вернее, отвечало за нее, — в отставке, МВФ свободен от своих обязательств... Возникает совершенно другая политическая ситуация, потому что в условиях кризиса, отставки премьера

и необходимости заигрывать с тем же думским большинством, которое все сделало для того, чтобы развалить финансовую ситуацию, этому же думскому большинству на блюдечке с голубой каемочкой и приносят власть».

Да, он был раздражен. Но...

Конечно же, политически отставка правительства на фоне финансового обвала была предопределена. Здесь у Ельцина не было никаких вариантов.

Еще одна миссия Гайдара оказалась невыполнима. Но он не хотел в это верить. Отказывался понимать.

У него были самые тяжелые предчувствия. Гайдар называл возникшее на волне дефолта правительство Примакова «коммунистическим».

Впрочем, оно было, скорее, дирижистским, то есть верившим в волшебную силу государственного управления и расточительной траты денег. Пока они строили амбициозные планы по возврату государства в экономику, задумывались о запрете хождения доллара, экономическая система и бизнес оказались предоставленными самим себе. И в этих странных условиях вакуума хозяйственной власти рыночные секторы экономики начали восстанавливаться сами. Рынок, а не растерявшееся правительство, поднимал из руин экономику.

Самые мрачные прогнозы Гайдара, основанные на том, что правительство будет реально действовать в «социалистическом», популистском духе, к счастью, не оправдались. Новое правительство не действовало в этом духе.

Мартин Гилман так описывал ситуацию со своей колокольни: «Бездействие правительства (Примакова. — А. К., Б. М.), — хотело оно того или нет, вылилось на практике в жесткую макроэкономическую политику. Не имея в своем распоряжении источников финансирования, правительство могло тратить только то, что собирало в виде доходов в бюджет. Минфин (под руководством «яблочника» Михаила Задорнова. — А. К., Б. М.) твердо отклонял все предложения, предполагавшие эмиссию, и таким образом сыграл ведущую роль в стабилизации положения... То, что случилось следом, с трудом поддается объяснению. Предсказания всех ясновидцев (МВФ в том числе) относительно будущего российской экономики оказались не просто неверными, а совсем неверными: экономика резко пошла в рост, причем еще до прихода Путина к власти. Способствовало этому сочетание нескольких факторов. Изменились приоритеты российского бизнеса: поскольку спекуляции на валютном и фондовом

рынках прекратились, пришлось наконец использовать капиталы в реальном секторе. Удешевление рубля предоставило российским производителям защиту от иностранных конкурентов и их товаров. Значительно выросли цены на нефть (чего МВФ в своих прогнозах не предполагал). Наконец, начали сказываться в повседневной практике первые долгосрочные результаты предпринятых ранее мер по улучшению управления в экономической, монетарной и бюджетной областях».

Из периода работы кабинета Примакова Гайдар извлек урок. И для себя, и для других: «У нас было “левокоммунистическое” правительство, неспособное проводить либеральные реформы. Мы выяснили, что оно не хочет возвращаться в социализм, боится. Оно боится печатать деньги. Именно оно и показало, что нельзя проводить в России какую-нибудь осмысленную экономическую политику, кроме либеральной».

...Естественно, нашлись люди, которые стали обвинять Гайдара в том, что он нажился на кризисе ГКО (как было сказано в классическом советском фильме, «и часовню тоже он развалил»). Сложнее было понять тогдашние и последующие атаки на Егора по этому поводу со стороны тех людей, которые прекрасно знали, что Гайдар не ворует и не наживается на инсайдерской информации, в частности, со стороны Андрея Илларионова.

О том, что произошло с личными сбережениями Гайдара в период кризиса, разные люди рассказывают по-разному. Правда состоит в том, что пропали все ГКО, в которые вложил его институт, — и запрет на их продажу диктовался именно железными этическими принципами его директора (вспомним призыв к членам правительства реформ ничего не получать от государства и к депутатам Думы в 1994-м не приравнивать свои зарплаты к министерским).

У самого же Егора Тимуровича государственных краткосрочных облигаций просто не было: в 1996 году, когда возросли риски для семьи, он застраховал свою жизнь в пользу младшего сына, а после победы Ельцина продал свои ГКО, за два года до 1998-го. Доходность их была совсем другой, чем летом 1998-го. Полученные от продажи деньги он тогда вложил в акции нескольких предприятий и в строительство дачи. Нет, он не был игроком. Семья на этом явно не разбогатела. Все ухнуло «в котлован», как мы помним из рассказа Марии Аркадьевны.

В декабре 1999 года умер Тимур Аркадьевич Гайдар, отец Егора. Умер от тяжелой, скоротечной болезни. Врачам в военном госпитале в Серебряном переулке не удалось спасти его жизнь.

По завещанию Тимура его прах был развеян над любимым домом, над

главным местом последних лет его жизни — в Красновидове. Это сделали Егор и его сын Петр, с вертолета. Военный караул, стоявший у дома, проводил контр-адмирала Гайдара прощальными залпами.

Наступила эпоха «после дефолта». На посту премьера Примакова сменил Степашин, Степашина — Путин.

Рассчитывая в 1999 году на реформаторский рывок после выборов в новую Думу, Гайдар осознавал, что время «старых демократов» уходит — в том смысле, что массовый избиратель за них не проголосует. А для реального участия в политике, считал Егор, нужна парламентская фракция. К тому же забрезжила надежда на объединение демократов и предъявление публике их «единого» лица. В случае коалиции «Правое дело» это были Борис Немцов, Борис Федоров, Ирина Хакамада, Егор Гайдар. И всегда стоявший чуть в стороне, «за сценой», Анатолий Чубайс.

Сформированный в результате избирательный блок «Союз правых сил» (впоследствии ставший партией) шел на парламентские выборы под лозунгом «Кириенко в Думу, Путина — в президенты». Получая за счет этого дополнительных избирателей, правда, не вполне или совсем не своих. Кроме того, Сергей Кириенко участвовал в кампании по выборам мэра Москвы. Да, неудачно, но это была первая кампания нового типа — развеселая, игровая, яркая, при поддержке тех, кого спустя более чем десять лет назовут «креативным классом» (руководителем предвыборного штаба Кириенко стал галерист Марат Гельман).

Ожидания Гайдара были самыми благостными. Если победа СПС состоится, говорил он, и «если в результате следующего президентского цикла не произойдет чего-нибудь катастрофического или очень плохого, я буду более чем удовлетворен своим положением в обществе, в науке, в жизни».

И здесь нужно сказать несколько слов о том, кем же считали реформаторы, либералы или демократы нового президента Владимира Путина в первые годы его правления. Это не такой простой вопрос, каким может показаться вначале.

В то время Путин оценивался как возможный проводник их программы, разработанной еще в 90-е. Идея получить в качестве союзника молодого и энергичного претендента на пост будущего президента естественным образом увлекала реформаторов. Сомнения «старых демократов» по поводу Путина и его жизни в КГБ до 90-х с порога отметались. Ведь забрезжила надежда на появление нового «окна возможностей», рестарта недоделанных реформ.

Либералы (или все-таки демократы?) тогда искренне считали Владимира Путина партнером. Сергей Васильев оценивал свои тогдашние впечатления: «Мы были знакомы (с Путиным. — А. К., Б. М.) с 1990 года по офису Собчака. Уже тогда он выглядел сильным технократом». И главное: «Путин вообще считался членом команды — не только федеральной, но и питерской».

«Членом команды» они его считали — вот это, наверное, самая точная характеристика.

Да, Гайдар в этот момент предпочитал двигаться в партийном фарватере. В декабре в одном из интервью он рассказал о «своем» Путине. «Мы много раз встречались, когда я работал в правительстве, а он в мэрии Санкт-Петербурга... Не могу сказать, что я его хорошо знаю. Анатолий Борисович знает его хорошо», — переводил стрелки Егор. Однако оговорился: «Власть — это такая штука, которая меняет человека. Довольно здорово меняет».

Чубайс занялся дополнительным экономическим образованием Путина, для чего были мобилизованы питерские либералы Алексей Кудрин и Андрей Илларионов. Кроме того, Чубайс пытался сформировать команду неформальных советников. Евгений Ясин рассказывал: Путин «был мне абсолютно безразличен. Я с ним встречался, мы были знакомы, но никаких личных отношений... И тут приглашает меня Чубайс. Вместе со мной пришли два моих боевых заместителя прошлого состава Министерства экономики — Сергей Игнатьев и Сергей Васильев. Чубайс говорит: договорились с новым премьер-министром, что мы сотрудничаем, и я прошу вас оказать ему помощь».

Дело было осенью 1999-го, сотрудничество продолжалось месяца три, как раз до парламентских выборов. А что потом?.. «Потом приглашать перестали».

Достаточно противоречивой выглядит и оценка Путина в книге Бориса Немцова «Исповедь бунтаря». Она вышла уже после ареста Ходорковского, после полного разрыва СПС (и Немцова лично) с властью, после первой «оранжевой» революции в Киеве, которую Борис безоглядно поддержал. В книге много очень жестких, нелюбезных слов о Путине. Не случайно Борис Ефимович отдельно подчеркнул, что на политсовете партии голосовал против поддержки Путина в качестве кандидата в президенты — вместе с Ириной Хакамадой.

...Но из песни слова не выкинешь. Начиная с 1999-го и до 2003-го его партия была в Госдуме «второй ногой» партии власти; и Немцов, и Гайдар

были в парламенте очень важными, ключевыми фигурами.

Да и в самой книге Немцова все не так уж однозначно:

«Я знаю, например, не одного, а двух Путиных. Один Путин — это начинающий президент, второй — президент забронзовевший.

Путин начинающий — это человек, который ввел самые низкие в Европе налоги, решил вековую проблему с землей, приняв Земельный кодекс, принял один из самых прогрессивных трудовых кодексов, в принципе, позволяющий людям защищать свои права перед нанимателем. Молодой президент пытался провести административную и судебную реформы, первым, наплевав на антиамериканизм общества, выразил свою поддержку американскому народу в связи с трагедией 11 сентября... И так далее. Обращаю внимание, что Путин тогда жил при цене на нефть в 20 долларов за баррель.

Что же произошло с российским президентом при цене на нефть в 70 долларов за баррель? Кем он стал сейчас? Кто такой президент Путин во второй части своего долгого правления? Это человек, который окончательно и бесповоротно ввел цензуру, лишил народ права избирать своих губернаторов, отменил выборы в одномандатных округах. Он посадил в тюрьму Ходорковского и установил в стране «басманное правосудие»... При новом Путине расцвели бюрократия и коррупция.

Биологически это один и тот же человек, но поведенчески — два совсем разных».

Интересно, что перечень достижений Путина в реализации экономических реформ почти дословно повторен в интервью Сергея Гуриева, современного ученого, журналисту Юрию Дудю. А все экономические достижения — это идеи и дорожные карты, сформулированные Гайдаром и его институтом.

Путин, еще раз это подчеркнем, воспринимался демократами и либералами начала 2000-х как «член команды». Не только «питерской», но и в целом — *своей* команды. Все они знали его давно, все с ним много общались в 90-е.

Путин воспринимался как человек, который знаменует собой новый, «постолигархический» этап в российской политике, когда личные интересы конкретных людей (Березовского или Гусинского, не важно) не будут больше проблемой для власти, а парламент будет принимать правильные, хорошие законы.

Чуть позже Никита Белых, товарищ Немцова и Хакамады, член СПС, стал губернатором Кировской области. Андрей Илларионов стал

экономическим советником Путина, то есть человеком, который образовывал и учил его основам макроэкономики, был «шерпой» на встречах «восьмерки» — сидел за его креслом на встречах с Клинтоном, Меркель и Шираком, подсовывал шпаргалки, давал советы. Владимир Милов, ныне близкий союзник Алексея Навального, был в ту пору заместителем министра энергетики, сам Навальный — советником губернатора Белых, а позже членом совета директоров «Аэрофлота». Глеб Павловский в ту пору был активным проводником идей этой первой путинской эпохи. Марат Гельман, нынешний политэмигрант, — руководителем, еще раз повторим, предвыборного штаба Кириенко на выборах мэра Москвы.

Даже члены разгромленного «уникального журналистского коллектива» НТВ занимали далеко не единую позицию. Леонид Парфенов, Алексей Пивоваров, Савик Шустер с новым НТВ Коха и Йордана активно сотрудничали. Остальные или ушли на РТР, или попытались с помощью олигархов создать «новое НТВ», оппозиционный канал ТВС.

Канал, впрочем, работал чуть больше года — уже тогда стала очевидной перспектива полного разворота во внутренней политике.

Но всё же несколько лет надежды на новую эру, на нового президента были самыми лучезарными у многих.

Работа во фракции СПС в Думе третьего созыва в 1999–2003 годах казалась Гайдару невероятно плодотворной.

К Путину Егор при этом относился по-прежнему доброжелательно-настороженно: «Он еще должен будет доказать свою истинную приверженность демократии».

Или вот цитата: «Начавшийся в России экономический рост имеет мало отношения к тому, что пришел Путин». Гайдар обращал внимание и на то, что рост начался почти во всех постсоветских странах — транзит к новой реальности завершался. Из деликатности он не формулировал прямо: основы для экономического роста при Путине заложены его командой в период транзита от плановой экономики к рыночной.

Эта настороженность останется внутри Гайдара и будет постепенно разрастаться, несмотря на его прагматическое отношение к новому главе государства. Нужно сосредоточиться на примерно трех реформах, все сразу реализовать не удастся, констатировал он. И неизменно приводил пример концентрированного направления главного удара — налоговую реформу.

Еще в 1998-м в Думе циркулировали десять вариантов Налогового кодекса. Один из них — правительственный, на содержание которого

существенное влияние имел институт Гайдара; другой — более либеральный — Виктора Похмелкина. Григорий Томчин вспоминал, как на политсовете «Демвыбора» обсуждались эти два варианта. И тогда Гайдар подытожил дискуссию: «Кодекс Похмелкина лучше для страны, но нет денег, поэтому голосовать придется за правительственный вариант, где акцент сделан на решении фискальных проблем — наполнении бюджета, а не на задачах развития».

Так и с бюджетом. Гайдар за жесткий бюджет — а как же иначе? Однако в дискуссии с Андреем Илларионовым в конце 2000 года он призывал учитывать *все* политические обстоятельства: «Когда начиналось обсуждение бюджета в бюджетном комитете Думы, я выступал строго за те же самые предложения, с теми же идеями, которые отстаивает Андрей Илларионов. Но надо понять: а у вас есть думское большинство для того, чтобы провести такой бюджет? Значит, надо действовать по максимуму в границах возможного».

Так и с налоговой реформой 2000 года: если бы присутствие либералов в парламенте было большим, преобразования были бы радикальнее, говорил Гайдар. Но и то, что сделано, Егор оценивал как прорыв: «Это одна из радикальных реформ в мировой практике. Резко снижены предельные ставки обложения зарплаты, уменьшены предельные ставки налога на прибыль, снижено число оборотных налогов... Все взносы в социальные фонды сведены в единый социальный налог».

Самое главное — 13-процентный подоходный налог и его плоская шкала. Все это создавало базу для структурных изменений в экономике и экономического роста: «Россия получит одну из самых эффективных, простых и стимулирующих деловую активность налоговых систем в мире». Позже он констатирует: «Введение тринадцатипроцентного подоходного налога, пока все обсуждали, хорош он или плох, привело к росту реальных поступлений в январе (2001 года. — А. К., Б. М.) на 60 %».

«Экономисты и политики активно обсуждают вопрос о природе экономического роста, который наблюдается в России с 1999 года, — писал он. — На этот счет есть две основные точки зрения. Первая комплиментарна по отношению к правительству: к власти пришел В. Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они-то и вызвали рост. Вторая позиция особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесценением рубля. К сожалению, почти никто не высказывает третью — наиболее обоснованную — точку зрения: начавшийся рост является органическим следствием проведенных реформ, результатом действия

новых, более эффективных макро-и микроэкономических условий».

В последние годы Гайдар практически не занимался политикой, покинув пост сопредседателя СПС. Зато в политику — причем подлинную, низовую — ворвалась его дочь Маша. Фамилия заиграла новыми красками и наследственными обертонами. Особенно когда 23 сентября 2006 года смелая и бесшабашная, как ее прадед, Маша повисла в альпинистском снаряжении и в желтой каске вместе с совсем тогда еще молодым политиком Ильей Яшиным на Большом Каменном мосту с гигантским транспарантом «Верните народу выборы, гады!». Место было выбрано хорошее — между мрачной серой иофановской громадой Дома на набережной, несущего на себе бремя советской истории, и Кремлем, излучающим имперскую мощь и радиацию праха сталинских соратников из красной стены. Спустя некоторое время Мария Гайдар и Илья Яшин уточнили свой месседж: «Уже сегодня можно констатировать, что система свободных выборов в стране фактически ликвидирована. Настало время признать, что участие в таких выборах невозможно. Мы призываем все оппозиционные политические силы заявить о бойкоте (парламентских. — А. К., Б. М.) выборов 2007 года. Вопрос об участии в выборах может быть поставлен лишь в случае резкой либерализации избирательного законодательства. В сложившихся условиях бойкот выборов — фактически единственное реальное средство политической борьбы, оставшееся в арсенале оппозиции. Долой выборы без выбора!»

Друзья Гайдара свидетельствовали: Егор страшно волновался. Но еще больше — гордился. Его просто распирало от гордости за дочь. Гены! Гены проснулись. То, что он не мог, но, наверное, очень хотел бы сделать в молодости — совершить отчаянный, смелый, безумный поступок, сделала она.

И еще был страшно горд, когда спустя какое-то время Леонид Гозман и новый лидер СПС Никита Белых приехали к нему в Дунино, по выражению Леонида Яковлевича, «просить руки его дочери». В политическом смысле просить руки: возглавить московский список партии на выборах, влить свежую кровь, привлечь молодых избирателей, использовать в политических целях громкую фамилию. Гайдар веселился: «До чего дожил — дочь на царство зовут!»

Но сделаем шаг назад.

«Так уж получилось, что при посадке Ходорковского я оказался главным оппонентом Путина. Егор в это не был вовлечен никак, хотя позиция у него, естественно, была такая же, как и у меня», — рассказывал

Анатолий Чубайс.

Днем 25 октября 2003 года представители РСПП, в основном из крупного бизнеса, собрались прямо на противоположной от Кремля стороне Москвы-реки в гостинице «Балчуг», чтобы обсудить арест своего товарища. Чубайс понимал, что из разговора должен следовать какой-то вывод, а из вывода — официальное заявление «профсоюза олигархов». Пока шло обсуждение, Анатолий Борисович набросал текст заявления, который все дружно одобрили. И столь же дружно отправили его защищать честь бизнес-мундира в публичное поле. В скором времени совместное заявление РСПП, «Деловой России» и «ОПОРЫ России» было обнародовано вышедшим к журналистам Чубайсом. Среди прочего в нем говорилось, что произвол правоохранительных органов подорвал доверие бизнеса к власти, ухудшил атмосферу в обществе, а ошибки власти «отбросили страну на несколько лет назад». Отсутствие же ясной позиции Путина «сделает необратимым ухудшение экономического климата» (что в результате и произошло после нескольких тучных лет и даже невзирая на их тучность).

Несмотря на то, что Чубайс выражал общее мнение бизнеса, он снова превратился в мишень. «После этого Путин год меня не принимал», — рассказывал Анатолий Борисович. Знаменитая путинская фраза «Прекратить истерику!» была обращена именно к Чубайсу.

СПС решил занять принципиальную позицию. Рейтинг партии стал осыпаться. Повторялась история «Демвыбора России», праотца СПС: когда партия выступила против войны в Чечне, она стала неизбираемой. Теперь партия либералов выступила против ареста Ходорковского — и стала неизбираемой вновь. Хотя, наверное, это была лишь одна из причин: набирал силу тренд ревизии наследия 1990-х, объявленных «лихими», тренд ностальгии по всему советскому и по «порядку».

Явно была дана команда перекрыть и каналы телевизионного пиара: сняли с эфира передачу «Что? Где? Когда?» с участием команды СПС, вырезали участие Чубайса в «КВН», не вышла в свет передача «Пока все дома» с тем же Чубайсом, который из-за Ходорковского вдруг стал лицом «праволиберальной партии», хотя до этого казался лишь ее теньвым или полутеньвым лидером.

После поражения на парламентских выборах 2003 года Борис Немцов скажет: «Выбирая между политической проституцией и политической смертью, мы выбрали смерть». Эффект от защиты ЮКОСа оказался мощнее, чем думали лидеры партии. Как заметил Чубайс: «Я думал, что защита частной собственности важнее для среднего класса, чем ненависть

к олигархам; оказалось, что это не так».

Гайдар по-прежнему не сильно светился в публичном поле, отчего любое его высказывание приобретало двойной вес. Но во время предвыборных дебатов в ноябре он защищал Ходорковского и, раздраженный спекуляцией своих оппонентов на антиолигархической теме, в какой-то момент коротко отрезал: «Я не вижу оснований для заключения его под стражу».

Правые либералы не прошли в Думу в 2003-м. Это поражение оказалось для них весьма болезненным, потому что Гайдар рассчитывал на сохранение возможности проводить реформы, используя парламент, — через коридор, становившийся все более узким, но тем не менее остававшийся функциональным.

В январе 2004-го Егор выступал в Фонде Карнеги в Вашингтоне и обратил внимание аудитории на свои разговоры с Михаилом Ходорковским и его командой. Они — нет, не революционеры. И как опытные лоббисты готовы были бы соблюдать правила игры — если бы о них было сообщено. Однако правил-то, судя по всему, и не было.

ЮКОС, отмечал Гайдар, создал мощнейшее лобби в парламенте. Нефтяники помогли провести в Думе идею низкого фиксированного подоходного налога — то есть сыграли чрезвычайно полезную роль. Поддержали реформаторов в ходе принятия земельного и в проталкивании трудового и пенсионного законодательства. «Но, естественно, как у любого лобби, у них были свои собственные интересы», — говорил Егор. Сложная лоббистская игра с правительством носила конфликтный характер, но именно с правительством, не с президентом. Гайдар признавался, что участвовал в консультациях по поиску компромиссов между нефтяниками, кабинетом министров, Минфином: «Это нормальная ситуация. Так работает демократия. Приходится с этим считаться».

Но, продолжал Егор, вполне очевидно, что «лично для Путина не имело большого значения, будут или не будут регулироваться экспортные пошлины на нефтепродукты». Вопрос был в другом. «Вопрос был в том, чтобы показать, кто в доме хозяин».

В то время фактическим главой партии стал Немцов — первым среди равных сопредседателей. И ему, как и любому демократу 90-х, пришлось наступать на те же грабли. Например, искать союза с Явлинским, надеясь преодолеть «болевого прием», который применила к его партии власть.

...Интересно сравнить две книги Немцова — «Провинциал»,

написанный по следам ранних 90-х, и «Записки бунтаря», которые вышли в свет после поражения на парламентских выборах 2007-го.

В первой книге — очень тепло о Явлинском: «это мой товарищ, и я не буду обсуждать публично его недостатки», и довольно нейтрально, с чувством дистанции, о Гайдаре. Во второй — всё наоборот. Очень тепло и дружески о Гайдаре, очень холодно — о Явлинском. И очень сложно, противоречиво — о Чубайсе.

«Очевидно, — пишет Немцов, — что в 2003 году мы допустили ряд серьезных, роковых ошибок. Моя личная фундаментальная ошибка состоит в том, что уговорил Чубайса участвовать в выборах. Я знал, что Чубайс — общенародный аллерген. У людей при встрече с Чубайсом или в момент его появления на экране телевизора рефлексивно сжимались кулаки и сужались зрачки. Я это наблюдал, причем в разных частях России. Чубайса ненавидели даже больше, чем Березовского. Но мне казалось, что в нем заложены такая сила и такая внутренняя энергия, которые нормальному русскому человеку не могут не понравиться. Чубайс — очень сильный человек, он даже на “поминки” СПС приехал спокойный и трезвый и долго, терпеливо обсуждал сложившуюся ситуацию. Накануне выборов я верил, что его сила будет привлекать к нам народ. Но я ошибся.

Еще одна ошибка в том, что в 2003 году мы не смогли объединиться с “Яблоком” и сформировать общий избирательный список. Личные амбиции оказались сильнее здравого смысла, и нам всем пришлось жестоко поплатиться за собственную гордыню».

«...Почему в 2003 году “Союз правых сил” и партия “Яблоко” не объединились в единую коалицию? — продолжал Немцов. — Ответ для меня очевиден: помешали личные амбиции.

У “Яблока” главным спонсором был Михаил Ходорковский, львиную долю денег партия получала от него. Что же касается СПС, то для нас Ходорковский являлся одним из многих спонсоров. Мы избегали ситуаций, при которых кто-либо мог попытаться поставить партию под контроль.

В то время мы понимали, что можем проиграть на выборах, поэтому хотели объединить усилия. Я предложил встретиться и поговорить с человеком, который спонсирует сразу две партии. Я считал, что надо заручиться поддержкой очень важной для Явлинского персоны. В итоге вдвоем с Чубайсом мы встретились с Ходорковским. Мы ему пытались объяснить, что он тратит деньги неэффективно, что существует угроза провала и что будет бессмысленная и трагическая война между демократами. Что в политике, как и в мире животных, действует правило Дарвина: самая жестокая война — это война внутривидовая, что война

СПС с “Яблоком” приведет к исчезновению обеих партий.

Мы долго говорили с Ходорковским, не скрывали, что готовы пойти на уступки Явлинскому, готовы были пожертвовать Чубайсом ради альянса демократов. Ведь главной проблемой объединения стала личностная: Явлинский заявил, что ни при каких обстоятельствах не появится рядом с Чубайсом. Поэтому нам пришлось гарантировать, что в этом объединении Чубайса не будет. Кроме того, мы предложили, чтобы именно Явлинский был выдвинут объединенными демократами единым кандидатом в президенты, хотя, конечно, понимали, что Григорий Алексеевич далек от идеала. Мы надеялись, что объединение ресурсов и радикальное увеличение финансирования демократической коалиции сможет принести нам до 20 процентов голосов в Думе, а потому готовы были идти на уступки.

Наше предложение на Ходорковского произвело сильное впечатление. Он пошел к Григорию Алексеевичу. О чем он с ним говорил, не знаю. Зато знаю ответ — “Нет!”. Твердое “нет”.

...Если бы наш план тогда реализовался, то сейчас ситуация в стране была бы совершенно иной. Да и судьба МБХ (Михаила Борисовича Ходорковского. — А. К., Б. М.) не оказалась бы столь трагичной. Явлинский нас тогда не послушал. Итог этой необъяснимой неуступчивости и несговорчивости известен всем».

29 марта 2003 года в газете «Ведомости» была опубликована статья Михаила Ходорковского, уже не олигарха, а находившегося под следствием заключенного СИЗО № 4. Текст назывался «Кризис либерализма в России» и содержал в себе жесткую критику либералов и их политики, а также признание того, что «даже плохая власть лучше, чем безвластие». Путин назывался человеком, который на 70 процентов либеральнее среднего россиянина. Отчасти текст напоминал написанное эзоповым языком прошение о помиловании. Отчасти — автор отряхнул со своих ног прах 1990-х годов, включая приватизацию, одним из основных выгодоприобретателей которой он и был.

Досталось либералам и за обесценение вкладов, и за то, что в 1998 году опоздали с девальвацией рубля. Сами же они под пером олигарха, точнее, тех, кто литературно обрабатывал его идеи (поначалу ходили слухи, что это был Станислав Белковский), были представлены людьми «не почвы, но воздуха» (что вообще-то сильно пахло «антисионистской» риторикой газеты «Завтра») и выглядели в описании Ходорковского крайне неаппетитно: «Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный

укоренившейся в 90-е гг. могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался».

В тексте были обнаружены буквальные совпадения с загадочным манифестом, опубликованным 18 марта на сайте Утро.ру и подписанным «инициативной группой» под руководством «Степанова Ю. А.». Это обстоятельство несколько сбilo обличительный пафос, возникли сомнения в авторстве. Однако адвокат Антон Дрель подтвердил, что автор манифеста — Михаил Ходорковский: физически он из камеры ничего передать не мог, это запрещено, зато был «вправе передать какие-то слова своему доверенному лицу». Но даже если текст шлифовался профессиональными публицистами, а это заметно, он все равно содержал идеи именно Ходорковского, что потом, в 2005 году и позже, подтвердилось серией его статей из неволи, самой нашумевшей из которых был текст «Левый поворот»: заголовок говорил сам за себя.

В своей позитивно-рекомендательной части статья олигарха вполне вписывалась в идеологическую конструкцию, приверженцем которой был в те годы и сам Путин. Это была идеология входившего тогда в стадию зрелости государственного капитализма.

Гайдар ответил Ходорковскому. Напомним, что письмо написано в 2003 году.

«В картине мира, нарисованной в письме, два жестко разграниченных периода. Период, когда президент Ельцин со своими реформаторами проводил антинародную политику. И период новой власти, когда жизнь наконец стала налаживаться. Вторая эпоха рождается прекрасной, как Афродита, — и непосредственно из морской пены. К сожалению, и люди, и экономико-политические системы рождаются мучительнее.

На деле периоды российской истории неразрывно связаны. Чтобы существовала эффективная рыночная экономика, в которой доминирует частная собственность, свободные цены, конвертируемая валюта и шестой год кряду продолжается экономический рост, нужно было провести либеральные реформы на руинах советской системы. Трудно представить себе мир, в котором возможен прыжок из осени 1991 г., когда Советский Союз обанкротился, признал себя неспособным выполнять обязательства по 100-миллиардному долгу, когда валютные резервы были равны нулю, — прямо в 1999/2000 год.

Любому трезвомыслящему человеку понятно, что структурные реформы дают позитивный результат с временным лагом. Сегодня

очевидно, что экономический рывок США в 90-х гг. тесно связан с преобразованиями, проведенными за 10 лет до этого при Рейгане, — дерегулированием, налоговой реформой. Откуда убежденность, что мы в этом отношении исключение, — понять невозможно. Сколь ни различны личные качества, убеждения, приоритеты, политическая стилистика первого и второго президентов России, все же ельцинский и путинский периоды нашей истории — часть единого процесса политико-экономической трансформации.

...Один из ключевых тезисов письма — вина либералов. Некоторые участники дискуссии говорят о ней, потирая руки от восторга. Поражение всегда неприятно. Не снимаю с себя ответственности за него. Но делать из нашего поражения на выборах вывод о крахе либерализма в России — неумно.

Проигранная битва — не проигранная война. Сколько раз либерализм хоронили — и после поражения ДВР на выборах 1995 г., и во время правительства Примакова. Тогда тоже было опубликовано немало покаянных текстов. Но российский либерализм, как птица Феникс, все норовит восстать из пепла. Видимо, потому, что спрос на политическую и экономическую свободу в России есть. Значит, будет и предложение.

До конца дней меня будут попрекать обесценившимися вкладами. Люди, потерявшие вклады, не обязаны разбираться в финансовой проблематике. Да и объяснять им все детали — занятие неблагодарное. Гораздо выгоднее указать виновного. Но кто-нибудь... мог бы потрудиться и прочитать хотя бы два-три исследования по этой теме, вспомнить о “денежном навесе” — избыточном объеме денежной массы, порождающем дефицит в социалистической экономике. Нетрудно понять, что возможности спасения вкладов были ограничены спросом на деньги и унаследованными золотовалютными резервами, что с осени 1990 г. 16 центральных банков в республиках СССР имели возможность самостоятельно создавать ликвидность; можно поинтересоваться тем, где же на постсоветском пространстве удалось адекватно решить проблему вкладов. Выяснить, что — нигде. И лишь после этого пускаться в пафосные рассуждения о защите пенсионеров.

Могучая идея о том, что проблему решил бы выпуск государственных ценных бумаг, — продукт воспаленного воображения. В стране, объявившей себя банкротом, где доверие не только к госбумагам, но и к национальным деньгам равно нулю, новые ценные бумаги стоили бы дешевле тех листков, на которых они напечатаны. Государство еще долгие годы не могло бы их обслуживать. В подобной ситуации подавляющая

часть населения за гроши избавляется от таких “филькиных грамот”.

В России осенью 1991 г. угроза голода, подобного пережитому во время первой русской революции, была реальностью одного-двух месяцев. Я не раз подтверждал это цифрами и фактами. Благодаря реформам и запуску рыночных механизмов угроза была отведена. И благополучно забыта. Как забыты “табачные бунты”, отказ принимать павловские сторублевки, талоны на еду и многое другое из той поры.

...Сегодня в России рыночная экономика, конкуренция, конвертируемая валюта, частная собственность — укоренившаяся реальность. Участники дискуссии не ставят их под сомнение. Спор идет о том, не пора ли переделить добро, благо оно заметно подорожало. Во времена Древнего Китая после смены династии земли, принадлежащие старой элите, обычно конфисковывались, нередко под предлогом того, что необходимо передать их крестьянам, чтобы восстановить уравнительную справедливость. Чудесным образом они вскоре оказывались в руках тех, кто близок к новому режиму. Как показывает тысячелетний опыт, результатом такого тесного союза собственности и власти, когда гарантии собственника определяются его лояльностью власти, всегда было торможение экономического роста».

Так писал Гайдар в 2003 году.

Наверное, именно с этих пор полный отрицательных коннотаций «либерализм» окончательно вытеснил из политического языка простой термин «демократы». Хотя «демократы» — то слово, которым Гайдар в 90-е практически всегда, во всех случаях называл себя и своих сторонников.

С подачи Ходорковского термин «либерал» стал ругательным, и Гайдар эту подачу принял. Но уже во второй части статьи (она была разбита редакцией на две) он говорит именно о демократии:

«Один из общеизвестных ответов на вызовы, связанные с отсутствием демократических традиций, относительно низким уровнем развития, — формирование авторитарного режима, основанного на личной власти диктатора. Иногда ему ставят прижизненные памятники. Власть Туркменбаши, пожалуй, самая яркая иллюстрация того, как функционируют такие политические режимы на постсоветском пространстве. При более цивилизованных формах памятников не ставят, но суть дела от этого не меняется. Беда авторитарных режимов в их внутренней нестабильности.

Альтернативный способ решения проблемы политической стабильности — формирование “закрытых”, или, что то же самое, “управляемых”, демократий. Это политические системы, в которых

оппозиция заседает в парламенте, а не сидит в тюрьме, регулярно проводятся выборы, нет массовых репрессий, существует свобода слова, если она не распространяется на средства массовой информации, имеющие выход на массовую аудиторию, правительство можно критиковать не только на кухне, но и на улице, в газетах, в парламенте. Нет пожизненного диктатора, политическая элита договорилась о механизмах регулярной передачи власти.

Примеры таких режимов известны: это Мексика на протяжении десятилетий после революции, Италия после Второй мировой войны и до конца 80-х годов, Япония того же периода. Есть все видимые элементы демократии, за одним исключением — исход выборов predetermined, от избирателей на деле ничего не зависит. Гражданин может думать что угодно, но на выборах победит либерально-демократическая партия Японии, она же сформирует правительство. В Мексике преемником президента станет тот, кого он назначил министром внутренних дел. В течение многих лет мексиканская и японская системы правления рассматривались в качестве примера для подражания во многих государствах Латинской Америки и Азии. Именно неспособность обеспечить устойчивое функционирование такой системы нередко становилась базой формирования уже откровенно авторитарных режимов.

Развитие событий в России на протяжении последних лет позволяет предположить, что значительная часть политической элиты именно такую организацию политического процесса считает образцовой или, по меньшей мере, пригодной для нашей страны на ближайшие десятилетия. Этот тезис достоин обсуждения. Да, подобные режимы позволяют надолго сохранять политическую стабильность. Именно сохранение видимости политической конкуренции, свободных выборов и конституционного режима — черта, отделяющая “закрытые” демократии от откровенно авторитарных режимов. Однако надо четко понимать политические последствия такого выбора. Характерная черта “закрытых” демократий — широкое распространение коррупции. Сам по себе демократический режим, разумеется, тоже не является гарантией от коррупции. Но его отсутствие делает ее неизбежным элементом политической и экономической жизни.

В XX веке мы пережили две революции, каждая из которых дорого обошлась стране. Обе были обусловлены неспособностью элит предшествующего режима провести необходимые реформы. Как люди, имевшие прямое отношение к российской революции конца XX века, мы бы очень не хотели, чтобы кому-то пришлось решать те же задачи в XXI веке. России на многие десятилетия хватит революций.

По своему развитию Россия близко подошла к уровню, за которым формирование реально функционирующих демократических режимов, стабильных и устойчивых, и возможно, и неизбежно».

13 ноября 2006 года Гайдар презентовал «Гибель империи» в Вашингтоне в престижном мозговом тресте — Американском институте предпринимательства. Описал все элементы распада — истории с зерном и нефтью, «испанское проклятие», погоню за кредитами, крах и уроки для России.

Спустя всего десять дней Егор отправился вместе с Екатериной Гениевой (директором Государственной библиотеки иностранной литературы) и своим издателем, редактором РОССПЭНа Андреем Сорокиным представлять книгу в Ирландию. Не очень хотел, но Екатерина Юрьевна настояла — ей Егор никогда не отказывал.

Конференция «Россия — Ирландия: коллективная память» проходила в пригороде Дублина, в старом католическом колледже Святого Патрика, основанном в 1795 году. Он имеет статус университета понтифика, то есть папы римского. Здесь преподаются, среди прочего, философия, каноническое право, теология. Среди важнейших теологических понятий — Божий промысел, рок, судьба.

Сам Гайдар описывал события так.

«21 ноября почувствовал себя смертельно усталым. За предшествующие три недели на обычные дела наложились несколько тяжелых командировок. Подумал, что поездку в Ирландию было бы разумно отменить, отлежаться, отдохнуть. Однако Ирландия — чудесная страна, люблю ее. Командировка легкая: университетская научная конференция, одна из тем которой — представление моей книги “Гибель империи. Уроки для современной России”. Решил, что отказываться от командировки не стану.

На следующее утро после прилета (это 24 ноября 2006-го. — А. К., Б. М.), прогуливаясь перед завтраком вместе с одним из организаторов конференции — директором Библиотеки иностранной литературы Екатериной Гениевой, решил, что был прав. Провести два дня с умными и приятными людьми в милом старом ирландском университете — это и отдых, и удовольствие».

«Мы приехали поздно, разместились. Наутро уже знали, что произошло с Литвиненко», — рассказывала Екатерина Гениева. Александр Литвиненко — подполковник госбезопасности, бежавший в 2000 году в Великобританию и получивший там политическое убежище, был отравлен

полонием, умер 23 ноября 2006 года в Лондоне.

Вот как странно совпали обстоятельства. До сих пор британские власти уверены, что Литвиненко отравил Андрей Луговой, офицер Главного управления охраны, потом ставший депутатом Госдумы, а ведь он в 1992–1993 годах входил в охрану Гайдара и с большим почтением относился к «охраняемому объекту».

Егор Тимурович позвонил из номера в номер Екатерине Юрьевне. «Пойду на завтрак с вами, ведь я — асоциальное существо», — иронизировал Гайдар. «Он в то время худел, сидел на диете, поэтому только выпил чай и съел фруктовый салат. Я выпила кофе и съела кашу. Подавала пожилая женщина. После чего отправились на открытие конференции».

Минут через десять Гайдар плохо себя почувствовал и сказал Гениевой, что поднимается в номер. «Я решила, что это каприз», — вспоминала Екатерина Юрьевна. «Егор Тимурович, какой номер, — вы открываете конференцию», — сказала она ему. Он все-таки открыл конференцию, но снова начал «отпрашиваться». Егор поднялся в номер и время от времени звонил Гениевой, жалуясь на свое состояние.

Гайдар: «Поднявшись в номер, понял, что должен немедленно закрыть глаза. Ощущение, похожее на общий наркоз. Что-то видишь и понимаешь, но открыть глаза непросто. Протянуть руку к звонящему рядом телефону — подвиг. Из мыслей одна: вот и долетался. Думаю, что сумеречное состояние обусловлено переутомлением. Надо отчитать две лекции и немедленно назад, в Москву».

Он сказал Гениевой, что хотел бы улететь в Москву. «Егор Тимурович, — ответила Екатерина Юрьевна, — это невозможно, мы ведь и так завтра улетаем в Москву».

Гайдар: «В 14.30 сессия, на которой намечено мое выступление. Речь идет о российской миграционной политике. Заставляю себя встать, спуститься вниз и выступить. Затем вновь наваливается усталость, глаза закрываются. Надо идти в номер, как можно скорее лечь. В 17.10 раздается звонок, который, по-видимому, и спас мне жизнь».

Это Гениева напомнила Егору, что пришло время его второго выступления. «Я не могу», — ответил Гайдар.

И тогда Гениева, специалист по английской литературе, произнесла слова из романа Чарльза Диккенса «Домби и сын»: «Сделайте усилие». В диккенсовском оригинале они звучали так: «А вам нужно только сделать усилие, — в этом мире, знаете ли, все требует усилий».

Гайдар: «...Если то, что случилось через 15 минут, произошло бы в

номере, где я был один, никто не мог прийти мне на помощь, шансы выжить были бы равны нулю. Но я прилетел сюда, чтобы представить книгу и из-за какого-то недомогания не сделать этого просто невозможно. Встал, спустился вниз, начал выступать. На десятой минуте понял, что ни при каких усилиях воли говорить больше не могу. Извинился, пошел к выходу. Переступив порог зала заседаний, упал в университетском коридоре».

Егор Тимурович выбежал в коридор, упал, ударившись головой о каменный пол старинного университетского здания, из носа хлестала кровь, изо рта — кровь и рвотные массы. Вслед за ним выбежали Гениева, посол Ирландии в России, издатель Андрей Сорокин.

«Я над ним наклонилась, он вцепился в мою руку, и вот в таком состоянии я простояла над ним, пока не слишком быстро приехала скорая помощь», — рассказывала Екатерина Юрьевна.

Гайдар: «Приезжает “скорая”. Меня грузят в нее. О том, чтобы попытаться встать на ноги, не может быть и речи. Толком не могу пошевелить и пальцем. Единственное, что удается, это открывать и закрывать глаза. Но что-то в происходящем начинаю понимать. Со мной едут Екатерина Гениева и Андрей Сорокин. Нас везут в госпиталь, везут медленно, потому что пробки. Екатерина потом рассказала мне, что я с интересом смотрел на постоянно фиксируемую кардиограмму. Уже потом, когда сознание восстановилось, понял: кардиограмма — это график. Графики — то, с чем постоянно работаю. Видимо, профессиональные интересы сохраняются и при глубоком поражении нервной системы».

Ночь Гайдар провел в больнице. Утром почувствовал себя лучше. Но его беспокоило другое.

Гайдар был уверен, что его отравили. И потому считал, что из больницы нужно как можно быстрее выбираться. В чем и убедил уже с утра Гениеву. Он просто понимал, что его убьют. Остаток дня перед вылетом Егор провел в гостевых помещениях посольства России в Ирландии.

Свои размышления того дня Гайдар описывал так: «...Начинаю понимать, что врачи, получив результаты анализов, в недоумении: кардиограмма отменная, сердце работает как часы, давление повышенное, но лишь чуть выше нормы, то же относится к сахару. А между тем пациент очевидно в крайне тяжелом состоянии. Приходится думать о нарушении мозгового кровообращения. Ведь по-прежнему не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Но на протяжении следующих часов способность управлять своим телом восстанавливается быстро. К семи утра следующего дня уже могу не только встать с постели, но принять душ, побриться. Не

медик, но знаю, что при инсультах так не бывает. Значит, что-то другое».

И далее: «...Понимаю, что выжил чудом. Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить. Кому в российской политике была нужна моя смерть 24 ноября 2006 года в Дублине? Подумав, почти сразу отклоняю версию о причастности к произошедшему российского руководства. После смерти Александра Литвиненко 23 ноября в Лондоне еще одна насильственная смерть известного россиянина, произошедшая на следующий день, — последнее, в чем могут быть заинтересованы российские власти. Если бы речь шла о взрыве или выстрелах в Москве, в первую очередь подумал бы о радикальных националистах. Но Дублин? Отравление? Очевидно не их стиль.

Значит, скорее всего, за произошедшим стоит кто-то из явных или скрытых противников российских властей, те, кто заинтересован в дальнейшем радикальном ухудшении отношений России с Западом».

Гайдар, во-первых, был уверен в том, что это было отравление. И, во-вторых, что его «заказал» Борис Березовский.

Он знал, насколько широко олигархи в России могут толковать понятие «границы допустимого». Вряд ли он был личным врагом Березовского. Но послать месседж в Россию в виде мертвого тела главного российского либерала и бывшего премьер-министра — это «красиво». По крайней мере, Егор рассуждал именно так.

Убежденность его крепла. И уже из московской больницы он снова звонил Гениевой, которая долгие годы была еще и директором Фонда Сороса в России, и просил ее связаться с Джорджем Соросом: «Попросите его сообщить миру, кто несет ответственность за отравление. Это Березовский».

Екатерина Юрьевна позвонила Соросу, который чрезвычайно волновался за Гайдара, но на просьбу тот ответил следующим образом: «Я сделаю всё, что угодно, кроме этого. У меня есть дети».

Ирландская полиция не нашла следов радиоактивного заражения. Ничего толком не дали и анализы. Егор лечился в московской клинике (АО «Медицина»), каждый день делал переливание крови. Иногда после процедур заезжал в гости к жившему рядом Ярошенко. Здоровье его было катастрофическим образом подорвано и ухудшалось с каждым годом. В конце жизни он, человек, который привык быстро ходить, говорить, действовать, передвигался невероятно медленно и с большим трудом. Больше того, он потерял вкус к жизни. «Нам врачи говорили — характер

отравления мы восстановить не можем», — вспоминал позднее сын Егора Петр Егорович.

Екатерина Гениева, через девять лет скончавшаяся от неизлечимой болезни, считала, что источник отравления находился в номере Гайдара. Установить истину сейчас, через столько лет, — уже невозможно.

Отравление (в чем был уверен Гайдар и в чем до сих пор уверены члены его семьи и близкие друзья) стало словно бы разделительной линией между всей прошлой жизнью Гайдара и теми годами, что ему еще оставалось прожить. Разделительных линий в его биографии было много: научный период, журналистский период, семинарский период, правительство, периоды работы в Думе, периоды «теневого» интеллектуального влияния. И вот — новая точка отсечения.

Казалось бы, мало что во внешней жизни Гайдара изменилось: он по-прежнему был очень плодовит — выходило множество статей. И по-прежнему находился в статусе экономического гуру, к которому внимательно прислушивались — многие чиновники приезжали к нему в Дунино посоветоваться или проверить свои мысли и впечатления. Часто выступал на различных форумах, давал множество интервью. Но физическая его оболочка резко контрастировала с интеллектуальной. Он тяжело передвигался, плохо выглядел, резко постарел, публика с интересом обсуждала вопрос, не пьет ли он.

«Мне было больно видеть моего сына в таком состоянии», — говорила Ариадна Павловна.

А он, разумеется, ничего ей не говоря, чувствовал приближение... Смерти ли? Было ощущение его равнодушия к земным делам, которые он продолжал, и иногда весьма горячо, описывать и анализировать. Когда Гайдар выступал с лекциями, казалось, что он уже не здесь. А когда кто-то говорил: «А вот лет через пять...», Егор задумчиво отвечал: «Через пять... Это так много. Меня, может быть, уже и не будет».

Его друг Екатерина Гениева, когда сама умирала от рака, сформулировала принцип, который распространяла и на Егора Гайдара: «Для себя я в последние месяцы выработала следующую позицию. Легенда о католическом святом Лодовико ди Гонзага гласит, что, когда у игравшего в мяч Лодовико спросили, что он будет делать, если завтра настанет конец света, он ответил: “Я буду продолжать играть в мяч”. С моей точки зрения, мы должны продолжать делать то, что мы можем, “играть в мяч”, который есть прообраз нашего профессионального и человеческого призвания и долга, до той поры, пока высшие силы не остановят нас. Но пока есть эта

возможность, я точно буду “играть в мяч”».

Егор был страшно занят. Он продолжал «играть в мяч» — делать то, что должен был делать. Неправда, что он был непонятен публике. Никто и никогда так подробно и внятно, с аргументами и документами, не объяснял свою позицию. И не ленился это делать еще и еще раз. Статьи и книги, в том числе написанная в 2009-м «Смуты и институты», — тому первое доказательство. И та, над которой он работал в свои последние дни, — продолжение «Смут». Всякий раз новая книга — как объяснительная записка российскому обществу. Пусть не этому, пусть следующим поколениям российских демократов.

На гражданской панихиде Анатолий Чубайс спросит, обращаясь в никуда: «Да когда же вы, наконец, поймете Гайдара?»

Но Гайдара не поняли и не простили и после смерти.

«Ельцин абсолютно не знал Гайдара. Но Гайдара усиленно навязывали Ельцину США, суля России десятки миллиардов помощи. Это не могло не завораживать Ельцина» — так написали в газете «Московский комсомолец» спустя месяц после смерти Егора Гавриил Попов и Юрий Лужков.

До какой степени нужно ненавидеть, чтобы написать такой некролог?

Во вторник 15 декабря 2009 года во второй половине дня Егор Гайдар приехал в студию государственного агентства РИА «Новости». В плане было 15-минутное интервью Ирине Ясиной для ее программы «Азбука перемен».

Казалось, он был в неплохой форме. Как всегда, официально и нарочито неброско одет. Светлая рубашка, темный костюм, темный галстук с белыми полосками. Предельно собран, четок в объяснении природы кризиса. Правда, употребил все чаще им используемое выражение: «Жизнь покажет».

«Подавляющая часть авторитетных экспертов полагает, что темпы роста мировой экономики в ближайшие годы будут существенно ниже, чем темпы роста мировой экономики были в 2004–2008 годах» — этими словами завершалось интервью.

Егор коротко поговорил после эфира с Ириной. Прощаясь, она ободряюще положила свою руку поверх его ладони. Тяжеловатой походкой Гайдар двинулся к выходу через ньюзрум агентства, полный занятых своими делами молодых сотрудников.

Потом было совещание в кабинете у Чубайса. Анатолий Борисович с кем-то заканчивал беседу, Гайдар в это время тихо ушел. «Мы не

попрощались», — тяжело говорит Чубайс.

По дороге в Дунино Гайдар с верным охранником Геннадием Волковым, проработавшим с ним более шестнадцати лет, заехал поужинать в ресторан. И вдруг почему-то они начали вспоминать в буквальном смысле политическую историю страны. «А вы знаете, как вас звали в первой Думе?» — спросил Геннадий. «Знаю: Железный ВинниПух». — «Егор Тимурович, откуда?!» — «Ну, вот знаю». Так и проговорили, пролистав за ужином всю жизнь. Как будто подводили итог.

В 4 утра Геннадия Волкова разбудила Мария Аркадьевна. Егор Тимурович лежал на лестнице. В одной руке у него был очешник, в другой — телефон. Вероятно, он сначала умер, а потом упал.

«Когда ехал на работу, — вспоминал о роковом дне 16 марта Чубайс, — мне позвонили из моей приемной и сообщили, что Гайдар умер. А им, наверное, позвонили из приемной Егора. (Помощник Гайдара Елена Мозговая говорила в интервью, что ей сообщили о смерти в 7 утра. — А. К., Б. М.) Это было что-то совершенно немыслимое. Развернул машину. Получилось, что я фактически первым приехал на дачу. Никого не было еще, да... Тело лежало на лестнице. Маша (Мария Аркадьевна. — А. К., Б. М.), убитая горем. Петя приехал, по-моему, после меня. Он рыдал. Дальше милиция, врачи, тело выносили. Боря Минц (российский политик и предприниматель, председатель исполкома СПС, впоследствии председатель правления Фонда Гайдара. — А. К., Б. М.) приехал. И кто-то был еще... Мы втроем там сидели-сидели, пока от Маши нам не передали, что, мол, “ребята, вы собираетесь здесь всё время сидеть?”. Мы поняли, что нужно уходить». Друзья, коллеги покинули дом.

И семья осталась одна.

Смерть была констатирована утром 16 декабря 2009 года, в среду. Она наступила, по утверждению врачей, после двух часов ночи. Кто-то говорил: было впечатление, что Гайдар тянулся за выключателем, мгновенно умер, упал на лестницу. Отек легких, вызванный ишемией миокарда.

В пятницу, 18 декабря, депутаты Вера Лекарева и Анатолий Аксаков предложили почтить память Егора вставанием и минутой молчания. Тогдашний первый вице-спикер Госдумы Олег Морозов, человек партийной выучки, бывший помощник последнего заведующего Общим отделом ЦК Валерия Болдина (человека, кстати, неглупого, но предавшего своего босса Горбачева в августе 1991-го и приехавшего к нему в Форос вместе с заговорщиками), страшно разозлился. Оказывается, еще за день до

этого некоторые фракции (можно догадаться, какие — коммунисты и жириновцы) «в категорической форме предупредили, что устроят публичный скандал, если будет предпринята попытка поднять палату». Получалось, что два депутата провоцировали прогнозируемый скандал, и это «оскорбляло память покойного». В первые же дни, часы после своей смерти он продолжал — уже умерший — ощущать эту ненависть.

Два депутата — Вера Лекарева и Анатолий Аксаков — действительно, как выразился Морозов, «пеклись о себе, любимых». Пеклись о своей человеческой чести. Им было стыдно за то, что государственный орган не почитает память государственного деятеля и бывшего коллеги по парламенту Егора Гайдара.

...Наверное, всепонимающий Гайдар оценил бы логику и той и другой стороны. И отнесся бы с пониманием к Морозову, технично погасившему конфликт в Госдуме. Но два депутата свои личные человеческие репутации спасли. Остальные парламентарии — нет.

Непонятен народу, непопулярен, слишком сложно устроен для политика, чрезмерно учен. Странно было об этом думать в циклопического размера очереди, тянувшейся от самой Рублевки по улице Маршала Тимошенко к ритуальному залу Центральной клинической больницы в субботу, 19 декабря 2009 года, в 15 градусов мороза.

«Вся наша интеллигенция, которая вынесла на своих плечах так много, которая, по сути дела, стала мотором всей антикоммунистической революции 80-х, мирной революции, и которая потом потерялась, в Егоре получила смысл и получила оправдание», — сказал на панихиде Чубайс. Вот она и пришла сюда, к ритуальному залу Центральной клинической больницы, проститься с Егором. Прощание пришлось продлить. И всё равно все желающие не попали в ритуальный зал — так их было много.

«Я обычно не плачу, но выть хочется. Выть хочется оттого, что он так мало жил, и оттого, что вокруг его деятельности столько вранья» — это Борис Немцов.

«Настоящий декабрист» — это Валерия Новодворская.

«Все мы крестьянские дети на барской усадьбе Гайдара», — говорил о Егоре когда-то, в 1990-е, Алексей Головкин, который в августе 1991-го привел молодого экономического гуру к Геннадию Бурбулису в Белый дом.

Это правда. Всегда казалось, что Гайдар знает что-то такое про нашу жизнь, чего другие не знают.

«История предоставила нам еще один, быть может, последний шанс, и граждане великой страны должны сделать свой выбор. Смириться с

очередной бюрократической приватизацией власти или, наконец, разорвать замкнутый круг и сделать необратимым разделение власти и собственности», — писал он перед смертью.

На Новодевичьем кладбище стоит памятник Егору Гайдару в виде книги, чьи страницы перебирает ветер. Он был человек книжный, которого ветер истории выгнал из кабинета-библиотеки на улицу и в коридоры власти. Рядом — в основном генеральские могилы и надгробия 1950-х. В день рождения Егора сюда приходят разные люди — соратники, управляющий совет Фонда его имени в полном составе. Что греха таить: каждый — со своей флягой. Приходят самые обычные граждане России, которую Егор Тимурович строил, — представители Союза защитников Белого дома в 1991 году «Живое кольцо». Совсем уже не молодые люди, для которых Гайдар — символ демократической революции, их ценностей и ожиданий.

...Есть еще и мемориальная табличка на здании института в Газетном переулке. Бюст — в Высшей школе экономики, установленный уже через год после смерти. В наидание студентам. В память о человеке, который дал Вышке, первому вузу в стране нового типа, в буквальном смысле путевку в жизнь, подписав в 1992 году бумаги о ее создании.

Но не менее важный памятник, а может, самый важный — в атриуме (дворике) Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Он поставлен благодаря другу Егора — Екатерине Юрьевне Гениевой, директору библиотеки, наследнице Маргариты Рудомино, которая превратила «Иностранку» в культовое место. Гениева проработала здесь 43 года, из них почти четверть века в качестве директора.

Здесь собраны памятники важным для Екатерины Юрьевны людям. Поскольку это территория библиотеки, разрешений на установку того или иного памятника испрашивать не было нужды.

В 2016-м, через несколько месяцев после кончины Екатерины Юрьевны, и ей был установлен памятник — в том же атриуме, при входе в библиотеку. Там она и встречает читателей в хорошей, вполне «диссидентской» и не очень нравящейся власти компании — вместе с отцом Александром Менем, чьей духовной дочерью она была, Иоанном Павлом II, Раулем Валленбергом, академиком Дмитрием Лихачевым, Юрием Лотманом, Джеймсом Джойсом. И Егором Гайдаром.

Значение и роль Гайдара в нашей жизни невозможно свести к чему-то одному.

Евгений Ясин: «Году в 1994-м или 1995-м Гайдар приехал с Чубайсом ко мне на дачу в Успенское. Я к нему подошел, когда вокруг никого не было, и сказал: “Поверь мне, есть люди, которые знают, кто по-настоящему великий человек”. Он так особо не среагировал, благодарно моргнув глазом, и всё».

Что же Евгений Григорьевич тогда имел в виду?

Давайте попробуем подытожить.

В общих рамках «эпохи Ельцина» Гайдар — помимо первого президента, который и дал имя этой эпохе, — по значению, безусловно, на самом верху. Он сделал больше всего для той великой задачи, которую можно обозначить как выход из коммунистической системы, как преодоление последствий коммунизма. Его вклад в построение рыночных отношений в экономике, в развитие демократии в политических институтах — огромен.

Но значение Гайдара не сводимо только к этому.

Своим примером он доказал несколько вещей. Что политик в России, даже занимающий самые высокие должности, может быть не только интеллигентом, но и высокой пробы интеллектуалом, то есть ученым, экономистом, писателем, человеком, опирающимся на свои принципы и на свои знания. Что политик в России может быть честным и порядочным человеком. Что политик в России может быть демократом по убеждениям и по образу действий. Что политиком в России может быть тот, кто умеет заглянуть в будущее, а не исходить только из сиюминутных тактических целей и задач.

Гайдар практически первым ввел в наш язык, в первую очередь в политический язык, понятие «кризиса» — до этого, как известно, все «кризисы» происходили где-то там, в далекой загранице. Он объяснил, что кризис возможен именно здесь и он неминуем. Одновременно он ввел понятие «реформы», но имея в виду не те реформы, которые для советского человека были в языке где-то наравне с «комплексом внеочередных мер» или «постановлением ЦК КПСС», то есть вообще не имели отношения к реальной жизни, никак ее не меняли. Нет, реформы в понимании Гайдара — это были те вещи, которые как раз в корне меняли нашу жизнь. И благодаря ему мы поняли это.

И теперь мы понимаем, благодаря Гайдару, что у любого кризиса, как бы он ни был страшен, безмерен, отчаянно безнадежен, всегда есть край, есть выход, есть коридор надежды — то есть то, что он и называл «реформами».

Гайдар, выйдя из революционного прошлого своих великих дедов,

вообще из советского прошлого, дал нам пример того, что можно не дать утащить себя назад этому прошлому, не дать затянуть себя в историческую воронку вечных повторений, как бы тяжело это прошлое ни было.

Гайдар дал нам пример того (не он один, конечно, но в первую очередь, наверное, именно он), что можно оставаться во власти обычным, простым человеком. То есть что власть, в отличие от типичного понимания российского интеллигента, — это не дьявол и не бог. С ней можно просто взаимодействовать для пользы людей.

Ну и, наконец, Гайдар показал нам пример служения той идее, от которой ни на шаг, ни разу не отступил. Этой идеей было народное благо. Старинная, демократическая, можно сказать, народническая идея. Но она была для него кровной.

Гайдар, во всяком случае пока, не понят большинством современников и соотечественников. С одной стороны, его эпоха новым поколениям кажется далеким прошлым, а жизнь в обстоятельствах рыночной экономики им представляется нормой. Большинство или не в курсе, что это достижение реформ Гайдара, или не связывает окружающую их действительность с тем, что сделал Егор в 1992 году и потом. Есть и такие, кому в принципе имя Егора Гайдара незнакомо.

С другой стороны, те, кто помнят обстоятельства времени и свои ощущения, не простили Гайдару того, что он сделал. А в вину иной раз ставят то, чего он не делал.

Социологический замер отношения граждан к гайдаровским реформам был сделан «Левада-Центром» в декабре 2015 года. К тому времени сильно упали показатели негативного отношения к реформам. Но, во-первых, за счет того, что выросло поколение, которое не знает, как к ним относиться, — затруднились с ответом 31 процент респондентов. И, во-вторых, доля плохо относящихся («скорее отрицательно» и «резко отрицательно») составляла впечатляющие 58 процентов. Совсем обескураживающий результат — в зоне позитивных оценок. Целиком положительно к реформам Гайдара относился 1 процент опрошенных, скорее положительно — 10 процентов. Более подробные исследования проводились до 2012 года, они показывали схожие результаты и динамику. Основные претензии — реформы были разрушительными, не учитывали интересы простых людей, реформаторы сами не знали, что делали, двигались без программы и вообще проводили их в собственных интересах.

В 2019 году опрос ВЦИОМа показал, что лишь 1 процент респондентов полагал, что реформы оказали положительное влияние на

экономику России. 44 процента и вовсе были убеждены, что реформаторы сознательно разрушали экономику. Лишь 15 процентов соглашались с тем, что реформы были необходимы, хотя и болезненны.

В личной и «общественной» биографии Гайдара, в его интеллектуальном наследии есть самые подробные ответы на все эти претензии и вопросы. Если, конечно, по-настоящему хотеть получить ответы.

В дни, когда мы заканчивали работу над этой книгой, в социальной сети (не будем ее рекламировать, она и так всем известна) один неплохой человек написал о Гайдаре, что он не был прозорливым человеком, потому что если бы он был прозорливым, он бы предвидел союз «либералов» с «чекистами», союз, направленный «против нас». Есть такая точка зрения: мол, Гайдар и в этом виноват.

Можно, однако, привести список тех, кто так и не стал бенефициаром этого союза.

Борис Немцов (застрелен в 2015 году).

Егор Гайдар (по всей видимости, отравлен в 2006-м, умер в 2009-м).

Михаил Ходорковский (арестован в 2003-м, посажен в тюрьму на десять лет).

Алексей Улюкаев (обвинен во взятке, обвинение отрицает, находится в тюрьме).

Никита Белых (обвинен во взятке, обвинение отрицает, находится в тюрьме).

Михаил Маневич (застрелен в 1997-м).

Юрий Щекочихин (журналист, депутат Думы от партии «Яблоко», по всей видимости, отравлен, умер в 2003-м).

Галина Старовойтова (демократ 90-х, застрелена в 1998-м).

Сергей Юшенков (один из основателей движения «Выбор России», демократ 90-х, застрелен в 2003-м).

Когда мы пишем эти строки, список по-прежнему открытый, и непонятно, кто станет следующим.

Но мы пишем и надеемся, что когда-нибудь он все же будет закрыт.

Да, мы живем в мире, построенном Гайдаром. Со всеми его компромиссами. И со всем его непробиваемым реализмом — пониманием того, что всего и сразу добиться невозможно, хотя надо быть всегда готовым к использованию «окон возможностей», даже если они больше напоминают «форточки».

У заслуженно популярных ученых — экономиста Дарона Аджемоглу и

политолога Джеймса Робинсона — есть книга, в чем-то напоминающая «Долгое время» Гайдара; в русском переводе она называется «Почему одни нации богатые, а другие бедные». Их ключевая идея состоит в том, что нации с экстрактивными институтами, то есть работающими на правящую элиту и предполагающими чрезмерное влияние государства на все процессы, могут достичь успеха, но очень короткого и только за счет населения. А это означает провал государства и многолетние проблемы. Инклюзивные институты вовлекают через механизмы демократии и рынка силы общества в развитие страны. И тогда экономический рост оказывается долговременным и устойчивым. Так вот Егор Гайдар строил в стране инклюзивные институты. На их основе стал возможен рост, стала возможной — пусть и на исторически короткое время — реализация прав и свобод человека и гражданина, зафиксированных во второй главе российской Конституции 1993 года. Часть институтов была уничтожена, часть — превратилась в институты имитационные. Но пример и прецедент Гайдар создал.

И этот пример — при всем трагизме его биографии — оптимистический. Демократия в России, как он написал, «и возможна, и неизбежна».

И мы, вместе со своим героем, надеемся на это — да, возможна и неизбежна.

По крайней мере, Гайдар в это действительно верил.

Основные даты жизни и деятельности Е. Т. Гайдара

1956, 19 марта — родился в Москве в семье журналиста, писателя, военного корреспондента газеты «Правда», контр-адмирала Тимура Аркадьевича Гайдара и историка Ариадны Павловны Бажовой. Дед по отцу — писатель Аркадий Гайдар, дед по материнской линии — писатель Павел Бажов. Бабушка Лия Соломянская — первая жена Аркадия Гайдара.

1962–1964 — жил с родителями на Кубе, стал свидетелем Карибского кризиса.

1966–1970 — жил с родителями в Югославии.

1973 — окончил с золотой медалью школу № 152, поступил на экономический факультет МГУ.

1978 — окончил университет с красным дипломом и поступил в аспирантуру экономфака МГУ.

1979 — в браке с Ириной Мишиной родился сын Петр Гайдар.

1980 — защитил диссертацию «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)»; поступил на работу во Всесоюзный НИИ системных исследований (ВНИИСИ ГКНТ и АН СССР); ключевой сотрудник Лаборатории № 12, изучающей в том числе опыт реформ в социалистических странах.

1980–1983 — формирование полуподпольного кружка экономистов в Ленинграде вокруг доцента Ленинградского инженерно-экономического института Анатолия Чубайса.

1982 — рождение дочери Марии Гайдар.

1983 — знакомство Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Начало формирования «московско-ленинградской школы» молодых экономистов.

1984 — начало работы экономистов под началом Станислава Шаталина над документами для Комиссии Политбюро по совершенствованию управления.

1985 — работа над экономическими программами в составе рабочих групп при комиссии при ЦК КПСС, в том числе для Михаила Горбачева. Развод с Ириной Мишиной.

1986 — переход на работу к Александру Анчишкину в Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (ИЭПНТП АН СССР); женитьба на подруге детства, дочери писателя Аркадия

Стругацкого Марии Стругацкой. На спортбазе Ленинградского финансово-экономического института «Змеиная горка» проходит первый большой открытый научный семинар будущей команды реформаторов.

1987 — переход на работу в журнал «Коммунист» в качестве редактора отдела экономики; масштабный семинар экономистов, в том числе групп Гайдара и Чубайса, в «Лосево» под Ленинградом. Основан клуб «Перестройка» (в Москве и Ленинграде).

1988–1990 — нашумевшие статьи Гайдара против мегаломанических нефтегазовых проектов, в защиту артели «Печора», с разбором затратных механизмов советской экономики (совместно с Отто Лацисом и Виктором Ярошенко). Записка Михаилу Горбачеву о дефиците советского бюджета и нерациональных расходах; участие в рабочих группах по подготовке экономических программ Совета министров СССР; участие в семинарах экономистов-реформаторов на Ладого.

1989 — защита докторской диссертации «Экономическая политика и хозяйственная реформа. Проблемы взаимосвязи».

1990 — рождение сына Павла.

Переход в газету «Правда» в качестве редактора по отделу экономики, члена редколлегии.

Формирование по предложению Абела Аганбегяна Института хозяйственного механизма в структуре Академии народного хозяйства; Гайдар становится директором института.

1991 — переименование научной структуры в Институт экономической политики; знакомство Гайдара с близким соратником Бориса Ельцина Геннадием Бурбулисом во время августовского путча.

Сентябрь — формирование под руководством Гайдара рабочей группы на госдаче № 15 в поселке Совмина РСФСР «Архангельское». Подготовка концепции радикальных экономических реформ.

Октябрь — первая встреча с Борисом Ельциным, объявление президентом России начала реформ.

Ноябрь — Ельцин становится главой правительства, Гайдар — вице-премьером по экономике и финансам, представители его команды назначаются на различные должности в кабинете министров.

1992, январь — либерализация цен, внешней торговли, объявление свободы торговли, «малая» приватизация.

Март — назначен первым заместителем председателя правительства.

Апрель — серьезный конфликт с Верховным Советом, заявление об отставке правительства, которая не была принята президентом.

Май — июль — первые отставки соратников, компромиссы с

Верховным Советом.

Июнь — назначен и. о. председателя правительства.

Август — сентябрь — новая волна конфликтов, ужесточение реформаторской стабилизационной политики; начало ваучерной приватизации.

Осень — участие в урегулировании осетино-ингушского конфликта. Участие в урегулировании конфликта в Таджикистане.

Декабрь — отставка Гайдара и правительства реформ.

1993 — научная работа в качестве директора Института экономических проблем переходного периода.

Июнь — становится председателем предвыборного блока «Выбор России».

Сентябрь — возвращение в кабинет министров на пост первого вице-премьера по экономике.

3 октября — во время противостояния президента и Верховного Совета обращается к москвичам с призывом собраться у Моссовета с целью защиты демократии.

Участие в качестве руководителя блока «Выбор России» в выборах в Госдуму, блок занимает второе место на выборах по партийным спискам и первое — по количеству депутатских мест в новом парламенте.

1994, январь — отставка с поста первого вице-премьера.

Становится руководителем самой крупной парламентской фракции «Выбор России», в этом качестве продвигает ряд важных реформаторских законов.

Июнь — избран председателем партии «Демократический выбор России».

Конец года — резко выступает против войны в Чечне.

1995 — руководство фракцией в парламенте, работа в комитете по бюджету Госдумы; в июне участие в урегулировании ситуации в Буденновске; попытка объединения с партией «Яблоко» на выборах в Госдуму; становится вице-президентом Международного консервативного союза, основанного Маргарет Тэтчер.

Декабрь — поражение предвыборного блока Гайдара на выборах в Госдуму.

1996 — в начале года выступает против выдвижения Ельцина в президенты, попытки переговоров о выдвижении кандидатуры на пост главы государства с различными политическими деятелями, включая Бориса Немцова.

Весна — принято решение о поддержке «Демвыбором России» Бориса

Ельцина.

1997 — участие в подготовке программы преобразований правительства «младореформаторов» (где работают Борис Немцов и Анатолий Чубайс в качестве первых вице-премьеров).

1998 — активные консультации с правительством Сергея Кириенко и попытки урегулирования финансового кризиса, который заканчивается августовским дефолтом.

1999 — посещение с миротворческой миссией Белграда во время бомбардировок НАТО, встреча с папой Иоанном Павлом II в Ватикане. Участие в формировании коалиции «Правое дело», а затем избирательного блока «Союз правых сил». Становится депутатом Думы.

2000 — становится сопредседателем партии «Союз правых сил», участвует в работе Думы, разрабатывает новые Налоговый и Бюджетный кодексы, другие важнейшие нормативные акты (Гайдар — автор 13-процентной плоской шкалы подоходного налога).

2001–2003 — работа в Думе; посещение в 2003 году Ирака после свержения режима Саддама Хусейна; критика ареста Михаила Ходорковского; поражение «Союза правых сил» на выборах.

2004 — отставка с поста сопредседателя «Союза правых сил»; полемика с Михаилом Ходорковским о либерализме в России; работа над главной книгой — «Долгое время».

2005–2006 — выход двух самых известных книг Гайдара — «Долгое время» и «Гибель империи»; начало неформальной миссии по предотвращению размещения систем ПРО в Европе.

2006, ноябрь — отравление на конференции в Дублине, резкое ухудшение состояния здоровья.

2007–2009 — работа над книгами и статьями, продолжение неформальных международных миссий и консультирования правительства.

2009, 16 декабря — в своем доме в Дунине Егор Гайдар скончался в возрасте пятидесяти трех лет от отека легких, вызванного ишемией миокарда.

Библиография

Главные работы Егора Гайдара

Экономические реформы и иерархические структуры (1989)
Государство и эволюция (1994)
Дни поражений и побед (1996)
Аномалии экономического роста (1997)
Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории (2005)
Гибель империи. Уроки для современной России (2006)
Смуты и институты (2009)
Собрание сочинений. В 15 т. М.: Дело, 2012–2017.
Архив Егора Гайдара // <http://gaidar-arc.ru/>

Краткая библиография

- Бажов Павел. Письма. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.
- Бажова-Гайдар Ариадна. Дом на углу. Воспоминания о моем отце. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1970.
- Гайдар Аркадий. Собрание сочинений. М.: Детская литература, 1981.
- Гайдар Тимур. Поход «Невы» вокруг Европы. М.: Воениздат, 1955.
- Гайдар Тимур. Грозы на юге. М.: Воениздат, 1984.
- Гайдар Тимур. Из Гаваны по телефону. М.: Молодая гвардия, 1967.
- Гайдар Тимур. Голиков Аркадий из Арзамаса. М.: Политиздат, 1988.
- Гайдар Тимур. Под афганским небом. М.: Советская Россия, 1981.
- Камов Борис. Аркадий Гайдар. М.: Молодая гвардия, 1971 (серия «ЖЗЛ»).
- Камов Борис. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. М.: ФАИР, 2009.
- Камов Борис. Аркадий Гайдар без мифов. М.: Недра, 2017.
- Неизвестный Бажов. Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2003.
- Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- Алексиевич С. Время секонд-хэнд. М.: Время, 2014.
- Алешкин П., Васильев Ю. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. М.: Вече, 2012.
- Арон Л. Ельцин. Жизнь революционера. М.: Вагриус, 2006.
- Васильев С. Две жизни одного поколения. Записки экономиста эпохи трансформации. СПб.: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2015.
- Васильев С. Экономика и власть. Статьи, выступления, интервью. М.: Ad Marginem, МШПИ, 1998.
- Гилман М. Дефолт, которого могло не быть // https://domknig.com/read_159080-1
- Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Записки президента. Президентский марафон. М.: АСТ, 2006.
- Завада М., Куликов Ю. «Вчера наступило завтра...» Диалоги с Александром Шохиним // https://www.hse.ru/data/2012/02/29/1265834909/Book21_6.pdf
- Иванов А. Ебург. М.: АСТ, 2017.
- Исторический выбор достойного будущего России. 21 день работы

Правительства реформ. Сборник документов / Сост. Г. Э. Бурбулис, О. Г. Свиридова. М.: Центр «Стратегия», 2016.

Кастро Ф. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980.

Колесников А. Анатолий Чубайс. Биография. М.: АСТ, 2008.

Колесников А. Диалоги с Евгением Ясиным. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Коротич В. От первого лица. Харьков, 2000.

Кто есть что. Политическая Москва 1993. М.: Catallaxy, 1993.

Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001.

Лопатников Л. И. Перевал. К 15-летию рыночных реформ в России. М.; СПб.: Норма, 2006.

Мау В. В поисках планомерности: экономические дискуссии 1930—1960-х годов // Мау В. А. Сочинения. В 6 т. Т. 1. М.: Дело, 2010.

Мау В. Экономика и власть: Политическая история экономической реформы в России (1985–1994) // Мау В. А. Сочинения. В 6 т. Т. 2. М.: Дело, 2010.

Мау В., Стародубровская И. Великие революции — от Кромвеля до Путина // <https://www.iep.ru/ru/publikatcii/publication/1596.html>

Медведев Р. Борис Ельцин. М.: Время, 2011.

Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М., 2007.

Мороз О. Хроника либеральной революции. Как удалось отстоять реформы. М., 2005.

Москва: Архитектура советского модернизма. М.: GARAGE, 2016.

Москва — Питер: 25 лет реформ. Дискуссия с участием Сергея Васильева, Анатолия Чубайса, Сергея Игнатьева, Петра Авена, Вячеслава Широнина и Олега Ананьина, 10 ноября 2016 года // <http://25yearsago.gaidarfund.ru/articles/2729/tab1>

Музей 90-х. Территория свободы. М.: НЛО, 2016.

Назаров В., Родионов К. Мифы о 90-х. М.: Дело, 2013.

Немцов Б. Е. Записки бунтаря. М., 2007.

Немцов Б. Е. Провинциал в Москве. М.: Вагриус, 1999.

Нечаев А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Астрель, 2010.

Ослунд А. Россия: Рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.

Павловский Г. 1993. Элементы советского опыта. М.: Издательство Европы, 2014.

Письменная Е. По большому счету. История Центрального банка России. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2019.

- Пихоя Р. Москва, Кремль, власть. М.: Аст-Астрель, 2007.
- Приватизация по-русски / Под ред. А. Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999.
- Сарин М. Так говорил Егор Гайдар. Краткая история собственности и власти в мире и в России. СПб.: «Супер издательство», 2018.
- Сравнительный анализ стабилизационных программ 90-х годов / Р. Анчак и др.; под ред. С. Васильева. Московский центр Карнеги, М.: Гендальф, 2003.
- Травин Д. Железный ВинниПух и все, все, все. Либерализм и либералы в российских реформах. СПб.: Дело, 2004.
- Улюкаев А. В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М.: Стрелец, 1999.
- Уринсон Я. Промышленная революция и экономический рост. М.: Либеральная миссия, 2018.
- Уринсон Я. Экономические реформы: взгляд из министерства экономики. Препринт WP11/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Федоров Б. Десять безумных лет. Почему в России не состоялись реформы // <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/570495-boris-fedorov-10-bezumnyh-let-pochemu-v-rossii-ne-sostoyalis-reformy.html#book>
- Финансовая стабилизация в России / Под общ. ред. А. Н. Илларионова, Дж. Сакса. М.: Прогресс-Академия, 1995.
- Человек перемен. Исследование политической биографии Б. Н. Ельцина / Под ред. Р. Г. Пихоя. М.: Новый хронограф, 2011.
- Чудакова М. Егор. Книжка для смысленых читателей от десяти до шестнадцати лет. М.: Время, 2015.
- Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997) / Руководитель авторского коллектива Е. Т. Гайдар. М.: ИЭППП, 1998.
- Эпоха Ельцина. Сборник статей. М.: Вагриус, 2001.
- Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Дело, 2001.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛО, 2014.
- Ярошенко В. Егор Гайдар — человек надежды. Отрывки из неизданной книги // <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/victor-yaroshenko-yegor-gaidar-is-a-man-of-hope-excerpts-from-the-unpublished-book.html>
- Ясин Е. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
- Aslund Anders. Russia's Capitalist Revolution. Why Market Reform

Succeeded and Democracy Failed. Washington, DC, 2007.

Aslund Anders. Building Capitalism. The Transformation of the Former Soviet Bloc. Cambridge University Press, 2002.

Leeds Adam. Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow, 2016 (dissertation) // <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI10120676/>

Серия интервью Владимира Федорина с реформаторами // <https://www.forbes.ru/interview/46600-reformatory-prihodyat-k-vlasti-andrei-pechaev>

Серия интервью Бориса Долгина и других авторов на портале polit.ru к 20-летию семинара в «Змеинке» // <https://polit.ru/article/2006/10/03/vasilyev/>

Видеоархив Фонда Гайдара, интервью Дмитрия Иосифова и других.

Интервью режиссера Яна Визинберга для проекта «90-е». Кинокомпания LOREM IPSUM.

Интервью авторов с Ариадной Бажовой-Гайдар, Егором Гайдаром (2003, 2009), Леонидом Гозманом, Яковом Уринсоном, Анатолием Чубайсом, Михаилом Дмитриевым, Олегом Ананьиним, Вячеславом Широниным, Григорием Томчиным, Виктором Ярошенко, Игорем Кожуховским, Владимиром Мау, Никитой Масленниковым, Сергеем Васильевым, Леонидом Тодоровым, Михаилом Слободинским, Евгением Ясиным, Ириной Ясиной, Андреем Максимовым, Петром Гайдаром.